

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсто
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевои
духовной Семинаріи.

1901 года, сентября 2-го.

Содержаніе: По поводу преобразованія средней школы.—Самообличеніе графа Л. Н. Толстого (по поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода 20—22 февр. с. г.) (продолженіе)—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣдываніи Слова Божія (продолженіе).

По поводу преобразованія средней школы.

Въ обществѣ и періодической печати уже много лѣтъ раздаются рѣзкіе голоса противъ нашей системы образованія. Въ послѣднее время эти голоса какъ бы слились въ одинъ вопль о ненормальной постановкѣ у насъ дѣла образованія и о необходимости немедленнаго и кореннаго преобразованія учебныхъ заведеній какъ среднихъ, такъ и высшихъ на новыхъ, отличныхъ отъ прежнихъ, началахъ. О недостаткахъ классическихъ гимназій, созданныхъ покойнымъ министромъ Нар. Просв. гр. Д. Толстымъ и просуществовавшихъ уже тридцать лѣтъ, равно о желательномъ характерѣ новой средней школы, долженствующей замѣнить собою современныя гимназіи и реальныя училища, заговорили всѣ и заговорили такъ

рѣшительно, какъ будто вся Россія оказалась на краю гибели. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, были высказаны самыя разнообразныя, до противоположности несходныя, сужденія. Въ одномъ только всѣ оказались солидарными и настойчивыми,—именно въ признаніи того, что все зло Толстовской гимназіи заключается въ увлеченіи классицизмомъ до полного пренебреженія всѣмъ тѣмъ, что такъ необходимо для послѣдующей жизни и дѣятельности учащихся, а также въ нѣкоторой неправоиспособности современныхъ наставниковъ и воспитателей юношества. Въ цѣломъ рядѣ филиппикъ, болѣе или менѣе блестящихъ, повременная печать, повидимому, доказала совершенную непригодность и бесполезность изученія въ гимназіяхъ нашимъ молодымъ поколѣніемъ античной культуры: по крайней мѣрѣ голосъ печати былъ принятъ подлежащею властью, какъ выраженіе мнѣній большинства русскихъ людей, и въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, съ Высочайшаго соизволенія, при Министерствѣ Н. Пр. была организована комиссія по преобразованію средней школы. Комиссія эта энергично принялась за работу и въ нѣсколько недѣль составила подробный проектъ преобразованія средней школы, который уже утвержденъ Государемъ Императоромъ и переданъ министерствомъ попечителямъ учебныхъ округовъ для постепеннаго осуществленія, начиная съ нынѣшняго учебнаго года. Въ проектѣ прежде всего указываютъ „основныя положенія устройства общеобразовательной средней школы“, на которыхъ мы, главнымъ образомъ, и остановимся.

Положеніе первое говоритъ: „правительственная общеобразовательная школа должна быть единою, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода“, а два примѣчанія къ нему разъясняютъ, что отступленія отъ общаго типа возможны только для нѣкоторыхъ частныхъ школъ подъ условіемъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на то разрѣшенія министра Н. Пр. Это положеніе соединяетъ классическія гимназіи и реальныя училища въ одно среднее учебное заведеніе. Относительно тѣхъ благихъ послѣдствій, какія будетъ

нѣтъ для жизни уравненіе въ учебныхъ программахъ реальныхъ уч. и классическихъ гимназій, конечно не можетъ быть двухъ мнѣній. Толстовская система средняго образованія была между прочимъ и тотъ существенный недостатокъ, что заставляла родителей опредѣлять судьбу своихъ дѣтей прежде, чѣмъ могли обнаружиться ихъ спеціальныя способности: такимъ образомъ совершенно опускалось изъ виду, что средняя школа по самой идеѣ своей должна давать молодому вступающему поколѣнію такое образованіе, которое было бы одинаково пригодно для людей всякихъ профессій. Теперь же это неудобное и даже вредное дѣленіе средней школы на два типа уничтожается: нѣтъ болѣе классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а есть единая средняя школа.

Какія же особенности этой новой школы и какой характеръ хочетъ сообщить ей вводимая реформа? Хотя этотъ вопросъ и первостепеннаго свойства, однако опредѣленно можно будетъ на него отвѣтить только тогда, когда реформа принесетъ первые свои плоды, а пока приходится ограничиваться лишь нѣкоторыми соображеніями на основаніи слѣдующихъ положеній проекта. „Положеніе 2. Средняя школа имѣетъ своею задачею доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное общее среднее образованіе и въ то же время готовить въ высшія учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ сѣмъ, первые три класса средней школы должны имѣть законченный курсъ.—Примѣчаніе. Ученики, прошедшіе курсъ низшихъ школъ, приближающихся по своей программѣ къ курсу первыхъ трехъ классовъ средней школы, могутъ поступать въ IV классъ съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по предметамъ, не вошедшимъ въ программы этихъ школъ, а равно и по главнымъ (?) предметамъ.—Положеніе 3. Средняя школа имѣетъ семь классовъ съ годовымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ.—Положеніе 4. Первые три класса сред. шк. должны быть общими и обязательными для всѣхъ учениковъ. Въ нихъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, отечественная и всеобщая исторія и геогра-

фія, арифметика, естествовѣдѣніе, новыя языки, рисованіе, черченіе и чистописаніе.—Положеніе 5. Начиная съ IV кл., ученики сред. шк. дѣлятся на двѣ группы: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства, другіе же, взаи́мнѣ этихъ предметовъ, въ тѣ же часы изучаютъ латинскій языкъ. Общими для учениковъ той или другой группы служатъ слѣд. предметы: Законъ Божій, русскій яз. съ основными понятіями изъ логики, литература отечественная и всеобщая, законовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, французскій и нѣмецкій яз., математика, физика, космографія, исторія отечественная и всеобщая, географія и естествовѣдѣніе.—Положеніе 8. На воспитаніе учащейся молодежи и пріученіе ея къ школьной дисциплинѣ должно быть обращено особое вниманіе; вмѣстѣ съ симъ надлежитъ усилить преподаваніе гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, равно какъ ввести подвижныя игры, школьныя экскурсіи и прогулки, а гдѣ къ тому представится возможность, и ручной трудъ“.

Воспитаніе и образованіе составляютъ неотъемлемую задачу всякой правильно поставленной школы, начиная съ низшей и кончая высшей. Относительно послѣдней у многихъ можетъ возникнуть сомнѣніе: должна ли она преслѣдовать цѣли воспитанія и не будетъ ли это сопровождаться ущербомъ для цѣлей спеціально научныхъ. Но это сомнѣніе само собою разрѣшится, если мы напомнимъ ту, часто забываемую, истину, что наука вообще имѣетъ сильное вліяніе на внутренній складъ человѣка, а университетское преподаваніе ея еще не окрѣпшимъ юношамъ (при семилѣтнемъ курсѣ новая школа будетъ выпускать учениковъ съ правомъ поступленія въ университетъ въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ), въ смыслѣ воздѣйствія на ихъ внутренній міръ, въ особенности могущественно, чтобы не сказать—неотразимо; такъ что, гдѣ это преподаваніе не приведено въ согласіе съ воспитательными цѣлями средней школы, тамъ послѣдняя оказывается совершенно бессильной выполнить одну изъ самыхъ существен-

ныхъ своихъ задачъ. Цѣлью же воспитанія въ средней школѣ должно быть „не только проложеніе путей воспитаннику къ будущимъ успѣхамъ, не только созданіе изъ его ума совершеннаго орудія мысленія, какъ бы новаго станка, способнаго создавать самыя сложныя интеллектуальныя образцы; но прежде всего выработка въ немъ человѣчности и развитіе его характера“ (слова Ф. Адлера), или—выражаясь опредѣленнѣе—развитіе въ немъ правильныхъ, согласныхъ съ истиной и основнымъ міровоззрѣніемъ его народа, нравственныхъ убѣжденій и образованіе прочныхъ привычекъ къ осуществленію этихъ убѣжденій въ жизни. Но какъ это возможно, какими средствами новая школа будетъ пользоваться для достиженія этой цѣли? Къ сожалѣнію, въ положеніяхъ Высочайше утвержденного проекта новой школы мы не находимъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, но думаемъ, что составители проекта имѣли въ виду разрѣшить его особеннымъ подборомъ учебныхъ предметовъ, которые безъ всякаго сомнѣнія занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду школьныхъ средствъ нравственно-воспитательнаго воздѣйствія.

Классическая система образованія признана для цѣлей воспитанія столь же мало удовлетворительною, какъ и для цѣлей образованія. И дѣйствительно, выдвигая на первый планъ грамматическое изученіе греческаго и латинскаго языковъ, она не представляетъ никакого, цѣннаго въ воспитательномъ отношеніи, матеріала. Сама по себѣ античная культура можетъ дать очень много для образованія ума и воспитанія чувства и воли. Будучи плодомъ энергичнѣйшей работы гениальныхъ народовъ древняго міра—грековъ и римлянъ, она, какъ извѣстно, часто достигала такихъ высотъ, съ которыхъ открывались христіанскіе горизонты мысли и нравственно-практической дѣятельности. Потому-то древніе христіане не чуждались ея въ школѣ, но тщательно изучали, стараясь постигнуть умомъ мудрые пути, какими Божественный Логосъ приводилъ язычниковъ ко Христу. Назовемъ для примѣра всѣмъ извѣстныя имена Климента Александрійскаго,

Оригена, св. Іустина Мученика, свв. Василя В. и Григорія Богослова, а изъ позднѣйшихъ временъ—патр. Фотія. Для всѣхъ этихъ лицъ эллинизмъ безспорно былъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ ¹⁾ элементовъ образованія и воспитанія. Но въ нашихъ гимназіяхъ изученіе классической культуры поставлено такъ узко, что почти ограничивается одною сферою грамматики и синтаксиса древнихъ языковъ, такъ что ученики не видятъ и не чувствуютъ той сложной и во многихъ отношеніяхъ поучительной жизни, которою жилъ древній эллинъ или римлянинъ и которая нашла себѣ прекрасное выраженіе въ совершеннѣйшихъ формахъ ихъ языка. Отъ этого происходитъ зло, разрушающее всю систему классическаго образованія: сознаніе бесполезности одного грамматическаго изученія древнихъ языковъ, въ большей или меньшей степени присущее всѣмъ ученикамъ, съ одной стороны, убиваетъ въ нихъ интересъ къ занятіямъ вообще и черезъ это дѣлаетъ ихъ неспособными ни къ какому прогрессу, такъ какъ ихъ уже ничто не привлекаетъ и не удерживаетъ, а

¹⁾ Эллинизмъ нисколько не помѣшалъ однимъ изъ нихъ придти ко Христу, а другимъ утвердиться въ христіанской вѣрѣ, къ которой они принадлежали по рожденію. Поэтому намъ кажется, что нѣтъ основаній видѣть въ нашихъ христіанскихъ взглядахъ неустранимое препятствіе къ правильному и полному пониманію древнегреческой культуры. какъ это утверждаетъ г. Розановъ въ статьѣ „Эллинизмъ“ (Новое Время, № 9105). Розановъ слишкомъ преувеличиваетъ дѣло, когда говоритъ: „отрекитесь отъ Христа, и тогда вы поймете эллинизмъ, начнете изучать отъ эллинизма... Гете, „великій язычникъ“, пошатнулъ въ своемъ сердцѣ крестъ—и подъ нимъ, въ могилѣ, увидѣлъ древній міръ, его прельстившій, его восхитившій... Наши отцы по духу—Василій Блаженный. св. Сергій Радонежскій. Отрекитесь отъ нихъ и возьмите эллинизмъ. Не хотите? Ну тогда выпустите изъ рукъ древне-эллинское трапѣ“. Чтобы нѣсколько ослабить эти сильно выраженные мысли, напомнимъ извѣстное ученіе св. Іустина Мученика о Логосѣ, непрерывно открывавшемся язычникамъ въ томъ, что было у нихъ наилучшаго и что составляло предметъ ихъ сокровеннѣйшихъ желаній, а также мнѣніе Тертуліана о томъ, что во множествѣ типичнѣйшихъ явленіяхъ языческаго религіознаго сознанія нужно видѣть *testimonium animae naturaliter christianae*.

съ другой стороны — рождаетъ въ нихъ увѣренность, что школа существуетъ только для снабженія учениковъ аттестатами зрѣлости.

Чтобы устранить эти недостатки классической системы образованія, новая школа уничтожаетъ аттестаты зрѣлости, исключаетъ изъ своего курса древніе языки и на мѣсто ихъ, во главу средняго образованія, поставляетъ другіе предметы, изъ коихъ нѣкоторые впервые вводятся въ курсъ средней школы. Исходя изъ совершенно правильной мысли, что наше юношество должно получать такое среднее образование и воспитаніе, чтобы оно могло сознательно войти въ колею исторической жизни русскаго народа и съ любовью продолжать работу, надъ которою трудились тысячи поколѣній, руководствуемыхъ чувствомъ любви къ родинѣ и непогрѣшимыми указаніями національнаго генія, — новая школа къ числу главныхъ предметовъ обученія относитъ: русскій языкъ съ словесностью и логикою (30 уроковъ), математику (28 ур.), одинъ новый языкъ (21 ур.), исторію (19), географію съ отечествовѣдѣніемъ (15 ур.) и Законъ Божій (14 ур.). Эти предметы должны содѣйствовать какъ образованію ума воспитанниковъ, такъ въ особенности развитію въ нихъ чувства національнаго самосознанія и пріобрѣтенію такихъ свѣдѣній относительно прошлаго и настоящаго нашей родины, которыя существенно необходимы для пониманія нашего историческаго призванія и для защиты отъ враговъ нашего національнаго богатства—духовнаго и матеріальнаго. Этой же цѣли, но въ меньшей мѣрѣ, будетъ служить и изученіе законовѣдѣнія (4 ур.) и естествовѣдѣнія (9 ур.).

Если изученіе всѣхъ этихъ предметовъ будетъ поставлено правильно, согласно съ намѣреніями составителей проекта „единой средней школы“, то послѣдняя несомнѣнно будетъ выпускать молодыхъ людей съ опредѣленно сложившимися русскими убѣжденіями и трезвымъ взглядомъ на окружающую русскую дѣйствительность, а такіе люди много свѣта и добра внесутъ и въ свою личную жизнь и въ жизнь той среды,

гдѣ имъ суждено будетъ работать. Но если оно по-прежнему будетъ носить характеръ заучиванія учебниковъ для отвѣта, то мы сильно сомнѣваемся въ возможности достиженія новою школою намѣченныхъ цѣлей. Намъ бы хотѣлось сказать руководителямъ новой школы: не вливаютъ вина молодого въ мѣха ветхіе (Мѡ. 9, 17)! Чтобы сообщить новой системѣ образованія и воспитанія духъ жизни, вмѣсто той мертвенности, какая господствовала въ классической гимназій, необходимо окружить ее особенною атмосферою, въ которой все безпрепятственно развивалось бы, совершенствовалось. Эту атмосферу могутъ создать только живые люди, руководители и воспитатели молодого поколѣнія. Если лица, призванныя осуществить проектъ новой средней школы, сумѣютъ возбудить въ ученикахъ уваженіе къ себѣ, если они приступятъ къ дѣлу съ твердою вѣрою въ его святость и будутъ съ непреклонною волею стремиться къ его конечнымъ цѣлямъ, то сразу же обезпечать великому начинанію блестящіе успѣхи въ недалекомъ будущемъ. „Истинно говорю вамъ: если будете имѣть вѣру и не усумнитесь и если и горѣ сей скажете: поднимись и свергнись въ море,—будетъ“. Вѣра, какъ извѣстно, всегда сопровождается энтузіазмомъ, а энтузіазмъ заразителенъ. Сердце сильнѣе говоритъ сердцу, чѣмъ умъ уму. Разумъ самъ себѣ мало оказываетъ вліянія, въ особенности на дѣтей, если ему не помогаетъ чувство. Сердце и чувство совѣмъ были изгнаны изъ старой школы; новая же школа хочетъ воспользоваться ихъ могущественнымъ вліяніемъ. Вводя подвижныя игры, школьныя экскурсіи и прогулки, проектъ новой школы этимъ указываетъ разумный путь для того, чтобы руководители школы могли стать въ сердечныя отношенія съ учениками и пріобрѣли ихъ довѣріе, столь необходимое для цѣлей образовательныхъ и воспитательныхъ. Когда послѣднее будетъ достигнуто въ достаточной мѣрѣ, тогда можно будетъ сказать, что открытъ главный источникъ силы въ школѣ, приведенъ въ дѣйствіе центральный органъ, разсылающій свои оживляющіе потоки по всему организму. Пока это дѣло будущаго

и для успѣшнаго осуществленія его потребуется не мало труда и энергій. Но мы имѣемъ смѣлость думать и надѣяться, что многочисленные работники на поприщѣ образованія и воспитанія нашего юношества не откажутся отъ новыхъ трудовъ, особенно когда на эти труды ихъ зоветъ голосъ Государя Императора, сдѣлавшаго на докладѣ г. министра Н. Пр. о преобразованіи средней школы такую отмѣтку:

„Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно—правственнаго воспитанія нашего юношества“.

Н. Гр.

Самообличеніе графа Л. Н. Толстого ¹⁾.

*(По поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода отъ
20—22 февр. с. г.).*

Но быть можетъ самъ гр. Толстой лично не повиненъ въ распространеніи своихъ сочиненій и своего ученія? Такъ онъ и смотритъ на самого себя, ссылаясь на то, что онъ самъ не заботился о распространеніи своего ученія и объ изданіи своихъ сочиненій, которыя онъ будто бы писалъ для самого себя. Трудно понять, какъ можетъ серьезный писатель прибѣгать къ оправданію себя столь явнымъ софизмомъ. Вѣдь нельзя же допустить, чтобы онъ писалъ свои сочиненія, особенно полемическіе, безъ всякой мысли объ ихъ обращеніи въ обществѣ? Нельзя же принимать въ серьезъ увѣреніе писателя, что его сочиненія, писанныя имъ только для себя, могли появиться и распространиться въ обществѣ безъ его вѣдома! Допустимъ, что кто либо изъ его послѣдователей былъ настолько нечестенъ по отношенію къ своему учителю, что данное ему для прочтенія какое-либо сочиненіе взялъ и

¹⁾ См. № 35 за 1901 г.

издалъ безъ согласія автора и даже зная, что онъ не предназначаетъ его къ выпуску въ свѣтъ. Допустимъ, что подобный случай имѣлъ бы мѣсто хотя одинъ разъ; но могло ли такъ продолжаться и дальше съ другими его сочиненіями? не долженъ ли былъ бы самъ графъ Толстой на будущее время оградить себя отъ этого или по крайней мѣрѣ печатно заявить во всеобщее свѣдѣніе о томъ, что онъ непричастенъ къ издательству своихъ религіозныхъ сочиненій, писанныхъ имъ только для себя? Но вѣдь ничего подобнаго до сихъ поръ не было сдѣлано! Графъ продолжалъ излагать *для себя* плодъ своихъ богословско-философскихъ занятій въ различныхъ сочиненіяхъ, не отказываясь въ нихъ своимъ друзьямъ, которые какъ бы пользуясь авторскимъ *consensu facito*, спокойно издавали ихъ подпольнымъ образомъ. Какъ угодно, но на нашъ взглядъ такое положеніе рѣшительно невозможно и нелѣпо и мы поэтому не можемъ думать, что Л. Толстой совершенно невиновенъ въ распространеніи своихъ сочиненій.

Наконецъ, почему же начали обращаться къ графу Толстому съ религіозными запросами, почему начали освѣдомляться о его взглядахъ по существенные вопросы жизни? Почему появились эти паломничества къ яснополянскому учителю? Не потому ли, что сочиненія его, конечно, имъ изданныя, разнесли уже всюду его идеи и повсюду вызвали умственное броженіе, сомнѣнія и недоумѣнія, требующія разрѣшенія? Если самъ гр. Толстой смѣло не ходилъ въ народъ, не искалъ въ немъ адептовъ и говорилъ о своемъ ученіи только тогда, когда его объ этомъ спрашивали, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что инициатива всего толстовскаго движенія принадлежитъ ему, ибо оно вызвано его сочиненіями, выпускаемыми въ свѣтъ, хотя бы въ литографированномъ видѣ, не безъ его вѣдома, а въ началѣ и имъ самимъ.

Если всѣ предыдущія возраженія гр. Толстого противъ синодальнаго постановленія отъ 22 февр. основываются хотя на софистическихъ изворотахъ, то его обличеніе Синода яко бы въ явной неправдѣ, выразившейся въ заявленіи о томъ,

что были предпринимаемы попытки къ вразумленію его, не имѣть уже и мнимой логической обоснованности, но представляетъ явно и, нужно думать, намѣренно ложное утвержденіе; ибо извѣстны неоднократныя попытки этого рода, предпринимавшіяся разными духовными лицами, какъ по собственному побужденію, такъ и по порученію своего начальства.

Такъ извѣстно, что Тульскій протоіерей о. Ивановъ входилъ въ сношенія и бесѣды съ гр. Толстымъ по поводу его религіознаго ученія. Другой Тульскій священникъ многократно посѣщалъ графа и бесѣдовалъ съ нимъ о его ученіи, при чемъ послѣдній „не разъ являлся безотвѣтнымъ противъ правды евангельской“ (Мис. Обоз. іюнь, стр. 802). Покойный Тульскій архіепископъ Никандръ, крайне огорчавшійся лжеумствованіями Толстого, посылалъ къ нему ректора семинаріи прот. Романова для увѣщанія. Высокопреосв. митрополитъ Московскій Владиміръ въ прошломъ году поручалъ отправиться къ графу для увѣщанія бывшему законоучителю его дѣтей о. Соловьеву, при чемъ самъ графъ Толстой подъ разными предлогами уклонялся отъ свиданій и бесѣды съ пастыремъ, хотя онъ троекратно его посѣщалъ. Обо всемъ этомъ гр. Толстой не могъ не знать и тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно отрицаетъ факты подобнаго рода. „Ничего подобнаго, говоритъ онъ, никогда не было“. Нельзя думать, чтобы такое категорическое заявленіе могло произойти вслѣдствіе естественной забывчивости, или отъ того, что графъ понимаетъ „попытки Церкви къ своему вразумленію“ въ какомъ-либо особенномъ смыслѣ, напр. какъ исходящія непосредственно отъ Св. Синода или состоящія въ публичномъ увѣщаніи его въ храмѣ и т. п. Самая рѣшительность выраженія въ столь важномъ документѣ не допускаетъ ни того, ни другого предположенія. Не есть ли это намѣренно высказанная неправда, цѣль которой, однако, для насъ непонятна, ибо если въ дѣйствительности не было предпринимаемо никакихъ попытокъ къ возвращенію гр. Толстого въ Церковь, то это нисколько не ослабляетъ законности и справедливости синодальнаго постановленія и

не уменьшаетъ виновности самого Толстого, такъ какъ онъ не простой человѣкъ, заблуждающійся по недостатку просвѣщенія и разумѣнія, но гордо и самонадѣянно заявляющій, что онъ критически, съ помощью научныхъ пріемовъ и средствъ, провѣрилъ и испыталъ ученіе Церкви; слѣдовательно, какъ бы исключаящій по отношенію къ себѣ чье бы то ни было наставленіе или вразумленіе? Если бы онъ даже забылъ о бывшихъ у него бесѣдахъ съ приходившими къ нему пастырями о вѣрѣ, то отъ такого рѣшительнаго обвиненія Св. Синода въ неправдѣ его должна бы удержать одна мысль, что Св. Синодъ въ своемъ столь важномъ постановленіи, обращенномъ ко всей Русской Церкви, не могъ же ссылаться на никогда не бывалые факты. Слѣдуетъ ожидать, что самъ гр. Толстой разъяснитъ какъ нибудь это недоразумѣніе и устранить то непріятное и прискорбное для его добраго имени, но въ настоящее время пока единственно возможное, предположеніе, что онъ намѣренно сказалъ неправду о томъ, будто бы никакихъ попытокъ къ его вразумленію со стороны Церкви не было предпринимаемо.

Все возраженія графа Толстого противъ Синодальнаго постановленія объ отпаденіи его отъ Церкви такъ несостоятельны, такъ софистически построены, что нисколько не ослабляютъ значенія и силы Синодальнаго постановленія въ глазахъ безпристрастныхъ людей, а скорѣе подтверждаютъ его законность и справедливость. Вотъ почему этотъ отвѣтъ Толстого не только не служитъ къ его защитѣ, но даже приводитъ въ смущеніе его приверженцевъ. „Даже слѣпые почитатели яснополянскаго лжеучителя, говорятъ Миссіонер. Обзорѣніе, готовы не вѣрить, чтобы авторомъ этого „отвѣта“ былъ самъ Левъ Николаевичъ и возражаютъ: „да не подвохъ ли это клерикаловъ, желающихъ во что бы то ни стало оправдать свой поступокъ противъ великаго писателя земли русской?“ Но если принять во вниманіе то вѣропониманіе, которое представилъ онъ въ своей новой исповѣди, то нужно сказать, что эти нападки на постановленіе Синода, эти усилія

его дискредитировать это постановление и обличить даже въ явной неправдѣ совершенно бесполезны и излишни именно потому, что онъ самъ вопль и рѣшительно признаетъ свое отпаденіе отъ Церкви, свое отрицаніе существеннѣйшихъ христіанскихъ вѣрованій. „Я дѣйствительно, говоритъ онъ, отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ“... „То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню о паденіи перваго человѣка, исторію о Богѣ, родившемся отъ дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческой, то это совершенно справедливо“... „Еще сказано: „не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія“. Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами, и рай—постояннаго блаженства,—совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда признаю до такой степени, что стоя, по своимъ годамъ, на краю гроба, часто долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти т. е. рожденія къ новой жизни“... „Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно справедливо. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія“...

Естественно спросить послѣ такихъ откровенныхъ признаній Толстого: зачѣмъ же понадобилось ему еще возражать противъ законности самого постановленія отъ 22 февраля? Зачѣмъ понадобилось ему изливать свое раздраженіе и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ по поводу этого, лично не оскорбляющаго его и проникнутаго высокимъ христіанскимъ духомъ, акта? Трудно отвѣтить на эти вопросы; да и самъ графъ Толстой, вѣроятно, не могъ бы дать на нихъ болѣе

разумнаго и основательнаго отвѣта, кромѣ указанія на свое негодованіе за отлученіе и на желаніе произвести въ обществѣ сенсацію.

Переходя къ изложенію своихъ религіозныхъ воззрѣній, гр. Толстой дѣлаетъ такое предупрежденіе: „Я дѣйствительно не вѣрю въ то, во что они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое, во что они хотятъ увѣрить, что я не вѣрю“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ дѣйствительно хочетъ показать, что онъ вовсе не отрицаетъ Бога, вѣчной жизни и т. п., вопреки увѣренію въ этомъ синодальнаго постановленія. Но тутъ мы опять встрѣчаемся съ обычнымъ приѣмомъ софистическаго изложенія, которымъ такъ часто пользуется писатель „отвѣта“. Онъ беретъ однѣ только слова, однѣ формы выраженія и ставитъ ихъ на мѣсто содержанія, на мѣсто понятій, употребляя термины религіозно-христіанскіе, онъ вкладываетъ въ нихъ свое, а не христіанское содержаніе. Вообще въ его ученіи отъ всего христіанства только лишь и остались одни слова или формы выраженія, заимствованныя изъ Евангелія; христіанскія же понятія или совершенно упразднены или искажены измышленіями его собственнаго ума. Ясное дѣло, что когда говорятъ объ отрицаніи Толстымъ Бога и Христа Спасителя, загробной жизни и мздовоздаянія, то разумѣютъ не слова: Богъ, Спаситель, вѣчная жизнь, а тѣ вѣковыя христіанскія вѣрованія, которыя обозначаются этими словами. Въ такомъ же родѣ и возраженіе противъ заявленія Св. Синода, что Толстой отрекся отъ Православной Церкви вслѣдствіе дерзкаго возстанія на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе. „Я отрекся отъ нея (т. е. отъ Церкви), говоритъ онъ, не потому, что я возсталъ на Господа, а напротивъ только потому, что всѣми силами желалъ служить Ему“. Гр. Толстой благоразумно опускаетъ слова постановленія: „и на Христа Его и на святое Его достояніе“, ибо рѣшительно невозможно уже ему отрицать свое столь рѣзко обнаружившееся враждебное отношеніе къ Церкви. За неимѣніемъ лучшихъ аргументовъ, онъ опять

ограничивается только игрою словъ, упуская изъ вниманія понятія. Въ самомъ дѣлѣ, возставать на истинное представленіе о Богѣ, ставить на мѣсто Живаго Личнаго Бога безличное начало, называя это начало Богомъ, какъ дѣлаетъ Толстой, не значить ли возставать на Бога? Не значить ли это отрицать Его?

Въ чемъ же состоитъ вѣропониманіе гр. Толстого, какъ онъ выразилъ его въ своемъ отвѣтѣ. „Вѣрю я, говорить онъ здѣсь, въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, Котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога ясна, понятна, всего выражена въ ученіи человѣка Христа, Котораго понимать Богомъ и Которому молиться—считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога; воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки... Вѣрю, что для преуспѣванія въ любви есть только одно средство: молитва,—не молитва общественная, въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѡ. VI, 5—13); а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога“. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ самого Толстого, онъ не признаетъ Личнаго Бога, хотя и называетъ его Духомъ, Любовью. По его ученію, Богъ есть начало всего или Разумъ въ томъ же смыслѣ, какъ понимаются эти термины въ пантеистической философіи т. е. въ смыслѣ отрицанія въ Богѣ Личнаго бытія и жизни. Отрицаніе Личнаго Бога совершенно лишаетъ ученіе Толстого религіознаго характера. Религія, въ ея общечеловѣческомъ пониманіи, не мыслима и не бываетъ въ дѣйствительности безъ представленія о Личномъ Богѣ; ибо во всѣхъ религіяхъ Божество мыслится, какъ Существо личное, живое и дѣятель-

ное. Поэтому учение Толстого не только не может быть названо христіанскимъ, но и религіей въ общемъ смыслѣ. Это просто рядъ сухихъ раціональныхъ положеній, въ основѣ своей притомъ ложныхъ. Изъ этого основного понятія толстовскаго ученія о Богѣ, какъ безличной сущности или началѣ, вытекаютъ и другія его такъ называемыя вѣрованія.

Если Богъ, по ученію Толстого, есть безличное начало, то и отношеніе къ Нему человѣка понимается уже не въ смыслѣ общенія съ Нимъ, а только въ видѣ благоустройства жизни на началахъ братской любви и согласія. Средствомъ для увеличенія этой любви выставляется молитва; но не въ христіанскомъ и общечеловѣческомъ ея смыслѣ т. е. какъ выраженіе личнаго обращенія человѣка къ Божеству, а какъ „возстановленіе и укрѣпленіе въ осознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога“. Молиться т. е. обращаться лично всѣмъ существомъ къ безличному началу нельзя; остается одно умственное размышленіе о своей зависимости отъ этого начала, остается одно сухое, лишенное жизненной энергии и несогрѣтое чувствомъ, созерцаніе: такова толстовская молитва.

Такимъ образомъ то, что называется *религіозной жизнью*, въ ученіи Толстого совершенно отсутствуетъ.

Ничего новаго о своихъ вѣрованіяхъ гр. Толстой теперь не сказалъ и нѣтъ нужды, поэтому, подробно разбирать это ученіе, такъ какъ оно уже раньше основательно разобрано и опровергнуто богословской критикой. Ограничимся указаніемъ на коренное противорѣчіе въ этихъ вѣрованіяхъ.

Толстой называетъ Бога Духомъ и Любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ Личность Божества и Троичность Лицъ. Но невозможно говорить о духѣ безличномъ, невозможно усвоить безличному началу любовь, волю: это несообразно съ самыми основными понятіями нашего разума. Понятіе же о Богѣ, какъ Существомъ Личномъ и Совершеннѣйшей Любви, необходимо приводитъ къ признанію и св. Троицы; ибо только въ Богѣ Троичномъ эта Совершеннѣйшая Любовь можетъ

быть реальностью, а не одной только идеей или возможностью. Одно признаніе Бога Живымъ и Личнымъ, но абсолютно единымъ т. е. съ отрицаніемъ Его Троичности Лиць низводитъ Божество до слѣпой силы рока, дѣйствующаго съ необходимостью и лишеннаго всякихъ нравственныхъ свойствъ, какъ это мы и видимъ напр. въ магометанствѣ. Только при вѣрѣ въ Личнаго Бога, Единаго во св. Троицѣ, получаютъ для насъ смыслъ и постигаются, если не умомъ, то сердечной вѣрой, и всѣ другія христіанскія истины: объ искупленіи, о возрожденіи, о вѣчной жизни и мздовоздаяніи и проч.; только при этой вѣрѣ въ Бога возможны также откровенія, молитвы и таинства, возможна не религіозная философія или созерцаніе, а религіозная жизнь, жизнь въ Богѣ всѣмъ существомъ чловѣка, который есть твореніе, есть чадо Божіе. Ничего подобнаго не даетъ и не допускаетъ ученіе нашего новоявленнаго религіознаго учителя: оно убиваетъ не только всякое естественное проявленіе религіозныхъ потребностей, но въ существѣ дѣла и нравственныя отношенія людей между собою. Усиленно настаивая на любви, какъ основѣ жизни людей, Толстой не устанавливаетъ и для братолюбія надлежащей основы вслѣдствіе отрицанія Личнаго Бога. Какъ въ Богѣ безличномъ Любовь не есть реальное свойство, не есть живое обнаруженіе Его Существа и жизни, такъ и въ людяхъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, она дѣлается однимъ пустымъ звукомъ, она беспочвенна и мертва.

Таковъ общій характеръ толстовской религіи.

(Окончаніе будетъ).

В. П—скій.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾.

Обличеніе раскола и сектанства. Собесѣдованія полемическаго характера должны имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть раскольники и сектанты. Цѣль собесѣдованій по обличенію лжеученій отступниковъ отъ Церкви должна состоять въ предупрежденіи возможности уклоненія православныхъ въ расколъ или сектанство, въ положеніи преградъ къ большому распространенію лжеученій. Въ собесѣдованіяхъ по обличенію раскола и сектанства священникъ долженъ выяснитъ, что ереси и расколы въ Церкви Христовой не есть явленіе временное и случайное, но неизбѣжное и предуказанное Господомъ Иисусомъ Христомъ и Его апостолами, и что православные христіане, видя размноженіе лжеученій, не должны отъ этого смущаться и колебаться въ вѣрѣ, но должны относиться къ заблудшимъ съ состраданіемъ и любовію, чтобы привлечь ихъ въ лоно спасающей Церкви. Приступая къ обличенію заблужденій, священникъ долженъ предварительно сообщить слушателямъ исторію возникновенія раскола или извѣстной секты и выяснитъ, что ученіе отступниковъ отъ Церкви имѣетъ происхожденіе не божественное, а всецѣло зависитъ отъ заблуждающагося ума и испорченнаго сердца чловѣка. Раскрывать же неправоту и лживость на собесѣдованіяхъ священникъ долженъ лишь тѣхъ только сектъ и толковъ, которые имѣютъ мѣсто въ его приходѣ, и долженъ преимущественно касаться лишь тѣхъ пунктовъ ихъ вѣро-и право-ученія, въ которыхъ они наиболѣе удаляются отъ ученія Церкви. При этомъ онъ долженъ также выяснитъ предъ слушателями, насколько возможно, и тѣ вредныя, гибельныя въ нравственномъ отношеніи послѣдствія, къ которымъ ведутъ сектантскія и раскольническія заблужденія.

¹⁾ См. № 34 за 1901 г.

Православное богослуженіе.—Въ виду того, что для большинства народа храмъ Божій и богослуженіе всегда были единственнымъ источникомъ религіозно-правственнаго назиданія, собесѣдованія о церковномъ богослуженіи должны имѣть весьма важное значеніе для народа. Цѣлью собесѣдованій литургическаго содержанія должно служить то, чтобы народъ, присутствуя въ храмѣ за богослуженіями, могъ понимать наиболѣе важные ихъ моменты и возносить свои молитвы къ престолу Отца Небеснаго въ духѣ Церкви, „отложивъ всякое житейское попеченіе“. Задача священника—вести народъ въ духъ, во внутреннее содержаніе богослуженій, чтобы мысль присутствующихъ въ храмѣ нашла къ небесамъ: чтобы все въ храмѣ—и предметы, и дѣйствія—напоминало имъ о Богѣ и горнемъ мірѣ. Въ виду этого, священникъ не долженъ безплодно для религіознаго чувства преподавать народу послѣдовательный порядокъ того или иного богослуженія, не долженъ также при объясненіи богослуженій вдаваться въ исторію и археологію. Бесѣдуя съ народомъ о храмѣ и богослуженіяхъ, священникъ долженъ выяснять слушателямъ нравственно-воспитательное значеніе храма и совершающихся въ немъ дѣйствій и обрядовъ, выяснять имъ духъ церковныхъ молитвъ, указавъ главные предметы послѣднихъ.

При веденіи собесѣдованій по церковному богослуженію незамѣнимымъ пособіемъ для священника можетъ служить книга свящ. І. Бѣлюстина: „О церковномъ богослуженіи. Письма къ православному“. Весьма полезна будетъ для него и книга А. Соколова: „Культь, какъ необходимая принадлежность религіи“.

Бесѣды о домашней молитвѣ христіанина.—Ничто такъ не очищаетъ, не окрыляетъ душу человѣческую, ничто такъ не утишаетъ ея страстей и волненій, ничто такъ не отрѣшаетъ ея отъ земли, какъ молитва—эта „царица добродѣтелей“. Необходимая обязанность каждаго христіанина—начинать и оканчивать всякое дѣло молитвой. По апостолу, христіанинъ долженъ „непрестанно молиться“. Но не всякій че-

ловѣкъ умѣеть молиться такъ, какъ того требуетъ Церковь и св. отцы; не всякій умѣеть „поклоняться Богу духомъ и истинною“ (Іоан. 4, 23—24). Если обратимъ вниманіе на домашнюю молитву нашихъ крестьянъ, то увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ ихъ молитвы соединены бывають съ различными суевѣріями, съ пожеланіями зла своимъ врагамъ, касаются почти исключительно житейскихъ нуждъ и потребностей и нерѣдко представляютъ собою сдѣланный невѣждами пустой наборъ бессмысленныхъ словъ *). Между тѣмъ, по Златоусту, „нужно приступать къ Богу съ бодрственнымъ умомъ, сокрушенною душею и съ потоками слезъ, не просить ничего житейскаго, желать будущаго (небеснаго), молить о духовномъ, не испрашивать зла врагамъ, никому не помнить зла, исторгать изъ души своей всѣ страсти, и, такимъ образомъ, приступать съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, оказывать совершенную покорность, изрекать языкомъ своимъ благословенія, не быть причастнымъ ничему порочному, не имѣть ничего общаго съ общимъ врагомъ вселенной, т. е. діаволомъ“. Говоря о необходимости непрестанной домашней молитвы, священникъ долженъ выяснитъ пасомымъ истинный духъ и характеръ христіанской молитвы, въ чемъ ему поможетъ прекрасная книжка, изданная въ Бозѣ почившимъ еп. Теофаномъ—Затворникомъ: „Невидимая брань блаженной памяти старца Никодима святогорца“.

Призывая людей грамотныхъ пользоваться усвоенными въ школѣ молитвами для обращенія словами этихъ молитвъ къ Богу, священникъ долженъ научить молитвеннымъ словамъ и неграмотныхъ своихъ прихожанъ. Помня слова Спасителя, что не въ многословіи спасеніе (Мѡ. 6, 7), священникъ не долженъ тратить бесполезно времени на наученіе неграмотныхъ крестьянъ болѣе или менѣе пространнымъ церковнымъ молитвамъ, которыхъ большинство крестьянъ и не

*) „Витбогослужебныя собесѣдованія“ (Влад. еп. вѣд., 1882г., № 22); Маврицкій В.: „Воскр. и пр. витбог. собес.“, стр. 278.

въ состояніи усвоить наизусть осмысленно и безъ искаженій. Руководясь „правилами“ молитвъ, изложенными въ концѣ *Служебника*, и совѣтами благочестивыхъ подвижниковъ (напр., старца Никодима), священникъ долженъ научить своихъ неграмотныхъ прихожанъ краткимъ, но выразительнымъ и содержательнымъ молитвамъ, которыя могутъ быть легко усвоены памятью каждаго, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни находился. Такихъ молитвъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ помѣщено очень много. Таковы, на примѣръ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“; „Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя“; „Создавый мя, Господи, помилуй“; „Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя“; „Богородице Владычице Дѣво, спаси мя“; „Ангеле хранителю мой святой, отъ всякаго зла сохрани мя“; „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“ *); „Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ“; „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя“; „Пресвятая Богородице, спаси насъ“; „Святителю отче Николае, моли Бога о насъ“ и т. д. Научая прихожанъ этимъ прекраснымъ христіанскимъ молитвамъ, священникъ долженъ внушать, чтобы они, предстои предъ Богомъ, каждую изъ этихъ молитвъ произносили по нѣскольку разъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ смыслъ ихъ, паря своею мыслию къ небу: не безъ основаній же и св. отцы предписали неграмотнымъ монахамъ произносить, вмѣсто чтенія различныхъ чиноположеній, краткую молитву Іисусову („Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“) даже тысячи разъ **).

Чтобы вести успѣшно внѣбогослужебныя собесѣдованія, священникъ долженъ основательно готовиться къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Каждый годъ выходятъ все новыя и новыя сборники для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій; среди этихъ сборниковъ есть и довольно хорошія, могущія оказать болѣе или менѣе значительную помощь. Но священнику нѣтъ

*) Всѣ эти молитвы помѣщены въ концѣ *Служебника*.

**) См. въ концѣ *Служебника*: „Неумѣющимъ грамотѣ правило“.

пужды разбрасываться во множествѣ пособій и руководствъ и искать такихъ, которыми бы онъ могъ пользоваться *безъ малѣйшаго труда съ своей стороны*. Итъ, отъ священника въ дѣлѣ веденія собесѣдованій требуется усиленный самостоятельный трудъ, значительная самодѣятельность въ отношеніи къ ихъ обдумыванію и приготовленію. Главнѣйшія пособія къ веденію собесѣдованій по различнымъ предметамъ нами уже указаны выше; но эти пособія дадутъ священнику лишь мысли, идеи; изложить же ихъ въ общедоступной формѣ, удобопонятнымъ для народа языкомъ—всецѣло возлагается на самодѣятельность собесѣдователя.

73. *Внѣбогослужебныя чтенія и отличіе ихъ отъ собесѣдованій.*

Внѣбогослужебныя собесѣдованія, какъ удачно выразился одинъ духовный писатель, есть проповѣдь „церковно-народная“ *), имѣющая мѣсто лишь въ сельскихъ приходяхъ. Въ городахъ же—не только большихъ, но и малыхъ—этотъ видъ пастырской проповѣди обыкновенно не примѣняется: внѣбогослужебныя собесѣдованія тамъ замѣняются *внѣбогослужебными* религіозно-правственными *чтеніями*, которыя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отчетахъ, по недоразумѣнію, называются иногда и собесѣдованіями. Устраняются эти чтенія, по распоряженію епархіальнаго начальства, большею частію не во всѣхъ церквахъ, а лишь въ нѣсколькихъ—центральныхъ, наиболѣе обширныхъ и удобныхъ для помѣщенія многочисленныхъ слушателей. Чтецами здѣсь бываютъ не только священники, но и діаконы, псаломщики, преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, которые читаютъ избранныя статьи по соблюдаемой ими между собою очереди. Живого объѣма мыслями между чтецомъ и слушателями здѣсь не бываетъ: случайно собравшіеся изъ разныхъ приходовъ посѣтители, стѣсняясь то официальною обстановкой (аналогій, спитрахиль, горячія свѣчи

*) *Маврицкій В.:* „Воскр. и пр. внѣбог. соб.“, стр. 3.

и т. д.), то личнымъ знакомствомъ съ чтецомъ, то знакомствомъ съ большинствомъ слушателей, обыкновенно не рѣшаются спросить о чемъ-нибудь священника или вообще чтеца, да и сами чтецы не подаютъ къ тому никакого повода, даже избѣгаютъ совопросничества. Все отношеніе присутствующихъ къ чтецу выражается лишь болѣе или менѣе благоговѣйнымъ и сосредоточеннымъ выслушиваніемъ предложенной ихъ вниманію статьи. Въ такомъ видѣ существуютъ въ городахъ устраниваемые духовенствомъ религіозно-нравственныя *внѣбогослужебныя чтенія*.

Внѣбогослужебныя чтенія, какъ относящіяся къ области христіанскаго назиданія, не остаются, конечно, бесполезными для слушателей—горожанъ; но польза отъ этихъ чтеній во всякомъ случаѣ менѣе значительна въ сравненіи съ пользой, какую приносятъ внѣбогослужебныя собесѣдованія. Различіе между чтеніями и собесѣдованіями, не смотря на ихъ близкое родство, весьма большое. *Во-первыхъ*, внѣбогослужебныя собесѣдованія представляютъ собою въ полномъ смыслѣ видъ *пастырской* проповѣди: онѣ ведутся непременно священникомъ, какъ пастыремъ словесныхъ овецъ; между тѣмъ, религіозно-нравственныя чтенія, которыя ведутся не священникомъ только, а вообще лицами съ богословскимъ образованіемъ представляютъ собою видъ христіанскаго проповѣданія Слова Божія вообще (см. § 1). *Во-вторыхъ*, внѣбогослужебныя собесѣдованія отличаются отъ чтенія болѣею степенью близости проповѣдника къ слушателямъ. Во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ сельскомъ приходѣ священникъ имѣетъ дѣло съ *своими* пасомыми, которыхъ знаетъ лично и можетъ называть даже по имени (Іоан. 10, 3). Между тѣмъ, читающій въ городскихъ соборахъ и церквахъ обыкновенно бываетъ нравственно далекъ отъ своихъ слушателей: здѣсь случайно собираются жители разныхъ приходовъ, лица разныхъ сословій; читающій часто никого изъ нихъ не знаетъ лично. Отсюда само собой вытекаетъ *третье* отличіе чтеній отъ собесѣдованій, состоящее въ отсутствіи на чтеніяхъ жи-

вого обмѣна мыслями между читающимъ и слушающими, вслѣдствіе чего читающій не можетъ опредѣлить, послужило ли его чтеніе кому-нибудь на пользу, всемъ ли оно было понятно, вполне ли благовременно оно было для слушателей, соотвѣтствовало ли ихъ насущнымъ потребностямъ и т. д.

(Продолженіе будетъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

За израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1901 года, подписка на журналъ этого года прекращается и открывается подписка на будущій 1902 годъ.

*За Редактора, и. д. Ректора Кіевской Духовной Семинаріи,
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ.*

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 августа 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, сентября 9-го.

Содержаніе: Христіанское богослуженіе какъ выраженіе истиннаго и благодатнаго общенія между Богомъ и человѣкомъ.—Самообличеніе графа .Л. Н. Толстого (по поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февр. с. г.) (окончаніе).—Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 г (продолженіе).

Христіанское богослуженіе, какъ выраженіе истиннаго и благодатнаго общенія между Богомъ и человѣкомъ.

Первозданный человѣкъ, въ невинномъ райскомъ состояніи, пребывавъ въ постоянномъ ближайшемъ общеніи съ Богомъ-Творцомъ своимъ. Это блаженное общеніе состояло въ томъ, что, съ одной стороны, Богъ снисходилъ къ непорочному человѣку въ дарахъ благодати, съ другой—человѣкъ возносился къ Богу въ духѣ чистой и благоговѣйной молитвы. Непрестанное и благоговѣйное обращеніе къ Богу всѣми мыслями, желаніями и чувствованіями, непрестанное молитвенное съ Нимъ собесѣдованіе—вотъ въ чемъ состояла вся духовная дѣятельность человѣка, пока онъ находился въ со-

стояніи невинности. Побуждаемый къ постоянному молитвенному сопробыванію съ Богомъ внутреннимъ закономъ своей, еще неиспорченной грѣхомъ, природы, невинный человѣкъ побуждаемъ былъ къ нему и виѣшнимъ положительнымъ закономъ Божиимъ. По свидѣтельству 2 гл. кн. Бытія, Богъ, по окончаніи мірозданія, *благослови день седмый, и освяти его: яко въ той почѣ отъ всѣхъ днѣхъ Своихъ...* (ст. 3),—благословилъ и освятилъ седьмой день покоя, безъ сомнѣнія, для того, чтобы человѣкъ этотъ день, преимущественно предъ всѣми прочими днями, посвящалъ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ, благодарному воспоминанію Его неизреченныхъ благодѣяній, благоговѣйному прославленію Его безконечныхъ совершенствъ. Значить, согласно съ божественнымъ намѣреніемъ, человѣкъ преимущественно посредствомъ молитвы, представлявшей собою нѣкоторый родъ богослуженія, долженъ былъ выражать свое отношеніе къ Творцу, пребывать съ Нимъ въ тѣснѣйшемъ общеніи. Если дѣятельность невиннаго человѣка исполнила соотвѣтствовала намѣреніямъ Божиимъ, то ясно, что существеннымъ и постояннымъ занятіемъ нашего прародителя въ раю было служеніе Богу, а главнымъ, такъ сказать, узломъ, соединявшимъ Его съ Творцомъ, была молитва. Рай эдемскій былъ, слѣдовательно, первымъ на землѣ храмомъ, въ которомъ непорочный первенецъ рода человѣческаго, какъ первосвященникъ всей видимой твари, вынужденъ предъ Господомъ и совершалъ разумное Ему служеніе, непрестанно повергался въ духѣ благоговѣнія предъ Его неисповѣдимымъ величіемъ, благодарилъ за неизреченныя милости, прославляя Его высочайшія совершенства.

Но первый человѣкъ не устоялъ въ своемъ первобытномъ совершенствѣ. Нарушивъ заповѣдь Творца, онъ отпалъ отъ Бога; вслѣдствіе грѣхопаденія, умъ его утратилъ истинное богопознаніе и правую вѣру въ Бога, воля перестала покоряться всеблаготворительной волѣ Божіей, сердце лишилось возделѣннаго богоощущенія, богонаслажденія, богоблаженства. Для возобновленія и утвержденія блаженнаго единенія между Богомъ

и человѣкомъ, необходимо было, такимъ образомъ, умъ чело-
вѣка просвѣтить свѣтомъ истиннаго боговѣдѣнія, волю его
направить къ исполненію воли Божіей, сердцу его даровать
возможность опять наслаждаться блаженнымъ богоощущеніемъ.
А кто могъ это совершить?—Никто, кромѣ всемогущаго Бога.
Одинъ Онъ могъ искупить—и дѣйствительно искупилъ—чело-
вѣчество отъ вѣчнаго рабства грѣху и діаволу и неминуемой
погибели, чрезъ Божественнаго Сына Своего. Единородный
Сынъ Божій сошелъ съ неба на землю, пострадалъ и про-
лилъ кровь Свою на крестѣ, умеръ и воскресъ, вознесся на
небо и съль одесную Бога Отца, послалъ намъ Духа Святаго,
учредилъ на землѣ св. Церковь, преподалъ Свое божествен-
ное ученіе и спасительныя таинства,—и все это для того,
чтобы явить намъ великое богатство милости Своей, воссоеди-
нить насъ съ Богомъ и сдѣлать насъ, грѣшныхъ и недостой-
ныхъ, счастливыми и блаженными на всю вѣчность. Такъ,
чрезъ искупительныя заслуги *Ходатая завѣта новаго Иисуса*
(Евр. 12, 24), восстановлено общеніе челоуѣка съ Богомъ.
Теперь нужно только, чтобы Богъ сообщалъ искупленному
человѣку божественную благодать и освященіе, а челоуѣкъ,
принявши и усвоивши совершенное Сыномъ Божіимъ искуп-
леніе, предалъ себя Богу вѣрою во Христа и послушаніемъ
Ему. Выраженіемъ такого общенія между Богомъ и искуплен-
нымъ челоуѣкомъ и служить христіанское богослуженіе.

Въ богослуженіи св. Церкви Христовой мы усматрива-
емъ, съ одной стороны, такія богодарованныя средства, ко-
торыя приближаютъ къ намъ Бога, съ другой—такія, которыя
насъ приближаютъ къ Богу, руководствуютъ и научаютъ слу-
жить Ему, какъ служатъ Ему на небѣ ангелы, какъ слу-
жилъ въ раю нашъ невинный праотець. И, во-первыхъ, въ
составъ богослуженія входятъ такія богоучрежденные священ-
ныя дѣйствія, въ которыхъ подъ видимымъ чувственнымъ
знакомъ сообщается вѣрующимъ невидимая благодать Божія.
Это—такъ называемыя таинства церковныя. Какъ нѣкогда въ
Эдемѣ всеблагій Господь изливалъ на челоуѣка все обиліе

благодатныхъ дарованій, такъ нынѣ, въ Своей Церкви, посредствомъ таинствъ, Онъ *изливаетъ отъ Духа Своего на всяку плоть*, подаетъ вѣрующимъ *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), даруетъ имъ отъ Своего *исполненія благодать возблагодать* (Іоанн. 1, 16). Въ то же время въ таинственныхъ священнодѣйствіяхъ св. Церкви совершается *священнотайнъ* начатокъ будущаго славнаго нисшествія къ намъ Господа славы. Въ таинствѣ св. крещенія, совершаемомъ чрезъ троекратное погруженіе крещаемого въ воду съ раздѣльнымъ призываніемъ именъ всѣхъ Трехъ Лицъ Св. Троицы, человѣкъ получаетъ благодать Св. Духа, очищающую его отъ грѣховъ и возрождающую для жизни духовной, благодатной. И какъ здѣсь, въ этомъ таинствѣ, Духъ Святой нисходитъ въ бездну растлѣннаго грѣхомъ естества человѣческаго, для духовнаго его перерожденія, для очищенія отъ всякія скверны плоти и духа,—такъ въ таинствѣ будущаго воскресенія тотъ же Духъ Божій опять снидетъ въ глубину существа нашего, дабы окончательно пересоздать его, очистить отъ послѣднихъ нечистотъ плоти и крови, представить насъ *неимущими скверны, или порока или нѣчто отъ таковыхъ*. Въ таинствѣ миропомазанія вѣрующіе, при помазаніи св. миромъ извѣстныхъ частей тѣла, во имя Св. Духа, получаютъ дары Св. Духа, возвращающіе и укрѣпляющіе въ жизни духовной. Таинство это въ Свящ. Писаніи называется *обрученіемъ Духа* съ нашими сердцами (2 Кор. 1, 21—22); слѣдовательно, это только залогъ будущаго совершеннѣйшаго сочетанія съ нами Духа Божія, залогъ вѣчнаго вселенія Его въ наши сердца, начатокъ имѣющаго нѣкогда послѣдовать полнаго и всецѣлаго *помазанія отъ Святаго*. Въ Святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи вѣрующіе, подъ видомъ хлѣба и вина, приобщаются истиннаго Тѣла и истинной Крови Господа Іисуса Христа и, слѣдовательно, тѣснѣйшимъ образомъ соединяются съ самимъ Источникомъ истинной жизни. Въ этомъ таинствѣ, имѣющемъ продолжаться до скончанія вѣка (1 Кор. 11, 26), Милосердый Господь спо-

доблаетъ только начинательно приобщать насъ Своего Божественнаго естества, а въ будущей жизни Онъ сподобитъ насъ *истѣе причащатися* его. Христіанину, впавшему въ грѣхи послѣ крещенія, подается св. Церковію врачество въ таинствѣ покаянія. Въ этомъ таинствѣ исповѣдающій грѣхи свои, при видимомъ изъявленіи прощенія отъ священника, невидимо разрѣшается отъ грѣховъ Самимъ Иисусомъ Христомъ. Въ то же время разрѣшительная благодать таинства покаянія предзнаменуетъ то всесвятое дѣйствіе Господа, которымъ Онъ, въ воскресеніи мертвыхъ, окончательно разрѣшитъ насъ отъ всякаго союза неправды, отыметъ всякое лукавство и беззаконіе отъ душъ нашихъ, убѣлитъ существо наше паче снѣга, такъ что оно будетъ все—свѣтъ, все—чистота, совершенство и святость. Въ таинствѣ священства на правильно избранное лицо, чрезъ святительское рукоположеніе, нисходитъ Св. Духъ и поставляетъ избранника совершать богослуженіе и пасти стадо Христово. вмѣстѣ съ тѣмъ таинство священства прообразуетъ наше вѣчное священство на небѣ: тогда какъ здѣсь Господь только нѣкоторыхъ изъ среды вѣрующихъ удостоиваетъ благодати и права совершать богослуженіе, тамъ всѣмъ избраннымъ даруетъ величественное право предстоять предъ Своимъ славнымъ престоломъ, всѣхъ сотворить іереями Божии и Отцу Своему. Великая, по Апостолу, тайна брака, служащая образомъ настоящаго благодатнаго единенія Христа съ Церковію (Ефес. 5, 32), въ будущемъ прообразуетъ славный *бракъ Агничій*, т. е. торжественное сочетаніе небснаго Жениха, возлюбленнаго Искупителя нашего, съ душами, искупленными Его святѣйшею кровію. Наконецъ, въ таинствѣ елеосвященія подается страждущему благодать, исцѣляющая душевныя и тѣлесныя немощи; но это же самое таинство не есть ли прообразъ и начатокъ того всеутѣшительнаго прикосновенія Господа, того всенсцѣляющаго Его на насъ дѣйствія, которымъ Онъ нѣкогда избавитъ насъ отъ всѣхъ скорбей и печалей настоящей многострадальной жизни, отыметъ всякую слезу отъ очей нашихъ, всякое сокрушеніе отъ сердець

нашихъ, такъ что тогда не будетъ ни плача, ни вопли, ни печали, ни болѣзни, ни воздыханій?

Кромѣ таинствъ, въ составъ богослуженія св. Церкви входятъ молитвы и свящ. пѣснопѣнія. Отрѣшая духъ нашъ отъ всего земного и суетнаго и устремляя къ небесному и вѣчному, молитвы и свящ. пѣснопѣнія поставляютъ насъ въ такомъ же отношеніи, въ такой же близости къ Богу, въ какой находился первый на землѣ молитвенникъ. Поставляя насъ по временамъ въ благоговѣйное положеніе предъ престоломъ благодати Божіей, св. Церковь чрезъ это самое приготавливаетъ насъ и къ вѣчному предстоянію предъ престоломъ Божественной славы, къ тому непрестанному служенію Богу, которое составляетъ святое занятіе блаженныхъ небожителей. Поэтому-то, въ свящ. пѣснопѣніяхъ церковныхъ постоянно и внушается намъ та важная мысль, что мы, *въ храмъ стояще, на небеси стоимъ мнимъ*; что мы таинственно изображаемъ херувимовъ; что *силы небесныя съ нами невидимо служатъ*; что съ ангелами, *сими блаженными силами*, и мы *вопѣемъ и глаголемъ* и проч...

Такимъ образомъ, церковное богослуженіе заключаетъ въ себѣ все необходимое для выраженія возстановленнаго крестною смертію Сына Божія живого общенія между Богомъ и человѣкомъ. Средоточіемъ и основнымъ началомъ этого богослуженія является таинственное совершеніе святѣйшей безкровной жертвы Тѣла и Крови Христовой, которая, разрушая *средостѣнныя вражды* между Богомъ и человѣкомъ, примирять насъ съ Его вѣчною правдою. Это чрезвычайное священнодѣйствіе Церкви, равно какъ и прочія церковныя священнодѣйствія, соединяется съ молитвою, которая возноситъ духъ нашъ отъ земли на небо, вводитъ насъ въ блаженное собесѣдованіе съ Богомъ, во внутреннее съ Нимъ единеніе. И если душа наша жаждетъ Бога, если въ живомъ общеніи съ Нимъ наше блаженство временное и вѣчное, то участіе въ богослуженіи, которое заключаетъ въ себѣ всѣ средства къ блаженному богообщенію, богонаслажденію, богоблажен-

ству, должно составлять для насъ первое и единственное на землѣ благо.

Напрасно нѣкоторые питають въ себѣ думы и надежды, будто общенія съ Богомъ можно достигнуть и безъ участія въ богослуженіи, другими путями—путемъ одной вѣры и доброй жизни. Такія думы и надежды суетны и несбыточны.

Въ самомъ дѣлѣ, тщетны были бы наши мечты посредствомъ одной вѣры примириться съ Господомъ, если бы мы отказались отъ участія въ *служеніи примиренія* грѣшнаго рода человѣческаго съ безконечною правдою Божіею, т. е. отъ участія въ божественной литургіи, на которой совершается приношеніе святѣйшей евхаристической жертвы въ воспоминаніе и усвоеніе намъ крестныхъ заслугъ Сына Божія. Кто своевольно удаляется отъ этой божественной службы, кто упорно не хочетъ присутствовать при ней, тотъ, очевидно, съ пренебреженіемъ относится къ крестнымъ заслугамъ Искушителя, попираетъ Его завѣтную кровь и укоряетъ Духа благодати. „Если,—говоритъ св. ап. Павелъ,—отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывался смертію, то сколь тяжчайшему наказанію повиненъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ“? (Евр. 10, 28—29). По правиламъ древней христіанской Церкви, подвергались отлученію всѣ тѣ, кто въ теченіе трехъ недѣль ни въ одинъ воскресный день не присутствовалъ при литургіи (6 всел. соб. пр. 80; Сардик. 11; ср. Діон. 2). Но, подвергая отлученію вѣрныхъ, уклоняющихся отъ присутствованія при священнодѣйствіи жертвы Христовой, отъ своего таинственнаго тѣла, Церковь чрезъ это самое отлучала ихъ и отъ общенія съ своею Божественною Главою—Христомъ Спасителемъ; слѣдовательно, этимъ пресѣкалось всякое ихъ общеніе съ Господомъ, и примиреніе съ Его правдою дѣлалось невозможнымъ.

Съ другой стороны, не запечатлѣвая своей вѣры участіемъ въ приношеніи святѣйшей безкровной жертвы, а равно

и въ прочихъ таинственныхъ священнодѣйствіяхъ церковныхъ, мы не можемъ низвести въ свою душу благодатныхъ даровъ Духа Святаго, соединенныхъ съ таинствами. По словамъ Спасителя, только тотъ *спасенъ будетъ, кто иметъ вѣру и крестится* (Марк. 16, 16); напротивъ, *кто не родится водою и Духомъ* (Іоан. 3, 5), т. е. не приметъ таинства крещенія, тотъ, хотя бы и имѣлъ вѣру въ Іисуса Христа, не можетъ сподобиться благодати пакибытія и обновленія отъ Духа Святаго, и потому не можетъ сдѣлаться членомъ Церкви Христовой, наслѣдникомъ вѣчнаго спасенія. По свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ, самаряне, которыхъ обратилъ къ вѣрѣ во Христа и крестилъ Ап. Филиппъ, только тогда пріяли Духа Святаго, когда посланные къ нимъ изъ Іерусалима Ап. Петръ и Іоаннъ совершили надъ ними таинство миропомазанія: *тогда возложиша руку на ня, и пріяша Духа Святаго* (Дѣян. 8, 17). Только *ядый Плоть Господа, и пійа Кровь Его, имать животъ вѣчный*, а кто „не будетъ ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его“, тотъ „не будетъ имѣть въ себѣ жизни“ (Іоанн. 6, 53—54). Далѣе, только тѣ изъ вѣрующихъ, которые, какъ должно, пользуются таинствомъ покаянія, удостоиваются благодати помилованія и разрѣшенія отъ всѣхъ узъ грѣховныхъ; напротивъ, кто чуждается этого таинства, тотъ все болѣе и болѣе будетъ погружаться въ бездну грѣховную и неизбѣжно подвергнется смерти вѣчной. Всѣ истинные члены Церкви Христовой имѣютъ истинную вѣру Божію, но не всѣмъ имъ даруется благодатное право совершать таинства, а только тѣмъ, которые, за особенную чистоту вѣры и жизни, удостоиваются священства. Вступающіе въ брачную жизнь тогда только пріемлютъ благословеніе Божіе, освящающее супружескій союзъ, когда пріемлютъ таинство брака, когда вѣнчаются предъ алтаремъ Господнимъ по чиноположенію церковному; союзъ, не освященный этимъ таинствомъ, есть союзъ безблагодатный. Наконецъ, тяжело болящимъ, для полученія отъ Господа благодати, исцѣляющей душевныя и тѣлесныя немощи, предлагается за-

печатлѣвать молитву вѣры принятіемъ таинства елеосвященія (Іак. 5, 14).

Итакъ, одной только вѣры, безъ участія въ богослуженіи св. Церкви, не достаточно для приведенія насъ въ живое общеніе съ Богомъ. Точно также и одна добрая жизнь, если она не будетъ запечатлѣваема участіемъ въ церковномъ богослуженіи, никогда не можетъ возвести насъ во внутреннее тѣснѣйшее единеніе съ Господомъ.

То, конечно, несомнѣнно, что благочестивая жизнь составляетъ безусловно необходимое условіе вождѣннаго общенія человѣка съ Богомъ, такъ какъ Богъ есть свѣтъ чистѣйшій и святость совершеннѣйшая; но тѣмъ не менѣе мы впали бы въ крайне опасное заблужденіе, если бы возмнили достигнуть богообщенія только путемъ доброй нравственности, совсѣмъ отказавшись отъ участія въ богослуженіи св. Церкви. И это вотъ почему. Во-первыхъ, никакіе подвиги благочестія,—предположивъ ихъ возможными для человѣка въ состояніи паденія,—никакія дѣла самоотверженія—самыя тяжкія и трудныя, никакія слезы покаянія—самыя обильныя и горячія не могли бы служить со стороны человѣка достаточнымъ удовлетвореніемъ св. правдѣ Божіей; потому что всѣ эти жертвы, хотя бы онѣ простерлись до пожертвованія самою жизнію, были бы ничтожны въ сравненіи съ нашимъ оскорбленіемъ безприкладнаго величія Божія. Единственное и совершеннѣйшее удовлетвореніе за насъ Богу принесено Господомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, страданія и крестная смерть Котораго такъ велики, что равняются безконечно великой винѣ нашей предъ Богомъ, и потому вполнѣ оправдываютъ насъ предъ Нимъ, совершенно примиряютъ съ Его разгнѣваннымъ правосудіемъ. Иного средства къ примиренію съ Богомъ, кромѣ крестной жертвы Иисуса Христа, нѣтъ и быть не можетъ; равно какъ нѣтъ и быть не можетъ другого, болѣе необходимаго и совершеннѣйшаго, средства къ усвоенію намъ всепримиряющей силы этой жертвы, какъ участіе въ святѣйшей жертвѣ евхаристической, совер-

шаемой на божественной литургіи въ воспоминаніе страданія и смерти нашего Ходатая и Спасителя. Во-вторыхъ, истинно благочестивая и святая жизнь, состоящая въ томъ, чтобы *отложить намъ ветхаго чловька, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облещися въ новаго чловька, созданаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Ефес. 4, 22—24), не возможна для насъ безъ содѣйствія благодатныхъ даровъ Св. Духа,—а эти благодатные дары подаются въ таинствахъ св. Церкви. Кромѣ того, для истинно христіанской жизни, для истинно святой и богоугодной дѣятельности необходима еще молитва. Молитва служитъ душею и внутреннею силою всякаго благочестиваго занятія, всякаго духовнаго дѣланія, какое бы мы ни предпринимали для благоугожденія Богу. Всякое, само по себѣ святое и дѣйствительное, средство къ преуспѣянію въ благочестіи, будучи употреблено безъ молитвеннаго настроенія души, обратится намъ въ осужденіе. Какое другое средство можетъ быть святѣе и, по силѣ дѣйствія на духовную жизнь нашу, благотворнѣе причащенія божественнаго Тѣла и Крови Христовыхъ? Но кто приступаетъ къ этому святѣйшему таинству безъ сокрушеннаго моленія о грѣхахъ своихъ, пріемлетъ его безъ чувства благоговѣнія и, принявши, отходитъ отъ него безъ молитвеннаго благодаренія и славословія, тотъ недостойно причащается Тѣла и Крови Господнихъ и *судъ себѣ ястъ и пїетъ* (1 Кор. 11, 20).

Въ виду такого невыразимо высокаго значенія для насъ богослуженія св. Церкви Христовой, не можемъ не привести въ заключеніе словъ ап. Павла: *да держимъ, братіе, исповданіе упованія неуклонное: вѣренъ бо есть Общавый, и да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе: и толико паче, елико видите приближающійся день судный* (Евр. 10, 23—25).

В. С.

Самообличеніе графа Л. Н. Толстого ¹⁾.

(По поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февр. с. г.).

Чтобы сообщить своимъ умствованіямъ по религіознымъ вопросамъ нѣкоторую основательность въ глазахъ людей, гр. Толстой показываетъ въ своемъ „Отвѣтъ“ и то, какимъ образомъ отъ православной вѣры, въ которой былъ воспитанъ, онъ пришелъ къ настоящимъ своимъ убѣжденіямъ. „Прежде чѣмъ отречься отъ Церкви и единенія съ народомъ, которое мнѣ было невыразимо дорого, говоритъ онъ, я, по нѣкоторымъ признакамъ, усумнившись въ правотѣ Церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе Церкви; теоретически я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи Церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе, практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія“.

Можно подумать, что ученіе Толстого есть плодъ истиннонаучнаго, основательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія православной вѣры; но на самомъ дѣлѣ такого изученія вопроса не было. Нѣтъ ничего болѣе ненаучнаго и предвзятаго, какъ толстовская критика православнаго богословія и его толкованіе евангелія. Приступивъ къ изслѣдованію церковнаго ученія подъ вліяніемъ сомнѣнія и безъ надлежащей научной подготовки, графъ Толстой уже не могъ отнестись вполне объективно къ предмету своего изслѣдованія. Его сомнѣніе, думается намъ, не было тѣмъ плодотворнымъ, чисто

¹⁾ См. № 36 за 1901 г.

теоретическимъ сомнѣніемъ, которое, пронстекая изъ горячаго стремленія къ истинѣ, побуждаетъ человѣка искать основаній и доказательствъ для убѣжденій его ума; а сомнѣніемъ практическимъ, основывавшимся на существовавшемъ уже отчужденіи его отъ Церкви и жизни христіанской, какъ сознается въ томъ и самъ гр. Толстой въ своей „Исповѣди“; его сомнѣніе, по нашему мнѣнію, было въ сущности уже началомъ теперешнихъ его воззрѣній, къ которымъ оно и побуждало его подгонять, во что бы то ни стало, свои критическія умозаключенія. Опору для безпристрастной провѣрки ученія Православной Церкви онъ могъ бы найти, если не въ собственной душѣ, уже зараженной сомнѣніемъ, то хотя бы въ наукѣ, въ обладаніи научными познаніями и научными средствами изслѣдованія, которыя бы дали ему возможность избѣгать ошибокъ и строже слѣдовать по пути истины; но онъ былъ лишень и этого. Извѣстно, съ какими недостаточными познаніями въ языкознаніи, богословіи и философіи онъ приступилъ къ чтенію и истолкованію св. Писанія. И вотъ безъ основательнаго знанія древнихъ языковъ, безъ изслѣдованія исторіи канона и текста св. книгъ, голословно отвергнувъ, вопреки яснымъ и несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, всѣ книги св. Писанія, кромѣ Евангелія, принимая и въ Евангеліи только то, что „отвѣчало требованіямъ его ума и сердца“, онъ и создаетъ свое яко бы истинно-христіанское, научно-критически провѣренное, ученіе. Понятно, что на такое субъективное и ненаучное изслѣдованіе совершенно нельзя положиться. Но этого мало. Графъ Толстой захотѣлъ еще и практически провѣрить церковное ученіе и для этого сдѣлалъ такой опытъ: въ продолженіе болѣе года онъ строго слѣдовалъ всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. Этотъ опытъ, при охватившемъ уже его душу сомнѣніи, естественно, привелъ его къ тому же выводу, что и теоретическая критика церковнаго ученія, т. е. къ отрицанію истинности и практической стороны православной вѣры. Чего же хотѣлъ графъ Толстой отъ

простого механическаго соблюденія обрядовъ православной Церкви, безъ вѣры и искренняго сердечнаго расположенія? Нынѣ онъ смотритъ на церковныя таинства и обряды, какъ на различные приемы колдовства, приспособленные ко всеѣмъ возможнымъ случаямъ жизни. Предаваясь указанному своему опыту, онъ, очевидно, и былъ проникнуть такимъ низменнымъ и совершенно ложнымъ взглядомъ на обряды и таинства. Такого же чисто механическаго воззрѣнія на нихъ держатся, какъ извѣстно, люди суевѣрные и невѣжественные. Отъ простаго, формальнаго совершенія и соблюденія ихъ они хотѣли бы сейчасъ же ощущать въ себѣ дѣйствіе ихъ, какъ отъ приема какого-либо сильно дѣйствующаго лѣкарства. Но значеніе св. таинствъ и обрядовъ въ жизни человѣка, ихъ дѣйственность на душу его обуславливаются внутренней вѣрой, душевнымъ настроеніемъ участвующаго въ нихъ. Напротивъ, приступать къ св. таинствамъ съ сомнѣніемъ, съ критическимъ наблюденіемъ за ихъ дѣйствіемъ, вмѣсто всецѣлой и искренней преданности Богу, и затѣмъ ожидать, чтобы сейчасъ же обнаружались плоды такого служенія и обращенія къ Богу—это и есть именно суевѣрное отношеніе къ обрядамъ, это есть, по выраженію преосв. епископа Ямбургскаго Сергія, тотъ „грубый духовный матеріализмъ, ужасающій примѣръ котораго представилъ .І. Н.—чъ въ „Воскресеніи“, думая, что передаетъ ученіе Церкви“¹⁾. Созиданіе же въ себѣ духа святости, воспитаніе пламенной и глубокой вѣры не можетъ быть плодомъ кратковременныхъ, неискреннихъ и чисто формальныхъ упражненій въ дѣлахъ благочестія; оно требуетъ, какъ показываетъ примѣръ свв. подвижниковъ, продолжительной работы облагодатствованнаго духа, требуетъ борьбы и напряженія. Если православное ученіе и жизнь не удовлетворяли гр. Толстого, „не отвѣчали требованіямъ его ума и сердца“, то это не можетъ служить признакомъ и доказательствомъ ихъ не истинности, не разрушаетъ и не унич-

¹⁾ Мис. Обоз., июнь с. г., стр. 819.

тожаетъ ихъ въ объективномъ смыслѣ. Причина этого лежитъ не въ Церкви и ея ученіи, а въ самомъ гр. Толстомъ, отвергающемъ всякій авторитетъ и руководство, и, подобно Ницшеанскому сверхъ-человѣку, приносящемъ въ жертву все и вся горделиводу своему уму. Нынѣшнія обстоятельства, современный всеобщій интересъ къ Толстому, всѣ эти выраженія ему сочувствія или порицанія, а самое главное—постановленіе Св. Синода, осуждающее графа и его ученіе—все это должно было бы побудить его къ новому пересмотру, къ критической провѣркѣ уже собственнаго своего міровоззрѣнія. Правда самъ Л. Н.—чѣ считаетъ невозможнымъ измѣненіе своихъ вѣрованій, какъ невозможно ему измѣнить свое тѣло; считаетъ невозможнымъ свое возвращеніе въ Церковь, какъ невозможно летающей птицѣ вновь войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла. И нѣкоторые наши богословы склоняются къ тому заключенію, что Толстой уже не обратится. Кто знаетъ? *Силень Богъ поставити ею* такъ же, какъ Онъ обратилъ жестокаго гонителя Церкви Христовой Савла въ самоотверженнаго и ревностнаго благовѣстника Своего Павла. Человѣческому разумѣнію не дано знать намѣренія Промысла Божія по отношенію къ сему заблудшему созданію Его; не дано знать и то, какими путями Онъ поведетъ его къ предначертаннымъ цѣлямъ; но позволительно думать, что если бы графъ Толстой внялъ голосу обстоятельствъ переживаемаго имъ времени и, забывъ ложную гордость и кичливость ума, вновь прошелъ, хотя бы только теоретически, но строго научно, тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до своихъ убѣжденій, то это могло бы имѣть вліяніе даже на измѣненіе этихъ убѣжденій. Не даромъ вѣдь думаютъ авторитетные наши богословы, что нравственное ученіе графа Толстого необходимо требуетъ православныхъ посылокъ, иначе—что оно можетъ пронстекать только изъ православныхъ догматовъ. Религія, и христіанство въ особенности, не есть научная теорія; но она не стоитъ и въ противорѣчій съ законами мысли. Не логика приводитъ людей къ истинной вѣрѣ, къ религіи; но она всегда сильна

разрушить ложныя вѣрованія. Вотъ почему путемъ строго научнаго изслѣдованія и гр. Толстой можетъ прійти, если не къ Церкви, то хотя бы къ познанію того, что не все въ его системѣ истинно, не все отвѣчаетъ требованіямъ ума, но ума непредзанятаго, а строго безпристрастнаго и послѣдовательнаго. Если бы это случилось, то было бы, быть можетъ, положено начало, была бы подготовлена почва и для обращенія.

В. П—скій.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ ¹⁾.

Въ своемъ поученіи въ недѣлю Крестопоклонную преосв. Виссаріонъ говоритъ о силѣ креста Христова въ жизни государства и при этомъ развиваетъ ту мысль, что, дорожа честію быть чадами Православной Христовой Церкви, мы вмѣстѣ съ этимъ должны дорожить честію принадлежать къ государству христіанскому, покровительствующему православной христіанской вѣрѣ, и потому, молясь о благостояніи св. Церкви, должны молиться и о благосостояніи государства и о благоденствіи государя. Если подобныя молитвы обязательны для христіанина въ отношеніи къ государствамъ нехристіанскимъ и неправославнымъ, то тѣмъ болѣе обязательны онѣ, когда идетъ рѣчь о государствахъ и правительствахъ православно-христіанскомъ. Къ числу такихъ молитвъ относится, между прочимъ, извѣстная молитва, начинающаяся словами: *Вознесыйся на крестъ волею, тезоименитому Твоему новому жительству щедроты Твоя даруй, Христе Боже*. Здѣсь подъ именемъ *жительства*, по точнѣйшему переводу съ греческаго, разумѣется *государство*. Новымъ же тезоименитымъ Христу оно называется по противоположности старымъ языческимъ

¹⁾ См. № 35 за 1901 г.

государствамъ, каковыми были—Римское до Константина Великаго и Русское до св. равноап. кн. Владиміра. Съ водвореніемъ въ этихъ государствахъ христіанской вѣры каждое изъ нихъ стало *тезоименнымъ Христу*, т. е. христіанскимъ, ради тѣснаго союза между государствомъ и христіанскою Церковію. Церковь Христа есть „царство не отъ міра сего“. Она есть царство духовное, и потому можетъ существовать во всякой даже языческой средѣ, такъ какъ Церковь Православная не вмѣшивается въ мірскія дѣла и отношенія; но она не можетъ не радоваться тому, что само государство дорожитъ союзомъ съ нею, старается устроить свою жизнь по духу Церкви, сообразуетъ свои законы съ требованіями Церкви, ищетъ у нея освященія своихъ учрежденій, руководствуется ея ученіемъ и постановленіями, принимаетъ участіе въ заботахъ ея о торжествѣ православія, объ искорененіи ересей, расколовъ и вообще зловредныхъ для Церкви и государства лжеученій. Къ сожалѣнію, есть не мало свободно-мыслящихъ людей, которые не довольны этими заботами, которымъ кажется недостаточною существующая вѣротерпимость. Они требуютъ вѣротерпимости безусловной,—требуютъ, чтобы всѣмъ религіознымъ обществамъ государство даровало полнѣйшую, ничѣмъ не ограниченную свободу существованія.—Напрасно негодуютъ на нѣкоторыя ограниченія этой свободы люди свободно-мыслящіе и возстаютъ противъ нихъ во имя свободы совѣсти и убѣжденій, коренящихся въ совѣсти. На свободу совѣсти никто не посягаетъ; требуется только, чтобы чуждые православія не дерзали совращать на свою сторону православныхъ, пользуясь ихъ невѣжествомъ и легкомысліемъ въ дѣлахъ вѣры. Государство имѣетъ полное право принять подъ свою защиту этихъ невѣжественныхъ и легковѣрныхъ людей. Этого требуетъ не только долгъ человеколюбія, но отчасти и долгъ самосохраненія—въ виду того, что многія лжеученія, если бы дана была свобода лжеучителямъ, были бы крайне опасны для благосостоянія государства. Есть секты, которыя возстаютъ противъ властей, противъ вѣрнопопданнической при-

яги, противъ воинской повинности, противъ права собственности, противъ судебныхъ учрежденій. Если бы эти лжеученія, благодаря свободѣ распространенія, восторжествовали повсюду, въ такомъ случаѣ въ государствѣ совершенно невозможно была бы *тихая и безмолвная* жизнь. Положеніе гражданъ среди такой бессмысленной обстановки было бы невыносимо. До такого положенія не дай Богъ дожить. На всякомъ христіанинѣ лежитъ священный долгъ содѣйствовать, при помощи Божіей, всѣми зависящими отъ него мѣрами благосостоянію государства. Св. Церковь научаеъ насъ испрашивать эту помощь въ дѣлѣ устроенія государственнаго блага у Христа, *вознесшагося* за насъ *на крестъ волею*, да *даруетъ* Онъ Свои *щедроты* христіанскому государству, т. е. да оградить его силою креста Своего отъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ и да *возвеселитъ* главу государства вождельными успѣхами въ борьбѣ съ этими врагами, или *побѣдою* надъ ними. Для побѣды надъ ними нужны не одни вещественныя оружія, не одна многочисленность войска и воинское искусство,—нужна еще духовная побѣдоносная сила—сила креста Христова. Крестъ есть *оружіе мира*, потому что крестомъ Спаситель побѣдилъ праведный гнѣвъ Господа на прогнѣвавшихъ Его людей и примирилъ ихъ съ Богомъ. Но это же оружіе благопотребно и для борьбы съ врагами государства. Вѣра въ силу креста Христова дѣлаеъ его побѣдоноснымъ, *непобѣдимою побѣдою*, какъ это видно изъ примѣровъ благочестивыхъ христіанскихъ царей, которые, подобно св. равноап. Константину, подъ сѣнію креста, одушевленные вѣрою въ силу его, одерживали побѣды надъ врагами и содѣйствовали чрезъ то благосостоянію государства.

Въ поученіи въ нед. Всѣхъ Святыхъ, на текстъ: *тѣмъ же и мы ...* и т. д. *одесную же престола Божія сѣде* (Евр. 12, 1—2), преосв. Виссаріонъ, обстоятельно выяснивши, въ чемъ именно состояло увѣщаніе св. ап. Павла къ исповѣдникамъ вѣры—христіанамъ изъ евреевъ, гонимымъ отъ своихъ единоплеменниковъ, говоритъ, что увѣщаніе это въ одинако-

вой почти степени относится и къ нашему времени. Опасность враждебныхъ отношеній къ исповѣдникамъ вѣры существуетъ не только въ тѣхъ странахъ, гдѣ вѣра христіанская еще не водворилась, и господствуютъ во всей силѣ языческія суевѣрія и магометанское лжевѣріе, но и тамъ, гдѣ вѣра христіанская и Церковь Православная давно уже утвердились. Открытыхъ гоненій, насильственныхъ посягательствъ на свободу и даже на жизнь исповѣдниковъ истины со стороны враговъ ея, пожалуй, за немногими исключеніями, не замѣчается; зато поношеній и глумленій противъ православно-вѣрующихъ со стороны невѣрующихъ сектантовъ, раскольниковъ бываетъ не мало. Напр., есть не мало сектъ, послѣдователи которыхъ возстаютъ противъ иконопочитанія, иконы называютъ идолами, поклоняющихся предъ ними—идолопоклонниками, иногда оскверняютъ иконы, выбрасываютъ и разбиваютъ ихъ. Горько все это терпѣть и видѣть православнымъ, чествующимъ не вещество иконъ, но тѣхъ, кто изображенъ на нихъ, и поклоненіемъ предъ иконами выражающимъ благоговѣніе къ изображеннымъ на нихъ!.. Подобное же хуленіе и издѣвательство изрыгаютъ раскольники противъ Церкви Православной, ея священноначалія, таинствъ и вообще богослуженія. Они утверждаютъ, что Церковь со временъ патріарха Никона погибла; что повсюду теперь царствуетъ антихристъ; что цари и служители Церкви суть слуги антихриста; что имя *Иисусъ*, произносимое вмѣсто *Исусъ*, есть имя антихриста; что государственные гербы суть печати антихриста и т. п. нелѣпности. Какъ все это оскорбительно слышать православнымъ!.. Даже въ средѣ людей, не прервавшихъ союза съ Православною Церковію, продолжающихъ считаться членами ея, есть люди, которые не только сами не соблюдаютъ церковныхъ постановленій о постахъ и о праздникахъ, но еще глумятся надъ соблюдающими ихъ и своими глумленіями соблазняютъ слабовѣрныхъ и глубоко оскорбляютъ твердыхъ ревнителей православной вѣры и Церкви... Ко всемъ подобнымъ ругателямъ православія надлежитъ относиться съ такимъ же

терпѣиємъ, какое, по внушенію апостола, должны были являть новообращенные христіане изъ евреевъ по отношенію къ единоплеменникамъ, гнавшимъ и поносившимъ ихъ. Чѣмъ больше злости и дерзости высказывается противъ исповѣдниковъ истины врагами ея, тѣмъ тверже и непоколебимѣе должно стоять за истину и въ то же время сохранять самообладаніе и терпѣніе въ исповѣданіи и защищеніи ея, воодушевляя себя примѣромъ Христа Спасителя, который молился за враговъ Своихъ, и Его заповѣдію—благословлять клянущихся, благотворить ненавидящимъ, молиться за обидящихъ и гонящихъ. По слову апостола, страданіе за вѣру есть даръ Божій (Филипп. 1, 28). Стало быть, получившимъ этотъ даръ надобно благодарить Господа за то, что имъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него (— ст. 29), и что благодушнымъ перенесеніемъ этихъ страданій и самоотверженіемъ дана имъ возможность засвидѣтельствовать искренность вѣры во Христа. Можно назвать счастливыми тѣхъ, которымъ представится случай совершить этотъ подвигъ и сподобиться за него вѣнца небеснаго.

Въ поученіи въ нед. 19-ю по Пятидесятницѣ, на текстъ: *якоже хотите да творятъ вамъ чловѣци, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31), преосв. Виссаріонъ выясняетъ, что этой заповѣди Спасителя ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать въ безусловномъ смыслѣ, потому что тогда взаимность, требуемая этою заповѣдію, не всегда была бы согласна съ истинною любовію къ себѣ и ближнимъ. Последняя требуетъ, чтобы изъ нашей снисходительности и услужливости выходило добро, а не зло. Зла же нужно опасаться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда снисходительность превращается въ потворство грѣху, когда услужливость соединяется съ лестію и готовностію помогать ближнимъ для достиженія худыхъ цѣлей. Если бы, напр., присяжные засѣдатели оправдывали явныхъ злодѣевъ единственно по снисхожденію, то такое потворство злодѣямъ было бы пагубно и для нихъ самихъ, такъ какъ безнаказанность поощряла бы ихъ къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ, и для

общества, которому постоянно угрожала бы опасность потерпеть отъ нихъ вредъ для собственности и для жизни. Наши отношенія къ ближнимъ должны основываться на любви, соединенной съ правдою. Кто не соблюдаетъ правды совмѣстно съ любовію, тотъ напрасно говоритъ, что любитъ ближняго. Онъ—его врагъ, такъ какъ даетъ ему поводъ дѣлать зло. Равно онъ врагъ и себѣ, если и себѣ желаетъ такого же потворства отъ ближнихъ, если желаетъ, чтобы любовь къ нему ближняго соединена была съ пристрастіемъ и неправдою.

Любяй неправду, ненавидитъ свою душу. Душа создана по образу и по подобію Божію, а образъ и подобіе Божіе состоятъ въ правдѣ и истинной святости. А потому, кто не заботится объ этомъ, не руководствуется въ своихъ поступкахъ и отношеніяхъ къ ближнимъ правдою, тотъ не дорожитъ ни своимъ достоинствомъ, ни достоинствомъ ближнихъ, пренебрегаетъ своимъ благомъ и благомъ ближнихъ,—тотъ не любитъ себя и ближнихъ въ истинномъ смыслѣ. Истинная любовь должна быть справедлива и безпристрастна. Поэтому, если бы кто изъ насъ попалъ въ число присяжныхъ судей, тотъ, хотя бы самъ былъ виновенъ въ такихъ же точно преступленіяхъ, въ какихъ обвиняется подсудимый, долженъ отнестись къ послѣднему съ законною строгостью, не долженъ отговариваться тѣмъ, что самъ—такой же преступникъ, хотя и не уличенный, или можетъ сдѣлаться такимъ же преступникомъ. Пусть онъ—таковъ же, какъ подсудимый; но онъ и себѣ не долженъ искать снисходительности, если бы очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ не долженъ желать себѣ свободы отъ наказанія, потому что наказаніе въ этомъ случаѣ является не зломъ, а добромъ: оно ведетъ къ исправленію. Но насколько наказаніе для насъ благотворно, настолько же оно можетъ быть благотворно и для тѣхъ, кого мы, по долгу присяги и по внушенію совѣсти, участвуя въ судебномъ производствѣ, признаемъ достойнымъ законной кары, хотя бы это было тяжело для нашей любви къ нему. Истинная любовь должна быть соединена съ правдою. Въ этомъ именно смыслѣ и должно

понимать заповѣдь Христову: *якоже хотите да творятъ вамъ челоувѣцы, и вы творите имъ такожде*. Не тотъ исполняетъ эту заповѣдь о взаимныхъ услугахъ и снисхожденіи, кто, подъ предлогомъ любви къ ближнему, мирволитъ ему, желая и ожидая, чтобы и ближній съ нимъ такъ же поступалъ,—а тотъ, кто въ отношеніяхъ своихъ къ ближнимъ руководствуется истинною любовію къ нимъ и къ себѣ; кто поступаетъ съ ближнимъ такъ, какъ требуетъ любовь, соединенная съ правдою; кто своей снисходительности не простираетъ до потворства, услужливости—до сочувствія злу, до готовности содѣйствовать ближнему въ его недобрыхъ дѣлахъ; кто желаетъ добраго участія себѣ со стороны ближняго только въ томъ случаѣ, если оно, по цѣли и побужденію, достойно одобренія.

Преосв. Макарій, объясняя въ своемъ поученіи въ нед. 22-ю по Пятидесятницѣ евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, говоритъ, что притчею этою осуждается не богатство, а крайнее себялюбіе, сластолюбіе, жестокость, немилосердіе и забвеніе Бога. Были и есть богатые, которымъ богатство не только не послужило во вредъ, но помогло угодить Богу и спасти свою душу. Былъ Авраамъ богатъ,—но онъ названъ „другомъ Божиимъ“, „отцемъ вѣрующихъ“; былъ Іовъ богатъ,—но онъ былъ „окомъ слѣпыхъ, ногою хромымъ, отцемъ немощныхъ“ (Іов. 29, 15); былъ богатъ Филаретъ Милостивый,—но онъ ублажается въ числѣ святыхъ. Притча о богатомъ и Лазарѣ можетъ относиться ко всякому, кто, имѣя избытокъ, не дѣлится имъ съ другими; кто, имѣя хотя бы и малое достояніе, все цѣликомъ употребляетъ только на себя, на удовлетвореніе только своихъ прихотей. Кто, принадлежа къ среднему классу людей и получая самое ограниченное содержаніе, все безъ остатка употребляетъ только на себя—часть на пропитаніе, на одежду, а остальное на предметы роскоши или на грѣховныя удовольствія—на театръ, на циркъ, на вино, на картежную игру, на покунку бездѣлокъ и т. п.—и ни одной лепты не приноситъ въ храмъ, ничего не подаетъ

нуждающимся, копейки не опуститъ въ кружку на сиротъ, на вдовъ, на дѣло Божіе, на дѣло благотворительности,—тотъ осудится вмѣстѣ съ евангельскимъ богачемъ. Если служанка, кухарка, горничная получаемою за свое услуженіе плату тратить только на себя, на приобрѣтеніе, напр., такихъ нарядовъ и украшеній, какіе видитъ на своей госпожѣ,—и вообще, кто живетъ выше своего состоянія и ничего не удѣляетъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ ни на дѣло Божіе, ни на дѣла благотворительности, тотъ осужденъ будетъ за злоупотребленіе дарами Божіими, какъ и богатые люди, удерживающіе то достояніе, какое дано имъ отъ Бога для того, чтобы они удѣляли избытки свои нуждающимся. — Равнымъ образомъ, въ притчѣ бѣдный Лазарь ублажается не за то, что онъ былъ бѣденъ, а за то, что, находясь въ крайней бѣдности, будучи обложенъ гнойными струньями, всѣми оставленный, онъ терпѣливо переносилъ свое горе, свою болѣзнь, свою нужду. Если заглянемъ въ наши почлепные дома, на церковныя паперти, то увидимъ тамъ много разнаго рода нуждающихся въ людской помощи. А сколько бѣдняковъ тайныхъ, стыдящихся появляться на улицахъ, стоять на папертяхъ церковныхъ, у богатыхъ магазиновъ, на перекресткахъ! Всѣ такіе бѣдняки, терпѣливо несущіе бремя нищенства, сиротства и вдовства, получаютъ за терпѣніе свое воздаяніе вмѣстѣ съ убогимъ Лазаремъ. Но есть другого рода бѣдняки, бѣдность которыхъ не послужитъ имъ во спасеніе, и которые, потому, сугубо несчастны: они и здѣсь бѣдствуютъ, и въ будущемъ не имѣютъ надежды на воздаяніе. Это тѣ, которые могли бы выйти изъ бѣдности, но не хотятъ, такъ какъ не желаютъ трудиться; это тѣ, которымъ никакая людская помощь не можетъ принести пользы, такъ какъ они добровольно приобрѣли несчастную страсть къ вину и все достояніе свое и всякое подаеніе отъ людей употребляютъ на удовлетвореніе несчастнаго порока: это тѣ, которые предпочитаютъ честному труду воровство; это, наконецъ, тѣ несчастные, которые расточаютъ свое имущество подобно евангельскому блудному сыну и не

хотятъ придти въ раскаяніе, чтобы отстать отъ своей порочной жизни. Всѣ такіе, если не покаются, не имѣютъ права надѣяться получить по смерти своей то блаженство, какого удостоился евангельскій убогій Лазарь.—Итакъ, богатому хотя и трудно войти въ царствіе небесное, но не невозможно. *Продадите имѣніе, и дадите нищимъ*—вотъ вѣрный способъ для богатыхъ войти въ царствіе небесное. Они и получили избытокъ земныхъ благъ для того, чтобы дѣлили свое достояніе съ нуждающимися. Богачь, удерживающій руку свою отъ раздаянія сокровищъ бѣднымъ, по ученію свв. отцевъ, будетъ осужденъ такъ же, какъ и бѣднякъ, похищающій чужое достояніе. Но богачь, щедро раздающій свое имѣніе нуждающимся, имѣетъ великое обѣщаніе: за это онъ получитъ глубокое воздаяніе и здѣсь, на землѣ—мирную и благополучную жизнь, и тамъ, на небесахъ—царствіе небесное. Богатому дано богатство для того, чтобы онъ *искупилъ* чрезъ него царствіе небесное. Въ то же время и бѣдному въ удѣлъ дана бѣдность для того, чтобы онъ ницетою тѣлесною пріобрѣталь и ницету духовную, за которую обѣщано царствіе небесное. Богатый спасается милостыней, а бѣдный—трусами, скорбями, безропотнымъ перенесеніемъ всего, что досталось на долю его. Тяжелый, черный трудъ, пренебреженіе со стороны сильныхъ и богатыхъ, скудость пропитанія, убожество одѣянія, бѣдность жилища, сухой и черствый хлѣбъ, вмѣсто сладкихъ блюдъ богатаго, недостатокъ средствъ для воспитанія дѣтей, почти полная безпомощность во время безработицы и болѣзни—вотъ горькая доля бѣдняка. За безропотное терпѣніе всего этого и обѣщано ему на небесахъ вѣчное блаженство. Блаженны нищіе,—но только тѣ, которые терпѣливо переносятъ свою ницету, не предаваясь воровству, праздности, пьянству и другимъ порокамъ, свойственнымъ бѣдности. Горе богатымъ,—но не всѣмъ, а только тѣмъ, которые для себя собираютъ и только для себя живутъ, а не въ Бога богатѣютъ, не желаютъ и не ищутъ богатства духовнаго; которые богаты жестокостію, но бѣдны милосердіемъ; богаты гордостію, но бѣдны смире-

ніемъ; богаты ожесточеніемъ сердца, но не чувствуютъ потребности въ покаяніи,—и вообще, богаты всѣмъ, но бѣдны нищетою духовною. Блаженны плачущіе нынѣ, потому что они возрадуются послѣ; но горе смѣющимся, потому что они послѣ восплачутъ и возрыдають. Блаженны милостивые, потому что они помилованы будутъ; но судъ безъ милости будетъ не сотворившимъ милости.

Слово въ нед. о Разслабленномъ Н. К. и анонимное поученіе въ ту же недѣлю прекрасны и безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ, по *отъ перваго и до послѣдняго сл ва своего списаны съ одной и той же проповѣди*. Конечно, винить почтенныя редакціи за то, что онѣ довѣрили своимъ сотрудникамъ, было бы верхомъ несправедливости: услѣдить за всѣми проповѣдями, которыя гдѣ бы то ни было, кѣмъ бы то ни было и когда бы то ни было печатались, нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Кстати, пользуясь случаемъ, считаемъ пріятною нравственною обязанностью своею отмѣтить здѣсь, что подборъ проповѣдей въ Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ является прямо-таки образцовымъ и много напоминаетъ намъ подборъ проповѣдей въ 80-хъ годахъ въ Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Плагіаты, безъ сомнѣнія, есть и въ другихъ вѣдомостяхъ, и если всплылъ наружу одинъ только указанный нами выше, то это объясняется простою случайностью: обѣ проповѣди напечатаны въ одно и то же время..... На грустныя размышленія наводитъ этотъ фактъ, и трудно бороться съ этимъ зломъ!...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. В.

*За Редактора, и. д. Ректора Кіевской Духовной Семинаріи,
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ*

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 августа 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 38.

Подписна принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, сентября 16-го.

Содержаніе: Неотложное дѣло. — Обь улучшеніи церковнаго цѣнія въ сель-
скихъ приходахъ. — Обзорѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдо-
мостяхъ за 1900 г. (продолженіе).

НЕОТЛОЖНОЕ ДѢЛО.

Въ пастоящее время наши пастыри проявляютъ осо-
бенно усиленную народпросвѣтительную дѣятельность—отча-
сти вслѣдствіе разныхъ мѣропріятій высшей правительствен-
ной власти, отчасти же по собственному почину. Возрожденіе
и небывалое развитіе церковно-приходской школы, усиленіе
миссіонерской дѣятельности и расширеніе церковнаго учи-
тельства—это такіа свѣтлыя явленія, которыя весьма рельефно
характеризуютъ современныхъ пастырей, какъ усерднѣйшихъ
просвѣтителей народа, глубоко сознающихъ необходимость
самаго широкаго распространенія въ народѣ образованія и
ясно представляющихъ себѣ ту руководящую роль, кака въ
этомъ дѣлѣ несомнѣнно принадлежитъ Православной Церкви,

по естественному ходу нашей исторической многовѣковой жизни. Просвѣщеніе русскаго народа съ цѣлью поднятія его религіозно-нравственной и бытовой жизни всегда составляло одну изъ главныхъ обязанностей нашего духовенства, и на протяженіи всей исторіи Русской Церкви духовенство дѣйствительно шло впереди другихъ сословій въ дѣлѣ образованія темной массы. Но множество крайне неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ сильно тормозили это святое дѣло, и потому оно долго не могло принести желательныхъ плодовъ. Только въ послѣднее время, когда невѣжество самымъ губительнымъ образомъ стало сказываться не только въ религіозно-нравственной, но и въ матеріально-экономической жизни народа, всѣ радѣющіе о народномъ благосостояніи пришли къ сознанію неотложной потребности широкаго и прочнаго образованія, и духовенство, усилившее свою просвѣтительную дѣятельность, встрѣтило дружное содѣйствіе со стороны правительства, образованнаго общества и простаго народа. Благодаря этому содѣйствію, оно получило возможность широко поставить дѣло народнаго образованія, и есть надежда, что борьба съ невѣжествомъ теперь пойдетъ быстрѣе и успѣшнѣе. Духовенство теперь имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество просвѣтительныхъ средствъ, какъ-то: церковно-приходскія школы, вѣбогослужебныя бесѣды, миссіонерскія собесѣдованія, чайныя и при нихъ читальни съ бібліотеками, народныя чтенія и др.; въ своей совокупности эти средства составляютъ такую внушительную силу, предъ которой тьма невѣжества должна исчезнуть. Но есть еще одно просвѣтительное учрежденіе, почтенное по своему историческому прошлому и весьма могущественное въ смыслѣ средства къ насажденію въ народѣ образованія, но почему-то до сихъ поръ мало привлекавшее вниманіе нашихъ сельскихъ пастырей. Это—воскресная школа, которая въ рукахъ опытныхъ руководителей способна дать самые блестящіе результаты.— Что такое воскресная школа, какова ея организація, какіе она плоды приноситъ, какъ относится къ ней простой народъ,

в какую роль въ дѣлѣ просвѣщенія она можетъ сыграть въ рукахъ духовенства,—на эти вопросы мы постараемся дать отвѣтъ въ настоящей замѣткѣ.

Воскресныя школы появились у насъ въ концѣ 50-ыхъ и въ началѣ 60-ыхъ годовъ. Въ числѣ первыхъ насадителей воскресныхъ школъ, на ряду съ такими дѣятелями, какъ Н. И. Пироговъ и проф. Павловъ, достойны упоминанія два священника Нытвинскаго завода, Оханскаго у., Пермской г., которые открыли у себя на заводѣ воскресную шк. въ 1859 году. Руководители этой школы имѣли въ виду главнымъ образомъ религіозное и нравственное развитіе учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботились и о томъ, чтобы „при случаѣ и къ слову предлагались свѣдѣнія о явленіяхъ природы, такъ чтобы при изъясненіи ихъ исходною точкою была премудрость и благодать Творца... Было говорено, напр., о воздухѣ, о тяжести, упругости, о дыханіи, о порчѣ воздуха отъ дытанія, о горѣніи и проч.“¹⁾ Какъ бы ни старались (напр., г. Абрамовъ въ статьѣ: „Первыя воскресныя школы“²⁾) умягчить значеніе этой воскресной школы, представляя ея программу однородною съ программами протестантскихъ воскресныхъ школъ, носящихъ характеръ конфессіональный, и совершенно отличною отъ программъ нашихъ позднѣйшихъ воскресныхъ школъ, однако несомнѣнно то, что она сыграла свою роль въ дѣлѣ ознакомленія нашего образованнаго общества съ новымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, идея котораго безспорно занесена къ намъ изъ протестантскихъ земель. Вслѣдъ за Нытвинскою школою стали появляться воскресныя школы во многихъ мѣстахъ Имперіи. Въ Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ и многихъ др. городахъ были открыты воскресныя школы для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности посѣщать обыкновенныя школы, и интеллигентные люди, подъ руководствомъ

¹⁾ „Руков. для с. п.“, 1860, № 26. Троицкій: „Ходъ открытія воскресныхъ шк. въ нашемъ отечествѣ“.

²⁾ „Русская Школа“, 1898, № 11, стр. 49.

опытных педагоговъ, съ юношескимъ пыломъ и рѣдкимъ воодушевленіемъ безмездно предлагали свои услуги въ качествѣ преподавателей¹⁾. Взрослыхъ учениковъ изъ рабочаго люда, съ полнымъ довѣріемъ къ ученію шедшихъ въ воскресныя школы, обучали грамотѣ и Закону Божію; занимались съ ними объяснительнымъ чтеніемъ статей по разнымъ отраслямъ знанія, а также руководили ихъ домашнимъ чтеніемъ и самообразованіемъ. Но это народопросвѣтительное движеніе въ скоромъ времени было пріостановлено: 12 іюня 1862 года, когда обнаружено было, что въ двухъ петербургскихъ школахъ „преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію превратныхъ понятій о правѣ собственности и даже къ возмущенію противъ государства“, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о повсемѣстномъ закрытіи воскресныхъ школъ впрядь до преобразованія ихъ на новыхъ началахъ. Хотя такого преобразованія и не послѣдовало, и въ *Положеніяхъ* о начальныхъ училищахъ 1864 и 1874 гг. о воскресныхъ школахъ говорится только, какъ объ одномъ изъ видовъ начальной народнои школы, однако симпатичная идея воскресной школы, дающей возможность учиться всѣмъ тѣмъ, кто, будучи занятъ цѣлую недѣлю физическимъ трудомъ, не въ состояніи пользоваться обыкновенною школою для своего образованія, не умерла. Въ 1866 г. были открыты 33 воскресныхъ школы для взрослыхъ и дѣтей при духовныхъ семинаріяхъ. Можетъ быть, и не всѣ эти школы, носившія нѣсколько оффиціальнаго характера, слѣдовательно—не совсѣмъ подходившія подъ типъ настоящихъ воскресныхъ школъ—вольныхъ, свободныхъ, основанныхъ на непринужденномъ желаніи однихъ—учиться, а другихъ—учить, съ одинаковымъ уснѣхомъ служили великому дѣлу просвѣщенія народнои массы; но между ними безспорно были и образцовыя, исполнявшія свое дѣло честно. Кромѣ той непосредственной пользы, какую принесли воскресныя школы при духовныхъ

¹⁾ Ср. ст. Стасова въ журн. „Недѣля“ за 1896 г., кн. 4.

семинаріяхъ дѣлу народнаго образованія, достойно вниманія историка и то, что онѣ, на ряду съ очень немногими частными школами, сохранили идею воскресной школы отъ забвенія во всѣхъ концахъ нашего отечества въ продолженіе многихъ лѣтъ и такимъ образомъ способствовали успѣшному возрожденію ея, начавшемуся съ 80-ыхъ годовъ.

Въ дѣлѣ возрожденія и дальнѣйшаго развитія воскресныхъ школъ самая выдающаяся роль принадлежитъ харьковской женской воскресной школѣ Х. Д. Алчевской. Последняя свою школу открыла еще въ 1870 г. „Способность писательницы, искусство владѣть устнымъ словомъ и убѣждать людей, упорная энергія, не останавливающаяся предъ препятствіями, способность къ иниціативѣ, хорошія матеріальныя средства, житейскій тактъ, горячая, заражающая слушателей вѣра въ свое дѣло, талантъ педагога, а главное—способность на цѣлую жизнь выбрать себѣ одну опредѣленную цѣль и на ней одной сосредоточиться, ей одной отдать всѣ свои досуги и средства“¹⁾—все соединилось въ г-жѣ Алчевской для того, чтобы съ теченіемъ времени сдѣлать ея школу совершеннѣйшимъ образцомъ школъ этого типа. Въ 80-хъ годахъ, когда свѣдѣнія о ней, благодаря печати, проникли въ общество, воскресная школа Алчевской привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе и „сдѣлалась центромъ, куда пріѣзжали за тысячи верстъ изучать дѣло воскресныхъ школъ (между прочимъ, такія лица, какъ баронъ Корфъ, Евтушевскій, Миропольскій, Семеновъ и др.)“²⁾. Это обстоятельство, въ связи съ стремленіемъ правительства и общества къ самому широкому распространенію въ народѣ образованія, послужило сильнымъ толчкомъ къ открытію воскресныхъ школъ во многихъ мѣстахъ, притомъ не только въ городахъ, но и въ селахъ. Теперь общество пришло къ сознанію, что воскресная школа, столь необходимая городамъ, еще нужнѣе въ деревняхъ, которыя,

¹⁾ В. Вахтеровъ: „Внѣшкольное образованіе народа“, стр. 167—168.

²⁾ Тамъ же.

по сравненію съ городами, имѣють весьма ограниченное количество образовательныхъ средствъ, и потому въ короткое время была открыта масса воскресныхъ школъ въ разныхъ концахъ Россіи. По словамъ г. Абрамова, уже много лѣтъ ведущаго хронику воскресныхъ школъ въ журн. „Русская Школа“, „воскресныя школы имѣются въ настоящее время въ селахъ всѣхъ мѣстностей Россіи, начиная отъ крайняго юга и до крайняго сѣвера и отъ западныхъ губерній до Урала и даже за Ураломъ“, такъ что количество ихъ нужно считать тысячами ¹⁾).

Благодаря широкому распространенію воскресныхъ школъ и дружному участию въ жизни ихъ образованныхъ людей всѣхъ сословій и социальныхъ положеній, въ настоящее время получилась возможность выяснить отношеніе народа къ этому важному просвѣтительному учрежденію и разработать вопросы объ организаціи его—виѣшной и внутренней ²⁾).

Простой рабочій народъ, взрослое населеніе, для котораго преимущественно и открываются воскресныя школы, относится къ нимъ съ живѣйшимъ интересомъ и искреннею любовью. Его располагаетъ къ этимъ школамъ, прежде всего, возможность сдѣлаться грамотнымъ и черезъ это пріобрѣсть лишніе шансы на успѣхъ въ борьбѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба. Вотъ что пишутъ объ этомъ сами крестьяне: „неграмотнаго могутъ обидѣть во всякихъ случаяхъ, и ничего ему не поддѣлать, потому что онъ не знаетъ никакихъ законовъ“; „грамотный, если его обидятъ, можетъ посмотрѣть въ книги, гдѣ законы написаны, и искать себѣ защиты“; „грамотному нигдѣ не страшно, ежели онъ живетъ по закону, а неграмотный, когда и по закону дѣлаетъ, а ему говорятъ: не по закону—и берутъ лишнія деньги“; „и въ службѣ грамотному

¹⁾ „Русская Школа“, 1899, № 12, стр. 25.

²⁾ Относящіяся сюда матеріалы старательно собраны г. Вахтеровымъ въ его книжкѣ: „Виѣшнее образованіе народа“, Москва, 1896. Ср. статьи г. Абрамова о воскресныхъ школахъ въ „Русской Школѣ“ за 1899—1900 гг.

легче, потому что онъ знаетъ по книгамъ, что Царь велитъ требовать отъ солдата; каждый грамотный солдатикъ пишетъ въ своихъ письмахъ, чтобы родители отдавали младшаго его брата въ школу учиться“ и т. п. Но выше всего цѣнятся крестьяне нравственно-воспитательное вліяніе воскресной школы. Отъ нихъ часто приходится слышать: „раньше по воскресеньямъ мы изъ пустого въ порожнее переливали, а теперь пріятно время проводимъ въ училищѣ, да еще и книжку на домъ принесемъ“. Одинъ кузнецъ, 43 лѣтъ, самъ говоритъ, что до поступленія въ воскресную школу онъ былъ страшнымъ пьяницей, билъ жену, бранился; теперь же очень рѣдко бываетъ выпивши, а до прежняго состоянія уже никогда не доходить. Г-жѣ Новицкой, посѣтившей воскресныя школы на Шлиссельбургскомъ трактѣ (въ Петербургѣ), фабричныя „воскресники“ рассказывали про себя, что если мужъ начинаетъ ходить въ школу, то и жена, не желая оставаться темною, тоже начинаетъ посѣщать школу. „А вечеромъ сойдемся и начинаемъ вспоминать про все то, что тамъ слышали. Иной и въ кабакъ потому нейдетъ, что дома стало занятіе. Ужъ мы даже поговорку сложили: *пересталъ пить—затѣ сталъ въ школу ходить*“. А вотъ что пишетъ одна изъ дѣвушекъ-„воскресницъ“, вообще живѣе чувствующихъ на себѣ благодѣтельное вліяніе школы и яснѣе сознающихъ насущную потребность народа въ образованіи: „въ которыхъ семьяхъ *ученые хозяева*, въ тѣхъ семьяхъ всегда ведется хорошей порядокъ, жить тамъ веселѣе, и дѣло идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ неграмотные хозяева; въ которыхъ семьяхъ неграмотные хозяева, въ тѣхъ семьяхъ нѣтъ хорошаго порядка, и дѣти, не слыша хорошихъ наставленій отъ своихъ родителей, кромѣ скверныхъ словъ и небрежныхъ поступковъ, стараются дѣлать такъ же. Такъ какъ всѣ грамотные учились въ школѣ не худому, учили Законъ Божій, такъ и стараются хотя немного поступать по закону—почитать родителей и проч., чтобы послужить примѣромъ для всѣхъ неграмотныхъ“.

Испытывая на себѣ столь благодѣтельное вліяніе воскресной школы, крестьяне-„воскресники“ съ искреннею любовью и полнымъ довѣріемъ относятся къ ея руководителямъ и заведеннымъ въ ней порядкамъ и приѣмамъ обученія, тѣмъ болѣе что послѣдніе, выработанные долголѣтнею практикою, сами по себѣ вполне заслуживаютъ этой любви и сильно способствуютъ возрастанію довѣрія. Посѣщенія воскресной школы не обязательны для „воскресниковъ“; занятія въ ней не имѣютъ того принудительнаго, оффиціального характера, который такъ чувствителенъ въ обыкновенныхъ школахъ. Здѣсь все основано на доброй волѣ „воскресниковъ“ учиться и на сердечномъ отношеніи учителей къ умственнымъ запросамъ ихъ и нуждамъ. Характеризуя это отношеніе, сообщающее особенный духъ воскресной школѣ, г. Абрамовъ совершенно вѣрно говоритъ: „чего не даетъ воскресникамъ жизнь, отсутствіе чего дѣлаетъ жизнь столь тягостною, они и находятъ въ воскресныхъ школахъ. Здѣсь ихъ привѣтливо встрѣчаютъ, ободряютъ ихъ первые застѣнчивые шаги, интересуются ихъ жизнью и ихъ душевнымъ состояніемъ, радуются ихъ радостями и печалются ихъ печалями, заботятся о нихъ, беспокоятся, разъ они почему-либо не являются въ школу, разыскиваютъ ихъ въ ихъ жалкихъ жилищахъ, устраняютъ препятствія, мѣшающія ихъ посѣщеніямъ школы, навѣщаютъ ихъ во время болѣзни и вообще вносятъ въ ихъ жизнь нѣчто свѣтлое, радостное, чего въ этой жизни не было и не будетъ съ прекращеніемъ связи съ школою“.

Организація воскресной школы очень не сложна. Лицо (или учрежденіе), желающее открыть воскресную школу, подаетъ о томъ прошеніе или инспектору народныхъ училищъ, если предполагается открыть воскресную школу при земскомъ или министерскомъ училищѣ, или епархіальному архіерею, если имѣется въ виду открыть ее въ видѣ самостоятельнаго учебнаго заведенія ¹⁾;

¹⁾ Первое на основаніи *Положенія* о нач. нар. уч. 1874 г. (ст. 2, пунктъ 4), и второе на основаніи циркуляра г. управляющаго М. И. Пр. отъ 4 сент. 1891 года за № 15191.

затѣмъ учредитель школы (онъ же и распорядитель, если это частное лицо) заботится о пріисканіи законоучителя и правоспособныхъ учителей (или учительницъ), объ утвержденіи ихъ подлежащимъ начальствомъ въ должности преподавателей воскресной школы, а также о пріисканіи подходящаго помѣщенія для школы ¹⁾ и о постепенномъ устройствѣ при ней библіотекъ учительской и ученической и склада учебниковъ, учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей. Наибольше затрудненій представляетъ пріисканіе подходящаго учительскаго персонала, такъ какъ наша деревня вообще очень бѣдна интеллигентными силами. Но все-таки трудно допустить, чтобы, при надлежащемъ усердіи и настойчивости руководителя школы, невозможно было найти людей, которые бы изъявили желаніе безмездно работать въ воскресной школѣ на пользу крестьянскаго населенія. Опытъ существующихъ воскресныхъ школъ показываетъ, что образованные элементы деревни (духовенство, земскіе врачи, ученые агрономы, учителя, фельдшера, изрѣдка помѣщики) не отказываются принимать такое или иное участіе въ развитіи этого народопросвѣтительнаго учрежденія и весьма часто съ большою охотою отдаютъ свой досугъ (особенно зимою) дѣлу преподаванія въ школѣ.

Что касается порядка занятій въ воскресной школѣ и программы учебныхъ предметовъ, то они опредѣляются отчасти „Положеніемъ о нач. народн. училищахъ 1874 г.“, отчасти же мѣстными условіями и потребностями. *Положеніе* 1874 г. относитъ воскресныя школы къ типу начальныхъ училищъ, слѣдовательно — узаконяетъ для нихъ программу учебныхъ предметовъ (Законъ Божій, русскій языкъ и счисленіе) послѣднихъ. Но такъ какъ воскресная школа, какого бы она ни была типа ²⁾, учреждается прежде всего и главнымъ обра-

¹⁾ Циркуляръ г. Министра Н. Пр. отъ 27 окт. 1885 г. предоставляетъ воскреснымъ школамъ помѣщенія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

²⁾ Возможны *три* типа воскресной школы, соответствующіе *тремъ* отдѣленіямъ начального училища: 1) низшая воскресная школа—для со-

зомъ для взрослога населенія (только въ рѣдкихъ случаяхъ для бѣднѣйшихъ дѣтей, не имѣющихъ возможности посѣщать обыкновенную школу), слѣдовательно—для людей съ твердо сложившимся взглядомъ на вещи и съ опредѣленными запросами и потребностями, то само собою понятно, что приемы преподаванія въ ней предметовъ начальныхъ училищъ и самый выборъ матеріала изъ нихъ для сообщенія его „воскресникамъ“ всецѣло долженъ зависѣть отъ послѣднихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Гр.

Объ улучшеніи церковнаго пѣнія въ сельскихъ приходахъ.

Часто посѣщая сельскіе храмы въ различныхъ мѣстахъ, мы всегда неприятно поражались однимъ существеннымъ недостаткомъ церковнаго пѣнія—неосмысленнымъ и неправильнымъ исполненіемъ на клиросѣ измѣняемыхъ частей богослуженія, преимущественно праздничнаго, т. е. тѣхъ пѣснопѣній, которыя поются нечасто или даже однажды въ годъ. Поетъ ли одинъ псаломщикъ или съ хоромъ случайныхъ любителей, помогающихъ ему, всегда эти, именно, пѣснопѣнія составляютъ камень преткновенія. Пѣніе большей частью идетъ чинно, стройно и толково только до тѣхъ поръ, пока исполняются обычныя неизмѣняемыя или часто встрѣчающіяся въ богослуженіи пѣснопѣнія; но впечатлѣніе сразу измѣняется, какъ только начнется пѣніе стихирь изъ мшени или канона. Обыкновенно псаломщикъ еще разбираетъ съ грѣхомъ пополамъ текстъ; а другіе участники пѣнія гудутъ (иначе нельзя

вершенно неграмотныхъ взрослыхъ, 2) высшая повторительная школа—для взрослыхъ, окончившихъ курсъ народнаго училища и 3) средняя повторительная школа—для лицъ, выбывшихъ изъ начальнаго училища ранѣе окончанія курса.

опредѣлить это пѣніе) безъ словъ, подхватывая иногда концы предложеній. Получается, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ греческаго пѣнія *съ исномъ*, состоящаго въ томъ, что одинъ пѣвецъ исполняетъ какое-либо пѣснопѣніе, заливаясь, по восточному обычаю, самыми замысловатыми украшеніями и носовыми звуками, тогда какъ весь хоръ упорно тянетъ безъ словъ одну ноту, которая по отношенію къ мелодіи пѣснопѣнія составляетъ какъ бы органнй пунктъ. Но при этомъ и псаломщикъ далеко не безупречно исполняетъ свое дѣло. Не вчитавшись предварительно въ текстъ, онъ примѣняетъ къ нему гласовой напѣвъ болышею частью безъ всякаго смысла: не соблюдаетъ грамматическихъ и логическихъ удареній, не наблюдаетъ, чтобы окончанія музыкальныхъ періодовъ (такъ назыв. каденціи) совпадали съ окончаніями мыслей и предложеній и т. п. Всегда ясно чувствуется, что это пѣніе ведется безъ всякаго предварительнаго приготовленія, что оно создается въ самый моментъ исполненія его при богослуженіи. Вслѣдствіе этого то, что составляетъ особенность богослужебнаго дня, въ чемъ выражается и уясняется смыслъ и значеніе празднуемаго событія, для слушателей пропадаетъ: богослужебное пѣніе не назидаетъ и не поучаетъ ихъ.

Дѣло обстоитъ еще хуже, если псаломщикъ не твердь въ знаніи гласовыхъ напѣвовъ или обладаетъ фальшивымъ слухомъ; тогда уже ничего не остается отъ той возвышенной области искусства, которая называется церковнымъ пѣніемъ. Получается что-то въ родѣ чтенія, но крайне неудовлетворительнаго. Намъ иногда случалось слышать въ сельскихъ церквахъ такое пѣніе псаломщиками ирмосовъ, которое состояло въ какомъ-то речитативѣ съ однообразными повышеніями на одну или двѣ ступени вверхъ и заключительной мелодической строкой гласа. Не зная отчетливо гласового напѣва и правильной послѣдовательности его мелодическихъ строкъ, псаломщикъ въ случаяхъ, подобныхъ сейчасъ указанному, обыкновенно торопится какъ бы поскорѣе „отхватать“ ирмосъ до знакомой ему заключительной строки, кото-

рую онъ и возглашаетъ уже нѣсколько медленнѣе и увѣреннѣе.

Все это происходитъ не отъ недостатка нужныхъ чисто-пѣвческихъ познаній,—ибо современные псаломщики по своему образованію вообще выше дьяковъ прежняго времени,—но исключительно отъ того, что псаломщики, будучи представлены въ своемъ дѣлѣ самимъ себѣ, не считаютъ нужнымъ каждый разъ приготовляться къ предстоящей службѣ. Чтобы исполнить надлежащимъ образомъ службу праздника или святого, нужно предварительно ее прочитавъ со всѣмъ вниманіемъ, вникнуть въ смыслъ какъ цѣлыхъ пѣснопѣній, такъ и отдѣльныхъ словъ и предложеній: послѣ этого нужно уже „роспѣть“ это пѣснопѣніе, т. е. примѣнить текстъ къ церковному напѣву. Церковное пѣніе, по своей цѣли и значенію въ богослуженіи, должно способствовать уясненію смысла текста для слушателя. Уже вслѣдствіе болѣе медленнаго и болѣе звучнаго, сравнительно съ чтеніемъ, произношенія словъ текста въ пѣніи, слушатель не только лучше уловляетъ своимъ слухомъ какъ отдѣльныя слова, такъ и цѣлыя предложенія, но и имѣетъ возможность останавливаться на нихъ своимъ вниманіемъ, вникать въ ихъ смыслъ. Если же пѣніе при этомъ соединяется еще съ яснымъ пониманіемъ пѣвцомъ содержанія и настроенія поемаго текста, которое (пониманіе) выражается въ правильномъ раздѣленіи пѣснопѣнія на части, соотвѣтственно дѣленію напѣва на мелодическія предложенія или строки, въ правильномъ и осмысленномъ отѣненіи логически сильныхъ мѣстъ текста и согласованіи ихъ съ ритмически сильными частями мелодіи, то тогда пѣніе священнаго текста особенно способно привлекать вниманіе слушателя, будить его мысль. Но такъ какъ возвышеннѣйшія христіанскія истины, составляющія содержаніе богослужебныхъ пѣснопѣній, и событія, въ нихъ воспоминаемая, не только возбуждаютъ мысль, но и вызываютъ въ душѣ высокія чувства, то само собой понятно, что осмысленное и разумное исполненіе священныхъ пѣснопѣній воодушевляетъ церковнаго пѣвца

чувствомъ и дѣлаеть его пѣніе прочувствованнымъ. Чувство же, которымъ проникнуть пѣвецъ, передается и слушателямъ. Музыка, особенно вокальная, какъ соединенная съ словомъ, лучшимъ и самымъ естественнымъ выраженіемъ нашего внутреннего міра, есть языкъ чувства и имѣеть особенно сильное вліяніе именно на сердце человѣческое, вызывая въ немъ извѣстныя настроенія. Поэтому пѣніе священныя пѣснопѣній является могущественнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Церковь вліяеть на своихъ чадъ, объединяя ихъ въ единомысліи и настраивая ихъ къ достойному участию въ общественной молитвѣ. „Ничто такъ не окрыляетъ духъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, и не отрѣшаетъ его отъ узъ земныхъ, какъ стройное пѣніе церковныхъ пѣсней“.

Изъ сказаннаго необходимо вытекаетъ, что церковное пѣніе по самой своей идеѣ и назначенію требуетъ внимательнаго приготовленія и осмысленія того, что должно быть ро-спѣто. Поэтому для устраненія указанныхъ недостатковъ въ церковномъ пѣніи дѣйствительнымъ средствомъ нужно признать обязательное для псаломщиковъ приготовленіе, подъ надзоромъ священниковъ, къ каждому предстоящему праздничному богослуженію и псаломщики отнюдь не должны пренебрегать этимъ приготовленіемъ. Священникъ къ каждому богослужебному дню особеннымъ образомъ готовится, и нравственно и молитвенно; псаломщикъ также долженъ приготовиться къ богослуженію внимательнымъ просмотромъ по богослужебнымъ книгамъ тѣхъ пѣснопѣній и чтеній, которыя составляютъ особенность даннаго богослуженія. Въ старинныхъ рукописныхъ нотныхъ обиходахъ и ирмолагахъ часто встрѣчается такое наставленіе церковному пѣвцу: „пой прежде въ клѣти, что имаши во утрени пѣти“. Наставленіе это въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою силу и для современныхъ псаломщиковъ. Особенно внимательное приготовленіе къ богослуженію необходимо для псаломщика въ первый годъ его служенія, пока онъ еще не прошелъ на практикѣ полного годичнаго круга церковныхъ службъ. Мы думаемъ, что на-

стойчивое приготовленіе и вниманіе къ богослужебному пѣнію и естественно простирающія отсюда успѣхъ и совершенствованіе въ пѣніи могутъ даже служить для псаломщиковъ источникомъ любви и живого непрестающаго интереса ихъ къ своему дѣлу. Такъ какъ забота о чинности и благолѣпнн богослуженія составляетъ прямую обязанность священника, то и наблюденіе за надлежащимъ приготовленіемъ псаломщика къ пѣнію и чтенію также должно входить въ кругъ его обязанностей. Въ этомъ случаѣ священникъ, даже самъ не умѣющій пѣть, можетъ оказать своему псаломщику существенную помощь разъясненіемъ ему непонятныхъ и неясныхъ мѣстъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Другимъ средствомъ къ улучшенію псаломщическаго пѣнія, а также пособіемъ при приготовленіи псаломщиковъ къ богослуженію можетъ служить обязательное исполненіе ими церковныхъ службъ по нотнымъ богослужебнымъ книгамъ. Пѣніе по нотной книгѣ не допускаетъ произвола со стороны поющаго въ примѣненіи напѣва къ тексту и служить уже ручательствомъ правильности такого примѣненія. При достаточномъ знаніи нотной грамоты псаломщикъ можетъ иногда, въ случаѣ невозможности почему-либо приготовиться, пѣть по книгамъ даже безъ приготовленія и пѣніе его во всякомъ случаѣ будетъ осмысленнѣе и лучше, чѣмъ тѣ свободныя импровизаціи, которыя намъ теперь нерѣдко приходится слушать. Къ сожалѣнію, существующія нотныя изданія не заключаютъ въ себѣ всего, что приходится пѣть при богослуженіи, и потому весьма желательно было бы одногласное положеніе на ноты полнаго круга пѣснопѣнн октоиха, минеи и тріодей для руководства псаломщиковъ.

В. П—скій.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ ¹⁾.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Проповѣдей на праздничные дни напечатано въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900-й годъ свыше *ста семидесяти*. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ проповѣди на дни высокаторжественные, такъ какъ 1) въ проповѣдяхъ на эти дни обыкновенно раскрываются довольно жизненные общественные вопросы; 2) составленіе проповѣдей на высокаторжественные дни поручается всегда лучшимъ проповѣдникамъ епархіальнаго города. Въ виду того, что проповѣди эти произносятся въ кафедральныхъ соборахъ, въ присутствіи представителей гражданской и военной власти и вообще къ образованнымъ слушателямъ, онѣ отъ всѣхъ прочихъ проповѣдей замѣтно отличаются и самимъ языкомъ своимъ: въ нихъ находятъ себѣ мѣсто не только нѣкоторые научные термины, но, къ сожалѣнію, подчасъ и совершенно ненужныя даже иностранныя слова.

Лучшими проповѣдями на праздничные дни могутъ быть признаны: поученіе въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны прот. М. Смирнова (Сам. еп. в., № 24), слово прот. Н. Боголюбскаго въ день восшествія на престолъ (Сам. еп. в., № 20), слово прот. А. Юрашкевича въ тотъ же день (Минск. еп. в., № 20), слово свящ. В. Ливанова въ день рожденія и тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника (Яросл. еп. в., № 47), поученіе преосв. Виссаріона, еп. Костромскаго, въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы (Костр. еп. в., № 22), поуч. свящ. М. Авдашкевича въ день св. равноап. Нины (Дух. Вѣстн. Груз. экз., № 2), бесѣда преосв. Макарія, еп. Томскаго, въ день св. Пасхи (Томск. еп. в., № 9), слово прот. Н. Боголюбскаго въ день Новаго года (Сам. еп. в., № 1), слово прот. А. Архангельскаго въ тотъ же день (Тоб.

¹⁾ См. № 37 за 1901 г.

еп. вѣд., № 1—2), поученіе свящ. Н. Котовича въ день Св. Духа (Лит. еп. в., № 22), слово прот. Ѳ. Благовидова въ день Усѣкновенія (Сам. еп. в., № 18), слово свящ. А. Величковскаго въ день храмоваго праздника въ Черниговской гимназіи (Черниг. еп. в., № 23), слово прот. Л. Лашкова въ день Покрова Пресв. Богородицы (Киш. еп. в., № 20), слово прот. В. Бѣлавецова въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы (Смол. еп. в., № 23), слово прот. А. Юрашкевича въ тотъ же день (Минск. еп. в., № 21), поученіе свящ. А. Соколова въ тотъ же день (Уф. еп. в., № 23), слово П. Ѳ. Л. въ день тезоименитства Государя Императора (Полт. еп. в., № 36), слово прот. Н. Грифцева въ день Собора Пресв. Богородицы (Тоб. еп. в., № 1—2), поуч. свящ. Н. Разсыпинскаго въ день святит. Николая Чудотворца (Уф. еп. в., № 10), пожалуй—слово свящ. С. Петровскаго въ Великій пятокъ, какъ представляющее собою довольно удачное подражаніе извѣстнымъ—большому и малому—словамъ въ тотъ же день архіен. Херсонскаго Иннокентія и нѣк. др. Мы остановимся только на первыхъ семи проповѣдяхъ.

Прот. М. Смирновъ въ словѣ своемъ говоритъ о высокомъ назначеніи человѣка на землѣ, и какой самый вѣрный путь къ осуществленію этого назначенія. Божественное откровеніе сообщаетъ намъ, что появленіе человѣка на землѣ есть дѣло безконечной любви Божіей, которою онъ вызванъ изъ ничтожества въ бытіе для того, чтобы сдѣлаться участникомъ Божественной славы и блаженства. Для осуществленія этой цѣли, Творецъ и Промыслитель вводитъ человѣка постепенно въ *три* царства: царство природы, царство благодати и царство славы,—въ послѣднія *два* царства—при участіи и содѣйствіи свободной воли человѣка. Вызванный изъ ничтожества, человѣкъ является въ этомъ прекрасномъ мірѣ, какъ царь въ своемъ владѣніи, имѣющій въ своемъ полномъ распоряженіи землю со всѣми ея обитателями. Правда, есть много явленій, окружающихъ человѣческую жизнь, которыя, на первый взглядъ, трудно примиримы съ царскимъ положеніемъ

человѣка среди природы. Но это только на первый—поверхностный—взглядъ; при болѣе глубокомъ проникновеніи въ такія явленія, и они сами по себѣ оказываются не настолько вредными и даже иногда благотворными для человѣка. Если, напр., въ этомъ прекрасномъ мірѣ много скорбей и бѣдъ, происходящихъ отъ тѣхъ же стихій, которыя благодѣтельны, то все это—произведеніе не Бога любящаго, а самого же человѣка, прямое послѣдствіе его грѣха: самъ человѣкъ своимъ—какъ изначальнымъ, такъ и послѣдующимъ—непослушаніемъ Богу внесъ въ этотъ міръ скорби, болѣзни и смерть; міръ же, по своей сущности, отнюдь не предназначался, какъ мѣсто страданій для человѣка. Да и теперь любовь Божія къ человѣку настолько безпредѣльна, что и самыя бѣдствія обращаетъ въ его же пользу. Благодѣтельный по своей природѣ огонь, истребляя наше земное достояніе, осуществляетъ божественное о насъ попеченіе, чтобы отнять у насъ суетные предметы, которые слишкомъ уже прилѣпляютъ насъ ко всему земному, заставляя забывать *единое на потребу*. Часто въ послѣднее время кормилица-земля, не орошаемая благовременными дождями, отказывается человѣку не только въ *изобилии плодовъ* своихъ, но даже не возвращаетъ и сѣмянъ, вѣрренныхъ ея нѣдрамъ. Но причина неурожаевъ съ ихъ губными послѣдствіями кроется въ самомъ же человѣкѣ, въ его безпечности, въ его легкомысленномъ расхищеніи богатствъ природы, въ неразумномъ „высасываніи соковъ“ изъ той почвы, которая дана ему въ пользованіе. Въ то же время земля служитъ отображеніемъ человѣка, когда отказываетъ ему въ необходимомъ плодородіи. Подобнымъ попусценіемъ бѣдствій, подобнымъ наказаніемъ, вѣрнѣе—предостереженіемъ Господь хочетъ напомнить и указать на жестокость и безплодность нашихъ сердець, побуждая насъ, какъ древняго Израиля во дни пророка Іліи, смягчить свои сердца раскаяніемъ и тѣмъ направить насъ на путь спасительной жизни. Іли, напр., по божественному предначертанію, человѣкъ долженъ „обладать рыбами морскими, птицами небесными, звѣ-

рями...“ и пр. (Быт. 1, 26). Не то мы видимъ въ дѣйствительности: звѣри, паселяющіе землю, которые должны бы были служить человѣку, какъ своему владыкѣ, часто нападаютъ на него и терзаютъ его. Но это не значить, чтобы они измѣнили свою природу и нарушили законъ правильныхъ отношеній къ человѣку, вопреки волѣ Божіей; природа ихъ осталась та же, но только извращена человѣкомъ—и далеко не въ пользу послѣдняго. Еще и теперь можно наблюдать, что звѣри, при видѣ человѣка, или показываютъ полную довѣрчивость къ нему, или же бѣгутъ отъ него, скрываясь въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ, въ далекихъ отъ человѣческаго жилья логовищахъ. Но человѣкъ утратилъ обаяніе, достоинство и, такъ сказать, авторитетъ въ глазахъ звѣрей, самъ ставши подобнымъ имъ. Въ настоящее время всѣ враждуютъ противъ каждаго, и каждый—противъ всѣхъ: враждуютъ отдѣльныя личности, семейства, часто старшіе члены звѣрски обращаются съ младшими; враждуютъ общества, государства, народы. И находятся такіе мнимые мудрецы, которые горячо отстаиваютъ подобный безпорядокъ во взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ: отрицаютъ любовь, какъ главное руководящее начало жизни, и говорятъ, что надежда на царство мира, любви и правды—пустая мечта; они рядомъ хитроумныхъ доводовъ стараются оправдать правила жизни, приличныя развѣ только міру животныхъ, дикимъ звѣрямъ,—стараются оправдать и узаконить пресловутую и неумолимую борьбу за существованіе. Они философствуютъ, что болѣе умными и болѣе развитыми среди людей нужно признавать тѣхъ, кто, не желая быть наковальной, сумѣетъ стать молотомъ, что въ жизни, какъ на войнѣ, мягкое и незлобивое сердце, жалость и состраданіе къ другимъ только повредятъ человѣку въ его неизбѣжныхъ столкновеніяхъ съ людьми, заставляя его шагъ за шагомъ уступать болѣе выгодныя положенія своимъ соперникамъ; что каменное сердце, бездушные люди, не знающіе жалости борцы неизбѣжны въ жизни, въ которой имѣютъ мѣсто соревнованіе, борьба за благосостояніе, за каждый ку-

сокъ хлѣба и т. д. и т. п. Такія взаимоотношенія людскія, такая жизнь не только не лучше, но несравненно ниже и хуже взаимоотношеній и жизни звѣрей, потому что разумныя существа сознательно совершаютъ свои звѣрства, намѣренно закрывая глаза и уши предъ всѣмъ тѣмъ, что зоветъ ихъ къ благородному, высокому, преисполненному взаимной любви и уваженія образу жизни,—такому образу жизни, какой заповѣданъ Самимъ Творцомъ. вмѣсто того, чтобы *имѣть миръ со всеми людьми* (Римл. 12, 18), вмѣсто того, чтобы *побѣждать блгомъ злое* (—16, 21), современный человѣкъ допускаетъ въ жизни *зависть и рвеніе, нестроеніе и всякую злую вещь* (Іак. 3, 16); вмѣсто того, чтобы *возлюбить ближняго своего, якоже себе*, народы *другъ друга угрызаютъ и сныпаютъ*, не опасаясь *быти истребленными другъ отъ друга* (Гал. 5, 14. 15). Достаточно хотя бы припомнить, какъ отнеслись иностранныя правительства къ великодушному призыву нашего возлюбленнаго Монарха, предлагавшаго громъ пушекъ и лязгъ сабель въ международныхъ отношеніяхъ замѣнить мирными переговорами, основанными на вселенской правдѣ, всеобщемъ правѣ, любви всѣхъ ко всѣмъ. Нѣкоторыя изъ великихъ державъ не только холодно отнеслись къ этому предложенію Русскаго Государя, но даже, какъ бы въ противѣсъ ему, поспѣшили усилить вооруженіе, а одна подняла братоубійственную руку почти тотчасъ же послѣ мирной конференціи. Все это ясно свидѣтельствуетъ, что подъ прикрытіемъ имени человѣка и даже христіанина въ людяхъ часто гнѣздится самая звѣрская злоба другъ противъ друга. Что же удивительнаго послѣ этого, если иногда звѣри растерзываютъ человѣка?.. Подобнымъ попущеніемъ Господь научаетъ насъ той истинѣ, какъ тяжело быть страдальцемъ и терзаемымъ, и какъ хорошо было бы, если бы всѣ люди относились другъ къ другу, какъ истинные братья. Значитъ, и такое вопіющее зло, какъ взаимное истребленіе людей, Богъ направляетъ въ нашу же пользу; необходимо только, чтобы человѣкъ научился понимать подобныя явленія въ надлежащемъ

смыслъ и умѣлъ извлекать изъ нихъ спасительные для себя уроки.—Еще болѣе очевидными становятся цѣль нашего существованія и наше назначеніе изъ разсмотрѣнія тѣхъ средствъ, какія употребляетъ Божественная любовь въ отношеніи человѣка, когда, для воспитанія и совершенствованія послѣдняго, вводитъ его въ новое, высшее царство—въ царство благодати. Введенный въ это царство, человѣкъ-христіанинъ во всѣ моменты своей жизни—отъ колыбели и до гроба—бываетъ осыпанъ многообразными благодатными дарами, приготовленными для него Божественною благодію. Этими многообразными благодатными дарами, сопровождающими каждый моментъ нашей жизни, Господь старается удержать насъ на правомъ пути благодатнаго царства, чтобы мы могли удобнѣе и вѣрнѣе достигнуть *третьяго*, завершительнаго царства—царства славы, въ которомъ получили бы право навсегда соединиться съ Богомъ, едѣлаться сонаслѣдниками Христу въ вѣчной славы Его, *уже даль есть* Ему Отецъ Его (Іоанн. 17, 24). Быть вмѣстѣ со Христомъ и раздѣлять съ Нимъ вѣчную славу Его—это такое блаженство, котораго мы, въ нашемъ земномъ бытіи, и представить себѣ не можемъ, а тѣмъ болѣе нашъ земной языкъ не въ состояніи выразить полноту и возвышенность небесныхъ радостей, для которыхъ предназначенъ человѣкъ со времени своего рожденія. Довольно сказать, что въ той странѣ не встрѣтитъ онъ болѣе скорбей и печалей, нуждъ и недостатковъ, какими преисполнена наша земная жизнь. Для всѣхъ людей, которые сподобятся *отъ онъ улучити* (Лук. 20, 35), настанетъ одна чистая и непрерывная радость въ единеніи съ Богомъ (Апок. 21, 3), и въ этомъ единеніи найдутъ себѣ полное удовлетвореніе всѣ возвышеннѣйшія стремленія человѣческаго духа.

Слово прот. Н. Боголюбскаго довольно мрачными красками рисуется религіозно-нравственное состояніе современнаго такъ называемаго образованнаго общества. Всѣ стремленія его имѣютъ одну только чисто земную подкладку, преслѣ-

дуютъ только пользу и удовольствіе. Всѣ и каждый стремится къ устроению себѣ всевозможныхъ удобствъ внѣшней жизни. И нѣтъ предѣла этимъ стремленіямъ, нѣтъ конца человѣческимъ прихотямъ по отношенію къ внѣшнимъ благамъ. Самыя даже, повидимому, благородныя и возвышенныя стремленія—къ изученію наукъ и искусствъ, къ развитію благотворительности въ различныхъ ея видахъ не чужды мыслей и чувствъ, далеко не благородныхъ и не возвышенныхъ. Напротивъ, всѣми забывается, а нѣкоторыми прямо-таки намѣренно исключается „исканіе царствія Божія и правды его“ изъ числа предметовъ, заслуживающихъ вниманія: „осустились“ народы и люди, именующіе себя христіанами, „въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце“ (Рим. 1, 21), какъ у другихъ язычниковъ. Въ наши дни всюду—и въ жизни и въ литературѣ—замѣчается такая смѣсь добра со зломъ, истины съ ложью, такая во всемъ *фальшь*—и въ дѣлахъ, и въ словахъ, и въ ученіяхъ, что неопытному, неискушенному въ любомудріи человѣку болѣе чѣмъ трудно разобраться, гдѣ и кто говоритъ Божіе и отъ Бога, и гдѣ укрывается духъ, который не отъ Бога (1 Іоанн. 3, 2, 3). Взять хотя бы пресловутыя „новыя евангелія“, „исповѣди“, пѣканецъ—разныя заграничныя описанія „жизни Іисуса“. Образованный міръ зачитывается этими книгами и рукописями, привѣтствуетъ въ нихъ новыя мысли, новыи духъ, новое освѣщеніе жизни, новую, „высшую“ нравственность. Но не хочетъ—или даже не можетъ—замѣтить непослушный Церкви міръ, что во всѣхъ этихъ—часто художественно написанныхъ—произведеніяхъ одна только видимость христіанская, въ дѣйствительности же въ самомъ корнѣ, въ самой, такъ сказать, сердцевинѣ извращается Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа, и вся вѣра христіанская низводится съ высоты божественной въ уровень съ ученіями геніевъ человѣческихъ. Въ нихъ не найдете Христа, Сына Божія, пришедшаго во плоти (1 Іоанн. 4, 2, 3); не найдете ни одного слова о Его рожденіи *отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы*,

о тайнѣ искупленія, о тайнѣ возрожденія чловѣчества, о тайнѣ Пресв. Троицы. Не найдете и помину о догматахъ церковныхъ, какъ будто уже ненужныхъ для образованнаго христіанина, какъ будто они не даны Самимъ Основателемъ нашей вѣры Господомъ Исусомъ Христомъ. Не хотятъ знать современные проповѣдники „высшей“ нравственности, что догматы составляютъ основоположеніе вѣры и христіанской нравственности, самую душу христіанской религіи, какъ живого союза вѣрующихъ съ Живымъ Богомъ чрезъ Сына Его Единороднаго, Искупителя нашего, въ общеніи со Святымъ и Единосущнымъ Ему Духомъ. Не найдете также въ этихъ произведеніяхъ и намека о молитвѣ, о богослуженіи, о таинствахъ, кромѣ развѣ только глумленія и издѣвательства надъ всѣмъ этимъ, чѣмъ живетъ и дышетъ душа вѣрующаго чловѣка. Правда, самоизмысленныя лжеевангелія говорятъ о „царствѣ Божіемъ“, объ обязанности каждаго чловѣка искать этого царства. Но земные мудрецы по-земному и разсуждаютъ: для нихъ „царство Божіе“ есть тотъ „золотой вѣкъ“, который долженъ будто бы настать на землѣ, когда люди дойдутъ во всѣхъ отношеніяхъ до совершенства. Между тѣмъ, никакого подобнаго „золотого вѣка“ на землѣ никогда не будетъ и не можетъ быть. Напротивъ, *Духъ ясно говоритъ*, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ-обольстителемъ и ученіямъ бѣсовскимъ (1 Тим. 4, 1); появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ,—это люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры, душевные, „не имѣющіе Духа“ (Іуд. 18, 19). Богодуховенный Павелъ такъ опредѣляетъ царство Божіе: „царство Божіе есть праведность и миръ и радость во Святомъ Духѣ“ (Римл. 14, 17), т. е. не простое состояніе праведности, или, какъ говорятъ, добропорядочности чловѣка, не просто миръ совѣсти и радостное настроеніе души, возможное и въ естественномъ чловѣкѣ, но особенное, высшее состояніе духа чловѣческаго, облагодатствованнаго Духомъ Святымъ. Наши же новые представители земной, душевной

мудрости (Іак. 3, 15) совсѣмъ не знаютъ Духа Святаго, не хотятъ и говорить о Немъ. Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія (1 Кор. 2, 14). Объ истинномъ царствіи Божіемъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ говорить наши новые мудрецы, такъ какъ они отвергаютъ самое первое и основное положеніе всякой, даже и не христіанской только, вѣры, а именно—что *наше жительство на небесахъ* (Филипп. 3, 20), и здѣшняя жизнь есть только начало жизни вѣчной, блаженной на небесахъ. Для нихъ кажется достаточнымъ признать безсмертіе всего человѣчества, взятаго въ цѣломъ, въ одномъ какомъ-то общечеловѣческомъ сознаніи, а о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, о его личной безсмертной жизни они и разсуждать не находятъ возможнымъ. Гдѣ же тутъ Евангеліе Христово? Гдѣ же тутъ царствіе Божіе, членомъ котораго христіанинъ желаетъ быть лично, сознательно, чтобы самому въ себѣ пережить и перечувствовать тѣ неизреченныя блага, которыя „уготовалъ Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. 2, 9)? Гдѣ же и Царь этого царства, общенія съ Которымъ жаждетъ даже до смерти душа вѣрующаго (Филипп. 1, 23)? Гдѣ здѣсь Христось-Пастырь, и единую овцу заблудшую възыскающій (Лук. 15, 4—6)? Гдѣ Христось-Господь, созерцаніе Котораго во свѣтѣ и блаженствѣ, *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12), есть самый возжелѣнный предметъ, единственно отрадное успокоеніе всѣхъ труждающихся и обремененныхъ (Матѹ. 11, 28), всѣхъ тѣхъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ страдальцевъ земли, которые твердо убѣждены, что вѣрующій во Христа можетъ и среди скорбей испытывать полноту радостей (Марк. 10, 30),—полную же радость, не омрачаемую никакими скорбями и внутреннею борьбою, можно получить только на небѣ (Матѹ. 5, 12); тѣхъ величайшихъ подвижниковъ-крестоносцевъ, которыхъ „ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить отъ любви Божіей, во Христѣ Іисусѣ“ (Римл. 8, 28, 39? „Я знаю, Искупитель мой живъ,—восклицалъ въ-

когда многострадательный ветхозавѣтный праведникъ въ бѣдѣ своей,—и Онъ въ послѣдній день возставитъ изъ праха распадающуюся кожу мою сію, и я въ плоти моей узрю Бога. Я узрю Его самъ: мои глаза, не глаза другого, увидятъ Его“ (Іов. 19, 25—27).—Вотъ какого *царствія Божія* мы должны *искать прежде* всего (Мѡ. 6, 33), т. е. преимущественно предъ всѣмъ—царства „правды и мира и радости во Св. Духѣ“,—и искать должны не въ мірѣ и его благахъ, не „въ философіи и тщетной лести, по преданію человѣческому“ (Кол. 2, 8), а въ общеніи съ Духомъ Святымъ, въ жизни во Христѣ, въ вѣрѣ и любви къ Нему, нашему Спасителю и Судіи, въ служеніи Ему „преподобіемъ и правдою предъ Нимъ“ (Лук. 1, 75), въ плѣненіи, какъ выражается апостоль, разума „въ послушаніе Христово“ (2 Кор. 10, 5), въ живомъ, всецѣломъ, чистѣйшемъ нравственномъ *обрученіи* со Христомъ (2 Кор. 11, 2), при постоянномъ ревниво-осторожномъ опасеніи, чтобы не дать себя прельстить никому изъ противниковъ Церкви Христовой, какъ нѣкогда *змій прельсти Еву лукавствомъ своимъ* (2 Кор. 11, 3).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Б.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη.

Отъ Кіев. дух. пенз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 сентября 1901 г.

Цензоръ, экстр-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ци этого журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, сентября 23-го.

Содержаніе: Значеніе въ жизни пастыря добрыхъ привычекъ и строгаго порядка. — Неотложное дѣло (окончаніе). — Обзоръніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 г. (продолженіе).

Значеніе въ жизни пастыря добрыхъ привычекъ и строгаго порядка ¹⁾.

Подъ пастырскими привычками нужно разумѣть извѣстный способъ, или манеру дѣйствовать, говорить, одѣваться, держать себя, употреблять свое время,—словомъ—вести себя въ обыденной жизни, что сообщаетъ личности пастыря особенную фізіономію. Эти привычки выдѣляютъ священнослужителя изъ среды остальныхъ людей; благодаря имъ, его жизнь развивается въ особенной, болѣе возвышенной области, чѣмъ та, въ которой живутъ даже добрые христіане. Эти привычки, будучи вѣрно сохраняемы, налагаютъ на жизнь священника печать благочестивой важности, благоразумной скромности и глубокой религіозности.

¹⁾ Извлечено изъ „L'ami du clergé“, № 9, 1901 г.

Главнѣйшіе пастырскіе навыки касаются регулярной жизни, ранняго вставанія, ежедневныхъ благочестивыхъ упражненій, богомыслія, отправленія службъ, духовнаго чтенія, испытанія совѣсти, прилежнаго изученія Св. Писанія, богословія и другихъ церковныхъ наукъ, повиновенія и преданности Церкви и іерархическимъ начальникамъ, уклоненія отъ міра, мірскихъ дѣлъ и развлеченій; они касаются трудовъ пастырскаго и апостольскаго служенія, умѣренности и простоты въ столѣ, обстановкѣ и одеждѣ, выдержанности въ движеніяхъ, словахъ и походкѣ, отношеній къ собратіямъ и дѣлъ любви по отношенію къ бѣднымъ, несчастнымъ и т. п.

Вѣрность въ сохраненіи этихъ многообразныхъ навыковъ имѣетъ для пастыря большую важность, особенно въ наше время. Они составляютъ какъ бы форму, или оболочку истинной пастырской жизни. Къ созданію и укорененію ихъ главнымъ образомъ и направлены всѣ упражненія въ духовной школѣ. Они являются также самыми вѣрными стражами истинно пастырской жизни, какой ее представляетъ намъ Церковь. Священнослужитель, который неизмѣнно вѣренъ имъ, можетъ быть нравственно покоенъ, что останется священникомъ во всемъ и всюду и будетъ вести себя во всякихъ обстоятельствахъ достойно чловѣка Божія и служителя Христова. Въ особенности, эти привычки предохраняютъ пастыря отъ *четырехъ* опасностей, угрожающихъ его собственно священнической жизни въ настоящее время.

Первая изъ этихъ опасностей состоитъ въ разсѣяніи и въ жизни почти всецѣло внѣшней. Лихорадочная дѣятельность, характеризующая нашъ вѣкъ, очень часто проникаетъ даже въ святилище. Сколько священнослужителей въ настоящее время стонутъ, видя себя болѣе или менѣе жертвами этого бича, который сушитъ и ослабляетъ душу и лишаетъ ее радостей и силъ, доставляемыхъ самососредоточенностью! И такъ, въ привычкахъ къ регулярности, благочестію, къ занятію священными науками мы находимъ превосходно дѣйствующее средство противъ этого ужаснаго зла. Онѣ дѣй-

ствительно открываютъ намъ всѣ источники, которыми питается внутренній духъ, духъ самососредоточенный. Благодаря имъ, мы останемся вѣрными молитвѣ, богомыслию, благоговѣйному отправленію службъ, изученію Слова Божія и богословскихъ наукъ, духовному чтенію и т. п. и даже среди занятій самыхъ разсеивающихъ сохранимъ свою душу въ покоѣ, полномъ самообладаніи и во внутреннемъ единеніи съ Богомъ: сохранимъ всѣ необходимыя для благочестиваго чело-вѣка условія и совершенное исполненіе своихъ высокихъ обязанностей.

Другую опасность для жизни пастыря представляетъ небрежность и нескромность, столь распространенныя въ настоящее время,—опасность вульгарности и почти пошлости въ выдержкѣ, языкѣ, манерѣ и проч. Пастырь долженъ быть простъ и скроменъ и долженъ избѣгать всего, что отзывается высокоуміемъ, слѣсью, самодовольствомъ и чванствомъ. Но простота и скромность не исключаютъ ни достоинства, ни благородства во внѣшнемъ видѣ и манерахъ.

Вѣрное осуществленіе на дѣлѣ такихъ именно пастырскихъ привычекъ придаетъ жизни и личности священника тотъ характеръ достоинства и благородства, который ему приличествуетъ. И благодаря нашей настойчивости въ томъ, чтобы нисколько не ослаблять для себя этихъ правилъ поведения, мы никогда не опустимся до уровня вульгарнаго и легко и прочно будемъ оставаться на той высотѣ, на которой насъ поставляетъ наше священнослуженіе.

Третью опасность, еще болѣе угрожающую нашей пастырской жизни, представляетъ чрезмѣрное исканіе благосостоянія подъ всякой формой и удаленіе отъ всего, что стѣсняетъ и распинаетъ плоть. Враги креста въ настоящее время многочпсленнѣе, чѣмъ когда-либо: и безчисленныя средства промышленности и торговли, и многочисленныя изобрѣтенія науки почти всѣ стремятся изгнать изъ этого міра страданіе и преобразовать наше земное существованіе въ нѣкое подобіе мусульманскаго рая.

Конечно, ничто болѣе не противно жизни пастыря, служенію его въ качествѣ совершителя Голгофской жертвы, миссіи его въ качествѣ руководителя душъ ко спасенію, какъ пріятное, легкое, комфортабельное и удобное существованіе, изъ котораго изгнана спасительная строгость христіанскаго умерщвленія плоти, и въ которомъ природа легко находитъ удовлетвореніе своимъ чувственнымъ и грубымъ инстинктамъ. Пастырскія же привычки весьма дѣйствительно помогаютъ намъ противъ нападенія этого порока и утверждаютъ въ строгости христіанскихъ и церковныхъ правовъ. Онѣ заставляютъ идти *тѣснымъ и труднымъ путемъ, который ведетъ къ жизни*. Таково необходимое слѣдствіе жизни волиѣ регулярной, изъ которой исключены произволь и фантазія, и всѣ часы которой заняты исполненіемъ какой-либо обязанности. То же нужно сказать и о раннемъ въ опредѣленный часъ вставаніи, о ежедневныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, особенно о благоговѣйномъ размышленіи и испытаніи совѣсти, о занятіяхъ священными науками, о многочисленныхъ пастырскихъ трудахъ, объ умѣренности, объ удаленіи отъ свѣтскихъ развлеченій и т. п. Невозможно, чтобы священникъ, оставаясь по привычкѣ вѣренъ этимъ правиламъ, въ то же время не отображалъ въ своей жизни,—хотя, конечно, не совершенно,—жизни Спасителя, которая вся была крестомъ и мученичествомъ.

Наконецъ, намъ нужно защищаться противъ вредныхъ вліяній современныхъ заблужденій натурализма, рационализма, индифферентизма и либерализма. Эти заблужденія распространены, въ различной степени и въ разнообразныхъ формахъ, въ большей части прославленныхъ современныхъ произведеній литературы. Въ чемъ же самое дѣйствительное лѣкарство противъ яда этихъ заблужденій, если не въ прилежномъ изученіи Св. Писанія и божественной науки,—изученіи по разуму Церкви? Вслѣдствіе ежедневнаго и привычнаго обращенія съ непогрѣшимыми источниками откровенной истины пастырь сохранить неприкосновенною чистоту своей вѣры; онъ не

позволить себѣ увлечься всякимъ вѣтромъ ученія. Съ каждымъ днемъ онъ будетъ приобрѣтать болѣе твердое и болѣе ясное убѣжденіе въ догматахъ религіи; онъ приобрѣтетъ особенно то познаніе вѣры, которое даетъ возможность открывать самыя утонченныя ловушки заблужденія и оставаться непоколебимо преданнымъ Церкви, столпу истины.

Священническіе навыки являются весьма надежными стражами нашей церковной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ они—и ея питательные источники: они укрѣпляютъ ее, развиваютъ и совершенствуютъ. Они служатъ для пастыря могущественнымъ средствомъ общаго его прогресса. Дѣйствительно, какимъ образомъ можно ежедневно предаваться съ ревностью и неизмѣннымъ постоянствомъ дѣламъ благочестія, изученію священныя наукъ, исполненію различныхъ обязанностей священнослуженія, не вѣря въ благочестіе, въ науку и въ искусство отправлять обязанности апостольства и управленія душами?—Напротивъ, отступленіе отъ этихъ священническихъ привычекъ является причиной упадка и разрушенія духовнаго. Вотъ молодой, благочестивый и образованный священникъ, на котораго возлагаютъ много надеждъ его начальники и собратія. Проходитъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ—и эта священническая жизнь, такъ много обѣщавшая въ началѣ, ослабѣла, засохла, замерла. Почему же?—Потому, что молодой священнослужитель не позаботился о томъ, чтобы питать свою жизнь изъ ея истинныхъ источниковъ—пастырскихъ навыковъ. Ихъ программа, которую онъ иногда принималъ и любилъ, впоследствии показалась ему слишкомъ тяжелою и обременительною. Онъ подумалъ, что могъ бы легче сохранить себя на высотѣ священническаго долга, жить въ постоянномъ единеніи съ Господомъ Иисусомъ Христомъ и пользоваться тѣми безцѣнными дарами, источникомъ которыхъ служить это единеніе. Такъ какъ совѣсть, при такомъ взглядѣ, дѣлается съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе строгою, то онъ оставляетъ одну за другою большую часть привычекъ, внутреннихъ его воспитаніемъ, и такимъ образомъ совершается

почти полная ломка его священнической жизни, все благочестіе которой теперь заключается, быть можетъ, въ кое-какомъ отпращиваніи церковныхъ службъ.

Другой результатъ пастырскихъ привычекъ состоитъ въ томъ, что онѣ необходимо дѣлаютъ жизнь священника богатой плодами спасенія для душъ. Благодаря имъ, жизнь пастыря сіяетъ въ народѣ свѣтомъ и святостью. Вѣрный имъ священникъ поистинѣ является благоуханіемъ Христовымъ, солью земли и свѣтомъ міра. Только при искреннемъ благочестіи, скромности, кротости, любви и безкорыстной ревности и слово пастыря, самое простое и не блистающее краснорѣчіемъ, доходитъ до слуха людей и производитъ въ ихъ душахъ переворотъ. Въ наше время души больны, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо: онѣ задыхаются въ этой атмосферѣ безвѣрія и чувственности, которыя проникаютъ въ нихъ отовсюду. И вотъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для ихъ излѣченія является, безспорно, примѣръ жизни неизмѣнно и вполнѣ священнической, молитвенной, трудовой, покаянной, самоотверженной, исполненной апостольской ревности къ дѣлу Божію и спасенію душъ.

В. П.

НЕОТЛОЖНОЕ ДѢЛО ¹⁾.

Съ какими же запросами являются крестьяне въ воскресную школу?—Хотя „воскресники“ очень высоко цѣнятъ грамоту въ практическомъ, житейскомъ отношеніи, однако, по отзывамъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ воскресными школами, они интересуются грамотою, главнымъ образомъ, какъ средствомъ къ полученію общаго образованія. „Что меня всегда особенно поражало въ воскресныхъ школахъ,—говоритъ г. Вахтеровъ,—это умѣніе соединить общеобразовательныя задачи

¹⁾ См. № 38 за 1901 г.

съ требованіями практическаго характера“. Вотъ нѣсколько отзывовъ объ этомъ самихъ „воскресниковъ“: „я желалъ бы такъ научиться, чтобы вполне различать всѣ предметы, которые меня окружаютъ; хотѣлось бы познакомиться съ жизнью людей: какъ люди раньше жили, какъ теперь живутъ и какъ бы они должны были жить“; „грамотѣ надо научиться для того, чтобы мы были умнѣе, добрѣе и образованнѣе и больше знали и понимали, чтобы не вѣрили разнымъ суевѣріямъ, а дѣлали хорошія дѣла“; „неученые люди не знаютъ, какъ время провести, и идутъ въ кабакъ“. Вслѣдствіе такого преобладающаго въ „воскресникахъ“ стремленія къ общему развитію, къ общему образованію, естественно избирать для классовыхъ занятій съ ними и домашнихъ самостоятельныхъ работъ такіе предметы, которые въ той или другой степени могутъ удовлетворить этому стремленію. Опытъ воскресныхъ школъ показываетъ, что наиболѣе вниманія „воскресники“ удѣляютъ Закону Божію, при чемъ, по свойству своего возраста, иначе относятся къ этому предмету, чѣмъ маленькіе школьники. Дѣтямъ болѣе доступны реальные факты библейской исторіи, по преимуществу и занимающіе ихъ; а взрослые интересуются въ одинаковой, если даже не въ большей, степени и нравственными основаніями этихъ фактовъ, и эти основанія они силятся уразумѣть во всей ихъ широтѣ и глубинѣ и весьма часто освѣщаютъ ими въ своемъ сознаніи явленія своей повседневной жизни. Г-жа Кайданова, руководительница Тифлисской воскресной школы, подслушала однажды такой разговоръ по поводу лѣкарствъ, за которыми пришли къ ней для больного.—„Господь на насъ болѣзнь въ наказаніе за грѣхи наши посылаетъ, и мы должны терпѣть, а не обороняться, не лѣчиться“, говорилъ незнакомый голосъ, и въ немъ звучала непреклонная, строгая сектантская нотка.— „Набавятъ все можно,—возражала взрослая ученица Варвара:— и то грѣхъ и другое. А вѣдь нужно примѣръ съ Господа брать, какъ Господь учитъ. Онъ Самъ больныхъ излѣчивалъ: и хромыхъ, и слѣпыхъ, и всякихъ. И не то, что словами

излѣчиваль, но и лѣкарствомъ. Когда Ему одного слѣпого привели, Онъ вотъ что сдѣлалъ: плюнулъ на землю и этою грязью помазалъ ему глаза,—и глаза у слѣпого растворились, и слѣпой сталъ видѣть“. Слушательница молчала, видимо побѣжденная этими доводами.—И множество другихъ примѣровъ можно привести въ подтвержденіе того, что крестьяне сильно заинтересовываются самыми отвлеченными вопросами религіозно-правственнаго свойства и съ какимъ-то наслажденіемъ готовы слушать разьясненія по поводу ихъ даже въ томъ случаѣ, если въ разьясняемомъ не все доступно ихъ пониманію. Поэтому, на урокахъ Закона Божія въ воскресной школѣ приходится заниматься не столько систематическимъ прохожденіемъ учебниковъ, сколько чтеніемъ Св. Писанія, особенно Евангелія и изустными бесѣдами по поводу прочтанныго. Г. Крыловъ въ № 87 „Московск. Вѣд.“ за 1891 г. такъ описываетъ урокъ Закона Божія въ 4-й Московской воскресной женской школѣ: „Законъ Божій преподается всѣмъ ученицамъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ: учащіяся и законоучитель испытываютъ всѣ невыгоды жары, духоты и тѣсноты, и тѣмъ не менѣе урокъ идетъ живо; вниманіе и малыхъ и большихъ полное. Простымъ языкомъ излагаются предметы вѣры, доступные пониманію простыхъ слушательницъ. Урокъ этотъ—скорѣе духовно-правственная бесѣда, благочестивая праздничная бесѣда, которая замѣнила фабричное празднованіе“. Программа преподаванія здѣсь расположена такъ: одинъ годъ—обьясненіе молитвъ и священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; слѣдующій годъ—обьясненіе символа вѣры и 10-ти заповѣдей Закона Божія; въ третій же годъ—обьясненіе богослуженія и церковная исторія, а чтеніе Евангелія—всегда. Насколько послѣднее увлекаетъ „воскресниковъ“, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго разсказа г-жи Кайдановой: „Никифоръ всегда съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ мое чтеніе, упрашивая меня читать *по той маленькой книгѣ* (Евангелію). Къ концу лѣта онъ вполне изучилъ главнѣйшіе факты изъ жизни Иисуса Христа,

такъ что могъ ихъ рассказывать.— „Ты мнѣ подари, пожалуйста, на память Евангеліе,—просиль онъ меня:—я стану всѣхъ своихъ грамотныхъ гостей заставлятъ читать эту книгу“.

Послѣ Закона Божія наибольшій интересъ возбуждаетъ и наибольшее образовательное значеніе имѣетъ объяснительное чтеніе статей по исторіи. Ими „воскресники“ весьма интересуются и по поводу ихъ очень часто бесѣдуютъ между собою. Такъ, одинъ ученикъ, по поводу раздѣленія Руси на удѣлы, говоритъ о семейной враждѣ, о непослушаніи старшимъ, какъ явленіяхъ, отъ которыхъ страдаетъ современная деревня. Другой по поводу выраженія: „земля наша велика и обильна...“ толкуетъ о беспорядкахъ въ мѣстномъ волостномъ правленіи. Г-жѣ Кайдановой говорилъ одинъ „воскресникъ“: „я бы хотѣлъ прочесть русскую исторію. И немного ее знаю, да хотѣлось бы подробнѣе прочесть про всѣхъ царей. Старики баюгъ, что въ старину жили лучше; а по-моему не такъ: въ старину хуже было. Всѣ были неграмотные. И грубые люди прежде были: казни были лютѣе, чѣмъ нынѣ“. Программа чтеній по исторіи должна быть составлена такимъ образомъ, чтобы между ними была систематическая связь, облегчающая усвоеніе историческихъ фактовъ.

Чтеніе статей по географіи Россіи также занимаетъ воскресниковъ, развивая и воспитывая въ нихъ чувство любви къ родной странѣ и расширяя ихъ умственный кругозоръ.— „Теперь случись мнѣ прочесть какой-нибудь случай изъ газеты,—говоритъ одинъ „воскресникъ“,—или изъ книжки, я и знаю, что это было тамъ-то и тамъ-то. А бывало я думалъ, что только и свѣту, что Бердянскъ и Мариуполь; какъ услышишь про Москву, или скажетъ кто-нибудь: я изъ Орловской губ., такъ и думаешь, что это Богъ его знаетъ откуда“. А другой замѣчаетъ: „теперь у меня точно вся Россія въ голову вошла, или вся она у меня въ карманѣ: взглянешь на карту,—такъ всю ее и можешь сразу обнять“.

На урокахъ объяснительнаго чтенія въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ знакомятъ учащихся съ элементарными

свѣдѣніями изъ гигіены, медицины и естественной исторіи, а также съ усовершенствованными способами веденія тѣхъ или другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Кому не приходилось слышать о томъ, что крестьяне-де крѣпко держатся традиціонныхъ способовъ веденія хозяйства и съ большимъ недо-вѣріемъ относятся ко всякимъ новшествамъ и книжнымъ со-вѣтамъ? А между тѣмъ, наблюденія многихъ компетентныхъ людей показываютъ, что это мнѣніе не вѣрно, или, по край-ней мѣрѣ, можетъ быть принято съ большимъ ограниченіемъ. Вотъ какъ отзываются сами грамотные крестьяне о пользѣ сельско-хозяйственныхъ книгъ: „на что и грамотѣ учиться, коли такихъ книжекъ не читать?“; „люди съ книжекъ, а книжки съ людей—такъ одно за другое и цѣпляется“; „все почерпается изъ книгъ“; „книжки указываютъ путь“; „съ гра-моты всѣ новости пошли“. Это убѣжденіе наиболѣе благо-мыслящихъ крестьянъ показываетъ, что воскресная школа должна итти навстрѣчу хозяйственнымъ нуждамъ деревни, предлагая учащимся все, что такъ или иначе можетъ способ-ствовать поднятію земледѣльческаго промысла.

Наконецъ, въ воскресной школѣ преподается, какъ обя-зательный предметъ начального училища, ариѳметика. Этотъ предметъ цѣнится крестьянами исключительно съ практиче-ской точки зрѣнія, почему и занятія имъ носятъ обыкновенно характеръ практической. Учащихся знакомятъ съ тѣмъ, какъ пользоваться торговыми счетами, какъ измѣрять поверхность площади, какъ вести приходо-расходныя книги, составлять счета, вычислять проценты, измѣрять земельные участки и т. п.

Такъ какъ воскресная школа имѣетъ въ своемъ распо-ряженіи очень ограниченное количество времени, то свое великое дѣло просвѣщенія народа она старается совершать не только черезъ классное преподаваніе, но и черезъ руко-водство внѣклассными, домашними занятіями. Къ числу по-слѣднихъ относятся разныя письменныя упражненія по рус-скому языку, рѣшенія ариѳметическихъ задачъ и чтеніе книгъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, выдаваемыхъ изъ школьной

библіотеки. На устройство бібліотеки и правильную постановку домашняго чтенія руководители воскресныхъ школъ обращаютъ самое серьезное вниманіе. И это совершенно основательно. Библіотека въ деревнѣ составляетъ неоцѣнимое сокровище, и, при разумной постановкѣ ея, она можетъ послужить дѣлу просвѣщенія и вообще культурнаго развитія деревни несравненно въ большей степени, чѣмъ сама школа. Она имѣетъ дѣло съ взрослымъ населеніемъ, съ людьми, прошедшими уже школу или, по крайней мѣрѣ, побывавшими въ ней, которые обращаются къ книжкѣ съ опредѣленными вопросами и, несомнѣнно, основательно обдумываютъ каждую вычитанную мысль, стараясь такимъ образомъ при помощи книги дойти до самаго „корня вещей“. Такое отношеніе крестьянъ къ книжкѣ налагаетъ на руководителей школы обязанность удѣлять завѣдыванію внѣкласснымъ чтеніемъ какъ можно больше вниманія и считать это чтеніе самымъ дѣйствительнымъ средствомъ не только къ упроченію приобретаемыхъ крестьянами въ школѣ познаній, но и къ ихъ расширенію и углубленію.

Подробнымъ изложеніемъ свѣдѣній о воскресныхъ школахъ мы имѣли въ виду придать болѣе основательности и убѣдительности нашимъ соображеніямъ о необходимости сельскимъ пастырямъ взяться за учрежденіе воскресныхъ школъ въ своихъ приходахъ самымъ энергичнымъ образомъ.

Если наше духовенство имѣетъ историческое призваніе служить просвѣщенію русскаго народа преимущественно предъ другими сословіями, то оно не только не должно уклоняться (какъ въ дѣйствительности и не уклоняется) отъ работы въ воскресныхъ школахъ, но и обязано заботиться о томъ, чтобы подчинить послѣднія своему могущественному вліянію. Воскресная школа даетъ пастырямъ возможность широко ставить дѣло просвѣщенія прихода въ духѣ Православной Церкви и исконныхъ началъ русской народной жизни. Черезъ воскресную школу они переносятъ свое пастырское вліяніе изъ обыкновенной начальной (для дѣтей) школы и съ церковной ка-

кафедры въ самую жизнь прихода съ ея безчисленными требованіями и нуждами. Обыкновенная школа, безспорно, сильно содѣйствуетъ распространенію просвѣщенія въ народѣ, насаждая грамотность и развивая добрые навыки въ подрастающемъ молодомъ поколѣніи; но безспорно также, что она не имѣетъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы считаться единственнымъ или даже главнѣйшимъ проводникомъ образованія въ крестьянскую среду, потому что все, что дѣти выносятъ изъ школы, обыкновенно быстро улетучивается, если только внѣ школы, въ жизни они не встрѣчаютъ благопріятныхъ условій, которыя бы заставляли ихъ идти впередъ по пути самообразованія, расширять свои познанія и усовершенствовать свою духовную и внѣшнюю, матеріальную жизнь. Такія условія легко создаетъ вокругъ себя всякая правильно поставленная воскресная школа съ библіотекой, приспособленной къ запросамъ народа. Въ этомъ смыслѣ воскресная школа и даетъ въ руки пастырямъ Церкви прекраснѣйшее средство непрерывнаго образовательнаго и воспитательнаго воздѣйствія на насомыхъ, какъ прошедшихъ уже обыкновенную начальную школу, такъ и не бывшихъ въ ней.

Но есть и другая сторона дѣла, имѣющая для пастыря гораздо большее значеніе. Призванный быть строителемъ таинъ Божіихъ и устройтелемъ царства Христова среди вѣреннхъ его духовному руководительству насомыхъ, пастырь обязанъ неослабно слѣдить за религіозно-правственнымъ состояніемъ своего прихода и всякій разъ являться на помощь, когда кому-либо угрожаетъ опасность заблужденій или пороковъ. Эту великую задачу своего служенія онъ исполняетъ посредствомъ учительнаго слова съ церковной кафедры и пастырскихъ наставленій и увѣщаній, преподаваемыхъ при исправленіи тѣхъ или другихъ требъ. Но эти способы пастырскаго воздѣйствія не могутъ считаться самодовлѣющими. Относясь съ большимъ благоговѣніемъ къ Церкви и ея служителю, насомые имѣютъ склонность скрывать отъ послѣдняго свои нужды, свои думы и сомнѣнія; даже грѣхъ иногда подолгу

угаивается отъ того, кто одинъ получилъ отъ Господа власть вязать и рѣшить грѣхи. Отсюда часто происходитъ, что пастырь узнаетъ о появленіи въ приходѣ разнаго рода заблужденій и пороковъ, когда съ ними уже трудно бываетъ вести борьбу. Какимъ образомъ это печальное явленіе можетъ быть предупреждено?—Мы глубоко убѣждены, что воскресная школа въ данномъ случаѣ принесла бы пастырю неоцѣнимую пользу. Здѣсь народъ открывалъ бы предъ своимъ пастыремъ всю свою душу, какъ она есть, потому что и пастырь становится такимъ близкимъ доброжелателемъ его, что народъ уже не будетъ имѣть охоты скрываться, чѣмъ дать пастырю возможность глубокаго религіозно-нравственнаго на него воздѣйствія ¹⁾. И съ матеріальными нуждами прихода, съ горемъ народнымъ въ воскресной школѣ священникъ имѣетъ возможность такъ близко познакомиться, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ,— и не только познакомиться, но и явиться народу на помощь съ словомъ науки, знанія; а это, какъ показываютъ наблюденія, является однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ усиленію значенія пастыря въ приходѣ и расширенію благотворнаго вліянія его на все стороны приходской жизни.

Такимъ образомъ, о распространеніи воскресныхъ школъ именно пастырями Церкви и о близкомъ, непосредственномъ участіи въ нихъ всеѣхъ образованныхъ членовъ прихода подъ неослабнымъ руководствомъ настоятеля нужно всемѣрно заботиться. Большинство существующихъ воскресныхъ школъ создано свѣтскими интеллигентными людьми; пастырямъ Церкви только изрѣдка принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ, хотя они и работаютъ, наравнѣ съ другими, почти во всеѣхъ

¹⁾ Особенно благотворно было бы для жизни прихода воспитаніе и образованіе въ воскресной школѣ женщинъ. Въ дневникѣ Харьковской воскресной школы приводится разговоръ мужа одной изъ бывшихъ ученицъ — „Знаете, что я вамъ скажу: если научите вы пятерыхъ дѣвушекъ,— это все равно, что вы 25 человекъ выучили: вѣдь дѣти у нихъ будутъ. Вотъ и мнѣ моя (жепа) говоритъ: „ты бы школу устроить въ деревнѣ. гдѣ родился“.

школахъ въ качествѣ законоучителей. Но наша мысль та, чтобы въ воскресныхъ школахъ пастыри являлись не одними изъ многихъ работниковъ, а *руководителями во всѣхъ отношеніяхъ*. Этого требуетъ самое существо дѣла. Какъ можетъ пастырь упустить изъ своихъ рукъ такое важное народо-просвѣтительное учрежденіе, имѣющее громадное значеніе для развитія религіозно-нравственной жизни его пасомыхъ, какъ воскресная школа? Тамъ, гдѣ воскресною школою руководить свѣтское лицо, даже исполненное самыхъ благихъ намѣреній относительно Церкви и простого народа, а приходскій священникъ работаетъ только подъ его руководствомъ, положеніе дѣла намъ представляется не совсѣмъ нормальнымъ. Тѣмъ болѣе это явленіе не желательно, что воскресныя школы учреждаются не по предписанію начальства, высшей власти, а по непринужденному желанію частныхъ лицъ, проникнутыхъ любовію къ народу. Если въ извѣстномъ приходѣ появился такой народолюбецъ, который открылъ воскресную школу и потому самому сдѣлался, согласно закону, распорядителемъ ея, отвѣтственнымъ за все, что въ ней происходитъ, то значеніе священника въ сознаніи народа невольно умалется по той простой причинѣ, что воскресная школа становится однимъ изъ главныхъ жизненныхъ нервовъ прихода. Это положеніе дѣла признано нѣсколько ненормальнымъ и въ правительственныхъ сферахъ. 4-го сент. 1891 года Управляющій М. Н. Пр. издалъ циркуляръ (№ 15191), въ которомъ говорится, что, по мнѣнію Оберъ-Прокурора Свят. Синода, воскресныя школы, назначенныя для обученія неграмотныхъ взрослыхъ, и притомъ по большей части ремесленниковъ и рабочихъ или для самыхъ бѣдныхъ дѣтей, не имѣющихъ возможности посѣщать ежедневно уроки, болѣе чѣмъ какія-либо другія школы должны имѣть церковно-православный характеръ, какой присуць церковно-приходскимъ школамъ, почему Оберъ-Прокуроръ признаетъ желательнымъ, чтобы всѣ учреждаемыя впредь, въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, воскресныя школы для православнаго населенія были подчи-

няемы духовному вѣдомству. Соглашались съ такимъ мнѣніемъ Оберъ-Прокурора, Управляющій М. Н. Пр. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ возбужденія ходатайствъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ отдѣльно отъ существующихъ начальныхъ училищъ, эти ходатайства были направляемы къ мѣстному епархіальному начальству. Трудно спорить противъ разумности этого циркуляра и цѣлесообразности примѣненія его въ нашихъ селахъ, гдѣ священнику въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежитъ первое мѣсто въ отношеніи умственного превосходства и нравственно-воспитательнаго вліянія на народъ.

Но могутъ сказать: развитіе воскресныхъ школъ и при современномъ отношеніи къ нимъ сельскаго духовенства идетъ весьма успѣшно—и даже, можетъ быть, гораздо успѣшнѣе, чѣмъ оно могло бы итти въ томъ случаѣ, если бы духовенство на самомъ дѣлѣ заявило о своихъ преимущественныхъ правахъ и обязанностяхъ, потому что, влѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, несомнѣнно существующаго между свѣтскимъ обществомъ и духовнымъ сословіемъ, подобное заявленіе оттолкнуло бы отъ воскресныхъ школъ многихъ свѣтскихъ работниковъ, отъ чего дѣло воскресныхъ школъ, конечно, только проиграло бы. Опасенія подобнаго рода имѣютъ основанія (незначительныя, впрочемъ) уже въ самой исторіи воскресной школы. Какъ извѣстно, приведенный выше Министерскій циркуляръ отъ 4 сент. 1891 года многими трактовался въ свое время, какъ незаконное административное распоряженіе, отмѣняющее дѣйствіе 2 и 10 статей „положенія о нач. нар. учил. 1874 г.“ и какъ своего рода посягательство на право интеллигентныхъ людей работать непринужденно на пользу народнаго образованія; по словамъ г. Абрамова, онъ въ дѣйствительности не исполнялся и не исполняется. Но какъ наши пастыри никогда не были—и не должны быть—оппортунистами, то они ни въ какомъ случаѣ не могутъ отказаться отъ своего права и своихъ обязанностей въ отношеніи къ простому народу, какъ бы ни смотрѣли на нихъ нѣкоторые эле-

менты нашего образованнаго общества, тѣмъ болѣе что существующія въ селахъ воскресныя школы составляютъ только самую незначительную долю того громаднаго количества, которое необходимо открыть для того, чтобы дѣло просвѣщенія деревни замѣтно двинулось впередъ. Стало бытъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воскресныхъ школъ, на обязанности приходскихъ священниковъ лежить позаботиться объ открытїи ихъ. Конечно, это увеличитъ количество труда, требуемаго отъ современныхъ сельскихъ пастырей обстоятельствами нашего времени, прибавитъ ко множеству неотложныхъ пастырскихъ работъ новую—тяжелую и на первыхъ порахъ сопряженную съ немалыми лишенїями. Но тѣ благіе результаты, которые достигаются при посредствѣ воскресной школы въ отношенїи поднятїя религіозно-нравственной и матеріально-экономической жизни народа, составляютъ такую привлекательную сторону дѣла, что ради нея истинный пастырь многое принесетъ въ жертву, утѣшая себя словами апостола: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкіа спасу: вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ Христѣ.*

Н. Гр.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ ¹⁾.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Слово прот. А. Юрашкевича посвящено глубокому и всестороннему раскрытію положенія, что повиновеніе закону и власти не изъ страха только, а по совѣсти и по сознанію нравственныхъ обязанностей есть идеаль человѣка-гражданина и вмѣстѣ высшій идеаль устройства человѣческихъ обществъ, лучше котораго не создавала мысль человѣка. Историческій опытъ говоритъ, что не формы политической и гражданской

¹⁾ См. № 38 за 1901 г.

жизни даютъ крѣпость и силу государству; не тотъ или другой образъ правленія государствомъ создастъ его прочность и возбуждаетъ въ немъ жизненность, дѣлаетъ его могучимъ и долговѣчнымъ; не та или иная степень участія народа въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ вопросовъ служить залогомъ правильнаго и усиѣннаго теченія государственныхъ дѣлъ, ума и твердости въ государственныхъ дѣтеляхъ, правды и истины въ ихъ дѣлахъ. Совершенство виѣшней формы государственнаго устройства—это только одна часть задачи исторіи народа или государства, это только одно изъ условій его правильной жизни,—но далеко не единственное; а опыты говорятъ, что это даже и не существенное условіе. Ничего хорошаго не сдѣлаютъ самыя лучшія порядки въ государствѣ, самыя совершенныя формы его устройства, если въ немъ люди будутъ дурные, если самый народъ, для управленія которымъ созданы прекрасныя учрежденія, будетъ гнилой, негодный народъ; если въ немъ самомъ не будетъ родниковъ здоровой, правильной, разумной жизни; если онъ самъ—разлагающійся трутъ, у котораго все жизненное начало уже вымерло, а осталось одно только тѣло, не управляемое и не оживляемое разумомъ правильнаго народнаго самосознанія. Мало принесутъ пользы самыя лучшія государственныя учрежденія, если люди, поставленные во главѣ управленія, будутъ исповѣдывать символъ, что совѣсть, правда, честь—пустыя слова, обозначающія уже отжившія понятія; что смыслъ жизни—деньги, богатство, удовольствія и только то, что даетъ возможность сладко пить и ѣсть. Мало принесутъ пользы и самыя лучшія государственныя учрежденія, если совѣсть, честь, стыдъ, добрыя нравы отошли въ область преданій, а замѣнъ ихъ царить среди народа необузданный эгоизмъ, хищничество, всѣ роды разврата, погоня лишь за тѣмъ, что льститъ чувственности и плоти: если ни въ семьѣ, ни въ обществѣ, ни среди правящихъ, ни въ средѣ управляемыхъ нѣтъ лучшихъ стремленій, цѣлей и идеаловъ, кромѣ желанія просуществовать сыто и пріятно. Мало пользы принесутъ государству

его хорошія учрежденія, если имѣ этихъ учрежденій, у себя дома, въ своей частной жизни, мы не будемъ имѣть условій, благопріятствующихъ развитію лучшихъ сторонъ нашего человѣческаго достоинства; если наша душа, наша духовная сущность перестанетъ питаться сродною ей духовною пищею. Главные виновники зла собственно нашей русской гражданской жизни кроются въ распатанности нашей внутренней, бытовой жизни, въ нашемъ міровоззрѣніи, въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ: въ безсодержательности и пустотѣ нашихъ нравственныхъ понятій, въ порочности нашихъ нравовъ. А все это зло происходитъ исключительно и единственно отъ маловѣрія и невѣрія. Мы если и вѣримъ въ Бога, то вѣримъ мало, не искренне, не глубоко; отсюда, и наши высшія понятія не правильны, ошибочны, узки, изменны и шатки; наши чувства грубы и эгоистичны, наши нравы не чисты, склонности порочны. Гдѣ же тутъ мѣсто для уваженія закона и государственныхъ порядковъ, когда въ самой душѣ нашей нѣтъ порядка, мира и покая; когда мы сами разучились отличать добро отъ зла, нравственное отъ безнравственнаго и даже при добромъ желаніи честно мыслить и чувствовать ошибаемся въ опредѣленіи нравственнаго значенія такихъ человѣческихъ поступковъ и дѣйствій, которые предъ судомъ Божьяго закона не могутъ имѣть двухъ названій? Очевидно, чтобы уважать государственные законы и подчиняться имъ, подчиняться, т. е., преобладающей власти не изъ страха только, нужно, чтобы мы въ своей душѣ носили побужденія къ этому подчиненію; чтобы въ нашей душѣ господствовали идеи нравственности, порядка, авторитета, долга, чести, совѣсти. Все же это—отъ начала вѣковъ, и пока земля стоитъ, и пока люди на ней живутъ—опирается и будетъ опираться (и это несомнѣнно, какъ то, что мы живемъ и дышимъ) не на что другое, какъ на законъ Божій, какъ на вѣру въ Бога, въ Его Промыслъ и управленіе судьбами міра и человѣка. Въ чьей душѣ есть эта вѣра, въ той есть все, что нужно человѣку для правильной и разумной его жизни на землѣ: въ

этой душѣ есть высшая гармонія между ея разумомъ и стремленіями, между стремленіями и дѣйствіями. Подчиняясь безусловно святости закона Божія, эта душа находитъ въ самой себѣ, въ своей собственной сущности безкорыстное стремление свободно и разумно подчиняться всякому закону и всякому порядку, который устанавливается предержавшею властію для цѣлей благополучія человѣческой жизни, признаетъ этотъ законъ обязательнымъ для себя и въ то время, когда онъ почему-либо даже не соотвѣтствуетъ личнымъ интересамъ. Больше того — уже эта гармонія, господствующая въ душѣ вѣрующаго человѣка, благодатный миръ и покой, какой водворяется въ ней отъ христіанскихъ обѣтованій, дѣлаетъ такого человѣка способнымъ и живѣе чувствовать всѣ преимущества мирной, трудолюбивой, нравственной, основанной на законѣ и порядкѣ, жизни, и легче и безропотнѣе переносить многочисленныя невзгоды, выпадающія на долю каждаго человѣка въ его исполненной тревоженій жизни, не виня въ этихъ невзгодахъ государственные порядки и законы. Такимъ образомъ, лучший христіанинъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и лучший гражданинъ, при какихъ бы несовершенныхъ государственныхъ законахъ ни пришлось ему жить. Не возропщетъ онъ на своего государя и его законы, не подниметъ онъ дерзкаго голоса на осужденіе и осмѣяніе установленныхъ властей и ихъ законныхъ дѣйствій, не позоветъ онъ мрачныхъ силъ къ созданію неурядка и смуты, а въ мѣру своихъ собственныхъ силъ, особенно если онъ къ этому будетъ призванъ, поработаетъ честно и полезно на всякомъ поприщѣ, гдѣ его ни поставятъ, какой постъ ни выпадетъ на его долю по волѣ судебъ Божіихъ.

Тема слова свящ. В. Ливанова: основа могущества всякаго вообще государства и въ частности нашего отечества заключается въ молитвѣ, въ таинственномъ общеніи съ Тѣмъ Таинственнѣйшимъ Непостижимымъ Высочайшимъ Существомъ, въ Которомъ, по апостолу, мы и живемъ, и движемся, и существуемъ, и Которое даетъ намъ и жизнь, и дыханіе, и все

(Дѣяп. 17, 25. 28). Она есть высшее и лучшее обнаруженіе присутствія въ человѣкѣ тѣхъ *трехъ*, которыя, по Божественному опредѣленію, управляютъ нынѣ всѣмъ міромъ: вѣры, надежды и любви. Возбуждаемая чувствами вѣры, надежды и любви, молитва, въ свою очередь, питаетъ и усиливаетъ ихъ, и, значитъ, всякій искренній и усердный молитвенникъ носить въ душѣ своей великую силу. Этого мало: у молитвы есть свое непремѣнное слѣдствіе, лучше сказать—другая сторона ея, это—отвѣтъ Божества на молитву, нисхождение Божественной благодати на молящагося, исполненіе его прошеній. Такимъ образомъ, молитва, возбуждая въ сердцахъ людей стремленіе къ Единому Богу, соединяетъ ихъ въ единое братство и низводитъ на это братство всемогущую благодать Божию. А это все и есть именно то, что нужно для преуспѣянія и роста государства. Государство есть союзъ; всякій же союзъ крѣпокъ и жизненъ при *трехъ* условіяхъ: 1) когда онъ имѣетъ надежную защиту отъ внѣшнихъ враговъ; 2) когда всѣ члены его крѣпко связаны узами взаимнаго расположенія, и 3) когда цѣль союза серьезна и возвышенна. Но можетъ ли быть защита надежнѣе Божественной? можетъ ли быть союзъ болѣе крѣпкій, чѣмъ союзъ братства, объединеннаго въ любви къ общему Отцу—Богу? и можно ли найти цѣль выше цѣли богоподобія, которую ставитъ молитва?—Молитва—и только она одна—дастъ все это человѣку, и, значитъ, силенъ только тотъ народъ, который находится въ постоянномъ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, которому Богъ—*приближеніе и сила, помощникъ и покровитель*.—Этотъ свой конечный выводъ проповѣдникъ подтверждаетъ затѣмъ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ исторіи и текущей дѣйствительности.

Преосв. Виссаріонъ, убѣждая слушателей быть вѣрными Христу, говоритъ, между прочимъ, въ поученіи своемъ, что опасность нарушить вѣрность Христу и Его св. Церкви грозитъ вѣрующимъ въ Спасителя со стороны не однихъ только открытыхъ враговъ вѣры и гонителей ея, но вообще отъ людей міра сего, которые, хотя не порвали окончательно связи

своей съ Церковію и не желаютъ отступитъ отъ нея, слѣдуютъ однако правиламъ и обычаямъ нехристіанскимъ и осуждаютъ несогласныхъ съ ними въ этомъ отношеніи. Изъ числа такихъ нехристіанскихъ обычаевъ и правилъ, слѣдованіе которымъ не почитается грѣхомъ и даже признается обязательнымъ, преосв. Виссаріонъ останавливается 1) на поединкахъ, 2) на женскихъ модныхъ нарядахъ, „больше открывающихъ, чѣмъ закрывающихъ наготу“, и 3) на обычныхъ обманахъ въ торговлѣ. Даже на самой исповѣди многіе вмѣсто того, чтобы осуждать себя однихъ, только приравниваютъ себя къ другимъ, не менѣе ихъ грѣшнымъ, говоря въ свое оправданіе: „Кто Богу не грѣшенъ? Всѣ мы—грѣшники, всѣ мы—люди, всѣ—человѣки“. Но не извинительны всѣ подобныя разсужденія: грѣхами другихъ нельзя оправдывать своихъ грѣховъ. Адамъ не оправдался тѣмъ, что не онъ первый согрѣшилъ, а жена его. Не оправдаемся и мы предъ Богомъ тѣмъ, что не мы—первые грѣшники. Мы потому называемся христіанами, что должны слѣдовать за однимъ Христомъ, какъ овцы за пастыремъ, а не за грѣшниками. Нечестиво было бы изъ угожденія людямъ или изъ страха предъ ними измѣнять Христу. „Не сообразуйтеся вѣку сему,—говоритъ св. ап. Павелъ,—но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія благая, угодная и совершенная“ (Римл. 12, 2). Не съ вѣкомъ должно сообразоваться въ своемъ поведеніи, а единственно съ волею Божіею, ее одну познавать обновленнымъ благодатію умомъ, ею одною руководствоваться, а не къ людскимъ мнѣніямъ, измѣнчивымъ и часто противнымъ волѣ Божіей, прислушиваться и имъ рабски слѣдовать. Трудно, правда, живя среди грѣшнаго міра, не увлекаться духомъ и обычаями его и жить однимъ духомъ Христовымъ; но хотя бы это было такъ трудно и больно, какъ трудно и больно дать правую руку на отсѣченіе, правый глазъ на избоденіе, не должно уклоняться отъ этой жертвы (Матѣ. 5, 29. 30). Пусть нѣкоторые люди будутъ для насъ такъ дороги, какъ правый глазъ, и

такъ необходимы, какъ правая рука; но если они примѣромъ и внушеніями своими отвлекаютъ насъ отъ Христа, ни на минуту нельзя колебаться въ рѣшеніи, за кѣмъ слѣдовать— за людьми ли, или за Христомъ-Богомъ.

Свящ. М. Авдашкевичъ, подробно разсматривая въ своемъ поученіи вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ, по христіанскому ученію, призваніе женщины въ общечеловѣческой жизни, и въ чемъ заключаются характерныя особенности, составляющія наилучшее украшеніе женщины-христіанки, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: христіанство намѣтило женщипѣ существенныя виды великой службы человѣчеству 1) въ благоустроеніи семьи, 2) въ развитіи семейныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ 3) и общественно-христіанскихъ добродѣтелей, 4) для избранныхъ—въ чистомъ дѣвствѣ и 5) въ школьномъ воспитательствѣ-учительствѣ. Добавимъ къ этому, что жизнь давно уже указала и еще одну великую и благодарную миссію для женщины-христіанки—уходъ за больными.

Бесѣда преосв. Макарія, или „слово не во время о дѣлѣ неблаговременномъ“ есть горячій протестъ ревностнаго архипастыря и глубокаго патріота противъ дѣтскихъ и народныхъ игръ въ пасхальные дни. Въ мнимой заботѣ о физическомъ якобы развитіи дѣтей, въ Томскѣ назначены были дѣтскія игры съ танцами въ *перый* же день св. Пасхи вечеромъ, а черезъ нѣсколько дней—„праздникъ весны“ съ олицетвореніемъ этой послѣдней въ видѣ живого существа. Съ болью въ любящемъ сердцѣ архипастырь старается образумить слушателей и выясняетъ, что подобныя игры оскорбляютъ нравственное чувство каждаго вѣрнаго сына Церкви, каждаго честнаго, благомыслящаго человѣка и являются нравственнымъ преступленіемъ противъ Церкви и дѣтей. Игры эти невольно наводятъ на подозрительную мысль, не хотятъ ли учредители ихъ, подъ благовидными предлогами, воспитать молодое поколѣніе въ отчужденіи отъ Церкви, что поведетъ къ охлажденію къ вѣрѣ, отучитъ отъ послушанія пастырскому руководству. „Нельзя утаивать,—говоритъ затѣмъ преосв.

Макарій,—того печальнаго явленія въ жизни нашего современнаго общества, что нѣкоторые лица или, даже скажемъ болѣе, часть такового общества усиливается стать руководителями простого народа, чтобы вести его за собой въ бездну невѣрія, безначалія; посѣять въ ушахъ и сердцахъ ихъ сомнѣніе въ истинѣ богоучрежденности Церкви, какъ руководительницы людей къ вѣчному спасенію, и возбудить недо- вѣріе къ богодарованной пастырямъ власти учить народъ, визать и разрѣшать грѣхи людей, быть духовными врачами и судіями совѣсти вѣрующихъ. А если желающіе отвлекутъ народъ отъ Церкви достигнутъ своей цѣли, то они легко могутъ повести этотъ народъ въ сторону, желательную только для людей неблагонамѣренныхъ,—къ отрицанію вѣры и бого- учрежденности власти, а оттуда ко всякаго рода нестроеніямъ, отъ чего да сохранить Богъ православный нашъ народъ“.—
Есть надъ чѣмъ призадуматься...

Проповѣдей тематическихъ, на разные случаи, противораскольническихъ, противосектантскихъ и катихизическихъ поученій помѣщено въ енархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900-й годъ около *четырехъ-сотъ*. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: поученіе преосв. Виссаріона, еп. Костромскаго, къ земскимъ дѣтелямъ предъ выборами дворянства (Костр. еп. вѣд., № 28), поученіе „въ назиданіе тѣмъ изъ прихожанъ, кои ропщутъ на введеніе чувашскаго языка въ богослуженіе“ (Сам. еп. в., № 48), слово еп. Никодима въ день открытія и освященія (24 іюня 1900 года) въ г. Сарапулѣ Іоанно-Предтеченскаго монастыря (Вятск. еп. в., № 44), рѣчь преосв. Макарія, еп. Томскаго, при открытіи Томскаго Технологическаго Института имени Императора Николая II (Томск. еп. в., № 24), слово прот. П. Лебедева въ день XXI выпуска воспитанницъ Подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства (Под. еп. в., № 25), „поученія приходскаго священника (П. К.) къ тѣмъ, кои, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, ѣдутъ на ярмарку“ (Под. еп. в., № 46 и дал.), поученіе свящ. П. Луканина къ

заклоченнымъ (Екатериноб. еп. в., № 7), бесѣды священника-врача П. Козловскаго о пьянствѣ (Смол. еп. в., № 9 и дал.), бесѣды свящ. Е. Ландышева со своими прихожанами по гигиенѣ (Томск. еп. в.), поученія о пастырскомъ служеніи, произнесенныя въ церкви Астраханской духовной семинаріи („Пастырскія наставленія и завѣтныя пожеланія моимъ воспитанникамъ“.—Астр. еп. в., № 2 и дал.), бесѣды въ честь свв. мучениковъ (Курск. еп. в., № 20 и дал.), поученія свящ. В. Чекана о свв. Евангеліяхъ (Под. еп. в., № 9 и дал.), поученіе свящ. І. Демянскаго о пожертвованіяхъ на воиновъ и раненыхъ въ Китаѣ (Новгор. еп. в., № 19), современныя бесѣды пастыря въ раскольникѣ приходѣ (тамъ же и дал.), бесѣды къ именуемымъ старообрядцамъ по руководству Малаго Катихизиса (Костр. еп. в.), поученія противъ штундистовъ свящ. П. Мильчевскаго (Полт. еп. в., № 22) и М. Оратовскаго (Херс. еп. в., № 2), катихизическія поученія на символъ вѣры (Ряз. еп. в., № 7 и дал.; *первыя 11* поученій напечатаны были въ 1899 г.), 9 бесѣдъ о свойствахъ Божіихъ (Пенз. еп. в.) и нѣк. др. Болѣе или менѣе подробно остановимся только на *первыхъ пяти* проповѣдяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Б.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 сентября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, сентября 30-го.

Содержаніе: „Овцы и козлища“.—О народныхъ развлеченіяхъ.—„Лучиха“
(Разсказъ).—Замѣтка.

„ОВЦЫ И КОЗЛИЩА“.

Въ 80-хъ годахъ только-что пережитаго нами прошлаго столѣтія свѣтская періодическая печать, преимущественно иллюстрированные журналы, для привлеченія возможно большаго количества подписчиковъ, начали выдавать послѣднимъ такъ называемыя бесплатныя приложенія и преміи. Преміи первоначально состояли почти исключительно изъ довольно сомнительнаго достоинства олеографій; но съ теченіемъ времени болѣе богатыми и предприимчивыми издателями олеографіи мало-по-малу замѣнены были главнымъ образомъ собраніями сочиненій знаменитѣйшихъ русскихъ писателей, часто даже въ роскошныхъ переплетахъ. Послѣдняго рода преміи явились слишкомъ заманчивыми и возымѣли свое дѣйствіе, такъ какъ въ отдѣльной продажѣ онѣ нерѣдко значительно

превосходили подлинную плату за самый журналъ. Подписчики выписывали тѣ или другія періодическія изданія, руководствуясь не ихъ внутреннимъ достоинствомъ, не ихъ *задачами и направлениемъ*, а исключительно лишь *цѣнностью преміи*, часто даже потому въ теченіе всего подписного года и не прикасаясь къ самому журналу. Въ то же время и журналы пріобрѣли себѣ тысячи и даже десятки тысячъ *воображаемыхъ читателей* изъ такихъ круговъ и слоевъ общества, которые ничего съ ними общаго не имѣютъ. И вотъ редакторы очутились въ довольно затруднительномъ положеніи: имъ волей-неволей пришлось—и приходится—затрогивать на страницахъ своихъ изданій такіе вопросы, въ которыхъ они являются далеко не вполне компетентными, говорить въ легкомъ тонѣ о предметахъ, которые требуютъ слишкомъ глубокой вдумчивости и необыкновенно точнаго и, такъ сказать, тонкаго выраженія. Что получалось и получается изъ такихъ статей, лучше всего показываетъ печальный примѣръ редактора „Нивы“ Р. П. Сементковскаго, помѣстившаго въ іюльской книжкѣ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложеній“ къ журналу за текущей годъ статью: „Что новаго въ литературѣ?—Критическіе очерки“ (стр. 535—548) по поводу напечатанной въ одной изъ книжекъ журнала „Вѣра и Разумъ“ рѣчи въ Бозѣ почившаго Амвросія, архіеп. Харьковскаго, „О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками“. На эту статью г. Сементковскаго въ первой же августовской книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ помѣщена горячая и весьма обстоятельная отвѣдь профессора Харьковскаго университета прот. Т. Буткевича: „Странныя сужденія Р. П. Сементковскаго, высказанныя по поводу рѣчи преосвященнаго Амвросія: *О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками*“ (стр. 195—240).

Въ виду, съ одной стороны, высокаго интереса затронутого въ названныхъ статьяхъ вопроса, съ другой—такъ какъ „Нива“, безъ сомнѣнія, имѣетъ тысячи подписчиковъ изъ среды духовенства, считаемъ нравственною обязанностью по

звѣдомить in extenso читателей нашего журнала съ отно-
вѣдью о. Бутковскаго.

Г. Сементковскій въ своей статьѣ разсуждаетъ съ пол-
нымъ достоинствомъ, спокойно и объективно, безъ задора и
раздраженія и вообще относится къ предмету своего разсуж-
денія не только серьезно, но даже съ уваженіемъ, что такъ
рѣдко можно встрѣтить въ наше время у нашихъ газетныхъ
и журнальныхъ критиковъ. О преосв. Амвросіи онъ говоритъ
также съ несомнѣннымъ уваженіемъ и высоко цѣнитъ его
заслуги для Русской Церкви и русскаго общества, при чемъ
голосъ его на этотъ разъ совершенно справедливо отождест-
вляетъ съ голосомъ всего русскаго православнаго духовенства
и даже съ голосомъ самой Православной Церкви. Хотя
„взглядъ“ преосв. Амвросія на современное религіозно-нрав-
ственное состояніе нашего общества г. Сементковскій и на-
зываетъ „пессимистическимъ“, но на дѣлѣ оказывается, что
онъ и самъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, признавая его, слѣдова-
тельно, справедливымъ. Онъ вполне согласенъ съ преосв.
Амвросіемъ, что въ современномъ русскомъ обществѣ суще-
ствуютъ тѣ именно заблужденія и пороки, на которые указалъ
ясный архипастырь въ своей рѣчи. Онъ не отрицаетъ
того, что христіанскій строй въ семьяхъ въ наше время
разрушается; что отцы и матери своими ложными мыслями
и примѣрами заражаютъ невинныхъ дѣтей; что дѣти, вку-
сившія современной мудрости, „бунтуютъ“ противъ благоче-
стныхъ родителей, мужа — противъ жены и наоборотъ; что
братья и сестры спорятъ и враждуютъ другъ противъ друга за
свои убѣжденія и за направленія въ жизни и поведеніи; что осо-
бенно печальны отношенія между супругами, между которыми
снисхожденіе, уступки, благожелательство, терпѣніе исчезаютъ
и замѣняются гордостію, самолюбіемъ, раздражительностію,
мщеніемъ, избалованностію и измѣнами, поощряемыми ученіемъ
о такъ называемой *свободѣ чувствъ*; что цѣломудріе, воздер-
жаніе, скромная семейная жизнь уходятъ въ область преда-
ній; что своекорыстіе, жажда къ обогащенію, хищеніе, обманъ,

грубыя удовольствія и т. д. чрезвычайно распространены, и что честность какъ бы исчезаетъ изъ міра. Мало того,—эту грустную характеристику нравственнаго состоянія нашего общества, представленную преосв. Амвросіемъ, г. Сементковскій уже отъ себя восполняетъ двумя прискорбными, но вѣрными чертами, которыя хотя относятся и къ интеллектуальной области, но находятся въ тѣсной связи и съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ общества, какъ обнаруженія одного и того же духа человѣческаго: 1) русское общество нашего времени оказывается неспособнымъ къ серьезному и самостоятельному мышленію; 2) оно совсѣмъ не интересуется богословско-философскими истинами, признавая ихъ „хорошо уже извѣстными, хотя... въ сущности съ ними очень мало знакомо“. Само собою понятно, что если бы русское общество было болѣе подготовлено къ усвоенію серьезной мысли, и если бы оно было дѣйствительно знакомо съ богословско-философскими истинами и въ особенности съ христіанскимъ ученіемъ какъ его преподаетъ наша Православная Церковь, то господствующіе среди него пороки и заблужденія не проявились бы въ томъ видѣ и съ такимъ чудовищнымъ характеромъ, какой они носятъ на себѣ въ настоящее время.

Г. Сементковскій, далѣе, вполне согласенъ съ указаніемъ преосв. Амвросія и на то, что въ наше время настоятъ крайняя нужда вступить въ рѣшительную и энергическую борьбу съ заблужденіями и пороками, господствующими въ русскомъ обществѣ. Вотъ почему онъ „всѣми силами души сочувствуетъ призыву преосвященнаго“ къ этой борьбѣ. „Можно только пожелать,—говоритъ онъ,—чтобы этотъ вдохновенный призывъ преосвященнаго нашелъ себѣ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ образованныхъ христіанъ“. Зато онъ не согласенъ, кто именно, кромѣ пастырей Церкви изъ христіань-мірянъ, долженъ вести борьбу съ заблужденіями и пороками нашего общества, на что должны опираться и откуда должны почерпнуть свои силы эти борцы, и какимъ вообще характеромъ

должна отличаться самая борьба. А все это существенно важно и само по себѣ имѣетъ принципиальное значеніе.

И прежде всего, по словамъ Сементковскаго, преосв. Амвросій „слишкомъ суживаетъ границы, въ которыхъ борьба противъ зла уже теперь происходитъ и съ теченіемъ времени можетъ еще успѣшнѣе происходить. Преосвященный какъ бы отрекается отъ многомилліоннаго русскаго народа, говоря, что не поймутъ, какъ должно, борьбу со зломъ простые русскіе люди“. Но кто относится къ рѣчамъ преосв. Амвросія серьезно, и кто читалъ ихъ съ надлежащимъ вниманіемъ, тотъ, конечно, хорошо знаетъ, что архипастырь чаще всего и съ особенною любовію останавливается на простомъ русскомъ народѣ, въ природныхъ и высоко-нравственныхъ свойствахъ котораго—его искренней религіозности, безпредѣльной преданности волѣ Божіей, любви ко врагамъ и способности ко всепрощенію, покорности богопоставленнымъ его царямъ, вѣрности отеческимъ завѣтамъ и обычаямъ и въ той дивной привязанности и любви къ своему отечеству, которыя побуждаютъ его не только къ великимъ жертвамъ, но и къ самопожертвованію, — усматриваетъ не только силу, о которую уже неоднократно разбивались всѣ козни многочисленныхъ враговъ Православной Церкви и Россіи, но и залогъ будущаго благосостоянія русскаго общества и государства. Равнымъ образомъ, въ своей послѣдней рѣчи преосв. Амвросій, признавая преимущественное значеніе въ борьбѣ съ общественными *современными* заблужденіями и пороками за практическою дѣятельностію, за вѣрою, за силою духа, проявляющеюся въ соотвѣтственныхъ дѣлахъ, въ то же время вовсе не отвергаетъ и борьбы при помощи разумнаго, здраваго и убѣдительнаго слова; онъ говоритъ только, что „борьба дѣла, доступная всѣмъ, тверже, глубже, плодотворнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ борьба однимъ словомъ“. Борьбы словомъ преосв. Амвросій и *не могъ* отрицать уже потому, что онъ самъ непрерывно и неустанно ведетъ ее, какъ лучшій и выдающійся представитель церковной проповѣди. Такъ понимаетъ преосв.

Амвросія, безъ сомнѣнія, и г. Сементковскій: иначе онъ не сталъ бы подробно разсуждать, какъ въ дѣйствительности разсуждаетъ, о словесной борьбѣ, которую, по его словамъ, ведутъ и будутъ вести русскіе писатели и литераторы. Но, разумѣется, простые русскіе люди не способны на такую борьбу, даже не понимаютъ ея. Нужно имѣть также въ виду еще и то, что заблужденія и пороки, о которыхъ говоритъ преосв. Амвросій въ своей рѣчи, и съ которыми надлежитъ вступить въ борьбу лучшимъ русскимъ людямъ, распространены главнымъ образомъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ и явились именно вслѣдствіе его увлеченія западными ложно-философскими ученіями, которыя — благодареніе Богу! — до сихъ поръ остаются еще неизвѣстными простымъ русскимъ людямъ. Кто хорошо знакомъ съ проповѣдями преосв. Амвросія и знаетъ вообще его взгляды, тотъ легко пойметъ, почему онъ *на этотъ разъ* не призываетъ многомиліоннаго простого русскаго народа къ борьбѣ *дѣломъ*, которая, по его справедливому замѣчанію, *доступна* *всѣмъ*, а слѣдовательно — и простымъ русскимъ людямъ. По твердому убѣжденію преосвященнаго Амвросія, опредѣленно высказанному въ его проповѣдяхъ, наше интеллигентное общество въ настоящее время разобщило себя отъ русскаго народа; оно увлеклось жизнію, обычаями, воззрѣніями и идеалами западно-европейскихъ народовъ. У простого русскаго народа ему нечему учиться, такъ какъ интеллигентное общество наше не находитъ уже у него ничего добраго, высокаго, поучительнаго. Говоря постоянно на словахъ о „меньшемъ братѣ“, наши либеральные интеллигенты въ дѣйствительности презираютъ этого „меньшаго брата“ за его косность, неподвижность, грубость и невѣжество. Въ этомъ отношеніи преосв. Амвросій прямо уподобляетъ нашихъ либераловъ и западниковъ древне-іудейскимъ книжникамъ и фари́сеямъ, которые съ поразительною откровенностью говорили о своемъ простомъ народѣ: „народъ сей невѣжды въ законѣ: проклятъ онъ!“ Очевидно, послѣ этого, что въ глазахъ нашихъ либеральныхъ интеллигентовъ

ровню ни какого значенія не можетъ имѣть даже и добрая, безупречно нравственная жизнь простыхъ русскихъ людей. Кромѣ того, нельзя забывать, что разложеніе религіозно-нравственныхъ началъ жизни, въ которую все болѣе и болѣе проникаетъ пагубное вліяніе нашихъ либераловъ, наблюдательные люди стали замѣчать уже и у простого русскаго народа. Не находя ничего добраго у нашего народа, чему бы можно было поучиться, либералы, напротивъ, прикрываясь гуманностію и человеколюбіемъ, сами начали съ чрезмѣрнымъ усердіемъ заботиться о воспитаніи и развитіи его—конечно, въ своемъ духѣ и направленіи; въ дѣйствительности же, усматривая въ народѣ могучую стихійную силу, они хотятъ только направить его, какъ орудіе, для достиженія своихъ тенденціозныхъ, но затаенныхъ стремленій къ совершенному разложенію народной жизни. Если же эти развратители русскаго общества, какъ называлъ ихъ преосв. Амвросій въ своей рѣчи, ничего не берутъ у нашего народа, подчиняя, наоборотъ, его самого своему вліянію; то какъ же можно требовать, чтобы этотъ простой народъ былъ выставленъ въ качествѣ надежнаго борца съ ними и ихъ вреднымъ вліяніемъ на жизнь общества?....

Впрочемъ, г. Сементковскаго задѣлю за живое особенно то, что преосв. Амвросій исключилъ изъ числа борцовъ съ современными общественными заблужденіями и пороками самыхъ „развратителейъ народа: либераловъ, матеріалистовъ, толстовцевъ, пашковцевъ и прочихъ людей, не доучившихся или переучившихся“. Преосв. Амвросій, — говоритъ онъ, — „слишкомъ суживаетъ границы, въ которыхъ борьба противъ зла уже теперь происходитъ и съ теченіемъ времени можетъ еще усиливше происходить.... Онъ не вѣритъ въ возможность привлечь къ этой борьбѣ *либерально* настроенную часть общества и произноситъ надъ нею страшный приговоръ: *слово Моє* (т. е. Госнода) *не вмѣщается въ нихъ*... Обратимъ наше вниманіе на ту часть нашего просвѣщеннаго общества, которую преосвященный называетъ *либералами, матеріалистами*

и проч. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что эта часть нашего общества такъ далеко ушла отъ добра, такъ погружена въ зло, что на нее надеждъ уже никакихъ возлагать нельзя?“ (стр. 544).

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно: да. Современные пороки и заблужденія, къ практической борьбѣ съ которыми призываетъ въ своей рѣчи *христіанъ* преосв. Амвросій, навязаны нашему обществу не кѣмъ инымъ, какъ именно матеріалистами, почему онъ и называетъ матеріалистовъ прямо „развратителями народа“. Не можетъ радѣть о развитіи релігіознаго сознанія и релігіознаго настроенія тотъ, кто совершенно отрицаетъ и самое бытіе Божіе, а релігію объявляетъ „позоромъ человѣчества“. Не можетъ содѣйствовать распространенію въ обществѣ истинно-христіанскаго ученія и христіанскихъ добродѣтелей тотъ, кто самое христіанство признаетъ „врагомъ просвѣщенія и народнаго благосостоянія“. Не можетъ побудить подданныхъ къ жертвѣ и самопожертвованію за отечество тотъ, кто требуетъ разрушенія существующаго строя государственной жизни во что бы то ни стало. Не можетъ бороться со зломъ тотъ, кто не признаетъ *различія* между добромъ и зломъ; для кого зло столь же *необходимо*, какъ и вращеніе земли вокругъ солнца: кто отвергаетъ свободу человѣческой воли, а вмѣстѣ съ нею—грѣхъ и отвѣтственность человѣка за его личныя дѣйствія: кто прямо одобряетъ пороки и называетъ глупцомъ всякаго, воздерживающагося отъ нихъ. Не можетъ оказывать поддержку нравственнымъ основамъ семейной жизни тотъ, кто объявилъ бракъ „могилою истинной любви“. Вообще, нельзя возлагать какихъ бы то ни было надеждъ—въ смыслѣ оказанія обществу содѣйствія въ борьбѣ съ заблужденіями и пороками или помощи въ дѣлѣ его нравственнаго возрожденія—на того, кто указываетъ на эгоизмъ, деньги, наслажденіе, какъ на единственный принципъ жизни и дѣятельности человѣка.

Признавая несправедливымъ „дѣленіе“ пресов. Амвросіемъ „русскаго общества на овецъ и козлищъ“ и исключеніе матеріалистовъ и либераловъ изъ числа борцовъ съ заблужденіями и пороками современнаго общества, г. Сементковскій, впрочемъ, не утверждаетъ того, что эти „мыслители“ сами по себѣ, непосредственно, ведутъ—или даже только могутъ вести—борьбу съ указаннымъ зломъ. Ихъ заслугу онъ полагаетъ совершенно въ иномъ. „Эта часть русскаго общества (т. е. либералы и матеріалисты),—говоритъ онъ,—какъ извѣстно (?), создала великихъ нашихъ писателей, этихъ пламенныхъ проповѣдниковъ добра—и притомъ добра въ чисто христіанскомъ духѣ“ (тамъ же). Итакъ, по словамъ г. Сементковскаго, всѣ наши великіе писатели, „эти пламенные проповѣдники добра—и притомъ добра въ чисто христіанскомъ духѣ“ были учениками матеріалистовъ и *пустозвонныхъ либераловъ!* Тяжкая клевета возводится на этихъ поистинѣ великихъ русскихъ писателей, дѣйствительно проповѣдывавшихъ только одно добро въ чисто христіанскомъ духѣ! Если бы они были учениками матеріалистовъ, то, конечно, защищали бы и разрушительное ученіе своихъ наставниковъ; но на дѣлѣ оказывается иное: всѣ они были непримиримыми противниками матеріалистическаго легкомыслія и таковыми оставались въ теченіе всей своей жизни.

Не желая дѣлить русское общество на „овецъ и козлищъ“, г. Сементковскій и всѣхъ русскихъ писателей хочетъ, повидимому, подвести подъ одинъ общій флагъ—флагъ либераловъ, учениковъ матеріализма. Но, какъ мы видѣли, не всѣ русскіе писатели—либералы, „созданные“ матеріалистами, и не всѣ, пишущіе русскими буквами и сотрудничающіе въ русскихъ журналахъ и газетахъ, должны быть признаваемы истинно *русскими* писателями. Нельзя согласиться съ утвержденіемъ г. Сементковскаго, будто бы вся современная русская литература есть „надежнѣйшая выразительница общественнаго мнѣнія“. Дѣйствительность говоритъ, что двѣ трети (если не болѣе) нашей періодической печати находится въ

настоящее время въ рукахъ жидовъ и поляковъ—самыхъ непримиримыхъ и злѣйшихъ враговъ русскаго народа. А такіе писатели, само собою понятно, не могутъ быть „надежнѣйшими выразителями общественнаго мнѣнія“ русскаго народа. Между тѣмъ, г. Сементковскій не выдѣляетъ изъ ареопага *великихъ* русскихъ писателей даже и этихъ враговъ русскаго народа, о которыхъ, вмѣстѣ съ ихъ русскими (не по духу, а по происхожденію) единоплеменниками, только и можно было бы сказать, что они „созданы“ матеріалистами. Мало этого,—г. Сементковскій всѣхъ вообще нашихъ писателей надѣляетъ самыми идеальными чертами, и то, что дѣйствительно можно было бы сказать только объ истинно великихъ русскихъ писателяхъ, благотворно вліявшихъ на жизнь русскаго общества и народа и на ея правильное развитіе, онъ относитъ ко всѣмъ вообще русскимъ литераторамъ, въ томъ числѣ, конечно, и къ жидовствующимъ, и къ полякамъ, и къ крайнимъ проповѣдникамъ матеріалистическаго либерализма, не имѣвшимъ въ виду никогда никакой другой цѣли, кромѣ разрушенія русской семейной, общественной и государственной жизни и ослабленія могущества и политическаго значенія русскаго народа.

Преосв. Амвросій назвалъ въ своей рѣчи „либераловъ, матеріалистовъ, толстовцевъ, пашковцевъ и прочихъ людей, недоучившихся или переучившихся“, прямо „развратителями народа“. Г. Сементковскій, желая спасти честь матеріалистовъ и либераловъ, втихомолку наводитъ читателя на мысль, что будто между матеріалистами и писателями нельзя полагать различія, и что, осуждая матеріалистовъ, преосв. Амвросій тѣмъ самымъ осудилъ будто бы уже и всѣхъ, даже *великихъ* русскихъ писателей, которыхъ-де создали осужденные имъ либералы и матеріалисты. Но истинно великихъ русскихъ писателей и въ частности поэтовъ преосв. Амвросій не только не называетъ „развратителями народа“, а, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, даже *не могъ* назвать ихъ таковыми; слѣдовательно, онъ *не могъ* исключать ихъ и изъ числа борцовъ

съ общественными заблужденіями и пороками. Въ рѣчи своей онъ обращается именно къ *образованнымъ* христіанамъ: а развѣ русскіе великіе православные писатели не должны быть называемы *образованными* христіанами? Въ другой рѣчи своей— „О значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“—преосв. Амвросій такъ выражаетъ свой взглядъ на служителей искусства вообще и на поэтовъ въ частности: „я чту,—говоритъ онъ,—даровитыхъ и благонамѣренныхъ писателей поэтическаго характера, читаю ихъ чистыя и благородныя произведенія“ (рѣчь эта напечатана въ собраніи проповѣдей его, Харьковъ, 1900 г., стр. 165—190). Въ великомъ дѣлѣ направленія человѣчества къ совершенству значительную долю онъ приписываетъ искусству вообще и поэзіи въ частности, называя искусство, какъ и знаніе и добродѣтель, прямо двигателемъ человѣчества къ совершенству. Пушкинъ уподобляетъ служеніе поэта служенію пророческому. Сравненіе это, конечно, слишкомъ смѣло; но значеніе поэта Пушкинымъ понято вѣрно. Пророки получали каждый разъ отъ Бога откровеніе непосредственно и каждый разъ возвѣщали людямъ прямую и непреложную волю Божию. „Осмѣлимся сказать,—говоритъ въ той же рѣчи своей преосв. Амвросій,—что Богъ, приближая къ пониманію вѣрующихъ, посредствомъ пророческихъ видѣній, тайны міра духовнаго и Своего промышленія о спасеніи человѣчества, Самъ научаль лютей избранныхъ и искусству запечатлѣвать показанные пророкамъ образы въ художественныхъ произведеніяхъ для возбужденія въ народахъ благоговѣнія и любви къ Нему“. Поэты, конечно, непосредственныхъ откровеній отъ Бога не получали; но вмѣстѣ съ бытіемъ своимъ они приняли отъ Бога даръ, или талантъ въ художественныхъ образахъ представлять людямъ вѣчныя истины для возбужденія ихъ (людей) къ усовершенствованію,—даръ, котораго никакимъ другимъ способомъ человѣкъ пріобрѣсти не можетъ. И если они правильно понимали свое назначеніе—„глаголомъ жечь сердца людей“ и дѣйствительно пользовались даннымъ имъ отъ Бога

талантомъ для выполненія своего назначенія, употребляя этотъ талантъ для прославленія имени Божія и для блага ближнихъ, они являлись лучшими борцами съ общественными заблужденіями и пороками и работали въ этомъ случаѣ совмѣстно съ христіанскою Церковію, отъ которой только они и могли заимствовать вѣчныя и непреложныя истины для своего художественнаго воспроизведенія. Если же *истинные* поэты, служители Іеговы, а не Ваала, вдохновляемые и руководимые въ своей плодотворной дѣятельности, съ одной стороны, Божественнымъ Откровеніемъ, которое возвѣщается христіанскою Церковію, а съ другой—любовію къ ближнимъ, являются, по художественности и ясности создаваемыхъ ими образовъ, лучшими истолкователями вѣчныхъ истинъ, то, понятно, ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, вмѣстѣ съ г. Сементковскимъ, чтобы преосв. Амвросій не желалъ ихъ видѣть принимающими живое и дѣятельное участіе въ борьбѣ съ общественными заблужденіями и пороками.

На самомъ дѣлѣ преосв. Амвросій идетъ далѣе этого. Г. Сементковскій совершенно справедливо замѣтилъ въ самомъ началѣ своего очерка, что „серьезная мысль, серьезное слово у насъ въ авантажѣ не обрѣтается и по большей части заглушается крикливою модою“ (стр. 536—537). И дѣйствительно, у насъ много не только обыкновенныхъ свѣтскихъ людей, но и писателей—газетныхъ и журнальныхъ сотрудниковъ, которые увлекаются легкомысленнымъ либерализмомъ только по легкомысленному же подражанію и нежеланію казаться отсталыми, или—что то же—не слѣдующими „крикливой модѣ“. Преосв. Амвросій не оставляетъ безъ вниманія и этихъ людей: онъ призываетъ сплотиться для дѣятельной борьбы со зломъ именно „образованныхъ христіанъ, въ разсѣянной свѣтской жизни не находящихъ времени *подумать* о себѣ, *увлекаемыхъ живыми мыслями*, противохристіанскими обычаями и примѣрами, подѣ тѣмъ только условіемъ, чтобы они оставили современную привычку свѣтскихъ людей читать только то, что, по слуху, признается интереснымъ“.

Исно отсюда, что даже и многихъ лже-либеральныхъ нашихъ писателей преосв. Амвросій не считаетъ погибшими для дѣла возрожденія общественной нравственности, при выполненіи только съ ихъ стороны возможныхъ и не особенно, къ тому же, тяжелыхъ условій.

Но г. Сементковскій, собственно говоря, беретъ подъ свою защиту и подъ свое покровительство не истинныхъ поэтовъ и великихъ русскихъ писателей, идущихъ указаннымъ имъ отъ Бога путемъ, и даже не тѣхъ лже-либеральныхъ писателей, о которыхъ только-что шла рѣчь, а писателей либеральныхъ по убѣжденію, уже не способныхъ къ отреченію отъ ложнаго направленія своего ума, явныхъ и упорныхъ атеистовъ и непримиримыхъ враговъ Христовой Церкви. Сужденія о. Буткевича касательно этого пункта очерка г. Сементковскаго оставляемъ до слѣдующаго № журнала.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О народныхъ развлеченіяхъ.

Въ прекрасномъ побужденіи парализовать общенародное пьянство, въ наши дни много хлопочуть объ устройствѣ доступныхъ праздничныхъ развлеченій для народа. Нашъ простой народъ, говорятъ, распустился; надо его сдержать, отвлечь его отъ повальнаго пьянства, этого разъѣдающаго и губящаго нравственность недуга, направить его интересы въ сторону эстетики, усладить его праздничный досугъ дешевыми и приличными увеселеніями...

Въ самой мысли замѣнить разгулъ развлеченіемъ, конечно, нѣтъ ничего, рѣзко противорѣчащаго уставамъ Церкви или претящаго религіозному чувству.

Если предположенное развлеченіе вращается въ сферѣ мірскихъ отношеній, не затрагиваетъ того, что касается об-

ласти религіи,—оно, во всякомъ случаѣ, будетъ желательнѣе пьянства, которое и Премудрый называетъ *укоризненнымъ*, тутъ же говоря о винѣ, что оно *не вино* (Притч. 20, 1).

Но радѣтели народныхъ развлеченій не довольствуются доставленіемъ народу невинныхъ увеселеній. Они не удовлетворяются печатной проповѣдью о значеніи театра, какъ школы для народа, который настолько еще вѣренъ исконнымъ завѣтамъ благочестивыхъ предковъ, что не признаетъ за этимъ идоломъ нашей интеллигенціи неподобающаго ему значенія. Они идутъ далѣе и, какъ показываетъ приводимый нами ниже примѣръ, насильственно стараются заразить простой народъ, богатый своей младенчески-чистой вѣрой, — скорѣе заразить ядовитымъ недугомъ невѣрія, презрѣнія къ вѣрующимъ людямъ и глумленія надъ всѣмъ, что священно для православнаго христіанина.

До какой беззастѣнчивости и безцеремонности, оскорбляющей религіозное чувство христіанина, доходятъ г.г. устроители народныхъ развлеченій, можно видѣть изъ напечатаннаго въ „*Моск. Вѣд.*“, „*Русск. Листки*“ и др. періодическихъ изданіяхъ сообщенія о гуляньѣ на Дѣвичьемъ полѣ: „На эстраду, читаемъ въ газетахъ, выходятъ двѣ фигуры, въ одеждахъ, похожихъ на тѣ, которыя носятъ въ православныхъ монастыряхъ. Въ рукахъ книжечки. „Артисты“ становятся на молитву. Черезъ двѣ-три минуты сзади ихъ появляются двѣ женскихъ фигуры, одѣтыя въ соответствующіе костюмы увеселительныхъ заведеній. Послѣ нѣкоторыхъ жестовъ онѣ ставятъ около монаховъ бутылки; тѣ замѣчаютъ и, не отрываясь отъ книжекъ, пьютъ. Вино дѣлаетъ свое дѣло. Всѣ четверо начинаютъ плясать. Въ самый разгаръ веселья появляется убоженный сѣдинами старецъ, въ одеждѣ настоятеля; онъ пораженъ происшедшимъ и деретъ за уши первыхъ двоихъ. Послѣ того, какъ настоятель наказалъ виновныхъ, къ нему подходятъ обѣ женщины и предлагаютъ выпить вина. Старецъ колеблется, но, по слабости естества, наконецъ, выпиваетъ. Въ заключеніе общая пляска, во главѣ съ отцомъ-игу-

меномъ. Не правда-ли, глубоко-нравственное и поучительное для народа зрѣлище“?

Мы положительно недоумѣваемъ, какъ тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ, рѣшились допустить подобное всенародное глумленіе надъ иночествомъ, его обѣтами и задачами, надъ образомъ жизни его представителей.

Намъ могутъ возразить, что описанная сцена не носитъ характера открытаго глумленія надъ религіей, что въ ней за дѣются лишь нѣкоторыя стороны быта современнаго монашества.

Но эти предполагаемыя возраженія будутъ завѣдомою ложью, старающейся скрыть подъ софистическими приѣмами истинную цѣль пронагандируемыхъ извѣстнымъ лагеремъ нашей прессы народныхъ развлеченій.

Эта цѣль, насколько видно изъ приведеннаго примѣра, вполне ясна: наши полувѣры и невѣры изъ среды беспочвенной русской интеллигенціи, пылая сатанинской злобой къ малѣйшему проявленію чуждаго имъ живого религіознаго чувства въ народѣ, стараются всѣми мѣрами завлечь простой народъ на гибельный путь богоборнаго невѣрія во имя торжества провозглашаемаго ими прогресса, въ которомъ идеаль Богочеловѣкъ подмѣненъ кумиромъ *сверхъ-человѣка*.

Уповаемъ, что простой народъ нашъ, не развращенный плетворными вѣяніями атеистической мысли, искони преданный православію, какъ единой спасающей религіи, не поддастся на приманку самозванныхъ „рыбарей“, родственныхъ по духу тому, кто, *яко левъ рыкая, ходитъ искій кою полотити* (1 Петр. 5, 8)...

Уповаемъ, что наше духовенство своимъ примѣромъ и словомъ сохранитъ насомыхъ отъ вражескаго обаянія, научитъ и посоветуетъ, какъ слѣдуетъ проводить праздничные дни и какъ должны проводить ихъ истинные послѣдователи ученія Христова...

Уповаемъ, что и всѣ тѣ, кому дорого поднятіе религіознаго и національнаго самосознанія въ русскомъ народѣ, по-

содѣйствуютъ своимъ вліяніемъ остановить мрачный потокъ лжи, клеветы и глумленія, широко разливающійся не только во всякаго рода печатныхъ инсинуаціяхъ, но и въ нѣкоторыхъ общественныхъ начинаніяхъ, старающихся тщетно заклеить безсмысленнымъ позоромъ то, что всегда было, есть и будетъ безконечно выше и могущественнѣе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ...

Надѣмся, что и въ средѣ мірянъ нашъ голосъ не будетъ одинокимъ: не всѣ и теперь, какъ древле во Израилѣ, преклоняють колѣна предъ Вааломъ (3 Цар. 19, 8)! Найдутся и между ними ревнители Бога живаго, которые сплотятся въ дружный союзъ для борьбы со зломъ. Эта борьба теперь, въ настоящую пору, болѣе, чѣмъ когда либо, необходима и неизбежна.

Всѣ, кто носить въ себѣ искру божественнаго пламени, въ чьемъ сердцѣ теплится лампада истинной вѣры, кто чувствуетъ надъ собою покровъ благодати Христовой,—должны скорѣе и ревностнѣе сойтись въ братскомъ единеніи подъ стягомъ Искупителя.

Ни шага колебанія, ни тѣни отступленія: вѣруйте и побѣдите, ибо *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, въра наши* (1 Іоан. 5, 4).

Богъ же терпѣнія и утѣшенія да даруетъ намъ быть въ единомысліи между собою (Рим. 15, 5)!

Православный мірянинъ.

(Моск. Ц. Вѣд. 1901 г. № 34).

ЛУЧИХА.

(РАЗСКАЗЪ).

„Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значащее“ (I Коринт. 1, 27—28).

1.

Невольно вспоминаются эти, исполненные глубокаго смысла и значенія, слова великаго апостола, когда представляю я себѣ образъ уже отошедшій въ лучшій міръ моей прихожанки, которая была извѣстна въ селѣ подъ полупрезрительнымъ прозвищемъ „Лучиха“... Такъ началъ свое повѣствованіе одинъ мой товарищъ-священникъ въ кругу собравшихся сосѣднихъ „батюшекъ“. Разсказъ его оказался настолько интереснымъ, что всѣ мы выслушали его въ глубокомъ молчаніи и съ немалой пользой для души... Но продолжу его словами и отъ лица самого разсказчика.

— Когда я поступилъ на настоящій приходъ,—такъ повѣствовалъ намъ уважаемый всѣми и опытный въ духовной жизни сотоварищъ о. Петръ,—лѣтъ десять тому назадъ, и привелось мнѣ совершать здѣсь первую литургію, смущень и встревожень былъ я среди божественной службы необычнымъ шумомъ и движеніемъ, происшедшими среди молящихся. Послѣ окончанія богослуженія я освѣдомился у псаломщика о причинѣ смятенія, и получилъ отвѣтъ, довольно равнодушный и спокойный, по которому можно было заключить, что событіе, заинтересовавшее и встревожившее меня, не представляетъ большой важности.

— Вы это хотите знать, батюшка, что за шумъ былъ у насъ въ церкви сегодня, и этимъ тревожитесь? Напрасно.

Это все у насъ Лучиха чудить. Есть, знаете, въ приходѣ такая не то—дурочка, не то—юродивая. Придетъ въ церковь, станетъ впереди всѣхъ—и „преображается“: то руки подниметь кверху, то обернется къ народу и кланяется всѣмъ; а народъ глядитъ на нее, и многіе смѣются. Не долюбиваетъ ее нашъ о. Стефанъ за это и всегда приказываетъ сторожамъ выводить; а она противится,—вотъ и шумъ, и смятеніе... Такая ужъ беспокойная женщина!..

Легкомысленное объясненіе молодого псаломщика меня не удовлетворило. Однако, что же это за особенная, чудная женщина кака-то Лучиха?—думалъ я, иди домой по окончаніи требъ:—и изъ церкви ее выводить, и товарищъ мой ее не долюбиваетъ“, и считаютъ ее дурочкой, юродивой? Надобно поближе познакомиться, разузнать, что и какъ...

Желаніе мое узнать ближе загадочную прихожанку исполнилось скорѣе, чѣмъ я думалъ. Дома, на кухнѣ ожидала моего прихода кака-то женщина и желала повидѣть „новаго батюшку“. Я велѣлъ позвать ее. И вотъ, въ маленькую прихожую прошла изъ кухни небольшого роста старушка, лѣтъ 60-ти, худая, со сморщеннымъ лицомъ, которое повязано было холщевой косынкой, скрывавшей всю его нижнюю часть вплоть до носа. Каріе, съ особеннымъ какимъ-то выраженіемъ, глаза старушки проникновенно смотрѣли на меня. Одежда на ней была бѣдная, почти нищенская, но чистая и опрятная, безъ дыръ и лохмотьевъ. Поставивъ свой посошокъ въ уголъ прихожей, вошла Лучиха,—это была она,—въ комнату, набожно перекрестилась и подошла подъ благословеніе.

— Благослови меня, грѣшницу, ангель ты нашъ, батюшка! Богъ Самъ послалъ тебя къ намъ,—говорила старушка.—Сказали вотъ, что ты приѣхалъ и служить будешь,—нарочно приобрела помолиться. Не пришлось до конца только службу простоять... ну, да Богъ съ ними, гонять вишь меня, не любятъ старуху. А ты, батюшка, люби меня,—Богъ тебя за то будетъ любить. Охъ, любилъ меня и слушалъ по-

койничекъ отецъ Иванъ, и не на худо я ему говорила!... Какъ говоримъ съ нимъ „на духу“ о божьемъ, о хорошемъ,—ровно ангель Господень порхаетъ, служить послѣ того. И ты, о. Петръ, не слушай людей, не гони меня, грѣшную, а люби, и я тебя буду любить и Бога за тебя молить...

Странны, необычны показались мнѣ рѣчи Лучихи; однако, и видъ ея, и задушевность, и простота въ словахъ располагали въ ея пользу.

Разставаясь, старушка еще разъ попросила слушать и любить ее и обѣщала заходить ко мнѣ для душевныхъ бесѣдъ.

— Утредила я тебя, батюшка, рѣчами неразумными,—говорила она прощаясь:—прости меня, и тебя Богъ проститъ и благословитъ!

II.

Начатое знакомство и добрыя отношенія съ Лучихой не прерывались съ той поры, путемъ распросовъ и личныхъ наблюдений скоро удалось мнѣ ближе ознакомиться съ прошлымъ и настоящимъ этой простой но вѣрѣ, но своеобразной и загадочной по внѣшнему поведенію женщины.

Въ молодыхъ годахъ „Настасья“,—такъ было ея имя,—прозванная по покойному мужу Лукѣ Степанычу Лучихой, отличалась бойкимъ, живымъ характеромъ. Не было, по рассказамъ, во всей деревнѣ „расхожѣе“ дѣвушки; первой зацѣвальной была она въ хороводахъ, но первой была и на работѣ. Когда вышла она замужъ за односельчанина Луку Домрачева, молодого, пригожаго парня-одиночку, и тогда осталась такой же „разбитной молодухой“, у которой спорилось въ рукахъ всякое дѣло. Умѣла Настасья поддерживать хозяйство и домъ. Жилось ей съ мужемъ не худо, не было недостатка ни въ чемъ; были у нея и дѣтки: двое мальчиковъ—Гриша и Степа—и двѣ дѣвочки...

Но тутъ-то, послѣ восьми лѣтъ замужества, и произошла роковая перемѣна въ жизни Настасьи. Въ сильную лѣтнюю

грозу убило на поваль ея мужа молніей, когда былъ ояъ со старшимъ сыномъ Гришей въ полѣ и думаль укрыться отъ дождя подъ стоявшей у дороги березой. Семилѣтній Гриша остался живъ и невредимъ, его только ударомъ молніи отбросило далеко въ сторону, а Луку Степаныча нашли подъ ращепленной березой сожженнымъ, обуглившимся...

Этотъ случай какъ-то сразу измѣнилъ характеръ и настроеніе Настасьи, оставшейся молодой вдовой съ четырьмя дѣтьми на рукахъ. Страшная смерть мужа и чудесное спасеніе Гриши заставили ее задуматься, вспомнить о Богѣ; пропали навсегда прежнія веселость и безпечность. Но гдѣ было ей, темной, неграмотной женщинѣ, найти душевный миръ, утолить появившуюся духовную жажду?—Первое время увлеклась было она наружнымъ благочестіемъ и показной святостью сосѣдей-раскольниковъ, и не одинъ годъ водила съ ними знакомство. Однако, совратить имъ ее не удалось: узнавъ ближе частную жизнь раскольниковъ, поняла Настасья своимъ простымъ умомъ, что не у нихъ найти правду Божію.

Какая ужъ это вѣра подпольная,—говаривала она потомъ:—только съ виду благочестіе, а живутъ, пожалуй, хуже нашего. Гордость да злоба у нихъ, и нѣтъ-то у нихъ и въ заводѣ любви да благодати Христовой...

Помогъ устоять въ православіи колебавшейся было Настасья и о. Иванъ, мой предшественникъ, чуткій, внимательный къ духовнымъ нуждамъ своихъ прихожанъ. Замѣтивъ ея колебанія въ вѣрѣ, онъ почасту бесѣдовалъ съ ней, раскрывалъ всю лживость раскола и убѣждалъ не поддаваться на его льстивыя приманки.

— Прельщаетъ тебя ихъ благочестіе, частыя молитвы,—говорилъ о. Иванъ вдовѣ:—но кто препятствуетъ тебѣ такъ же жить и въ православіи? Держи себя подальше отъ грѣшваго, распутнаго міра, молись чаще, а главное—церкви не забывай: каждый праздникъ, каждый воскресный день ходи Богу молиться. Вотъ и умирится, утишится душа: найдешь, чего ищешь, и вѣры не потеряешь...

Воспользовался о. Иванъ еще и другимъ средствомъ, чтобы утвердить колеблющуюся въ вѣрѣ Настасью. Къ той порѣ сынъ ея Степанъ кончилъ уже курсъ въ земской школѣ, и о. Иванъ сталъ давать ему книжки и брошюры соответствующаго содержанія для чтенія вслухъ неграмотной матери.

Такъ, благодаря заботамъ священника и своему здравому смыслу, устояла Настасья въ православіи и нашла здѣсь то, чего напрасно искала на сторонѣ. Отъ бывшаго увлеченія сохранила она только неискоренимую вражду къ чаепитію, табаку и привычку молиться съ „наручникомъ“, который постилала она себѣ и дома и въ церкви. Не узнавали теперь сосѣди прежней веселой Лучихи, не слышать стало отъ нея пустыхъ, праздныхъ рѣчей. Дома отдѣлила она особый уголь занавѣской для молитвы, украсила его иконами и лампадкой, которую не забывала зажигать всякій разъ за молитвой. Заставляла молиться она и дѣтей, при чемъ грамотный Степанъ вычитывалъ всѣ молитвы по мѣсяцеслову, данному заботливымъ о. Иваномъ

Рѣзкая переменѣна въ жизни вдовы вызвала не мало пересудовъ и насмѣшекъ среди ододеревенцевъ.

— Наша-то Лучиха, гляди, святой сдѣлается!... Совѣмъ „умоленницей“—монашкой стала!—слышались о ней шутливыя замѣчанія. Но Настасья продолжала жить по-новому, отвѣчая молчаніемъ на легкомысленныя рѣчи сосѣдей.

III.

Когда я поступилъ въ этотъ приходъ, то засталъ уже Лучиху 60-ти-лѣтней старушкой, какъ говорилъ вамъ въ началѣ. Къ той порѣ успѣла она давно уже покончить, такъ сказать, свои житейскія дѣла: дочерей выдала замужъ, сыновей женила и жила теперь у младшаго сына Степана.

Ея благочестіе, ея молитвенная настроенность съ годомъ усилились и приняла, на взглядъ людей міра сего, нѣсколько рѣзкій, необычный характеръ, за что и считалась она

какъ бы дурочкой, юродивой. И въ жизни и во внѣшности Настасьи замѣчались нѣкоторыя странности. Не смотря на заботливый уходъ снохи, жены Степана, она все для себя старалась дѣлать сама: сама особо пекла для себя хлѣбъ, принакала воду для питья; сама промышляла себѣ и одежду. Бѣла она только одинъ свой хлѣбъ, запивая водой—и то въ самомъ маломъ количествѣ; а постами и когда готовилась къ св. причастію,—въ послѣдніе годы она пріобщалась почти каждую недѣлю,—оставалась безъ пищи дни по два и по три. Одежда Настасьи была неизмѣнна: синій поношенный сарафанъ и бѣлая холщевая рубашка; ситцеваго, „бумажнаго“ она ничего не носила. Когда спрашивали ее, зачѣмъ повязываетъ она лицо и закрываетъ ротъ бѣлой косынкой, старушка всегда говорила:

— „А нечистая сила на что? Оставь ротъ-то голымъ, она и готова вселиться“!...

Такъ она говорила людямъ, но, думать надо, странная повязка служила ей иную, высшую службу—помогала воздерживаться отъ излишнихъ праздныхъ словъ и рѣчей.

Постоянно молчаливая, Настасья щедра была только на слова обличенія въ несправедной жизни, при чемъ рѣчь ея иногда принимала въ такихъ случаяхъ рѣзкій, брачный тонъ. Обличала она и въ домахъ, и на селѣ; не удерживалась иногда отъ того же и въ церкви, что и возмущало порой моего сотоварища, и онъ приказывалъ выводить старушку изъ храма.

— Самоварники, трубочки окаянныя! — выкрикивала иногда Лучиха, идя въ праздникъ къ заутренѣ и видя толпы мужиковъ и бабъ, спокойно остающихся дома:—нѣтъ, чтобы въ церковь идти: только бы вамъ курить да чай распивать! Сгорите вы отъ поганыхъ трубокъ да самоваровъ,—помяните мое слово! Накажетъ васъ Богъ! ..

Доставалось и намъ, священникамъ, отъ ея обличеній. Много разъ приходилось и мнѣ выслушивать горькое слово правды отъ этой простой женщины, укоры въ нѣкоторыхъ

слабостяхъ. Но, странное дѣло, ея слова обличенія, прямыя и подчасъ грубыя, никогда не возбуждали во мнѣ чувства раздраженія, а приносили пользу и побуждали оглянуться на свою грѣшную жизнь..

Сподобившись св. причастія и пособоровавшись, съ миромъ и вѣрой непостыдной отогнала раба божія Анастасія въ блаженную вѣчность... Давно это было, но и доселѣ храню и добрую память о ней и поминаю ее въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ.

На этомъ и закончилъ свою повѣсть о. Петръ о чудной, замѣчательной по своей жизни и вѣрѣ простой русской душѣ...

Свящ. *Анастій Веселицкій.*

ЗАМѢТКА.

Браки дозволительные и недозволенные

(Распоряж. Тамб. Епарх. Начальства).

Священникъ *Тамбовской епархіи* подалъ прошеніе на имя *Преосв. Георгія, Еп. Тамбовскаго и Шацкаго* по поводу того, что одинъ изъ его прихожанъ обратился къ нему, священнику, съ просьбою, повѣнчать его на троюродной сестрѣ, т. е. на кровной его родственницѣ въ шестой степени родства. По дѣйствующимъ законоположеніямъ, заявляетъ священникъ (указъ Св. Сн. отъ 19 янв. 1810 года), подобныя браки дозволены, тѣмъ не менѣе многіе священники въ подобныхъ случаяхъ заставляютъ прихожанъ своихъ обращаться за разрѣшеніемъ къ епархіальному архіерею. По этому, священникъ просилъ Его Пр-во разъяснить ему, какъ слѣдуетъ поступать въ указанныхъ случаяхъ: совершать ли прямо браки, при существованіи между женихомъ и невѣстою

кровнаго родства въ шести степеняхъ, или испрашивать на то каждый разъ разрѣшенія. На этомъ прошеніи резолюція Его Императора послѣдовала таковая: „Браки до 4-й ст. въ родствѣ кровномъ и въ родствѣ двухродномъ безусловно воспрещены, затѣмъ до 6-й ст. включительно можно вѣнчаться, но съ разрѣшенія архіерейскаго; въ 7-й же ст. можно вѣнчаться безъ разрѣшенія архіерейскаго только тогда, когда нѣтъ смѣшенія родственныхъ именъ. Бракъ въ трехкровномъ родствѣ безусловно воспрещается только въ 1-й степени; въ 3-й и даже во 2-й степени этого родства, въ случаѣ нужды и съ разрѣшенія архіерейскаго, можетъ быть заключенъ. Въ 4-й степени этого родства бракъ можетъ быть повѣнчанъ безъ особаго разрѣшенія. Вообще вопросъ о томъ: а) когда браки безусловно запрещаются, б) когда они возможны, но только съ разрѣшенія архіерей и, наконецъ, когда браки, заключаемые въ родствѣ (дальнемъ), могутъ быть вѣнчаемы безъ всякаго препятствія,—все эти вопросы разрѣшаются въ нашей Кормчѣй (гл. 50, 51), уясняются у Булгакова въ „Настольной книгѣ“, у Хойнацкаго и С. П. Григоровскаго“ (Тамб. Еп. В. 1899 г. №№ 46—47).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 24 сентября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1901 года, октября 7-го.

Содержаніе: Основанія и характеръ христіанской вѣротерпимости.—„Овцы и козлища“ (продолженіе).—Примѣры добрыхъ пастырей Русской церкви.—Замѣтки.

Основанія и характеръ христіанской вѣротерпимости.

Вѣротерпимость составляетъ одно изъ благотворныхъ слѣдствій, произведенныхъ въ родѣ человѣческомъ христіанскою религіей. Въ мірѣ языческомъ, какъ извѣстно, раздѣляли людей нравы ихъ, политическіе законы, различныя религіозныя празднества и установленія, національные боги и проч. Между тѣмъ христіанская вѣра, проповѣдующая Единаго Истиннаго Бога и Искупителя и Примирителя всѣхъ людей, соединяетъ ихъ въ общій духовный союзъ, поселяетъ любовь не только между ближними, но и заповѣдуетъ ее въ отношеніи къ врагамъ (Мѡ. 5, 44) и послѣдователямъ иной вѣры. Такой духъ, такой образъ поведенія, внушаемые христіанствомъ, не могутъ конечно, не имѣть самого отраднаго и благотворнаго вліянія на развитіе человѣческой жизни...

Вѣротерпимость христіанская не означаетъ безразличнаго взгляда христіанина на всѣ прочія религіи въ родѣ человѣческомъ. Чуждая индифферентизма, она служитъ выраженіемъ христіанской снисходительности къ заблуждающимъ, при которой христіанинъ свою вѣру почитаетъ истинною, главною, первенствующею или господствующею, а прочія вѣры допускаетъ и терпитъ, какъ заблужденія, свойственныя человѣческому уму. Какъ выраженіе извѣстнаго отношенія не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлаго христіанскаго общества къ иновѣрнымъ лицамъ, вѣротерпимость, составляя существенную обязанность каждаго христіанина, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное значеніе.

Основаніемъ христіанской вѣротерпимости служитъ, во-первыхъ, твердое убѣжденіе христіанина въ истинѣ и святости своей вѣры. Убѣжденіе это складывается при наличности многихъ непререкаемыхъ признаковъ, какъ естественныхъ (внутреннихъ), такъ и сверхъестественныхъ, отличающихъ христіанскую религію отъ другихъ ложныхъ вѣръ. При сравнительной оцѣнкѣ различныхъ, существенно несходныхъ между собою, религій, здравый человѣческій разумъ не можетъ не признать той изъ нихъ истинною, которая вполне удовлетворяетъ всѣмъ высшимъ потребностямъ духовной жизни человѣка. А признавая такую религію истинною, тотъ же здравый разумъ не можетъ не предпочитать ее въ государствѣ другимъ, существующимъ здѣсь вѣрамъ, и не признавать ее господствующею.

Другое основаніе христіанской вѣротерпимости составляютъ братская любовь и человѣколюбіе, которыя заповѣдуетъ христіанская вѣра имѣть ко всѣмъ людямъ. Святая христіанская вѣра учитъ, что всѣ люди, какъ бы они ни были раздѣлены между собою, каковы бы ни были ихъ вѣрованія и нравы,—всѣ созданы единымъ Богомъ, и суть дѣти одного Отца Небеснаго, члены одной и той же семьи, искупленные кровію Христовою, предназначенные къ одному наслѣдію,— что божественный Спаситель приходилъ на землю возвѣстить миръ съ Богомъ, соединить тѣхъ, которые были раздѣлены, и

уничтожить ихъ вражду Своею кровію (Еф. 2, 14: 5, 2). Та же святая вѣра говоритъ христіанину, что блаженство, вѣчное спасеніе—даръ Божій, Божія милость, что должно молиться и за тѣхъ, которые еще не просвѣщены вѣрою, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Такова воля Ходатая и Посредника нашего спасенія Іисуса Христа! Онъ Самъ въ собственномъ лицѣ явилъ для всѣхъ своихъ послѣдователей совершеннѣйшій образецъ терпимости и всеобщей любви. Онъ не одобрялъ ненависти, которая господствовала между самарянами и іудеями, и осуждалъ ее (Лук. 10, 30—37). Онъ удержалъ своихъ учениковъ, когда они предлагали свести огонь съ неба на одно самарянское селеніе, не хотѣвшее принять шедшаго въ Іерусалимъ божественнаго Спасителя (Лук. 9, 51—56); Онъ не гнушался проповѣдывать Свое божественное ученіе самарянамъ и язычникамъ и творить для нихъ чудеса (Іоан. 4, 5—30; Мѡ. 15, 21 и дал.; Марк. 7, 26—29). Св. апостолы, во всемъ вѣрные наставленія и примѣру Своего Небеснаго Наставника, также внушали вѣрующимъ имѣть любовь ко всѣмъ людямъ. Св. апостолъ Павелъ писалъ римскимъ христіанамъ: *Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми чловѣчки миръ имѣйте* (Римл. 12, 18), а въ посланіи къ Солунскимъ христіанамъ увѣщевалъ послѣднихъ: *долготерпите ко всѣмъ. Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздастъ: но всегда доброе юните и другъ ко другу и ко всѣмъ* (I Сол. 5, 14—15). Кротостію и снисходительностію проникнуты также и всѣ распоряженія и дѣйствія св. православной Церкви относительно иновѣрныхъ и заблуждающихъ. Для примѣра укажемъ на церковныя постановленія касательно донатистовъ. Послѣдніе много зла причинили православной Церкви, и не смотря на это, отцы Карѳагенскаго собора сдѣлали слѣдующее постановленіе: „по дознаніи и изслѣдованіи всего, пользѣ церковной споспѣшествовати могущаго, по мановенію и внушенію Духа Божія, мы избрали за лучшее поступати съ вышеупомянутыми людьми кротко и мирно, хотя они безно-

койнымъ своимъ разномысліемъ и весьма удаляются отъ единства тѣла Господня... Можетъ быть тогда, какъ мы съ кротостію собираемъ разномыслящихъ по слову апостола, дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ дьявольскія сѣти, бывъ уловлены отъ него въ свою его волю^а. (См. въ кн. прав. 77 пр. Соб. Карваг.).

Основанія вѣротерпимости опредѣляютъ ея истинный характеръ. Она строго держится истинной вѣры, ея догматовъ, законовъ и правилъ нравственности, и отличается челоуѣколюбіемъ. Если вѣротерпимость не дорожитъ истиною, то она исходитъ на степень индифферентизма. Равнымъ образомъ, если извѣстное христіанское общество не питаетъ снисходительности къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, то значитъ оно чуждо духа истинной вѣротерпимости и заражено фанатизмомъ.

Всегда вѣрная истинѣ, проникнутая кротостію и любовію, вѣротерпимость представляетъ самое дѣйствительное условіе для мирнаго и прочнаго распространенія христіанства. Когда фанатизмъ распространяетъ вѣру въ Бога, онъ распространяетъ ее путемъ преслѣдованій и насилій: для него не существуетъ никакихъ мѣръ законности. Не ищите у фанатиковъ вѣры въ божественный Промыслъ и чувства челоуѣчности; они не дорожатъ общественнымъ спокойствіемъ, равно и счастіемъ цѣлыхъ семействъ, а лишь—объ увеличеніи числа своихъ сообщниковъ. Между тѣмъ истинная христіанская вѣротерпимость, если распространяетъ вѣру Христову, то въ духѣ истинной вѣры—мѣрами кротости и убѣжденія. Она не стѣсняетъ свободы совѣсти почитателей ложныхъ вѣръ, не допускаетъ никакого насилія при обращеніи ихъ, доставляя имъ полную возможность самимъ ясно сознать свои религіозныя заблужденія, и безпристрастно убѣдиться въ полномъ превосходствѣ и истинѣ христіанской религін. Преслѣдованія и гоненія могутъ лишь увеличить число недостойныхъ христіанъ, но неспособны породить истинныхъ почитателей Бога. Одно кроткое наставленіе, въ духѣ апостольскомъ, рождаетъ истинныхъ героевъ вѣры. „Если ты будешь ненавидѣть: то какъ

можешь обратить заблуждающаго, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, какъ будешь молиться о невѣрномъ? А тебѣ надобно молиться о немъ: ибо послушай, что говорятъ Павелъ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки* (1 Тим. 2, 1). Но всякому извѣстно, что тогда не всѣ были вѣрные... Потомъ, излагая причину молитвы, доказываетъ: *сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ чловѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прійти*. По той же причинѣ Павелъ не хотѣлъ, чтобы бракъ былъ расторгаемъ, когда язычница выходила въ замужество за вѣрнаго. А что ближе мужа къ женѣ?—Если же мы будемъ ненавидѣть нечестивыхъ, то, простираясь далѣе, станемъ ненавидѣть и грѣшниковъ, а такимъ образомъ болѣе и болѣе отдалимся отъ большей части братій, или лучше, отъ всѣхъ... Напротивъ, Павелъ не такъ велѣлъ поступать, но заповѣдывалъ: *вразумляйте безумныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. 5, 14). Если врачъ будетъ ненавидѣть и убѣгать болящаго, и болящій отвращаться отъ врача, то можетъ ли болящій выздоровѣть, когда ни онъ не будетъ призывать врача, ни врачъ не будетъ приходить къ нему? Но почему, спрашиваю тебя, ты отвращаешься и убѣгаешь грѣшника? Потому ли, что онъ нечестивъ? Но поэтому-то и должно приходить къ нему: надобно лѣчить, чтобъ уврачевать больного. Хотя бы онъ страдалъ неисцѣлимою болѣзнію: однако, ты имѣешь повелѣніе дѣлать свое дѣло, сколько можешь... Хотя, приложивъ все стараніе, ты и не освободишь его отъ нечестія, однако, получишь награду такъ, какъ будто усѣбно выполнилъ свое дѣло; заставишь невѣрнаго еще удивляться твоей снисходительности, и такимъ образомъ прославится Богъ... Многіе изъ нихъ отстанутъ такимъ образомъ, наконецъ, отъ порока, потому что ничто такъ не можетъ привлечь къ добродѣтели, какъ любовь“. (Бесѣда 33-я на 1 посл. къ Коринѣ).

Вообще вѣротерпимость проистекаетъ изъ духа самого христіанства. Она есть непосредственный плодъ христіанской

религіи, которая говорить своимъ послѣдователямъ: *любите враги ваши, благословите клевету на васъ, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изонящихъ вы* (Мѳ. 5, 44).

И съ точки зрѣнія общественно-политической, разсматриваемая какъ именно учрежденіе государственное, истинная христіанская вѣротерпимость имѣетъ неоспоримое, великое достоинство.

Въ самомъ дѣлѣ, предоставляя всѣмъ иновѣрнымъ лицамъ въ предѣлахъ даннаго государства не только право свободного исповѣданія вѣры, но и права гражданскія, вѣротерпимость тѣмъ самымъ даетъ этимъ лицамъ возможность участвовать въ развитіи государства и способствовать его благосостоянію то своими силами, то своими трудами и дѣятельностію. А отсюда естественно должно возрастать ихъ собственное благосостояніе, и они такимъ образомъ становятся полезными членами въ государствѣ, въ семьѣ рода человѣческаго, и выполняютъ свое собственное назначеніе.—Кромѣ того, вѣротерпимость составляетъ несомнѣнный залогъ прочности общественнаго спокойствія. Государство, составленное изъ разновѣрныхъ лицъ, посредствомъ вѣротерпимости, соединяетъ ихъ въ одинъ твердый политическій союзъ. Если бы оно, при господствѣ одной вѣры, отличалось нетерпимостію къ послѣдователямъ другихъ вѣръ, то приобрѣло бы внутри себя самага закоренѣлаго врага, противъ котораго постоянно было бы принуждено вести упорную борьбу. Сколько зла пронесло бы отсюда для самыхъ членовъ этого государства, для его развитія и внѣшняго благосостоянія. Такое государство поистинѣ было бы государствомъ чудовищнымъ, само противъ себя враждующимъ и само себя мучающимъ, составленнымъ изъ частей, изъ которыхъ каждая стремится нанести другимъ жестокою болью.

„ОВЦЫ И КОЗЛИЩА“.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ¹⁾).

Находя несправедливымъ дѣленіе русскаго общества прес-осв. Амвросіемъ на „овець и козлищъ“, г. Сементковскій, говоря какъ будто бы о русскихъ писателяхъ вообще, въ дѣйствительности имѣеть въ виду только писателей безусловно отрицательнаго направленія и при этомъ увѣряеть, что и они содѣйствуютъ нравственному возрожденію русскаго общества не менѣе истинно христіанскихъ дѣятелей. По его мнѣнію, если русское общество, не смотря на печальное свое во многихъ отношеніяхъ состояніе, очень часто проявляетъ удивительные подвиги самоотверженія *въ духъ Христовой вѣры*; то этимъ оно обязано не самой Христовой вѣрѣ, не Православной Церкви, а именно нашимъ либеральнымъ писателямъ, „созданнымъ“ матеріалистами и атеистами. „И это понятно,—говорить онъ:—потому что даже тѣ русскіе писатели, *которые проявили большой скептицизмъ въ другихъ вопросахъ, которыхъ всецѣло причисляютъ къ такъ называемому отрицательному лагерю*, взирали на Христа съ трогательною вѣрою (?!),—съ тою вѣрою, о которой Христосъ сказалъ: *если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное*“. Эти писатели, принадлежавшіе къ отрицательному (т. е. матеріалистическому и атеистическому) лагерю, „не знали,—продолжаетъ затѣмъ г. Сементковскій,—иной проповѣди, кромѣ проповѣди любви, самоотверженія, цѣломудрія, благожелательства, и, насколько это отъ нихъ зависѣло, они широко распространяли все эти чувства въ нашемъ отечествѣ. Конечно, они не были ни пастырями Церкви, ни проповѣдниками слова Христова; они были свѣтскими людьми, мірянами. Но неужели ихъ проповѣди, если не по буквѣ, то по духу, не содѣйствовали *распространенію въ нашемъ обществѣ христіанскаго ученія или, по меньшей мѣрѣ, христіанскихъ до-*

¹⁾ См. № 40 за 1901 г.

бродягътелей“? (стр. 544, 545). Въ такомъ же духѣ, но въ выраженіяхъ еще болѣе прамыхъ и недвусмысленныхъ г. Сементковскій и заканчиваетъ свою статью. „Незачѣмъ,—говоритъ онъ,—намъ дѣлить русское общество на овецъ и козлищъ, потому что часто именно тѣ, кого мы причисляемъ къ козлищамъ (т. е. матеріалисты и либералы), именно и творятъ дѣла *христіанской* любви и *христіанскаго* самоотверженія. Не будемъ судить ихъ по ихъ словамъ, будемъ судить ихъ по ихъ дѣламъ, и *если эти дѣла пріятны Христу*, если человекъ—будь то мужчина или женщина—приходитъ на помощь ближнему, недужному, утѣшаетъ скорбящаго, жертвуетъ собою для брата своего, *не будемъ его спрашивать: кто ты, и во имя чего ты это творишь?*—а скажемъ ему: ты—нашъ братъ: ты—наша сестра! Не будемъ возставать противъ тѣхъ, кто творитъ дѣла любви подъ другимъ знаменемъ, что бы ни было начертано на немъ“ (стр. 548).

Это мѣсто,—самое патетическое, изложенное въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ,—служитъ, такъ сказать, украшеніемъ всей статьи г. Сементковскаго. Но сентиментализмъ и въздыханія, равно какъ изысканныя фразы и выраженія не могутъ сокрыть неправды и путаницы понятій отъ очей холоднаго разсудка. Не много сказано въ приведенномъ мѣстѣ, но сказанное весьма характеристично для нашего времени, когда повсюду господствуютъ такая смута и темъ, что не различишь друзей отъ враговъ, своихъ отъ чужихъ, и когда на поверхность всплыло такъ много людей безъ всякаго знамени, безъ всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій. „*Христіанская* любовь“, „*христіанское* самоотверженіе“, „*дѣла, пріятныя Христу*“ и въ то же время—знамя, на которомъ можетъ быть начертано, что угодно! Въ прежнее время дѣло, имѣвшее видъ добраго, но совершенное во имя сатаны, объявлялось *соблазномъ*; теперь оно признается безусловнымъ добромъ, дѣломъ, пріятнымъ Христу! Безнравственное и преступное ученіе, что „цѣль оправдываетъ средства“, снова начинаетъ пользоваться кредитомъ. Пусть на знамени будутъ написаны слова:

„атеизм“, „матеріалізм“ или „пантеизм“,—и съ этимъ знаменемъ въ рукахъ человѣкъ, по увѣренію г. Сементковскаго, можетъ творить дѣла *христіанской* любви, дѣла пріятныя Христу...

Христіанство никогда *такъ* не учило. Оно требуетъ только одного—и притомъ совершенно опредѣленнаго—знамени, и если на этомъ знамени не будетъ начертано живой и дѣятельной вѣры во Единаго Истиннаго Бога, не будетъ начертано мздовоздаянія за гробомъ и богочеловѣчества Христа (Іоанн. 17, 3; Евр. 11, 6); то какимъ бы добрымъ и благодѣтельнымъ ни казался человѣкъ, онъ не можетъ совершить дѣла, *пріятнаго Христу*. Безъ вѣры, говоритъ христіанство, не возможно *угодитъ* Богу, или что то же—не возможно совершить дѣла, пріятнаго Христу. Христіанство предостерегаетъ своихъ послѣдователей отъ ошибокъ и наставляетъ не судить о лицахъ и дѣлахъ только по нимъ самимъ, по виду, внѣшности, или формѣ, потому что и сатана принимаетъ иногда видъ ангела свѣтлаго, и свирѣпые волки являються въ овечьихъ одеждахъ...

По ученію истинно христіанскому, дѣла должны быть оцѣниваемы: 1) по источнику, изъ котораго они происходятъ, 2) по внутреннему расположенію дѣлающихъ ихъ и 3) по тяжести жертвы, которая ими требуется. Въ 16-ой главѣ книги Дѣяній св. Апостоловъ разсказывается такой весьма знаменательный фактъ. „Случилось,—говоритъ писатель книги,—что, когда мы шли въ молитвенный домъ, встрѣтилась намъ одна служанка, одержимая духомъ прорицательнымъ, которая чрезъ прорицаніе доставляла большой доходъ господамъ своимъ. Идя за Павломъ и за нами, она кричала, говоря: *сіи чело-вѣчки рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія*. Это она дѣлала много дней. Павелъ, вознегодовавъ, обратился и сказалъ духу: *именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея*. И духъ вышелъ въ тотъ же часъ“ (ст. 16—18). Господа служанки чрезъ такой поступокъ ап. Павла навсегда потеряли большой доходъ. Наши либералы,

по всей вѣроятности, осудили бы апостола, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ, причинилъ господамъ служанки *вредъ*. Служанка говорила *правду*, дѣйствовала даже въ пользу проповѣдниковъ Евангелія; но на ея знамени было начертано не имя Христово, а имя врага Божія, — и апостоль отвергъ ея услуги, не принявъ ея *доброю* дѣла: оно было не пріятно Христу. Выводъ отсюда повитенъ: не отъ каждаго человѣка слѣдуетъ христіанину принимать даже и *истинное* свидѣтельство; нужно обращать вниманіе на знамя свидѣтельствующаго.

Г. Сементковскій идетъ даже дальше католичества, по ученію котораго человѣкъ угождаетъ Богу только одними добрыми дѣлами (хотя бы то и безъ вѣры), и дальше іезуитства, проповѣдующаго, что цѣль освящаетъ всякія средства. Онъ заявляетъ себя, повидимому, сторонникомъ давняго же-философскаго ученія о такъ называемой *автономной* нравственности, т. е. о нравственности, не находящейся ни въ какой связи съ религіею. Это ученіе обыкновенно защищаютъ всѣ атеисты (Гоббесъ, Спиноза, англійскіе деисты, французскіе натуралисты и энциклопедисты, германскіе раціоналисты, современные матеріалисты и эволюціонисты). Въ немъ они думаютъ найти для себя защиту отъ упрека, что, проповѣдая атеизмъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаютъ и основы нравственной жизни, такъ какъ человѣчество всегда и совершенно справедливо мыслило нравственность только въ связи съ религіею. Можно не вѣровать въ Бога, обыкновенно говорятъ атеисты, и оставаться человѣкомъ высоко-нравственнымъ, гуманнымъ, дѣлая добро только ради добра.—Но ученіе объ автономной нравственности, искусственно придуманное ради опредѣленной цѣли, заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе вслѣдствіе того, что оно проповѣдуетъ нравственность, отрицающую самыя основы истинной нравственности: автономная нравственность есть нравственность *моистическая*, самолюбивая; въ ея основаніяхъ лежитъ эгоизмъ, разрушающій всякую вообще нравственность, служащій источникомъ всего противунравственнаго и извращеніемъ моральной дѣла-

тельности человѣка. Религіозная нравственность понятна: тамъ критеріемъ, судією и цѣнителемъ поведенія человѣка является непреложная и неизмѣнная воля Божія, выраженная не только во внутреннемъ, но и во внѣшнемъ законѣ Божіемъ, или заповѣдяхъ,—критерій внѣшній, посторонній, объективный, для всѣхъ безъ исключенія одинаковый, а потому твердый и безпристрастный. Судією же дѣйствій человѣка, не признающаго самаго бытія Божія, является только *онъ самъ*: онъ—и судія, онъ—и подсудимый; эгоизму человѣка представляется самый широкій, безграничный просторъ. А гдѣ господствуетъ эгоизмъ, тамъ исчезаетъ любовь къ ближнему, исчезаетъ вмѣстѣ съ нею и истинная нравственность. Всѣ фактическіе доводы, приводимые въ пользу ученія объ автономной нравственности, слишкомъ шатки и безпочвенны. Обыкновенно указываютъ почти единственно на то, что и атеисты *бываютъ* людьми безупречными въ своемъ нравственномъ поведеніи. Но это указаніе ровно ничего не доказываетъ. Нравственность атеистовъ основывается вѣдь не на томъ, что атеисты отрицаютъ бытіе Божіе и являются открытыми врагами Христа и христіанства, и можетъ быть обусловливаема совершенно другими—и притомъ посторонними—обстоятельствами: напр., желаніемъ поддержать въ обществѣ репутацію своего ученія, чаще же всего—сохраненіемъ отрицаемыхъ на словахъ принциповъ нравственности *христіанской*. Но и безупречными въ нравственномъ отношеніи обыкновенно являются только виновники и первые адепты атеистическихъ ученій; что же касается ихъ дальнѣйшихъ послѣдователей, то они съ поразительною откровенностію, даже прямо наглостію проповѣдуютъ противунравственныя, разрушительныя для семейной и общественной жизни, начала.

Если шатки и безпочвенны доводы защитниковъ атеистическаго ученія *объ автономной нравственности вообще*, то при этомъ доводы г. Сементковскаго болѣе чѣмъ странны. „Не видимъ ли мы на каждомъ шагу,—спрашиваетъ г. Сементковскій,—что у насъ люди, только-что молившіеся въ

церкви, дѣлають въ жизни дѣло, не имѣющее ничего общаго со словами, которыя они произносили на молитвѣ?... Если человѣкъ насъ увѣряетъ въ своей преданности Христу, но дѣлами своихъ словъ не подтверждаетъ, мы его братомъ во Христвѣ не можемъ признать“ (стр. 540, 548).—Да, такъ училъ именно Христосъ: „не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго“ (Матѣ. 7, 21). Такъ учить и наша Православная Церковь. Такъ учать въ своихъ многочисленныхъ на эту тему проповѣдяхъ и пастыри нашей Церкви. Такъ мыслить и каждый истинный христіанинъ, наученный съ дѣтства Церковію тому, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Но изъ факта, отмѣченнаго г. Сементковскимъ, слѣдуетъ единственно лишь то, что среди истинныхъ христіанъ у насъ есть (быть можетъ, даже многіе) и не истинные, не совершенные, даже лицемѣрные ханжи,—но—ничего въ пользу атеистическаго ученія объ автономной нравственности. Впрочемъ, и у самого г. Сементковскаго понятія объ автономной нравственности весьма не ясны и не опредѣленны. Такъ, почти въ самомъ началѣ своей статьи, посвященной исключительно восхваленію либеральныхъ писателей, могущихъ будто бы бороться съ общественными заблужденіями и пороками *безъ всякой связи съ религіозною вѣрою*, онъ говоритъ точно и категорически: „тотъ, кто дорожитъ духовными успѣхами нашей родины, успѣхами умственными и нравственными..., долженъ занять опредѣленное положеніе относительно Церкви... *Утверждать, что между вѣрою и... нравственными качествами* (честностію, воздержаніемъ, семейною любовію и т. д.) *нѣтъ никакой связи, могутъ только люди очень легкомысленные*“ (стр. 538). Но вѣдь этимъ заявленіемъ г. Сементковскій самъ уничтожаетъ всю свою статью, всѣ ея патетическія мѣста, всѣ ея нападки на преосв. Амвросія за недовѣріе къ атеистамъ.

Наши либералы, желая исправить ошибки своихъ родоначальниковъ, начали играть въ слова, стали подтасовывать

понятія. Отвергнувъ христіанство, какъ религію, они благо-склонно отнесли къ многимъ принципамъ христіанской нрав-ственности. Это-то обстоятельство и побудило ихъ создать ре-лигію безъ Бога, христіанство—безъ Христа. Не вѣруя въ бытіе личнаго живого Бога, они однако-же признають важ-ное значеніе религіи для народной жизни, напр., въ борьбѣ съ общественными пороками,—но религіи не христіанской, а атеистической. Не признавая Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ и Богочеловѣкомъ, наши либералы не прочь признать Его *Христомъ* вообще, въ смыслѣ Галилейскаго Сократа. Удер-жавъ *нѣкоторыя* изреченія Иисуса Христа, относящіяся къ нравственной жизни и поведенію человѣка, они увѣряють, что удержали христіанство. Только имѣя это въ виду, и можно понять смыслъ многихъ выраженій въ статьѣ г. Сементков-скаго. Съ этой именно точки зрѣнія онъ говоритъ, что наши либеральные писатели, которые проявили большой скепти-цизмъ въ другихъ вопросахъ, и которыхъ всецѣло причисля-ють къ такъ называемому отрицательному лагерю, взирали на Христа съ трогательною вѣрою,—съ тою вѣрою, о кото-рой Христосъ сказалъ: „если не будете, какъ дѣти, не вой-дете въ царство небесное“. Въ этомъ смыслѣ онъ увѣряетъ, что, благодаря именно нашимъ скептическимъ и либеральнымъ писателямъ отрицательнаго лагеря, „созданнымъ“ материали-стами, „русское общество очень часто проявляетъ удивитель-ные *подвиги самоотверженія въ духъ Христовой вѣры*“. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и рѣчь г. Сементковскаго о томъ, что „проповѣди“ нашихъ либеральныхъ писателей отри-цательнаго лагеря, „*если не по буквѣ, то по духу содѣй-ствовали распространенію въ нашемъ обществѣ христіан-скаго ученія и.и., по меньшей мѣрѣ, христіанскихъ добродѣ-телей*“, равно какъ и о томъ, что „*козлица*“ въ русскомъ обществѣ *именно и „творятъ дѣла христіанской любви и христіанскаго самоотверженія*“. Въ этомъ смыслѣ г. Семен-товскій говоритъ, безъ сомнѣнія, и тогда, когда замѣчаетъ, что писатель можетъ быть истиннымъ христіаниномъ, „на-

шимъ братомъ во Христвъ“, что бы ни было начертано на его знамени. Наши либералы не увидѣли бы ничего страннаго, не нашли бы никакого противорѣчія даже и въ томъ, если бы они назвали „истиннымъ“ христіаниномъ явнаго безбожника, богохульника, непримиримаго врага Христова: „если человѣкъ—будь то мужчина или женщина—приходить,—говорить г. Сементковскій,—на помощь ближнему, недужному, утѣшаетъ скорбящаго, жертвуетъ собою для брата своего, не будемъ его спрашивать: кто ты, и во имя чего ты это творишь?—а скажемъ ему: ты—нашъ братъ: ты—наша сестра“! Только съ указанной выше точки зрѣнія можно объяснить себѣ и недовѣріе г. Сементковскаго къ словамъ Иисуса Христа: „создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея“ (Матѳ. 16, 18); г. Сементковскій увѣряетъ, что „врата ада (ы?) часто одолѣваютъ Церковь“ Христову, при чемъ въ доказательство этого не приводитъ—да и не можетъ, конечно, привести—ни одного случая, такъ какъ подобныхъ случаевъ никогда не бывало и не могло быть. Въ указанномъ же выше смыслѣ г. Сементковскій, очевидно, понимаетъ и ученіе Христа вообще. Онъ говоритъ: „какъ въ философской, такъ и въ богословской наукѣ сказать что-нибудь новое очень трудно, потому что человѣчество уже вѣка трудится надъ этими науками и разработало ихъ во всѣхъ деталяхъ... Богословско-философскія истины, какъ и ихъ основа—христіанское ученіе, правда, *далеки отъ неподвижности*“... Но если христіанскія истины и христіанское ученіе, по мнѣнію г. Сементковскаго, „далеки отъ неподвижности“, т. е., способны еще къ дальнѣйшему развитію сами по себѣ, то ясно, что кому-то еще предстоитъ развивать ихъ далѣе. Но кто можетъ принять на себя эту нелегкую задачу? Пастыри Церкви и духовные писатели уже сдѣлали свое дѣло; впрочемъ, по справедливому замѣчанію г. Сементковскаго, они ничего новаго не внесли въ ученіе Христа; даже „въ рѣчахъ“ преосв. Амвросія „*по существу нѣтъ ничего новаго*“ (стр. 537). Да пастыри Церкви объ этомъ вовсе и не заботились; они стара-

лись не о томъ, „чтобы сказать что-нибудь новое, а о томъ, чтобы исправлять невѣрные выводы и замѣнять ихъ болѣе вѣрными“ (тамъ же). Остаются, такимъ образомъ, только „либералы, матеріалисты, толстовцы, пашковцы и прочіе люди, не доучившіеся или переучившіеся“. И дѣйствительно, всѣ они увѣряютъ насъ, что дадутъ намъ христіанство болѣе усовершенствованное, чѣмъ какое мы приняли отъ Самого Христа и Его апостоловъ!...

Итакъ, г. Сементковскій, не понявъ надлежащимъ образомъ того, въ какомъ смыслѣ преосв. Амвросій говоритъ о „кружкахъ“, въ которые онъ призываетъ сплотиться всѣхъ образованныхъ христіанъ, и думалъ, что изъ числа званныхъ исключаются всѣ вообще писатели, особенно настойчиво проводить ту мысль, что писатели либеральные, *всѣмъ* принадлежачіе къ отрицательному лагерю, т. е. атеистически настроенные, „созданные“ матеріалистами, уже давнымъ-давно работаютъ рука объ руку съ пастырями Церкви. „По основной мысли, по духу,—говоритъ онъ,—рѣчь пастыря Церкви (преосв. Амвросія) и произведенія писателей совпадаютъ“ (стр. 546). „Если Церковь жалуется, какъ видно изъ проповѣдей преосв. Амвросія, на распространяющееся среди русскаго народа невѣріе, то мы, свѣтскіе писатели,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ статьи,—жалуемся на то, что среди народа отсутствуютъ нравственные качества, необходимыя для обезпеченія народнаго благополучія,—честности, воздержанія, семейной любви и т. д.“ (стр. 538). „Наши писатели не знали иной проповѣди, кромѣ проповѣди любви, самоотверженія, цѣломудрія, благожелательства“ (стр. 544). И такую благородную дѣятельность наши либеральные писатели, „созданные“ матеріалистами, проявляли безъ всякаго вліянія Церкви, безъ всякаго отношенія къ христіанской религіи. Они руководились не вѣрою въ Бога, а исключительно только благороднымъ чувствомъ любви къ меньшему брату, къ ближнему.—Допустимъ, что это было такъ; но откуда русскіе писатели, „созданные“ матеріалистами, могли позаимствовать для своей

дѣтельности столь великій принципъ, какъ любовь къ ближнему? Разумъ человѣческій самъ по себѣ, подавляемый чувственностью, омраченный *радикальнымъ зломъ*, никогда не могъ бы научить насъ безкорыстной и непредѣльной любви къ ближнему, которая, собственно говоря, противна ему, какъ и нашей испорченной грѣхомъ природѣ вообще. До-христіанскій міръ не зналъ этого принципа. Ни пріютовъ для сиротъ, ни общественныхъ богадѣленъ для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду бѣдняковъ, ни больницъ для недужныхъ онъ не имѣлъ, не смотря на то, что иногда обладалъ колоссальными матеріальными средствами (Римъ). Любовь къ ближнему это—*новая заповѣдь* (Іоанн. 13, 34; 15, 12, 17), и ее далъ—и могъ дать—человѣчеству только одинъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Любовь язычниковъ была эгоистична и своекорыстна, такъ какъ требовала взаимной любви: язычники любили только любившихъ ихъ. Христосъ осудилъ такую любовь и заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ любить враговъ, благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ и молиться за обижающихъ и гонящихъ (Матѣ. 5, 44). Лишь одинъ язычникъ—древне-греческій философъ Платонъ возвысился до мысли о безкорыстной и чистой любви; но онъ слишкомъ ограничилъ предѣлы ея, когда училъ, что предметомъ такой любви должно быть *только* истинное, доброе, прекрасное, благородное, высокое, т. е. то, что само невольно влечетъ насъ къ себѣ. Напротивъ, Христосъ заповѣдалъ намъ по преимуществу любить физически и духовно искалѣченнаго брата, заблудшаго, нравственно падшаго, больного, заключеннаго въ темницу, безпріютнаго, сиротствующаго, всячески нуждающагося. Народъ израильскій, народъ богоизбранный, руководимый Божественными откровеніями, имѣлъ чистое понятіе о любви къ ближнему; но онъ самъ ограничилъ ее узкими предѣлами своей національности: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. Онъ забылъ даже то, кого слѣдуетъ признавать своимъ ближнимъ. Потому-то Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ Своимъ

послѣдователямъ: „заповѣдь *новую* даю вамъ: да любите другъ друга“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣры добрыхъ пастырей Русской Церкви ¹⁾.

(По епарх. органамъ за 1900 г.)

Потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, длителя непостыдна, право правяща слово истины (2 Тим. 2, 15).

2 ноября 1899 г. скончался протоіерей Осташковскаго собора Твер. епархіи о *Николай Анихановъ*, прослужившій въ санѣ священника слишкомъ 44 года. Почившій о. протоіерей родился въ г. Осташковѣ; отецъ его былъ священникомъ при Воскресенской церкви, къ которой, черезъ годъ по окончаніи курса въ дух. семинаріи, 15 авг. 1856 г. былъ рукоположенъ и о. Николай.

Молодой, двадцатидвухлѣтній студентъ семинаріи пришелъ къ своей паствѣ полный добрыхъ желаній и стремленій служить ей, и вложилъ въ назначенное ему отъ Господа служеніе всю свою душу, всю свою жизнь,—съ достоинствомъ и честію выполняя свои пастырскія обязанности, и тѣмъ оставилъ по себѣ одни только лучшія воспоминанія какъ среди своихъ прихожанъ, такъ и многихъ другихъ лицъ, хорошо знавшихъ и безпредѣльно любившихъ его. Глубокое *сознаніе своею дома*, потребное и въ каждомъ дѣлѣ, а въ пастырскомъ—особенно, не оставляло о. протоіерея во всю жизнь. Какъ добрый пастырь, Н. А., можно сказать,—безотлучно стоялъ на своей стражѣ, являясь всегда и всюду по первому же приглашенію своего прихожанина. Правда, за

¹⁾ См. № 28 за 1901 г.

послѣдніе годы болѣзненное состояніе слишкомъ затрудняло его въ исполненіи всѣхъ очередныхъ службъ и требъ по такому большому приходу, какъ соборный, къ которому, кромѣ города, принадлежатъ 19 деревень, разбросанныхъ за озеромъ на разстояніи 4—15 верстъ. Но за все служеніе его Воскресенской церкви едва ли были случаи (кромѣ, м. б., болѣзни), когда кто-либо исправлялъ за него пастырскія его обязанности, такъ дорожилъ о. Николай всякимъ случаемъ общенія съ духовными дѣтьми своими. Убѣжденный, что священнику только добротою сердечною, отзывчивостію на нужды пасомыхъ можно заслужить довѣріе и любовь прихожанъ своихъ, о. протоіерей эти прекрасныя качества старался всегда проявлять въ отношеніяхъ къ своей паствѣ. Его любовь, безконечная снисходительность, мягкость, неизмѣнная привѣтливость въ обращеніи съ всѣми, ровность и выдержанность характера, какими особенно отличался почившій, замѣчательная чуткость къ духовнымъ запросамъ и нуждамъ своихъ духовныхъ чадъ,—его желаніе, по апостолу—*„быть всемъ вся“* производили обалтательное впечатлѣніе и неотразимо дѣйствовали на сердца его прихожанъ,—въ числѣ коихъ были почти всѣ интеллигентныя лица г. Осташкова,—и всѣхъ, кто только соприкасался съ нимъ въ жизни. Кто не вспомнить безконечно ласковаго выраженія его глазъ, этого озареннаго кроткой улыбкой добраго лица почти всегда благодушнаго о. протоіерей Н. А. Аниханова, не смотря на утомительные его труды и занятія, не смотря на жизненные испытанія, которыя посылались ему свыше.

А такихъ *испытаній* на долю покойнаго выпало не мало. Достаточно указать на страшную годину холерной эпидеміи, когда о. Николай, прослуживъ церкви Божіей всего 10 лѣтъ, лишился своей дорогой спутницы жизни и почти одновременно же-двоихъ дѣтей и другихъ близкихъ родныхъ,—лишеніе тяжкое и во всякомъ положеніи и званіи, и еще болѣе тяжелое въ званіи духовномъ и въ положеніи священнослужителя. Потянулись годы одинокой нерадостной жизни,

наполняемой то заботами о воспитаніи оставшагося единственнаго, совсѣмъ еще малолѣтняго сына, то разными хлопотами по дому, хозяйству и проч. Какая потребна вѣра, какое упованіе на всеблагій Промыслъ Божій; какое терпѣніе, покорность и кротость, чтобы перенести столь глубокія раны, которыя, безъ сомнѣнія,—отзывались жгучею болью при малѣйшемъ воспоминаніи объ этихъ незабвенныхъ потеряхъ! Съ христіанскимъ терпѣніемъ, безропотно понесъ о. Николай крестъ свой, памятуя слово ап. Павла, по которому Господь не посылаетъ намъ искушеній еверхъ нашихъ силъ, и весь отдался служенію на пользу церкви и своихъ ближнихъ. Къ этому времени относится и начало его педагогической дѣятельности въ разныхъ училищахъ города.

Пастырское слово о. Николая всегда проникнуто было назиданіемъ и исполнено сердечной теплоты и любви къ пасомымъ; оставшіяся по смерти его поученія на воскресные и праздничные дни, и въ громадномъ большинствѣ—поученія къ членамъ мѣстной пожарной команды, привѣтственныя рѣчи, надгробныя поученія и мн. др. ясно показываютъ, что о. Николай не опускалъ ни одного удобнаго случая, когда могъ преподавать назиданіе своей паствѣ, и всегда говорилъ просто, сердечно, обнаруживая въ то же время глубокую жизненную опытность, пастырскую силу и тактъ. Всегда доступный, крайне общительный, о. протоіерей умѣлъ говорить и съ простымъ народомъ.

Большая и главная доля дѣятельности покойнаго о. протоіерея посвящена была воскресенской церкви и ея приходу; здѣсь онъ провелъ 35 лѣтъ изъ своей пастырской службы. Въ полномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, съ умѣлымъ и тактичнымъ отношеніемъ къ своимъ духовнымъ дѣтямъ и ко всѣмъ вообще—о. Николай до конца дней своихъ пользовался всеобщей глубокою признательностью, любовью и должнымъ уваженіемъ. Но особенно ясно, можно сказать трогательно выразилась *любовь и сердечная привязанность прихожанъ* къ о. Николаю въ то время, когда пронеслась

вѣсть о перемѣщеніи его на должность настоятеля при Троицкомъ соборѣ. Воскресенскіе прихожане другъ передъ другомъ снѣшили выразить свою сердечную скорбь по поводу предстоявшей разлуки и просили своего уважаемаго пастыря присоединиться къ ихъ ходатайству предъ Высокопреосвященнымъ объ оставленіи на прежнемъ мѣстѣ служенія. Нельзя сказать, чтобы назначеніе на должность настоятеля при мѣстномъ соборѣ обрадовало и самого о. Николая,—чтобы вызвало благопріятное у него расположеніе духа: онъ не искалъ этого мѣста и скорѣе-былъ посланъ на это служеніе высшею епархіальною властью. Поэтому онъ охотно присоединился къ ходатайству прихожанъ. Но воля Начальства осталась неизмѣнною..

На ряду съ пастырской дѣятельностью почившій о. протоіерей въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ въ должности законоучителя городскихъ училищъ. Всякая дѣятельность требуетъ затраты силъ и энергій; но педагогическая-беретъ всего человѣка. *Добросовѣстный педагогъ*—это миссіонеръ, который долженъ забыть себя и всецѣло отдаться своему дѣлу, что возможно только при наличности достаточнаго запаса любви къ ближнему вообще и воспитываемымъ въ частности. Вотъ этой-то любви и было много въ почившемъ о. протоіерѣ. Посвятивъ себя воспитанію дѣтей, онъ и здѣсь столь же неуклонно и полезно работалъ, какъ и вездѣ. Съ глубокимъ сознаніемъ долга и съ истинною любовію къ воспитываемымъ, можно сказать—въ такой мѣрѣ доступной немногимъ, слѣдилъ онъ за ними въ классѣ, внѣ класса и въ церкви, и при всѣхъ посѣщеніяхъ домовъ своихъ прихожанъ, на улицѣ—вездѣ былъ замѣчательно простъ, доступенъ, привѣтливъ при встрѣчахъ съ ними и нерѣдко заговаривался съ малымъ ребенкомъ на долгое время. Такое отечески-*доброе, кроткое обращеніе съ учениками*, которымъ оживлялась его многолѣтняя преподавательская дѣятельность, привлекало къ нему симпатіи цѣлаго множества питомцевъ, находившихся подъ его руководствомъ: его зналъ почти весь городъ,—у него учились

отцы и дѣти. Протоіерей Н. А—въ оставилъ по себѣ добрую память не только среди учащихъ дѣтей и ихъ отцовъ, но и среди своихъ сослуживцевъ по городскому училищу, что выразилось такъ сильно въ 1896 г., когда о. Николай оставилъ законоучительство... Дай Богъ, чтобы какъ дѣти, такъ и учащіе не забывали добрыхъ уроковъ своего дорогого „батюшки“: ему и изъ горнаго міра будетъ отрадно видѣть, какъ посѣянное имъ доброе сѣмя возрастаетъ и приноситъ добрые плоды (Твер. Еп. Вѣд. № 20).

3) 10-го іюли 1900 года въ г. Саратовѣ на городскомъ кладбищѣ былъ погребенъ *Священ. Тихонъ Петровъ*, умершій въ больницѣ душевно-больныхъ. Священникъ этотъ 12 лѣтъ прослужилъ въ глухомъ сельцѣ Вихляевѣ, Новохоперь. у., Воронеж. губ., состоящемъ изъ 80 дворовъ. Имѣя маленькое семейство онъ не хотѣлъ ради матеріальной выгоды мѣнять прихода, довольствовался скуднымъ жалованьемъ, при томъ служилъ своему дѣлу вѣрой и правдой, искореняя суевѣрія и пороки и сѣя доброе сѣмя. И въ этомъ отношеніи ему удалось достигнуть многого въ народѣ дотолѣ грубомъ и невѣжественномъ, удалось въ то же время пріобрѣсти къ себѣ уваженіе, довѣріе и любовь. *Умилительнымъ служеніемъ*, своимъ *христіанскимъ* образомъ жизни, неустанными *проповѣдями*, воскресными *чтеніями* онъ скоро пріохотилъ прихожанъ къ церкви. Его стараніями прежде убогій *храмъ* принялъ приличный видъ: заведены были хорошія облаченія и утварь, уплочены долги, которые лежали на церкви, заведена была постепенно хорошая *библіотека* при церкви; такъ какъ школы здѣсь никогда никакой не было, то пришлось и тутъ сдѣлать добрыя начинанія,—открыть пока *школу грамоты* и вести учениковъ самому по всѣмъ предметамъ, что составляло при его слабомъ здоровьи и службѣ безъ діакона непосильный трудъ. Будучи свѣдуещъ въ *медицину* и *хозяйствѣ*, онъ оказывалъ и тутъ помощь и полезный совѣтъ: заболитъ ли кто въ семьѣ крестьянина или въ дворѣ изъ скотины, снѣшать къ батюшкѣ. Въ общественныхъ своихъ во-

просахъ и взаимныхъ недоразумѣнiяхъ крестьяне тоже находили разумный и безкорыстный совѣтъ у своего любимаго и уважаемаго священника. Поистинѣ это былъ отецъ имъ! Онъ *полонъ былъ желанiя принести, какъ можно больше пользы* своимъ пасомымъ. Ему хотѣлось возможно ближе подойти къ идеалу православнаго священника; поэтому вся дѣятельность его была проникнута духомъ смиренiя, безкорыстiя и самоотверженiя. Въ приходѣ его любили больше бѣдные и сирые, находя въ немъ всегда помощь и защиту; богатые же, получая отъ него часто заслуженный укоръ, умѣли уважать справедливаго и безкорыстнаго священника. Слава Богу! есть еще на Святой Руси такiе скромные безвѣстные труженики, которые незамѣтно сходятъ въ могилу, оставляя послѣ себя замѣтные плоды въ народѣ, восторженную любовь къ себѣ и горячую благодарность русскаго народа.

Вотъ такому то священнику пришлось умереть въ больницѣ душевно-больныхъ, въ незнакомомъ почти городѣ, вдали отъ родныхъ и родины. Когда пришло извѣстiе о его смерти въ Вихляевку, и священникъ объявилъ объ этомъ народу послѣ вечерни 8 iюля, то всѣ, кто здѣсь былъ, плакали, а псаломщикъ и старики рыдали, безъ преувеличенiя. Молодой священникъ тоже почти не могъ отъ слезъ совершать по немъ панихиду и долженъ былъ постоянно прерывать служенiе.

Вотъ замѣчательный случай въ жизни о. Тихона Петрова. За полгода до яснаго проявленiя его болѣзни Господь открылъ ему во снѣ и день смерти и день заболѣванiя. Въ субботу на сырной недѣлѣ онъ, вставши утромъ, сказалъ женѣ своей и дочери: „я сегодня слышалъ голосъ, который сказалъ, что со мной что-то случится 22 октября, а 7 (какого мѣсяца я забылъ), сказано было, ты умрешь, приготовься“. Такъ все и случилось. Сонъ этотъ можетъ подтвердить подъ клятвою его жена и дочь. Съ этого времени до 22 октября онъ сталъ тихъ и безотвѣтенъ до неузнаваемости. Въ означенное число октября съ нимъ сдѣлался первый приступъ помѣшательства и затѣмъ началось умственное разстройство,

которое быстро пошло впередъ такъ, что 1 декабря онъ уже былъ помѣщенъ въ Саратовѣ въ больницу душевно-больныхъ, гдѣ онъ и умеръ 7 іюля 1900 года.

Какъ вся жизнь его была скромна и незамѣтна, такъ и похороны: за гробомъ его шли только двое—жена и дочь. Священникъ, его отпѣвавшій и другой, служившій обѣдню, часто утирали навертывавшіяся слезы. На скромномъ его памятникѣ написаны слова, выражающія вполнѣ характеръ его дѣятельности: „Миръ праху твоему, безкорыстный, самоотверженный труженикъ на Божьей нивѣ“ (Воронеж. Еп. Вѣд. № 18).

ЗАМѢТКИ.

Одна изъ мѣръ, предупреждающихъ случаи пролитія св. Даровъ изъ чаши на престолѣ.

На докладѣ *Подольской Дух. К—рии* по рапорту одного Благочиннаго о *пролитіи діакономъ с. Ц. изъ чаши св. Даровъ, вслѣдствіе выпуклости изображенія на св. плащаницѣ*, Преосв. Иринея, еп. Подольскій, положилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: „Сдѣлать распоряженіе, дабы на св. престолахъ не полагались плащаницы съ выпуклыми изображеніями, въ виду часто случающагося пролитія св. чаши отъ неудобнаго положенія св. сосудовъ, и дабы приобрѣтаемы были для этого плащаницы гладкія, безъ всякой выпуклости“ (Под. Еп. В. 1899 г. № 23).

Весьма желательное распоряженіе.

Вслѣдствіе ходатайства Высокопреосв. *Ювеналія, Архіеп. Литовскаго и Виленскаго*, г. Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ Генераль-Губернаторомъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы этикетки, наклеиваемые на коробочки отъ папи-

рось, на конфектныя бумажки и т. п., имѣющіе изображенія, посящія характеръ библейскій или церковный, были представляемы на разсмотрѣніе и разрѣшеніе духовной цензуры въ г. Вильнѣ. Существующіе же въ настоящее время этикетки съ подобными изображеніями должны быть изъяты изъ употребленія. По поводу этого Литовскія Епарх. Вѣдомости замѣчаютъ: „Желательно, чтобы духовенство слѣдило за появленіемъ оскорбительныхъ для религіознаго чувства этикетовъ, по преимуществу еврейскаго издѣлія, и сообщало духовной цензурѣ. Тогда, можно надѣяться, выйдутъ изъ употребленія соблазнительныя изображенія, свидѣтельствующія о нахальствѣ ихъ изобрѣтателей“ (Лит. Еп. Вѣд. 1899 г. № 7).

II. II.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ *Теоодосій.*

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 1 октября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.*

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1901 года, октября 14-го.

Содержаніе: Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей.—Примѣры добрыхъ пастырей Русской церкви (продолженіе).—„Овцы и козлища“ (окончаніе).—Замѣтки.

**Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объ-
ясненіями ихъ особенностей.**

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

ВВЕДЕНІЕ.

Наша русская богословская литература не мало уже сдѣлала для уясненія вопроса о пастырскомъ служеніи, его трудностяхъ и обязанностяхъ и о достойномъ приготовленіи кандидатовъ къ этому высокому служенію на землѣ. Книга „О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, сочиненія талантливаго пастыролога профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника“ (Кіев. 1885 г. послѣднее пятое изд. 1891 г.), „Служеніе

священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“ (Кіев. 1891 г., изд. 2), „Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи“ (Кіев. 1892 г.) и другія въ этомъ родѣ произведенія русской богословской мысли съ достаточною полнотою и обстоятельностью исчерпываютъ данный вопросъ и тѣмъ въ значительной степени помогаютъ и нашимъ кандидатамъ на церковно-служительскія должности, и нашимъ пастырямъ въ дѣлѣ ихъ труднаго и отвѣтственнаго передъ Богомъ и людьми служенія. Оставалась до послѣдняго времени не затронутою одна сторона въ дѣлѣ приготовленія къ служенію въ церкви православной—это состояніе кандидатовъ на священно-церковно-служительскія мѣста передъ самымъ ихъ посвященіемъ, во время исканія ими мѣстъ псаломщика, діакона и священника у епархіальнаго архіерея и хода дѣлъ по этому поводу въ духовной Консistorіи, а равно и въ самый день ихъ хиротоній и хиротесій. Дать подробныя руководственныя наставленія рукополагаемымъ въ священно-церковно-служительскія степени, въ большинствѣ случаевъ въ первый разъ появляющимся въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ при архіерейскомъ богослуженіи, взяли на себя трудъ діаконъ владимірской епархіи *Г. Соловъ* въ спеціальному „Руководствѣ для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ литургіи и для готовящихся къ посвященію, а также на случай освященія храма, встрѣчи архіерея, при обозрѣніи имъ церкви, и служенія въ его присутствіи литургіи“ (Владиміръ, 1884 г. изд. 3) и протоіерей *И. И. Розановъ*, при сотрудничествѣ *К. Соловьева*, въ новомъ „Руководствѣ для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуженія при участіи митрополита, епископа, всего собора и *порядокъ посвященія въ церковно-служительскія степени, съ приложеніемъ особенностей, бывающихъ при отправленіи богослуженій въ Московскомъ кафедральномъ Христа Спасителя соборѣ и Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ въ теченіе всего года, а также церемоніаловъ встрѣчъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, митрополита и епископовъ“ (М. 1901 г.). Въ*

последнемъ „Руководствѣ“ составители его знакомятъ кандидатовъ священства и съ нѣкоторыми процессуальными сторонами той предварительной подготовки ихъ, какая ведется въ стѣнахъ Консисторіи и въ келліи духовника предъ самою хиротонією.

Но оба названныя нами „Руководства“, преслѣдуя прямую практическую цѣль — указать посвящаемымъ въ священно-церковно-служительскія степени то или иное положеніе и дѣйствіе во время служенія архіерея и въ моментъ самой хиротоніи или посвященія, лишены, къ глубокому сожалѣнію, всякихъ объясненій относительно необходимости, важности и высокой значимости тѣхъ положеній, дѣйствій, возгласеній, молитвословій и священныхъ облаченій, какія входятъ въ составъ современныхъ нашихъ чиновъ хиротоній и хиротесій. Отсутствіемъ такого рода „Руководствъ“ мы объясняемъ ту неподготовленность и растерянность, какія приходится наблюдать при посвященіяхъ въ священно-церковно-служительскія степени со стороны хиротонисуемыхъ, и слѣшность и, несвойственныя столь важному священнодѣйствію, суетливость и небрежность со стороны лицъ, помогающихъ архіерею при рукоположеніяхъ. Устранить изъ практики нашей церкви указанныя аномальныя явленія, дать подробныя руководящія наставленія кандидатамъ священства, путемъ уясненія историческаго происхожденія и высокой важности въ духовно-нравственномъ отношеніи всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ, такъ называемаго, „*ставленническаго допроса*“, присяги, исповѣди у духовника, подготовленія себя наканунѣ хиротоній и самыхъ чиновъ хиротоній и хиротесій, — вотъ та цѣль, для которой мы предприняли свой настоящій трудъ, пользуясь для этого прежде всего святоотеческою письменностію, относящеюся къ истолкованію обрядовъ нашей православной церкви, и, главнымъ образомъ, драгоценными трудами въ этомъ отношеніи литургиста XV в. блаженнаго Симеона Солунскаго, а равно и данными наукъ археологической и церковно-исторической. Предлагаемая вниманію читателей настоящія

руководственныя наставленія и указанія имѣютъ въ виду не только облегчить положеніе молодыхъ неопытныхъ ставленниковъ въ то время, когда имъ приходится начинать дѣло исканія мѣста и въ моментъ посвященій и хиротоній, но и послужить пособіемъ для нашихъ питомцевъ семинарій и академій, будущихъ кандидатовъ священства, при изученіи ими чиновъ хиротоній и хиротесій на школьной скамьѣ, на урокахъ по Литургикѣ.

І Чинъ на поставленіе чтеца и пѣвца.

§ 1. *Предъ посвященіемъ въ стихарь и приготовленіе къ посвященію.*

Въ настоящее время, когда у насъ въ Россіи и на православномъ Востокѣ имѣются спеціальныя богословскія школы для приготовленія кандидатовъ на священно-церковно-служительскія мѣста при храмахъ городскихъ и сельскихъ, научная подготовка и воспитаніе этихъ кандидатовъ возлагается всецѣло на обязанность духовныхъ заведеній. Питомцы нашихъ богословскихъ школъ, именуемыхъ семинаріями, не только обучаются наукамъ общеобразовательнымъ и богословскимъ, но благочиннымъ поведеніемъ, почтительнымъ послушаніемъ начальникамъ и наставникамъ, добрымъ и братскимъ отношеніемъ къ своимъ товарищамъ и сожителямъ, строгимъ соблюденіемъ устава и правилъ того заведенія, въ которомъ они обучаются, нелѣнностнымъ выполненіемъ повседневно обязанностей, приличныхъ каждому православному христіанину, строгимъ сохраненіемъ церковныхъ уставовъ и законоположеній нашей матери Церкви, неопустительнымъ посѣщеніемъ храма Божія, если не ежедневно, то непременно въ дни праздничныя и нарочитыя, указанныя въ уставѣ заведенія, благоговѣйнымъ и внимательнымъ стояніемъ за богослуженіемъ и вообще на молитвѣ, гдѣ бы она ни совершалась, непремѣннымъ участіемъ въ чтеніи и пѣніи на церков-

номъ клиросѣ, исполненіемъ пономарскихъ обязанностей въ алтарѣ.—наши питомцы уже практически готовятъ себя къ тому высокому и отвѣтственному предъ Богомъ и людьми служенію, къ которому ихъ готовить эта школа и къ которому они *добровольно*, безъ всякаго побужденія извнѣ, предназначаютъ себя.

У насъ въ Россіи не въ обычаѣ, но на православномъ Востокѣ, гдѣ въ богословскія школы поступаютъ дѣти даже не-духовнаго происхожденія, а различныхъ общественныхъ званій и состояній, укоренился и прочно держится обычай отдѣлять питомцевъ богословскихъ школъ отъ питомцевъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній особымъ костюмомъ, много напоминающимъ костюмъ новоначальныхъ иноковъ. По поступленіи въ школу, питомцы этихъ школъ дѣлаютъ земной поклонъ ректору школы, въ знакъ принимаемаго на себя обѣта послушанія, цѣлуютъ ему руку, хотя бы ректоромъ былъ и іеродіаконъ или архидіаконъ, какъ это часто практикуется на Востокѣ, и одѣваются въ подрясникъ, подпоясанный чернымъ кушакомъ или кожанымъ поясомъ, и короткую полурыску (и тотъ и другая непременно чернаго цвѣта), а на голову надѣваютъ невысокую камилавочку. Волосъ эти питомцы не стригутъ, но отпускаютъ, какъ духовныя лица, и носятъ, всегда подбирая ихъ въ камилавочку. Въ отношеніяхъ къ начальникамъ¹⁾, въ образѣ жизни: въ столовой²⁾ и храмѣ³⁾—эти питомцы ведутъ себя по-монашески.

¹⁾ Питомцы, при сношеніяхъ съ начальникомъ заведенія, обыкновенно не прежде начинаютъ свою рѣчь, какъ сдѣлаютъ земной поклонъ (*μὲταβολήν*) и поцѣлуютъ его руку. То же они повторяютъ, когда бесѣда окончится.

²⁾ Въ столовой за обѣдомъ присутствуютъ ректоръ и наставники, и ѣдятъ всѣ безъ исключенія одинаковыя яства, при совершенно одинаковой для всѣхъ сервировкѣ. Предъ началомъ обѣда очередной чтецъ изъ питомцевъ школы прочитываетъ молитву передъ обѣдомъ, а ректоръ, если онъ духовное лицо, или же духовникъ благословляетъ трапезу. Когда начнутъ кушать, чтецъ съ особаго возвышенія читаетъ во все время обѣда или бесѣды архіепископа Никифора Θεοτοки, или какія выбудъ

Подготавливаясь такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, питомцы нашихъ семинарій въ послѣднихъ богословскихъ классахъ „посвящаются въ стихарь“, а на православномъ Востокѣ весьма многіе даже хиротонисуются во іеродіакона. Дѣлается это съ тою благою цѣлію, чтобы питомецъ духовнаго заведенія, удостоившійся на порогѣ къ будущей своей практической жизни первой степени церковнаго чина—*хиротесіи въ чтеца и пѣвца*, здѣсь въ школѣ не только отлично навывкъ своимъ прямымъ обязанностямъ, связаннымъ съ этимъ „чипомъ“, но получилъ возможность исполнять и болѣе высокія обязанности будущаго своего служенія—учить мірянъ Слово Божію съ церковной кафедры. Честь высокая и отличіе для простыхъ мірянъ недоступное!

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, питомцы нашихъ богословскихъ школъ, предъ „посвященіемъ въ стихарь“, приготовленіе къ нему ограничиваютъ лишь краткимъ постомъ и исповѣдью передъ духовникомъ, такъ какъ за литургією, предъ началомъ которой совершается надъ ними „чинъ на поставленіе чтеца и пѣвца“, посвящаемые обыкновенно приобщаются св. Таинъ Христовыхъ.

Случаи „посвященія въ стихарь“, по добровольному желанію, нынѣ сдѣлались весьма рѣдки. Правда, за недостаткомъ окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, мѣста пса-

другія назидательныя бесѣды. Разговоры и шумъ во время стола отсутствуютъ. По окончаніи стола, чтецъ прочитываетъ благодарственный молитвы, а ректоръ или духовникъ благословляетъ укрупн хлѣбовѣ. См. книгу проф. А. П. Лебедева—Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Сергіевскій Посадъ 1901 г. т. II, стр. 458.

3) Утромъ совершаются для питомцевъ утренняя и обѣдница, а вечеромъ вечерня. Послѣ ужина, не выходя изъ столовой, въ присутствіи духовника, читывается на сонъ грядущій повечеріе. Въ храмѣ за богослуженіемъ поютъ и читаютъ питомцы школы. Обязанности канонарха и еkkлeсiарха выполняютъ они же по очереди. Ученики священнаго сана, если таковые есть въ школѣ, являются совершителями повседневныхъ богослуженій. За немѣніемъ таковыхъ, служитъ духовникъ и экономъ школы. Тамъ же стр. 469, 472, прим. 3.

ломщиковъ, особенно въ сельскихъ приходахъ, занимаются нынѣ нерѣдко неокончившими курсъ духовныхъ семинарій, или же прошедшими курсъ духовныхъ училищъ, но стремленій у этихъ псаломщиковъ—просить епархіальное начальство о посвященіи въ стихарь—обыкновенно не видно. Практика большинства епархій выработала нынѣ обычай, чтобы посвященіе въ стихарь для подобнаго рода псаломщиковъ служило наградою за примѣрное благонравное поведеніе, неслѣдственное исполненіе прямыхъ по должности обязанностей и особенно за труды по народному образованію въ церковно-приходской школѣ. Въ этомъ случаѣ представленіе кандидата къ посвященію въ стихарь зависитъ или отъ мѣстнаго благочиннаго, или уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, или, чаще всего, отъ епархіальнаго наблюдателя тѣхъ же школъ.

Личная инициатива ¹⁾ въ дѣлѣ посвященія въ стихарь со стороны нынѣшнихъ псаломщиковъ тормозится тѣмъ, между прочимъ, довольно прочно укоренившимся въ современной практикѣ, обычаемъ, для котораго нѣтъ законныхъ основаній, что многіе настоятели храмовъ, для большаго благолѣпія за богослуженіемъ, въ дни праздничные и воскресные нестихарнымъ псаломщикамъ разрѣшаютъ или, какъ обыкновенно выражаются въ этомъ случаѣ, „благословляютъ“ надѣвать стихарь. Это „благословеніе“, уничтоживъ различіе между „каноническимъ“ и „неканоническимъ“ чтеніемъ или псаломщикомъ, пріучило и псаломщиковъ-недоучекъ къ безпечности въ дѣлѣ стремленія къ достиженію этого перваго и обязательнаго для всякаго изъ нихъ церковнаго отличія ²⁾ и даже къ не-

¹⁾ Ищущій посвященія въ стихарь по своей инициативѣ обязанъ подать прошеніе епархіальному архіерею или его викарію, если послѣднему поручено вѣдать дѣла о назначеніяхъ и посвященіяхъ низшихъ членовъ церковнаго причта, съ приложеніемъ удостовѣренія отъ мѣстныхъ священника и благочиннаго объ исправности своей по службѣ.

²⁾ По правилу 14 седьмого вселенскаго собора, клирикамъ „безъ рукоположенія (епископскаго) не слѣдуетъ читать въ церковномъ собраніи

брежному обращенію съ стихаремъ. Но не далеко еще то время, когда и въ положеніи въ клирѣ, и въ уваженіи у прихожанъ, и въ матеріальномъ даже обезпеченіи, у насъ существовало большое различіе между дьячкомъ и пономаремъ, между „стихарнымъ дьячкомъ“ и „нестихарнымъ“, и когда стихарь для многихъ старыхъ причетниковъ-недоучекъ служилъ тѣмъ высокимъ и иногда трудно-достижимымъ отличіемъ, къ которому они готовились цѣлыя десятки лѣтъ. Въ старое время отъ ищущаго посвященія въ стихарь требовались не только неззорное поведеніе и знаніе своихъ прямыхъ обязанностей, но и еще нѣчто такое, чего ему въ свое время не дала школа и на что нерѣдко не хватало у него, въ борьбѣ за безбѣдное существованіе, времени, а иногда даже и духовныхъ силъ... Экзамень у епархіальнаго архіерея или у, особо на то назначеннаго отъ мѣстнаго владыки, экзаменатора былъ для многихъ псаломщиковъ, не имѣвшихъ стихаря, камнемъ претканиа, о который разбивались завѣтныя мечты многихъ изъ нихъ и нерѣдко на всю жизнь. На экзаменѣ, кромѣ толковаго чтенія по славянскимъ книгамъ, простаго церковнаго пѣнія и церковнаго Устава, требовалось умѣнье пѣть по синодальному Обиходу свободно и безошибочно на каждой страницѣ, знаніе Катехизиса м. Филарета (Начатковъ) и краткой священной Исторіи ветхаго и новаго Завѣтовъ. Испытанія, продолжавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ дней и обиловавшія нерѣдко казунистическими, хотя и не замысловатыми, вопросами, о которыхъ и доселѣ хранить преданія люди шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, были для многихъ кандидатовъ на стихарь, отвыкшихъ отъ быстроты соображеній, истиннымъ „испытаніемъ“. Но за то прошедшій этотъ „искусъ“ и заручившійся

съ амвона“. 15 правило лаодикійскаго собора говоритъ, что „не должно пѣть въ церкви другимъ какимъ либо лицамъ, кромѣ пѣвцовъ-клириковъ, восходящихъ на амвонъ и *поющимъ въ фелони*“ (Мы держимся толкованій Вальсамона на это правило).

отъ экзаменатора на прошеніи удовлетворительною аттестаціею считалъ себя уже вполне счастливымъ и дѣло о посвященіи въ стихарь оконченнымъ. „Ставленническій допросъ“ въ Консисторіи, исповѣдь и присяга у духовника, неопустительное посѣщеніе суточныхъ богослуженій въ крестовой архіерейской церкви или въ кафедральномъ соборѣ, съ непремѣннымъ активнымъ участіемъ въ немъ на клиросѣ, и даже сдача на память текста стихарной грамоты—все это уже не представляло большихъ трудностей для ищущаго посвященія въ стихарь. Не удивительно поэтому нисколько то, что прошедшій этотъ тернистый путь исканія стихаря дьячекъ или псаломщикъ и удостоенный посвященія являлся на приходѣ съ сознаниемъ своего достоинства и становился предметомъ зависти своихъ собратій по чину, въ тайнѣ только лишь лелѣявшихъ мечту объ этой высокой чести. Стихарная грамота была не только украшеніемъ скромнаго жилища стихарнаго дьячка, но и святынею, цѣлостное храненіе которой свидѣтельствовалося клировыми вѣдомостями, а непрестанное памятованіе ея текста въ умѣ провѣрялось благочинническими ревизіями.

По полученіи удовлетворительной аттестаціи экзаменатора, ищущій посвященія въ стихарь является въ Консисторію и здѣсь, въ присутствіи члена Консисторіи, секретаря и столначальника, которые обыкновенно скрѣпляютъ ставленническій допросъ своею подписью, допрашивается приблизительно по слѣдующей формѣ:

„190... г., такого-то мѣсяца псаломщикъ села такого-то, церкви такой-то, уѣзда такого-то, имя, фамилія, по спросѣ въ такой-то духовной Консисторіи показалъ:

1) Лѣтъ мнѣ отъ роду столько-то; родился я въ такомъ-то году, мѣсяца такого-то, дня такого-то, такой-то губерніи, уѣзда, села или города, отъ православныхъ родителей (имена отца и матери), крещенъ и святымъ муромъ помазанъ священникомъ (имя, фамилія, мѣсто службы). По изученіи при родителяхъ моихъ россійской грамоты, поступилъ въ духовное

училище такое-то, въ которомъ, обучавшись по такой-то годъ, окончили курсъ и перешель въ семинарію, или вышелъ изъ училища или семинаріи въ такомъ-то году и поступилъ на приходъ такой-то псаломщикомъ.

2) Вѣрноподанническую присягу Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу и Его Императорскому Высочеству всероссійскаго престола наслѣднику, великому князю Михаилу Александровичу выполнить.

3) Дѣлъ до него (имя и фамилія) никакихъ не касалось и въ приводахъ ни по какимъ дѣламъ не былъ.

4) Вредной скорби и препятствующаго къ посвященію въ стихарь подозрѣнія за собою не имѣеть.

5) Холость или женатъ и на комъ (точно обозначается званіе, имя, отчество и фамилія).

6) Съ посвященіемъ въ стихарь пріемлетъ на себя обязанности: ученіе вѣры содержать по руководству Св. Писанія и ученію православныя Церкви.

7) Должность свою исполнять тщательно.

8) Житіе препровождать соотвѣтственное своему званію.

9) Обязанность причетника при богослуженіи исполнять, по Уставу, благоговѣнно и вразумительно для предстоящихъ.

10) Дѣтей обучать молитвѣ, начальнымъ истинамъ вѣры и заповѣдямъ Божиимъ.

11) Обычныя пособія отъ прихожанъ принимать отъ добраго ихъ усердія, не позволяя себѣ никакой притязательности.

12) Одѣяніе носить присвоенное причетническому званію и наблюдать, чтобы и прочіе члены семейства одѣвались скромно.

13) Ставленную грамату, равно какъ и всѣ вышеизложенныя обстоятельства всегда будетъ содержать въ памяти и невѣдніемъ своего долга извиняться не станетъ; за неисполненіе же всего выше прописаннаго подвергать себя штра-

фамъ и наказаніямъ по всей строгости церковныхъ правилъ и законовъ гражданскихъ“¹⁾).

По снятіи ставленническаго вопроса, ищущій посвященія въ стихарь является къ архіерею, который отсылаетъ его на исповѣдь къ духовнику ставленниковъ. Послѣдній исповѣдуетъ его, отмѣчаетъ на дѣлѣ, что, по исповѣди, препятствій къ посвященію въ стихарь не встрѣчается, и приводитъ его къ присягѣ по принятой формѣ:

„Я нижеподписавшійся, соблюдая свято и ненарушимо данную мною присягу на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству, нынѣ, при вступленіи въ должность причетника, обязуюсь проходить сію должность, согласно съ церковными правилами и уставами, предписаніями и наставленіями начальства, въ совершенномъ ему послушаніи, и вести себя благоговѣнно, честно, воздержно и не корыстолюбиво, при увѣренности, что проступки служителя церкви, причиняя болѣе соблазна въ обществѣ, нежели проступки мірянина, по справедливости подлежатъ болѣе строгому взысканію“. Слѣдуетъ подписать приводимаго къ присягѣ и духовника, который приводилъ его къ присягѣ.

Архіерей на дѣлѣ полагаетъ резолюцію: „прошу преосвященнѣйшаго (такого-то викарія) посвятить такого-то къ

¹⁾ Мы не имѣли подъ руками опредѣленной формы ставленническаго вопроса для посвящаемаго въ стихарь и изложили эти пункты, пользуясь отчасти ставленническимъ вопросомъ хиротонисуемаго во діакона (см. ниже), а отчасти печатной формой, какую приводитъ въ своей книгѣ прот. Н. Розановъ: „Руководство для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуженія, при участіи митрополита, епископа, всего собора и порядокъ посвященія въ священно-церковно-служительскія степени“ и т. д. стр. 119. Слѣдуетъ замѣтить, что строго опредѣленной формы ставленническихъ вопросовъ не имѣется, и каждая епархія въ этомъ отношеніи, сходясь въ главномъ, вноситъ въ ставленническіе вопросы свои особыя положенія. Въ этомъ можно убѣдиться легко, если наши читатели возьмутъ на себя трудъ сравнить ставленническіе вопросы діакона и священника, извлеченные нами изъ архива кievской духовной Консисторіи, съ подобными вопросами, напечатанными прот. Розановымъ Н. въ его „Руководствѣ“ стр. 108—109, 115—116.

стихарь“, или „представить къ посвященію“ и назначаетъ день и храмъ, въ которыхъ имѣеть быть совершено посвященіе.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

Примѣры добрыхъ пастырей Русской Церкви ¹⁾.

*Ты трезвися о всемъ: злопостри-
жеди, дѣло сотвори благовѣстника,
служеніе твое извѣстно сотвори (2
Тим 4, 5).*

17 марта 1900 года въ Казани скончался заштатный протоіерей о. *Сергій Ѳеодоровичъ Сумароковъ*.

Почившій по окончаніи въ 1854 году курса богословскихъ наукъ въ Казанской духовной семинаріи, по предложенію Высокопреосвященнаго Григорія, поступилъ во вновь тогда открытое миссіонерское отдѣленіе, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи по расколу, и „окончилъ курсъ съ весьма хорошими успѣхами“. 25-го янв. 1857 г. онъ былъ рукоположенъ во священника къ Христорождественской церкви села Сумарокова, Тетюш. у. Здѣсь для молодого пастыря открылось обширное поле для плодотворной дѣятельности, и онъ, полный свѣжихъ силъ, съ крѣпчай энергіею принимается за исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Нѣсколько разъ объѣхавъ свой приходъ, одинъ изъ обширѣйшихъ въ то время въ Казан. епархіи, Сергій Ѳеодоровичъ обстоятельно ознакомился съ своими прихожанами, состоявшими главнымъ образомъ, изъ инородцевъ чувашъ и мордвы (русскіе были только въ самомъ селѣ). Видя, какъ мало въ его приходѣ истинныхъ христіанъ (въ дѣйствительности поклонявшихся тайно киреметямъ) онъ озабочивается распространеніемъ среди своихъ пасомыхъ просвѣщенія или путемъ частыхъ бесѣдъ съ

¹⁾ См. № 41 за 1901 г.

ними въ домахъ, или проповѣди въ церкви. Успѣху дѣла въ этомъ направленіи много способствовало основательное знаніе почившимъ чувашскаго и мордовскаго языковъ, на которыхъ онъ свободно изъяснялся. Кстати тутъ будетъ сказать, что почившій отличался большимъ *даромъ красноречія*. Проповѣди, говоренныя имъ болѣею частію экспромптомъ, отличались простотой, задушевностью и живостью изложенія. Относясь съ живымъ интересомъ и любовію къ пресвѣщенію своихъ пасомыхъ, молодой пастырь открываетъ въ 1861 г. на свои средства *школу для обученія дѣтей* и даже помещаетъ ее въ своемъ домѣ и здѣсь, въ продолженіе 20 лѣтъ (по 11 мая 1881-го года) совмѣщаетъ въ себѣ обязанности учителя и законоучителя. Не смотря на многія неблагопріятныя въ началѣ условія, какъ-то: недостаточность средствъ, отсутствіе сочувствія въ то время церковно-приходскимъ школамъ со стороны окружающаго общества и пр., ревность пастыря-учителя не ослабѣвала, и дѣло велось очень успѣшно, что засвидѣтельствовано въ 1871 г. Братскимъ совѣтомъ, который опредѣлилъ: „выразить живое и искреннее сочувствіе къ Вашей полезной, по предмету народнаго образованія, дѣятельности, въ знакъ чего препроводить въ Вашу школу 10 экземпляровъ Евангелій и 5 экземпляровъ житій св. Казанскихъ чудотворцевъ Гурія, Варсонофія и Германа, для распредѣленія сихъ книгъ по Вашему усмотрѣнію“. Посѣтившій же эту школу инспекторъ народ. училищъ по Тетюш. у.—г. Корсаковъ въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ о ней замѣтилъ, что „успѣхи учениковъ въ Сумароковской церковно-приходской школѣ онъ нашелъ настолько хорошими, что *лучшихъ нельзя желать и для земскихъ училищъ*.“ Въ началѣ 60-хъ годовъ (при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости) происходили между крестьянами настолько серьезные волненія, что приходилось для водворенія порядка прибѣгать къ вызову военной силы, однако въ самомъ селѣ Сумароковѣ, населенномъ помѣщичьими крестьянами, все прошло спокойно, исключительно благодаря своевременному разъясненію приходскимъ пастыремъ

мѣропріятій правительства и неоднократноъ отеческимъ внушеніямъ и бесѣдамъ съ крестьянами въ церкви или же просто въ собраніяхъ на улицѣ и въ домахъ. Это уже одно свидѣтельствуеть, какою любовью и уваженіемъ пользовался С. Ѳ. среди своихъ пасомыхъ. Строгій и неуклонно требовавшій отъ подчиненныхъ ревностнаго исполненія своихъ обязанностей, вспыльчивый, а иногда и суровый съ виду, онъ своимъ всегда сердечнымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и отзывчивостію привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто зналъ его близко. А знать его близко было не трудно, такъ какъ онъ былъ всегда очень общителенъ. И дѣйствительно, всѣ смѣло обращались къ нему при своихъ недоумѣніяхъ и житейскихъ невзгодахъ за совѣтомъ и помощью и всѣ уходили удовлетворенными. Въ то же время С. Ѳ. пользовался самыми сердечными симпатіями и глубокимъ уваженіемъ среди окрестныхъ помѣщиковъ.

Работая, какъ пастыръ, на нивѣ духовной, С. Ѳ. не мало послужилъ и какъ общественный дѣятель, будучи избираемъ нѣсколько разъ въ *мѣстные* въ мѣстномъ земскомъ собраніи, при чемъ два трехлѣтія былъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и даже, по порученію земства, имѣлъ *наблюденіе за школами въ уѣздѣ*, въ чемъ обнаружилъ свойственныя ему энергію и ревность къ дѣлу и за что не разъ удостоивался признательностей.

Какъ энергичный общественный дѣятель и строгій ревнитель правды, С. Ѳ. въ первое же время своей службы обратилъ на себя особенное вниманіе своего непосредственнаго — епархіальнаго начальства и въ 1867 году онъ, не имѣвшій еще и скуфы, назначается Высокопреосвященнымъ Антоніемъ на должность благочиннаго 1-го округа Тетюш. у., которую и проходилъ по 11-е мая 1881 года — день перемѣщенія его въ Казань. Какъ благочинный, онъ не былъ простымъ, рутиннымъ, чиновникомъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но проявлялъ инициативу и живое отношеніе къ дѣлу. Такъ, по его почину и внушенію, псаломщики подвѣдомственнаго ему

благочинія зимою по избахъ въ селахъ и деревняхъ, а лѣтомъ между утренею и обѣднею, располагаясь на оградѣ, устраивали *религіозно-нравственныя чтенія и бесѣды для крестьянъ*, содѣйствуя, такимъ образомъ, ихъ духовному развитію и усвоенію вѣры и значенія различныхъ церковныхъ чинопослѣдованій. Какъ ни ново и ни непріятно было нѣкоторымъ изъ псаломщиковъ это дѣло, однако оно, благодаря живому отношенію инициатора и руководителя его, постепенно становилось на твердую почву и давало благіе результаты. Въ должности благочиннаго онъ пользовался отъ духовенства глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Почти послѣднимъ уже актомъ 24-хъ лѣтней дѣятельности С. Ѳ. въ Сумароковѣ было *учрежденіе* имъ въ 1879 году *школы въ приходской своей деревнѣ* Богдашкино, населенной чувашами. Школа эта была устроена по типу школъ Братства св. Гурія. Съ этого времени устанавливается тѣсная связь С. Ѳ. съ директоромъ учительской семинаріи Н. П. Ильминскимъ. Школа эта имѣла громадное значеніе для чувашскаго населенія, содѣйствуя его просвѣщенію и утвержденію въ христіанствѣ. Она, можно сказать, послужила краеугольнымъ камнемъ, благодаря которому выстроена здѣсь впоследствии церковь: замѣчательно, что инициаторами дѣла построенія Богдашкинской церкви были *представители того молодого поколѣнія, которое воспитывалось и обучалось подъ руководствомъ ревностнаго пастыря*, учредившаго упомянутую школу и проходившаго въ ней безмездно должность законоучителя до конца своей службы въ Сумароковѣ. За такую кипучую и плодотворную дѣятельность епархіальное начальство то выражало ему благодарности, то награждало его (до орд. Анны 2 ст. включ).

Особеннымъ *вниманіемъ* пользовался почившій у приснопамятнаго *Высокопреосв. Антонія*. Въ оставшихся послѣ почившаго бумагахъ сохранились отвѣты упомянутаго Владыки на новогоднія, пасхальныя и рождественскія привѣтствія почившаго, изъ которыхъ видно, что, чѣмъ далѣе послѣдній служилъ, тѣмъ сердечнѣе были отношенія къ нему Высоко-

преосв. Антонія, о которомъ почившій часто любилъ вспоминать и вспоминалъ всегда съ благоговѣніемъ и умиленіемъ, какъ о „забвенномъ“ Владыкѣ. Архіеп. Антоній имѣлъ съ почившимъ и частную переписку, изъ которой, по смерти С. Ѳ., найдено къ сожалѣнію немного. Владыка Антоній неоднократно предлагалъ почившему мѣста въ приходяхъ г. Казани и даже однажды прямо назначилъ его въ Казанскій дѣвичій монастырь, а въ другой разъ, указомъ отъ 9 сентября 1874 года, назначилъ было на протоіерейское мѣсто въ Спаскѣ, какъ „лицо, могущее съ достоинствомъ исполнять обязанности по наблюденію за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ состояніемъ народныхъ школъ по всему уѣзду.“ Но почившему тяжело было разстаться съ службой въ Сумароковскомъ приходѣ, поэтому онъ долго отказывался отъ предлагаемыхъ ему назначеній, хотя и почетныхъ. Въ 1881 году, послѣ 24-хъ лѣтней службы въ одномъ и томъ же селѣ Сумароковѣ, С. Ѳ. принимаетъ, по настоячивому желанію Высокопреосв. Архіеп. Сергія, предложеніе перейти къ Макарьевской церкви въ Адмиралтейской слободѣ вблизи г. Казани, тѣмъ болѣе, что дѣти его достигли такого возраста, когда нужно было отдавать ихъ въ учебныя заведенія. Впрочемъ, живая связь почившаго съ первой паствой не прекратилась съ переходомъ его и въ Казань. До конца его жизни приходили къ нему многіе изъ его прежнихъ пасомыхъ, одни за совѣтомъ, другіе просто навѣстить и побесѣдовать съ нимъ. И всѣ уходили отъ почившаго, согрѣтые его привѣтливостью и радушіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ОВЦЫ и КОЗЛИЦА“.

(ОКОНЧАНИЕ¹⁾).

Русскіе писатели, по словамъ г. Сементковскаго, руководствовались не еврейскимъ, не языческимъ и даже не платоновскимъ ученіемъ о любви къ ближнему, а ученіемъ христіанскимъ. Но если это дѣйствительно такъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе писатели, „проповѣдывавшіе намъ любовь къ ближнему и своимъ краснорѣчивымъ словомъ увлекавшіе слушателей и читателей на путь добра“ (стр. 544), „побуждавшіе русское общество къ частому проявленію удивительныхъ подвиговъ самоотверженія въ духѣ Христовой вѣры“, „содѣйствовавшіе распространенію въ нашемъ обществѣ христіанскаго ученія или, по меньшей вѣрѣ, христіанскихъ добродѣтелей“, были „созданы“ не матеріалистами, открыто издѣвающимися надъ ученіемъ о любви къ ближнимъ (Молашотъ, Геккель), а христіанствомъ, Церковію Христа, отъ которой они, по словамъ г. Сементковскаго, въ послѣдствіи отшатнулись, перешедши въ отрицательный лагерь и взявъ въ руки враждебное ей знамя,—„вышли отъ насъ, но не были наши“ (Іоанн. 2 19). Къ сожалѣнію, позаимствовавъ отъ христіанства величайшее ученіе о любви къ ближнему и разорвавъ затѣмъ всякую связь съ христіанскою Церковію, наши либералы оказались безсильными даже удержать только истинный смыслъ этого ученія и опошлили его. Въмѣсто великихъ жертвъ и даже самопожертвованія, не отдѣлимыхъ отъ истинной любви къ ближнему, для котораго истинный христіанинъ долженъ и душу свою полагать, вдова не должна жалѣть послѣдней лепты,—они стали учить о жертвахъ мелочныхъ. Удаляясь все болѣе и болѣе отъ христіанской Церкви, они, наконецъ, и совсѣмъ отвергли жертвы въ дѣлѣ любви къ ближнему, замѣнивъ ихъ совершенно противнымъ—личными чувственными удовольствіями: стали заботиться объ устроеніи съ

¹⁾ См. № 41 за 1901 г.

благотворительною илюію театральныхъ представлений, танцевальныхъ вечеровъ и т. д. и т. д. Здѣсь же, дѣйствительно, исчезаетъ *христіанскій* характеръ въ ученіи о любви къ ближнему.

Во главѣ русскихъ писателей, „созданныхъ“ либералами и матеріалистами, „не знавшихъ иной проповѣди, кромѣ проповѣди *любви, самоотверженія, ильомудрія, благожелательства*“ и т. д., г. Сементковскій ставитъ Пушкина и указываетъ намъ на его завѣты, которые однакоже беретъ не изъ произведеній нашего знаменитаго поэта, а изъ его „интимной бесѣды“. „Незабвенный нашъ Пушкинъ,—говоритъ г. Сементковскій,—сказалъ какъ-то въ интимной бесѣдѣ: „не протестами въ гостиныхъ служатъ родинѣ; ей служатъ, исполняя законы простой честности“. Съ тѣхъ поръ, какъ произнесены эти глубокія слова,—продолжаетъ г. Сементковскій,—прошло уже почти 70 лѣтъ. Если мы вдумаемся въ основной смыслъ рѣчи преосв. Амвросія, въ ту его мысль, что для борьбы со зломъ, составляющей одинъ изъ видовъ служенія родинѣ, необходимо не только слово, какъ бы оно краснорѣчиво ни было, но и дѣло—дѣло практическое, совершаемое обыкновенными людьми въ заурядной обстановкѣ, то мы не замедлимъ убѣдиться, какъ близко *соприкасается мысль Пушкина съ мыслью преосв. Амвросія*“ (стр. 545). Но на этомъ „близкомъ соприкосновеніи мысли Пушкина съ мыслью преосв. Амвросія г. Сементковскій не останавливается; онъ идетъ далѣе и чуть ли не заподозриваетъ преосв. Амвросія даже въ плагіатѣ (заимствованіи). „Новое теченіе, указанное еще Пушкинымъ и другими нашими писателями,—говоритъ онъ,—охватило и охватываетъ постепенно всю литературу не только въ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей, но, какъ видно изъ *рѣчи преосв. Амвросія, и въ рѣчахъ пастырей Церкви*“ (стр. 547). Итакъ, по мнѣнію г. Сементковскаго, только благодаря Пушкину и другимъ нашимъ писателямъ, пастыри Церкви—и во главѣ ихъ преосв. Амвросій—пришли, наконецъ, къ мысли, что практическое доброе дѣло, „исполненіе законовъ

простой честности“, въ служеніи родинѣ имѣеть преимуще-
ство предъ словомъ и „протестами въ гостинныхъ“! По сло-
вамъ г. Сементковскаго, Пушкинъ *первый* открылъ ту вели-
кую истину, что дѣло стоитъ выше слова!.. Вотъ до чего
тенденціозность можетъ довести даже и мыслящаго человѣка!..
Мысль о превосходствѣ дѣла предъ словомъ въ служеніи
ближнимъ преосв. Амвросій несомнѣнно позаимствовалъ, но—
только не изъ „интимной бесѣды“ Пушкина, гдѣ-то и когда-
то будто бы происходившей, а непосредственно изъ ученія
Божественнаго Откровенія, въ которомъ эта истина была
открыта человѣчеству за тысячи лѣтъ до рожденія Пушкина.
Св. ап. Іаковъ говоритъ: „будьте *исполнители слова*, а не
слушатели только, обманывающіе самихъ себя. Ибо кто слу-
шаетъ слово, и не исполняетъ, тотъ подобенъ человѣку, раз-
сматривающему природныя черты лица своего въ зеркалѣ.
Онъ посмотрѣлъ на себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ
онъ. Но кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ сво-
боды, и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ за-
бывчивымъ, но *исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ
дѣйствованіи*“ (1, 22—25). То же неоднократно говорилъ о
преимствѣ дѣла предъ словомъ и Самъ Спаситель (см.,
напр., Матѳ. 7, 21; Іоанн. 10, 38 и др.).

Предоставляя пастырямъ Церкви руководствоваться въ
своей борьбѣ съ общественными заблужденіями и пороками
ученіемъ Божественнаго Откровенія, г. Сементковскій указы-
ваетъ свѣтскимъ людямъ, мірянамъ, на завѣты Пушкина и
другихъ либеральныхъ русскихъ писателей, „созданныхъ“ ма-
теріалистами,—Тургенева, Гончарова и Салтыкова, давшихъ
намъ вѣчные образы героевъ-созидателей и героевъ-разруши-
телей, при чемъ наивно думаетъ, будто при этомъ условіи
пастыри Церкви и свѣтскіе либеральные писатели будутъ бо-
роться съ общественными заблужденіями и пороками не только
аналогично и параллельно, но и сообща. „Если взять,—говоритъ
г. Сементковскій,—высшую христіанскую заповѣдь: любовь къ
ближнему, то вѣдь пастыри Церкви столько же дорожатъ дея

осуществленіемъ, какъ и писатели. Почему же они должны дѣйствовать врозь? Почему имъ не вступать въ общеніе для того, чтобы соединенными силами содѣйствовать осуществленію христіанской заповѣди? *Какъ бы различны ни были ихъ взгляды, ихъ настроеніе*, но если они искренно стремятся къ общей цѣли, то почему имъ, *если не подать другъ другу руку*, то, по крайней мѣрѣ, сообща обсуждать, какъ вѣрнѣе достигнуть цѣли“? (стр. 538).—Указывая на „различные взгляды“, различное „настроеніе“ и на невозможность „подать другъ другу руку“, г. Сементковскій уже, собственно говоря, самъ разрѣшаетъ свое недоумѣніе, а, слѣдовательно, и вопросъ: „почему“? ставить напрасно. Оставляя въ сторонѣ „взгляды“ и „завѣты“ всѣхъ тѣхъ писателей, на которыхъ указываетъ г. Сементковскій, какъ на руководителей свѣтскихъ людей въ борьбѣ съ общественными заблужденіями и пороками, о. Буткевичъ для своей цѣли находитъ вполнѣ достаточнымъ остановиться только на взглядахъ и завѣтахъ Пушкина.

Въ первое время своей литературной дѣятельности, въ своей молодости Пушкинъ, къ сожалѣнію, былъ увлеченъ одностороннимъ лже-либеральнымъ направленіемъ к едва было не погибъ для русскаго народа. Если бы русскій народъ зналъ, кто такой былъ Пушкинъ по своимъ первоначальнымъ религіозно-нравственнымъ и политическимъ убѣжденіямъ, то число почитателей его таланта, по всей вѣроятности, уменьшилось бы болѣе, чѣмъ на половину, и его слава значительно поблекла бы. Въ первую половину своей литературной дѣятельности онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, своими бойко написанными стихами содѣйствовали распространенію революціонныхъ и анти-религіозныхъ идей въ нашемъ отечествѣ въ первой четверти XIX столѣтія, былъ прямо возмутительнымъ богохульникомъ, превзошедшимъ въ этомъ отношеніи даже Вольтера и другихъ извѣстныхъ западно-европейскихъ безбожниковъ и невѣровъ. Онъ бравировалъ своимъ кощунствомъ и наглостію; ему доставляло какъ бы удовольствіе бросать грязью въ чистое, нравственно-неиспорченное сердце вѣрую-

щихъ людей. Будучи явнымъ богохульникомъ и атеистомъ, Пушкинъ крайне враждебно относился къ Православной Церкви и православному духовенству даже въ лицѣ его высшихъ и безукоризненныхъ представителей. Какъ шатко было у Пушкина въ это время нравственное чувство, можно судить по длинному ряду его стихотвореній, безнравственностію, сальностію и *неприличіемъ* которыхъ смущались даже сами революціонеры и эмигранты наши и успокоеніе находили въ томъ, что *неприличіе* и *либерализмъ* вытекаютъ изъ одного и того же источника... Пушкинъ въ послѣдствіи отрекся отъ своихъ одностороннихъ и ложныхъ воззрѣній молодости; но не отреклись отъ нихъ его дальнѣйшіе, менѣе его даровитые послѣдователи. Они не только усвоили эти воззрѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднія были выработаны Пушкинымъ, но и развивали ихъ, продолжая итти далѣе по *первоначальному пути* своего учителя, увлекаясь лишь тѣми идеями, теоріями и ученіями, которыя господствовали и господствуютъ въ западной Европѣ, и подражая во всемъ западно-европейской прессѣ, не только вообще либеральной, но и радикальной въ отношеніи къ религіозной, моральной и политической областямъ народной жизни. А послѣ этого, есть ли какое-либо основаніе надѣяться, какъ надѣется г. Сементковскій, что писатели этого рода, воспитанные, дѣйствительно, на идеяхъ матеріализма, дарвинизма и эволюціонизма, не отрекаясь отъ своихъ принциповъ и усвоенныхъ ими разрушительныхъ воззрѣній западно-европейскихъ наставниковъ, если не по буквѣ, то по духу будутъ содѣйствовать распространенію въ нашемъ обществѣ христіанскаго ученія и христіанскихъ добродѣтелей? Могутъ ли они другимъ дать то, чего сами не имѣютъ?

Но забудемъ о легкомысленныхъ увлеченіяхъ нашего гевіальнаго поэта; пусть предъ нашимъ взоромъ, въ видѣ завѣтовъ, остаются только его безупречные идеалы второго періода. Можно ли утверждать вмѣстѣ съ г. Сементковскимъ, что, опираясь лишь на одни „*незабвенные*“ идеалы, но безъ всякой связи съ христіанскимъ ученіемъ и Церковію, свѣт-

скіе писатели, *всецѣло* принадлежащіе къ отрицательному лагерю, всегда будутъ работать сообща съ пастырями Церкви Христовой надъ нравственнымъ возрожденіемъ нашего общества? Можетъ ли борьба, основанная на этихъ идеалахъ, быть твердою и устойчивою? Останутся ли дѣйствительно „забытые“ образы, созданные Пушкинымъ и другими нашими писателями, *вѣчными идеалами для всѣхъ поколѣній* русскаго народа?—Судьба самого Пушкина вынуждаетъ отвѣтить на эти вопросы только отрицательно. Она ясно доказала всѣмъ и каждому, что человѣческіе кумиры не прочны, случайны, шатки, не совершенны и относительны: имъ молится одно поколѣніе, а другое ихъ низвергаетъ съ пьедестала и топчетъ своими грязными ногами. Пушкинъ, какъ поэтъ и писатель, уже пережилъ *три* поколѣнія,—и всѣ они отнеслись къ нему различно. Изъ современниковъ поэта одни приходили отъ него въ восторгъ, какъ отъ величайшаго генія, хотя этотъ восторгъ выразился съ необычайною силою, къ сожалѣнію, только послѣ его трагической и неожиданной кончины; другіе, напротивъ, рѣзко осуждали поэта за его легкомысліе и эпикурейство, за его злоупотребленіе даннымъ отъ Бога талантомъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ эпоху господства въ нашемъ обществѣ крайняго реализма и матеріализма, съ легкой руки Писарева, Пушкина ставили *ниже сапожника*; за нимъ не признавали никакихъ заслугъ, не видѣли у него никакихъ достоинствъ: онъ былъ, будто бы, простымъ, хотя и игривымъ, ремесленникомъ, не приносившимъ никому никакой пользы. Въ наше время, особенно въ столѣтнюю годовщину рожденія Пушкина, его снова и единодушно оцѣнили по достоинству, какъ величайшаго нашего народнаго поэта; роскошный золотой вѣнецъ на его геніальной головѣ еще пока блеститъ яркими и ослѣпительными лучами. Но что скажутъ о немъ послѣ насъ? Какъ отнесется къ нему новое, подроставшее поколѣніе, начинающее уже поклоняться Марксу и Нитцше, какъ своимъ единственнымъ богамъ—Ваалу и Астартѣ?—Самъ Сементковскій уже вѣдь утверждаетъ, хотя и

въ явное противорѣчіе себѣ, что не поэтическіе идеалы и не поэты, а „соха, топоръ, долото, а *потомъ* книга, т. е., крестьяне, рабочіе и народныя учителя создаютъ Римы, Аѳины и Карфагены“ (стр. 546)...

Такимъ образомъ, совершенно не основательна надежда г. Сементковскаго на то, что, опираясь лишь на „завѣты“ Пушкина и другихъ, но безъ всякой связи съ ученіемъ Христа и безъ вѣры въ Бога, наши либеральныя писатели не только параллельно, но и сообща съ пастырями Церкви могутъ бороться съ современными заблужденіями и пороками русскаго общества: равнымъ образомъ, совершенно несправедливо сѣтуетъ онъ на преосв. Амвросія за то, что, „раздѣляя русское общество на овецъ и козлищъ“, архипастырь призываетъ къ дѣлу нравственнаго возрожденія русскаго общества однихъ и высказывалъ въ *этомъ* отношеніи недовѣріе къ другимъ, именно—къ упорнымъ „либераламъ, матеріалистамъ, толстовцамъ, пашковцамъ и прочимъ людямъ, не доучившимся или переучившимся“.

ЗАМѢТКИ.

О заведеніи реестровъ бумагъ входящихъ и исходящихъ при церквахъ епархіи.

Преоив. Гурій, еп. Самарскій обратилъ вниманіе К—рин на рапортъ одного изъ благочинныхъ епархіи о результатахъ полугодичнаго обзрѣнія имъ церквей и причтовъ своего округа, въ каковомъ рапортѣ, между прочимъ, было прописано: „Архивъ церковнаго письмоводства во всѣхъ церквахъ округа хранится исправно, за исключеніемъ разныхъ, надо полагать, отношеній правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, о чемъ можно заключить изъ того, что въ архивахъ церковныхъ таковыхъ бумагъ почти совсѣмъ не встрѣчается, а провѣрить, цѣлы ли всѣ поступившія къ причту таковыя бумаги,

не представляется никакой возможности, ибо причты, несмотря на неоднократныя его, благочиннаго, личныя требованія завести реестры входящихъ бумагъ, до сего времени таковыми еще не обзавелись“ ... Приказали и Его Императорского Высочайшаго Приказа 12 августа утвердить: предписать всѣмъ причтамъ епархіи, чрезъ напечатаніе въ Самар. Епарх. Вѣд., имѣть при церквахъ реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ и вести сіи реестры исправно и неопустительно, а благочиннымъ при обзорѣниіи церквей таковыя осматривать (Самар. Еп. В. 1899 г. № 20).

О заведеніи при архивахъ церковныхъ „актовой книги“.

Самарская Дух. К—рія обратила вниманіе на рапортъ одного изъ благочинныхъ епархіи, съ представленіемъ журнала съѣзда духовенства ввѣреннаго ему округа, коимъ постановлено: завести такъ называемую „актовую книгу“, за шнуромъ, скрѣпою и печатью мѣстнаго благочиннаго, въ каковую и вносить копіи съ актовъ о сдачѣ и приѣмѣ священниками церковнаго имущества, такъ какъ акты, написанныя на отдѣльныхъ листахъ, часто теряются; книгу эту занести въ каталогъ и хранить въ церковномъ архивѣ вмѣстѣ съ прочими книгами. Утвердивъ журналъ съѣзда о заведеніи шнуровой книги для записи актовъ сдачи и приѣма церкви и церковнаго имущества Самарская К—рія, съ утвержденія Его Преосвященства, дала знать всѣмъ причтамъ епархіи, чрезъ напечатаніе въ Самар. Епарх. Вѣд., чтобы они завели таковыя же книги при каждой церкви съ назначенною цѣлью (Самар. Еп. В. 1889 г. № 20).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 октября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, октября 21-го.

Содержаніе: Законъ Божій въ школь. — Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — О просфорахъ на литургіи (продолженіе).

ЗАКОНЪ БОЖІЙ ВЪ ШКОЛЬ.

Призывъ православнаго духовенства къ ближайшему руководительству народнымъ образованіемъ, — просвѣщеніемъ свѣтомъ ученія и жизни Спасителя, — есть указаніе на его прямѣйшую обязанность, въ исполненіи которой, выражаясь принятымъ терминомъ, состоитъ смыслъ бытія священника. Пастырь-учитель — синонимы какъ по существу дѣла, такъ и въ представленіи нашего народа... ¹⁾ И причастные духу

¹⁾ Такъ думали и лучшіе русскіе педагоги. „По коренному смыслу, ишетъ наиболѣе знаменитый изъ нихъ, духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ Слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежитъ не только принятіе въ нѣдра Церкви новаго христіанина посредствомъ

Христову священники смотрѣли и смотрятъ на школу, какъ на продолженіе своего дѣла, начатаго въ Церкви—во св. купели.

Казалось бы, послѣ сказаннаго, невозможно встрѣтить искренняго священника, относящагося къ школьному дѣлу не съ должной вѣрою въ него. А между тѣмъ это явленіе извѣстно многимъ изъ насъ. Вотъ отзывъ одного изъ молодыхъ ретивыхъ дѣятелей—священниковъ въ школѣ. „Ежедневно,—говорилъ онъ намъ,—посѣщаю я школу, проводя въ ней не по одному часу. Ежегодно пожинаю видимые плоды своего усердія, выпуская немалое количество учениковъ, прекрасно сдавшихъ экзамень „на льготу“. И при всемъ томъ не вижу культурнаго воздѣйствія школы на нашу общину. Болѣе того: прекрасные ученики школы, по выходѣ изъ ней, въ видѣ писарей дѣлаются язвой для нашего мужичка“.— „Какъ это ни грустно, а это такъ,—говорилъ намъ по поводу этого отзыва другой священникъ, на нѣсколько сотъ верстъ отстоящій отъ перваго по мѣсту своего служенія.—И я, при всемъ своемъ усердіи, не вижу желательныхъ съ моей точки зрѣнія плодовъ отъ школы, въ которой работаю вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Бѣжить изъ деревни ученый крестьянинъ, а если и остается въ ней, то пользуется своимъ просвѣщеніемъ для того, чтобы эксплуатировать деревенскую темноту“...

Что же? Неужели такой безотраднѣйшій взглядъ нужно признать вытекающимъ изъ существа дѣла и потому необходимымъ? Боже сохрани насъ отъ такого вывода, холодящаго

таинства крещенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ... Мы считаемъ совершенно приличнымъ и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы духовныя лица могли стоять во главѣ не только народныхъ школъ, но быть наравнѣ съ свѣтскими лицами, начальниками и главными руководителями и въ другихъ высшихъ школахъ“. (Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго. СПб. 1875; стр. 242—243).

¹⁾ Я не говорю о лицахъ, сдѣлавшихся священниками по непростительному недоразумѣнію, въ родѣ свящ. Черкаскаго. (Смотри его статьи въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ).

своимъ невѣріемъ въ силу добра душу человѣка!.. Въ противовѣсъ приведеннымъ пессимистическимъ думамъ, знаемъ всѣ иные отзывы священниковъ—работниковъ на школьной нивѣ,—знаемъ нерѣдкія школы, въ которыхъ дѣти на ученической скамьѣ, подъ руководствомъ и прямымъ воздѣйствіемъ своего „отца-батюшки“, развивая свой умъ, въ то же время воспитываютъ себя въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и по выходѣ въ жизнь дѣлаются образцами христіанской жизни для своихъ соратниковъ на трудовомъ пахотномъ полѣ...

Образованіе человѣка, какъ руководящее содѣйствіе естественному процессу его развитія, должно быть *органическимъ*,—строго сообразующимся со всею природою человѣка. Это—основной и общепризнанный принципъ педагогій. Понятно, съ этой точки зрѣнія: умственное развитіе, порождающее пониженіе религіозно-нравственнаго настроенія,—ложное развитіе. И если школа въ лучшихъ своихъ питомцахъ видитъ огорченіе себѣ, это—явное доказательство ненормальной постановки дѣла въ ней.

Предметомъ школьнаго воспитанія является человѣкъ во всей цѣлостности своего психо-физическаго существа: его умъ, ищущій истину, чувство, ждущее счастья, воля, стремящаяся осуществить идеалы добра—вотъ предметы воздѣйствія воспитателя. И между тѣмъ, какъ въ нашихъ, такъ и въ иностранныхъ школахъ сильна тенденція останавливать все свое вниманіе на развитіи ума—въ смыслѣ дисциплинировки его и обогащенія тѣми или иными свѣдѣніями... Что же удивительнаго, если школа, въ которой не оказывается должнаго вниманія сердцу человѣка и волѣ его, порождаетъ лишь умѣлыхъ и ученыхъ эгоистовъ?..

Школа, сказали мы, должна не только учить, но и воспитывать своихъ дѣтей, то есть, создавать въ душѣ ихъ извѣстное религіозно-нравственное настроеніе, прочно основанное на извѣстномъ религіозно-нравственномъ міросозерцаніи. Тогда только она и можетъ сказать, что она даетъ *образованіе* своимъ питомцамъ.

Для всякаго понятно, что самымъ важнымъ элементомъ понимаемаго въ выше сказанномъ смыслѣ образованія служить изученіе предметовъ, входящихъ въ кругъ Закона Божія: эти предметы имѣють своимъ прямымъ содержаніемъ то, что является лишь конечною цѣлью изученія прочихъ предметовъ. Альфой и омегой предметовъ Закона Божія служить Высочайшій образецъ—Христось Богъ—Свѣтъ міра, и отъ правильнаго изученія ихъ зависитъ жизнь школы настолько, что недостатокъ религіознаго просвѣщенія не восполнишь ничѣмъ: если превратно понимается идеаль образованія, ложнымъ будетъ и послѣднее...

Въ настоящее время въ нашей литературѣ при всеобщемъ оживленіи интереса къ педагогическому дѣлу возникъ вопросъ и о должной постановкѣ въ школахъ изученія предметовъ Закона Божія, каковое въ настоящее время, по мнѣнію многихъ, лицъ, не соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію могучаго фактора воспитанія. Думаемъ, не будетъ неумѣстнымъ, если мы послѣ вышеизложенныхъ вводныхъ элементарныхъ понятій о задачахъ школьнаго образованія подѣлимся съ читателями „Руководства для сельскихъ пастырей“ циркулирующими въ нашемъ обществѣ взглядами по данному вопросу и выскажемъ свое сильное рѣшеніе его ¹⁾. „Въ виду важности и трудности вопроса, скажемъ словами автора „Человѣческая личность, какъ предметъ воспитанія“, по-

¹⁾ „С.-Петербургскій духовный вѣстникъ“ 1901, № 35 и сл.—Въ томъ же журналѣ помѣщены статьи: „Къ вопросу о религіозно-воспитательномъ значеніи школьныхъ уроковъ Закона Божія“ Л. П. (авторъ предыдущей статьи) 1901, 34; „По поводу статьи Г. П. Платонова „Законъ Божій въ школахъ“—свящ. П. Лахостскаго (№ 36). Въ „Новомъ времени“, кромѣ упомянутой статьи г. Платонова (1901 г. 27 августа), помѣщены около того же времени статьи гг. В. В. Розанова, Лихачева.—отвѣтныя имъ статьи—свящ. Лисцидина и, по нашему мнѣнію, особенно хорошая статья прот. Ф. Орнатскаго (1901, 28 августа). --

Вопросу о преподаваніи Закона Божія въ свѣтской школѣ много удѣляетъ мѣста почтенный Московскій журналъ „Вѣра и церковь“. См., напр., статьи свящ. І. И. Соловьева, свящ. Вл. М. Гобчанскаго и др.

лезна всякая, хотя бы очень слабая, попытка подумать о дѣлѣ, уяснить причины трудности, дать какія-либо практическія указанія“.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго выше, во взглядахъ на задачи школы существуютъ два типичныя направленія: по однимъ—школа должна болѣе всего—а иногда признается это и единственной цѣлью ея—*научить* дѣтей ариѳметикѣ, грамматикѣ русскаго языка, естествознанію и другимъ наукамъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, и тогда питомецъ будетъ добрымъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма—говорятъ сторонники этого взгляда, ограничивая и въ то же время расширяя смыслъ этого изреченія. По другимъ—школа должна болѣе всего воспитывать своихъ учениковъ и этою цѣлью обуславливать—какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ—изученіе предметовъ.

Разность взглядовъ на задачи школы порождаетъ такія же теченія и въ мнѣніяхъ о постановкѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

Конечно, нельзя встрѣтить ни одного законоучителя, который бы утверждалъ, что онъ обязанъ *только учить* своихъ питомцевъ, который бы считалъ себя чуждымъ дѣлу воспитанія. Центръ вопроса и разногласія не въ этомъ. Согласно въ цѣли преподаванія предметовъ Закона Божія, мы, законоучители, расходимся въ средствахъ достиженія ея: по однимъ—пусть законоучитель учитъ дѣтей Закону Божию, вѣдрлетъ возможно тверже и отчетливѣе въ его сознание вѣрученіе и правоученіе Христовой религіи, расширяетъ

Позволимъ себѣ помянуть здѣсь и свои статьи по тому же вопросу, помѣщенныя въ 1900 г., кн. 5 и въ 1901 г., книга 5; послѣдняя статья была предложена въ качествѣ реферата въ собраніи Отдѣленія Педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ о религіозно-нравственномъ образованіи.

область его свѣдѣній въ исторической сторонѣ религіи, возможно лучшимъ образомъ ознакомляетъ съ тѣмъ, что составляетъ нашъ религіозный культъ... А этимъ самымъ будетъ достигнута само собою цѣль преподаванія предметовъ Закона Божія—воспитаніе въ сердцахъ питомцевъ чувства любви и благоговѣнія къ Богу и самоотверженной любви къ ближнимъ: послѣднее—говорятъ сторонники этого взгляда—есть *необходимый* результатъ перваго. Представителемъ такого взгляда въ возбужденной въ послѣднее время полемикѣ можно считать о. Л. П.—автора помянутой выше статьи С.-П. Д. В.— „Къ вопросу о религіозно-воспитательномъ значеніи школьныхъ уроковъ Закона Божія“. „Можно ли,—говоритъ названный авторъ,—отъ законоучителя требовать, чтобы онъ „училъ благочестію“, нравственно воспитывалъ учащихся? Признаюсь откровенно, я не представляю себѣ ясно, какъ можно учить благочестію. Вѣдь благочестіе не есть такой предметъ, который можно преподавать, какъ всякую науку. Благочестіе есть именно то, что „едино на потребу“, есть *сокровище; сокровенное на селѣ*, есть потаенный сердца человѣкъ, темная для постороннихъ область человѣческой личности. Благочестіе есть, такъ сказать, „квинтъ-эссенція“ всѣхъ впечатлѣній, подъ которыми живетъ человѣкъ. Правда, что изъ всѣхъ впечатлѣній уроки Закона Божія имѣютъ господствующее значеніе. Но изъ этихъ уроковъ, изъ впечатлѣнія личности законоучителя, изъ впечатлѣній церковной службы, эта „квинтъ-эссенція“ извлекается не преподавателемъ, а самимъ учащимся, извлекается его личнымъ трудомъ, личнымъ отношеніемъ ко всему виѣшнему. Благочестіе есть синонимъ нравственности: это значить, что человѣкъ изъ всего, что его окружаетъ, беретъ себѣ то, что ему „нравится“, къ чему есть у него расположенность сердечная... Итакъ,—заключаетъ свою статью о. Л. П.,—учить Закону Божию можно, но учить благочестію нельзя“. По смыслу приведенныхъ словъ—религіозно-нравственное воспитаніе питомца создается двумя дѣйствующими причинами—преподавателемъ и усиліями самого

воспитываемаго. Дѣло перваго—преподавать въ обычномъ смыслѣ истины вѣры и нравственности, „учить Закону Божию“, дѣло втораго—усвоить преподаваемое ему, а въ результатѣ этой работы будетъ то, что ученикъ, въ силу своей определенной психической организаціи, изъ усвояемаго выберетъ себѣ въ качествѣ правила жизни тѣ или другія истины. Преподаваніе Закона Божія должно быть объективнымъ—безъ отношенія законоучителя къ душевному настроенію того или другаго своего ученика: прямое воздѣйствіе на извѣстное лицо не поможетъ дѣлу. Если въ душѣ человѣка нѣтъ,—говорить о. Л. П.,—„искры благочестія“—никакія рѣчи не создадутъ послѣдняго. „Не было этой искры въ книжникахъ и фарисеяхъ, не было ея у Іуды Искаріотскаго, и эти люди „видя не видѣли, слыша не слышали“; ихъ не обратили къ благочестію ни рѣчи Спасителя, ни Его чудеса, ни Его Божественный видъ“.—Но какъ же съ этой точки зрѣнія объяснить обращеніе мытарей, разбойниковъ и блудницъ? „Здѣсь я вижу,—отвѣчаетъ о. Л. П.,—чудо всемогущества и благодати Бога, Который спасаетъ человѣка, „ими же вѣсть судьбами“. Если подъ именемъ воспитанія разумѣется *прямое* воздѣйствіе на душу человѣка съ цѣлью образованія къ немъ извѣстнаго настроенія, то, очевидно, нравственное воспитаніе невозможно, и на долю законоучителя остается только „учить Закону Божию“.

Въ рядѣ статей „Человѣческая личность, какъ предметъ воспитанія“ тотъ же авторъ, повидимому, склоненъ признать возможность и необходимость воспитательнаго воздѣйствія учителя на своего ученика, но опять ограничиваетъ его вліяніемъ на умственную сторону человѣческаго существа. Въ составъ человѣческой личности, по мнѣнію о. Л. П., входятъ: а) сознаніе своей личности, какъ чего-то отдѣльнаго и отличнаго отъ другихъ людей; б) сознаніе своихъ отношеній къ внѣшнему міру, къ другимъ людямъ, или сознаніе своихъ правъ и обязанностей; в) представленіе цѣли своего существованія и средствъ къ достиженію цѣли; г) степень напря-

женія духовныхъ и физическихъ силъ, или степень энергій своей дѣятельности... Вотъ предметы, съ которыми долженъ имѣть дѣло воспитатель“. Не трудно видѣть,—авторъ исключаетъ изъ сферы воспитательнаго вліянія цѣлую область душевныхъ явленій, извѣстную въ психологій подъ именемъ чувствованій,—исключаетъ, слѣдовательно, и религію, насколько она есть чувство человѣка ¹⁾).

Изложенный взглядъ на дѣло религіознаго школьнаго обученія доводится другими представителями его до *очевидной* крайности. „...И семья и школа должны обучать Закону Божію, каждая своимъ методомъ. Домашнее обученіе должно быть домашнимъ, школьное—школьнымъ... Кто думаетъ заимствовать для школьнаго обученія какія-либо черты изъ домашняго воспитанія, тотъ обольщаетъ себя пустыми мечтами“, говоритъ Г. Ширскій въ своей методикѣ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ ²⁾).

Лично не раздѣляя изложеннаго нами взгляда ³⁾, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что сторонниками его являются немногіе дѣтели въ области религіозно-правственнаго воспитанія нашего юношества. Второй взглядъ, по которому „Законъ Божій—не учебный предметъ, въ родѣ географіи и ариѳметики, а цѣлая школа духа, при которой суть дѣла не въ знаніи“ ⁴⁾, а скорѣе въ дѣйствиіи на

¹⁾ Г. Платоновъ въ цит. статьѣ также понялъ изложенные нами взгляды Л. П. въ томъ смыслѣ, „что религіозно-правственное воспитаніе учениковъ не входитъ въ задачи законоучителя, да оно и невозможно“. Свящ. П. Лахостскій на страницахъ редактируемаго имъ С.-Пет. дух. вѣст. (№ 36) пытается объяснить слова о. Л. П. въ смыслѣ, не отрицающемъ, что „законоучитель долженъ заботиться *больше всего* о религіозно-правственномъ воспитаніи учащихся“. Намъ кажется, что о. Лахостскій въ своей статьѣ излагаетъ *свои* взгляды, значительно расходящіеся со взглядами о. Л. П.

²⁾ „О преподаваніи З. Б.“, стр. 201.

³⁾ См. нашу ст. „Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ“ В. и Ц., годъ 3, кн. 5.

⁴⁾ Вѣстникъ воспитанія, 1894, 6 „О задачахъ школы“ П. Мельхивскій.

сердце питомца,—имѣеть несравнимо больше горячихъ защитниковъ. Нами уже былъ отмѣченъ тотъ фактъ, что среди свѣтскихъ людей мы не встрѣчали такихъ, которые бы или въ печати, или въ устной бесѣдѣ стояли за учебную постановку преподаванія Закона Божія въ школахъ¹⁾. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ своихъ собратьевъ, признающихъ свѣтскихъ людей некомпетентными въ рѣшеніи поставленнаго вопроса, мы дорожимъ мнѣніями ихъ: вѣдь они-то именно и являются объектомъ религіознаго просвѣщенія, и въ ихъ словахъ, намъ думается, лучше всего искать указаній для своей работы...

„Мы, родители, отдавая дѣтей въ христіанскую школу, желаемъ, чтобы школа,—нишетъ г. Платоновъ,—помимо сообщенія извѣстныхъ знаній и расширенія умственнаго горизонта, въ лицѣ своего законоучителя прежде всего и главнымъ образомъ духовно воздѣйствовала на юныхъ питомцевъ, будила въ нихъ живую и дѣйственную любовь къ Богу и къ людямъ, выработала въ нихъ устойчивую христіанскую настроенность, помогла намъ дать молодежи религіозно-нравственное воспитаніе“. Одно только изученіе, хотя бы самое отчетливое, религіозныхъ истинъ не приведетъ къ означенной цѣли. Наоборотъ. Усвоеніе памятью отвлеченныхъ, готовыхъ формулъ можетъ только повредить дѣлу. „Что пользы, если наши ученики будутъ только знать о Евангельскихъ истинахъ, а ничуть не чувствовать ихъ величіе, держать ихъ до и для экзамена въ памяти, а не хранить ихъ всю жизнь въ сердцѣ?“ На такомъ же маломъ значеніи въ воспитательномъ отношеніи одного только изученія вѣры настаиваетъ и компетентный авторъ „Исторіи Православной Церкви до начала раздѣленія Церквей“²⁾. „Грустно и обидно,—говоритъ онъ,—если при мысли объ „Исторіи Церкви“ возникаетъ предста-

¹⁾ См. цит. статьи.

²⁾ „Исторія Пр. Ц. до начала раздѣленія Церквей“ К. П. Побѣдоносцева. 1892.

вленіе о заучиваніи извѣстныхъ фактовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, какъ-то: послѣдовательное перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ, съ обозначеніемъ цѣли каждаго и т. п. Исторія Церкви должна запечатлѣться не въ одной памяти, но въ сердцѣ каждаго, какъ таинственная исторія страданій ради великой безконечной любви“.

Такого же взгляда на цѣль преподаванія Закона Божія въ школѣ держится и извѣстный законоучитель, протоіерей Ф. Орнатскій. Свою прекрасную статью въ „Новомъ времени“ (1901, 28 авг.) онъ заканчиваетъ, между прочимъ, такими положеніями.

1) „Законъ Божій есть не учебный, а воспитательный предметъ, и роль законоучителя не есть роль учителя только, но и воспитателя. Самое ученіе Закону Божію должно быть сводимо къ воспитанію личности христіанина.

2) Законоучители должны перемѣнить свои отношенія къ дѣтямъ, какъ учителей извѣстныхъ предметовъ, на отношеніе живыхъ руководителей ими въ дѣлѣ спасенія“.

Какимъ путемъ достигнуть поставленной цѣли?

На этотъ трудный вопросъ, по понятнымъ причинамъ, отвѣчаютъ болѣе или менѣе общими словами о томъ, что преподаваніе Закона Божія „должно быть Евангельской проповѣдью живой любви къ Богу и къ людямъ“. И здѣсь свѣтскіе люди съ особенной настойчивостью утверждаютъ, что сведеніе преподаванія Закона Божія на степень ученія—препятствіе къ достиженію высокой цѣли его. Болѣе опредѣленные указанія въ рассматриваемомъ отношеніи даны тѣмъ же о. Орнатскимъ.

1) „Для достиженія цѣли религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія,—пишетъ онъ въ цитируемой статьѣ,—необходимо замѣнить учебники по предметамъ Закона Божія подлиннымъ Словомъ Божіимъ, для чего желательно изданіе учебной Библии.

2) Учащіеся должны быть возвращены подъ кровъ св. Церкви съ ея молитвами, богослуженіемъ и таинствами“.

Какъ первый, такъ и второй взглядъ на задачи преподаванія Закона Божія въ школахъ нѣкоторыми педагогами доводится до *очевидной* крайности. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго В. В. Розанова, изъ преподаванія предметовъ Закона Божія должно быть совсѣмъ исключено то, что называется ученіемъ. Законоучитель не долженъ заботиться ни о часахъ для веденія своего дѣла, какъ будто на это не нужно времени, ни о запоминаніи молитвъ, какъ будто знаніе наизусть, напр., Молитвы Господней вредитъ усвоенію ея сердцемъ. Даже хронологія въ передачѣ историческихъ событій Священной Исторіи — совершенно неумѣста...

Священникъ *Константинъ Алексѣевъ*.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственные указанія ставленникамъ).

Все время производства дѣла о посвященіи псаломщикъ долженъ проводить въ постѣ и приготовленіи себя къ достойному принятію Тѣла и Крови Христовыхъ. Примѣръ въ этомъ случаѣ подають святые апостолы, которые своихъ избранниковъ на святое дѣло служенія Церкви Христовой отпускали не иначе, какъ „поставшеса, помолившеса и возложше руки на ня“ (Дѣян. XIII, 3). Но приготовляя себя къ достойному посвященію „въ первую степень священства“, какъ говорится въ поученіи „чина на поставленіе чтеца“, такъ сказать, внутренне, ищущій стихаря долженъ позаботиться и о приведеніи своей внѣшности въ приличный видъ, гармонирующій вполне внутренней настроенности его и тѣмъ требованіямъ, какія предъявляютъ церковные каноны и установившаяся на этотъ счетъ церковная практика.

¹⁾ См. № 42 за 1901 г.

Внѣшнее приготовленіе ищущаго посвященія въ стихарь должно, прежде всего, состоять въ приведеніи въ приличный видъ главнаго органа человѣческаго тѣла,—головы, на которую имѣеть быть низведена благодать св. Духа. Голова должна быть начисто вымыта, а волосы при прическѣ должны принять тотъ благообразный видъ, съ какимъ на святыхъ иконахъ изображаются лики Спасителя и святыхъ угодниковъ Божіихъ, по преимуществу преподобныхъ. Т. е. самую благолѣпную прическою волосъ нужно считать прямой проборъ волосъ посрединѣ головы. Стричь волосы коротко, или по, принятой свѣтскими людьми, модѣ будущему служителю алтара Господня ни въ какомъ случаѣ не позволительно и даже предосудительно. „Волосы, по толкованію блаженнаго Симеона Солунскаго, какъ бы цвѣтъ всего тѣла“ посвящаемый на служеніе церкви долженъ „принести Богу въ видѣ начатковъ“¹⁾, для чего и постригается онъ нынѣ архіереемъ, а въ древности и клириками при самомъ посвященіи²⁾. Умачать волосы благовонными мастями или масломъ не должно, дабы рука архіерея, неоднократно возлагаемая на голову посвящаемаго, оставалась всегда чистою.

Одеждою для посвящаемаго, если онъ не питомецъ духовной школы, носящій принятый въ этой школѣ костюмъ, который въ этомъ случаѣ, конечно, долженъ отличаться свѣжестью и полною опрятностію, служить принятый у насъ въ Россіи и на всемъ православномъ Востокѣ подрясникъ или

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. Complet. t. 155 col. 365; Писан. отц. и учителей церкви, относящ. къ истолкованію прав. богослуж., т. II, стр. 210.

²⁾ „На главѣ, на которой сдѣлано начало постриженія, совершается, по словамъ Симеона Солунскаго, большее постриженіе (μεῖζων ἢ χορά) отъ нѣкагого клирика въ знаменіе того, что верхъ и глава всѣхъ—Христось, что Онъ есть печать и знаменіе посвящаемыхъ Ему; Онъ на нихъ почиваетъ, освящаетъ господственную (силу души ихъ) и есть Глава ихъ. Потомъ, когда большее запечатлѣніе совершено на главѣ его, дабы отъ ней, какъ отъ корня, освященіе вошло во всего человѣка, онъ опять приводится къ архіерею, бывъ уже освященъ постриженіемъ“ Mign. t. 155, col. 365; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 214.

полукафтаны изъ черной матеріи, подпоясанный поясомъ. „Предъ самымъ посвященіемъ чтець, получивъ благословеніе ¹⁾, по словамъ Симеона Солунскаго, одѣвается въ черную одежду—знакъ священства,—которая бываетъ чернаго цвѣта по смиренію и сокрушенію (и въ знаменіе благочестивой жизни), ибо это—знакъ скорби: *одежду широкую и достигающую до ногъ* (ἄχρη: ποδῶν καὶ εὐρύχωρον), ради благоговѣнія и божественной любви, и онаясуется (περιζώνεται), потому что долженъ служить ²⁾. Эта одежда общая для всѣхъ (священнослужителей) и, какъ говорятъ, есть царскій даръ изъ почтенія къ священству: ибо ее, равно какъ и шляпы (τὰ σκιάδια) ³⁾, носятъ и правительственныя лица и сами цари“ ⁴⁾. „Эту одежду носятъ и чтецы, и пѣвцы, и всѣ священники, ради божественнаго служенія, дабы не прикасаться къ чему либо изъ предметовъ священныхъ, или чтобы не надѣвать одежды священства прямо и непосредственно на одежды мірскія, въ которыхъ прикасаются и къ потребностямъ тѣлеснымъ“ ⁵⁾. Изъ

¹⁾ Въ чинѣ объ этомъ благословеніи ничего не говорится, что замѣтилъ въ одной изъ своихъ потицій и ученый Яковъ Гоаръ. *Εὐχολογ.* pag. 211, not. 8.

²⁾ Переводчики петербургской духовной Академіи опустили въ данномъ случаѣ указаніе Симеона Солунскаго на то, что на подрясникахъ на синиѣ и рукавахъ нашивались кресты. См. ниже замѣчаніе о крестахъ на малыхъ фелоняхъ.

³⁾ Относительно головныхъ украшеній для діакона и священника во время богослуженія мы находимъ у Симеона Солунскаго слѣдующее замѣчаніе: „діаконы и священники носятъ одежды подобныя вышесказаннымъ, а на головѣ шапки (τὰ σκιάδια) и прочіи обыкновенныя одѣянія, которыя всѣ *имѣютъ на себѣ изображеніе креста*, равно какъ и самая шапка, ибо они суть служители Распятаго ради насъ, и потому въ особенности на главѣ должны носить кресты“. (*Mign. Patrol. Cours. Complet.* t. 155, col. 396; Писан. отцевъ и учит. церкви, т. II, стр. 242). Подробнѣе о головномъ украшеніи современныхъ пастырей греческой церкви см. въ моей книгѣ: „Современное богослуженіе на православномъ Востоку“. Кіевъ. 1891 г., в. I, стр. 145; Слѣч. Христ. Чтен. 1892 г., № 5—6, стр. 474—486.

⁴⁾ *Mign. Patr. Cours. Complet.* t. 155, col. 396; Писан. отцевъ и учит. церкви, т. II, стр. 242.

⁵⁾ *Ibid.* col. 293; тамъ же стр. 241.

этого указанія опредѣленнаго и весьма точнаго на виѣбого-служебный костюмъ священно-церковно-служителей блаженнаго Симеона Солунскаго ясно вытекаетъ требованіе для посвящаемыхъ въ стихарь, а равно и для рукополагаемыхъ во діакона и священника, чтобы подѣ этими черными одеждами былъ совершенно сокрытъ внѣшній мірской человѣкъ, со всѣми его суетными стремленіями, въ погонѣ за измѣнчивою и капризною модою. Подлежать, поэтому, осужденію тѣ изъ клириковъ, которые позволяютъ выставлять наружу изъ подѣ подрясника туго накрахмаленные воротнички и рукавчики бѣлой сорочки и носить на выпускъ нижнюю часть домашняго костюма. Такія претензіи на щегольство, особенно у молодыхъ клириковъ, помимо укоризны и обвиненія въ „суетности“ со стороны людей истово-церковныхъ и религіозныхъ, создаютъ и нѣкоторыя практическія неудобства для священно-служителей въ движеніяхъ по храму, при надѣваніи ими епитрахили и особенно поручей.

Что касается нерѣдко наблюдаемаго въ молодыхъ кандидатахъ на священно-церковно-служительскія мѣста, стремленія по тѣмъ же, чисто суетнымъ, побужденіямъ къ одѣванію себя въ шелковыя и особенно цвѣтные подрясники и даже ряски, то на это мы имѣемъ прямое и категорическое запрещеніе въ 16 правилѣ второго никейскаго, седьмого вселенскаго собора. Такъ какъ это правило весьма содерѣжательно и поучительно для молодыхъ клириковъ и кандидатовъ священства, то мы его приведемъ здѣсь въ извлеченіи. „*Всякая роскошь и всякое тѣлесное украшеніе чужды священническаго чина. Потому епископы или клирики, украшающіе себя блестящими и пышными одеждами, должны исправляться; если же они пребудутъ упорными, то ихъ слѣдуетъ подвергать епитеміи, равно какъ натирающихся благовонными мастями...* Съ древнихъ временъ всякій священный мужъ носилъ одежду недорогую и скромную, поелику все, что принимается не по нуждѣ, но для украшенія, подлежитъ обвиненію въ суетности, какъ сказалъ великій Василій. Никто также не надѣвалъ разноцвѣт-

ныхъ шелковыхъ одеждъ и на края одеждъ не нашивалъ украшеній другого цвѣта, потому что слышали отъ Богоглаголивато языка, что *мякая нослции въ домьхъ царскихъ сунть*“ (Матѳ. XI, 8). Приведенное нами правило сохраняетъ свою силу и по отношенію къ тѣмъ изъ клириковъ и священно-служителей, которые дозволяютъ себѣ препоясываться, вмѣсто простыхъ поясовъ, кушаками широкими, разшитыми различными шелками и бисеромъ. Однимъ словомъ, наши клирики и кандидаты священства должны личнымъ примѣромъ, скромностію и чистотою своего костюма, *„покрывающаго стыднїя плоти ихъ отъ бедръ до стегнъ“* (Исх. XXVIII, 42), подавать примѣръ и мірянамъ, сдѣлавшимъ нынѣ изъ костюма недостойный христіанъ предметъ тщеславія и суетной чрезмѣрной почительности ¹⁾).

§ 2. *Посвященіе въ чтеца и пѣвца.*

Возводимый на степень чтеца и пѣвца долженъ явиться въ храмъ, въ которомъ имѣеть быть совершено его посвященіе, до начала звона къ литургіи и до прихода архіерея въ храмъ, и занять подобающее ему мѣсто на клиросѣ, а если не удобно этого сдѣлать, напр., въ монастырскихъ храмахъ, гдѣ клиросы наполняются иноками—пѣвцами, то въ діаконникѣ, но отнюдь не въ алтарѣ, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ²⁾ нашего отечества, такъ какъ права входа сюда возводимый еще не имѣеть и не получилъ. При самомъ началѣ чтенія шестого часа, готовящійся къ посвященію выходитъ изъ діаконника или съ клироса влѣдъ за старшимъ

¹⁾ Нашимъ клирикамъ и кандидатамъ священства по данному вопросу рекомендуемъ прочесть съ большою пользою трактатъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго въ его прекрасной книгѣ: „Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника“. Кіевъ. 1885, стр. 140—156.

²⁾ Въ „Руководствахъ“ діак. Ѳ. Соколова (стр. 53) и прот. Н. Розанова (стр. 117) „ставленникъ выходитъ изъ алтаря стѣрною дверью за старшимъ инодіакономъ.“

иподіакономъ и становится за солею между иподіаконами. Сокрѣшивъ предварительно поклонъ архіерею, готовящійся къ посвященію дѣлаетъ передъ царскими вратами два поясныхъ поклона и третій земной поклонъ. Затѣмъ, повертывается къ архіерею, возсѣдающему на амвонѣ, кланяется ему и идетъ не спѣшно по направленію къ каедрѣ епископа. Посрединѣ храма дѣлаетъ вторичное поклоненіе владыкѣ. Подойдя къ каедрѣ, посвящаемый кланяется владыкѣ земно и, поднявшись, становится передъ нимъ съ наклоненною головою. Архіерей, вставъ съ сѣдалища, трижды благословляетъ голову посвящаемого крестнымъ знаменіемъ и, положивъ руку на головѣ его, читаетъ молитву: „Иже всю тварь свѣтомъ просвѣтивый чудесь твоихъ, Господи“ ¹⁾. По прочтеніи молитвы, протодіаконъ подаетъ архіерею ножницы, которыми послѣдній постригаетъ „крестовидно“ волосы посвящаемого съ произнесеніемъ словъ: „Во имя Отца“ „и Сына“ „и Святаго Духа“. На каждую изъ этихъ формулъ протодіаконъ или чтець, принимая волосы съ ножницъ, отвѣчаетъ утвердительною формулою: „Аминь“ ²⁾. Иподіаконъ приближаетъ къ архіерею краткую фелонь, заднею стороною ея, на которой нашито изображеніе креста. Архіерей благословляетъ рукою краткую „фелонь“, посвящаемый цѣлуетъ крестъ и руку владыки и облачается, при помощи иподіаконовъ, въ „фелонь“. Затѣмъ, наклонивъ голову, посвящаемый снова становится предъ архіереемъ, который, положивъ руку на главу его, читаетъ вторую молитву: „Господи Боже вседержителю, избери раба твоего сего и освяти его“. По молитвѣ архіерей „разгибаетъ книгу Апостоль надъ главою чтеца“ и вручаетъ его посвящаемому для прочтенія указаннаго мѣста. Иподіаконъ приводятъ посвящаемого къ солеѣ, „поставляютъ его, какъ говорится въ чинѣ, среди церкви къ востоку лицомъ“ и предлагаютъ чи-

¹⁾ Въ Чинovníкѣ далѣе слѣдуетъ замѣчаніе о началѣ обычномъ и чтеніи нѣкоторыхъ тропарей, которые нынѣ опускаются.

²⁾ Волосы постриженнаго полагаются иногда въ Апостоль.

татъ указанное архіереємъ мѣсто изъ Апостола. Посвящаемый по обычаю начинаетъ возглашать въ полголоса: „Къ Римлянѣмъ (или ко инымъ, смотря потому, какое посланіе указано архіереємъ) посланія святаго апостола Павла чтеніе“ и читаетъ самое зачало. „И мало прочетъ Апостола, говоритъ въ чинѣ, иже случится, начало и конецъ, обращается и поклоняется архіерею трици по чину“, т. е., въ первый разъ въ поясъ у самой соли, второй—на полпути къ кафедрѣ архіерейской, а въ третій разъ у самой кафедры земно, въ ноги архіерею. Второй иподіаконъ снимаетъ съ посвящаемаго „краткій фелоній“, а первый иподіаконъ подноситъ архіерею стихарь, держа его крестомъ, налитымъ на спинѣ стихаря, вверхъ. Архіерей благословляетъ стихарь надъ „крестомъ“, а посвящаемый, стоя передъ архіереємъ, сотворивъ истовое крестное знаменіе на себѣ, цѣлуетъ крестъ на стихарѣ и руку владыки, и, при помощи иподіаконовъ, облачается въ стихарь. Затѣмъ, наклонивъ голову передъ архіереємъ, посвящаемый выслушиваетъ наставленіе архіерея: „Чадо, первый степень священства чтеца есть“. Послѣ поученія, архіерей, благословляя посвященнаго въ стихарь, произноситъ: „Благословенъ Господь се бысть рабъ Божій (имярекъ) чтець святѣйшія церкви (имярекъ) во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, даетъ руку для цѣлованія посвященному, который, поклонившись владыкѣ земно, удаляется въ алтарь или, болѣе правильно, на клиросъ къ пѣвцамъ.

Если въ тотъ же день не бываетъ рукоположенія во діакона и нѣтъ возводимаго въ иподіакона, то посвященный въ стихарь принимаетъ изъ рукъ перваго иподіакона блюдо для умовенія рукъ архіерея и, держа на плечахъ полотенце, подаетъ его архіерею ¹⁾, а по умовеніи имъ рукъ, цѣлуетъ руку владыки послѣ иподіаконовъ и уноситъ блюдо и полотенце въ алтарь. Замѣчаніе въ Архіератиконѣ: „И вдаетъ ему архіерей

¹⁾ О. Соколовъ. Руководство, стр. 540, прот. Н. Розановъ въ своемъ „Руководствѣ“ говорятъ объ этомъ обычаѣ безъ всякихъ оговорокъ (стр. 118).

лампаду, и стоитъ предъ архіереемъ съ лампадою на уреченномъ мѣстѣ“—практическаго значенія не имѣетъ и въ настоящее время не выполняется.

Посвященный въ стихарь или стоитъ во время литургіи на клиросѣ и помогаетъ пѣвцамъ, или въ алтарѣ и помогаетъ еkkлiсiархамъ. Во время малаго выхода онъ вмѣстѣ съ другимъ клирикомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выноситъ репиду и идетъ передъ Евангеліемъ; во время пѣнія херувимской пѣсни вторично выноситъ передъ царскія двери блюдо для умовенія рукъ архіереемъ, а во время великаго выхода предшествуетъ съ репидами святымъ дарамъ и осѣняетъ ими, при возглашеніяхъ священнослужителями и архіереемъ поминальныхъ формулъ.

Причащается святыхъ таинъ посвященный въ стихарь внѣ алтаря (19 прав. лаод. собора), послѣ произнесенія архидіакономъ возгласа: „Со страхомъ Божиимъ“, но прежде мірянъ¹⁾, а затѣмъ въ алтарѣ тихо прочитываетъ молитвы благодарственныя по причащеніи.

По окончаніи литургіи, когда архіерей разоблачится и надѣнетъ на себя мантію, стоя передъ престоломъ, новопосвященный въ стихарь приближается съ правой стороны престола къ владыкѣ, кланяется ему земно въ знакъ благодарности за его труды, получаетъ послѣднее благословеніе съ цѣлованіемъ его руки и выслушиваетъ изустное его наставленіе, а, затѣмъ, снова поклонившись земно и получивъ благословеніе, удаляется въ діаконникъ и снимаетъ съ себя стихарь.

Новопосвященный долженъ выразить благодарность и до. архидіакону или протодіакону и иподіаконамъ, потрудившимся, при подведеніи его къ посвященію, и за тѣ практическія указанія, какія весьма необходимы всякому впервые присутствующему, въ качествѣ дѣйствующаго лица, при

¹⁾ Н. Розановъ замѣчаетъ о причащеніи посвященнаго въ стихарь: „причащается въ алтарь около престола съ лѣвой стороны, по причащеніи діаконовъ“. Руководство, стр. 118.

архіерейскомъ богослуженіи, но безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія, памятуя 19 прав. седьмого вселенскаго собора.

Долгъ приличія и сыновней почтительности вмѣняетъ въ обязанность воспитанникамъ семинарій, посвящаемымъ въ стихарь, изъ храма непосредственно, послѣ посвященія, выразить почтительную благодарность своему ближайшему начальству: ректору и инспектору, по представленіи доброй аттестаціи коихъ они удостоены первой чести состоять въ ликѣ церковномъ въ качествѣ „каноническихъ клириковъ“.

§ 3. Чинъ посвященія въ чтеца и пѣвца на православномъ Востоцкѣ и особенности его сравнительно съ нашимъ чиномъ.

Разсматривая нынѣ практикуемый у насъ „чинъ на поставленіе чтеца и пѣвца“ и сравнивая его съ подобнымъ чиномъ въ греческой восточной церкви, который надписывается такъ: „Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονία ἀναγνώστου καὶ ψάλτου“¹⁾, мы должны сказать, что нашъ чинъ по составу своему во многомъ разнится отъ этого послѣдняго. Такъ, въ греческомъ чинѣ мы совершенно не находимъ первой молитвы, епископскаго поученія, по одѣяніи посвящаемого въ стихарь, формулы заключительной: „Благословенъ Господь се бысть рабъ Божій“ и проч. и замѣчанія о врученіи лампы посвященному; но, вмѣсто всего этого, имѣются указанія 1) на то, что посвящаемый, если онъ мірянинъ, приводится въ *иматионъ съ непокрытою головою* (μετὰ ἱματίου ἀσκηπῆς), а если монахъ, то въ мантии, 2) что кромѣ постриженія волосъ архіереемъ, посвящаемый постригается еще кѣмъ-либо изъ клириковъ совершенно (εἶτα τέλειον ὑπό τινος εἰς κληρικοῦ χεῖρεται σχῆμα), 3) если посвящается пѣвецъ, то вмѣсто Апостола, въ руки посвящаемого архіерей даетъ Псалтирь, и онъ поетъ прокимень изъ Псалтири (εἰ δὲ ψάλτης ἐστί, λέγει ἀπὸ τοῦ Ψαλτηρίου προχειμένον) и 4), наконецъ, обычное начало и прокимень дня положены только въ томъ случаѣ,—что и вполнѣ

¹⁾ Εὐχολογ. Goar. pag. 194—195.

естественно,—когда посвященіе въ стихарь происходитъ не на литургію (Ἰστέον δέ, ὅτι οὐκ ἔστι λειτουργία, ποιεῖ ὁ ἀρχιερεὺς εὐλογητὸν κ. б. 1).

§ 4. Происхожденіе особенностей нашего чина поставленія въ чтеца и пѣвца ¹⁾

Но, не смотря на отмѣченныя сейчасъ и довольно значительныя особенности греческаго чина поставленія въ чтеца и пѣвца ¹⁾ по сравненію съ нашимъ современнымъ чиномъ, греческое происхожденіе всѣхъ составныхъ частей послѣдняго внѣ всякаго сомнѣнія, При самомъ бѣгломъ разсмотрѣніи нашего чина, нельзя не видѣть, что онъ компилятивнаго характера и состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ частей.

За это, прежде всего, самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ намъ слѣдующее замѣчаніе послѣ *первой* молитвы чина: „Вѣдательно же, яко егда не есть литургія, творить архіерей начало: „Благословенъ Богъ“ и поется: „Царю небесный“ Трисвятое, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“, „Яко твое есть“ и глаголется тропарь дне. *Аще же есть литургія „Царю небесный“ и Трисвятое и „Отче нашъ“ не поется,* токмо глаголются тропари: „Апостоли святіи, молитесь милостиваго Бога“, „Усть твоихъ, якоже свѣтлость огня“, „Во всю землю изыде вѣщаніе твое, яко приѣмшую слово твое“, „Пастырская свирѣль богословія твоего риторовъ побѣди трубы“ и Слава и нынѣ, „Молитвами Господи всѣхъ святыхъ“ ²⁾. Казалось

¹⁾ Такъ какъ на Востокѣ принято, чтобы апостоль на литургіи читали мальчики, имѣющіе звонкіе голоса, то чинъ поставленія въ чтеца тамъ нерѣдко совершается надъ дѣтьми. Архіерей на маломъ выходѣ передъ царскими дверями прочитываетъ положенную въ чинѣ молитву надъ мальчикомъ, постригаетъ на головѣ его волосы и вручаетъ ему Апостоль, по которому онъ сейчасъ же и читаетъ положенное по ряду на литургіи чтеніе, восходя на ступеньки архіерейскаго трона.

²⁾ Тропарей этихъ въ греческихъ чинахъ мы не знаемъ, но они стоятъ въ концѣ „чина рукоположенія священосца“ въ сербскомъ Служебникѣ (Рки. XVI в. нашей библ. л. 43) и въ нашихъ южно-русскихъ Архіеретиконахъ (Опис. рки. М. Синод. библ. М. 1869, отд. III, ч. I, стр. 125).

бы данному замѣчанію всего естественнѣе было стоять въ самомъ началѣ „чина“, какъ это дѣлается обыкновенно въ другихъ чинахъ, а не въ серединѣ или на полноту чина, гдѣ чтеніе или даже *тѣніе*—„и поется“, говорится въ чинѣ,—хотя бы и указанныхъ тропарей апостоламъ и тремъ вселенскимъ учителямъ св. Іоанну Златоусту, Василію Великому и Григорію Богослову съ богородичнымъ, весьма приличныхъ въ данномъ чинѣ, прерываетъ стройное и послѣдовательное теченіе чина и оставляетъ послѣдній все же безъ начала въ самомъ его вступленіи. За то же самое говорить намъ и, не имѣющее нынѣ практическаго значенія, вышеуказанное примѣчаніе въ концѣ чина о врученіи посвящаемому архіерею лампады.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

О просфорахъ на литургіи ¹⁾.

На ряду съ свидѣтельствами, доказывающими употребленіе двухъ и трехъ просфоръ въ богослужебной практикѣ древней церкви, слѣдуетъ поставить, по времени происхожденія, и свидѣтельства о *седмипросфоріи*. Насколько извѣстно по сохранившимся памятникамъ богослуженія греко-россійской церкви, *седмипросфоріе* существовало въ богослужебномъ употребленіи,—по крайней мѣрѣ въ употребленіи греческой церкви,—уже въ первую половину XI вѣка и было особенностью нѣкоторыхъ монастырскихъ храмовъ. Самое древнее указаніе на *седмипросфоріе* представляетъ намъ церковный уставъ, или типиконъ, данный константинопольскимъ патріархомъ Алексіемъ основанному имъ въ 1034 году, близъ Константинополя, монастырю, главный храмъ котораго былъ во имя Успенія Божіей Матери. Въ своемъ типиконѣ патріархъ Алексій, между прочимъ, предписываетъ, чтобы литургія совершалась

¹⁾ См. № 30 за 1901 г.

въ монастырѣ всегда на семи просфорахъ. „Просфоры да бѣвають... шесть малыхъ и одна большая для братіи“. Эта послѣдняя просфора, по общему счету просфоръ — седьмая, называлась иначе *анафорой*, и при жизни патріарха Алексія, ктитора обители, возносилась за его здравіе, а по смерти должна была возноситься за его упокоеніе. Уставъ патріарха Алексія сохранился до настоящаго времени въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ греческаго на Руси еще при пр. Θεодосіи Печерскомъ, и въ спискѣ XII вѣка находится въ Московской синодальной библіотекѣ (подъ №№ 330—380)¹⁾. Имѣя въ виду, что переводъ Алексіевскаго устава съ греческаго языка на славянскій сдѣланъ еще при пр. Θεодосіи Печерскомъ (около 1070 г.), необходимо допустить, что пр. Θεодосію была извѣстна практика седмипросфорія, употреблявшаяся въ Алексіевскомъ константинопольскомъ монастырѣ. По введену ли была она въ Кіево-печерскій монастырь вмѣстѣ съ другими порядками Алексіевской обители, свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Можетъ быть, другая практика, имѣвшая мѣсто въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ кіевскихъ церквахъ, до знакомства пр. Θεодосіа съ полнымъ Алексіевскимъ уставомъ, настолько прочно утвердилась въ немъ, что не представлялось особенной надобности видоизмѣнять ее²⁾. Какая это была практика, тоже неизвѣстно, но, сколько можно судить по древнѣйшимъ нашимъ служебникамъ XI и XII вв., это было не седмипросфоріе...

¹⁾ См. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. Отдѣлъ третій. Москва 1869 г., стр. 266.

²⁾ Русскіе монастыри, въ первое время своего существованія на Руси, не имѣли своего особаго и общаго устава службъ — специально монастырскаго. Монахи посѣщали приходскія церкви, при которыхъ были ихъ „монашескія слободки“ и довольствовались чиномъ богослуженія приходскихъ, „мірскихъ“ церквей. Этотъ чинъ былъ, вообще, сокращеніе монастырскаго чина службъ.—Исторія Русской церкви Е. Е. Голубинскаго. Т. I, вторая полов., стр. 321.

Другое свидѣтельство, доказывающее употребленіе седми-просфорія въ греческой церкви, хотя и не на всѣхъ литургіяхъ седмицы, — относится къ XII вѣку и находится въ типиконѣ женскаго монастыря пресвятой Богородицы Благодатной (*κεχαριστωμένης*), основаннаго и устроеннаго въ 1114 году императрицею Ириною, супругою византійскаго императора Алексѣя Комнена. По мысли и повелѣнію самой императрицы составленъ и типиконъ монастыря. Въ 34 главѣ типикона читаемъ предписаніе о томъ, что „на литургіи должны быть приносимы семь просфоръ: одна Господня, другая въ честь Богоматери, третья въ честь дневнаго святаго, четвертая объ отпущеніи грѣховъ императора и императрицы, пятая за усопшихъ монахинь, шестая за родителей и сродниковъ императора и императрицы усопшихъ, седьмая за живыхъ родственниковъ императора.“ Это—обычное число просфоръ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, указываемыхъ типикономъ, оно должно было увеличиваться приношеніемъ, кромѣ всегдашнихъ семи, еще другихъ просфоръ. Такъ, со смертію императора или императрицы къ семи просфорамъ должна была присоединиться еще одна, восьмая просфора, такъ какъ „послѣ смерти императора или императрицы,“ говоритъ типикъ, „одинъ хлѣбъ приносится за живаго, *другой* за умершаго.“ Первоначальное число *семь* имѣло возстановиться со смертію обоихъ: царственныхъ особъ—императора и императрицы: „а когда умрутъ императоръ и императрица то за упокой обоихъ одинъ хлѣбъ“. Кромѣ того, въ каждую субботу и каждое воскресенье къ обычнымъ просфорамъ присоединялись просфоры меньшихъ размѣровъ, названныя въ типиконѣ „малыми крестами“. Одна такая просфора назначалась за упокой четырехъ членовъ императорской фамиліи. „Въ каждую субботу“, предписываетъ Типикъ, „должны быть приносимы малые кресты за усопшихъ родныхъ нашихъ, за четырехъ одинъ; они должны быть записаны въ диптихахъ—быть поминаемы по уставу, равнымъ образомъ и живые, записанные въ диптихи.“ Въ воскресенье „должны быть приносимы другіе кресты *по числу* усопшихъ“

(а не одинъ на четырехъ, какъ по субботамъ)¹⁾. При многочисленности поминовеній число просфоръ, такимъ образомъ, должно было очень увеличиться.

Постановленіе о семи просфорахъ на обычной литургіи и о прибавленіи къ нимъ просфоръ на субботней литургіи, при поминовеніи о здравіи и за упокой главнѣйшихъ членовъ императорскаго дома,—постановленіе, подобное вышеприведенному,—имѣется и въ типиконѣ Пандократорскаго монастыря. Онъ былъ данъ этому знаменитому въ свое время, „царскому“ константинопольскому монастырю его основателемъ императоромъ Іоанномъ Комненомъ, въ 1136 году. Въ особомъ отдѣлѣ типикона, исключительно разсуждающемъ „о просфорахъ на литургіи,“ императоръ повелѣваетъ: „ежедневно да бывають просфоры изъ четырехъ экагіевъ чистой муки („семидала“) затѣмъ двѣ, сравнительно съ другими бѣльшихъ размѣровъ, Господская и Богородичная, — просфора въ честь дневнаго святаго и четыре просфоры для поминовенія отца, бабки, матери и супруги императора „Въ каждую субботу“, продолжаетъ типиконъ, „пусть будутъ и другія просфоры (число ихъ точно не обозначается) изъ пшеничной муки;“ эти просфоры идутъ на поминовеніе членовъ императорской фамилии, имена которыхъ опредѣленно при этомъ указываются. Кромѣ всѣхъ этихъ просфоръ, за упокой погномковъ императора должны были возноситься еще *два* просфоры, и, наконецъ по субботамъ одна особая просфора, за Алексія, сына севастократора Псаака, внука императора²⁾.

Сравнивая предписанія уставовъ императрицы Ирины и императора Іоанна Комнена о литургійныхъ просфорахъ, мы замѣчаемъ сходство уставовъ въ томъ отношеніи, что они оба согласно требуютъ употреблять одну изъ трехъ первыхъ прос-

¹⁾ Труды Москов. Археологическаго Общества. Т. 7,—вып. 2. Москва 1878 г., стр. 69—70.

²⁾ Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока Т. I, ч. 1 А. А. Дмитріевскаго. Стр. ZXVI—ZXVII и 662—663.

форъ на Агнецъ, а двѣ другія возносить въ честь Божіей Матери и дневныхъ святыхъ. Начиная съ четвертой просфоры между уставами наблюдается то различіе, что каждый изъ нихъ даетъ этимъ просфорамъ *особое* назначеніе, указывая поминать за здравіе и за упокой *своихъ особыхъ* лицъ, а не однихъ и тѣхъ-же общихъ. Отсюда видно, что по уставамъ императрицы Ирины и императора Іоанна Комнена первыя три просфоры имѣли на литургіи существенное и обязательное значеніе, а назначеніе прочихъ номинальныхъ просфоръ было дѣломъ случайнымъ и всецѣло зависело отъ воли и распоряженія ктиторовъ монастырей. Императрица и императоръ предписали употреблять на обычной литургіи четыре номинальныхъ просфоры, но въ особыхъ случаяхъ ихъ число должно было значительно превысить эту цифру, такъ что если въ первомъ случаѣ получалось опредѣленное седмипросфоріе, то во второмъ оказывалось неограниченное точною цифрою многопросфоріе. Такимъ образомъ, седмипросфоріе, или, вѣрнѣе, многопросфоріе, въ древности имѣло свой смыслъ и значеніе: оно употреблялось тамъ, гдѣ на каждый день недѣли было много обязательныхъ, официальныхъ поминовений. Но въ тѣхъ церквахъ, гдѣ почему либо не было поминовений, или гдѣ было ихъ не такъ много, какъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, тамъ священнослужители могли довольствоваться меньшимъ числомъ просфоръ: четырьмя, тремя, двумя и даже одною, какъ на это дѣйствительно и указываютъ древнія богослужебныя рукописи.

Опредѣленное количество просфоръ не признавалось въ древности безусловно обязательнымъ и, по мѣрѣ надобности, всегда могло увеличиваться прибавленіемъ новыхъ. Иногда въ древнихъ богослужебныхъ памятникахъ можно встрѣтить такого рода замѣчанія, что „если есть еще просфоры“, то изъ нихъ вынимаются такія-то частицы. Обыкновенно эти замѣчанія дѣлаются послѣ указаній на обязательно необходимыя просфоры ¹⁾. Въ Иларіи XIII в. Патмосской библ.

¹⁾ *Иларій XIII в. Патмосской библ. № 719 Уставъ Проскомидіи XV в. Императ. публичн. библ. № 423.*

№ 719 такое замѣчаніе повторено два раза. Сначала послѣ третьей просфоры, „если есть и другія просфоры,“ Илитарій указываетъ вынимать частицы въ честь св. апостоловъ и св. отцовъ, а потомъ, если окажется, что въ распоряженіи священника остаются и еще „другія просфоры“, то изъ нихъ вынимаются частицы въ честь дневнаго святаго и всѣхъ святыхъ¹⁾. Увеличиваясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, количество просфоръ уменьшалось въ другихъ случаяхъ, когда на проскомидіи бывало немного поминовеній. Примѣромъ этого можетъ служить практика Пандократорской обители. Въ главномъ храмѣ ея, посвященномъ всецѣльной Премудрости Божіей, ежедневно, кромѣ субботы, возносилось, какъ мы уже знаемъ, семь просфоръ, а въ двухъ другихъ храмахъ: во имя Богоматери Милосердой и въ честь Архангела Михаила седмипросфоріе не практиковалось: тамъ литургія совершалась только на *трехъ* просфорахъ, изъ нихъ одна была Господская (агничная), а двѣ остальные — поминальныя²⁾.

Слѣдующее, по хронологическому порядку, свидѣтельство о седмипросфоріи принадлежитъ болѣе позднему времени: оно относится къ XV вѣку. Проф. А. А. Дмитріевскимъ недавно изданъ греческій евхологіи XV вѣка, библиотечнаго Синайскаго монастыря № 986, въ которомъ, между прочимъ, содержится чинъ проскомидіи въ томъ видѣ, какъ онъ совершался на аѳонской горѣ въ XV вѣкѣ³⁾. Изложенію чина проскомидіи названная рукопись предпосылаетъ определенное указаніе, что *этотъ чинъ совершается въ священной лаврѣ, на святой аѳонской горѣ*. Такимъ образомъ, для насъ не можетъ быть уже никакого сомнѣнія, что по данному списку проскомидіи можно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о томъ количествѣ просфоръ, какое употреблялось въ лаврѣ св. Аѳа-

¹⁾ Опис. литургич. рукописей правосл. Востока А. А. Дмитріевскаго, — т. II. Кіевъ 1901 г., стр. 172.

²⁾ Опис. литург. рукописей... Т. I, ч. 1 стр. LXVI примѣчаніе и стр. 680—681.

³⁾ См. Опис. литург. рукоп.... Т. II. стр. 602—606.

пасія аѳонскаго въ XV вѣкѣ. Тогда употреблялось тамъ семь просфоръ. Это же число просфоръ оставалось неизмѣннымъ въ аѳонской лаврѣ и въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ другой списокъ чина лаврской проскомидіи того времени ¹⁾).

Въ указанныхъ спискахъ чина проскомидіи по обычаю лавры св. Аѳанасія аѳонскаго сначала подробно передаются всѣ дѣйствія священника надъ св. агнцемъ, изъемлемымъ изъ *первой* просфоры. Потомъ, послѣ соединенія вина и воды во св. потирѣ, священникъ беретъ *вторую* просфору и вынимаетъ изъ нея частицу „въ честь и память преблагословенныя Владычицы и Богородицы“. Надъ *третьей* просфорой, вынимая изъ нея частицы, священникъ произноситъ такіа слова: „силою честнаго и животворящаго креста, представительства честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, честнаго славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна, святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостоловъ дванадесяти и седмицати; иже во святыхъ отецъ нашихъ и вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Николая Мурликійскаго, Григорія Нисскаго, Григорія Чудотворца, Григорія великіа Арменіи, Григорія Акрагантійскаго и всѣхъ святыхъ іерарховъ: святыхъ великихъ мучениковъ: Θεодора, Георгія, Димитрія, Проконія, Нестора, первомученика и архидіакона Стефана и всѣхъ святыхъ мучениковъ; преподобныхъ богоносныхъ отецъ нашихъ: Антошія, Арсенія, Евѳимія, Саввы, Онуфрія, Макарія Великаго и Пахомія, Ефрема Сирина, Іоанна Климаса, Аѳанасія Аѳонскаго и всѣхъ преподобныхъ; святыхъ славныхъ и чудотворцевъ безсребренниковъ Космы и Даміана, Кира и Іоанна, Пантелемона и Ермолая; святыхъ и праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны; святаго дня, имярекъ, егоже и память совершаемъ, и всѣхъ святыхъ, ихже молитвами посѣти насъ, Боже“,

¹⁾ Ркн. XVI в. Александрійской (въ Каирѣ) библ. № 525 — 1070 См. Опис. лит. ркн... стр. 602, прим. 1.

Четвертая просфора возносится за „благочестивѣйшихъ и христолюбивыхъ“ царей, за всю палату и воинство ихъ, за архіепископа, игумена, монастырскую братію и за пресвитеровъ, діаконовъ, иподіаконовъ, чтецовъ и за „всѣхъ, ихже призвалъ еси къ сему служенію Твоему Твоею милостію, челолюбколюбче Господи“. Изъ четвертой просфоры за всѣхъ поименованныхъ лицъ берется одна частица. „На пятой просфорѣ священникъ поминаетъ живыхъ, кого изволитъ“. После того, взявши *шестую* просфору онъ произноситъ: „Помяни, Господи, приснопамятныхъ и блаженныхъ ктиторовъ святыхъ обители сея и всѣхъ прежде усоншихъ отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. И поминаетъ усоншихъ, кого хочетъ, по именамъ“. Поминовение заключается словами: „Помяни, Господи, всѣхъ въ надеждѣ воскресенія, жизни вѣчныя, и въ общеніи съ Тобой усоншихъ отецъ и братій нашихъ православныхъ. И изъберетъ частицу“. Изъ послѣдней, *седьмой* просфоры священникъ вынимаетъ частицу за себя, произнося слова: „Помяни, Господи, мое недостоинство и прости ми всякое согрѣшеніе, вольное и невольное“. Окончивъ изытіе частицъ изъ просфоръ, священникъ передаетъ св. копіе *діакону*, и тотъ самъ вынимаетъ частицу „за себя и за кого хочетъ“. Всѣ изытанны священникомъ и діакonomъ частицы располагаются на дискосѣ около св. агнца въ опредѣленномъ порядкѣ ¹⁾.

И. Пальмовъ.

¹⁾ Описаніе лит. рукоп.... Т. II, стр. 603—605.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 октября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *И. Карольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

XLII.

ВѢСНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, октября 28-го.

Содержаніе: Законъ Божій въ школь (продолженіе).— Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).— Примѣры добрыхъ пастырей Русской церкви (продолженіе).

ЗАКОНЪ БОЖІЙ ВЪ ШКОЛЬ¹⁾.

Преподаваніе Закона Божія въ школь—цѣлью своею имѣеть возбужденіе и утвержденіе вѣры. Вѣра, по словамъ св. апостола Павла, есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ (Евр. XI, 1). Этимъ опредѣленіемъ предполагаются два душевные момента: первый—это воспріятіе сознаниемъ извѣстныхъ истинъ о невидимыхъ предметахъ, объ имѣющемъ совершиться въ будущемъ; второй—убѣжденіе въ объективной достовѣрности воспріятыхъ истинъ: находящаяся въ моемъ сознаниіи истина бытія Божія не есть лишь моя мысль о томъ, а имѣеть полное соотвѣтствіе реальной дѣйствительности,—чаяніе будущаго блага со стороны достовѣрности для меня равносильно факту. Первый моментъ есть общаа съ областью знанія почва религіознаго обученія. Источ-

¹⁾ См. № 43 за 1901 г.

никомъ второго момента, назовемъ его вѣрою сердца, служить вложенный въ природу человѣка, хотя и помутившейся съ паденіемъ, образъ Божій и стремленіе къ подобію Его.

Вѣра въ своемъ происхожденіи, думаемъ, независима отъ приобретаемаго религіознаго знанія¹⁾. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она въ нѣкоторой мѣрѣ обусловлена имъ. Изучая при постепенномъ общемъ развитіи истины вѣры и нравственности, мы находимъ въ нихъ удовлетвореніе самымъ высшимъ запросамъ своей души и тѣмъ самымъ укрѣпляемъ свою вѣру въ объективное значеніе религіи. Между указанными факторами религіознаго убѣжденія, слѣдовательно, отношеніе взаимной обусловленности. Но изъ сказаннаго слѣдуетъ также и то, что вліяніе приобретаемаго религіознаго знанія на вѣру—ея усиленіе и укрѣпленіе—кореннымъ образомъ отличается отъ вліянія приобретаемыхъ знаній, напр., математическихъ или историческихъ на усиленіе интеллектуальной способности человѣка. Признавая религіозную идею врожденною намъ въ той безспорной степени, въ какой позволяютъ намъ хотя бы слова Спасителя въ бесѣдѣ Его съ самарянкой, мы должны признать въ ней извѣстное содержаніе. Вѣра, какъ сознаніе, точнѣе, чувствованіе объективнаго значенія его (содержанія), только въ томъ случаѣ обуславливается вновь приобретаемымъ религіознымъ познаніемъ, если оно направлено къ одной цѣли—признанію высшаго начала. Пояснимъ свою мысль примѣрами. Священная Исторія Ветхаго Завета представляетъ собою рядъ фактовъ съ обычными исторіямъ вообще хронологіей, географическою номенклатурой и т. п. И для чуждаго Христовой вѣры ума только такую она и представляется... Христіанинъ же, по одному прекрасному выраженію В. С. Соловьева, тамъ, гдѣ другіе видятъ разсыпанные камни, зреть чудное художественное зданіе... Вся исторія, воспринятая и опознанная умомъ его, внутреннимъ чувствомъ осмысливается и возвышается съ точки зрѣнія Мессіанской идеи, и есть для него исторія домостроительства

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью въ В. и Ц. 1901, 5.

нашего спасенія. Церковная исторія раскрываетъ предъ нами процессъ усвоенія людьми ученія Спасителя при живомъ содѣйствіи Бога. Если изученіе ея сводится къ самому твердому усвоенію „различныхъ фактовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, какъ-то: послѣдовательное перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ съ обозначеніемъ цѣли каждаго и т. п.“ и только,—эти познанія бесплодны для укрѣпленія вѣры. Наоборотъ, если при этомъ изученіе исторіи Церкви насквозь проникнуто мыслью о живомъ присутствіи Бога и взаимоотношеніи Его съ человѣкомъ, если, другими словами, „исторія Церкви запечатлѣвается въ сердцѣ каждаго, какъ таинственная исторія страданій ради великой безконечной любви“, эти религіозныя познанія безусловно усиливаютъ вѣру нашу.

Религіозно-нравственное образованіе должно имѣть въ виду оба элемента вѣры. Допустимъ, что законоучитель послѣдуетъ за о. Л. П. и центръ своей дѣятельности положитъ въ разсудочномъ усвоеніи истинъ вѣры. Породитъ ли *необходимо* такое изученіе Закона Божія вѣру сердечную въ святость послѣдняго? Едва ли. Книжники и фарисеи сознаниемъ почитали на Законѣ и пророкахъ, а Того, Кто написанъ былъ въ главизнѣ ихъ, отвергли. Допустимъ, что законоучитель будетъ совершенно игнорировать разсудочное усвоеніе религіозныхъ истинъ, какъ того хотѣлось бы нѣкоторымъ свѣтскимъ педагогамъ. Спрашивается: что же будетъ питомецъ утверждать для себя какъ истину, данную Богомъ для его сознанія и воли? Понятно: прежде чѣмъ дѣлать извѣстное правило нормой для своей воли, я долженъ это правило опознать умомъ, воспринять его ясно и отчетливо и безъ искаженія: иначе ложное, превратное будетъ моимъ закономъ. Искусственное дробленіе единой человѣческой души порождаетъ ложныя направленія въ философіи—раціонализмъ и мистицизмъ. Столь же губительно оно и въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. Настаиваемъ, вопреки приведеннымъ выше крайнимъ выводамъ, на постоянномъ объединеніи въ каждомъ слу-

чаѣ обоихъ элементовъ вѣры и въ варушеніи этого требова-
 нія религіозной педагогики видимъ причину бездѣйственности
 религіознаго воспитанія. Знаемъ школы и гимназіи, въ кото-
 рыхъ ученики съ рѣдкой старательностью „зубрятъ Законъ“¹⁾
 и выучиваютъ все преподаваемое имъ изъ предметовъ его,
 но оставляютъ школу съ враждою къ послѣднимъ, а мѣры
 взысканія и насилія, если таковыми достигались сказанные
 результаты, только усиливали это непріязненное чувство... Но,
 съ другой стороны, что же будетъ представлять ученикъ школы,
 который изъ послѣдней не вынесетъ опредѣленнаго религіозно-
 нравственнаго міросозерцанія, а лишь одно только смутное
 влеченіе къ чему-то высокому? „Можемъ ли мы, скажемъ
 словами о. Левашова²⁾, въ дѣйствительности считать образо-
 ваннымъ того, кто лишень опредѣленнаго, всегда себѣ рав-
 наго міросозерцанія, лишень тѣхъ твердыхъ устойчивыхъ
 взглядовъ, въ силу которыхъ онъ могъ бы найтись во всякое
 время при всѣхъ обстоятельствахъ сказать себѣ опредѣленно,
 кто онъ и что онъ? Едва ли. Невозможно спорить, что соб-
 ственнымъ выраженіемъ образованія служить наличность цѣль-
 наго міровоззрѣнія. Живой же и животворящей основой міро-
 созерцанія можетъ быть только христіанское вѣроученіе“. Неустойчивость въ убѣжденіяхъ при наличности религіознаго
 чувства служить, какъ мы къ сожалѣнію нерѣдко видимъ,
 почвою для уродливыхъ обнаруженій послѣдняго (сектанты).

Въ возбужденной полемикѣ о преподаваніи Закона Божія
 въ нашей школѣ былъ поднятъ вопросъ съ принципиальной
 его стороны, и лишь отчасти были высказаны нѣкоторыя мысли

¹⁾ Е. Марковъ. „Грѣхи и нужды нашей средней школы“, СПБ.,
 1900, стр. 96 и сл. „Къ „Закону“,—пишетъ съ большимъ сожалѣніемъ
 авторь,—относились у насъ въ школѣ именно, какъ къ переплетенной въ
 корешокъ книжкѣ, которую необходимо было зубрить, и за незваніе ко-
 торой приходилось сидѣть безъ обѣда, а въ наши счастливыя времена
 даже подвергаться субботней экзекуціи“...

²⁾ Церковный вѣстникъ, 1901 г., № 38: „Мысли православнаго свя-
 щенника о значеніи Закона Божія въ общей системѣ школьнаго образо-
 ванія“—См. нашу статью въ В. и Ц. (1900, 5), въ которой мы настав-
 ваемъ на соотвѣтствіи изученія религіи съ общимъ развитіемъ питомца.

частнаго характера. Объ общемъ характерѣ религіознаго обученія высказали свои мысли и мы. Давать положительныя методическаго характера пока не считаемъ себя въ должномъ правѣ. Да и—откровенно говоримъ—не придаемъ особенно важнаго значенія *подробному* выясненію послѣднихъ: пастырь Церкви,—уже въ силу своего положенія достаточно образованный человѣкъ,—если только въ душѣ его самого горитъ огонь Божественной любви, найдетъ наилучшіе въ его наличномъ положеніи пути къ проведенію послѣдней въ сердца своихъ питомцевъ. А пастырю-наемнику не помогутъ дидактики религіознаго обученія. Въ дѣлѣ религіознаго обученія и воспитанія ошибка печальная можетъ быть, по нашему мнѣнію, именно *въ общемъ характерѣ его*,—именно здѣсь можетъ быть ревность не по разуму. Предотвратить отъ послѣдней и указать горькіе плоды ея—искренно неожиданные для сторонниковъ ея—задача предложенной статьи.

Различными средствами дѣйствуетъ религіозный воспитатель на своихъ питомцевъ,—различны бываютъ соотвѣтственно этому методики ихъ.

Въ заключеніе своей статьи позволю себѣ привести поучительную по моему мнѣнію страничку изъ исторіи своего собственнаго воспитанія.

Переношусь мыслью къ школѣ, въ которой воспитывался я „въ началѣ жизни“. Богослуженіе и катехизисъ преподавать намъ нынѣ покойный Георгій Ивановичъ Русановъ, впоследствии извѣстный у насъ, въ Тульской епархіи, священникъ г. Богородицка. Кто состоитъ законоучителемъ, тотъ знаетъ, какъ трудно преподавать юнымъ питомцамъ Богослуженіе. Мы въ свое время изучали его основательно и въ немаломъ объемѣ. Но изучали необычнымъ и на всю жизнь памятнымъ для насъ образомъ.—„Богослуженіе, разъяснялъ намъ нашъ учитель, это вопль души человѣческой къ Богу, то падшей, изнывающей подъ бременемъ грѣха, молящей о помилованіи, то спасенной, облагодатствованной, радостной“. И среди этихъ разъясненій наша классная комната

нерѣдко оглашалась одушевленнымъ хоровымъ подѣ простымъ для задаванія тоновъ руководствомъ нашего незабвеннаго Георгія Ивановича той или другой наиболѣе примѣчательной церковной пѣсни... Сердцемъ чуялась въ эти минуты справедливость и искренность словъ учителя. Проходили мы съ нимъ же Катехизисъ—весьма твердо и съ большими дополненіями и разъясненіями—изучали его, выражаясь словами г. Розанова наукообразнымъ способомъ. Одухотвореніе этихъ истинъ въ нашей душѣ происходило внѣ классовъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ мы собирались въ вомнату, гдѣ помѣщалось правленіе училища. Посрединѣ комнаты на стулѣ садился Георгій Ивановичъ, а вокругъ него на полу разсаживались всѣ мы. И лилась нескончаемо отеческая бесѣда нашего наставника о Богѣ, о нашемъ отношеніи къ Нему, объ опасностяхъ, которыя ждутъ нашу дѣтскую вѣру; съ особеннымъ одушевленіемъ, помню, раскрывалъ предъ нами Георгій Ивановичъ величіе и святость пастырскихъ идеаловъ, которые онъ самъ такъ честно осуществлялъ въ послѣднемъ своемъ служеніи. И кто можетъ исчислить, сколько ростковъ дали эти съ такою любовью посѣянные внѣ обычныхъ правилъ сѣмена!..

Главнымъ средствомъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія въ школѣ, видѣли мы, сторонники второго взгляда признаютъ возможно-широкое пользованіе „подлиннымъ Словомъ Божіимъ“. Этому указанію мы лично придаемъ особенно важное значеніе. На великую плодотворность пользованія подлиннымъ словомъ Божіимъ намъ. указываютъ всѣ, кому только дорого дѣло воспитанія юношества ¹⁾, ²⁾, ³⁾.

Священникъ *Константинъ Алевъ.*

¹⁾ Е. Марковъ. „Грѣхи и нужды нашей средней школы“.—См. 1 и 4 главы.

²⁾ См. также главу изъ цит. соч. К. Д. Ушинскаго о „Нравственномъ элементѣ воспитанія“.—Опытъ девятилѣтняго законоучительства въ разнообразныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ привелъ и меня къ несомнѣнному убѣжденію въ необходимости самаго широкаго

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей ¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

§ 6. Историческія, археологическія и таинственныя объясненія обрядовъ и молитвъ, входящихъ въ составъ даннаго чинопослѣдованія.

О какихъ одеждахъ „нескверныхъ и непорочныхъ“ (τοῖς ἀμολύτοις καὶ ἀγράτοις στολαῖς) говоритъ наша первая молитва чина на поставленіе въ чтеца и пѣвца?

„Краткій фелоній“ нашего Архіератикона не можетъ быть отвѣтомъ на поставленный вопросъ, такъ какъ въ ука-

пользованія въ школѣ Словомъ Божиимъ... Но не могу отрицать и того, что это дѣло весьма трудное, въ которомъ мы нуждаемся въ руководствѣ людей опытныхъ. Привѣтствую мысль протоіерея Орнатскаго о благовременности изданія „Учебной Библии“, хотя не могу отказать въ нѣкоторой неосновательности опасеній моего одного оппонента въ устной бесѣдѣ, опасеній, что видимое выдѣленіе изъ Библии частей ея можетъ породить въ нашихъ питомцахъ неправильныя мысли о всей Библии... Но это—вопросъ настолько серьезный, что онъ требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

^{*)} Не столько по логической, сколько по психологической ассоціаціи пишу нижеслѣдующее. Среди священниковъ-законоучителей какъ средней школы, такъ и народной низшей, высказываются иногда взгляды на допущеніе Евангелія и на свободное чтеніе его, отзывающіеся католическимъ духомъ. Не такъ давно вступилъ я въ бесѣду съ однимъ священникомъ, незнакомымъ мнѣ дотолѣ, съ которымъ мнѣ пришлось вмѣстѣ дожидаться приѣма у одного лица. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. У батюшки—моего собесѣдника—наболѣло сердце при постоянномъ общеніи и встрѣчахъ съ сектантами кievской епархіи... „И весь этотъ рационализмъ, и все это невѣріе, принимающіе иногда грубыя формы въ нашемъ сектантствѣ,—плоды того свободнаго отношенія къ нашей религіи, которое такъ замѣтно въ послѣднее время. Въ университетѣ проф. богословія говоритъ о разумномъ обоснованіи вѣры, забываая, что вѣра вѣрою, а разумъ разумомъ. Въ школахъ намъ рекомендуютъ

¹⁾ См. № 43 за 1901 г.

занной молитвѣ, несомнѣнно, рѣчь идетъ о *многихъ одеждахъ*, а не объ одной. Отвѣтъ положительный на этотъ вопросъ возможенъ вполне удовлетворительный только лишь въ томъ случаѣ, если мы ближе познакомимся съ историческою судьбою первой молитвы разсматриваемаго нами чина.

Какъ показываетъ и надписаніе первой молитвы: „Εὐχὴ ἐπὶ χειροτονίᾳ δεποτάτου καὶ κηροφόρου¹⁾“, т. е., молитва на поставленіе депотата или свѣщеносца“, въ древнѣйшихъ богослужебныхъ греческихъ памятникахъ молитва эта нашего „чина на поставленіе чтеца и пѣвца“ нѣкогда составляла отдѣльное, самостоятельное молитвословіе на возведеніе особаго должностнаго лица при патріархахъ, которое назы-

заниматься чтеніемъ подлиннаго Слова Божія, отдавая, а затѣмъ и уничтожая внѣшній авторитетъ при изученіи вѣры“—такъ говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ. Какъ часто приходилось мнѣ встрѣчаться съ такими взглядами и въ печати, и въ устныхъ бесѣдахъ! Съ какою же радостью привожу въ отвѣтъ этимъ словамъ мысли того-же „старога педагога, вѣрнаго сотрудника „Вѣстника Европы“, на чтеніе котораго нѣкоторые смотрятъ неодобрительно. „Наши недалъновидные защитники, пишетъ онъ, и оберегатели религіи, сами того не замѣчая, оскорбляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ея священный авторитетъ, не довѣряя ей собственной внутренней силѣ, трепеща за ея судьбу при всякомъ прикосновеніи къ ней свободнаго чувства и испытующей мысли. На этомъ же малодушіи основано и господствующее у насъ ложное убѣжденіе, будто развитіе знаній, высшія ступени образованія непремѣнно уничтожаютъ въ человѣкѣ его религіозныя вѣрованія. Если бы это было такъ, то это было бы смертнымъ приговоромъ религіи. Но, къ счастью, она достаточно убѣдительно доказала свою побѣдоносную силу, овладѣвъ безъ всякихъ стороннихъ союзниковъ чуть не цѣлымъ міромъ со всѣми его учеными философами и скептиками, не нуждаясь для своей побѣды въ содѣйствіи полиціи и уголовного кодекса. Наука же, всестороннее изученіе природы и человѣка, менѣе всего могутъ считаться опасными для религіи. Напротивъ того, чѣмъ серьезнѣе и глубже испытывается истина міра, тѣмъ ближе и яснѣе чувствуется тотъ оживляющій міръ „духъ истины, иже вездѣ сый и вся исполняй“, по выраженію священной пѣсни, и присутствіе котораго во вселенной, хотя и невидимое нашими тѣлесными глазами, невольно дѣлается для нашей души убѣдительнѣе, чѣмъ „все внѣшнее—существующее“ ..—Цит. соч. Стр. 98.

¹⁾ Εὐχολόγιον edit. Venet. 1730, pag. 197.

валось *депотатомъ*. Обязанность депотата состояла въ томъ, что, во время богослуженій въ храмахъ и особенно внѣ его, при совершеніи многочисленныхъ литаній и крестныхъ ходовъ, онъ шелъ впереди патріарха и дѣлалъ свободнымъ отъ народа путь ему и самой процессіи или крестному ходу. При совершеніи литургіи, съ тою же цѣлю, депотать, имѣя въ рукѣ свѣчу, шелъ впереди всѣхъ, когда на маломъ выходѣ выносилось Евангеліе, а на великомъ выходѣ выносили священнослужители святые дары ¹⁾). Слова молитвы нынѣшняго чина: „Самъ (Господи) и раба твоего, имярекъ, *предходити священосца* (λαμπαδὴφόρον) *святимъ Твоимъ таинствомъ изволившаго*, украси нескверными Твоими и непорочными одеждами“ указываютъ прямо на эти обязанности возводимаго въ это званіе. Чинъ поставленія въ депотата въ греческой церкви къ первой половинѣ XV вѣка вышелъ изъ употребленія и прекратилъ свое существованіе на Востокѣ. „Есть и другія руковозложенія (χειροθεσία) на должности, напимѣрь, *депотата* или *священосца* (τοῦ δεποτάτου ἢ κηροφόρου), *совершавшіяся прежде руковозложенія въ чтеца*, говоритъ блаженный Симеонъ Солунскій, но, впрочемъ, уже не *совершающіяся и нынѣ какъ бы совершенно прекратившіяся*, хотя въ церкви эссалоникійской незадолго предъ этимъ были и въ древнихъ уставахъ описаны“ ²⁾). Слѣдовательно, богослужебныя одежды, присвоенныя въ древности званію депотата или депутата, и нужно считать „одеждами нескверными и непорочными“ нашего чина на поставленіе чтеца и пѣвца.

Депотаты же, равно какъ чтецы и пѣвцы и другіе низшіе клирики церкви византійской, въ древнее время, при исполненіи своихъ обязанностей за богослуженіемъ, надѣвали *амисій* (αμίσιον) и краткую фелонь ³⁾).

¹⁾ Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Bratislav. 1891 an. v. δεποτάτος; Goar. Εὐχολογ., pag. 199, 230, 240.

²⁾ Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 361; Писан. отецъ и учит. церкви, относящ. къ изъяснен. пр. богослуж., т. II, стр. 207.

³⁾ Объ императорѣ говорится у Кодина, что онъ въ день корона-

Камисіи былъ нижнею богослужебною одеждою, надѣвавшееся на иматій или подрясникъ, и устроился или изъ льняной (*ἐκ λινού*), или шелковой (*μεταξωτοῦ*) матерій бѣлаго цвѣта (*καμίσια λευκά*)¹⁾, на подобіе стихаря діакона или подризника священника, но съ широкими рукавами. Описаніе древняго камисіи византійской церкви даетъ намъ діаконъ Игнатій Смолянничовъ, бывшій въ Царьградѣ вмѣстѣ съ русскимъ митрополитомъ Пименомъ и присутствовавшій во св. Софій, во время коронаціи императора Мануила II (1391 г.) за богослуженіемъ. „Пѣвцы же стояху украшени чудно, пишетъ онъ о камисіяхъ, *ризы ильяху, яки стихари широчи и долги, а вси опоясани, рукава же ризъ ихъ широчи и долги, ови камчати, ови шидны* (вариантъ: шидны), *наплечни съ златомъ и съ круживомъ*. Старѣйшій ихъ бѣ красень, *яки снѣгъ бѣлъ*“²⁾. Для большаго удобства дѣйстви, при исполненіи обязанностей, низшіе клирики подпоясывали свой камисіи³⁾. Въ одномъ камисіи безъ фелоня, составлявшаго верхнюю богослужебную одежду, пѣвцы иногда восходили на амвонъ для пѣнія⁴⁾ и появлялись за столомъ въ императорскомъ

ціи, во время великаго выхода за литургіею, надѣваетъ поверхъ саккоса (*ἐπάνω σάκκου*) малую фелонь, именуемую „*μανδύαν χρυσοῦν*“, и съ крестомъ въ одной рукѣ, а съ скиптромъ въ другой предшествуетъ на великомъ выходѣ святымъ дарамъ по обычаю депогатовъ.—*Ἐπέχει γοῦν τότε τάξις ἐκκλησιαστικὴν, ἣν χαλοῦσι τοῦ δεποτάτου*. Mign. Patr. Curs. complet., t. 157, col. 108, 109.

¹⁾ De ceremoniis (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 112, col. 1381, 1384, 1401). Codin. De officiis (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 157, col. 61, 63, 78). См. ниже прим. 4.

²⁾ Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 14.

³⁾ Въ Типиконѣ Великой Церкви о наемномъ кандилапѣ въ чинѣ пасхальной вечерни мы читаемъ, что онъ былъ въ бѣломъ камисіи подпоясанномъ: „*εἰς ἀπό τῶν μισθίων κανδηλαπτῶν μετὰ καμισίου λευκοῦ ἐζωσμένον*“. Рки. корол. Дрезд. библ. № 140, л. 5. См. Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 14.

⁴⁾ Въ Типиконѣ Великой Церкви о пѣвцѣ, предшествующемъ новопросвѣщеннымъ въ великую субботу, при ихъ вступленіи изъ крещальни въ Софійскій храмъ, замѣчено: „*εἰς τῶν ψαλτῶν, προπρευομένου ἐμπροσθεν*

дворцѣ¹⁾. Однимъ словомъ, камисій былъ официальнымъ церковно-богослужебнымъ одѣяніемъ, безъ котораго низшіе клирики не могли ни приступать къ исполненію своихъ обязанностей, ни появляться въ парадныхъ случаяхъ во дворцѣ императора и, само собою разумѣется, въ секретяхъ патріарха.

Фелонь краткая, называемая иногда мантиею, составляла верхнюю, болѣе торжественную, одежду и была второю послѣ камисіа богослужебною одеждою и при томъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не только низшихъ клириковъ, но даже и діаконовъ, исполнявшихъ опредѣленные должности при патріархахъ и называвшихся архонтами или ставрофорами.

Эти-то двѣ названныя нами одежды въ чинахъ посвященія въ депотата или свѣщеносца и называются установленною одеждою (*τετοπωμένην στολήν*)²⁾, а въ самой молитвѣ— „одеждами нескверными и непорочными“.*

Изъ сказаннаго ясно, что первая молитва нашего чина на поставленіе въ чтеца и пѣвца составляетъ отдѣльный самостоятельный чинъ возведенія въ депотата или, какъ онъ чаще всего называется въ нынѣшнемъ Архіератиконѣ, *примикурія*

αὐτῶν (т. е. φωτισμένων) μετὰ καμισίου καὶ φελωνίου, ψάλλει. Μακάριοι, ὧν ἀφείθησαν. Ὅτε δὲ ἔλθῃ εἰς τὰς βασιλικὰς πόλεις... ἐκβηλὼν τὸ φελώνιον αὐτοῦ, ἀνέρχεται ἀπὸ καμισίου μόνου ἐν τῷ ἄμβωνι καὶ στιχολογεῖ τὸν ὄλον ψαλμόν“. Ркп. Дрезд. корол. библи. № 140, л. 132, об. 133.

¹⁾ По Обряднику им. Константина, во дворецъ приглашаютъ „τοὺς μὲν ἱερωμένους ἅπαντας μετὰ τῶν οἰκείων λευκῶν φελωνίων, τοὺς δὲ секретικούς, ψάλλτας τε καὶ ἀναγνώστας μετὰ οἰκεία καμισία μόνον“ (Mign. Patrol. Cours. complet. t. 112, col. 1381, 1401). Но пѣвцы и начальники хоровъ (доместики), приглашенные во дворецъ не въ качествѣ гостей, а для исполненія своихъ обязанностей, — пѣтъ во время параднаго стола, являлись во дворецъ уже въ своихъ *блмыахъ фелоняахъ*.— Δαμπροὺς δομεστικῶς σὺν τῶν ψαλτῶν τε καὶ ὄρφανῶν πάντων τοῦ παφραγίου, λευχημονοῦντας καὶ περιβεβλημένους τὰ οἰκεία φελώνια ἢ ἡμφιεσμένους τὰ οἰκεία αὐτῶν καμισία καὶ φελωνία μόνον“ (разумѣется безъ шарфовъ черезъ плечо). (Ibid., col. 1381, 1384).

²⁾ Описание литургическихъ ркп., хранящихся въ библи. православн. Востока, т. II. Εὐχολογία, стр. 434, 642, 692; Goar. Εὐχολογ, pag. 198, not.

или свѣщеносца ¹⁾ съ одѣянiемъ посвященнаго въ особыя, этому званiю присвоенныя, священные одежды. Если теперь замѣчанiе нынѣшняго чина: „И вдастъ ему архіерей лампаду“ и проч., на практикѣ не имѣющее значенiя, перенести съ конца чина и поставить послѣ первой молитвы, то предписываемый имъ обрядъ будетъ прекраснымъ дополненiемъ молитвы и наглядно покажетъ всѣмъ присутствующимъ, въ чемъ состоятъ главныя обязанности новопосвященнаго. Само собою понятно, нынѣ, когда на поставленнаго въ чтеца возложены болѣе важныя обязанности—читать Слово Божіе и пѣть Божественную Псалтирь,—исполненiе низшей обязанности—предносить лампаду св. Тайнамъ,—трудно совмѣстимо, и волею неволею упомянутый весьма выразительный обрядъ врученiя новопосвященному архіереемъ „лампады“ на практикѣ опускается. А между тѣмъ есть полная возможность, хотя бы въ этотъ первый день своего каноническаго вступленiя въ клиръ, такъ какъ чтенiе и пѣніе на клиросѣ въ соборныхъ и монастырскихъ храмахъ ведутся хорошо дисциплинированными хорами и вполне освоившимися съ архіерейскимъ служенiемъ чтецами, новопосвящаемому въ свѣщеносца или примикирія замѣнить принятаго у насъ при архіерейскомъ богослуженiи мальчика—примикирія или лампадчика и занять мѣсто близъ царскихъ дверей, на лѣвой сторонѣ, около иконы Богоматери, и въ положенное, по чиноположенiю архіерейской литургiи, время предшествовать выносу Евангелiя на маломъ выходѣ и святымъ дарамъ на великомъ выходѣ съ лампадою.

Въ древнихъ литургическихъ памятникахъ первая молитва „чина на поставленiе чтеца и пѣвца“ надписывалась еще и такъ: „Τάξις, γινομένου ἐπὶ χειροτονίᾳ κηροφόρου καὶ

¹⁾ Существованiе такого самостоятельнаго чина предполагаетъ по видимому и нашъ Архіератиконъ, начинающій чинъ поставленiя въ чтеца и пѣвца слѣдующими словами: „Имънъ быти свѣщеносецъ, приводимъ бываетъ двѣма иподiakоны“ и т. д., хотя заглавіе чина объ этомъ прямо и не говоритъ.

ἱερασταγάρη“¹⁾, т. е., чинъ, бываемый на рукоположеніи свѣщеносца и *богоносца*“ (употребляемъ терминъ, принятый у насъ и хорошо извѣстный въ русскомъ народѣ) или хоругвеносца. Въ молитвѣ соотвѣтственно указанному надписанію имѣлись и слѣдующія добавочныя слова: „Самъ и раба твоего, имярекъ, *поднимати и носити святую икону* (ἱερασταγάρη καὶ φέρειν τὴν ἁγίαν εἰκόνα), *предходити* свѣщеносца святымъ твоимъ таинствамъ изволившаго“ и т. д. Ясно, слѣдовательно, что и чинъ „богоносца“ или „хоругвеносца“ въ практикѣ древне-греческой церкви ничѣмъ не отличался отъ чина депотата, примикирія или свѣщеносца, и нерѣдко совмѣщался въ одномъ лицѣ. Несомнѣнно также, что по внѣшнему костюму и по своимъ богослужебнымъ отличіямъ „богоносець“ во всемъ уподоблялся этимъ лицамъ, т. е., носилъ черный *иматій* (по нашему, подрясникъ), подпоясанный поясомъ, и сверху, при исполненіи своихъ обязанностей въ храмѣ или внѣ его, во время литаній и крестныхъ ходовъ, надѣвалъ *бѣлый камисій*.

Послѣднее обстоятельство даетъ намъ поводъ въ настоящемъ случаѣ возвысить свой голосъ въ защиту *священной важности церковнаго стихаря*, составляющаго, какъ увидимъ ниже, на Востокѣ и доселѣ *исключительную принадлежность иподіаконовъ и діаконовъ*, а не низшихъ клириковъ. У насъ въ практикѣ, какъ мы уже имѣли случай сказать выше, употребленіе стихаря не чуждо злоупотребленій и даже профанаціи. Въ стихаряхъ, сдѣланныхъ изъ той же парчи, какъ и священныя облаченія архіерея, священника и діакона, стоятъ за богослуженіемъ не только неканоническіе чтецы и пѣвцы, т. е., не посвященные въ стихарь, и монастырскіе послушники, но даже мальчики-пѣвчіе, такъ называемые *исполматчики*, примикирій, „носящій лампаду велику возжену“, и жезлоносець. Благолѣпіе церковное, конечно, этимъ достигается, но вмѣстѣ съ этимъ, несомнѣнно также, унижается и священная важность

¹⁾ Тамъ же, стр. 691—692.

стихаря, уничтожается различіе между каноническими чтецами и неканоническими, каковы, и. д. псаломщика и вольнонаемные пѣвцы и чтецы, и парализуется стремленіе у немѣющих стихаря добиваться и стремиться къ полученію его законнымъ образомъ. Въ виду этого нельзя не пожелать, чтобы стихари для послѣднихъ лицъ изготовлялись изъ матерій отличныхъ отъ матерій, изъ какихъ шьются церковныя облаченія діакона, священника и архіерея. Вполнѣ подходящими и приличными для храма Божія могутъ быть матеріи тонкія льняныя, шерстяныя и даже шелковыя, цвѣтовъ—бѣлаго, багрянаго или пурпуроваго, краснаго, зеленаго и чернаго, смотря по времени года и по обстоятельствамъ, при какихъ совершается то или иное богослуженіе. Эти стихари и будутъ вполнѣ напоминать *камисіи* древне-греческой церкви, присвоенные низшимъ клирикамъ, и *стихари*, надѣваемые на дѣтей и „богосцевъ“ на всемъ православномъ Востоку въ настоящее время. Въ этомъ случаѣ наша практика останется вѣрна и традиціямъ нашей старины глубокой, допускавшей въ практику стихари и для лицъ, не имѣющихъ законнаго права надѣвать ихъ, но необходимыхъ при нѣкоторыхъ богослуженіяхъ. Такъ, напр., три пѣвца: *демественникъ*, *вершникъ* и *нижникъ*¹⁾, изображавшіе „въ чинѣ пѣщнаго дѣйства“, который практиковался у насъ до XVII в., трехъ отроковъ еврейскихъ Ананію, Мисаила и Азарію, предъ началомъ „дѣйства“ облачались въ стихари изъ „тонкова полотна“, съ „оплечьями“ и „перерукавьями“ на нихъ „изъ бархатѣи цвѣтныя травчатые“, съ „источниками“ изъ „тасемъ“ и съ „подпушкою“ изъ „каршенины“²⁾. Такіе стихари-камисіи желательно нынѣ видѣть и на тѣхъ лицахъ, которыя принимаютъ

¹⁾ Пр. К. Т. Никольскій. О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. СПб., 1885, стр. 194, 195.

²⁾ Н. Суворовъ. Описаніе вологодскаго кафедральнаго Софійскаго собора. М. 1863, стр. 136.

участіе въ крестныхъ торжественныхъ ходахъ, изъ усердія и религіозности нося кресты, иконы и хоругви, и получили у насъ въ народѣ наименованіе „богоносцевъ“. Дѣйствительно, прикосновеніе къ святыни требуетъ отъ прикасающихся чистоты особенной даже и въ одѣяніи, „дабы, какъ выражается Симеонъ Солунскій, не прикасаться къ чему либо изъ предметовъ священныхъ, въ одеждахъ мірскихъ, въ которыхъ прикасаются и къ потребностямъ тѣлеснымъ“¹⁾. Благословеніе для облаченій въ подобные стихари-камисин, помимо архіерея, могутъ давать, согласно канонамъ (пр. 14 собора 7 всел.), въ монастыряхъ архимандриты и игумены, а въ сельскихъ храмахъ благочинные, замѣнившіе древнихъ хорепископовъ.

Обычнымъ началомъ всякаго чина и чтеніемъ тропарей апостоламъ и тремъ вселенскимъ учителямъ св. І. Златоусту, Василию Великому и Григорію Богослову съ богородичнымъ начинается уже „чинъ поставленія въ чтеца²⁾ и пѣвца“ въ собственномъ смыслѣ. „Архіерей, по словамъ Симеона Солунскаго, постригаетъ власы на главѣ посвящаемаго крестообразно, произнося надъ нимъ божественное и страшное имя Троицы, отъ которой (происходитъ) всякое священнодѣйствіе и таинство. И, во-первыхъ, постригая власы на вершинѣ главы, говоритъ: „Во имя Отца“, потомъ у чела, говоритъ: „И

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 396: Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 241.

²⁾ Въ нашемъ Архіератиковѣ нѣтъ собственно чина поставленія въ пѣвца, и самое надписаніе остается какъ-бы безъ отвѣта. Въ современномъ же греческомъ чинѣ поставленія въ это званіе упоминается по крайней мѣрѣ о врученіи Псалтири посвященному, который потомъ и поетъ прокимень. Но въ древнихъ евхологіяхъ греческой церкви и для этого чина (Τάξις ἐπὶ προχειρίσει ψάλτου) существуетъ специальная молитва, въ которой архіерей проситъ о посвящаемомъ въ это званіе: „просвѣтити его *пѣти тебѣ сладостно, духовныя пѣсни предназначити*“ (Goar. Εὐχολογ., pag. 195). И Симеонъ Солунскій, перечисляя обязанности, какія долженъ исполнять чтець, говоритъ и о томъ, что онъ „предназначаетъ божественныя нѣсни для поющихъ, т. е. канонаршитъ“. (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 365; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 212).

Сына“, потомъ съ боку, на правой сторонѣ главы, говорить: „И святого Духа“, потомъ опять съ боку, съ лѣвой стороны главы, совершая, такимъ образомъ, крестъ, говорить: „*Всегда нынѣ и присно*“, а всѣ предстоящіе, при каждомъ воззваніи, произносятъ: „Аминь“, исповѣдуя и вмѣстѣ подтверждая совершаемое архіереемъ. Постриженіе власовъ означаетъ посвященіе, потому что власы суть какъ-бы цвѣтъ всего тѣла, и выражаетъ то, что отъ человѣка приносятся Богу начатки. Крестообразно постригаются они ради Иисуса, потому что Онъ, воплотившійся и распятый, совершаетъ посвященіе. Во имя же Троицы потому, что создатель и совершитель всего есть Троица—единный Богъ“ ¹⁾).

По постриженіи волосъ, архіерей возлагаетъ на посвящаемого „краткій фелонь“, который Симеонъ Солунскій считаетъ „особой одеждою, присвоенной чтецу“, одеждою, „означающей начало священства“ ²⁾ (τὴν ἀπαρχὴν τῆς ἱερωσύνης), а потому и краткой“. „Онъ, по объясненію его, бываетъ или багряный, по подобію багряной одежды Спасителя, или бѣлый ради чистоты свя-

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 365; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 210.

²⁾ Краткая фелонь надѣвалась не только низшими клириками—чтецами и пѣвцами, но иногда и діаконами, на которыхъ возлагались патриархомъ тѣ или иные обязанности или должности и которые назывались *ставрофорами* и архонтами Великой Церкви (Опис. литург. ркл., находящ. въ библ. на прав. Востокѣ, т. II, Εὐχολογ., стр. 319). Codin въ „De officiis“ даетъ намъ и объясненіе причинъ этого обычая и указываетъ, какъ эти фелони носятъ діаконы или архидіаконъ (Mign. Patrol. Curs. completus, t. 157, col. 84). Нужно полагать, что это священное облачение выродилось изъ той верхней одежды—φαινώλης, φαινώλιον, *roenula*, *plana*, *casula* (Христ. Чтен. 1898, т. CCVI, ч. I, стр. 162),—сдѣланной изъ толстой грубой матеріи (*gausape*) и даже кожи, которая защищала тѣло человѣка и даже нижній костюмъ его отъ дождя и снѣга (тамъ же, стр. 163). По формѣ она представляла родъ круглаго плаща, не распашнаго, надѣвавшегося черезъ голову, съ капишономъ и безъ него (Вейсъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. М. 1877 т. I, стр. 268; Marriott. Vestiarum christianum. Lond. 1868, pag. LX—LXVI). Очевидно, *фелонь* апостола Павла (2 Тим. IV, 13) относится къ этому роду

щенства и просвѣщенія отъ Бога¹⁾. Одѣяніе это, какъ равно и другія священныя одѣянія, украшалось крестами и, какъ нужно полагать, не только сзади, но и по плечамъ, потому что крестъ, по Симеону Солунскому, нашивался даже на подрясникахъ на спинѣ и на рукавахъ²⁾. Фелонъ эта надѣвалась на шею, чтобы показать, по толкованію того же литургиста, что посвящаемый на служеніе Богу „вступилъ подъ ярмо священства и находится подъ покровомъ Божиимъ“³⁾. Фелонъ краткую вмѣстѣ съ бѣлымъ стихаремъ или „бѣлою ризицею“ носили у насъ въ Россіи, по образцу греческому, всѣ чтецы и пѣвцы вплоть до XVIII столѣтія, когда имъ былъ присвоенъ и стихарь. О „бѣлой ризицѣ“ и „малой ризицѣ, яже глаголется греческимъ языкомъ *διφφερα* или фелонъ“, какъ о неотъемлемой принадлежности каноническихъ чтецовъ и пѣвцовъ, безъ коей они не имѣли права „ни пѣти, ни чисти на амвонѣ или божественнаго словесе людемъ почитати“, гово-

одеждь. Фелони дѣлались изъ льна (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 396, ἐξ λινοῦ), или изъ шелковой матеріи (μετὰ φαίνωλίου μεταξωτοῦ. Описан. литург. рки., хранящ. на прав. Вост., т. I, ч. I, Толкиа, стр. 166), цвѣтовъ бѣлаго (Mign. Patrol., t. 112, col. 1381, 1401), багрянаго (πορφυροῦν, ibid., col. 396) и др. Можно думать, что фелонъ иногда устроилась и изъ кожъ, чему подтвержденіемъ можетъ служить толкованіе канониста Аристіна на 15 прав. лаодикійскаго собора, гдѣ выраженіе: ἀπο διφφέρας, правильно, и по нашему мнѣнію, переводить „въ фелоняхъ“, чѣмъ „по книгѣ“, какъ переведено оно у насъ нынѣ (Дѣян. девяти помѣсти. соборовъ. Каз. 1878, стр. 51). Такой переводъ дастъ большую выразительность и ясность настоящему правилу, въ которомъ противопоставляются *κλιрики покуюше въ фелоняхъ* и на амвонѣ „другимъ какимъ-либо лицамъ“, способнымъ вполне пѣть *по книгѣ*. Этимъ матеріаломъ указывалось какъ бы на тѣ тѣсноты и озлобленія, какимъ подвергаются и подвергались проповѣдники Слова Божія и служители Церкви Христовой (Евр. XI, 37).

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 396; Писан. отц. и учит. ц., II, стр. 242.

²⁾ Σταυροῦ δὲ τόπον ἐπέχει τῇ μῆκει τε καὶ τοῖς μανίχίοις... Λοιπὰ ζωνήθη φορέματα πάντα σταυρὸν ἐκτυποῦντα, ὡς καὶ αὐτὸ τὸ σκιάδιον, ἐπει καὶ τοῦ ἐσταυρωμένου οἱ ἡμᾶς εἰσι λειτουργοί. Mign. Patrol. Cursus complet. t. 155, col. 396.

³⁾ Ibid., col. 365; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 211.

рить нашъ митрополитъ Кирилль II въ правилахъ владимір-скаго собора 1274 года ¹⁾ и въ святительскомъ поученіи къ новопоставленному священнику ²⁾. Всѣ известныя чины поставленія въ чтеца и пѣвца, какъ наши древне-славянскіе, такъ и южно-славянскіе ³⁾, говорятъ только объ одной „краткой фелони“, умалчивая совершенно о стихарѣ, появившемся въ нашемъ чинѣ въ первый разъ въ Архіератиконѣ 1677 года.

Возложеніе руки епископа на голову постриженнаго чтеца и одѣтаго въ малую фелонь, при чтеніи второй, въ собственномъ смыслѣ совершительной, молитвы, по объясненію Симеона Солунскаго, есть видимый „знакъ покровительствующей силы Божіей и сообщенія благодати“ (μεταδίδωσι χάριτος) ⁴⁾.

Вторая молитва, составляющая главную и неотъемлемую принадлежность „чина на поставленіе чтеца и пѣвца“ всѣхъ известныхъ доселѣ памятниковъ литургическихъ отъ древнѣйшаго времени до нашихъ дней, заключаетъ въ себѣ въ дѣйствительности всю силу и важность разсматриваемаго чинопослѣдованія. Въ ней архіерей проситъ Господа вседержителя, чтобы Онъ посвящаемаго въ чтеца, какъ избраннаго своего, *освятитъ* его и даровалъ ему со всякою премудростію и разумомъ совершать поученіе (τὴν μελέτην) и чтеніе (τὴν ἀναγνώσιν) *Божественныхъ Писаній* (τῶν θείων λογίων σου) въ храмѣ Божіемъ“. Въ знакъ этого, разгибая на головѣ посвящаемаго книгу Апостолъ, даетъ ему эту книгу въ руки и повелѣваетъ сейчасъ же предъ народомъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Въ древнихъ чинахъ посвященій въ чтеца дѣлалось со стороны епископа слѣдующее весьма

¹⁾ Русск. истор. библ., т. VI, СПб. 1880, стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стр. 105.

³⁾ Н. Однцовъ. Порядокъ обществ. и частн. богослуж. въ древней Россіи до XVI в. СПб. 1880, стр. 157 и мое изслѣдованіе: „Богослуж. въ русской церкви въ XVI в.“, ч. I, Каз. 1884, стр. 354 и црим. 2.

⁴⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 365; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 214.

выразительное и приличное случаю наставленіе: „Пріими сію книгу святыхъ апостолъ и ветхаго завѣта Божественныхъ Писаній (т. е. Псалтирь) и прочіихъ церковныхъ чтеній и буди отсель *·σὺδὲ σεβὲς ἰμυυαὶς ἐκ τῆς ἐξουσίας ἐκαστοῦ* разумомъ и премудростію, ничтоже прилагая или отъемле, яко Божія Словеса со страхомъ чести въ церкви и въ разумѣніе и въ пользу себѣ и всѣмъ слышащимъ“¹⁾.

Чинъ поставленія въ чтеца и пѣвца на этомъ и оканчивается во всѣхъ древнихъ памятникахъ греческихъ и нашихъ славяно-русскихъ. Все дальнѣйшее есть особенность нашей русской богослужебной практики, сдѣлавшейся достояніемъ ея лишь съ 1677 года, когда Чиновникъ архіерейскій, по указанію патріарха Іоакима (1674—1690), подвергся пересмотру и исправленію со стороны извѣстнаго справщика старца Евимія. Въ этомъ случаѣ воспользовались на московскомъ печатномъ дворѣ извѣстнымъ въ наукѣ Евхологіемъ Якова Гоара († 1653 г.), позаимствовавъ конецъ чина изъ послѣдованія подъ заглавіемъ: „Ἀκολουθία εἰς ἀναγνώστην“²⁾, которое было найдено этимъ ученымъ въ рукописномъ евхологіѣ XIII в. (правильнѣе XVI в.) не менѣе извѣстнаго литургиста XVI в. Льва Алліція, и сдѣлавши въ немъ нѣкоторыя дополненія и сокращенія.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

¹⁾ Ркп. XVI в. моей библ. л. 42.

²⁾ Εὐχολ. Goar., pag. 197.

Примѣры добрыхъ пастырей Русской Церкви.

(продолженіе ¹⁾).

На своемъ новомъ мѣстѣ, въ Макарьевскомъ приходѣ, о. Сунгуровъ съ прежнимъ рвеніемъ занимался пастырской и законоучительской дѣятельностію въ разныхъ народныхъ училищахъ и даже открылъ школу въ своемъ Макарьевскомъ приходѣ. Но не долго ему пришлось здѣсь законоучительствовать и пастырствовать. Высокопр. Палладій указомъ отъ 21 янв. 1885 г. переводитъ его „ради пользы службы“ въ самую Казань къ Варлаамской церкви. Здѣсь *стойкому въ своихъ убѣжденіяхъ С. Θ. пришлось столкнуться съ многими людьми, слишкомъ узко понимавшими обязанности священника и церковныя постановленія.* Всегда и твердо преслѣдуя одну лишь правду, свято исполняя свои пастырскія обязанности, онъ вскорѣ вооружилъ противъ себя *церковныхъ старостъ,* которые стремились распоряжаться церковнымъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ. Наконецъ, измученный возникшей борьбой и непріятностями со стороны раздраженныхъ его вмѣшательствомъ враговъ, онъ переходитъ въ 1890 году къ Ильинской церкви г. Казани. Въ приходской Ильинской церкви ютились въ то время разные отбросы общества. Почившій, свято исполняя свой пастырскій долгъ, открыто выступилъ на борьбу съ царившимъ тутъ *пьянствомъ и развратомъ,* и—небезуспѣшно. Но это возбудило въ содержателяхъ питейныхъ заведеній и притоновъ разврата непримиримую къ нему злобу, и они всѣми силами старались противодействовать ему и своими грубыми выходками и несправедливыми клеветами наносили ему одну душевную рану за другой. Эта непрерывная борьба съ людьми, дѣйствовавшими по своекорыстнымъ побужденіямъ, разстроило его нѣкогда крѣпкое здоровье и съ нимъ въ 1893 году случился *первый нервный ударъ,* заставившій его пролежать въ постели четыре мѣсяца. Оправившись

¹⁾ См. № 42 за 1901 г.

отъ удара, онъ, оставаясь настоятелемъ Ильинской церкви, съ прежнею энергіею продолжалъ свою дѣятельность. Это еще болѣе раздражило прежнихъ его недруговъ и они начали дѣйствовать съ удвоенной силою и грубостью. Между тѣмъ физическія силы стойкаго пастыря были уже не прежнія. Случившійся черезъ два года, вслѣдствіе новой ожесточенной борьбы, *второй нервный ударъ* совершенно обезсилилъ С. Θ., и онъ рѣшилъ отказаться отъ прихода, и, хотя епархіальное начальство отклоняло его отъ этого, но онъ, ослабѣвъ физически и не желая быть уже только пассивнымъ зрителемъ всѣхъ злоупотребленій и дразгъ въ приходѣ, остался при своемъ рѣшеніи и вышелъ 15 октября 1897 года въ заштатъ.

Среди этихъ житейскихъ невзгодъ и душевныхъ терзаній онъ находилъ отдыхъ въ своей, прекрасно поставленной *семьѣ*, среди родныхъ и массы, благодаря своей общительности, знакомыхъ. Ободряли его и казанскіе архипастыри: Высокопреосв. Архіеп. Павелъ, Владиміръ и въ особенности Преосв. Антоній, Епископъ Чистопольскій, управлявшій въ то время епархіею,—сердечнымъ словомъ утѣшенія. Не смотря на хитросплетенность всѣхъ злостныхъ козней его враговъ и частые на него нападки ихъ, всегда открывалась лживость всего, взводимаго ими на С. Θ. Поэтому, не смотря на все это, почившій до самой своей смерти продолжалъ пользоваться полнымъ довѣріемъ и вниманіемъ своего епарх. начальства.

Отказавшись въ 1897 году отъ прихода, С. Θ. не оставилъ однако своей законоучительской дѣятельности. До самой своей смерти онъ состоялъ законоучителемъ въ двухъ городскихъ училищахъ: XI и въ XX-мъ. Почившій въ высшей степени любилъ „законоучительство“ и строго и добросовѣстно всегда исполнялъ свои обязанности. Разбитый параличемъ, лежа на одрѣ тяжелой болѣзни, онъ не переставалъ думать объ урокахъ по Закону Божію и почти отнявшимися, въ первое время болѣзни, языкомъ самъ отдавалъ порученіе по-

заниматься за него въ училищахъ. Какъ законоучитель, онъ не формально относился къ преподаванію, но вкладывалъ въ него всю свою душу и старался о развитіи слушающихъ. Мѣткіе отвѣты его ученицъ и учениковъ на публичныхъ экзаменахъ всегда пріятно поражали присутствующихъ на нихъ и почившій заслуженно пользовался славой образцоваго законоучителя и лестнымъ вниманіемъ всѣхъ посѣщавшихъ его уроки попечителей учебнаго округа и прочихъ, имѣвшихъ надзоръ за преподаваніемъ. А на одномъ изъ публичныхъ экзаменовъ въ XX училищѣ, справедливо считающемся образцовымъ по прекрасной постановкѣ дѣла, Высокопреосв. Павелъ, въ присутствіи вышшаго учебнаго и городского начальства и публики, поцѣловалъ С. Θ. и публично въ сердечныхъ выраженіяхъ выразилъ ему свое удовольствіе и благодарность за ревностное и усѣбное преподаваніе Закона Божія, что для растроганнаго законоучителя было лучшей наградой за его неутомимые труды. Въ высшей степени любя свой предметъ— Законъ Божій и вкладывая въ преподаваніе его свою душу, почившій не менѣе любилъ и дѣтей, которымъ преподавалъ. Не смотря на нѣкоторую иногда раздражительность С. Θ., благодаря разившейся въ немъ за послѣдніе годы первозности, не смотря на строгое требованіе основательнаго знанія отъ учащихся, послѣдніе чувствовали дѣтскимъ своимъ сердцемъ, что подъ наружной суровостію ихъ батюшки скрывается любящее ихъ сердце, что вспыльчивость его всегда быстро проходитъ и снова онъ становится добродушень, ласковъ со всѣми и, какъ всегда, безусловно безпристрастенъ. Поэтому они искренно любили его, хотя и боялись. Особенно любовь къ нему и глубокое уваженіе ихъ и его сослуживцевъ— учительницъ выразилась по кончинѣ его. Въ продолженіе двухъ дней на всѣхъ почти панихидахъ можно было видѣть ученицъ и учительницъ, горячо и съ горькими слезами молившихся объ упокоеніи его души.

Кончина С. Θ. была для всѣхъ совершенно неожиданною. Въ день смерти, 17-го марта, онъ, еще бодрый, заня-

мался въ ХХ училищѣ и никто не могъ даже предполагать, что онъ въ этотъ день въ послѣдній разъ бесѣдовалъ со всѣми! Въ 8^{1/2} ч. онъ испустилъ духъ! Смерть послѣдовала отъ изліянія крови въ мозгъ. Кончина совершилась быстро, тихо и безболѣзненно.

Отпѣваніе почившаго, послѣ преждесвященной литургии, совершилъ, по своему желанію, къ утѣшенію благодарной осиротѣвшей семьи, *Преосв. Антоній, Еп. Чистопольскій*, въ сослуженіи трехъ протоіереевъ, 13 священниковъ и нѣсколько діаконовъ. Соборъ далеко не могъ вмѣстить всей массы желающихъ помолиться о почившемъ, и много народа, особенно его ученицъ, помѣщалось на оградѣ, въ ожиданіи погребенія: впрочемъ часть ученицъ стояла и въ церкви съ правой стороны гроба. Отпѣваніе, трогательное и умиленное вообще по своимъ пѣснопѣніямъ, отличалось задушевною: особенно выразительное чтеніе Преосвященнымъ и священниками икосовъ глубоко проникало въ душу и сердце каждаго присутствовавшего. Антифоны же пѣлись, по желанію Преосв. Антонія, для большаго благолѣпія многочисленнымъ хоромъ оо. діаконовъ. Между рѣчами замѣчательно *прекрасное слово Преосв. Антонія* съ характеристикой почившаго о. протоіерея, какъ пастыря, какъ строгаго ревнителя и защитника правды, „отчего не мало было у него недруговъ, содѣйствовавшихъ его преждевременной смерти, которые могли бы теперь возрѣть нань, его же прободоша.

„Наше время, говорилъ Преосвященный, мало цѣнитъ ревнителей правды, а восхваляетъ гуманность и снисхожденіе. Все это было бы хорошо, если бы такими словами не прикрывались въ пастырской дѣятельности маловѣріе и равнодушіе къ церкви. Хорошо снисхожденіе, если оно оказывается ревнителями церковнаго строя, но таковыхъ теперь очень мало среди насъ. Посему видѣть ревность усопшаго настоятеля храма было весьма назидательно и мірянамъ и пастырямъ церкви. Правда, эта ревность, возбудивъ непримиримую ненависть недобрыхъ людей, разстроила душевный миръ и тѣ-

лесное здоровье іерея Божія настолько, что онъ рѣшилъ за-
 благовременно оставить приходъ, не смотря на всегдашнюю
 поддержку, которую ему оказывали церковныя власти, но сра-
 женный врагами правды во внѣшнемъ отношеніи, онъ остался
 непобѣдимымъ въ своемъ ратованіи за христіанскую добродѣ-
 тель, и теперь предлежитъ намъ, какъ исповѣдникъ истины.
 Много горя испыталъ почившій среди недоброжелателей ны-
 нѣшняго времени, твердо слѣдуя путемъ, намѣченнымъ для
 пастыря самимъ Пастыреначальникомъ! Будемъ надѣяться,
 что терпѣливое и безропотное перенесеніе житейскихъ невзгодъ
 и душевныхъ огорченій уготовило ему блаженство“ (Изв. по
 Казан. Епар., 1900 г., № 9).

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 26 октября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, ноября 4-го.

Содержаніе: Изъ замѣтокъ о храмѣ.—Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).— Христіанинъ долженъ дѣятельно бороться со зломъ.—Замѣтка.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ХРАМѢ.

1. *Вопросъ о значеніи храма въ русской художественной литературѣ.*

Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!

Псал. 83, 1.

Едино просихъ отъ Господа, то възшу: еже
жити ми въ дому Господни вся дни живота моего,
зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ
святый его.

Псал. 26, 4.

Въ статьѣ „Изъ литературы и жизни“, помѣщенной въ 4-ой книжкѣ журнала „Вѣра и Церковь“ за текущій годъ, г. П. Ал—скій съ глубокою скорбью отмѣчаетъ фактъ отчужденія нашей интеллигенціи отъ церкви, выражающійся— между прочимъ—въ равнодушномъ отношеніи ея къ средоточію малой церкви—прихода—храму. Тамъ сообщается о

томъ, какъ одинъ изъ нашихъ интеллигентныхъ соотечественниковъ, почитатель Некрасова, вздумалъ совершить „паломничество“ въ родовое село послѣдняго (въ ярославской губерніи). Отъ пароходной пристани пришлось итти пѣшкомъ. Дѣло было въ субботу вечеромъ. Навстрѣчу нашему паломнику то и дѣло попадались крестьяне: они шли въ монастырь ко всенощной. Это обстоятельство вызвало въ душѣ нашего образованнаго паломника мечты о томъ времени, когда крестьяне будутъ итти въ одномъ направленіи съ интеллигентами—не въ монастырь, а въ родовое село Некрасова, какъ будто нельзя совмѣстить глубокаго религіознаго чувства съ искреннимъ уваженіемъ къ „печальнику горя народнаго!“ Совмѣщать же эти чувства Достоевскій, почтившій память Некрасова превосходной статьей въ „Дневникѣ писателя“... Передавая мечты нашего паломника—интеллигента, г. П. Ал—скій справедливо замѣчаетъ, что наши выдающіеся поэты (въ томъ числѣ и Некрасовъ) высоко ставили значеніе храма: въ русской поэзіи много превосходныхъ страницъ, навѣянныхъ впечатлѣніями православно-русскаго храма и ярко отмѣчающихъ его значеніе для русскаго народа. Въ настоящій разъ мы хотѣли бы напомнить читателямъ нѣкоторые изъ этихъ страницъ.

Вотъ встаетъ предъ нами привѣтливый,—можно сказать, чарующій образъ поэта-идеалиста *Жуковскаго*, связывающаго собою два вѣка—восемнадцатый и девятнадцатый. Гдѣ бы онъ ни находился—въ своемъ ли родномъ захолустномъ Бѣлевѣ или въ царскомъ дворцѣ,—онъ всегда тяготѣлъ къ небу, съ его чистыми и прочными радостями, онъ дышалъ мечтами о небѣ, и хотя въ этихъ мечтахъ было много туманнаго, неопредѣленнаго, все же въ нихъ ясно сказывается *христіанское* настроеніе поэта. Можно ли допустить, чтобы его кристальному сердцу были недоступны чистыя впечатлѣнія христіанскаго храма? Въ христіанскомъ ученіи о загробной жизни поэтъ искалъ утѣшенія среди тѣхъ тяжелыхъ потерь, которыя выпали на его долю; такъ и въ храмѣ онъ искалъ—и

находились—отрады среди житейских скорбей и тревоженій. Хотя и много выпало горя на долю бѣдняка („Пѣсня бѣдняка“), однако онъ не падаетъ духомъ: „его печаль въ тиши“, это—тихая христіанская грусть. Онъ говоритъ:

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.
Въ селеніи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю
И, слыша благовѣсть, съ Тобой,
Создатель говорю.
И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ:
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Хоть это стихотвореніе и взято изъ Улянда (нѣмецкій поэтъ), но въ немъ—весь Жуковскій, проникнутый тихой христіанской грустью.

Рядомъ съ Жуковскимъ стоятъ его ученикъ-побѣдитель и искренній другъ *Пушкинъ*. Онъ—моложе своего друга по возрасту (хоть и умеръ значительно раньше его), но больше и по размѣрамъ своего таланта, и по вліянію на послѣдующую русскую литературу: это—основатель русскаго художественнаго реализма. Пушкинъ гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ Жуковскій. По самой своей натурѣ страстный, увлекающійся, „неумичивый“, онъ порою совсѣмъ забывалъ о небѣ, отдаваясь мутнымъ земнымъ наслажденіямъ; но за то съ какою тяжелою скорбію вспоминалъ онъ о своихъ нечистыхъ увлеченіяхъ! Вспомнимъ рыдающіе звуки его „Воспоминанія“:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
 И на нѣмыя стогны града
 Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
 Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
 Часы томительнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйствіи почномъ живѣй горять во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенья;
 Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжелыхъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно надо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ:
 И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклинаю,
 И горько жалуясь и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы...
 И нѣтъ отрады мнѣ...

Кто умѣлъ такъ рыдать надъ своими душевными ранами,
 тотъ не могъ не порываться къ небу. И Пушкинъ порывался.
 Вотъ онъ, проѣзжая по Кавказу, видитъ монастырь на вер-
 шинѣ одной горы, и подъ впечатлѣніемъ этой картины про-
 будается въ его душѣ дремавшее въ ея тайникахъ стремле-
 ніе туда—за предѣлы этого міра, въ область высочайшаго
 добра и правды:

Туда бѣ, сказавъ „прости“ ущелью,
 Подняться къ вольной вышинѣ;
 Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

А въ другой разъ нашъ поэтъ съ умиленіемъ вспоми-
 наетъ о той молитвѣ, которую „священникъ повторяетъ во

дни печальные великаго поста“: это—молитва св. Ефрема Сирина. Такъ впечатлѣнія, шедшія отъ церкви, создавали возвышенное настроеніе въ душѣ поэта, порою, „въ часы забавъ или празднои скуки“, ввѣрившаго своей лирѣ „изнѣженные звуки забавъ, нѣги и страстей“. Не мудрено поэтому, что Пушкинъ считалъ храмъ и при немъ школу важнѣйшими факторами въ просвѣщеніи нашего народа; не мудрено, что онъ мечталъ о построеніи храма въ честь Вознесенія Господня чѣ своей псковской деревнѣ—Михайловскомъ.

Нѣсколько иной оттѣнокъ носить любовь къ православно-русскому храму у *Грибоѣдова*, въ душевномъ строѣ котораго развитой образованіемъ умъ занималъ главное мѣсто: для него церковь была дорогá, какъ такое мѣсто, въ которомъ объединяются представители различныхъ слоевъ русскаго общества. „Только въ храмахъ Божіихъ,—говаривалъ онъ,—собираются русскіе люди; думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви въ отечествѣ, въ Россіи. Меня приводятъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Дмитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе одушевляло набожныя души. Мы русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ“. И Грибоѣдовъ любилъ ходить въ церковь ¹⁾.—Даже мятежная душа *Лермонтова*—и та смирялась при соприкосновеніи съ церковной атмосферой:

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой:—
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой,—

Эти строки, какъ и лермонтовская молитва, хорошо знакомы намъ съ дѣтскихъ лѣтъ... Про *Гююля* не говоримъ: онъ всю свою жизнь прожилъ въ тѣсномъ единеніи съ церковью. То же надо сказать и о *Достоевскомъ*. Иное дѣло—*Тургеневъ*.

¹⁾ Пышинъ А. Н.—Ист. русск. литер., Сиб. 1899, IV, 309.

Антиподъ Достоевскаго по основамъ своего теоретическаго міро-соверщанія, авторъ „Записокъ охотника“,—по его собственнымъ словамъ,—былъ чуждъ „ортодоксіи“¹⁾, но это не помѣшало ему создать граціозный, чарующій образъ дѣвушки, которая вся жила въ Богѣ: это—Лиза Калитина. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если тѣ мѣста „Дворянскаго гнѣзда“, гдѣ изображается молитва Лизы подѣ сѣнію храма, отнесу къ лучшимъ страницамъ романа. „На другой день (послѣ прїѣзда въ городъ) Лаврецкій,—читаемъ въ гл. XXXI,—отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась; тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,—и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладана, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ—все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ, онъ безъ словъ, даже не молился, но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это,—думалъ онъ тогда,—ангель-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу... Она всё такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, себѣ—прощенія“. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, Лаврецкій снова пошелъ въ церковь къ обѣднѣ. Было воскресенье. „Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дячекъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно

¹⁾ Письма И. С. Тургенева. Спб. 1884. Стр. 252.

гудѣлъ, то упавая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на все стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капюшономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась; ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ кобота и медленно и крѣпко клала большой широкой крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждаго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всехъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него... „Сынъ померъ“, произнесъ онъ скороговоркой,—и снова принялся класть поклоны... „Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви“,—подумалъ Лаврецкій... Для нихъ ли только?—добавимъ отъ себя: развѣ образованному человѣку не приходится переживать такихъ минутъ, когда въ обычной, земной обстановкѣ онъ не находить утѣшенія? „Вотъ оскорбилъ меня человѣкъ; оскорбленія эти часто бываютъ незначительныя, но иногда кровавыя; люди съ обидчикомъ моимъ меня не разсудили. Куда итти? къ кому прибѣгнуть? Къ кому же больше?—къ Господу Богу. Куда же больше?—во храмъ святой Его. Тутъ Онъ меня услышитъ, и разсудитъ, и защититъ... Нѣсть человѣкъ,—говоритъ премудрый Соломонъ,—который поживетъ и не согрѣшитъ. И такъ устроено мое сердце, что когда сдѣлалъ я грѣхъ, оно бьетъ великую и мучительную тревогу. Къ кому обратиться здѣсь съ воплемъ покаянія? Къ Богу милостивому. Гдѣ вопить къ Нему: согрѣшихомъ, беззаконовахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою; ниже соблюдохомъ, ниже сотвори-

хомъ, якоже заповѣдалъ еси намъ но не предаждь насъ врагамъ нашимъ и грѣхамъ нашимъ до конца, отцевъ Боже! Гдѣ?—во храмахъ Божіихъ... Грѣхи наши грызутъ насъ за сердце; люди другъ друга обижаютъ,—гдѣ пристанище многими скорбями терзаемому человѣческому духу? Гдѣ ограниченному мѣстомъ человѣку искать Бога вездѣсущаго? Здѣсь—во храмѣ. Тутъ, по обѣтованію Его, очи Его, и уши Его, и сердце Его во всѣ дни. Сюда приходи, бѣдный человѣкъ, и вопи: Боже! здѣсь Ты—услышь молитву мою и вопль мой... И еще не успѣешь ты воззвать,—Онъ уже провѣщаетъ сердцу твоему: вотъ Я, здѣсь Я,—говори, что тебѣ нужно...“¹⁾ А вотъ художественная иллюстрація къ этимъ словамъ вдохновеннаго проповѣдника (изъ романа *Гончарова* „Обрывъ“): „Между рощей и проѣзжей дорогой стояла въ сторонѣ, на лугу, уединенная деревянная часовня, почернѣвшая и полуразвалившаяся, съ образомъ Спасителя, византійской живописи, въ бронзовой оправѣ. Икона почернѣла отъ времени, краски мѣстами облупились: едва можно было разсмѣтрѣть черты Христа: только вѣки были полуоткрыты и изъ-подъ нихъ задумчиво глядѣли глаза на молящагося, да видны были сложенные въ благословіе персты... Райскій подошелъ по травѣ къ часовнѣ. Вѣра не слыхала. Она стояла къ нему спиной, устремивъ сосредоточенный и глубокій взглядъ на образъ. На травѣ у часовни лежали соломенная шляпа и зонтикъ. Ни креста не слагали пальцы ея, ни молитвы не шептали губы, но вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыханіе и не мигающій, устремленный на образъ взглядъ—все было молитва“. Въ молитвѣ она искала разрѣшенія той смуты, которая овладѣла ея молодою душой, и если гдѣ она отдыхала нравственно, такъ это—въ той ветхой часовнѣ, предъ потемнѣвшимъ ликомъ Христа...

Объ интимной сторонѣ духовной жизни *Некрасова* мало извѣстно, хотя со времени его кончины прошло почти чет-

¹⁾ Поученія Никанора, архіепископа Херсонскаго. Т. IV. Изд. 2. Одесса. 1890. Стр. 355—356.

верть вѣка; однако едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и онъ—подобно Тургеневу—не былъ близокъ къ „ортодоксіи“. Тѣмъ не менѣе впечатлѣнія православно-русскаго храма затронули его душу и отразились въ его поэзіи. Въ этой поэзіи, не чуждой мѣстами фальшивыхъ звуковъ, глубоко и искренне звучать два мотива—любовь къ родной странѣ, къ родному народу и любовь къ матери. Оба мотива тѣсно связаны съ теплыми воспоминаніями о храмѣ. Въ 1857 г., вскорѣ послѣ окончанія севастопольской войны, Некрасовъ написалъ свое превосходное стихотвореніе „Тишина“. Могучее, неотразимое впечатлѣніе произвела на поэта—по возвращеніи изъ-за границы—родная сторона,—ея рѣки, поля, лѣса, деревни, Божіи храмы.

Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
„Войди съ открытой головой!
„Храмъ воздыханья, храмъ печали—
„Убогій храмъ земли твоей:
„Тяжеле стоновъ не слышали
„Ни римскій Петръ, ни колизей!
„Сюда народъ, тобой любимый,
„Своей тоски неодолимой
„Святое бремя приносилъ—
„И облегченный уходилъ!
„Войди! Христось наложитъ руки
„И сниметъ волею святой
„Съ души—оковы, съ сердца—муки
„И извы—съ совѣсти больной!“

Такъ и въ храмѣ слышались „печальнику горя народнаго“ стоны его родного народа, но тамъ же думалъ онъ

найти и исцѣленье своихъ душевныхъ язвъ, и—не напрасно...
 Года три спустя, Некрасовъ написалъ одно изъ самыхъ искреннихъ своихъ произведеній: „Рыцарь на часъ“. Оно продиктовано поэту воспоминаніемъ объ его страдалицѣ-матери, рано покинувшей этотъ свѣтъ. Трудно вспоминать о могилѣ, не вспоминая о храмѣ. Поэтъ говоритъ:

Въ сторонѣ отъ большихъ тородовъ,
 Посреди безконечныхъ луговъ,
 За селомъ, на горѣ невысокой,
 Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
 Церковь старая чудится мнѣ,
 И на бѣлой церковной стѣнѣ
 Отражается крестъ одинокій.
 Да! я вижу тебя, Божій домъ!
 Вижу надписи вдоль по карнизу,
 И апостола Павла съ мечомъ,
 Облаченного въ свѣтлую ризу.
 Поднимается сторожъ-старикъ
 На свою колокольню-руину;
 На тѣни онъ громадно-великъ!
 Попроламъ пересѣкъ всю равнину.
 Поднимись!—и медлительно бей,
 Чтобы слышалось долго гудѣнье!
 Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
 Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
 Если есть въ околоткѣ больной,
 Онъ при нихъ встрепенется душой
 И, считая внимательно звуки,
 Позабудетъ на мигъ свои муки;
 Одинокій ли путникъ ночной
 Ихъ заслышитъ—бодрѣ шагаетъ;
 Ихъ заботливый пахарь считаетъ
 И, крестомъ осѣняя въ полусяѣ,
 Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Да и пахарь ли, тѣломъ ли только больной прислушиваются порой къ благодатному звуку церковнаго колокола? „Есть между нами душою болящіе“. Не всегда легко въступить въ сокровенные тайники ихъ нравственной жизни; но бываетъ, что звукъ церковнаго колокола пробуждаетъ въ ихъ душѣ воспоминаніе объ Евангеліи, о церкви, о нравственной отвѣтственности и т. д., и этотъ моментъ становится началомъ ихъ духовнаго возрожденія. Въ свое время критика упрекала *Островскаго* за искусственную будто бы развязку его комедіи изъ народной жизни—„Не такъ живи, какъ хочется“: герой комедіи Петръ Ильичъ пробуждается отъ нравственнаго паденія, доведшаго его до отчаянія, до рѣшимости покончить съ собою, подъ вліяніемъ благовѣста. Можетъ быть, критика и права въ томъ отношеніи, что такая развязка комедіи не вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ характера Петра, изъ условій, опредѣлявшихъ въ его душѣ борьбу двухъ началъ—мрачнаго и свѣтлаго; но что самъ по себѣ фактъ нравственнаго возрожденія подъ вліяніемъ впечатлѣній, идущихъ отъ церкви, не заключаетъ въ себѣ чего-либо неестественнаго, это доказывается разработкой указаннаго сюжета не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ. Припомнимъ ту сцену изъ гётевскаго „*Фауста*“, когда нашъ ученый, истомленный бесплодной работой надъ разрѣшеніемъ вопроса о смыслѣ жизни, готовится покончить съ собой, но вотъ онъ слышитъ пасхальное пѣніе, до него доносится звукъ церковнаго колокола—и онъ бросаетъ бокаль съ ядомъ.

О, звукъ божественный! Знакомый сердцу звонъ
Мнѣ не даетъ испить напитокъ истребленья.

Его я узнаю: намъ возвѣщаетъ онъ

Божественную вѣсть святаго Воскресенья...

Знакомый съ юныхъ лѣтъ и милый сердцу звонъ,

Опять меня ты къ жизни призываешь!

Въ субботу тихую, въ священной тишинѣ

Небесной я любовью проникался,
 И колокольный звонъ такъ чудно раздавался:
 Молился жарко я, и сладко было мнѣ.
 Влекомый силою какой-то неземною,
 Въ поля, въ лѣса изъ храма я бѣжалъ...
 Слеза катилась тихо за слезою,
 И новый міръ предъ взоромъ возникалъ.
 Припомнилось мнѣ все: и юности отвага,
 И счастье дѣтское потерянное мной.
 О, нѣтъ! не сдѣлаю я рокового шага:
 Смягчаетъ душу мнѣ воспоминаній рой.
 О, звуки чудные! гремите жъ: я внимаю!
 Рыданья грудь тѣснятъ. Я снова въ жизнь вступаю.

Въ русской литературѣ, кромѣ Островскаго, подобный сюжетъ разработанъ,—вѣроятно, не безъ вліянія Гёте,—въ рассказѣ *Гаршина* „Ночь“. Алексѣй Петровичъ, блѣдный молодой человѣкъ, измученный грязью, ложью и бессмыслицей жизни—своей и чужой, рѣшилъ покончить съ собой выстрѣломъ изъ револьвера; „онъ пошелъ къ столу; отъ окна до стола было всего двѣ сажени, но ему казалось, что онъ шель очень долго; когда, подойдя, онъ уже взялъ револьверъ, въ открытое окно раздался далекій, но ясный дрожащій звукъ колокола.—Колоколь!—сказалъ Алексѣй Петровичъ, удивившись, и, положивъ револьверъ снова на столъ, сѣлъ въ кресло.... Колоколь сдѣлалъ свое дѣло: онъ напомнилъ запутавшемуся человѣку, что есть еще что-то, кромѣ своего собственнаго узкаго мірка, который его измучилъ и довелъ до самоубійства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминанія, отрывочныя, безсвязныя, и всѣ какъ будто совершенно новыя для него. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній—онъ взялъ въ руки „маленькую, темно-зеленую книжку“ (то было Евангеліе)—и она возвратила его къ жизни,— да! къ жизни, хотя онъ и умеръ въ ту же ночь отъ разрыва сердца: вѣдь онъ умеръ „съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на

блѣдномъ лицѣ“, умеръ очищеннымъ и просвѣтленнымъ, умеръ на землѣ для того, чтобы жить въ вѣчности. *И. К.*

¹) См. № 44 за 1901 г.

²) *Mign. Patrol. Cours. complet.*, t. 155, col. 368; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. богослуж., т. II, стр. 213.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей ¹⁾).

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

Существеннымъ и самымъ капитальнымъ въ нашемъ чинѣ отличіемъ отъ греческихъ чиновъ нужно считать облаченіе посвящаемаго въ чтеца *въ стихарь* съ благословеніемъ его рукою владыки. Такъ какъ „стихарь, по объясненію Симеона Солунскаго, означаетъ, что посвящаемый приступаетъ къ высшему просвѣщенію (πρὸς μείζονα ἔρχεται φωτισμόν)“ ²⁾, то онъ и относитъ это священное облаченіе къ одеждамъ, присвоеннымъ иподіаконамъ и другимъ высшимъ священнослужителямъ, но не указываетъ его въ числѣ одеждъ низшаго клира. И, по нашему современному чину, въ поученіи, которое произносится архіереемъ къ посвященному, говорится, что „первый степень священства чтеца есть“, и что ему „добааетъ на всякъ день Божественныя Писанія прочитовати, да слушающіи, зрящи его пользу пріимуть“ и ему „самому *вящій степень* (μείζονα βηθμόν) *пріобрѣтуть*, никакоже постыжая его избраніе“. За цѣломудренный, святой и праведный по Богѣ образъ жизни архіерей обѣщаетъ ему сподобиться и „*вящіаю служенія*“ (τῆς μείζονος λειτουργίας). Т. е., даннымъ наставленіемъ указывается, что посвящаемый, согласно съ объясненіемъ Симеона Солунскаго, удостоивается такого отличія, на которое онъ пока права еще не имѣетъ, и ему оно обѣщается лишь въ награду за исполненіе прямыхъ его обязанностей чтеца и за праведную и богоугодную жизнь. Слѣдовательно, каждый получающій это священ-

¹⁾ См. № 44 за 1901 г.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 368; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. богослуж., т. II, стр. 213.

ное отличіе долженъ особенно дорожить имъ и своею жизнію всячески стараться „не постыжать свое избраніе“. Такой высокій взглядъ на священный стихарь побуждаетъ насъ еще разъ напомнить о томъ, чтобы съ нимъ обращались у насъ съ приличествующимъ ему благоговѣніемъ и должнымъ уваженіемъ.

Какимъ образомъ *стихарь* ¹⁾ оказался у насъ въ числѣ одѣяній, присвоенныхъ чтецамъ и пѣвцамъ, и съ какого

¹⁾ Названіе греческое τὸ στιχάριον весьма трудно поддается объясненію въ виду того, что смыслъ этого слова въ греческомъ языкѣ не отличается ясностію и опредѣленностію. Проф. Е. Е. Голубинскій даетъ такое объясненіе, которое считается, нужно сказать, и довольно распространеннымъ, и принятымъ въ наукѣ: „τὸ στιχάριον происходитъ отъ στιχος — рядъ, строка, полоса,—и означаетъ то, что онъ *украшался икоцвѣтными полосами*, которыя нашивались на него или выстрачивались на немъ (τὸ στιχάριον вмѣсто χιτῶν στιχάριος — хитонъ, украшенный полосами). Несомнѣнно, представляя собою древнѣйшую изъ богослужебныхъ одеждъ, онъ взятъ былъ изъ мірской жизни [у грековъ χιτῶν, у римлянъ tunica, tunica alba, tunica manicata (съ короткими рукавами), tunica togatis или *подѣрыς* (длинные съ широкими и длинными рукавами)] для церковнаго употребленія, какъ думаемъ, впрочемъ сами отъ себя, нигдѣ не находя удовлетворительнаго объясненія, — во-первыхъ, въ воспоминаніе того нешвеннаго и цѣлотканшаго хитона Христова, о которомъ говоритъ Евангеліе (Іоани. XIX, 23), во-вторыхъ, потому, что, будучи надѣтъ на домашнія одежды, онъ совсѣмъ скрываетъ эти послѣднія и, слѣдовательно, какъ бы совсѣмъ скрываетъ въ служашемъ священникѣ на время богослуженія житейскаго человека. Будучи одною и тою же одеждою у священниковъ и діаконовъ, стихарь въ древнее время, какъ само собою понятно, у тѣхъ и у другихъ имѣлъ одну и ту же форму“. (Истор. русск. церкви. М. 1881, т. I, пол. II, стр. 217-218). Конечно, если соглашаться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора, что „полосы или строки (clavi, iora или τὰ λώρια), кѣторыми украшались стихари и отъ которыхъ получили свое названіе, были въ древнѣйшее время общою принадлежностію стихарей діаконовскихъ, священническихъ и епископскихъ“ (тамъ же, стр. 218), и отождествлять ихъ съ позднѣйшими — *ποταμοί* (тамъ же, прим. 3), то вышеприведенное объясненіе слова: στιχάριον можетъ имѣть свое значеніе, но такъ какъ clavi и λώρια нашивались лишь на передней сторонѣ тунники и шли параллельно отъ ворота до подола, имѣя ближайшею цѣлью закрыть ея некрасивые швы, и очень рѣдко на рукавахъ этой одежды (tunica angusticlavia — тунника съ узкими рукавами, и tunica latyclavia — тунника съ широкими рукавами) и съ позднѣйшими *ποταμοί* священническихъ и архіерейскихъ стихарей не имѣютъ, можно сказать, ничего об-

времени, съ точностію указать мы не рѣшаемся, по недостатку историческихъ данныхъ. Проф. Е. Е. Голубинскій, „объясняя то, какимъ образомъ случилось, что у насъ чтецы и пѣвцы названы однимъ именемъ съ діаконами“, по интересующему насъ вопросу пишетъ слѣдующее: „единственно вѣроятное, чѣмъ можно объяснить это, есть—предполагать, что чтецы и пѣвцы были приняты за одно съ діаконами вслѣдствіе того, что носили одну и ту же богослужебную одежду, т. е., стихарь. Изъ этого слѣдуетъ, что у насъ чтецы и пѣвцы начали носить діаконскій стихарь еще въ періодъ до-монгольскій и съ болѣе или менѣе перваго времени. (А такъ какъ это случилось у насъ, нѣтъ сомнѣнія, по примѣру грековъ, то изъ сего слѣдуетъ, что и у послѣднихъ стихарь замѣнилъ собою, какъ одежда чтецовъ и пѣвцовъ, малую фелонь, которую видимъ въ минологіи импер. Василія, *болѣе или менѣе вскорѣ послѣ него*)“¹⁾. Но мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этими соображеніями нашего почтеннаго историка, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ. Несомнѣнно, *стихарь* у насъ сдѣлался богослужебною одеждою чтеца и пѣвца раньше появленія въ чинѣ на поставленіе въ это званіе въ 1677 году, чѣмъ, между прочимъ, и слѣдуетъ объяснить его нахожденіе въ нашемъ архіерейскомъ Чиновникѣ этого времени, не смотря даже на то, что ни въ одномъ изъ бывшихъ подъ руками нашихъ справщиковъ греческихъ оригиналовъ не было даже упоминанія о стихарѣ для чтецовъ. Считать стихарь богослужебною принадлежностію чтецовъ и пѣвцовъ въ періодъ времени до-монгольскій мы не

шаго, видоизмѣнившись въ современныхъ облаченіяхъ въ украшенія изъ позумента, то вышеуказанное и принятое въ наукѣ объясненіе названія богослужебной одежды стихаремъ едва ли можно считать вполне удовлетворительнымъ. По нашему мнѣнію, не лишено значенія въ наукѣ, болѣе вѣроятное, другое объясненіе, которое слово: *стихарь* считаетъ равнозначущимъ латинскому слову: *tunica*, *tunica alba* и въ греческомъ повседневно́мъ гардеробѣ означающимъ ту же самую одежду, какая извѣстна у римлянъ подъ именемъ туники (Христ. Чтен. 1898, т. ССVI, ч. I, стр. 162).

¹⁾ Исторія Русской Церкви, т. I, пол. II, стр. 229.

рѣшаемся потому, что въ правилахъ владимірскаго собора 1274 года, какъ мы уже видѣли выше, даются ясныя и категорическія наставленія объ одеждахъ для низшихъ и благословенныхъ клириковъ. Таковыми одеждами соборъ считаетъ „бѣлую ризицу“ и „малую ризицу“ — „диффера или фелонь“¹⁾. Въ XIV вѣкѣ, однако-же, „бѣлая ризица“ или камисіѣ у насъ на Руси выходитъ изъ употребленія въ церковной практикѣ, отождествившись, очевидно, съ діаконскимъ стихаремъ. Одеждою чтеца и пѣвца остается съ этого времени лишь „фелонецъ малъ до пояса, багрянъ“²⁾. Діаконъ Игнатій, путешествовавшій въ Константинополь съ митрополитомъ русскимъ Пименомъ (около 1391 года) говоритъ о камисіѣ у греческихъ пѣвцовъ не безъ удивленія. „Пѣвцы же стояху украшени чудно, пишетъ нашъ паломникъ: ризы имѣяху, яки стихари широци и долзи, а вси опоясани, рукава же ризъ ихъ широци и долзи“³⁾. Это удивленіе въ русскомъ клирикѣ относительно данной одежды пѣвцовъ греческой Великой церкви приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что и *въ концѣ XIV вѣка* у насъ на Руси стихарь не былъ еще принадлежностію чтецовъ и пѣвцовъ, которые, при исполненіи своихъ обязанностей, довольствовались „фелонцемъ малымъ до пояса“. Діаконъ Игнатій сразу узналъ на императорѣ византійскомъ Мануилѣ II Палеологѣ (1391—1425) эту „ризицу малу багрянъ“, во время его коронаванія, и говоритъ о ней безъ всякаго замѣчанія.

Стихари сдѣлались богослужебною одеждою чтецовъ и пѣвцовъ у насъ на Руси не раньше второй половины XVI в., т. е. ко времени учрежденія у насъ патріаршества, за что отчасти говоритъ намъ и названіе отроческихъ стихарей въ „чинѣ пещнаго дѣйства“ этимъ именемъ. Что касается того обстоятельства, какимъ образомъ иподіаконскій стихарь сдѣлался одеждою низшихъ клириковъ, то въ этомъ отношеніи мы счи-

¹⁾ Русск. истор. библ., т. VI, ст. 98.

²⁾ Прав. Палестин. сборн., т. IV, в. III, стр. 16.

³⁾ Тамъ же, стр. 14.

таемъ возможнымъ и легко допустимымъ смѣшеніе въ практикѣ древняго камисія и стихаря, къ чему могли подавать поводъ не только сходство ихъ по формѣ и украшеніямъ, но даже, особенно въ древнее время, и по матеріалу. За это намъ говорятъ и древніе литургическіе памятники византійской церкви, и свидѣтельство такого авторитета, какимъ считается въ вопросахъ литургическихъ и церковно-археологическихъ блаженный Симеонъ Солунскій.

„Δεῖ γινώσκειν, читаемъ мы въ Типиконѣ Великой церкви XI в., ὅτι ἡ ἐξδομάδι καὶ τῇ μέσῃ καὶ τῇ μεγάλῃ ὁ δομέτικος τῶν ἀναγνώστῶν μετὰ στιχαρίου καὶ φελωνίου ἴσταται ἐν τῇ σωλαίᾳ μετὰ τῶν ἀναγνώστῶν, χειρονομιῶν τὸ τροπάριον“¹⁾. Т. е. должно знать, что на первой недѣлѣ, вѣстопоклонной (срединой) и великой недѣлѣ доместикъ чтецовъ стоитъ на солеѣ съ чтецами *въ стихарь и фелони*, давая мѣру, (при иѣнни) тропаря“. Несомнѣнно въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о камисіѣ, а не о стихарѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова, который носить доместикъ чтецовъ не имѣлъ права. Симеонъ Солунскій, жившій въ XV в., во время уже разложенія древней практики византійской церкви, даетъ намъ весьма характерное свидѣтельство не только смѣшенія или отождествленія древняго камисія съ стихаремъ, но, что для насъ особенно любопытно, и того, что камисіѣ, фелонь краткая и стихарь стали до нѣкоторой степени синонимическими словами. „Чтець, по словамъ Симеона Солунскаго, имѣетъ особую одежду, присвоенную его чину, называемую *камисіемъ*, который по виду или малый фелоній, или стихарь льняной“ (καλοῦμενον χαμισιον, ὁπερ ἢ κατὰ τύπον φαινολίου ἐστὶ μικροῦ, ἢ στιχάριον ἐκ λινοῦ)²⁾. Чтець облачается, послѣ благословенія архіерея, въ фелонь, т. е. въ камисіѣ (εὐλογημένου φαινολίου, ἥτοι χαμισίου), „который есть начатокъ священныхъ одеждъ“³⁾. Иподіаконъ, при

¹⁾ Ркп. Дрезд. корол. библ. № 140, л. 124.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 396.

³⁾ Ibid., col. 365; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 211.

посвященіи, приводится къ архіерею въ черномъ иматѣ (под-
рясникѣ) и въ пурпурномъ камисіѣ (μετὰ μέλανος ἱματίου καὶ
τοῦ πορφυροῦ χαμισίου ¹⁾), т. е. въ краткой фелони.

На основаніи этой весьма неустойчивой терминологіи въ
византійскихъ памятникахъ можно съ полнымъ правомъ за-
ключить, что три совершенно различныя церковныя одѣяніи
отождествились въ представленіи православныхъ людей XV вѣка
на Востокѣ, при чемъ одно изъ этихъ священныхъ одѣяній—
древній камисій утратилъ всякое практическое значеніе, а
священный стихарь, какъ увидимъ ниже, все же не сдѣлался
еще богослужебнымъ отличіемъ низшихъ клириковъ. Само со-
бою понятно теперь, что и наша русская богослужебная прак-
тика, вѣрная во всемъ церкви греческой византійской, не
шла въ это время въ разрѣзъ съ этою послѣднею и въ во-
просѣ объ употребленіи священнаго стихаря.

Заключительная формула чина: „Благословенъ Господь се-
бысть рабъ Божій, имярекъ, чтець святѣйшія церкви, имярекъ,
во имя Отца“ и проч. какъ бы прикрѣпляетъ посвящаемого
къ извѣстному, опредѣленному храму и напоминаетъ ему о
томъ, что его долгъ и первая обязанность до скончанія дней
своей жизни оставаться вѣрнымъ служителемъ и хранителемъ
порядка и благообразія въ этомъ храмѣ. Цѣлованіе руки епи-
скопа и заключительный земный поклонъ ему со стороны по-
священнаго свидѣтельствуютъ о согласіи его на выше ука-
занныя обязательства и всегдашнюю готовность повиноваться
воли рукоположившаго его епископа.

Утвердившійся ²⁾ въ нашей практикѣ обычай—давать но-
вопосвященному въ руки блюдо съ кувшиномъ для умовенія
рукъ епископа, если нѣтъ посвящаемого въ иподіакона, хотя
не указывается ни въ нашемъ, ни въ греческихъ современ-
ныхъ чинахъ поставленія въ чтеца и пѣвца, но онъ не чуждъ
тому оригиналу, изъ котораго позаимствованы въ нашъ Архіе-

¹⁾ Ibid, col. 368; тамъ же стр. 213.

²⁾ О. Соколовъ. Руководство для участвующихъ въ служеніи съ
архіереемъ литургіи и для готовящихся къ посвященію. Владим. 1884 г.,

ратиконъ, отмѣченныя нами выше, поученіе архіерея къ поставляемому и заключительная формула въ концѣ чина. Въ „*Ἀκολουθία εἰς ἀναγνώστην*“, извлеченной Н. Гоаромъ изъ ехнологія Льва Аллиція, относительно даннаго обычая мы читаемъ слѣдующее: „*Ἐἵτα λαβὼν ὁ χειροτονηθεὶς χειριβόξεστον καὶ μαγδύλιον. ἐπιδίδει τῷ ἀρχιερεὶ νίψασθαι, καὶ λέγει τρίς: Ὁσοὶ πιστοί*“¹⁾. Т. е. потомъ рукоположенный, принявши блюдо для умовенія рукъ и полотенце, подаетъ архіерею умываться и произносить трижды: „Елицы вѣрніи“. Разница нашего обычая заключается лишь въ томъ, что у насъ дѣлаетъ это новопосвященный, послѣ окончанія посвященія, а, по греческому чину, до архіерейскаго поученія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, не произносить у насъ не только посвящаемый въ чтеца и пѣвца, но, какъ увидимъ ниже, и даже иподіаконъ возгласа: „Елицы вѣрніи“. Этотъ послѣдній возгласъ, перенесенный сюда изъ греческаго чина поставленія въ иподіакона и всецѣло иподіаконамъ принадлежащій (22 правил. лаод. собора), мы объяснимъ подробно ниже въ своемъ мѣстѣ.

Какія же обязанности возлагаются на посвященнаго въ чтеца и пѣвца?

Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Симеона Солунскаго. „Поставленный такимъ образомъ въ чтеца, пишеть онъ, съ того времени читаетъ предъ народомъ Божественныя Писанія, по распоряженію діаконѡвъ или іереевъ, т. е. священныя изреченія пророковъ и апостоловъ, стоя на срединѣ (ἐν τῷ μέσῳ), въ томъ видѣ, какъ запечатлѣнъ, непогробенный. Входитъ и въ алтарь, какъ служитель алтаря, возжигаетъ свѣщи и приноситъ огонь іерею, предшествуетъ со свѣщами предъ святыми дарами и подаетъ ему просфоры, воду и теплоту, благоукрашаетъ храмъ и прислуживаетъ во всемъ про-

изд. 3, стр. 54. Н. Розановъ. Руководство для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуженія, при участіи митрополита, епископа, всего собора, и порядокъ посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и т. д., стр. 118.

¹⁾ *Εὐχολόγ. Goar pag. 197.*

чемъ, предназначаетъ божественныя пѣсни для поющихъ, т. е. канонаршитъ (τοὺς θείους προλέγει τοῖς ψάλλουσιν ὕμνους, ἧτοι κανονρχεῖ), и кратко сказать: есть служитель божественныхъ дѣйствій въ храмѣ, по сему и долженъ совершать все съ благоговѣнiемъ и знать, чего онъ есть служитель, т. е. что онъ служить Богу вмѣстѣ съ близкими къ Нему и со святыми и входитъ туда, гдѣ пребываютъ ангелы“ 1). У насъ въ Россіи обязанности чтеца и пѣвца указаны довольно обстоятельно въ такъ называемой „ставленной грамотѣ“ 2), выдаваемой отъ архіерея каждому посвященному въ стихарь. Послѣдній въ полученіи ея росписывается на дѣлѣ о посвященіи.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитриевскій.

Христiанинъ долженъ дѣятельно бороться со зломъ.

Господь Иисусъ Христосъ далъ своимъ ученикамъ обѣтованіе, что „врата ада не одолѣютъ Его Церкви“.

Что собственно обозначаетъ этотъ образъ „врата ада“?

По общепринятому пониманію, въ этихъ словахъ Иисусъ Христосъ обѣщаетъ Своей Церкви вѣчность и неуничтожимость, не смотря на всѣ усилія ада разрушить ее. Ворота города и по своей укрѣпленности, и по своему значенію въ жизни города, какъ мѣсто общественныхъ собраній для суда и разнаго рода договоровъ, служатъ образомъ силы вещественной и нравственной; они служили въ древности ключемъ къ обладанію и всѣмъ городомъ и потому обыкновенно охранялись и защищались лучшими воинами. Отсюда, говоря, что „врата ада не одолѣютъ Церкви“, Иисусъ Христосъ хочетъ сказать, что самыя высшія и могучія силы зла не въ состояніи будутъ уничтожить Его Церковь и такимъ образомъ осо-

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 365; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. обряд. прав. ц., т. II, стр. 212.

²⁾ Текстъ „ставленныхъ грамотъ“ для всѣхъ степеней священства мы намѣреваемся помѣстить въ особыхъ приложеніяхъ.

бенно сильно внушаетъ намъ идею вѣчности Церкви, въ смыслѣ продолженія ея существованія.

Однако, при этомъ толкованіи для насъ еще не совсѣмъ понятенъ образъ, употребленный Господомъ для выраженія Его мысли. Ворота города или крѣпости могутъ быть образомъ только силы сопротивляющейся, но не нападающей; они могутъ быть атакованы, но сами не производятъ нападенія. Чтобы выразить эту послѣднюю мысль, нужно было бы сказать: „силы или воинства ада“.

Исходя изъ мысли, что „ворота“ суть образъ силы сопротивляющейся, что они не нападаютъ, а скорѣе сами служатъ предметомъ для нападенія, можно понимать слова Господа о Церкви: „врата ада не одолѣютъ ея“ не только въ томъ смыслѣ, что адъ будетъ нападать на Церковь и что его нападенія будутъ безуспѣшны, но также и въ томъ смыслѣ, что самъ адъ будетъ, такъ сказать, атакованъ Церковью и побѣжденъ, что его лучшія силы не въ состояніи будутъ устоять противъ нападеній воиновъ Христовыхъ и, наконецъ, падутъ. Господь какъ бы хочетъ сказать, что Его Церковь не ограничится однимъ отраженіемъ нападеній своихъ враговъ, но какъ живой и постоянно возрастающій организмъ, сама будетъ уничтожать все, что препятствуетъ ея существованію и росту. И въ самомъ дѣлѣ добро, олицетвореніемъ и оградой котораго на землѣ служитъ Церковь Христова, есть сила дѣятельная; оно не можетъ ограничиться однимъ пассивнымъ отношеніемъ къ противоположному началу, т. е. злу. Если зло нападаетъ и силится уничтожить добро, то и это послѣднее также дѣятельно ведетъ съ нимъ борьбу; различіе же между ними—въ средствахъ къ достиженію цѣли. Добро осуществляется и средствами добрыми, а зло неразборчиво въ своихъ средствахъ. Вотъ почему апостолъ Павелъ и говоритъ: „не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“ (Рим. 12, 21). Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришелъ на землю основать царство, которое, по предсказанію пророковъ (Ис. II, Дан. II, 44; VII, 27), должно

быть всеобще и вѣчно. Начавшись съ малаго зерна, съ небольшого общества, это царство, снабженное силою свыше, растеть, крѣпнеть и развивается и самымъ ростомъ своимъ постепенно ослабляетъ царство зла. Въ своемъ развитіи оно должно обнять собою все существующее, не только то, что на небѣ и на землѣ, но и то, что *подъ землею*, т. е. и самый адъ, по слову ап. Павла: *„дабы предъ именемъ Иисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“* (Филип. 2, 10—11). Въ 1-мъ посл. къ Коринѣ. 15 гл., 24—25 тотъ же апостоль еще говоритъ, что Господь Иисусъ Христосъ *„предаетъ царство Богу и Отцу. когда уразднитъ всякое начальство и всякую власть и силу, ибо Ему надлежитъ царствовать, доколь низложитъ всякъ враговъ подъ ноги Свои“*.

Когда все это будетъ, то, понятно, что тогда „врата ада“ падутъ, могущество князя міра сего будетъ покорено Тѣмъ, Кто живетъ въ вѣрныхъ и больше того, кто въ мірѣ (1 Иоан. 4, 4).

Если Церковь активно борется съ царствомъ зла, то эта борьба есть дѣло и всѣхъ живыхъ камней, изъ которыхъ слагается зданіе церковнаго общества, т. е. всѣхъ членовъ Церкви (1 Петр. 2, 5; 2 Кор. 6, 16). Отсюда ясно видно, какъ произвольна и противна ученію Слова Божія та теорія, которая, отрицая всѣ общепринятая формы и способы борьбы со зломъ, проповѣдуетъ одно пассивное непротивленіе ему. Въмѣсто этого непротивленія, которое служитъ признакомъ нравственнаго индифферентизма, послѣдователямъ Христовымъ постоянно нужно напоминать о той высокой миссіи, которую далъ Господь Своей Церкви. Она должна не только сопротивляться злу и заблужденію, но и преодолевать ихъ и уничтожать, и въ этомъ дѣлѣ должны принимать участіе и всѣ живые члены ея. Всѣ должны трудиться надъ приумноженіемъ добра, надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ и распространеніемъ свѣта Христова ученія до тѣхъ поръ, пока

подъ совокупными ударами воиновъ Христовыхъ окончательно не падутъ твердыни ада. И въ этой работѣ духа, въ этой нравственной борьбѣ для каждаго воина Христова должно служить ободреніемъ, вливать новыя силы и внушать непоколебимую надежду на успѣхъ непреложное обѣтованіе Господа: *„созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“* (Мѡ. 16, 18).

В. П—скій.

ЗАМѢТКА.

Редакція „Руков. для сельск. паст.“ получила отъ одного изъ своихъ подписчиковъ письменную просьбу разрѣшить на страницахъ журнала такой вопросъ: „въ одиѣхъ церквахъ св. причащеніе преподають мірянамъ въ царскихъ вратахъ, а въ другихъ—съ амвона. Что будетъ правильнѣе?“

За положительнымъ отвѣтомъ по вопросу о мѣстѣ причащенія мірянъ отсылаемъ подписчика-вопрошателя къ 21 № „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущей 1901 г. (см. „Отвѣты Редакціи“). Съ своей стороны считаемъ не лишнимъ—въ цѣляхъ уясненія дѣла—привести здѣсь слѣдующую историческую справку относительно церковнаго амвона. Въ древней Христіанской Церкви именовъ амвона (греч. ἀναβάθην—восходитъ) называлось особое возвышенное мѣсто въ храмѣ, предназначавшееся главнымъ образомъ для чтенія Свящ. Писанія, пѣнія и возглашенія общихъ молитвъ. На такое назначеніе амвона указываютъ, между прочимъ: 57 гл. II кн. Апост. Постановленій, 15 прав. собора Лаодикійскаго, 33 прав. собора Трульскаго... Съ амвона произносились иногда епископскія поученія. Объ Іоаннѣ Златоустѣ церковные историки—Сократъ и Созоменъ передають, что онъ для произнесенія своихъ проповѣдей обыкновенно садился на амвонъ чтецовъ (см. 5 гл. VIII кн. Церк. Ист. Созомена и 5 гл. VI кн. Церк. Ист. Сократа). Такъ какъ амвонъ назначался для того, чтобы народъ удобнѣе могъ слышать голосъ восходящаго на него чтеца и діакона или же голосъ проповѣдующаго епископа, то онъ обыкновенно устраивался ближе къ народу, совершенно отдѣльно отъ солеи,—устраивался въ среднѣй храма, посреди средняго нефа, если амвонъ былъ одинъ, или же по правой и лѣвой сторонѣ того же нефа, если амвоновъ было два. Амвонъ возвышался на нѣсколько ступеней, ограждался иногда съ двухъ сторонъ—передней и задней—стѣнками или рѣшетками; на немъ поставлялся налой, а иногда и сѣдалище.

Приблизительно съ половины XVII в., какъ объ этомъ можно заключать на основаніи свидѣтельства извѣстнаго Арсенія Суханова, въ греческой церкви вошло во всеобщій обычай устроить амвоны не среди храма, а на сѣверной сторонѣ его, при чемъ они не ставились на полъ, а подвѣшивались въ видѣ малыхъ бесѣдокъ или глухихъ балкончиковъ къ заднему подкупольному столбу („подлѣ стѣны на сторонѣ высоко“, какъ выражается Арсеній). Въ такомъ именно видѣ, служа мѣстомъ для чтенія Евангелія и сказыванія проповѣдей, амвоны существуютъ у грековъ и до настоящаго времени. Въ нашей русской церкви, какъ позволяютъ думать историческія данныя, вплоть до конца XVII или начала XVIII в. амвоны сохраняли свою древнюю первоначальную форму. Первымъ, кто подалъ у насъ мысль объ ихъ уничтоженіи, былъ тотъ же вышеупомянутый Арсеній Сухановъ, который писалъ въ своемъ „Проскинитаріи“: „амбона нашего отнюдь нигдѣ нѣту (у грековъ) и нашихъ зазирають, что церковь всю заслонилъ: оltарь и образы и престоль и царскія двери, всю де красоту отнял“. Восточные патріархи, бывшіе на большомъ Московскомъ соборѣ 1666—67 г., когда ихъ спрашивали (вѣроятно, вслѣдствіе представленій Суханова) относительно нашихъ амвоновъ, хотя и одобрили эти послѣдніе, но предоставили ихъ постройку личному усмотрѣнію, т. е. освободили отъ непремѣнной обязанности ихъ строить. По всей вѣроятности, съ этого времени и началось ихъ уничтоженіе. Нашъ современный амвонъ (называемый въ богослужебныхъ чинахъ „предалтарнымъ“), не имѣя ровню ничего общаго съ первоначальнымъ древнимъ амвономъ, есть ни что иное, какъ небольшой, одной высоты съ солею, и примыкающій къ ней полукруглый выступъ. Въ силу дѣйствующихъ у насъ постановленій (уст. о пред. и пресѣч. преступл., см. 4 свод. зак. Т. XIV по изд. 1890 г., во время всякой божественной службы никому изъ неучаствующихъ въ оной не дозволяется стоять у иконостаса того престола, гдѣ она совершается, и вообще на возвышенномъ мѣстѣ или пространствѣ между обоими клиросами, исключая лишь тѣ случаи, когда мірянамъ, по обряду церкви, нужно подходить ко святымъ тайнамъ, или къ святымъ иконамъ. Солея вмѣстѣ съ замѣняющимъ древній амвонъ ея полукруглымъ выступомъ отдѣляется теперь отъ храма рѣшеткою (§ 1 Инстр. благоч.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 октября 1901 г.
Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 46.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Клевонои
духовной Семинаріи.

1901 года, ноября 11-го.

Содержаніе: Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія.—
Чинослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ осо-
бенностей (продолженіе).—Правила къ руководству причтамъ и ста-
ростамъ церквей при украшеніи храмовъ священными изображеніями.
Объявленіе объ изданіи журнала въ 1902 г.

Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія.

Въ послѣднее время, съ развитіемъ психіатріи, все на-
стойчивѣе и настойчивѣе высказывается взглядъ на вѣру и
чудеса, какъ на результатъ внушенія. Въ „свободной“ Фран-
ціи онъ имѣетъ въ числѣ своихъ представителей видныхъ
ученыхъ школы Шарко (хирургъ); самъ Шарко держался
этого взгляда¹⁾. Не чуждъ онъ и нѣкоторой части нашего
общества и по временамъ высказывается между строкъ въ со-
общеніяхъ свѣтской печати, при объясненіи ею чудесныхъ
исцѣленій, совершаемыхъ, напр., по молитвамъ высокочти-
мага пастыря о. Іоанна Сергіева—Кронштадтскаго. Отсюда, не

¹⁾ Письма Шарко „объ исцѣленіи вѣрою“. Новое Время, №№ 6017,
6018, 6019.

излишнимъ представляется подвергнуть этотъ взглядъ критическому разсмотрѣнію. При изложеніи его мы воспользуемся статьей: „Le merveilleux et la suggestion dans l'histoire. Les miracles de saint Vincent Ferrier“, напечатанной въ „Revue scientifique“ за 1893 г. сентябрь, № 12 и подписанной двумя авторами А. Cogge и L. Laurent.

I.

Авторы указанной статьи, пользуясь отсутствіемъ въ наукѣ общепризнаннаго и неоспоримаго опредѣленія *истеріи*, устанавливаютъ свое опредѣленіе ея такое, которое бы давало возможность объяснить вѣру и чудеса внушеніемъ. Они отвергаютъ, какъ неправильное, пониманіе истеріи въ смыслѣ проявленія *низшихъ* болѣзненныхъ состояній человѣческаго духа. Подъ истеріей они понимаютъ рядъ болѣзненныхъ душевныхъ и вмѣстѣ физическихъ явленій (*stigmat'овъ*), изъ которыхъ послѣднія суть слѣдствія первыхъ. Ничѣмъ не оправдывая правильности такого своего пониманія истеріи, Коррь и Лоранъ спѣшатъ воспользоваться имъ для своихъ преднамѣренныхъ выводовъ. Оказывается, что „ихъ“ истерія—самая распространенная и крайне разнообразная форма душевнаго состоянія, нерѣдко сопровождающаяся могущественнымъ подъемомъ духа, такъ что она можетъ быть даже слѣдствіемъ силы ума и высоты духа. Оказывается, что истерія можетъ быть у людей, которыхъ мы называемъ великими: Юлій Цезарь, Александръ Македонскій, Наполеонъ, Магометъ были невропаты. Преданія называютъ ихъ даже эпилептиками,—но, очевидно, по незнанію авторами преданій природы нервныхъ болѣзней: у названныхъ лицъ не было органическаго расстройства нервной системы, что характеризуетъ эпилепсію, а было лишь функціональное ея расстройство. Оказывается, наконецъ, что истерія особенно распространена въ области религіозной, что всѣ такъ называемые святые католической, а равно и другихъ религій, были люди... истеричные. Таковы, напр., Магометъ, Тереза, Жанна д'Аркъ, Лютеръ...

Однако, смутившись ли смѣлостью своихъ выводовъ, желая ли казаться безпристрастными и объективными, Коррь и Лоранъ спрашиваютъ: можно ли нынѣшнихъ истеричныхъ ставить на одну доску со святыми прежнихъ временъ? можно ли признать у святыхъ всѣ стигматы истеріи—суженіе поля сознанія, ослабленіе памяти, воли и даже нравственнаго чувства? можно ли этихъ геніевъ превратить въ слабыхъ духомъ людей? И отвѣчаютъ: „конечно, нѣтъ“, т. е., у святыхъ прежнихъ временъ не было этихъ именно обнаруженій истеріи. Многіе изъ такъ называемыхъ святыхъ, разсуждаютъ далѣе Коррь и Лоранъ, были экстадиками по живой вѣрѣ и чудотворцами, обладавшими умомъ и имѣвшими неотразимое вліяніе на свою эпоху. Но, убѣжденные въ своемъ яко-бы божественномъ посланничествѣ и искренніе въ своемъ одушевленіи, они сперва обманывались сами и потомъ обманывали другихъ. Ихъ истеричность сказывалась въ этомъ ихъ религіозномъ увлеченіи, результатѣ самовнушенія или внушенія со стороны другихъ. Иногда это увлеченіе, по причинѣ дурно понятой вѣры, принимало крайнія формы, поставляло вождей раскола и преслѣдованій; но и оно прикрывалось авторитетомъ божественнымъ. Вѣдь и самъ Торквемада былъ убѣжденъ въ величій своей миссіи!.. Въ этомъ самообманѣ—только лишнее доказательство того, что религіозное увлеченіе есть проявленіе истеріи.

Коррь и Лоранъ подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о внушеніи въ истеріи. Если увѣренность, говорятъ они, вызываетъ увѣренность, и довѣріе рождаетъ довѣріе, то особенно это слѣдуетъ сказать о вѣрѣ христіанъ, жившихъ въ періодъ времени отъ первыхъ вѣковъ до конца среднихъ. Ихъ религіозное убѣжденіе имѣло особенную силу. Это обуславливалось преобладаніемъ религіознаго интереса въ то время, угнетеніемъ народа королями и знатными вообще людьми, послѣдствіемъ чего была особенная отзывчивость народа на проповѣдь духовенства, возбуждавшаго въ немъ надежду на улучшеніе участи хотя въ будущей жизни,—наконецъ, господствовавшимъ тогда страхомъ сверхъестественнаго.

Діаволь—хитрый виновникъ паденій человѣка, Богъ—праведный каратель паденій были для людей того времени одинаково страшны. Страхъ предъ діаволомъ наполнилъ весь міръ его клеветами, такъ называемыми чародѣями, отъ которыхъ исходитъ, по вѣрѣ народной, все дурное, порочное. Этими чародѣями были или дѣйствительные чародѣи, знатоки ядовъ, укрывавшіеся отъ толпы и для всѣхъ страшные, почему они и рѣдко предавались суду,—или же такъ называемые псевдо-чародѣи, нищіе духомъ (*pauvres d'esprits*), истеричные мужчины и женщины, подвергавшіеся галлюцинаціямъ и устроявшіе сборища (шабаши). Эти неосторожные клеветы діавола очень часто сожигались на кострахъ. Духовенство располагало этими чародѣями, какъ орудіемъ, для достиженія своихъ цѣлей¹⁾. Въ такихъ формахъ проявлялась бѣльшею частью религіозная истерія въ средніе вѣка. Въ подтвержденіе ранѣе высказаннаго ими мнѣнія, что вообще религіозное увлеченіе есть не что иное, какъ проявленіе истеріи, Коррь и Лоранъ представляютъ также и жизнь католическаго святого Викента (хотя тотъ же Викентъ, какъ они признаются, и навелъ ихъ на эту мысль)!

Викентъ родился около 1350 года. Еще до рожденія его родители предназначали ему великую судьбу, основываясь вѣроятно, на томъ, что беременная мать слышала, будто бы, крикъ младенца противъ нечестивцевъ. Младенческая жизнь Викента обставлена чудесами. Въ крещеніи дано младенцу имя Викента—побѣдителя, по внезапному озаренію священника. Младенцу-Викенту приписывается чудо ннзведенія дожда на землю, который спустился съ облаковъ только съ появленіемъ въ средѣ молившихся о его ниспосланіи матери съ младенцемъ на рукахъ. Горделивая любовь матери истолковала этотъ случай въ значеніи чуда, совершеннаго ея сыномъ. Объ этихъ quasi—чудесныхъ фактахъ родители не преминули сообщить сыну, когда у него раскрылось сознаніе, и

¹⁾ Желая, напр., пріобрѣсть какое-либо имѣніе, оно изгоняло изъ него хозяевъ внушенными имъ явленіями чародѣевъ.

внушали ему, что онъ не простой смертный. Воспитывается Викентъ подъ вліяніемъ твореній св. Доминика, которыми назидались сами родители Викента и назидали ими своего сына, поставляя этого святого образцомъ для него. 12 лѣтъ Викентъ изучаетъ діалектику, 14-ти—богословіе. Съ шестилѣтняго возраста онъ любитъ уединеніе, а 18-ти лѣтъ поступаетъ въ Доминиканскій орденъ, начальники котораго отправляютъ его для довершенія образованія сперва въ Тулузу, а потомъ въ Парижъ. Скоро Викентъ выступаетъ въ роли народнаго проповѣдника.

Только-что назначенный проповѣдникомъ, онъ отражаетъ искушеніе діавола въ образъ соблазнительной женщины. Убѣжденный въ своихъ духовныхъ силахъ, испытанныхъ и укрѣпленныхъ искушеніемъ діавола, придавая этому искушенію значеніе очистительнаго огня, Викентъ крѣпко убѣждается въ своемъ божественномъ посланничествѣ и съ этимъ убѣжденіемъ выступаетъ на проповѣдь. Его высокое общественное положеніе (наперсникъ паны, священникъ короля и духовникъ королевы), а главное—распространенные въ обществѣ рассказы о чудесахъ его создаютъ ему громаднѣйшій авторитетъ. Знатные люди воздаютъ ему почести, простецы падаютъ предъ нимъ ницъ. Онъ является въ сопровожденіи прелатовъ и клириковъ, принимаетъ почести, какъ служитель Божій, не какъ человѣкъ. Мессы, совершаемыя Викентомъ, необычно торжественны и многолюдны, сопровождаются пѣніемъ и музыкой: всѣ жаждутъ слышать его проповѣдь. Онъ угрожаетъ грѣшникамъ властію діавола, съ какой онъ возобладаетъ надъ ними, если только они будутъ коснѣть въ грѣхахъ; говоритъ о всемогуществѣ Божіемъ и Его милосердіи, вызываетъ о покаяніи. Толпа, возбужденная молитвою и проповѣдію, проситъ у проповѣдника эпитиміи. Тутъ звучитъ колоколь, прозванный чудеснымъ. Затѣмъ происходятъ явленія самовнушенія у проповѣдника, внушенія—у слушателей его. Викентъ, въ состояніи сильнаго самовнушенія, говоритъ властно, логично; въ концѣ рѣчи впадаетъ въ экстазъ, имѣя лучезарный

видъ. Къ нему отовсюду стекаются большыя, движимыя внушенной вѣрой, чтобы Викентъ возложилъ на нихъ свои руки. Одни получаютъ исцѣленіе послѣ бесѣды съ Викентомъ, другіе—послѣ того, какъ цѣлуютъ его священнической крестъ. Пронсходятъ чудеса изгнанія Викентомъ бѣсовъ. Приводятъ къ нему бѣсноватаго. Бѣсноватый надругается надъ освященной водой, изливаемой на него для изгнанія бѣса; но бѣсъ, какъ видно изъ поведенія больного, не покидаетъ его. Викентъ объясняетъ это тѣмъ, что священникъ, освящавшій воду, небрежно прочиталъ надъ нею молитву освященія; онъ самъ благословляетъ воду, окропляетъ ею бѣсноватаго,—и бѣсъ оставляетъ больного. Вообще, діаволь въ мірѣ истеричныхъ повинуется Викенту. Доказательствомъ этого можетъ служить и слѣдующій фактъ. Является въ церковь человекъ съ намѣреніемъ оскорбить Викента. Но въ храмѣ на него нападаетъ злой духъ, такъ что человекъ этотъ мечется, какъ безумный, воя, скрежеща зубами и наводя панической страхъ на присутствующихъ. По слову Викента, члены одержимаго злымъ духомъ вытягиваются, и онъ становится похожимъ на статую; а затѣмъ, по новому слову Викента, діаволь оставляетъ больного, повергая его при выходѣ въ страшныхъ конвульсіяхъ на землю. Викентъ, уходя изъ храма и оставляя при больномъ священника, предупреждаетъ его, что больной по пробужденіи пожелаетъ исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ, что и произошло. Здѣсь, говорятъ Коррь и Лоранъ, на лицо всѣ фазы большого припадка: каталепсія, летаргія, конвульсія, послѣ—гипнотическое внушеніе. Совершаль Викентъ и другія чудеса. Такъ, напр., взглядомъ и изображеніемъ крестнаго знаменія своею рукою онъ сдѣлалъ неподвижными злодѣевъ, покушавшихся убить его; проповѣдію о крестѣ Викентъ такъ воодушевилъ въ синагогѣ евреевъ, что они увидѣли на своихъ одеждахъ блестящіе кресты и пожелали креститься и др. Относительно послѣдняго факта Коррь и Лоранъ замѣчаютъ, что онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ примѣръ общей (collective) внушенной галлюцинаціи.

Оставляя на отвѣтственности авторовъ достовѣрность всѣхъ этихъ фактовъ, которыхъ мы не можемъ провѣрить, и приводя ихъ, только какъ сопутствующее поясненіе раскрываемыхъ ими воззрѣній ихъ на вѣру и чудеса, переходимъ къ изложенію тѣхъ выводовъ, какіе дѣлають Корръ и Лоранъ въ заключеніе своей статьи. Мы не имѣемъ нужды ни утверждать, ни отвергать приводимыхъ ими фактовъ; для насъ важно лишь, насколько подтверждаются и подтверждаются ли ими защищаемыя авторами положенія? Эти послѣднія сводятся къ слѣдующему.

Викентъ, по мнѣнію Корра и Лорана, не былъ какимъ-нибудь религіознымъ шарлатаномъ. Онъ обладалъ громадной силой внушенія и пользовался ею инстинктивно. Этой силою обладаютъ и они сами и всѣ вообще врачи, особенно—гипнотизеры. но въ меньшей степени, потому что не имѣють, подобно Викенту, одушевленной вѣры, а потому и пользуются внушеніемъ не такъ широко и удачно, какъ пользовался имъ Викентъ. Точно такъ же, какъ на Викента, Корръ и Лоранъ смотрять и на всѣхъ другихъ чудотворцевъ: Викентъ можетъ быть признанъ ихъ типичнымъ образцомъ. Вѣра ихъ и чудеса объясняются вполнѣ естественно: она есть, какъ и чудеса,—результатъ внушенія. Викенту внушали вѣру на первыхъ порахъ родители его; самовнушеніе и галлюцинаторныя явленія ему св. Доминика усилили ее. Эти внушенія и эти галлюцинаціи подобны тѣмъ, о которыхъ можно читать повсюду, гдѣ рѣчь идетъ объ этомъ предметѣ. У Викента, какъ и у другихъ истеричныхъ, мы видимъ моменты ясновидѣнія; въ эти моменты открывается для него душа слушателей его проповѣдей. Въ жизни Викента есть, далѣе, примѣры телепатическихъ, т. е., дѣйствующихъ на значительное болѣе или менѣе разстояніе, галлюцинацій и предчувствій. Онъ имѣлъ общеніе съ св. Коллеттой, которой никогда не видалъ, и по предчувствію узналъ о смерти своей сестры, отдѣленной отъ него большимъ пространствомъ.

Итакъ, внушенія зарождаютъ вѣру въ человѣкѣ; внушенія доводятъ ее до максимальной степени. Внушеніемъ совершены и совершаются всѣ тѣ чудеса, о которыхъ говоритъ исторія религій.

Прежде чѣмъ сказать что-либо по существу относительно изложеннаго сейчасъ взгляда на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія, мы не можемъ не поставить на видъ той тенденціозности, съ которою написана разсматриваемая статья, и которая невольно возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе. Правда то, что природа истеріи въ наукѣ не выяснена еще съ полною опредѣленностью ¹⁾. Тѣмъ съ большою, конечно, осторожностью слѣдовало включать въ разрядъ истеричныхъ тѣхъ субъектовъ, у которыхъ замѣчаются психо-физическія явленія сколько-нибудь напоминающія проявленія несомнѣнной истеріи. Авторы заявляютъ объ этой своей осторожности, но уже послѣ того, какъ всѣ святыя безъ различія религій, къ которымъ они принадлежатъ, поставлены ими въ ряды истеричныхъ—и, слѣдовательно, заявляютъ больше для виду. У читателей своихъ они предполагали возникновеніе—и не ошиблись въ предположеніи—вопроса: за что такое гоненіе на святыхъ? Суженіе поля сознанія, ослабленіе памяти, воли—вотъ несомнѣнныя проявленія истеріи. Но между святыми были гениальные люди—сильные умомъ и волей, которымъ невозможно приписать эти истерическія проявленія, а между тѣмъ они причислены къ разряду истеричныхъ людей. У нихъ,—отвѣчаютъ Коррь и Лоранъ,—было религіозное одушевленіе—результатъ ихъ самовнушенія или внушенія со стороны другихъ, и въ немъ, въ этомъ одушевленіи, сказывалась ихъ истеричность. Такъ и кажется, что святыя признаны истеричными только потому, что были, быть можетъ, нервно-впечатлительными людьми (такъ какъ увлекались религіей), только за то, что имѣли нервы! Но вѣдь у насъ у всѣхъ есть

¹⁾ Киевскія Универс. Изв., 1893 г. № 6, іюнь. „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы“. А. Гиляровъ, 137 стр.

первы, а свойство первовъ—ихъ впечатлительность; слѣдовательно съ точки зрѣнія нашихъ авторовъ всѣ мы должны быть истеричными!—Мы ничего не имѣемъ противъ того утвержденія, что между такъ называемыми святыми въ высшихъ религіяхъ были дѣйствительно истеричные люди, напр., Магометъ, его ближайшіе послѣдователи и мн. др. Но вѣдь это были фанатики, слѣпо преданные своей вѣрѣ до нетерпимости къ другимъ вѣрованіямъ; религіозныя идеи деспотически царили у нихъ надъ остальными идеями и угнетали остальные душевныя движенія. Слѣдовательно, у нихъ порваны были гармонія и синтезъ психическихъ феноменовъ, было сужено поле сознанія въ предѣлахъ представленій, вызванныхъ ихъ религіозными идеями, расщеплено было, такимъ образомъ, ядро ихъ личности: они жили уже только частію своего душевнаго „я“ и дѣйствовали автоматически и подсознательно, т. е., у фанатиковъ на лицо признаки несомнѣнной истеріи. Но мы рѣшительно возстаемъ противъ того, чтобы всѣхъ такъ называемыхъ святыхъ—и особенно въ высшихъ религіяхъ—можно было считать людьми истеричными: религіозно-одушевленные люди вѣдь не переполняются, такъ сказать, одной религіозной мечтой и не теряютъ широты во взглядахъ. Великій энтузіастъ—св. ап. Павелъ не поражаетъ ли, напротивъ, тонкой сознательностью и глубокимъ анализомъ всѣхъ своихъ душевныхъ движеній, даже за протекшее время гоненія имъ Церкви Божіей, при полной отзывчивости къ духовнымъ и тѣлеснымъ потребностямъ его многочисленныхъ и различныхъ по душевному складу духовныхъ дѣтей,—той отзывчивости, о которой онъ самъ засвидѣтельствовалъ, сказавъ: *всѣмъ быхъ вся, да всяко ныкия спасу* (1 Кор. 9, 22, ср. 2 Кор. 11, 28—29)? Не удивляютъ ли насъ, затѣмъ, богатствомъ духовнаго опыта и знаніемъ всѣхъ изгибовъ не своей только, но и вообще человѣческой души и отсюда обильнымъ раздаваніемъ разнообразной духовной помощи всѣмъ ищущимъ ея недужнымъ такіе великіе святые Православной Церкви, какъ, напр., святитель Николай, св. Іоаннъ Златоустъ,

или великій угодникъ и печальникъ Русской земли — преп. Сергій Радонежскій, или такіе вѣрные служители нашей Церкви, какъ Оптинскіе старцы Макарій и Амвросій или о. Іоаннъ Кронштадтскій? Если же поле сознанія истинно и религиозно-одушевленныхъ людей такъ широко; если сильна у нихъ сознательная активность и воля, и крѣпко держится синтетическая связь между душевными феноменами; если они живутъ не частью, но всѣмъ содержаніемъ своего „я“: то позволительно ли считать ихъ людьми истеричными? Большинство ученыхъ, вопреки Корру и Лорану, разумѣютъ подъ истеріей обнаруженія *низшихъ* болѣзненныхъ состояній чело-вѣческаго духа. Мнѣніе Ламброзо о тождествѣ геніальности съ умопомѣшательствомъ, можно сказать, еще одиночно и мало находитъ себѣ сторонниковъ.

Въ этой натянутости сужденій Корра и Лорана мы видимъ крайнюю тенденціозность изъ статьи. Признать всѣхъ святыхъ истеричными имъ, очевидно, нужно было, прежде всего, для того, чтобы объяснить ихъ религиозное увлеченіе и ревность внушеніемъ, такъ какъ наиболѣе воспримчивыми къ внушенію являются люди истеричные, психическая жизнь которыхъ характеризуется тревожностью, раздражимою слабостью и др. подобными чертами; наименѣе же воспримчивыми оказываются люди съ интенсивнымъ сознаніемъ широко развитой умственно и нравственно личности, для которыхъ трудно или же даже и невозможно переполниться внушенной ассоціаціей идей до потери сознанія ко всему, что лежитъ за предѣлами этой ассоціаціи. По крайней мѣрѣ, всѣ гипнотическіе опыты въ Салнетріерѣ производились надъ истеричными¹⁾. Проф. Козловъ говоритъ, что образованные наименѣе предрасположены и воспримчивы къ внушенію: опыты гипноза надъ ними не удавались²⁾. А многіе изъ святыхъ и религиозно-одушев-

¹⁾ Кіевск. Унив. Изв., 1893, № 6, іюнь, стр. 139—140 и др.

²⁾ Философскій трехтысячникъ, т. I, № 4. „Гипногизмъ и внушеніе“, стр. 289.

ленныхъ людей были высоко образованными людьми. Коррь и Лоранъ мало говорятъ намъ о личности Викента. Но и на основаніи того, что сказано ими, едва-ли будетъ справедливо отождествлять его поступки съ дѣйствіями истеричныхъ. Не забудемъ, что Викентъ получилъ солидное по своему времени образованіе и, какъ человѣкъ образованный, наименѣе былъ, слѣдовательно, воспріимчивъ къ внушенію и способенъ предаваться галлюцинаціямъ и дѣйствовать автоматически и подсознательно. И нужно замѣтить, что въ его поступкахъ, какъ они изложены Корромъ и Лораномъ, нельзя съ точностью провести грань между тѣмъ, что можно объяснить, и тѣмъ, чего нельзя объяснить естественнымъ путемъ,—и многое въ нихъ остается непонятнымъ. Приведемъ примѣръ. Въ видѣніи евреями блестящихъ крестовъ на своихъ одеждахъ, подъ впечатлѣніемъ проповѣди Викента въ синагогѣ, Коррь и Лоранъ находятъ примѣръ общей (collective) галлюцинаціи. Но наука не знаетъ такой галлюцинаціи, да едва-ли она и возможна: трудно предположить, чтобы многія лица были совершенно въ одномъ и томъ же психическомъ состояніи, изъ котораго могла бы развиться галлюцинація. Въ частности, изъ статьи не видно, была ли почва для данной галлюцинаціи. Нужно полагать, что Викентъ проповѣдывалъ въ синагогѣ объ отвлеченномъ крестѣ—о крестѣ страданій, какъ средствѣ спасенія. И какимъ образомъ могла явиться у слушателей Викента галлюцинація, когда не было субстрата для нея,—остается рѣшительно непонятнымъ: не внушалъ же Викентъ своимъ слушателямъ, чтобы они видѣли кресты!.. Выводъ можетъ быть одинъ изъ слѣдующихъ: или ложень фактъ, о которомъ говорятъ Коррь и Лоранъ, или онъ не точно ими сообщень, или же, если все это такъ дѣйствительно произошло, онъ есть чудо. Въ виду такой неточности, быть можетъ намѣренной, въ передачѣ нашими авторами фактическихъ деталей, совершенныхъ Викентомъ дѣйствій, мы удерживаемся—и въ правѣ удержаться—отъ окончательнаго сужденія о нихъ: были-ли они дѣйствіями естественными, или же чудесными.—Признать

всѣхъ святыхъ истеричными Корру и Лорану нужно было во 2-хъ, для того, чтобы объяснить внушеніемъ ихъ чудеса. Въ концѣ своей статьи они признаются, что не обладаютъ, какъ и всѣ другіе врачи, такою громадною силою внушенія, какою обладалъ Викентъ и всѣ такъ называемые чудотворцы, потому что не имѣютъ въ себѣ одушевленной вѣры, какую имѣли послѣдніе. Но такъ какъ религіозное увлеченіе на языкѣ ихъ обозначаетъ обнаруженіе истеріи, то отсюда выводъ: только истеричный можетъ быть чудотворцемъ. Если такъ, то едва ли бы наши авторы пожелали имѣть горячую вѣру, чтобы широко и удачно пользоваться силою внушенія¹⁾!..

Въ насильственномъ подведеніи фактовъ подъ предвзятая положенія, въ недоказанности и необоснованности сужденій, короче—въ тенденціозности статьи мы позволяемъ себѣ видѣть безсиліе ея авторовъ, сознаваемое ими самими, объяснить вѣру и чудеса внушеніемъ.

Попробуемъ раскрыть это сперва по отношенію къ вѣрѣ.

А. Волгинъ.

(Продолженіе будетъ).

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей ²⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

ІІ. Чинъ, бываемый на хиротонію иподіакона.

§ 6. Замѣчаніе о положеніи этого чина въ ряду другихъ чиновъ хиротоній и хиротесій.

Въ современной практикѣ иподіаконы занимаютъ штатное мѣсто лишь при кафедральныхъ соборахъ. Самостоятельныя посвященія въ иподіакона возможны нынѣ у насъ только

¹⁾ Мы не говоримъ уже о томъ, справедливо ли всѣхъ исцѣленныхъ Викентомъ считать нервно-больными, какъ то думаютъ Коррь и Лоранъ, такъ какъ мы не можемъ проверить этого.

²⁾ См. № 45 за 1901 г.

при соборахъ и въ духовныхъ академіяхъ (петербургской, московской и казанской) изъ наличнаго числа студентовъ для торжественныхъ богослуженій ихъ ректоровъ, по принятому нынѣ обычаю возводимыхъ въ епископы. Чинъ посвященія въ иподіакона въ современной богослужебной практикѣ поэтому или составляетъ посредствующее звено между „чиномъ на поставленіе чтеца и пѣвца“ и „чиномъ на хиротонію діакона“, или, чаще всего, такъ какъ посвященіе въ стихарь надъ кандидатами священства совершается еще въ семинаріи, этотъ чинъ составляетъ какъ бы вступленіе въ „чинъ на хиротонію діакона“. Слѣдовательно, вести рѣчь о приготовленіи къ посвященію въ иподіакона, значитъ говорить и о приготовленіи къ хиротоніи во діакона.

III. Чинъ, бываемый на хиротонію діакона.

§ 7. Подача прошенія на мѣсто діакона. Производство дѣла по этому прошенію въ духовной Консисторіи и приотовленіе къ хиротоніи.

Ищущій мѣста діакона въ городѣ или въ селѣ подаетъ прошеніе на имя епархіальнаго архіерея, съ точнымъ обозначеніемъ въ немъ села или города, уѣзда и названія церкви, при которой онъ желаетъ получить мѣсто, а въ нѣкоторыхъ необходимыхъ случаяхъ и съ болѣе или менѣе основательною мотивировкою своего желанія. При прошеніи должны быть приложены слѣдующіе необходимые документы: а) свидѣтельство объ окончаніи курса духовной семинаріи или какого нибудь другого средняго или низшаго учебнаго заведенія; б) метрическое свидѣтельство, выданное изъ духовной Консисторіи, о рожденіи и крещеніи; в) такое же метрическое свидѣтельство о бракѣ, съ точнымъ указаніемъ, что оба лица вступили въ *первый законный бракъ* и д) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности. Лица не духовнаго званія: мѣща-

не, купцы и крестьяне, кромѣ названныхъ документовъ¹⁾, къ прошенію прилагають *увольнительное свидѣтельство* отъ того сословія, къ которому принадлежалъ ищущій діаконства по своему рожденію, съ приложеніемъ и приговора о немъ сельскаго схода или управы—мѣщанской или купеческой. Лица, состоящія на службѣ, кромѣ того, представляютъ *удостоверенія* отъ своего начальства о прохожденіи ими извѣстной должности и о поведеніи за все время службы²⁾.

Епархіальный архіерей на прошеніи запрашиваетъ справку изъ духовной Консисторіи о просителѣ, семейномъ его положеніи, о предшествующей службѣ—и о томъ, какъ онъ проходилъ эту службу. На справкѣ Консисторіи полагается резолюція архіерея: „послать просителя на испытаніе“. Если проситель находится внѣ епархіальнаго города на мѣстѣ службы псаломщикомъ или учителемъ церковно-приходской школы, то духовная Консисторія черезъ мѣстнаго благочиннаго особымъ указомъ даетъ знать, чтобы онъ явился въ епархіальный городъ „на испытаніе въ знаніи предметовъ, относящихся къ діаконскому служенію“, а послѣ онаго въ Консисторію „для отобранія отъ него ставленническаго вопроса предъ рукоположеніемъ во діакона“. На указѣ изъ Консисторіи епархіальный экзаменаторъ, или же существующія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ при духовныхъ семинаріяхъ особо учрежденныя комиссіи, по испытаніи просителя по программамъ, выработаннымъ и утвержденнымъ епархіальнымъ архіереемъ, дѣлають соответствующія отмѣтки, удостоверяющія въ правоспособности просителя

¹⁾ Иногда представляются при прошеніи свидѣтельство о привитіи оспы и заявленіе о томъ, что ищущій священническаго или діаконскаго мѣста *желаетъ служить по духовному вѣдомству*. Заявленіе это дается въ правленіи семинаріи, въ которой обучался ищущій мѣста діакона или священника.

²⁾ Учителя церковно-приходскихъ школъ должны имѣть еще одобрительныя удостовѣренія отъ мѣстнаго уѣзднаго или окружного наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и завѣдующаго церковно-приходской школой, при которой они служили въ послѣднее время.

получить хиротонию во діакона, и, прилагая и письменный отвѣтъ (поученіе), если таковой производился, вмѣстѣ съ указомъ препровождаютъ въ духовную Консисторію. Послѣдняя, заручившись всѣми вышеуказанными данными о личности ищущаго хиротоніи, представляетъ на благоусмотрѣніе епархіальнаго архіерея подробную *справку* по дѣлу о рукоположеніи, при чемъ даются свѣдѣнія о штатахъ той церкви, при которой проситель ищетъ мѣста, о матеріальной ихъ обеспеченности натурою—помѣщеніемъ, церковною землею и угодьями, и денежнымъ жалованьемъ, казеннымъ или отъ прихожанъ. На справкѣ епархіальный архіерей полагаетъ утвердительную резолюцію: „предоставить мѣсто просителю“, а духовная Консисторія дѣлаетъ постановленіе: „вызвать просителя къ ставленническому допросу“.

Допросъ ставленнику предъ рукоположеніемъ во діакона производится въ особомъ присутствіи духовной Консисторіи по принятой формѣ, скрѣпляемой потомъ собственноручными подписями ставленника, одного изъ членовъ консисторіи, секретаря и столоначальника.

„1901 года, мѣсяца... дня... (имя, отчество и фамилія просителя), по спросѣ въ присутствіи духовной N-ской консисторіи, показалъ:

1) Лѣтъ мнѣ отъ роду 25, родился въ 18... году, мѣсяца... дня... N-ской губерніи, N-скаго уѣзда, въ селѣ или городѣ N-скомъ, отъ православныхъ родителей: отца N и матери N, крещенъ и святымъ муромъ помазанъ того же города или уѣзда, села N, священникомъ NN. По изученіи при родителяхъ моихъ (или въ N церковно-приходской школѣ) російской грамоты поступилъ въ 18... году въ N духовное училище, въ которомъ, обучавшись по 18... годъ, перешелъ въ N духовную семинарію, гдѣ въ 19... году и окончилъ курсъ. Съ 19... по 19... проходилъ такіа-то должности.

2) Вѣрноподданническую присягу Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу и Его Императорскому Высочеству, всеросійскаго Престола

Наслѣднику и Великому Князю Михаилу Александровичу выполнилъ.

3) Дѣлъ до него NN никакихъ не касалось и въ приводахъ ни по какимъ дѣламъ не былъ.

4) Вредной скорби и увѣчья, прейдетствующихъ священнослуженію, и наружныхъ болѣзненныхъ знаковъ, причиняющихъ безобразіе, не имѣеть.

5) Женатъ первымъ бракомъ на дочери NN (имя, званіе и состояніе), цѣломудренной и благочестивой дѣвицѣ, православнаго исповѣданія, которая теперь находится въ живыхъ и до вступленія въ бракъ съ нимъ NN въ родствѣ или свойствѣ, возбраняющихъ бракъ, не была.

6) Званіе діакона избираеть для славы Божіей, а не для прибытка и предоставленныхъ священно-служителямъ правъ, и проходить оное будетъ по правиламъ св. и Богоносныхъ Отець и согласно установленіямъ св. Православной Церкви.

7) Для сего онъ будетъ:

а) Обучать дѣтей своихъ прихожанъ въ приходской школѣ Закону Божію, правильному разумѣнію церковныхъ обрядовъ, чтенію, письму и другимъ предметамъ, полезнымъ въ общежитіи; но обучаемыхъ дѣтей въ свои работы употреблять и платы за обученіе ихъ требовать не будетъ.

б) Поучать вѣрѣ и благочестію примѣромъ собственной благочестивой жизни; и для того, сколько не приличны ему празднословіе, кощунство, пьянство, безчиніе, напрасный гнѣвъ, ссора, памятозловіе, клевета, сутяжничество, лжесвидѣтельство, гордость и тщеславіе, обманъ и лесть, столько, напротивъ, приличны трезвость, цѣломудріе, богобоязненность, кротость, терпѣніе, недвоязычіе, непритязательность, несребролюбіе, неліцепріятіе, ласковость и обходительность безъ лицемѣрія и притворства.

в) И паче всего прилежать къ обученію самого себя, упражняясь въ чтеніи Слова Божія, писаній отеческихъ и со-

чиненій свѣтскихъ и духовныхъ писателей, полезныхъ къ наставленію, *еже въ правдѣ* (2 Тим. III, 16).

г) Служить при священнодѣйствіяхъ и молитвословіяхъ со вниманіемъ и благоговѣніемъ, ничего не измѣняя въ немъ по своему произволу, для своего облегченія или другихъ какихъ-либо видовъ.

д) За трудъ молитвословій, не составляющихъ таинствъ, довольствоваться тѣмъ вознагражденіемъ, какое добровольно, безъ всякаго вымогательства, будетъ дѣлаемо прихожанами.

е) При безвозмездномъ же совершеніи молитвословій, не упрекать прихожанъ въ неблагодарности и, въ отмщеніе за оную, отъ участія въ совершеніи таинствъ ни подъ какимъ предлогомъ не отказываться.

ж) Предписаніямъ и распоряженіямъ епархіальнаго своего начальства оказывать безпрекословное повиновеніе, всѣ распоряженія его выполнять по буквальному ихъ смыслу, хотя бы они были и непріятны, съ кротостію и смиреніемъ; равнымъ образомъ и прихожанамъ внушать должное повиновеніе закону и установленной надъ ними власти.

з) Домъ свой правити, т. е., воспитывать дѣтей своихъ въ правилахъ православной вѣры и благочестія, наблюдать за правобѣриемъ и благоповеденіемъ своихъ домашнихъ; лицъ же ззорнаго поведенія въ своемъ домѣ не тергѣть.

и) Церковные документы, какъ-то: метрическія, приходо-расходныя книги, исповѣдныя росписи и проч. вести, по порученію приходского священника, въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Записи о рожденіи и крещеніи дѣтей, о бракахъ, о смерти вносить въ церковныя книги своевременно и безъ всякихъ упущеній. Не бывшихъ у исповѣди бывшими, а бывшихъ не бывшими не показывать.

к) Довольствоваться опредѣленнымъ для приходскаго діакона на занимаемомъ имъ мѣстѣ выгодами и бѣльшихъ выгодъ ни отъ прихожанъ, ни отъ начальства не домогаться; просьбами о перемѣщеніи съ одного мѣста на другое епархіальнаго архіерея равнѣ трехъ лѣтъ не утруждать, да и послѣ того не иначе,

какъ только по крайней необходимости и скудости средствъ къ жизни и другимъ, заслуживающимъ уваженія, обстоятельствамъ.

л) Въ храмѣ Божіемъ, какъ при совершеніи богослуженія, такъ и въ то время, когда оныя не совершаются, вести себя чинно и благоговѣнно и не только не подавать повода къ какимъ либо происшествіямъ, но и прихожанъ кроткими и благоразумными мѣрами къ тому не допускать.

м) Ставленную граммату, равно какъ и всѣ вышеизложенныя обстоятельства всегда будетъ содержать въ памяти и невѣдѣніемъ своего долга извиняться не станетъ, за неисполненіе же всего вышепрописаннаго подвергаетъ себя штрафамъ и наказаніямъ по всей строгости церковныхъ правилъ и законовъ гражданскихъ“.

Кромѣ упомянутой въ „ставленническомъ допросѣ“ вѣрноподданнической присяги, ставленникъ даетъ еще особую „подписку предъ посвященіемъ во діакона“ по слѣдующей формѣ:

„Я, нижеподписавшійся, соблюдая свято и ненарушимо данную мною присягу на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству, нынѣ, при вступленіи въ должность діакона, обязуюсь проходить сію должность согласно съ церковными правилами, уставами, предписаніями и наставленіями начальства, въ совершенномъ ему послушаніи, и вести себя благоговѣнно, честно, воздержно и некорыстолюбиво, при увѣренности, что проступки служителя Церкви, причиняя болѣе соблазна въ обществѣ, нежели проступки мірянина, по справедливости подлежатъ болѣе строгому взысканію“. Ставленникъ скрѣпляетъ эту подписку слѣдующею собственноручною подписью: „Къ сей подпискѣ руку приложилъ и присягу принялъ NN, званіе, имя, отчество и фамилія“. Ниже должно быть удостовѣреніе отъ духовника ставленниковъ въ томъ, что ставленникъ „къ присягѣ приведенъ и исповѣданъ, при чемъ, по исповѣди, никакихъ препятствій къ рукоположенію его во діакона не оказалось“.

На ставленническомъ допросѣ рукою епархіальнаго архіерея дѣлается помѣта: „къ посвященію“ и указывается или храмъ, въ которомъ имѣеть быть совершена хиротонія или лицо, если въ епархіи нѣсколько епископовъ, къ коему направляется для хиротоніи ставленникъ: „прошу преосвященнѣйшаго N рукоположить N во діакона“. Ставленникъ получивъ изъ духовной Консисторіи все дѣло о своемъ рукоположеніи, является съ нимъ къ названному епископу и выслушиваетъ отъ него указаніе относительно дня и мѣста хиротоніи.

Приготовляясь молитвою и постомъ къ хиротоніи во все время производства дѣла, ставленникъ въ канунъ дня хиротоніи обязательно долженъ явиться въ крестовую церковь названнаго на ставленническомъ допросѣ архіерея, выслушать тамъ вечернее богослуженіе и, если представится возможность, то непременно съ личнымъ участіемъ во время его совершенія, и вычитать потомъ принятое у насъ въ практикѣ „вечернее правило“. Утромъ въ день хиротоніи, по прочтеніи „молитвъ предъ причащеніемъ“, одѣвшись и приведя себя въ приличный видъ, указанный нами въ чинѣ поставленія въ чтеца и пѣвца, долженъ явиться въ храмъ до прихода архіерея.

§ 8. Порядокъ хиротоніи во діакона.

Если рукополагаемый во діакона не имѣеть еще стихаря, то онъ сначала посвящается въ стихарь описаннымъ нами выше порядкомъ; если же посвященъ былъ раньше, то по приходѣ въ храмъ, въ которомъ имѣеть быть его хиротонія, онъ надѣваетъ на себя стихарь и стоитъ, въ ожиданіи начала литургіи, или на клиросѣ, или въ діаконникѣ. При началѣ чтенія шестого часа, хиротонисуемый выходитъ вмѣстѣ съ старшимъ иподіакономъ и, поклонившись архіерею, становится передъ царскими вратами между двухъ иподіаконовъ. Совершивъ два поклона поясныхъ и третій земной передъ царскими вратами, онъ оборачивается на западъ и кланяется архіерею, затѣмъ повторяетъ такой же поклонъ, сойдя съ солеи. Приблизившись къ архіерейской каѳедрѣ, дѣлаетъ зем-

ной поклонъ и становится предъ архіереємъ. Иподіаконъ подноситъ архіерею „стихарный поясъ“, который у насъ принято замѣнять *ораремъ*. Архіерей благословляетъ орарь, и, послѣ цѣлованія креста на орарѣ, даетъ цѣловать посвящаемому въ иподіакона и руку. Иподіаконъ опоясываетъ ораремъ посвящаемого, который, затѣмъ, наклонивъ голову, становится передъ архіереємъ. Возложивъ на голову его руку, архіерей читаетъ молитву: „Господи Боже нашъ, иже чрезъ единого и тогожде Святаго Духа“..., послѣ которой поставляемый цѣлуетъ руку архіерея, кланяется земно, принимаетъ изъ рукъ иподіакона „лаханъ“ или блюдо съ кувшиномъ розовой воды, а на плечи полотенце, и подноситъ ихъ архіерею для омовенія рукъ. По умовеніи, посвящаемый цѣлуетъ руку архіерея послѣ иподіаконовъ и удаляется въ алтарь, гдѣ и стоитъ до пѣнія херувимской пѣсни, во время которой выносятся умывальныя сосуды черезъ сѣверныя двери къ царскимъ вратамъ вторично и подобнымъ же образомъ подаетъ ихъ архіерею для омовенія рукъ. Во время великаго выхода въ нѣкоторыхъ епархіяхъ¹⁾ хиротонисуемый идетъ съ трикиріемъ за вторымъ иподіакономъ впереди святыхъ даровъ и становится близъ царскихъ дверей на лѣвой ихъ сторонѣ, обратившись лицомъ къ стоящему на другой сторонѣ иподіакону. По окончаніи входа, трикирій передается въ руки перваго иподіакона, и хиротонисуемый черезъ сѣверныя двери удаляется въ алтарь на свое мѣсто. Если за этою литургіею бываетъ и хиротонія во священника, то новопосвященный въ иподіакона, подавъ трикирій архіерею для обычнаго послѣ входа осѣненія народа, уноситъ трикирій въ алтарь, ставитъ его на жертвенникѣ и стоитъ на своемъ мѣстѣ до времени хиротоніи во діакона.

Когда протодіаконъ начинаетъ произносить, такъ называемую, „выкличку“, стоя въ царскихъ дверяхъ: „О спасеніи

¹⁾ Ф. Соколовъ. Руков. для участвующихъ въ служеніи съ архіереємъ и для готовящ. къ посвященію, стр. 55.

Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго“ и т. д., хиротонисуемый становится за престоломъ между двухъ иподіаконовъ, дѣлаеть поклонъ горнему мѣсту и, обратившись къ архіерею, кланяется ему, потомъ черезъ сѣверныя двери за вторымъ діакономъ выходитъ изъ алтари и становится у солеи между двухъ иподіаконовъ. По возгласѣ архіерея: „И да будутъ милости“ хиротонисуемый дѣлаеть два поясные и третій земной поклоны къ царскимъ вратамъ и, когда второй иподіаконъ¹⁾ возгласить: „Повели“, поклонившись въ поясъ, поднимается на солею и идетъ къ царскимъ дверямъ. На срединѣ солеи хиротонисуемый пріостанавливается и, по возгласѣ перваго иподіакона: „Повелите“, дѣлаеть къ царскимъ вратамъ второй поясной поклонъ и вступаетъ въ царскія двери. Здѣсь его принимаетъ протодіаконъ²⁾ съ возгласомъ: „Повели, преосвященнѣйшій владыко“, при чемъ хиротонисуемый дѣлаеть земной поклонъ архіерею, возсѣдающему „на каедрѣ“ съ лѣвой стороны св. престола. Поднявшись и сдѣлавши поклоненіе предъ св. престоломъ, посвящаемый вслѣдъ за протодіакономъ, при пѣніи всѣми священнослужителями въ алтарѣ тропарей: „Святія мученицы“, „Слава Тебѣ Христе Боже“ и „Исаіе ликуй“, начинаетъ совершать троекратное обхожденіе св. престола, цѣлуя, по указанію протодіакона, углы св. престола съ молитвою на устахъ: „Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй насъ“. Послѣ перваго обхожденія, хиротонисуемый кланяется земно архіерею и, поднявшись, съ крестнымъ знаменіемъ цѣлуетъ конецъ омофора (по чину: *кольно*) и руку архіерея, а потомъ вторично земно ему кланяется.

¹⁾ Въ чинѣ замѣчено: „и возьмутъ имущаго хиротонисатися отъ среды церкви *два иподіакони*, имуще его между собою и *помилююще кійждо ихъ едину руку на выю его, и второю рукою держатъ за руки, и приклоняють его ницуюши, слико мощно*“... Чиновн. арх. священнослуженія. М. 1897, л. 132.

²⁾ „И оставляють *иподіакони* имущаго хиротонисатися въ царскихъ вратахъ, *пріемлють же его два: протодіаконъ и діаконъ, одинъ за десную, второй же за лѣвую руку*“. Тамъ же. л. 132 об.

Послѣ второго обхожденія, кланяется архіерею земно, цѣлуетъ у него палицу и руку и снова кланяется. Послѣ третьяго обхожденія, хиротонисуемый творить два поясныхъ поклона и третій земной передъ престоломъ и, поклонившись архіерею земно, идетъ къ углу правой стороны св. престола, становится здѣсь на правое колѣно и, положивъ крестообразно руки на престолъ, имѣя правую руку сверху, прикладываетъ „чело между рукъ ко святой трапезѣ“, говоря: „Боже, умиловися мнѣ грѣшному“. По произнесеніи архіереемъ возглашенія: „Божественная благодать“ и положенныхъ въ чинѣ молитвъ: „Господи Боже нашъ, предзнаіемъ Твоимъ Святаго Твоего Духа подаваніе“ и „Боже Спасе нашъ, нетлѣннымъ Твоимъ гласомъ, апостоломъ твоимъ уставивый діаконства законъ“, во время которыхъ протодіакономъ произносится ектенія о новопосвящаемомъ, хиротонисуемый встаетъ и, сотворивъ крестное знаменіе, цѣлуетъ орарь, подносимый иподіакономъ, и руку архіерея и возлагаетъ на лѣвое плечо, при чемъ архіерей возглашаетъ: „Аксіось“. Съ тѣмъ же возглашеніемъ, по цѣлованіи поручей и руки архіерея, онъ, при помощи иподіаконовъ, возлагаетъ на обѣ руки поручи. При третьемъ возглашеніи „Аксіось“, архіерей вручаетъ рипиду новорукоположенному, который цѣлуетъ изображеніе на ней херувима и потомъ руку и плечо архіерея и вмѣстѣ съ протодіакономъ переходитъ, окружая престолъ съ задней его стороны, на лѣвую сторону престола и начинаетъ вѣять рипидою надъ святыми Дарами. Рипиду держитъ хиротонисованный, имѣя правую руку съ ораремъ вверху, а лѣвую руку у конца рукоятки ея. Вѣяніе рипидою совершается крестообразно: сначала простирается рипида надъ святою чашею, потомъ надъ св. дискомъ, затѣмъ опускается посрединѣ св. сосудовъ въ сторону, гдѣ стоитъ Евангеліе или дарохранительница. и потомъ переносится на переднюю сторону престола. Повторяется такое вѣяніе нѣсколько разъ до возгласа: „И сподоби насъ, Владыко“, при которомъ хиротонисованный цѣлуетъ священное изображеніе на рипидѣ и передаетъ ее иподіакону. Затѣмъ,

поклонившись горнему мѣсту, онъ кланяется архіерею и, отходя въ лѣвую сторону алтаря, творить со всѣми священнослужителями земной поклонъ, при цѣніи „Отче нашъ“, и опоясывается ораремъ крестообразно.

По возгласѣ архіерея: „Святая святымъ“, хиротонисованный идетъ за престоль и становится среди діаконовъ на второмъ мѣстѣ, послѣ протодіакона, совершая поклоненіе предъ св. причащеніемъ со всѣми священнослужителями ко св. престолу и всѣмъ предстоящимъ у престола. Послѣ благословенія архіерея и возгласенія предстоящими: „Εἰς πολλὰ ἔτι, δέσποτα“, когда архіерей, взявши въ руки часть св. Агнца, начнетъ читать молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“, новорукоположенный совершаетъ цѣлованіе мира сначала съ протодіакономъ, а потомъ и съ остальными діаконами, говоря: „Христосъ посредѣ насъ“ и цѣлуя при этомъ каждого въ правое и лѣвое плечо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ прочими діаконами новорукоположенный ходитъ затѣмъ въ жертвенное отдѣленіе и совершаетъ умовеніе рукъ. Послѣ приобщенія архіерея, когда протодіаконъ возгласитъ: „Протоіереи, іереи и діаконы, приступите“, всѣ священнослужители, сдѣлавъ земной поклонъ, начинаютъ подходить съ лѣвой стороны престола къ архіерею: новорукоположенный подходитъ вслѣдъ за протодіакономъ,—вторымъ изъ діаконовъ. Приблизившись къ архіерею, новорукоположенный говоритъ: „Се прихожду къ безсмертному Царю и Богу нашему, и преподаждь ми, владыко преосвященнѣйшій, діакону, имярекъ, честное и святое Тѣло Господа и Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа“ и, сложивши крестообразно длани, имѣя правую длань наверху, принимаетъ св. Агнецъ въ длань, цѣлуется при этомъ руку и плечо архіерея, отвѣчая на привѣтствіе владыки: „Христосъ посредѣ насъ“—„И есть и будетъ“, идетъ къ св. престолу, становится близъ протодіакона и, положивъ длани на престоль и наклонивъ голову надъ св. Агнцемъ, читаетъ про себя молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“. Потребивъ св. Агнецъ и благоговѣнно собравъ губами крохи

отъ св. Агнца, оставшіяся на длани, новорукоположенный переходитъ вслѣдъ за протодіакономъ на лѣвую сторону престола и, подходя ко святой чашѣ, произноситъ: „Преподаждь ми, владыко, діакону, имярекъ, честную и пречистую и животворящую Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“ и, держа лѣвою рукою верхній конецъ илитона у самой шеи, а правую поддерживая вмѣстѣ съ илитономъ св. потирь, трижды пьетъ св. Кровь, отираетъ уста лѣвою рукою и край св. потира, который потомъ и цѣлуетъ, и отходитъ къ жертвеннику для вкушенія антидора и теплоты и омовенія устъ и рукъ. Послѣ этого, если имѣется свободное время, вычитываетъ благодарственные молитвы по причащеніи.

Во время пѣнія: „Да исполнятся уста наша“, новорукоположенный, совершивъ крестное знаменіе и поклонившись архіерею, выходитъ изъ алтаря вмѣстѣ съ протодіакономъ и на солеѣ противъ царскихъ дверей произноситъ ектенью: „Прости пріимше“, а послѣ возглашенія предъ заамвонною молитвою: „Господу помолимся“, черезъ сѣверныя двери уходитъ въ алтарь и ожидаетъ конца литургіи.

Когда архіерей совершитъ отпустъ литургіи, разоблачится передъ престоломъ, надѣнетъ на себя мантию и клобукъ и благословитъ сослужившихъ ему пресвитеровъ и діаконовъ, новорукоположенный приближается къ архіерею съ правой стороны престола, кланяется ему земно и стоя выслушиваетъ его поученіе, послѣ котораго ему нерѣдко дается указаніе, гдѣ онъ долженъ служить свой „урокъ“, чтобы обучиться священно-служенію, и подъ руководствомъ кого изъ священно-служителей. По окончаніи поученія, въ знакъ благодарности, хиротонисованный снова кланяется архіерею земно и принимаетъ послѣднее архипастырское благословеніе.

Послѣ назначеннаго времени для практическаго ознакомленія съ порядкомъ богослуженія, новорукоположенный, получивъ на дѣлѣ удостовѣреніе отъ епископа, его рукоположившаго, точно отмѣчающаго число, годъ и храмъ, въ которомъ происходила хиротонія, а равно мѣсто, гдѣ онъ обу-

чался священно-служению, и лицо, подъ руководствомъ котораго происходило это обученіе, съ собственноручнымъ удостовѣреніемъ отъ послѣдняго въ томъ, что онъ „съ такого-то числа участвовалъ въ совершеніи богослуженія въ такомъ-то храмѣ и таковое достаточно изучил“, по доставленіи дѣла въ духовную консисторію, получаетъ ставленную граммату. Фактъ полученія грамматы свидѣтельствуется собственноручною роспискою новорукоположеннаго на дѣлѣ. Затѣмъ указомъ изъ консисторіи дается знать благочинному и приходскому настоятелю о состоявшемся назначеніи и о допущеніи новоосвященнаго къ исправленію обязанностей діакона.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

ПРАВИЛА

къ руководству причтамъ и старостамъ церквей при украшеніи храмовъ священными изображеніями.

§ 1. Иконы какъ въ иконостасѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ храма, должны быть въ стилѣ древняго греческаго образописанія (Инстр. Благ. § 1).

§ 2. Въ иконописаніи церковный стиль долженъ быть выдерживаемъ во всей строгости. „Иконы суть книги, написанныя вмѣсто буквъ лицами и вещами“ (Простр. Прав. Катих.), и отсюда ихъ учительный характеръ. Въ тоже время иконы—предметъ почитанія: онѣ предназначаются для молитвы и должны возвышать духъ молящагося христіанина. Въ иконахъ все должно быть серьезно, величественно, все должно возвышать молитвенный духъ, направляя его къ небу.

§ 3. Исполненіе иконъ должно удовлетворять требованію исторической истинности изображеній, опредѣляемой не произвольными домыслами и соображеніями иконописца, а устойчивымъ церковнымъ преданіемъ. Это требованіе имѣютъ въ виду церковныя опредѣленія, когда говорятъ о необходимости

писать иконы „по образу и подобію и по лучшимъ древнимъ образцамъ; а отъ своего измышленія ничтоже предтворяти“. (О лицѣ и видѣ многихъ святыхъ сохранились преданія, отъ которыхъ иконописецъ не долженъ отступать. Въ особенности не должны быть искажаемы такіе важнѣйшіе и общезвѣстные иконографическіе образы, какъ образъ Іисуса Христа, Богоматери, ап. Петра и Павла, ап. Андрея, Ѳомы и др. Изображаемые на иконахъ лики святыхъ должны соответствовать возрасту, званію, трудамъ и подвигамъ тѣхъ святыхъ. Историческая вѣрность должна быть соблюдаема также относительно одеждъ, мѣстностей и другихъ обстановочныхъ изображеній, воспроизводимыхъ на иконахъ.

§ 4. Иконы должны соответствовать ученію Православной Церкви. Поэтому латинское изображеніе „коронованія Божіей Матери“ не должно быть допускаемо въ церквахъ, какъ несоответствующее духу и ученію Православной Церкви. Запрещаются также изображенія „писанныя суемудріемъ раскольническимъ“ (Ук. Св. Син. 24 Марта 1722 г.).

§ 5. Изображенія на иконахъ должны удовлетворять требованіямъ искусства и эстетическаго вкуса (Опр. Св. Син. отъ 24 Марта—14 Апрѣля 1880 г.). Изображаемыя на иконахъ лица и фигуры не должны имѣть уродливостей, всѣ части ихъ должны гармонировать между собою. Слѣдуетъ также избѣгать излишней пестроты въ краскахъ. Иконы „неискусно написанныя“ или „написанныя въ странномъ видѣ“, или содержащія въ себѣ „вымыслы суемудрія дикаго“, не должны имѣть мѣста въ церквахъ (Ук. Св. Син. 24 Марта 1728 г., ст. 94 Уст. о пред. и пресѣч. прест., изд. 1890 г.). Поэтому не допускается изображеніе св. мученика Христофора съ песьей головой (Ук. Св. Син. отъ 1722 г. за № 4079), изображеніе Богоматери съ наименованіемъ „Спорительница хлѣбовъ“ (Церк. Вѣд. 1896 г., № 30), а также икона „Трое-ручицы“ съ тремя естественными руками (Цер. Вѣдом. 1888 г. № 27. Прав. объ устр. миссій § 22).

§ 6. Лица святыхъ на иконахъ должны изображаться непременно въ сїяніи, т. е. въ нимбѣ въ лицахъ (Ук. Св. Син. 24 Января 1856 г.).

§ 7. На скрижаляхъ, изображаемыхъ въ рукахъ пророка Моисея, порядокъ заповѣдей долженъ быть обозначаемъ славянскими буквами и самыя заповѣди на изображеніяхъ скрижалей, устраиваемыхъ для помѣщенія въ церквахъ, должны быть написаны также церковнославянскими буквами (Опр. Св. Син. 30 Января—8 Февраля 1891 года).

§ 8. Запрещается изображать на иконахъ одни символическіе (образовательные) знаки, какъ, напр., агнца вмѣсто Христа Спасителя, символическихъ животныхъ вмѣсто евангелистовъ (ст. 94 Уст. о пред. и пресѣч. прест.).

§ 9. Запрещается изображать Св. Модеста, патріарха Іерусалимскаго, со скотскими стадами (Полн. Собр. Пост. Прав. Исп. 25 Сент. 1732 г. № 1127).

§ 10. Запрещается изображать св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго въ монашескихъ (а не великокняжескихъ) одеждахъ (Ук. Св. Син. 15 Юня 1724 г.).

§ 11. Изъ уваженія къ святости св. животворящаго Креста не дозволяется изображать его на полу (6 Всел. Соб. Пр. 73; Нов. Скр. I гл. § 17).

§ 12. Запрещается имѣть въ церквахъ отливныя или рѣзныя иконы, кромѣ распятій искусной рѣзбы и нѣкоторыхъ другихъ лѣпныхъ изображеній, на высокихъ мѣстахъ поставленныхъ (Ук. Св. Син. 31 Авг. 1721 г., 26 Юля 1855 г., ст. 91 Уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г.).

§ 13. Привѣски къ образамъ изъ серебра или золота должны быть отбираемы въ церковную казну, такъ какъ отъ сихъ приношеній „чинится иконамъ безобразіе, а отъ инословныхъ укоризна на церковь“ (Ук. Св. Син. 19 Января 1772 г., сравн. Дух. Реглам.).

§ 14. Въ украшеніи иконостасовъ Высочайше повелѣно избѣгать рѣзныхъ изображеній надъ оными, такъ какъ они, кромѣ опасности, которая можетъ произойти иногда отъ вет-

хости, бываютъ обыкновенно изваяны весьма худо, безъ соблюденія надлежащей правильности и приличія (Ук. 2 Юля 1835 г.).

§ 15. Не дозволяется имѣть въ церквахъ какихъ либо не священныхъ изображеній и даже портретовъ царскихъ (ст. 91 Уст. о пред. и прес. прест, изд. 1890 г.).

§ 16. Расположеніе иконъ въ иконостасѣ должно быть такое: на правой сторонѣ царскихъ вратъ ставится икона Спасителя, а рядомъ съ нею (если же рядомъ съ нею бываютъ южныя двери, то рядомъ съ южными дверями) помѣщается икона храмоваго праздника. Налѣво отъ царскихъ вратъ ставится икона Божіей Матери, а на самыхъ вратахъ—иконы Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Надъ царскими вратами помѣщается икона Тайной вечери, а на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ Архангелы (Михаиль и Гавріиль) или Архидіаконы. Въ болѣе обширныхъ храмахъ, гдѣ иконостасы многоярусные, во второмъ ярусѣ располагаются иконы двенадцатыхъ праздниковъ. Въ третьемъ ярусѣ изображаются святые Апостолы и среди нихъ, надъ иконою Тайной вечери, икона, называемая „деисусъ“, т. е. изображеніе Іисуса Христа въ царскомъ или архіерейскомъ одѣянніи, съ изображеніемъ Божіей Матери съ правой стороны и Іоанна Предтечи съ лѣвой. Въ четвертомъ ярусѣ пишутся изображенія Пророковъ и между ними икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ младенцемъ, въ пятомъ—ветхозавѣтныхъ Патріарховъ. Пророки изображаются съ тѣми знаками, какими прообразовательно они изображали таинство воплощенія, на примѣръ Ааронъ изображается съ прозябшимъ жезломъ, Давидъ—съ золотымъ ковчегомъ, Іезекіиль—съ затворенными вратами. Верхъ иконостаса увѣнчивается крестомъ или распятіемъ (См. Сим. Сол. гл. 136).

§ 17. Иконы въ церквахъ, въ случаѣ ихъ порчи, должны быть своевременно поновляемы (И. С. З. 12 Ноября 1743 года № 10150).

§ 18. Поновленіе иконописи въ церквахъ должно производиться непремѣнно съ вѣдома Епархіальнаго Начальства (ст. 52 Уст. Дух. Конс., изд. 1883 года), которое въ случаѣ необходимости ремонта въ древнихъ церквахъ испрашиваетъ разрѣшеніе Святѣйшаго Синода (Опр. Св. Сип. 20 декабря 1878 г.—9 Января 1879 г. № 2236).

§ 19. При возбужденіи ходатайствъ предъ Епархіальнымъ Начальствомъ о разрѣшеніи устройства новыхъ или ремонтныхъ старыхъ иконостасовъ обязательно должны быть представлены проектные чертежи иконостасовъ съ указаніемъ на нихъ расположенія иконъ.

§ 20. Мастера, которымъ будетъ поручаемо построеніе иконостасовъ и украшеніе храмовъ священными изображеніями, должны быть православнаго исповѣданія и отличаться доброю нравственностію; при исполненіи работъ въ самыхъ храмахъ они должны вести себя прилично, не допускать куренія табаку, не работать въ фуражкахъ, и вообще не должны позволять себѣ ничего такого, что оскорбляетъ святость храма. (Екатеринб. Епарх. Вѣд. 1901 г. № 20).

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
 ЖУРНАЛА
 „РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
 въ 1902 году.

Въ 1902 подписномъ году и 43 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ уясняемо отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія

обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ „Проповѣдѣхъ“ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на пути Христовой, и художественно обработанныя рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни обществъ.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни, въбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступающемъ 1902 подлинномъ году Редакція „Рук. д. с. паст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хорового исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ рублей** съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 ноября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.*

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
цію этого журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, ноября 18-го.

Содержаніе: Изъ замѣтокъ о храмѣ (продолженіе).—Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія (продолженіе).—Веденіе дѣлъ по продажѣ церковныхъ лѣсовъ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ХРАМѢ ¹⁾.

Вопросъ о значеніи храма въ русской художественной литературе.

Разсказомъ Гаршина мы хотѣли частію иллюстрировать, частію дополнить тѣ мысли, которыя выражены Некрасовымъ въ приведенныхъ строкахъ его „Рыцари на часъ“. Теперь обратимся къ сотруднику (по журнальному дѣлу) и единомышленнику Некрасова—Щеорину. Суровый сатирикъ, не устававшій обличать язвы нашей общественной жизни, рѣзко-отрицательно относившійся ко многимъ сторонамъ нашего исторически-сложившагося быта, сумѣлъ подмѣтить и не преминулъ отмѣтить съ свойственною ему силой выраженія какъ могучее, потрясающее дѣйствіе Евангелія на все существо

¹⁾ См. № 45 за 1901 г.

человѣка ¹⁾), такъ и благодатное значеніе храма. Не даромъ онъ свою вдохновенную проповѣдь объ извѣчной правдѣ, воспитывающей нашу совѣсть, согрѣвающей наши сердца, оживляющей нашъ трудъ, указывающей цѣль, къ которой должна быть направлена наша жизнь,—а суть этой правды заключается въ Христовой заповѣди: прежде всего, люби Бога, и затѣмъ люби ближняго, какъ самого себя, — не даромъ онъ эту проповѣдь вложилъ въ уста скромнаго сельскаго батюшки. Вотъ что этотъ батюшка говорилъ о храмѣ въ своей рождественской проповѣди: „Въ этомъ самомъ храмѣ, гдѣ приносится безкровная жертва Богу, въ немъ же совершается и непрестанное служеніе правдѣ. Всѣ его стѣны пропитаны правдой, такъ что вы, даже худшіе изъ васъ, входя въ храмъ, чувствуете себя умиротворенными и просвѣтленными. Здѣсь, предъ лицомъ Распятаго, вы утоляете печали ваши; здѣсь обрѣтаете покой для смущенныхъ душъ вашихъ. Онъ былъ распятъ ради правды, лучи которой излились отъ Него на весь міръ,—вы ли ослабнете духомъ передъ постигающими васъ испытаніями?“ ²⁾. А въ другомъ произведеніи („Христова почъ“) Щедринъ рисуетъ чудную картину пасхальной ночи. Равнина еще цѣпенѣтъ: сѣверная русская деревня еще тонетъ въ сугробахъ начинающаго таять снѣга; на ней лежитъ печать сиротливости, заброшенности и убожества. „Но вотъ въ одномъ концѣ равнины раздалось гудѣніе полночнаго колокола; на встрѣчу ему съ противоположнаго конца пронеслось другое, за нимъ—третье, четвертое... На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горячіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила. По дорогѣ потянулись вереницы деревенскаго люда. Впереди шли люди сѣрые, замученные жизнію и нищетою, люди съ истерзанными сердцами и поникшими долу головами. Они несли въ храмъ свое смиреніе и свои возды-

¹⁾ См. въ автобіографической хроникѣ „Пошехонская старина“ главу V: „Первые шаги на пути къ просвѣщенію“.

²⁾ Соч. Щедрина Т. VI, Спб. 1892, стр. 181.

ханія“... Среди этихъ людей сумѣлъ нашъ сатирикъ подмѣтить такихъ лицъ, которыя вынесли изъ церкви жажду подвига и несокрушимую силу терпѣнія: припомнимъ нарисованныя во весь ростъ (въ „Пошехонской старинѣ“) фигуры Аннушки, терпѣливо сносившей невзгоды крѣпостного права, или Сатира-скитальца, сбиравшаго „на церковное строеніе“, терпѣвшаго голодъ и холодъ, порывавшагося уйти „въ пустынь на Сольбу“. Поразительна картина его смерти. Сатиры былъ тяжело боленъ. „Однажды привидѣлся ему сонъ. Стоить будто онъ въ ангельскомъ образѣ, окутанный свѣтлымъ облакомъ; въ ушахъ раздается сладкогласное ангельское слово, а предъ глазами присносущный свѣтъ Христовъ горитъ... Всѣ земныя болѣсти съ него какъ рукой сняло; кашель улегся, грудь дышитъ легко; все существо устремляется въ высь и въ высь...—Инокъ Серапіонъ!—слышится ему голосъ, исходящій изъ сіяющей глубины. Такъ во снѣ и предсталъ онъ въ ангельскомъ чинѣ предъ вышній судъ Божій“. Откуда, какъ не изъ храма, изъ монастыря, вынесъ Сатиры то душевное настроеніе, которое привело его къ такой кончинѣ?

Приведенныя выдержки изъ сочиненій Тургенева, Некрасова и Щедрина уже съ достаточною опредѣленностью намѣчаютъ значеніе храма для „простого“ народа; но еще съ большей силой выступаетъ это значеніе при чтеніи разсказовъ двухъ современныхъ беллетристовъ—Короленка и Чехова. Есть у *Короленка* превосходный разсказъ: „Сонъ Макара“, положившій начало его литературной извѣстности. Здѣсь изображается сибирскій поселенецъ Макарь, полу-русскій, полу-якутъ. Работалъ онъ страшно, жилъ бѣдно, терпѣлъ голодъ и холодъ, при случаѣ не прочь былъ надуть сосѣда, а когда поступали въ его распоряженіе деньги, онъ напивался до безпамятства. „Были ли у него,—спрашиваетъ авторъ,—какія-либо мысли, кромѣ непрестанныхъ заботъ о лепешкѣ и чаѣ?“ И отвѣчаетъ: „Да, были“. Когда онъ напивался пьянъ, онъ плакалъ надъ своею горькою жизнью и собирался уйти „на гору“—„спасаться“. И вотъ однажды

приснился ему сонъ, что онъ попалъ-таки на гору и предсталъ предъ очи „старога Тойона“ (въ образѣ Тойона, высшаго начальника, представлялъ Макаръ Бога) на судъ; „онъ вспоминалъ всю свою жизнь до послѣднихъ подробностей, вспомнилъ каждый свой шагъ: и каждый ударъ топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обманъ, и каждую выпитую рюмку водки“—и ему стало за себя „стыдно и страшно“: въ душѣ грубаго Макара, полудикаря, проснулась совѣсть. И пропалъ бы онъ отъ ея упрековъ, если бы не пожалѣлъ его сынъ старога Тойона... Спрашивается: откуда проникъ въ огрубѣлую душу Макара лучъ свѣта, пробудившій и смягчившій эту душу? Да изъ той „заброшенной среди тайги церкви, гдѣ Макаръ бывалъ по великимъ праздникамъ, гдѣ онъ мало чтò и понималъ изъ того, что тамъ поють и читають, но гдѣ все-таки лучъ свѣта Христова проникъ въ его душу. Разсказъ г. Короленка ярко освѣщаетъ предъ нами все безконечное значеніе этой бѣдной, ветхой деревянной церкви, заброшенной среди тайги“¹⁾.

Въ 1897 г., когда русское общество было занято сравнительной оцѣнкой деревни и фабрики какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, появился на страницахъ „Русской Мысли“ разсказъ *Чехова* „Мужики“, произведшій среди читающаго общества настоящую сенсацію. Мрачными красками обрисованъ здѣсь и экономическій, и нравственный обликъ подмосковной деревни: съ одной стороны—грязь и нищета, пожары и недороды, съ другой—семейныя ссоры, распутство, пьянство, отсутствіе самыхъ элементарныхъ нравственныхъ и религійныхъ понятій, и если откуда все-таки пробивался лучъ свѣта въ это темное царство, то это—изъ церкви. Какъ ни грубы были жуковскіе крестьяне, они „любили священное писаніе, любили нѣжно,

¹⁾ Изъ критич. этюда о Короленкѣ покойнаго Ю. Николаева (=К). Н. Говорухи-Отрока), въ которомъ прекрасно разъясненъ смыслъ разсказа „Сонъ Макара“. („Очерки Ю. Николаева“).

благоговѣйно“, и „за то, что Ольга (жена одного жуковца) иногда читала Евангеліе. её уважали, и всё говорили ей и Сашѣ (Ольгиной дочери) *сы*“. Такъ обнаруживалась потребность религіозно-правственнаго назиданія, а порою замѣчался и подъемъ религіознаго чувства, все-таки теплившагося даже и въ грубыхъ сердцахъ. Такъ было, когда въ Жуково принесли „Живоносную“. „Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на неё и говорили, плача: „Заступница, матушка! Заступница!“... Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой, невыносимой нужды, отъ страшной водки...—Заступница, матушка!—рыдала Марья.—Матушка!“... Вотъ что переживали жуковцы при посѣщеніи ихъ деревни съ иконой Богоматери: вѣдь „это—свѣтлое мгновенье въ дикомъ мракѣ и глуши, это—трепеть умиленья въ вѣчность глянувшей души“. Правда, подъемъ религіознаго чувства не былъ продолжительнъ: „отслужили молебень, унесли икону, и все пошло по старому, и опять слышались изъ трактира грубые, пьяные голоса“; однако,—мнѣ думается,—если бы заглянуть поглубже въ души жуковцевъ, то тамъ, вѣроятно, открылись бы слѣды пережитаго душевнаго подъема. Чѣмъ чаще,—разумѣется,—такіе моменты, тѣмъ прочнѣе слѣды... Но что бы было съ бѣднымъ Макаромъ, что бы было съ жуковцами, если бы къ нимъ не проникалъ лучъ свѣта изъ христіанскаго храма? Тогда ихъ жизнь была бы безпросвѣтною глушью...

На этомъ мы и закончимъ обзоръ художественныхъ произведеній, такъ или иначе затрогивающихъ вопросъ о значеніи храма. Конечно, представленный обзоръ не отличается полнотою,—нѣкоторые писатели въ немъ совсѣмъ не затронуты; но полнота обзора и не входила въ задачу настоящаго очерка: мы имѣли въ виду представить вниманію читателей рядъ литературныхъ справокъ, достаточно яркихъ и выразительныхъ

для того, чтобы убѣдиться въ великомъ значеніи храма не только для простаго народа, но и для образованнаго общества. Думается, эта цѣль до нѣкоторой степени достигнута: сопоставленіемъ приведенныхъ данныхъ, конечно, не исчерпывается значеніе храма со всѣхъ сторонъ, но твердо устанавливается та истина, что православно-русскій храмъ—это неугасимый очагъ самаго возвышеннаго идеализма, самый доступный источникъ христіанскаго просвѣщенія, это—такое мѣсто, куда всякій можетъ нести и свои радости, и свои—порою нестерпимыя—скорби. Не будь у насъ, на Руси, храмовъ—сохранилъ ли бы русскій народъ въ глубинѣ своей души ту вѣру въ торжество правды, которая пока—слава Богу!—живетъ въ его груди? вынесъ ли бы онъ на своихъ плечахъ ту массу историческихъ невзгодъ, которыя выпали на его долю? Вотъ почему нельзя не привѣтствовать правительственныхъ и общественныхъ заботъ о построеніи храмовъ въ различныхъ концахъ Сибири: они внесутъ лучъ Христова свѣта (а вѣдь это—самый чистый свѣтъ) въ среду бѣдныхъ Макаровъ. Конечно, имъ нужны и хорошія земледѣльческія орудія, и удобныя пути сообщенія, и мы не можемъ не радоваться, что Сибирь перестаетъ быть падчерицей для нашего правительства и общества и въ этомъ отношеніи. Но какъ бы ни были благоприятны экономическія условія, опредѣляющія культурное развитіе известной страны,—сами по себѣ они еще не обезпечиваютъ ея благосостоянія: для этого необходимо ввести въ сознаніе и жизнь ту струю идеализма, которая бьетъ въ христіанскихъ храмахъ неизсякаемымъ ключемъ,—показать несравненную красоту идеи самоотверженія, которая такъ ярко воплотилась въ божественной личности Христа,—пролить свѣтъ въ ту область бытія, которая остается недовѣдомой даже для мудрецовъ, поддержать изнемогающаго духомъ тогда, когда для него терпятъ силу какія бы то ни было человѣческія утѣшенія. Гдѣ, кромѣ храма, искать всѣхъ этихъ условій не только вѣчнаго спасенія, но и сколько-нибудь сноснаго земнаго существованія?..

Но этимъ не исчерпывается значеніе храма: разъ христіанскій идеализмъ проникъ въ извѣстную среду, онъ дастъ себя знать и въ личной настроенности ея представителей, и въ организаціи ихъ взаимныхъ отношеній, и въ ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла: „малъ квасъ все смѣшеніе квасить“... Помнится, когда сдѣлалось извѣстнымъ духовное завѣщаніе одного изъ покойныхъ профессоровъ моск. дух. академіи, извѣстнаго философа, въ своей мысли и жизни сумѣвшаго объединить вѣру и знаніе, богочестіе и философію, оно вызвало въ однихъ недоумѣніе, въ другихъ—прямо разочарованіе: значительнѣйшую часть своего состоянія, пріобрѣтеннаго неустаннымъ литературнымъ трудомъ, покойный профессоръ-философъ завѣщалъ на построеніе и поддержаніе храмовъ въ бѣднѣйшихъ приходахъ нашей родины. Почему не на преміи за ученія сочиненія? почему не на изданіе философскихъ сочиненій? почему не на школы и богадѣльни? Не разъ приходилось слышать пишущему эти строки подобныя „почему“,—то было въ годы его юности,—и хотя онъ не менѣе своихъ собесѣдниковъ сознавалъ всю важность научнаго образованія и недостаточность школъ и богадѣленъ у насъ, на Руси, однако не удивлялся предсмертному распоряженію философа-христіанина: разъ онъ видѣлъ въ христіанствѣ откровеніе высочайшей истины и вѣрилъ въ его могучую нравственно-преобразующую силу, могъ ли онъ не стремиться къ широкому распространенію и глубокому вкорененію христіанскаго міросозерцанія въ сознаніи русскаго народа? могъ ли онъ не цѣнить храмовъ, хранителей и провозвѣстниковъ этого міросозерцанія? Правда, храмъ не можетъ замѣнить вполнѣ школы и богадѣльни, но если тамъ ярко горитъ свѣтъ правды Христовой, тогда около храма возникаютъ и школа, и богадѣльня: тамъ постоянно слышится призывъ къ испытанію Писаній и къ помощи нуждающимся. Школы и богадѣльни—отвѣтъ на этотъ призывъ. Правда, храмъ не дастъ всесторонняго научнаго образованія: иное дѣло—храмъ, иное дѣло—университетъ; но если храмъ находится возлѣ университета,

а университетъ прислушивается къ тому, что возвѣщается въ храмѣ,—тогда научная работа, нисколько не суживаясь въ своихъ размѣрахъ, получаетъ правильную оцѣнку и идеалистическое направленіе. Въдѣ христіанство не отрицаетъ ни научной, ни художественной, ни общественной дѣятельности,— оно только подчиняетъ ее высшему началу—созиданію царства Божія—и чрезъ это сообщаетъ ей высшій непреходящій смыслъ. Будутъ храмы—будутъ и школы, будетъ и помощь слабымъ, бѣднымъ, больнымъ, обездоленнымъ; будутъ храмы—и наука не спустится до значенія простого орудія въ борьбѣ за существованіе. Только бы огонь, хранящійся въ нѣдрахъ христіанскаго храма, горѣлъ яркимъ пламенемъ. Поддерживать священный огонь, возможно шире раздвигать тотъ кругъ, который освѣщается и согрѣвается животворными лучами этого огня,—такова одна изъ главныхъ задачъ православнаго пастырства: свѣтильникъ не скрываютъ подъ спудомъ, а ставятъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ. Въ чемъ могутъ и должны выражаться пастырскія попеченія о храмѣ въ наши дни—объ этомъ надѣмся поговорить въ слѣдующемъ очеркѣ.

И. Кудрявецъ.

**Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ
внушенія ¹⁾.**

II.

Религіозная вѣра не есть нѣчто отвлеченное, привнесенное въ природу человѣка. Она покоится на религіозной идеѣ, которая прирождена человѣку въ формѣ безсознательной зависимости отъ высшаго его существа или начала: я не одинъ въ своей душѣ, есть въ ней кто-то выше меня, къ которому влечется, тисотѣеть мой духъ. Въ формѣ, вполне правильно раз-

¹⁾ См. № 46 за 1901 г.

витой и опредѣленной, религіозная вѣра есть признаніе бытія внѣміровой творческой и промыслительной силы и вмѣстѣ существованія свободы у тварей, которая служитъ предметомъ промышленности Божія ¹⁾. Конечно, эта вѣра обнимаетъ всѣ силы человѣческаго духа и въ разумѣ выражается признаніемъ бытія Творца и своей зависимости отъ Него, въ сердцахъ—непосредственнымъ и живѣйшимъ ощущеніемъ Его бытія, что проявляется къ любви къ Богу, преданности Ему, радости о Немъ и др. чувствахъ: въ области воли религіозная вѣра есть вѣрность Творцу. Какъ видимъ, развитая религіозная вѣра есть цѣлостная душевная настроенность. Какимъ образомъ эта опредѣленная настроенность образуется и возникаетъ изъ неясной, безформенной религіозной идеи? Что требуется для этого?

Увѣровать нельзя безъ проповѣдующаго (Римл. 10, 14): природенная религіозная идея заявляетъ о себѣ въ душѣ человѣка, только какъ болѣе или менѣе отчетливо ощущаемая зависимость отъ высшаго начала; но каково это начало въ своей сущности и свойствахъ, объ этомъ человѣкъ ничего не узнаетъ изъ природенной идеи. Знаніе это сообщаетъ ему проповѣдь—внушеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Однако, не всякое проповѣданіе способно возбудить вѣру въ слушателяхъ, но, прежде всего, проповѣданіе обоснованное и доказательное. Не можетъ быть принята проповѣдь спутанная, заключающая очевидныя внутреннія противорѣчія. Такъ какъ, далѣе, религіозная вѣра, по самой высотѣ своего объекта, не можетъ быть раскрыта вполне ясно и неотразимо, то логическая сила аргументовъ должна быть признана факторомъ, мало и слабо располагающимъ къ вѣрѣ. Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи имѣетъ значенія убѣжденіе проповѣдника въ истинахъ вѣры, которое можетъ передаваться слушателямъ черезъ его одушевленное слово. Эта передача настроенія одного

¹⁾ См. подробнѣе раскрытіе этой мысли въ ст. Н. Боголюбова: „Понятіе о религіи“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1900 г., февраль, стр. 231—265.

многимъ—совсѣмъ, однако, не то, что называется стадностію толпы. Последняя основывается на тождественности психическихъ процессовъ у каждаго человѣка съ остальными, и потому обнаруживается въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ, какъ у одного, такъ и у всѣхъ. Этой тождественности не бываетъ въ жизни религіозной, которая у каждаго имѣетъ свои особенныя свойства. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что успѣхъ проповѣди апостоловъ въ день пятидесятницы зависѣлъ не отъ силы ихъ доводовъ, а отъ силы ихъ религіознаго одушевленія, которое и передалось въ нѣкоторой степени народной массѣ. Точно также сила религіознаго одушевленія Викента, проповѣдывавшаго въ еврейской синагогѣ, сообщилась слушающимъ его евреямъ, вслѣдствіе чего и пожелали они креститься. Но несомнѣнно, однако, и то, что безпримѣрное религіозное одушевленіе апостоловъ или относительное одушевленіе Викента не передалось никому изъ слушателей ихъ въ силѣ, равной силѣ религіознаго одушевленія самихъ проповѣдниковъ,—не всѣмъ оно сообщилось въ одинаковой степени, а нѣкоторымъ, возможно, и совсѣмъ не сообщилось. Причина этого кроется въ душевной настроенности лицъ, слушавшихъ проповѣдь. Изъ язычниковъ и евреевъ - слушателей апостоловъ и изъ евреевъ—слушателей Викента увѣрвали, конечно, тѣ, которые раньше колебались въ своихъ вѣрованіяхъ; тѣ же, которые тверды были въ нихъ, какъ тверды, напр., наши фанатичные раскольники въ вѣрѣ своихъ отцовъ,—тѣ, подъ вліяніемъ проповѣди, или только поколебались въ своихъ убѣжденіяхъ, или же, не испытавъ ея положительнаго вліянія, ожесточились противъ проповѣдниковъ. Общеизвѣстное явленіе, что человѣкъ добродѣтельный своими обличеніями зачастую ожесточаетъ человѣка порочнаго. Мы всѣ хорошо помнимъ библейскіе факты избіенія іудеями пророковъ вслѣдствіе именно ожесточенія, вызваннаго пророческими обличеніями порочной ихъ жизни. Вѣрнымъ, слѣдовательно, остается положеніе, что обращеніе изъ невѣрія въ вѣру совершается не вдругъ, а болѣе или менѣе продолжи-

тельно, и что вѣрующимъ человѣкомъ нельзя сдѣлаться мгновенно. Желая показать, какъ далеко простирается на народъ вліяніе вождей, полководцевъ, пророковъ или учителей, извѣстный современный французскій соціологъ Гардь отождествляетъ отношеніе ихъ къ народу съ отношеніемъ магнетизера къ сомнамбулѣ: тотъ же престижъ, та же властность съ одной стороны, то же пассивное подчиненіе съ другой ¹⁾. По эксперименты внушенія показываютъ, что вліяніе магнетизера на сомнамбулу не всеильно. Изъ опытовъ внушенія видно, что внушенія, радикально противоположныя характеру и воззрѣніямъ гипнотизируемаго, или не исполняются послѣднимъ совсѣмъ, или исполняются имъ послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній; въ послѣднемъ случаѣ внушеніе влечетъ за собою скорѣе судорожный припадокъ, чѣмъ повиненіе. Такъ, напр., Ригеръ рассказываетъ, что загипнотизированная честная и религіозная, хотя и простая, дѣвушка съ негодованіемъ отвергла и не исполнила внушенія украсть часы ²⁾. Отсюда мы имѣемъ право заключать, что и вліяніе проповѣдника, убѣжденно *внушающаю* вѣру своимъ слушателямъ, не всеильно: онъ возбуждаетъ расположеніе къ вѣрѣ только въ тѣхъ, кто раньше былъ подготовленъ къ ней; въ тѣхъ-же, кто до неперимости былъ враждебенъ ей, онъ возбуждаетъ злобу, ожесточеніе по отношенію и къ себѣ и къ проповѣди ³⁾.

Намъ могутъ сказать, что проповѣдникъ застааетъ своихъ слушателей съ готовымъ уже настроеніемъ—благоприятнымъ или неблагоприятнымъ для возникновенія въ нихъ расположенія къ вѣрѣ,—но самое это настроеніе есть результатъ

¹⁾ Н. Баженовъ: „Область и предѣлы внушенія“, см. „Вопросы философіи и психологін“, 8 кн., стр. 144.

²⁾ Проф. Козловъ. „Философскій трехмѣсячникъ“, т. I, № 4, стр. 291.

³⁾ Какъ возможно было, съ психологической точки зрѣнія, обращеніе Савла, при его враждебной настроенности въ отношеніи къ христіанству, см. рѣшеніе этого вопроса въ изслѣдованіи проф. Глубоковскаго: „Обращеніе Савла и *Евангеліе* св. ап. Павла“, „Христ. чт.“. 1896 г., ч. I. г. ССІ, стр. 241—388.

внушенія со стороны всѣхъ окружающихъ ихъ людей, со стороны, словомъ, среды, въ которой они вращались. И будь человекъ въ религіозной средѣ, онъ непременно будетъ и вѣрующимъ, религіознымъ. Такую мысль и высказываетъ французскій соціологъ Тардъ. Онъ опредѣляетъ общество, какъ собраніе существъ, подражающихъ другъ другу или схожихъ. такъ что они представляютъ собою сколки съ одного общаго образца ¹⁾. Мы провѣримъ это мнѣніе на дѣтяхъ. Ученными,—напр., Льебо,—высказывается мысль, что на дѣтяхъ отражаются идеи, занимающія беременныхъ матерей ихъ ²⁾. Очень можетъ быть, поэтому, что крикъ Викента во чревѣ матери противъ нечестивцевъ, если только не иллюзія матери, принявшей за крикъ простое движеніе ребенка, явился вслѣдствіе раздраженія ея самой противъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, то несомнѣнно, что дѣти рождаются съ унаслѣдованными отъ родителей чертами духовнаго облика,—и религіозность можетъ быть одной изъ такихъ чертъ. Путемъ бессознательнаго подражанія дѣти могутъ укрѣплять и развивать въ себѣ это природное свойство и вообще усвоить убѣжденія и вѣрованія своихъ родителей. И несомнѣнно, что великіе отцы и учителя Церкви—Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, обязаны были своей глубокой религіозностью отчасти вліянію своихъ благочестивыхъ матерей, какъ, быть можетъ, и Викентъ. Но обязаны были только отчасти. Вліяніе это не безусловно. Въ противномъ случаѣ, мы никогда не объяснимъ такихъ фактовъ, что у благочестивыхъ родителей бывають порочныя и вовсе не религіозныя дѣти. Вспомнимъ сына благочестивой Моники—блаж. Августина. Сперва благоправный и религіозный (до 15-лѣтняго возраста), потомъ онъ дѣлается порочнымъ и развратнымъ и остается такимъ въ теченіе значительнаго періода времени. Скажутъ, что развратили его порочные люди, съ которыми онъ столкнулся въ отроческіе

¹⁾ Баженовъ, тамъ же.

²⁾ „Кіевск. Универс. Изв.“. 1893 г., № 10, октябрь, стр. 369.

годы. Но этотъ вопросъ всего лучше разъясненъ самимъ блаж. Августиномъ въ его „Исповѣди“. Стоитъ только обратиться къ ней, и изъ нея мы узнаемъ, что причина его глубокаго паденія заключалась не въ средѣ, не въ другихъ, а въ немъ самомъ—въ его свободной волѣ, какъ онъ признается въ этомъ. Допустивъ безусловное вліяніе на человѣка среды, мы не поймемъ, почему этотъ учитель Церкви—дитя благочестія, съ молокомъ матери впитавшій духъ благочестія и религіозности, возросшій подъ ея благотворнымъ вліяніемъ, поддается дурному вліянію порочныхъ людей, а потомъ снова дѣлается религіознымъ? Подражаніемъ, очевидно, не исчерпывается психическая жизнь индивидуумовъ и общества. Тардъ самъ даетъ поправку своей теоріи, указывая на то, что если бы законы подражанія были единственными соціальными законами, то человечество застыло бы въ одноформенномъ кругѣ идей и традицій¹⁾. Рядомъ съ законами подражанія нужно принять, въ качествѣ равноцѣннаго историческаго фактора, силу инициативы, создающую все новые образцы для дальнѣйшаго подражанія. И каждый изъ насъ не есть всецѣло продуктъ общества, но стремится внести въ общественную жизнь что-либо свое. Если бы окружающее насъ общество состояло изъ гипнотизеровъ, и тогда едва ли мы были бы его продуктомъ. Известно, что посредствомъ гипнотическаго внушенія можно получать *лишь больше или меньше постоянныя модификаціи характера*. Любо гипнотическимъ внушеніемъ запретилъ одному субъекту курить табакъ и пить вино, что было для него очень вредно; но запрещеніе это оказалось дѣйствительнымъ только на нѣкоторое время²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ моментъ гипнотизаціи вліяніе личности гипнотизера имѣетъ большое, рѣшающее значеніе, въ общемъ уничтожая личность гипнотизируемаго и дѣлая его почти игралищемъ для себя. Но затѣмъ дѣло обстоитъ уже иначе. Въ дѣйствіе вступаетъ уже не гипноти-

¹⁾ Баженовъ, тамъ же.

²⁾ Проф. Козловъ. „Философскій трехтысячник“, т. I. № 4, стр. 292.

зеръ, а измѣненное внушеніемъ психическое содержаніе. Человѣкъ остается теперь такимъ же хозяиномъ своихъ духовныхъ силъ, какъ и прежде,—и новое распредѣленіе его силъ, сообщенное внушеніемъ, можетъ быть нарушено его волей. Гипнотизеръ имѣетъ дѣло съ этой силой при самой гипнотизаціи: присутствіе ея обличается, при общемъ отсутствіи личности гипнотизируемаго, индивидуальными манерой разсужденія его и способами дѣйствія, индивидуальными способами сопротивленія внушенію, индивидуальными приемами выполненія его, а иногда полнымъ непослушаніемъ ему, если воля гипнотизируемаго очень сильна. Если въ состояніи гипноза человѣкъ не всецѣло становится продуктомъ среды, которою являются въ данномъ случаѣ гипнотизеры, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть таковымъ въ бодрственномъ состояніи. Основываясь на этомъ, мы должны признать, что вѣра не есть результатъ того, что внушалось о ней человѣку со стороны другихъ, или что самъ онъ думалъ о ней. Результатомъ внушенія и размысленій могло явиться только сочувствіе, расположеніе къ вѣрѣ—не болѣе.

Станетъ человѣкъ вѣровать или не станетъ, определяется это не внушеніемъ, а свободной его волей. Многоразличными вліяніями окружающей среды,—вліяніями часто радикально противоположными одно другому, онъ поставляется какъ бы на распутіи, изъ котораго выходятъ двѣ дороги въ разныя стороны: вѣра и невѣріе. Идти въ одно и то же время по обѣимъ дорогамъ, быть вѣрующимъ и вмѣстѣ невѣрующимъ, нельзя: нужно направиться вправо или влѣво, избрать вѣру или невѣріе. Избраніе это есть актъ свободной воли человѣка и ничѣмъ инымъ объяснено быть не можетъ. И Викентъ, вопреки тенденціозному мнѣнію Корра и Лорана, потому былъ вѣрующимъ, что хотѣлъ такимъ быть. Итакъ, человѣкъ рѣшился, положимъ, вѣровать, имѣетъ и расположеніе къ вѣрѣ, возбужденное выше указанными факторами: доказательствами вѣры, какія онъ слышалъ, убѣжденіемъ проповѣдника или учителя, личной своею подготовительной на-

строенностью, влияніемъ среды. Откуда же, однако, возьметъ онъ самую вѣру? откуда возьметъ живѣйшую любовь къ Богу, радость и умиленіе о Немъ, преданность Ему? Такая психическая настроенность не можетъ быть получена изъ наличной дѣйствительности. Свобода не можетъ дать ее, потому что это значило бы творить изъ ничего; но она не творитъ, а только управляетъ готовымъ психическимъ содержаніемъ. Откуда же, повторимъ, возьметъ человѣкъ вѣру? Она подается ему, подъ условіемъ его свободного самоопредѣленія къ ней, свыше—отъ Бога: она есть благодатный даръ. „Никто не можетъ называть Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (1 Кор. 12, 3). Вѣра эта подается всѣмъ, хотящимъ и ищущимъ ея. И во всѣхъ другихъ религіяхъ—нехристіанскихъ все лучшее, по разсужденію Климента Александрійскаго въ его „Строматахъ“, есть даръ благодати, промышляющей о всѣхъ и не принадлежащихъ къ стаду Христову: все остальное—ложное и худшее, результатъ естественныхъ факторовъ.

Можно ли послѣ всего сказаннаго смотрѣть на вѣру, какъ на результатъ внушенія,—говорить о томъ едва ли нужно.

III.

Въ вопросѣ о чудесахъ, какъ результатѣ внушенія, Корри и Лоранъ, вмѣстѣ съ другими учеными, изъ которыхъ назовемъ не такъ давно умершаго Шарко, держатся такихъ пріемовъ: съ одной стороны, чудеса, *по ихъ желанію*, непременно должны быть одного типа, слишкомъ ограниченнаго для того, чтобы заключить въ себѣ все ихъ безконечное разнообразіе, т. е. должны совершаться въ области нервныхъ разстройствъ—и притомъ подъ необходимымъ условіемъ внушенной вѣры въ ихъ совершеніе; съ другой стороны, нервныя разстройства должны быть безконечно разнообразны и должны обнимать собою почти всѣ существующія болѣзни для того, чтобы разнообразнѣйшія страданія, которыя были когда-либо прекращены

чудесно, могли подлежать цѣлительному воздѣйствію вѣры, черезъ отнесеніе ихъ къ разряду нервныхъ.

Сообразно съ такими приемами, названные ученые отвергаютъ всѣ тѣ чудеса, которыя совершены въ области нервныхъ разстройствъ, напр., воскрешеніе мертвыхъ, приращеніе отрѣзаннаго члена тѣлеснаго (напр., уха Малха) и пр. т. п. О ненаучности такого отношенія къ фактамъ, засвидѣтельствованнымъ исторіей, было бы напрасно говорить: она слишкомъ ясна сама по себѣ. Чтобы заключить въ область нервныхъ разстройствъ всѣ чудеса, Коррь и Лоранъ должны гостеприимно расширить ее—что и дѣлаетъ Шарко¹⁾—и расширить притомъ до невозможныхъ предѣловъ: отнести къ нервнымъ разстройствамъ и искривленіе членовъ, и язвы, и опухоли, и всѣ внутреннія болѣзни, напр., ракъ. Всѣ болѣзни, которыя исцѣлены Викентомъ, Коррь и Лоранъ относятъ къ разряду нервныхъ, чего мы, къ сожалѣнію, не можемъ провѣрить. Другія чудесныя явленія, совершенныя Викентомъ, они объясняютъ галлюцинаціями на почвѣ нервнаго разстройства (хотя видѣніе евреями крестовъ, какъ говорили мы выше, нельзя считать галлюцинаціей). На этой почвѣ нервныхъ разстройствъ, гдѣ возможны такія произвольныя и безграничныя расширенія обычныхъ понятій, трудно что-либо возразить естественвѣдамъ, потому что, какъ справедливо рассуждаетъ одинъ изъ критиковъ разсматриваемаго взгляда на чудо, къ нервнымъ разстройствамъ, дѣйствительно, нельзя отнести развѣ только отсутствіе тѣлеснаго члена, отрѣзаннаго въ клиникѣ. Всякая недоразвитость или совершенное неразвитіе того или другого органа могутъ быть объяснены нервозомъ. При такой точкѣ зрѣнія, нужно ли было бы удивляться, если бы кто и слѣпорожденному отверзъ очи? Можно было бы сказать, что его слѣпота есть послѣдствіе нервоза, которому онъ былъ подверженъ при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ; а потому она и подлежитъ исцѣленію посредствомъ внушенной

¹⁾ См. Письма его „Объ исцѣленіи вѣрою“.

вѣры ¹⁾. Такимъ образомъ, Корръ и Лоранъ, вслѣдъ за Шарко, должны включить всѣ динамическія и органическія разстройства въ категорію нервныхъ, чтобы подвести ихъ подъ исцѣляющее дѣйствіе внушенія. Виѣ этой категоріи останется только отсутствіе тѣлеснаго члена, а потому—нароженіе его невозможно для вѣры внушенной. Но никто изъ вѣрующихъ, по справедливому сужденію того же критика, не осмѣлится искушать Бога такъ, чтобы сначала отрѣзать себѣ, положимъ, ногу, а потомъ умолять Господа, чтобы вновь отростилъ ее, и внушить себѣ вѣру, что Господь исполнитъ эту молитву. Своими приемами естествовѣды, какъ видимъ, „создаютъ себѣ неприступное положеніе, изъ котораго ихъ не выбьетъ никакое чудо“ ²⁾; но они, что очевидно, насилуютъ дѣйствительность. Какъ бы они ни старались свести всѣ, когда-либо исцѣленные болѣзни, къ нервнымъ разстройствамъ, чтобы объяснить ихъ исцѣленіе дѣйствіемъ внушенія, однако, „существуютъ факты, говоритъ Хекъ-Тьюкъ, которые докторъ Максу не считаетъ возможнымъ объяснить дѣйствіемъ вѣры: внезапное заживленіе давнишняго перелома берцовой кости, вправленіе вывиха бедра, мгновенное исцѣленіе венъ на ногѣ, растянутыхъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Эти болѣзни не могутъ излѣчиться произвольно; никакая вѣра, никакое упованіе на свѣтѣ не можетъ сростить осколки переломленной кости, вправить вывихъ, или заставить зарубцеваться растянутыя вены“ ³⁾. Гипнотическіе опыты подтверждаютъ это заявленіе. Доселѣ внушеніемъ не удавалось исцѣлить органическаго разстройства нервовъ, и есть мнѣніе, что внушеніемъ исцѣляются болѣзни, явившіяся вслѣдствіе внушенія-же. Одной дѣвочкѣ въ состояніи гипноза было возвращено зрѣніе, которое она потеряла вслѣдствіе того, что принудили ее лечь на

¹⁾ С. В. Кохомскій, см. его ст. „Еще нѣсколько словъ „о безбожныхъ чудесахъ“ Шарко“—„Руководство для сельскихъ пастырей“, 1893 г., № 6, стр. 156.

²⁾ Тамъ же, ст. 156.

³⁾ „Духъ и тѣло“, ст. 324.

войку съ братомъ, лицева короста котораго внушала сестрѣ отвращеніе и страхъ и чрезъ это произвела у нея разстройство глазного нерва ¹⁾). Въ виду этого естествовѣды должны или совсѣмъ отказаться отъ объясненія чудесъ внушеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, согласиться съ Хекъ-Гьюкомъ, который говоритъ: „мы не будемъ имѣть претензій примѣнять наши принципы“ къ указаннымъ выше фактамъ, не подлежащимъ цѣлительному дѣйствию вѣры внушенной; „мы удовольствуемся тѣмъ, что скажемъ вмѣстѣ съ Вирховымъ: „обманъ или чудо“ ²⁾).

Необходимымъ условіемъ чудесъ—будутъ ли ими исцѣленія болѣзней или другія явленія, Коррь и Лоранъ вмѣстѣ съ Шарко признаютъ внушенную ихъ свидѣтелямъ и тѣмъ, надъ кѣмъ они совершаются, вѣру въ совершеніе чуда, которая, усиливаясь, возрастаетъ до степени чудодѣйственной. Но это утвержденіе не соотвѣтствуетъ болѣе части чудесныхъ явленій. Имѣлъ ли вѣру въ свое исцѣленіе бѣсноватый, пришедшій къ Викенту съ цѣлю оскорбить его? Къ внушенію вѣры онъ былъ наименѣе воспріимчивъ, потому что былъ враждебно настроенъ въ отношеніи къ Викенту. Вообще часто бываетъ, что исцѣленіе получаютъ больные, не вѣрующіе въ чудесную помощь Божию и обращающіеся къ ней не по собственному желанію, а по желанію своихъ близкихъ, уступая ихъ усиленнымъ просьбамъ о томъ. Иногда же близкіе больного молятся объ исцѣленіи его втайнѣ отъ него, скрывая отъ него свою молитву или, по крайней мѣрѣ, не призывая его къ участию въ ней; и Богу угодна бываетъ такая молитва: Онъ внемлетъ ей и подаетъ исцѣленіе. Ни слуга Капернаумскаго сотника, ни дочь хананейки не молились Господу и не просили Его о своемъ исцѣленіи; за слугу молился господинъ его—сотникъ, за болящую дочь—мать ея—хананейка, и, однако, тотъ и другая получили исцѣленіе по

¹⁾ Важенъ, *ibidem*.

²⁾ „Духъ и тѣло“, стр. 324—325.

невѣдомой ими молитвѣ своихъ близкихъ (Мѡ. 8, 5—13; 15, 22—28). Примѣры заочнаго исцѣленія больныхъ и не по молитвамъ ихъ самихъ извѣстны изъ лѣтописи и современной намъ религіозной жизни. Французъ Курбе, страдавшій помѣшательствомъ, получилъ молитвенную помощь отъ о. Іоанна Кропштадтскаго по письму къ нему своей жены, въ то время, какъ самъ онъ не только не обращался къ его помощи, но даже и не зналъ ничего о Кропштадтскомъ молитвенникѣ ¹⁾). Иногда тяжкія страданія больного совершенно исключаютъ возможность послѣдовательнаго, какъ бы органическаго развитія въ немъ вѣры; таковы люди помѣшанные и крайне нервныя. Первые, за отсутствіемъ или пріостановкой сознательной дѣятельности, а вторые, по крайней подвижности ума, неспособны сосредоточиться на одной идеѣ ²⁾). Бываютъ случаи, когда исцѣленіе подается больному безъ всякой просьбы съ его стороны или со стороны кого-либо изъ окружающихъ его, подается единственно во имя милосердія Божія. Хромой отъ рожденія, котораго исцѣлилъ ап. Петръ, совсѣмъ не думалъ просить и получить отъ него исцѣленіе, а ждалъ только обычнаго подаенія милостыни (Дѣянія Ап., 3, 2—8). Во всѣхъ такихъ случаяхъ, очевидно, и рѣчи не можетъ быть о какой-либо психической подготовкѣ къ произведенію исцѣленія, въ родѣ, напр., постепеннаго образованія въ больномъ такого душевнаго состоянія, которое могло бы удалить болѣзнь тѣла, взявъ надъ ней верхъ, такого убѣжденія въ наступленіи исцѣленія, которое способно было бы произвести самое исцѣленіе.

Если же и происходятъ чудеса по вѣрѣ, то эта вѣра не есть одна только увѣренность въ необходимомъ наступленіи исцѣленія или вообще совершенія того или другаго чуда. Исцѣленные больные, если спросить о ихъ душевномъ настроеніи, какое они переживали предъ исцѣленіемъ, отвѣтить,

¹⁾ Кохомскій, *ibidem*, стр. 159.

²⁾ Проф. Козловъ. „Философскій трехмѣсячникъ, т. 1, № 4, стр. 289.

что они вѣровали въ милосердіе Божіе и въ Его всемогущество, а не въ силу своей собственной вѣры въ неизбежное наступленіе выздоровленія. Наука можетъ не вѣрить такому свидѣтельству исцѣленныхъ, скажетъ, что никакой божественной силы въ ихъ исцѣленіи не было. Но подобное отношеніе къ показанію многихъ свидѣтелей ненаучно, тѣмъ болѣе, что исцѣленные заявляютъ, что если-бы они не вѣрили въ бытіе божественной исцѣляющей силы, то и не имѣли бы никакой вѣры. При дальнѣйшемъ проведеніи своего отрицанія, наука должна будетъ признать иллюзію и религію, хотя ова—историческій фактъ!... Итакъ, это—фактъ, обильно засвидѣтельствованный евангелистами (напр., Мѡ. 8, 2—4; 9, 20—22,—27—31 и др.; Лк. 5, 12—14; 8, 43—48 и др.), что исцѣленія подаются отъ Бога по вѣрѣ больныхъ въ Его милосердіе и всемогущество. Но вѣра эта не есть еще, какъ мы сказали, увѣренность въ неизбежномъ наступленіи выздоровленія. Вѣровать въ милосердіе Божіе не значитъ быть убѣжденнымъ и ждать, что милость Божія непременно прострется на вѣрующаго больного и явится надъ нимъ именно въ избавленіи отъ болѣзни, которою онъ страдаетъ. Точно также—и вѣровать во всемогущество Божіе не значитъ быть убѣжденнымъ въ исцѣленіи отъ болѣзни, противъ которой безсильнымъ оказалось врачебное искусство. „Вѣра въ милосердіе и всемогущество Божіе предполагаетъ въ человѣкѣ сознаніе грѣховности и недостойнства и нѣкоторое соединеніе робости въ надеждѣ и постоянство въ молитвѣ (Мѡ. 9, 2, 8—10; 15, 22)¹⁾. Это часто не великая, а малая вѣра. Евангелистъ Маркъ передаетъ слѣдующій чудесный случай исцѣленія по этой малой вѣрѣ. Въ 9 главѣ (ст. 20—27) его Евангелія мы читаемъ, что однажды приходитъ къ Господу отецъ бѣсноватаго, одержимаго духомъ нѣмымъ, и говоритъ: „аще что можеша, помози намъ“... Просящій изобличаетъ себя въ этихъ словахъ: видно, что онъ имѣлъ немощную вѣру, „изнемогаль

¹⁾ Кохомскій, *ibidem*, стр. 161.

вѣрую“. Господь призываетъ его къ вѣрѣ, которая покоряетъ вѣрующему всѣ силы міра: „еже аще возможеши вѣровати, вся возможна вѣрующему“. Но отецъ бѣсноватаго не могъ вмѣстить такой вѣры и отвѣтилъ Господу: „вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“. Онъ сознаетъ недостаточность своей вѣры, но проситъ Господа не отвергать его за нее, покрыть недостатокъ его вѣры Своею благостью, помочь ему, хотя и маловѣрующему и невѣрующему. И Господь совершаетъ, по этой малой вѣрѣ, чудо—исцѣляетъ бѣсноватаго. Можно ли признать, не говоримъ, тожество, даже какое-нибудь сходство между смиренной надеждой, между робкимъ ожиданіемъ помощи Божіей и гипнотическимъ переполненіемъ головы одной идеей выздоровленія? Ожиданіе и надежда, основанныя на вѣрѣ въ милосердіе и всемогущество Божіе, не поработаютъ собою въ человѣкѣ остальныхъ душевныхъ движеній его, какъ поработаетъ ихъ гипнотическое внушеніе: онъ можетъ имѣть при этомъ и „бурю помысленій сумнительныхъ“; поэтому ожиданіе его и надежда и не могутъ превратиться, какъ это послѣднее, въ механическаго дѣятеля, производящаго измѣненія въ организмѣ человѣка.

Но допустимъ, что вѣра больного во всемогущество и милосердіе Божіе можетъ превратиться въ чудодѣйственную увѣренность его въ избавленіе отъ страданій: объяснятся-ли при этомъ на самомъ дѣлѣ чудесныя явленія такъ, какъ хотятъ ихъ объяснить Коррь, Лоранъ, Шарко и др.?

Они пытаются изобразить процессъ чудесныхъ исцѣленій и начертываютъ картину *постепеннаго* развитія вѣры и *постепеннаго* ея дѣйствія на организмъ больного. „Въ данномъ случаѣ, говоря словами цитируемаго нами критика разсматриваемаго взгляда на чудо, они подражаютъ тѣмъ геологамъ, которые вопросъ о томъ, какими дѣйствующими причинами созданъ міръ, разрѣшаютъ его такъ, что міръ созданъ милліонами лѣтъ. Какъ эти геологи, такъ и означенные врачи, упускаютъ изъ виду, что время, *постепенность* и медленность не суть дѣятели, и тамъ, гдѣ нужно объяснить великіе

результаты, безплодно увеличивать только протяженіе времени и вводить *постепенность*“¹⁾, а требуется указать, дѣйствительно, великихъ дѣятелей.

Обратимся къ самому объясненію процесса чудеснаго исцѣленія, какового держатся Коррь, Лоранъ и Шарко, съ особенной подробностью описывающій этотъ процессъ²⁾. Исцѣленіе вѣроу не вдругъ развивается во всей своей силѣ. Первоначально до больного доходятъ слухи, что въ такомъ то святилищѣ или чрезъ посредство такого то чудотворца совершаются чудесныя исцѣленія. Но рѣдкій больной имѣетъ возможность отправиться къ мѣсту чудотвореній непосредственно послѣ полученія первой-же вѣсти о нихъ. Этому можетъ препятствовать многое и, чаще всего, самая болѣзнь. Замедленіе прибѣгнуть къ помощи чудотворца усиливаетъ въ больномъ и интересъ къ нему, и желаніе обратиться къ его помощи, переходящее потомъ въ нетерпѣливость. Возможно, что больной слышитъ одобрительные отзывы о чудотворной силѣ (святынѣ или чудотворцѣ) отъ своихъ близкихъ, быть можетъ даже отъ врача, который не хочетъ отнимать у него послѣдней надежды на выздоровленіе, особенно если считаетъ возможнымъ исцѣленіе своего паціента вѣрой, которой самъ онъ не сумѣетъ внушить ему. Впрочемъ, всякое обстоятельство, несогласное съ возникшимъ у больного довѣріемъ силѣ чудотворной святынѣ, „только возбуждало бы духъ противорѣчія, говоритъ Шарко, и вызвало бы усиленіе вѣры въ возможность чудеснаго исцѣленія. Тутъ уже начинается вѣра въ исцѣленіе, продолжаетъ Шарко, которая все болѣе и болѣе развивается, и мысль отправиться на богомолье уже не покидаетъ больного“. Съ этого времени болшыя дѣятельно привлекаютъ къ себѣ милость Божию дѣлами любви и милосердія и горячо молятся о своемъ исцѣленіи. При такихъ условіяхъ душевное состояніе беретъ верхъ надъ тѣлеснымъ. Разбитые физически,

¹⁾ Кохомскій, *ibidem*, стр. 156.

²⁾ „Письма „объ исцѣленіи вѣроу“, „Новое Вр.“, 1893 г., № 6018.

утомленные дорогою они приходятъ къ мѣсту чудотвореній. „Если духъ больного, приводитъ Шарко разсужденіе Барвелли, исполненъ убѣжденія, что онъ долженъ выздоровѣть, то онъ непременно выздоровѣетъ. Последнее усиліе, омовеніе въ прудѣ, послѣдняя горячая молитва, которая усиливается знаками виѣшняго культа, — и вѣра производитъ желаемое исцѣленіе. Чудесное исцѣленіе становится дѣйствительнымъ фактомъ“.

Всѣ эти разсужденія о процессѣ чудесныхъ исцѣленій, конечно, могутъ подходить и къ исцѣленіямъ больныхъ, приходившихъ къ Викенту. И они, по представленію Корра и Лорана, пережили предварительно всѣ стадіи увлеченія вѣрою въ чудотворную силу Викента, начиная отъ простаго слуха о ней до напряженнаго желанія поставить себя подъ ея цѣлительное воздѣйствіе, — и потомъ уже, движимые этимъ желаніемъ, собирались на его торжественныя мессы. И у нихъ постепенно подготовлявшаяся вѣра въ чудотворную силу Викента достигала крайней степени своего напряженія во время этихъ мессъ, гдѣ вся обстановка ихъ — пышныя богослуженныя церемоніи, многолюдство богомольцевъ и ихъ высокое почтеніе къ проповѣднику, пѣніе и звуки музыки и „чудеснаго“ колокола, наконецъ — одушевленная проповѣдь Викента — производили необычно высокій подъемъ ихъ вѣры, а принятіе благословенія отъ Викента или освященной имъ воды, цѣлованіе руки его или креста изъ его рукъ превращали ее уже въ чудодѣйственную вѣру, прекращавшую ихъ страданія.

Достаточно и не особенно пристальнаго взгляда на начертанную Шарко и Корромъ съ Лораномъ картину постепеннаго развитія чудеснаго исцѣленія вѣрою, чтобы видѣть, что въ ней начертано ими постепенное развитіе вѣры, но никакъ не чудеснаго исцѣленія. Последнее является „дѣйствительнымъ фактомъ“ сразу, внезапно наступаетъ въ концѣ представляемаго ими процесса, на самомъ дѣлѣ не имѣя въ немъ для себя ни малѣйшихъ подготовительныхъ моментовъ.

(Продолженіе будетъ).

А. Волгинъ.

Веденіе дѣлъ по продажѣ церковныхъ лѣсовъ.

Изъ дѣлъ Московской Консисторіи по продажѣ церковныхъ лѣсовъ видно, что причты, по незнакомству съ подобными дѣлами, не представляютъ необходимыхъ свѣдѣній и документовъ и чрезъ то замедляютъ рѣшеніе сихъ дѣлъ, обременяя Консисторію излишнею перепискою. Во избѣжаніе сихъ затрудненій объявляется духовенству, что при прошеніяхъ о разрѣшеніи продажи церковныхъ лѣсовъ требуются слѣдующія свѣдѣнія и документы: 1) „планъ лѣснаго хозяйства“, утвержденный мѣстнымъ Лѣсоохранительнымъ комитетомъ, 2) чертежъ лѣсной дачи съ раздѣленіемъ на лѣсосѣчки и съ указаніемъ участковъ, назначаемыхъ къ продажѣ, 3) прошеніе причта и церк. старосты съ объясненіемъ: а) сколько имѣется при известной церкви всякаго лѣса, гдѣ онъ находится, какихъ породъ и возраста, б) когда и какимъ путемъ приобрѣтена церковью земля подъ лѣсомъ (путемъ дара, завѣщанія, отъ правительства и т. д.) и въ чемъ пользованіи находится—собственно церкви или причта, особенно тамъ, гдѣ земли имѣется болѣе узаконенной пропорціи, т. е. 33 дес., в) сколько продается лѣса на срубъ и по какимъ причинамъ, г) какія существуютъ на дровяной или строевой лѣсѣ мѣстныя цѣны (справки наводятся въ волостныхъ правленіяхъ и земскихъ управахъ), д) имѣются ли въ виду покупатели и какую предлагаютъ цѣну за десятину, е) гдѣ предполагается произвести торги—на мѣстѣ или въ Консисторіи, почему и на какихъ условіяхъ. Послѣднія, по прилагаемому образцу, пишутся отдѣльно и представляются въ двухъ экземплярахъ.

ТОРГОВЫЯ УСЛОВІЯ

*на продажу церковнаго лѣса на сводъ въ с. ,
 уѣзда, губерніи.*

1. Лѣсъ принадлежащій церкви продается на срубъ, безъ земли, въ количествѣ десятинъ.

2. Количество продаваемого лѣса и границы его опредѣляются какъ утвержденнымъ Лѣсоохранительнымъ комитетомъ чертежемъ „лѣснаго участка“ подъ названіемъ , такъ и натурою, т. е. растущимъ на мѣстѣ лѣсомъ въ существующихъ границахъ.

3. Торговъ производится на цѣлую лѣсную площадь, не исключая дорогъ и пустошныхъ мѣстъ.

4. По окончаніи торговъ купившій лѣсъ не вправе претендовать и жаловаться на то, что на чертежѣ лѣсная площадь показана большей мѣры, чѣмъ она есть въ натурѣ.

5. Возрастъ продаваемого лѣса, по описанію „лѣснаго хозяйства“, отъ до л., преимущественно лиственной породы (осины $\frac{1}{2}$, березы $\frac{1}{2}$ и единично—ель и сосна).

6. Не подлежатъ продажѣ и рубкѣ молодой лѣсъ, въ колич. десят., означенный на томъ же чертежѣ особою краскою.

7. Не дозволяется рубить лѣсной подсѣдъ, имѣющій въ срубѣ менѣе одного вершка въ поперечникѣ, исключая подсѣдъ, растущій вокругъ каждаго дерева на $1\frac{1}{2}$ арш.

8. Всѣ пни на лѣсосѣкѣ остаются въ пользу церкви.

9. Купившій лѣсъ обязуется смежныя чужія владѣнія деревьями не заваливать, а проѣзжія дороги—не засаривать сучьями и хворостомъ, въ противномъ случаѣ убирать то и другое за свой счетъ.

10. За порубку лѣса внѣ границъ отведеннаго лѣсосѣка, произведенную купившимъ лѣсъ или его рабочими, хотя бы и безъ его вѣдома, онъ кромѣ отвѣтственности предъ Лѣсоохранительнымъ комитетомъ, уплачиваетъ церкви штрафъ; за срубленное *хвойное* дерево по 1 р. за вершокъ поперечника его пня,—на высотѣ 6 вершковъ отъ земли, а за дерево *лиственныхъ* породъ на половину дешевле.

11. По полученіи разрѣшенія Св. Синода на продажу лѣса, купившій оный обязанъ, не приступая къ рубкѣ или пилкѣ лѣса, внести причту и старостѣ села всю

сумму, за которую купленъ на торгаль лѣсъ, наличными деньгами ¹⁾.

12. Со дня полученія указаннаго разрѣшенія, о чемъ извѣщается купившій лѣсъ, охрана его лежитъ на обязанности купившаго лѣсъ и съ этого времени, хотя бы лѣсъ подвергся поврежденію или даже истребленію, церковь никакой ответственности за цѣлость лѣса не подожитъ.

13. На сводку лѣса полагается не болѣе трехъ лѣтъ, а именно: а) рубка лѣса должна продолжаться, со дня полученія на то разрѣшенія, не болѣе двухъ лѣтъ; послѣ сего срока все несрубленное или неспиленное поступаетъ въ пользу церкви безвозмездно: б) вывозка дровъ и лѣснаго матеріала должна окончиться не позднѣе года по окончаніи срока вырубкы; все, что окажется невывезеннымъ къ этому сроку, также поступаетъ въ пользу церкви безвозмездно.

14. Невывезенные кряжи и толстыя вершины должны быть очищены отъ сучьевъ и сложены въ яруса по нѣсколько штукъ: всѣ сучья, гдѣ они не могутъ быть проданы или убраны, а равно кора и щепя, должны быть собраны въ кучи

¹⁾ Въ случаѣ *разсрочки* платежа денегъ 11 пунктъ можно изложить такъ:

11. По полученіи разрѣшенія Св. Синода на продажу лѣса, снявшій оный, не приступая къ рубкѣ, вноситъ причту и старость $\frac{1}{2}$ общей суммы покушной цѣны за лѣсъ; затѣмъ $\frac{1}{4}$ той же суммы вноситъ по окончаніи перваго года рубкы и, наконецъ, по окончаніи втораго года, до полной вывозкы лѣса вноситъ остальвыя деньги за лѣсъ. Если къ сему сроку не произойдетъ полной оплаты за купленный лѣсъ, то вывозка дровъ и другаго лѣснаго матеріала съ лѣсосоѣдка воспрещается купившему лѣсъ и причтъ имѣть право самъ продать заготовленные дрова и прочій лѣсной матеріалъ на пополненіе недополученной суммы и, сверхъ того, купившій лѣсъ лишается внесеннаго имъ залога. Дозволяется закончить рубку и вывозку въ первые два года послѣ разрѣшенія, но инаиначе, какъ по уплатѣ всей суммы за лѣсъ.

Примѣчаніе. Уплата денегъ сразу предъ началомъ рубкы, конечно, предпочтительнѣе платы съ разсрочкою. Первый способъ практикуется чаще.

и удалены изъ дачи, или сожжены, при чемъ сожженіе этихъ остатковъ допускается только отъ 1 октября по 1 апрѣля, съ разрѣшенія церковнаго причта и въ присутствіи покунщика или его повѣреннаго, съ принятіемъ предосторожностей отъ пожара: кучи опилокъ должны быть разбросаны тонкимъ слоемъ по всему участку; съ покуателя, не исполнившаго этого обязательства, удерживается часть залога, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства.

15. Купившій лѣсъ имѣетъ право производить въ немъ всякія работы во всякое время года, за исключеніемъ рубки съ корня листовнаго лѣса въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, подъ опасеніемъ штрафа по 2 к. за квадрат. с. вырубленной въ запретное время площади.

16. Купившій лѣсъ можетъ построить въ немъ сторожку для рабочихъ и вырыть колодезь, другія же постройки воспрещаются.

17. Всякая отвѣтственность предъ полиціей за поведеніе рабочихъ и ихъ паспорта лежитъ на купившемъ лѣсъ.

18. Копать ямы, жечь уголь и косить траву въ купленномъ лѣсу, безъ согласія причта, воспрещается.

19. Лица, явившіяся на торгъ или переторжку—предъ началомъ оныхъ—вносятъ залоги по 300 р., каковыя, въ случаѣ отказа внесшихъ оныя отъ торга, тогда же возвращаются имъ подъ росписку на торговомъ листѣ.

20. Залогъ предложившаго на торгахъ высшую цѣну и по признанію производившихъ торгъ, выгодною для церкви, увеличивается до 10% продаж. цѣны и остается на храненіи въ церкви въ обезпеченіе исправнаго выполненія условій рубки лѣса и возвращается обратно лишь по исполненіи всѣхъ указанныхъ здѣсь обязательствъ; въ случаѣ же неисполненія таковыхъ поступаетъ въ собственность церкви.

21. Цѣна, съ которой начинается торгъ . . . за десятину.

22. Расходы по совершению нотаріального контракта (заключаемаго по полученіи разрѣшенія отъ Св. Синода) относятся на счетъ купившаго лѣсъ.

Примѣч. 1. Условія сін обязательно подписываются послѣ торговъ купившимъ лѣсъ и представляются виѣстѣ съ торговыми листами въ Конспсторію.

Примѣч. 2. На основаніи сихъ *примѣрныхъ* условій, причтъ составляетъ свои съ измѣненіями и дополненіями, если таковыя, по мнѣнію причта, признаны будутъ необходимыми. (Москов. Церк. Вѣд. 1901 г. № 42).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Феодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 ноября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 48.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевокой
духовной Семинаріи.

1901 года, ноября 25-го.

Содержаніе: Требовательность и настойчивость пастырей Церкви при расшатанности современной жизни. — Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія (окончаніе). — Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — Житійскіе контрасты.

Требовательность и настойчивость пастырей Церкви при расшатанности современной жизни.

Провѣдуй Слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотехъ изберутъ себѣ учителя, чешемъ слухомъ; и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся. Ты же трезвися о всемъ, злопостражди, дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори (2 Тим. 4, 2—5).

„Прошло то время, говорилъ еще преосв. Никаноръ, — прошло то время, когда духовенству достаточно было оставаться неподвижнымъ въ храненіи святоотеческихъ преданій. Увы! прошло то время. Тогда Церковь Божія, въ продолженіи

вѣковъ, росла какъ-то сама собой, силою Божіею, совершавшеюся въ человѣческой немощи. Церковь Божія и теперь растетъ не иначе же, какъ силою Божіею. Но человѣческая немощь должна воспринять, чтобы въ ней совершилась сила Божія. Но всё мы должны стать на стражѣ Церкви Божіею,—этого мало—стать на стражѣ: всё мы должны выступить на борьбу съ врагами Церкви. Ихъ тысячи кругомъ, тайныхъ и явныхъ. Они всё лѣзутъ со всёхъ сторонъ, чтобы подрить зданіе Божіе съ самаго основанія, чтобы одолѣть его сверху донизу. А мы что дѣлаемъ? Посмотрите кругомъ! Посмотрите: похожи-ль мы на воиновъ осажденнаго Севастополя? Не спимъ-ли? Не начинаемъ-ли только пробуждаться? Не начинаютъ ли только нѣкоторые, только немногіе? Да и тѣ чуютъ ли грозящую опасность? Такъ ли энергично, такъ ли умѣло берутся за борьбу, какъ того требуетъ тревожное положеніе вещей?“¹⁾—Съ тѣхъ поръ, какъ эти слова обращены были архипастыремъ—внимательнымъ и глубокомысленнымъ наблюдателемъ церковно-общественной жизни—къ будущимъ пастырямъ, „тревожное положеніе вещей“, если и измѣнилось, то не къ лучшему. И теперь внимательному наблюдателю жизни современнаго русскаго общества и современнаго русскаго прихода представляется грустная картина. Русское, особенно т. н. интеллигентное, общество все болѣе и болѣе охлаждаетъ къ уставамъ православной Церкви, съ какимъ то непонятнымъ легкомысліемъ увлекается всякимъ „вѣтромъ ученія“. Теряя истинную вѣру, общество мятется въ тщетныхъ попыткахъ замѣнить её научными убѣжденіями, несбыточными мечтами о созданіи земного рая, объ устроеніи земного счастья,—и постоянно обманываемое въ своихъ надеждахъ, разочарованное, скучающее въ сутлокѣ жизни, ищетъ сильныхъ, нервныхъ ощущений, принося ежегодно самоубійствами поразительное количество жертвъ невѣрію и жизненной скукѣ.

¹⁾ Изъ поученія архіепа. Пиканора семинаристахъ. Странникъ. 1890, ноябрь, стр. 404.

Устои нравственной жизни слабѣють, распатываются, а вмѣстѣ съ тѣмъ извращается и нравственная жизнь. Въ деревняхъ, сельскихъ приходяхъ еще крѣпка святая вѣра; но и туда мало-по-малу проникаютъ различныя современныя ученія въ извращенныхъ формахъ, и тамъ, на ряду съ проявленіемъ хорошаго, свѣтлаго, появляется много дурного, темнаго... Во многихъ селахъ, особенно фабричныхъ и близкихъ къ городамъ, распространяется зараза лжевѣрія и, какъ естественное слѣдствіе его, извращеніе и распатанность нравственной жизни.

Взоры лучшихъ людей нашего времени съ надеждой устремляются на пастырей Церкви, которые избраны быть „солью земли“, предохраняющею общество отъ нравственнаго растлѣнія, быть „свѣтомъ міра“, разгоняющимъ тьму невѣрія и пороковъ, избраны быть „градомъ на верху горы стоящимъ“, къ которому обращаются взоры заблудившихся путниковъ жизни. Никто не станетъ отрицать того, что долгъ всѣми силами противоборствовать губительному вліянію на общество растлѣвающихъ современныхъ ученій, долгъ открытой и смѣлой борьбы съ развивающимся и спѣющимъ зломъ лежитъ преимущественно на пастыряхъ и учителяхъ церковныхъ. Апостоль Павель писалъ Коринтянамъ: „Что хотите? Съ палицею ли прииду къ Вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?“ (I Кор. 4, 21), поставляя свой грозный или кроткій и милостивый приходъ въ зависимости отъ степени ихъ нравственнаго исправленія и степени ихъ послушанія. Настало время и для современныхъ пастырей православныхъ вооружиться палицею, возстать съ мужествомъ воиновъ на защиту св. Церкви и пограніе враговъ ея; настало время пастырямъ облечься „во вся оружія Божія“ для борьбы съ невѣріемъ и зломъ. Уже раздаются даже среди пастырей голоса о томъ, что строгія и высокія требованія христіанскаго ученія слишкомъ строгі и высоки для современнаго общества, что эти требованія нужно понизить соотвѣтственно духу времени, соотвѣтственно настроенію общества. Но развѣ истина

можетъ стоять въ зависимости отъ вѣяній времени, отъ общественныхъ вкусовъ и настроеній? Развѣ требованія христіанской нравственности, возвѣщенные міру Господомъ, могутъ быть кѣмъ-либо измѣняемы или ограничиваемы? Нѣтъ, не христіанство должно примѣняться къ общественнымъ настроеніямъ, а общество должно быть возвышаемо къ истинамъ христіанскимъ, его жизнь должна быть направляема и управляема христіанскимъ ученіемъ, христіанскими заповѣдями. Когда впервые раздалось апостольское благовѣстіе Христовой вѣры, оно для тогдашняго общества представилось „безуміемъ“, „соблазномъ“, но истина восторжествовала надъ ложью, свѣтъ надъ тьмою, Бакъовъ бы ни былъ духъ времени, какъ бы низко нравственно ни падало общество, пастырь во имя Христова долженъ быть носителемъ христіанскаго ученія и провозвѣстникомъ христіанскихъ заповѣдей во всей ихъ строгости, во всей ихъ полнотѣ. Только съ точки зрѣнія христіанскаго ученія онъ долженъ оцѣнивать состояніе общества, состояніе прихода, нравственнсе состояніе отдѣльныхъ лицъ. Пусть житейское море волнуется разными вѣтрами суетности и порока,—пастырь Церкви долженъ стоять непоколебимо, опираясь на незыблемую скалу—ученіе Христова. „Дабы, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, волны, подхватывая насъ одна за другой, не увлекли насъ въ море зла, не потопили и не погубили совершенно, возстанемъ, пока есть время, и, утвердившись на скалѣ, т. е. на священныхъ догматахъ и словѣ Божіемъ, будемъ взирать на бурю настоящей жизни“.

Наше время вызываетъ пастырей Церкви Христовой на особо энергичную дѣятельность, на смѣлую и упорную борьбу, открытую и настойчивую проповѣдь Христова ученія. Быть можетъ, немного найдется людей, готовыхъ охотно выслушать пастырскія наставленія и обличенія; быть можетъ, сѣмена пастырскаго ученія встрѣтятъ невоспримчивую каменистую почву въ сердцахъ слушателей. Но „ключи текутъ“, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки

бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ: такъ и проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнить все, что зависить отъ него. Ибо намъ, принявшимъ служеніе Слова, положенъ челоуѣколюбивымъ Богомъ законъ—никогда не оставлять своего долга и не молчать, слушаютъ ли насъ или убѣгаютъ“. „Не убѣдилъ я сегодня, но завтра можетъ быть успѣю убѣдить. Но и завтра не успѣю? Такъ, можетъ быть, послѣ-завтра, или еще въ послѣдующій за тѣмъ день“. Долгъ пастыря—не отступать ни предъ какими препятствіями, не оставлять своей настойчивой проповѣди, какое бы равнодушіе ни встрѣтилъ онъ со стороны слушателей, какъ бы ни были ничтожны плоды его настойчивой проповѣди. „Самъ Богъ, которому извѣстно будущее, часто, говорилъ безъ успѣха, и, однако, не переставалъ говорить, хотя и зналъ напередъ, что Его не послушаютъ. Если же Тотъ, Кто напередъ зналъ, что Онъ ничего не сдѣлаетъ, не переставалъ принимать мѣры къ исправленію, то какое оправданіе будешь имѣть ты, который совершенно не знаешь будущаго и предаешься безпечности и нерадѣнію?“—спрашиваетъ Іоаннъ Златоустъ. Убѣжденное, настойчивое слово, въ концѣ концовъ, найдетъ слушателей и принесетъ должный плодъ.

То правда, что дѣятельность пастыря, глубоко и беззаѣтно преданнаго своему долгу, направленная къ возстановленію попираемой истины, искорененію зла и насажденію сѣмени добра, не встрѣтитъ среди современнаго общества въ его массѣ и въ современномъ приходѣ, при его расшатанности, полнаго сочувствія. „Для больныхъ глазами, пишетъ Іоаннъ Златоустъ, мракъ кажется лучше свѣта; потому они любятъ находиться въ темныхъ жилищахъ“. „Для страждущихъ и умирающихъ бываетъ неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкіе, которыхъ часто и не узнаютъ они и даже тяготеютъ ихъ присутствіемъ. Такъ обыкновенно бываетъ и съ страждущими душевно: они не знаютъ, что имъ нужно для спасенія и тяготеютъ тѣмъ, кто печется о нихъ“. И современнаго пастыря Церкви Христовой ожидаетъ, въ случаѣ его

энергичной, настойчивой и упорной дѣятельности на нивѣ Христовой, много непріятностей; его ожидаетъ даже вражда людей, полюбившихъ тѣму пороковъ и заблужденій. Ему предстоитъ или вступить на путь возможныхъ компромиссовъ съ измѣнной своему высокому долгу и своимъ обязанностямъ, или, зная ожидающія его непріятности, готовясь встрѣтить вражду, остаться вѣрнымъ своему призванію воина Христова, быть твердымъ и настойчивымъ въ исполненіи своего долга. Пастырь, избравшій первый путь, изъ-за угожденія своимъ пасомымъ, изъ-за уступокъ „духу времени“ измѣняющій своему святому призванію, не достоинъ названія воина и соратника Христова, стоитъ на скользкомъ и опасномъ пути. Одна уступка поведетъ къ другимъ, а рядъ уступокъ, рядъ, повидимому, незначительныхъ компромиссовъ скоро сдѣлаетъ изъ пастыря Церкви раба времени, пастыря превратитъ въ пасомаго. Грустное разочарованіе постигнетъ такого пастыря и въ томъ, изъ-за чего онъ измѣнилъ своему долгу: онъ не будетъ пользоваться и уваженіемъ своихъ прихожанъ, не будетъ имѣть пресловутой, но, по существу, ничтожной, скоропреходящей популярности. Общество, какъ бы оно низко ни падало въ нравственномъ отношеніи, всегда уважало и уважаетъ не людей, измѣняющихъ своимъ убѣжденіямъ, не людей, колеблющихся подобно трости, не людей, идущихъ за общественными вѣяніями, угождающихъ общественнымъ прехотямъ, а смѣлыхъ и непреклонныхъ защитниковъ своихъ идей, людей постоянныхъ и твердыхъ среди скоропреходящихъ и разбивающихся о скалы волнъ житейскаго моря. Въ первые вѣка христіанства язычники влекли на костры, на растерзаніе звѣрямъ, на висѣлицы исповѣдниковъ вѣры и имени Христовыхъ; но и звѣрски враждуя противъ христіанъ, язычники научались уважать ихъ,—и непреклонное исповѣданіе: „Я—Христовъ“, засвидѣтельствованное кровью, было сѣменемъ, родившимъ рядъ новыхъ исповѣдниковъ изъ среды самихъ язычниковъ. Страницы исторіи христіанской Церкви написаны кровію, а между тѣмъ эти страницы изображаютъ не паденіе

Церкви Христовой, а ея торжество, торжество самихъ исповѣдниковъ вѣры Христовой. Эти исповѣдники шли на смерть не удрученные скорбью, а радостные, торжествующіе, не какъ побѣжденные, а какъ побѣдители. Апостоль Павель, постоянно гонимый, находясь постоянно предъ лицомъ мученической смерти, пишетъ: „Я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа, ибо когда я немощенъ, тогда силенъ“ (2 Кор. 12, 10); „Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ“ (1 Кор. 4, 12—13); „насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся“ (2 Кор. 6, 10). „Для чего мнѣ, спрашиваетъ отъ лица малодушнаго пастыря св. Іоаннъ Златоустъ:—для чего мнѣ напрасно навлекать вражду? Такія безумныя слова свойственны дикимъ звѣрямъ или, лучше, бѣсамъ. Кто хочетъ исправить другого, тотъ не навлекаетъ на себя ненависти напрасно, но дѣйствуетъ для достиженія великихъ благъ и неизреченныхъ вѣнцовъ“. И о себѣ онъ говоритъ: „если бы они (корыстолюбцы) захотѣли даже бить меня, и это я съ удовольствіемъ перенесъ бы, только бы они оставили свое звѣрство“.

Гдѣ же черпали эти великіе воины Христовы и соработники дѣла Христова неизсякаемую силу въ перенесеніи всѣхъ бѣдъ и невзгодъ жизни? Единственно, при помощи благодати Божіей, въ любви къ истинѣ Христовой, въ любви къ людямъ и въ сознаніи высоты исполняемаго долга. Глубокая любовь ко Христу-Спасителю и Имъ возвѣщенной истинѣ всегда дивно вдохновляла истинныхъ воиновъ Христовыхъ, заставляла ихъ безтрепетно ожидать и съ радостью переносить всевозможныя жизненныя невзгоды, бѣдствія, гоненія, вражду и самыя мученія. И современный пастырь Церкви въ этой любви къ дѣлу Христову можетъ черпать силу для перенесенія всѣхъ жизненныхъ невзгодъ въ твердой надеждѣ, что Самъ Подвигположникъ воздастъ ему должную награду. „Мы, пишетъ ап. Павель, для того и трудимся, и поношенія терпимъ, что уповаемъ на Бога живаго, Который есть Спаситель всѣхъ чело-

вѣковъ, а наипаче вѣрныхъ“ (1 Тим. 4, 10). „Итакъ, переноси, увѣщаетъ тотъ же апостоль своего ученика, страданіи. какъ добрый воинъ Іисуса Христа“ (2 Тим. 2, 3); „если съ Нимъ терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ“ (2 Тим. 2, 12). Любовь къ прихожанамъ, забота о ихъ спасеніи еще болѣе укрѣпляютъ пастыря въ безтрепетномъ служеніи на ихъ пользу. „Я, восклицаетъ апостоль языковъ, охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами“ (2 Кор. 12, 15). Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „какъ мать, види дитя въ горячкѣ, ставши при немъ, когда оно мучится и горитъ,—со слезами говоритъ нерѣдко къ больному дитяти: о, если бы возможно было мнѣ, чадо, взять на себя твою горячку и на саму себя перенести этотъ жаръ! такъ и я говорю теперь: о, если бы возможно было мнѣ за всѣхъ васъ потрудиться и сдѣлать добро“! Лжевѣріе и пороки—это тѣ же болѣзни, но еще болѣе тяжелыя и опасныя, чѣмъ болѣзни физическія, потому что онѣ поражаютъ не тѣло, а самое дорогое въ человѣкѣ—его душу. И пастыря, какъ врача духовнаго, не могутъ не беспокоить эти болѣзни его прихожанъ, онъ не долженъ успокаиваться до тѣхъ поръ, пока не испробуетъ всѣхъ средствъ къ оздоровленію своихъ духовныхъ дѣтей. Не здоровые, но больные требуютъ врача. Пусть больные не цѣнятъ пастырскихъ заботъ, пусть нарекаютъ на пастыря, пусть поносятъ его,—онъ ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться, онъ долженъ имѣть въ виду только одну цѣль—спасеніе пасомыхъ и исполненіе своего святого и высокаго долга. Для истинныхъ пастырей достойное выполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей есть высшій долгъ, безъ котораго самая жизнь не имѣетъ для нихъ ни цѣны, ни значенія. Удовольствіе свято исполненнаго долга для нихъ таково, что они не согласятся промѣнять его ни на какія утѣхи въ жизни; внутреннее сознаніе выполненнаго долга доставляетъ ихъ душѣ миръ и спокойствіе, приносяще человѣку истинное счастье, а не то призрачное и обманчивое, какого ищетъ современный чело-

вѣкъ. Если истинные пастыри не виноваты въ томъ, что ихъ дѣятельность не вполне достигаетъ своей цѣли, не приноситъ соотвѣтственныхъ, видимыхъ и должныхъ плодовъ, то это обстоятельство не нарушить мира ихъ пастырской совѣсти, не ослабить ихъ усилій, не уменьшить ихъ энергій. Они сдѣлали и дѣлаютъ все, что могли и могутъ; ихъ дѣятельность своимъ источникомъ имѣла не своекорыстныя побужденія, а чистыя, возвышенно-благородныя, была направлена къ одной цѣли—благу Церкви Христовой, славѣ имени Христова, приведенію своихъ пасомыхъ „въ мѣру возраста совершенна“,—и ихъ награда—въ нихъ самихъ и во Христѣ, и Господь не укоснить дать имъ тотъ миръ и ту радость во Святомъ Духѣ, для которой ничто ни эта мірская вражда, ни эти житейскія невзгоды. „Не бойся, малое стадо; яко благопозволи Отецъ вашъ дати вамъ царство“ (Луки 12, 32).

А. Тр.

Взглядъ на вѣру и чудеса, какъ на результатъ внушенія ¹⁾).

Не касаясь исцѣленій, совершенныхъ Викентомъ, объ исцѣленіяхъ подлинно чудесныхъ должно сказать, что они дѣйствительно отличаются быстротой и внезапностью. Для божественной силы, которая ихъ совершаетъ, совсѣмъ не нужно продолжительное время, постепенное проявленіе въ дѣйствиіи. „Возстани и ходи“—говоритъ разслабленному Божественный врачъ, и разслабленный всталъ, взявъ одръ свой и пошелъ (Іоан. 5, 8)²⁾. Могутъ ли похвалиться быстротой гипнотическихъ исцѣленій врачи—гипнотизеры? Мы не говоримъ уже о неудачныхъ результатахъ внушенія вѣры въ выздоровленіе и о рецидивахъ. Повторяемъ: продолжительное время, медленное приближеніе къ результату, постепенное уничтоженіе

¹⁾ См. № 47 за 1901 г.

²⁾ Кохожскій, *ibidem*, стр. 158.

препятствій необходимы только для ограниченной силы и совершенно неприменимы по отношенію къ силѣ божественной. И ничто другое, какъ только желаніе низвести чудесныя исцѣленія въ рядъ явленій, производимыхъ ограниченной силой—увѣренностью человѣка въ исцѣленіи, побудило Корра и Лорано и особенно Шарко измышлять и создавать картину якобы *постепеннаго* развитія чудеснаго исцѣленія. Но такъ какъ говорить о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершающихся въ продолжительное время, значитъ говорить о явленіяхъ не чудесныхъ, то они и уклонились неизбѣжно въ сторону отъ своей задачи и начертали картину не постепеннаго развитія чудеснаго исцѣленія, а постепеннаго усиленія увѣренности больного въ своемъ исцѣленіи. Элементъ и вмѣстѣ признаковъ сверхъестественнаго или чудеснаго въ чудесныхъ исцѣленіяхъ и заключается именно въ томъ, что они совершаются съ относительной быстротой, которая дѣлаетъ невозможнымъ для человѣческаго вниманія уловить и прослѣдить, если можно такъ выразиться, оздоровительныя измѣненія въ больномъ организмѣ или органѣ человѣка: это и служитъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ дѣйствующей въ чудесныхъ исцѣленіяхъ божественной силы. Своею внезапностью они и производятъ неотразимое впечатлѣніе на людей, оставаясь для нихъ непостижимыми. Предъ этой ихъ непостижимостью сознательно или бессознательно смирились и цитруемые нами авторы разсматриваемаго взгляда на чудо: связь между вѣрой больного и его исцѣленіемъ осталась тайной для нихъ, какъ ни пытались они поднять надъ нею завѣсу.

Въ начертанной ими картинѣ якобы постепеннаго развитія чудеснаго исцѣленія, параллельно развитію въ больномъ вѣры въ него, неразъясненной осталась самая существенная сторона поставленнаго ими вопроса, почему, вмѣстѣ съ вѣрой и параллельно ея развитію въ больномъ, не возникаетъ, не растетъ и не развивается „чудесное“ исцѣленіе его болѣзни? Слухи о чудотворцѣ или чудотворной святынѣ, подкрѣпляемые увѣреніями со всѣхъ сторонъ и даже со стороны врача, бла-

оговѣйные отзывы о томъ или другой—все это производить въ больномъ подъемъ духа, усиливаетъ въ немъ вѣру въ чудодѣйственную силу святыни или святого, доводя ее до высокой степени интенсивности; при всемъ томъ онъ является къ мѣсту чудотвореній по прежнему. больнымъ, не чувствуя облегченія. Только молитва предъ святыней, бесѣда съ чудотворцемъ, прикосновеніе къ нему или къ чудотворной святынѣ и пр. т. п. производить въ немъ рѣшительный поворотъ, превращая его изъ больного въ здороваго. Спрашивается, вѣра-ли больного явилась дѣйствующей силой его исцѣленія? Отвѣчать утвердительно и безъ всякихъ оговорокъ едва ли будетъ справедливо. Вѣра и вѣра горячая была у больного и раньше до прихода его къ мѣсту чудотвореній. Здѣсь, во время общенія его съ чудотворнымъ источникомъ, подѣйствовало, очевидно, что-то новое, чего раньше не было, хотя и была вѣра. Это новое есть дѣйствіе высшей божественной силы чрезъ чудотворную святыню или чудотворца. Высшая божественная помощь могла дѣйствовать или на болѣзнь человѣка непосредственно или же на духъ человѣка, сообщивъ ему такую силу, которая была бы способна оздоровить его больной организмъ или органъ. При предположеніи, что этою силою была увѣренность больного въ выздоровленіи, каковую увѣренность Богъ и избралъ орудіемъ исцѣленія, страдаетъ ли сколько-нибудь христіанское воззрѣніе на чудо?

Христіанская религія знаетъ о существованіи чудесъ по вѣрѣ, преодолевшей всѣ колебанія духа: о нихъ Самъ Господь не разъ давалъ неложное обѣтованіе. Припомнимъ Его слова: „иже аще речеть горѣ сей: двигнися и верзися въ море, и не размыслить въ сердцѣ своемъ, но вѣру иметь, яко еже глаголетъ, бываетъ, будетъ ему, еже аще речеть. Сего ради глаголю вамъ: вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко приѣмлете: и будетъ вамъ“ (Мрк. 11, 23—24). Для этой вѣры, очевидно, нѣтъ физической невозможности, а существуетъ только одна всемогущая и притомъ согласующаяся съ желаніями человѣка воля Божія. Чудодѣйственная

вѣра слагается изъ трехъ одинаково существенныхъ моментовъ. Въ основаніи ея должна быть мысль о всемогуществѣ Божіемъ. Это—первый моментъ или первое ея условіе. Эта мысль, дальше, съ такою силою должна управлять сознаниемъ человѣка, чтобы въ немъ уже не было мѣста для мысли о физической невозможности чудеснаго явленія, въ наступленіе котораго человѣку предлежитъ вѣровать; она должна превозмочь или пересилить эту послѣднюю мысль, появленіе которой такъ естественно въ слабомъ, ограниченномъ существѣ. Эти два момента и такую именно зависимость между ними Ап. Павелъ указываетъ въ вѣрѣ Авраама, повѣрившаго обѣтованію Божію о рожденіи отъ него сына. Авраамъ „сверхъ надежды повѣрилъ съ надеждою“—говоритъ о немъ Апостоль: „не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже омертвѣло, и утроба Саррина въ омертвѣніи; не поколебался въ обѣтованіи Божіемъ невѣріемъ . . . , будучи вполне увѣренъ, что Богъ силенъ и исполнитъ обѣщанное“ (Рим. 4, 18—21). Глубокая вѣра Авраама не допустила, какъ видимъ, остановиться сознанию его на мысли о физической невозможности для него дѣторожденія, разъ оно обѣщано было ему Богомъ. Но въ томъ случаѣ, когда вѣра въ чудо не предваряется очевиднымъ призывомъ Божіимъ, а исходитъ должна отъ самого человѣка, возникнуть по его собственному почину, она должна осуществить еще третье условіе, едва-ли не болѣе трудное, чѣмъ два первыхъ: она должна заключать въ себѣ непоколебимое убѣжденіе, что желаніе и молитва человѣка угодны Богу, согласны съ Его волею о немъ. „Къ симъ кто доволенъ“ (2 Кор. 2, 16)? Много-ли можетъ быть столь твердо вѣрующихъ людей, которые, прося Бога о препобѣжденіи Имъ „естества уставовъ“, „не размышляли бы въ сердцѣ своемъ“, не сомнѣвались бы и были бы непоколебимо увѣрены, что прошеніе ихъ угодно Богу, что совершеніе чуда не противорѣчитъ Его промыслительной волѣ? И несомнѣнно, поэтому, Апостоль Павелъ представляетъ чудодѣйственную вѣру—„яко и горы преставляти“—высочайшей и трудно достижимой сте-

пенью вѣры (1 Кор. 13, 2). На нее нужно смотрѣть не иначе, какъ на идеаль вѣры, достижимой человѣкомъ въ условіяхъ его земной жизни. Она свыше подается человѣку послѣ долгихъ и усиленныхъ стремленій его имѣть ее, послѣ дѣятельнаго исканія ея, предполагающаго въ человѣкѣ высокое нравственное достоинство и чистоту сердца, когда онъ живетъ жизнью Христа, мыслить Его мыслями, чувствуетъ и желаетъ Его чувствованіями и желаніями, словомъ—когда онъ осуществляетъ идеаль христіанской жизни. Осуществленіе этого идеала и является условіемъ исполненія обѣтованія Христова: „аще пребудете во Мнѣ и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, его-же аще хотите, просите, и будетъ вамъ“ (Іоан. 15, 7). „Пребывая во Христѣ и имѣя въ себѣ Христа, Которому Богъ покорилъ вселенную, чего не можетъ вѣрующій? Міръ, или животь, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть, вы же Христовы, Христось же Божій“,—пишетъ св. Апостоль Павелъ (1 Кор. 3, 22—23). Отъ переносенія Христовой жизнью, христіанинъ становится сосудомъ Христовой или божественной силы, которая въ одно и то-же время есть *не ея* сила, превосходить его, такъ какъ онъ остается человѣкомъ, существомъ ограниченнымъ,—„и принадлежитъ *ему*, такъ какъ онъ постоянно соединенъ со Христомъ“—Богомъ. „Чудеса, которыя онъ совершаетъ, есть чудеса *Христа*, пребывающаго въ немъ, и чудеса *ея самою*, пребывающаго въ нераздѣльномъ единствѣ со Христомъ“¹⁾. Совершеніе чуда, при этомъ единеніи, не требуетъ отъ человѣка неестественнаго усиленія желанія совершить чудо, не требуетъ и неестественнаго сосредоточенія мысли на его предметъ, и въ этомъ отношеніи противоположно совершенію „гипнотическихъ чудесъ“, гдѣ необходимо насильственное сосредоточеніе мысли на предметъ внушенія, неестественное усиленіе въ умѣ вну-

¹⁾ Кохомскій. „Идутъ ли гипнотическія чудесничества въ какое-либо сравненіе съ религіозными чудесами. См. Руководство для сельск. пастырей, 1893 г., № 24, іюнь, стр. 161.

шаемой мысли. Это отсутствіе неестественнаго усиленія желанія совершить чудо и служить разительнымъ показателемъ и увѣренности челоуѣка въ единеніи со Христомъ и въ согласіи его желаній съ желаніями Христа,—и самой дѣйствительности такого единства. Находясь въ реальномъ единеніи съ Господомъ, христіанинъ совершаетъ чудо, „не размышляя въ сердцѣ своемъ“. Въ подтвержденіе сказаннаго можетъ служить разсказъ Четыхъ Миней подь 5 апрѣля о преподобномъ Маркѣ Өраческомъ. Этотъ св. мужъ 95 лѣтъ прожилъ въ пустынѣ, достигнувъ высокой степени святости. Бесѣдуя съ приходившими къ нему мірянами о мірской жизни, въ числѣ вопросовъ о ней онъ предложилъ одному мірянину и такой: „Есть-ли теперь между христіанами такіе свитые, которые бы творили чудеса по слову Господа: „аще речете горѣ: преиди отсюда,—и будетъ вамъ“? Когда онъ говорилъ это, тогда гора, которая была въ виду у собесѣдниковъ, задвигалась,—но преподобный остановилъ и сдѣлалъ ее неподвижной, сказавъ ей: „что съ тобою стало? вѣдь это я не къ тебѣ“¹⁾...

Нечего и говорить, что подобныхъ великихъ угодниковъ Божіихъ—чудотворцевъ, во всѣ времена было мало среди грѣшныхъ людей; ими были единичныя, исключительныя личности. Слѣдовательно, въ общемъ немаломъ числѣ чудесъ, имѣвшихъ мѣсто въ мірѣ христіанскомъ, мало было такихъ, которыя совершены были по чудодѣйственной вѣрѣ. И если сводить чудеса къ дѣйствию этой вѣры, впрочемъ безъ мысли въ ней о Богѣ,—какъ хотѣли бы того Шарко, Коррь и Лоранъ, то пришлось бы ограничить ихъ число, признавъ великое множество остальныхъ чудесъ, происшедшихъ при отсутствіи чудодѣйственной вѣры, за религіозный вымыселъ. Но такой выводъ развѣ согласовался бы съ духомъ научнаго безпристрастія въ отношеніи къ явленіямъ и фактамъ религіозной жизни? Необходимо, кромѣ того, отмѣтить, что сами чудотворцы, обладавшіе чудодѣйственной вѣрой, не вѣрѣ припи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 162.

сывали силу исцѣлять болѣзни и совершать чудеса, или, точнѣе говоря, не усвоили ей этой силы, какъ такой, которая бы внутренно была ей присуща. Объ этомъ ясно засвидѣтельствовалъ Апостоль Павель. Исцѣливъ хромого отъ рожденія, онѣ сказалъ, обратившись къ удивленнымъ іудеямъ: „мужіе Израильтяне, что чудитесь о семъ? или на ны что взираете, яко своею-ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити?“ (Дѣян. 3, 12). Такъ, не вѣрѣ самой по себѣ, по смыслу словъ Апостола, принадлежитъ цѣлительная сила. И если Спаситель говорилъ исцѣленнымъ: „вѣра твоя спасе тя“ (напр., Мѡ. 9, 22; Мр. 5, 34; Лк. 7, 50; 8, 48, 50 и др.), то опять таки не усволять этими словами цѣлительной силы ихъ вѣрѣ, которой бы внутренно присуща была эта сила. Въ нихъ Онѣ свидѣльствуетъ о своей безконечной благодати къ человѣку, которая всегда готова простираться на того, кто вѣруетъ, и то же самое высказываетъ Апостоль въ разъясненіе обращеннаго къ іудеямъ вопроса. Не „своею силою и.и. благочестіемъ сдѣлали“ мы „то, что“ хромой „ходитъ“: таковъ смыслъ первой половины отвѣта Апостола; но, какъ дальше говоритъ онѣ, „ради вѣры во имя“ воскреснаго Господа, „имя Елю укрѣпило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала ему исцѣленіе сіе предъ всеми вами“ (ст. 16). Здѣсь, слѣдовательно, утверждается, что сила же Божія дѣйствуетъ по вѣрѣ и въ вѣрѣ людей. Иначе и быть не можетъ, въ чемъ мы тѣмъ крѣиче должны убѣдиться, что самая-то вѣра; какъ объясняли мы выше, есть даръ Божій.

Если же увѣренность въ выздоровленіи, дѣлаясь орудіемъ Божественной всеисцѣляющей силы, дѣйствуетъ на почвѣ вліянія духа на тѣло, то это еще не даетъ права считать чудесныя исцѣленія явленіями естественными. Всѣмъ извѣстно, что душевное состояніе беретъ иногда верхъ надъ тѣлеснымъ, что радость, забота, страхъ могутъ уничтожать физическое страданіе, что сильное волненіе можетъ прекратить, напр., зубную боль, ощущеніе близкой опасности—удвоить и утроить физическія силы человѣка и пр. т. п. Но никто никогда не

считалъ такія явленія чудесными. Равнымъ образомъ, могутъ быть и бываютъ совершенно естественные, не чудесные случаи выздоровленія въ результатѣ увѣренности въ выздоровленіи, какъ прямое и для всѣхъ очевидное слѣдствіе той душевной бодрости и радости, того душевнаго подъема, которые порождаются этой увѣренностью. И предѣль, гдѣ кончается естественное и наступаетъ чудесное въ этихъ случаяхъ, опредѣляется характеромъ зависимости между исцѣленіемъ и душевнымъ состояніемъ больного, какъ предполагаемой причинной его выздоровленія. Тамъ, гдѣ эта зависимость для всѣхъ очевидна и непосредственно ощутима, тамъ напрасно было бы усматривать чудо. Но развѣ всегда такова именно эта зависимость? Попробуйте установить зависимость между чудеснымъ исцѣленіемъ и чувствомъ смиренной надежды на получение его, или между исцѣленіемъ и отсутствіемъ всякой психической подготовки къ нему, или, наконецъ, между однимъ только словомъ или даже мыслью чудотворца и мгновенно наступающимъ за ними чудеснымъ явленіемъ! Шарко пытался было сдѣлать это, но оказался безсильнымъ. Коррь и Лоранъ не съ меньшей тенденціозностью и искаженіемъ истины изложили, раньше ихъ высказанный, взглядъ на чудеса, какъ на результатъ внушенія. Ихъ неудачныя попытки невольно вызываютъ въ памяти совѣтъ Шиллера, который (совѣтъ) относится ко всѣмъ, рассчитывающимъ слишкомъ на силу своего ума:

„И смертный предъ Богомъ смиришь
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны отъ насъ сокровенны“...

Чудеса всегда останутся тайной, непостижимой для человѣческаго ума, потому что въ нихъ дѣйствуетъ всемогущая сила Божія, безконечно разнообразная и безконечно свободная въ своихъ проявленіяхъ. Божество совершаетъ чудеса по вѣрѣ и молитвѣ человѣка и не теряетъ при этомъ своей свободы, потому что свободно можетъ проявлять Свое милосердіе и благость надъ людьми не по заслугѣ ихъ и не въ

награду ихъ подвига, а единственно по Своей благодати (Мѡ. 20, 13—15). Оно совершаетъ Свои чудеса и для тѣхъ, которые колеблются въ вѣрѣ, и для тѣхъ, которые даже не просятъ чудесъ,—совершаетъ ихъ даже руками недостойныхъ, которые въ день страшнаго суда будутъ говорить: „Господи! Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ“,—и, однако, услышатъ въ отвѣтъ: „николиже знахъ васъ: отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе“ (Мѡ. 7, 22—23). Чудеса—дѣла Божіе, и человѣкъ, чрезъ посредство котораго они совершаются, не можетъ усвоить ихъ себѣ и своимъ ограниченнымъ силамъ, не можетъ, поэтому, полагать въ нихъ и рѣшительное свидѣтельство своей богоугодности: а Богъ, совершая Свои чудеса чрезъ посредство хотя бы и недостойнаго человѣка, не унижается чрезъ это, какъ не оскверняется лучъ солнечный, проходя чрезъ нечистую среду. Если же чудеса суть дѣла всемогущества и благодати Божіей, то можно ли когда нибудь объяснить ихъ? „Кто разумѣ умъ Господень“ (Римл. 11, 34), „и мышца Господня кому открыся“ (Ис. 53, 1)?...

Не желая признавать бытіе и дѣйствіе въ мірѣ сверхъестественной силы, держась современной положительности (гордость нашего вѣка), ученые извѣстнаго направленія входятъ во всякія сдѣлки съ логикой, лишь бы не называть и не почитать *Бога*. „Тамъ, гдѣ чувственный міръ самъ повѣдастъ намъ о сверхъчувственномъ, гдѣ онъ обнаруживаетъ ясныя, непререкаемые слѣды вѣчнаго и совершеннѣйшаго разума, т. е. Бога, тамъ люди науки говорятъ не о Богѣ, а о *природѣ*, надѣлая этотъ отвлеченный предметъ всѣми свойствами Божественнаго Существа—всебѣднѣемъ, мудростью, всемогуществомъ, вѣчнымъ постоянствомъ. Подобнымъ образомъ, избѣгая сверхъестественнаго въ объясненіе непререкаемыхъ чудесныхъ явленій, они приводятъ *внушаемую вѣру*, надѣлая ее такимъ могуществомъ, какое свойственно только силѣ Божіей, и не понимая, что при этомъ они не ослабляютъ и не уни-

что жають не постижимости, а только назначают ей другое мѣсто“¹⁾. Что-же? „Аще не вѣроваша вѣдыв, еда (убо) не вѣрствіе ихъ вѣру Божию упразднить“? (Рим. 3, 3)...

А. Волгинъ.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей²⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

§ 9. Особенности чина хиротоніи во діакона въ греческомъ и въ нашемъ славянскомъ Архіератиконахъ и въ современной практикѣ на православномъ Востоку.

Изложенный нами порядокъ хиротоніи во діакона выработала наша современная практика, но чинъ этотъ, по изложенію въ современномъ Архіератиконѣ церковей греческой и нашей русской и въ практикѣ православнаго Востока, включаетъ немалое количество особенностей, изъ коихъ нѣкоторыя представляютъ глубокой научный и нравоучительный интересъ.

По греческому чину, посвящаемый въ иподіакона приводится къ архіерею, если онъ мірянинъ, въ краткой фелони, если же монахъ, то въ мантии, и уже стоя предъ архіереемъ, облачается въ стихарь и опоясывается поясомъ. (По нашему Чиновнику, „подносятъ иподіаконы архіерею стихарный поясъ“, которымъ потомъ „и опоясуютъ его“). Полотенце на лѣвое плечо³⁾ и рукомошникъ въ руки даетъ новопосвящае-

¹⁾ Кохомскій, см. Руководство для сельскихъ пастырей, 1893 г., № 6, февраль, стр. 154.

²⁾ См. № 45 за 1901 г.

³⁾ Въ практикѣ полотенце полагается архіереемъ на голову посвящаемого, и подъ этимъ полотенцемъ онъ стоитъ всю литургію до хиротоніи во діакона.

тому на Востокъ самъ архіерей. Подаетъ архіерею воду для умовенія рукъ новоосвященный въ иподіакона съ возгласомъ: „Елицы вѣрніи“ трижды. И по нашему чину и по греческому, новый иподіаконъ стоитъ „на уреченномъ мѣстѣ“ „передъ святыми дверями“, читая положенныя въ чинѣ молитвословія и „аще что ино мнитъ ему речи тайно“.

На великомъ выходѣ хиротонисуемый „идеть позади всѣхъ служащихъ“, „держа, какъ дополняетъ греческій чинъ, рукою и проч.“. Послѣднее можно подразумѣвать и въ нашемъ чинѣ, который дѣлаетъ слѣдующее добавочное замѣчаніе: „И егда архіерей пріиметъ святая и служащія вси пройдутъ въ олтарь, рукополагаемый же иподіаконъ, поклонився архіерею, несетъ воду на правой и лѣвой клиросы и къ народомъ, и помазуются тою водою вси. И отводятъ его наки въ олтарь и сливаютъ оставшую воду въ кладезь. И отводимъ бываеетъ предъ царскія двери и стоитъ на уреченномъ мѣстѣ по чину“. Въ греческомъ чинѣ приведеннаго замѣчанія нѣтъ, но въ практикѣ на Востокѣ принято, чтобы во время великаго выхода рукополагаемый, омакая конецъ пологенца въ умывальную воду, ею обрызгивалъ народъ. По входѣ хиротонисуемый стоитъ внѣ алтаря, передъ царскими дверями, до самаго момента хиротоніи во діакона ¹⁾.

Послѣ возгласа архіерея: „И да будутъ милости великаго Бога...“, хиротонисуемый вводится въ алтарь. Здѣсь его берутъ за руки *всѣ діаконы*, участвующіе въ богослуженіи, и обводятъ троекратно кругомъ престола ²⁾, при чемъ, во время

¹⁾ „Прежде нежели діаконъ скажетъ: „Вся святыя помянувше“, по водвореніи молчанія, говоритъ Симеонъ Солунскій о хиротонисуемомъ во діакона, онъ, ставъ на срединѣ, трижды возглашаетъ: „Елицы вѣрніи“, исполняя такимъ образомъ служеніе иподіакона, который выводитъ оглашенныхъ и приглашаетъ ко священнослуженію и приобщенію однихъ вѣрныхъ“. *Patrol. Curs. complet.*, t. 155, col. 373; Писан. отц. и учит. церк., относящ. къ истолкованію богослуж., ч. II, стр. 218—219.

²⁾ По словамъ Симеона Солунскаго, хиротонисуемый „трижды обходитъ престоль, между тѣмъ какъ діаконы поддерживаютъ его, а другіе идутъ передъ нимъ, составляя хоръ и громогласно воспѣвая: „Святіи

обхожденія, хиротонисуемый цѣлуеть углы престола. Послѣ третьяго обхожденія всѣ діаконы изъ алтаря выходятъ на средину храма, при чемъ рукополагаемый прикладывается къ иконамъ, лежащимъ на аналояхъ, и дѣлаеть поклоны правому и лѣвому клиросамъ и народу. Когда возвратятся діаконы съ рукополагаемымъ въ алтарь, то царскія двери закрываются завѣсою. Новорукополагаемый становится на правое колѣно и прикладываетъ голову на руки къ престолу, а всѣ священнослужители и находящіеся въ алтарѣ *подають ницъ*. Архіерей возглашаетъ: „Божественная благодать“. По произнесеніи этого возглашенія, всѣ священнослужители поднимаются съ полу и начинаютъ подходить къ хиротонисуемому со словами: „Помяни рабовъ, имярекъ“. Хиротонисуемый отвѣчаетъ: „Помяни, Господи“¹⁾. Во время чтенія архіереемъ молитвъ: „Господи Боже нашъ, предзнаіемъ твоимъ“ и „Боже Спасе нашъ, нетлѣннымъ твоимъ гласомъ“, произносится ектенья протодіакономъ, а прочіе діаконы въ алтарѣ поють: „Господи помилуй“. Рукополагаемаго архіерей поднимаетъ отъ престола за волосы²⁾.

По прочтеніи молитвъ, завѣса открывается. Всѣ принадлежности діакона: орарь, поручи и *Евхолоій*³⁾, вручаемые

мученицы“ и др. Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 373; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолкованію прав. богосл., т. II, стр. 219.

¹⁾ „И самому рукополагаемому, нишетъ Симеонъ Солунскій, слѣдуетъ тогда молиться о всѣхъ пламениѣе. Ибо, какъ мы узнали отъ отцевъ, о чемъ бы тогда рукополагаемый ни молился предъ Богомъ, получаетъ отъ Бога, и о комъ попроситъ, получаетъ по слову своему, какъ освящаемый и благодать приѣмлющій. Посему и я, братъ, часто многихъ изъ рукополагаемыхъ просилъ, чтобы они помолились о мнѣ во время рукоположенія и помянули меня тогда, дабы мнѣ быть помиловану“. Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 380; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолкован. прав. богосл., т. II, стр. 225.

²⁾ „Поднявъ рукополагаемаго отъ священнаго престола, іерархъ, по словамъ Симеона Солунскаго, выражаетъ, что отъ нисшаго и смиреннѣйшаго чина онъ возвелъ его на высшій, и лежавшаго долу и уничиженнаго востановилъ и возвысилъ“. Mign. Patrol., t. 155, col. 381; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 227.

³⁾ Въ греческомъ Архіератиконѣ говорится о ринидѣ, а не о Служеб-

рукополагаемому, предварительно показываются изъ царскихъ дверей народу съ возгласіемъ: „Ἄξιός“, а потомъ уже передаются рукополагаемому. По одѣяніи въ присвоенныя діаконой степеніи одежды, хиротонисанный цѣлуется со всѣми діаконами. Причащается хиротонисанный первымъ, раньше протодіакона, и потомъ выносить св. чашу къ народу съ возгласомъ: „Со страхомъ Божиимъ вѣрою и любовію ¹⁾ приступите“. Новорукоположенный произноситъ ектенію предъ замвонною молитвою, потребляетъ остатки св. Даровъ, и, руководимый опытнымъ діакономъ, „сопрягиваетъ губою всю мокроту“ и „слагаетъ святыя сосуды вкупѣ“.

§ 10. Историко-археологическія и таинственныя объясненія чина посвященія въ иподіакона и хиротоніи во діакона.

Чинъ посвященія въ иподіаксн совершается также, какъ и чинъ посвященія въ свѣщеносца, чтеца и пѣвца не въ алтарь, а близъ, такъ называемыхъ, „царскихъ дверей“ или „красныхъ“, по нашему же чину, „среди церкви“,—чѣмъ, по объясненію Симеона Солунскаго, дается знать посвящаемому, что „онъ назначается не къ участию въ молитвахъ св. алтаря, но къ служенію внѣ его и къ другимъ дѣламъ по нуждамъ церкви“ ²⁾).

Посвящаемый въ иподіакона облачается въ *бѣлый стихарь*, который, по словамъ блаженнаго Симеона Солунскаго, „означаетъ, что посвящаемый приступаетъ къ высшему просвѣщенію“ ³⁾. Бѣлымъ цвѣтомъ своимъ стихарь знаменуетъ „чистѣйшее безстрастное одѣяніе славы Божіей“ ⁴⁾).

никѣ. Ἀρχιερατ. Ἐν Βενατ. 1714, σελ. 50; Conf. Naberti. Ἀρχιερατ. Paris 1643, pag. 182, 311.

¹⁾ Эту прибавку содержитъ данный возгласъ въ чинѣ современной греческой литургіи. Ἱερατικόν. Ἐν Κωνσταντιν. 1895, σελ. 84, 117, 142.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 372; Пис. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 218.

³⁾ Ibid., col. 368; тамъ же, стр. 213.

⁴⁾ Ibid., col. 368; тамъ же, стр. 214.

По греческому чину, стихарь иподіаконскій опоясывается поясомъ, потому, какъ объясняетъ Симеонъ Солунскій, что иподіаконъ „еще не можетъ имѣть одежду чистоты разрѣшенной, но препоясуетъ ее въ смиреніи вокругъ чреслъ своихъ посредствомъ цѣломудрія и чистоты“¹⁾. Обычай православной восточной церкви въ данномъ случаѣ вполне согласенъ и съ церковными канонами. Въ 22 правилѣ лаодикійскаго собора прямо говорится, что „*иподіакону не слѣдуетъ ни носить орарь, ни покидать дверей*“. Что-же касается нашего современнаго обычая—препоясывать хиротонисуемаго въ иподіакона ораремъ, то онъ выработался у насъ, какъ намъ кажется, подъ вліяніемъ тѣхъ практическихъ удобствъ, какія представляетъ ношеніе ораря иподіаконами, при рукоположеніяхъ ихъ во діакона, которому усвоится это облаченіе. Распоясанный орарь съ большимъ удобствомъ можетъ быть возложенъ на лѣвое плечо хиротонисаннаго во діакона, тогда какъ поясъ является въ этомъ случаѣ излишнею принадлежностію. Употребленіе ораря у насъ иподіаконами можно объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что собственно иподіаконовъ, какъ мы уже сказали выше, наша церковь не имѣетъ, и ихъ обязанности исполняются большею частію діаконами, право ношенія ораря которымъ принадлежитъ безспорно.

Благословеніе головы знаменіемъ креста означаетъ, по толкованію Симеона Солунскаго, что самъ Христось, страдавшій на крестѣ, „возводитъ посвящаемаго къ совершенству и Ему онъ посвящается“²⁾.

Въ чемъ состоятъ обязанности посвящаемаго въ иподіакона—это видно съ достаточною ясностію изъ молитвы, читаемой архіереемъ надъ главою посвящаемаго.

Въ этой молитвѣ архіерей проситъ Господа „сего раба твоего достоина быти, еже служити святѣй твоей церкви“. „Самъ Владыко, молится архіерей, безззорна (непорочна) его

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

во всѣхъ сохрани: и даждь ему *любити благолѣпіе дому твоего, предстояти дверемъ храма святаго твоего, возжигати свѣтильникъ селенія славы твоея*, и насади его во святѣй твоей церкви, яко маслину плодовитую, плодоносяща плодъ правды“. Видимымъ выраженіемъ его заботливости и любви къ „благолѣпію дома“ Божія и служатъ сосуды умывальные и полотенце для утиранія рукъ, передаваемые посвящаемому въ иподіакона. Послѣдній, принимая ихъ, сейчасъ же приступаетъ предъ архіереемъ къ выполненію своей первой обязанности.

„Предстояти дверемъ храма святаго“—это вторая обязанность иподіакона. Правила 22 и 43 лаодикійскаго собора повелѣваютъ иподіаконамъ „не покидать дверей хотя бы и ради молитвы“, чтобы въ недозволенное, по правиламъ церковнымъ, время невѣрные и даже оглашенные не могли переступить порога церковнаго. Во время произнесенія діаконномъ ектеньи: „Елицы оглашенніи, изыдите“ иподіаконъ, какъ пишетъ Симеонъ Солунскій, „выводилъ оглашенныхъ“ изъ храма¹⁾. Но, выполняя эту свою обязанность, иподіаконъ, возгласомъ, положеннымъ въ греческомъ чинѣ посвященія въ иподіакона: „Елицы вѣрніи“, приглашалъ вѣрующихъ оставаться въ храмѣ и быть болѣе внимательными и сосредоточенными къ тому, что имѣеть совершаться въ данномъ богослуженіи²⁾. По толкованію того же Симеона Солунскаго, иподіаконъ

¹⁾ Ibid., col. 369; тамъ же, стр. 295.

²⁾ „Діаконамъ, такъ и *иподіаконамъ*, пишетъ Вальсамовъ въ толкованіи на 22 правило лаодикійскаго собора, дано охранять церковныя двери и вводить оглашенныхъ, находящихся въ покаяніи. Ибо поэтому и *нынѣ иподіаконами* говорится: „Елицы вѣрніи“, т. е. невѣрные, но оглашенные изыдите, а вѣрные стойте, чтобы увидѣть жертву святыхъ Таинъ“ (Прибавл. къ Чтен. общ. любит. духовн. просв., 1878 г., кн. 3, стр. 1134). Данное толкованіе разсматриваемаго нами возгласенія находить для себя основаніе и въ древнихъ „чинахъ, бываемыхъ на поставленіе подіакона“, потому что оно положено для произнесенія именно въ важнѣйшіе моменты чина литургіи. „Егда речеть свѣтитель: „Благодать Господа нашего Иисуса Христа“, читаемъ мы въ чинѣ XVI в., поставитъ, (т. е. иподіаконъ) рукомый и шедъ станетъ посреди церкви на кругъ, и поеть: „Елико вѣрніи“ по трижды. Егда речеть „Побѣдную“, тожь поеть

„трижды возглашаетъ: „Елицы вѣрніи“, исполняя, такимъ образомъ, служеніе иподіакона, который выводитъ оглашенныхъ, оставляетъ и приглашаетъ къ священнослуженію и приобщенію однихъ вѣрныхъ“... „А съ другой стороны, назначаемый къ рукоположенію во діакона, иподіаконъ свидѣтельствуєтъ этимъ о себѣ всѣмъ вѣрнымъ, что онъ приступаетъ къ рукоположенію, какъ чистый передъ всѣми свидѣтелями и въ особенности передъ Богомъ“¹⁾.

Слова молитвы: „возжигати свѣтильникъ селенія славы Твоея“—указываютъ на третью обязанность иподіаконовъ, которая состоитъ въ томъ, что иподіаконъ долженъ зажигать на престолѣ въ алтарѣ свѣтильникъ и, главнымъ образомъ, заботиться о дикиріѣ и трикиріѣ, употребляемыхъ при архіерейскомъ богослуженіи.

Такъ излагаются обязанности иподіакона въ молитвѣ чина, но Симеонъ Солунскій кругъ обязанностей иподіакона значительно расширяетъ. „Онъ, по его словамъ, охраняетъ святыя врата, чтобы кто нибудь изъ недостойныхъ не вошелъ внутрь алтаря, прикасается къ священнымъ сосудамъ²⁾ и бли-

трижды“ (Описан. славян. ркп. М. Синод. библ., отд. III, ч. I, стр. 103) Въ виду этого, едва ли можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ значенія возгласа: „Елицы вѣрніи“, какое даютъ, въ видѣ предположенія, ученые описыватели рукописей Московской Синодальной бібліотеки. „Не заключалось ли въ немъ, ставятъ они вопросъ, *приглашеніе вѣрныхъ къ помазанію водою*, которою совершено омовеніе“? „Въ чинѣ, бываеомъ на хиротонію иподіакона“, нашего Чиновника архіерейскаго служенія и въ современной практикѣ греческой церкви вода омовенія вѣрующимъ предлагается иподіакономъ за литургією только однажды, послѣ великаго выхода или во время самаго выхода, тогда какъ возгласъ: „Елицы вѣрніи“ произносится иподіакономъ на литургіи нѣсколько разъ и при томъ, какъ говорятъ древніе чины посвященія въ иподіакона, безъ возліанія воды и даже безъ умывальныхъ сосудовъ въ рукахъ—*поставитъ руками* и шедъ станетъ посреди церкви на кругъ, и поетъ: „Елико вѣрніи“.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet, t. 155, col. 373; Писан. отцевъ и учитъ церкви, относящ. къ истолкованію прав. богослуж., т. II, стр. 218—219.

²⁾ Право „касаться служебныхъ сосудовъ“ иподіаконамъ усвоется чиномъ поставленія въ иподіакона, находящемся въ VIII книгѣ „Поста-

юприлично располагаетъ ихъ такъ, чтобы священники, при перенесеніи даровъ, нашли ихъ готовыми. И во время великаго выхода, (иподіаконъ), взявъ ихъ, т. е. мисіи изъ сосудовъ, передаетъ для храненія служителямъ, такъ какъ касаться ихъ никому изъ низшихъ не позволительно. Онъ выводитъ оглашенныхъ въ то время, когда діаконъ говоритъ: „Оглашенніи изыдите“. И на литіяхъ онъ предшествуетъ съ крестомъ въ рукахъ¹⁾. Также иподіаконъ готовятъ свѣщи на божественномъ престолѣ и трикирій въ алтарѣ и свѣтильники. Посему предъ святыми вратами, при всякомъ священнодѣйствіи, когда нужно служить архіерею, они же послѣ діаконовъ идутъ и таинствъ причащаются“²⁾.

Временемъ совершенія хиротоніи во діакона указывается моментъ въ полной литургіи послѣ возгласа: „И да будутъ милости великаго Бога...“, т. е. послѣ освященія даровъ, чѣмъ дается понять, какъ хиротонисуемому, такъ и вѣрующимъ, находящимся въ храмѣ, что онъ предназначенъ не для со-

новленій апостольскихъ“. (Казан., 1864 г., стр. 285). Въ нѣкоторыхъ древнихъ чинахъ поставленія въ иподіакона можно видѣть и самую передачу этихъ сосудовъ иподіакону, съ произнесеніемъ приличныхъ случаю возгласеній. „Даетъ ему (т. е. иподіакону) свѣтителъ съсуды винны и воды, читаемъ мы въ чинѣ XVI в., глаголе: „Буди вѣды себѣ отсель имѣти власть приносить отъ плода лознаго вино и естественную чистую воду и хлѣбы приношенія, отъ чистые пшеницы въ квасѣ исбѣченные, въ святой олтарь и подавати е въ приношеніе безкръвныя жрътвы, служе съ страхомъ Божиимъ и въсакымъ благоговѣніемъ нерею и діакону. Во име Отца и Сына и Святаго Духа“... По сихъ даетъ ему свѣтителъ съсуды умивальныя, глаголе: „Прими съсуды сіе умивальныя и буди приносей воду въ олтарь и подавае въ умивеніе рукъ іерею и діакону, въ всѣхъ службахъ чїновъ иподіаконскому послушающихъ нелѣностейъ пребывае. Въ име Отца и Сына и Святаго Духа“. (Рки. нашей библ. XVI в., л. 44 об.).

¹⁾ Этотъ обычай держался весьма прочно въ практикѣ Великой церкви константинопольской (Рки. Париж. нац. библ. (Cod. Coislin.), № 213, л. 79 об.), а по ея приѣзду, по всей вѣроятности, и въ другихъ мѣстахъ.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 639; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 215.

вершенія таинствъ и, въ частности, не для совершенія таинства евхаристіи, а лишь для служенія при таинствахъ и для исполненія другихъ служебныхъ обязанностей, какъ помощникъ пресвитера. Въ силу этого хиротонія во діакона можетъ быть совершена и на литургіи преждеосвященныхъ даровъ, послѣ перенесенія св. Таинъ съ жертвенника на престоль.

Стояніе за солеею среди народа предъ самою хиротоніею означаетъ, что рукополагаемый возводится на степень діакона какъ бы изъ среды самого народа, находящагося въ церкви, согласіе котораго и испрашиваютъ на это избраніе возгласеніемъ: „Повелите“ иподіаконы или діаконы, „имущіе, по выраженію нашего чина, его *между собою и полагающе кійждо ихъ едину руку на выю его и второю рукою держатъ за руки*, и приклоняють его ничуща, елико мощно“. Этимъ выразительнымъ „положеніемъ рукъ“ иподіаконовъ или діаконовъ на шею хиротонисуемаго указываетъ, что они, по слову Божію (Дѣян. XIII, 2, 3), *отдѣляютъ его на дѣло Божіе* изъ среды своей. Впрочемъ, это выдѣленіе его на служеніе въ церкви Божіей совершается не силою, но добровольно, по чему иподіаконы и обращаются къ нему съ возгласомъ: „Повели“, т. е. позволъ начать приведеніе къ служенію діакона, и съ согласія епископа, каковое испрашивается третьимъ возгласомъ протодіакона: „Повели, преосвященнѣйшій владыко“ ¹⁾).

¹⁾ Въ древнихъ греческихъ чинахъ хиротоніи можно находить указанія, что согласіе на это приведеніе къ посвященію хиротонисуемаго испрашивалось у каждаго чина клира церковнаго опредѣленными возгласеніями въ такомъ видѣ: „Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς ψάλτας. Κελεύσατε. Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, γ. Κύριε εὐλόγησον. Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς ἀναγνώστας. Κελεύσατε. Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς ὑποδιακόνους. Κελεύσατε. Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς διακόνους. Κελεύσατε. Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς ἱερεῖς. Κελεύσατε. Εὐλόγησον, δέσποτα, τοὺς πρωτοπαπάδας. Κελεύσατε κ. τ. λ. А. Дмитріевскій. Опис. литургич. ркп., хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока, т. II, *Εὐχολόγια*, стр. 692 и прим. 3. Клиръ *и весь народъ* (ὁ ἅπας ἔ λτός), при епископскихъ, напр., хиротоніяхъ, не только пѣли: „Κύριε ἐλέησον“, „Παρίσχου Κύριε“, „Ἄξιος“, но и свидѣтельствовали единогласно о православіи хиротонисуемаго, выражая это возгласеніемъ: „Ὁρθόδοξος, ὀρθόδοξος“. Тамъ же, стр. 693—694.

„Повели“ и „Повелите“—эти возгласы были очень употребительны при дворѣ византійскаго императора, а по его примѣру, и въ патріаршихъ секретяхъ (синодальныхъ палатахъ) константинопольскаго патріарха. Этими возгласами обыкновенно испрашивалось разрѣшеніе у императора или патріарха на то или иное дѣйствіе при церемоніальныхъ приемахъ: на введеніе, напр., предъ лице императора или патріарха извѣстныхъ должностныхъ лицъ, на позволеніе имъ сидѣть, начать многолѣтствованіе и привѣтствіе и т. п. ¹⁾ Отсюда несомнѣнно эти возгласенія перешли и въ богослужебную практику, утвердившись въ современныхъ чинахъ литургій и хиротоній.

Троекратное обхожденіе престола кругомъ вмѣствъ съ протодіакономъ или, по чину, съ протодіакономъ и діаконъ, которые „пріемлютъ“ хиротонисуемаго „единъ за десную, второй же за лѣвую руку“, а въ греческой церкви и со всѣми прочими діаконами, участвующими въ архіерейскомъ богослуженіи, совершается въ честь Св. Троицы, чтобы показать духовную радость по поводу вступленія въ ихъ среду или чинъ новаго собрата, о чемъ говорятъ и церковныя пѣснопѣнія, которыя въ это время воспѣваются въ алтарѣ и въ церкви. „Поется пѣснь мучениковъ, по объясненію Симеона Солунскій, потому что приводимый подвизался, живши хорошо, соблюлъ вѣру, сохранилъ чистоту и потому увѣнчивается. Посему и мучениковъ, сликоствующихъ намъ, церковь призываетъ тогда и проситъ, да снидетъ на насъ свыше милость Божія; также славословитъ священноначальника Христа—радость апостоловъ и мучениковъ свѣтло и праведно, потому что Онъ есть начальникъ и виновникъ побѣды и вѣнцовъ, умершій за насъ и превознесенный послѣ побѣды надъ діаволомъ. Кромѣ того и единосуціе Троицы должны проповѣдывать, ибо она есть истинная радость и веселіе для лика торжествующихъ на небесахъ, въ особенности при посвященіи мужа священнаго и служителя вещей горнихъ. Пѣсенію:

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 112, col. 133—134, not. 82.

„Исаіе ликуй“ прославляется одинъ изъ главнѣйшихъ догматовъ церкви православной—воплощеніе Сына Божія, основателя церкви Христовой повозавѣтнаго священства, отъ пр. Дѣвы Маріи, а посему хиротонисуемому внушается имѣть постоянно въ умѣ и сердцѣ этотъ основной догматъ христіанской церкви, а вмѣстѣ съ этимъ жизнь, дѣятельность и ученіе Спасителя“ 1).

Во время обхожденія кругомъ престола, хиротонисуемый цѣлуетъ углы престола, омофоръ и палицу архіерея и кланяется послѣднему земно, чѣмъ свидѣтельствуется благоговѣйное почтеніе къ престолу, какъ мѣсту особеннаго присутствія Божія, на которомъ въ данный моментъ находятся Тѣло и Кровь Христовы, свою любовь, покорность и полную преданность архіерею, черезъ котораго имѣетъ онъ получить сейчасъ благодать діаконства.

Хиротонисуемый „преклоняетъ главу, пишетъ Симеонъ Солунскій, выражая покорность и то, что онъ съ благодарностію и смиреніемъ принимаетъ дары благодати, и знаменуется трижды на главѣ въ начатокъ рукоположенія, и призывается надъ нимъ имя троичнаго Божественнаго существа, потому что всякое дарованіе отъ Него происходитъ чрезъ единое изъ лицъ Его—Слово, вочеловѣчившееся и распятое плотію. Затѣмъ преклоняетъ одно колѣно, являя вмѣстѣ и покорность и степень посвященія; ибо онъ приводится получить только одинъ даръ священнаго служенія, какъ говоритъ св. Діонисій, т. е. служить, призывать и оглашать. Онъ только приводитъ, возвѣщаетъ и приглашаетъ приступить, но не совершаетъ: ибо онъ говоритъ: „Благослови“, но не благословляетъ, призываетъ: „Господу помолимся“, но не совершаетъ молитвъ, говоритъ: „Премудростію вонемемъ“, но не подаетъ совершенства. Потому, какъ служащій, но не совершающій, онъ приклоняетъ одно только колѣно, ибо поставляется служителемъ одного только божественнаго священнодѣйствія, и

1) Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 373; Писан. отц. и учит. церкви, т. I, стр. 219—220.

при томъ не самъ по себѣ, но получая разрѣшеніе отъ священника: ибо онъ есть служебное лице“ 1).

Положеніе крестообразно рукъ на престоль и припадєніе къ престолу челомъ „внушаетъ всѣмъ посвящаемымъ въ священныя степени, какъ объясняется въ сочинєніи, приписываемомъ св. Діонисію Ареопагиту, всецѣло предать начало — совершителю Богу жизнь свою и свою душу представить Ему совершенно чистою и освященною, подобообразною и, сколько возможно, достойною богочаинаго и всесвятѣйшаго святилица и жертвенника Того, Кто священнолѣпно освящаетъ богообразныя умы“ 2).

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

Житейскіе контрасты.

О Ч Е Р К Ъ .

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи нашего приходскаго духовенства, надо полагать, рѣшенъ еще будетъ не скоро; а поэтому, всякій фактъ, каждая новая черта, касающіеся его и опубликованные въ печати, принесутъ свою долю пользы, помогутъ правильности его рѣшенія. Въ виду этого, думается, не лишнимъ будетъ и помѣщаемый ниже очеркъ, взятый изъ живой дѣйствительности. По латинской пословицѣ *gutta cavat lapidem...*

I.

Въ Тумановкѣ, небольшомъ захолустномъ селѣ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній, былъ осенній приходскій праздникъ. Въ церкви совершалась литургія; служилъ любимый и уважаемый приходомъ батюшка о. Александръ Н. Голубоватая облака ладоннаго дыма носились надъ головами наполнявшаго храмъ деревенскаго молящагося люда, и пло-

¹⁾ Ibid., col. 376; тамъ же, стр. 220—221.

²⁾ Писан. отц. и учит. церкви, относящіяся къ истолкованію прав. богослуженія, т. I, стр. 167.

скіе лучи осенняго солнца весело прорѣзывали ихъ, придавал радостный видъ бѣдному приходскому храму.

Задушевно, молитвенно звучали возгласы священника, торжественно раздавались голоса неважнаго сельскаго хора подъ сводами храма, тепла была молитва прихожанъ. Въ обычное время, за причастиемъ, вышелъ о. Александръ изъ алтаря—сказать заранѣе составленную проповѣдь. Евангеліе читалось о добромъ Пастырѣ,—праздникъ былъ въ честь святителя,—и о. Александръ живо и просто старался уяснить, представить предъ слушателями возвышенный идеаль пастыря-священника... „Судите же сами,—восклицалъ проповѣдникъ, изобразивъ высоту и святость пастырскаго служенія:—какъ слѣдуетъ относиться вамъ къ своему духовному отцу—священнику, какъ слѣдуетъ уважать его, слушать его наставленія, беречь его покой. И какъ грѣшать тѣмъ, кто заставляеть его унижаться, кто относится къ нему безъ должнаго уваженія!“...

Прихожане слушали съ затаеннымъ дыханіемъ, и поминутные вздохи ихъ показывали, что слушатели понимаютъ и вполне раздѣляютъ слова своего добраго батюшки. Въ самомъ дѣлѣ, о. Александръ въ эти минуты, среди торжественной обстановки богослуженія, въ глазахъ молитвенно настроенныхъ прихожанъ, являлъ собою личность священную. Это былъ не простой, заурядный человѣкъ, а—ставленникъ Божій, духовный руководитель-отецъ, указывающій вѣрнымъ ему чадамъ путь спасенія.

Возбужденное поученіемъ о. Александра въ слушателяхъ настроеніе не покинуло ихъ и по окончаніи службы. Нужно было видѣть, съ какой любовью и благоговѣніемъ подходили они подъ благословеніе батюшки, когда о. Александръ съ достоинствомъ проходилъ чрезъ толпу ихъ въ праздничной рясѣ, съ серебрянымъ священническимъ крестомъ на груди. Чѣмъ-то искреннимъ, добрымъ свѣтились лица прихожанъ, привѣтливо и кротко-любовно было выраженіе и лица о. Александра, благословлявшаго своихъ духовныхъ дѣтей. Вотъ, думалось, истинно-прекрасныя отношенія пастыря и пасомыхъ!

Какъ, навѣрное, легко при подобныхъ условіяхъ и жить и трудиться на нивѣ Господней, на благо народное!..

Такъ думалось невольно тогда. Но жизнь оборотной своей стороной не напрасно учить насъ воздерживаться отъ поспѣшныхъ выводовъ и заключеній.

II.

На третій день праздника тому же о. Александру предстояла печальная, но житейски-неизбѣжная обязанность—отправиться по приходу за сборомъ „осѣннаго“—доброхотныхъ даяній мукой, шерстью и прочей „натурой“. И вотъ предъ нами совершенно другая картина...

Предъ крылечкомъ священническаго домика стоитъ наготовѣ подвода, ямщикъ-подростокъ, Ванюша, уже взмогилъ на козла въ ожиданіи выхода батюшки. Въ объемистой плетенкѣ наложено съ десятокъ пустыхъ мѣшковъ и мѣшечковъ для имѣющихъ поступить подалній. Выходитъ о. Александръ. Трудно узнать въ немъ теперь того достойнаго пастыря, котораго видѣли мы въ храмѣ, въ день приходскаго праздника. Въ сильно поношенномъ и заношенномъ ватномъ подрясникѣ, съ заплетенными жидкими косичками, поверхъ которыхъ неуклюже сидитъ очень ветхая шляпа,—онъ имѣетъ убогій, жалкій, приниженный видъ. Да и какъ можетъ выглядѣть иначе человѣкъ, отпавляющійся „сбирать“ по приходу?..

О. Александръ со вздохомъ заноситъ ногу въ плетенку и усаживается поудобнѣе, напутствуемый возгласами выбѣжавшихъ провожать его.

Вотъ и деревня. Съ первой же избы начинается „сборъ“. Ванюша стучитъ подъ окномъ и кричитъ высунувшейся бабѣ: „батюшку надѣлай, живѣй!“ Потомъ спѣшитъ онъ подъ окна слѣдующихъ избъ, чтобы заранѣе предупредить о пріѣздѣ батюшки за „осѣннымъ“. Не бездѣйствуетъ въ это время и о. Александръ: онъ располагаетъ въ порядкѣ пустые мѣшки, выворачиваетъ ихъ устья для болѣе удобнаго пріема даяній.—

„Вотъ этотъ, побольше, для ржаной муки; этотъ — для гороха, этотъ — на шерсть“, разсуждаетъ онъ про себя, перебирая мѣшки.

„Сборъ“ совершается обычнымъ, разъ заведеннымъ порядкомъ. Выходятъ „хозяйки“ съ чашками муки, гороха и прочей „натуры“. О. Александръ подставляетъ устья соотвѣствующихъ мѣшковъ, гдѣ и исчезаютъ даянія. Не у всѣхъ одѣляющихъ батюшку одинаково радушное сердце; одни даютъ щедро, другіе, что называется, „жмутся“. Но о. Александръ все принимаетъ съ безмолвной благодарностью. Случаются при „сборѣ“ и обидные и горько-смѣшные *инциденты*, отъ которыхъ больно сжимается сердце о. Александра. Такъ, подѣхавъ къ одной избѣ, онъ чрезъ открытое окно услышалъ сердитое ворчанье хозяйки-старухи: „Господи, Господи! Все-то они собираютъ, — когда только и съѣсть успѣваютъ!“.. Хотѣлъ было о. Александръ не принять подаянія, но... благоразумно раздумалъ: дома — безысходная нужда, — какъ тутъ смущаться ворчаніемъ сварливой старухи?.. Въ большинствѣ, высыпавъ принесенное, „хозяйки“ истово крестятся въ простотѣ, точь-въ-точь какъ при подачѣ Христовой милостыни, — и это невольно смущаетъ духъ пріемлющаго.

Поздно возвращается о. Александръ домой; тяжело въ его плетенкѣ, нагруженной доброхотными подаяніями, но, навѣрно, еще тяжелѣе у него на душѣ отъ пережитыхъ за день нравственныхъ пытокъ и униженій...

— Боже! Когда же положенъ будетъ конецъ этимъ мытарствамъ?.. — печально думаетъ о. Александръ...

Когда же и въ самомъ дѣлѣ, читатель?...

Свящ. *Авванасій Веселичкій.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Феодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 ноября 1901 г.

Цензорь, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 49.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, декабря 2-го.

Содержаніе: Pia desideria православнаго русскаго духовенства. — Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — О просфорахъ на литургіи (продолженіе).

Pia desideria православнаго русскаго духовенства.

„Когда представляемъ,—писалъ покойный митрополитъ Сергій,—составъ служенія пастырскаго, то приходимъ въ недоумѣніе, какое можетъ быть еще служеніе выше на землѣ. Служитель Божій поставленъ между небомъ и землею и, принадлежа небу по происхожденію своихъ обязанностей, онъ принадлежитъ землѣ по исполненію ихъ. Посланникъ Божій предъ людьми, ходатай за челоувѣковъ, служитель алтаря есть посредникъ между Творцомъ и тварью. Онъ приѣмлетъ съ неба то, что возноситъ къ небу. Священство есть таинственная лѣствица, видѣнная во снѣ Іаковомъ, которой подножіе было на землѣ, но которой глава досязала до небесъ и вверху которой утверждался Господь. Служители Церкви—это суть ангелы, которыхъ видѣлъ патріархъ восходящими и нисходя-

щими по лѣствицѣ, чтобы сохранить общеніе между небомъ и землею. Ибо всѣ славныя виды ихъ служенія какъ происходятъ отъ Бога, такъ и высшую цѣль свою имѣютъ въ Богѣ. Пастыри Церкви для того и изводятся на пажить, чтобы привести ее къ Пастыреначальнику—Христу. Дѣйствуютъ ли они какъ учителя вѣры, или, наконецъ, какъ правители Церкви,—вездѣ открывается ихъ высокое достоинство, поставляющее ихъ въ особенной близости къ Божественному Пастыреначальнику¹⁾. Этими словами прекрасно опредѣляется церковно-религіозное значеніе пастырства. Но значеніе православнаго духовенства на Руси, особенно духовенства сельскаго, можно и должно разсматривать еще и съ другой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія, такъ сказать, общественно-гражданской. Въ другихъ государствахъ вопросъ о взаимоотношеніи Церкви и государства—вопросъ серьезный, всесторонне теоретически обсуждаемый, вызывающій разныя и противоположныя рѣшенія; тамъ были возможны, да возможны и теперь, явленія борьбы Церкви съ государствомъ за первенство и преобладаніе. У насъ же на Руси братскій союзъ Церкви и государства,—Церкви, поддерживаемой государствомъ, и государства, опирающагося на Церковь,—такой союзъ прочно установленъ и незыблемо утверждень самой исторіей происхожденія, постепеннаго созиданія и укрѣпленія русскаго царства. Православное русское духовенство, облеченное высокимъ довѣріемъ Правительства, искони было и доселѣ остается преданнѣйшимъ слугою своего Царя и Отечества. Распространяя и утверждая въ народѣ истинныя понятія объ отношеніи народа къ Царю, Престолу и Отечеству, пастыри всегда стоятъ на стражѣ государственныхъ интересовъ, всегда смѣло и открыто боролись и борются противъ внѣшнихъ и ложныхъ вліяній въ этомъ отношеніи на народъ. Всѣ мѣропріятія Правительства въ пастыряхъ Церкви нахо-

¹⁾ „Достоинство священства“. Митр. Сергія. Богосл. Вѣстникъ, 1900 г., сент., стр. 46—47.

дять самыхъ ревностныхъ сторонниковъ и просвѣщенныхъ истолкователей ихъ для народа. И многовѣковая исторія православнаго духовенства на Руси доказала, какъ высоко пастыри Церкви держатъ отечественное знамя, а незыблемая преданность русскаго народа своему Царю и Отечеству служить неложнымъ свидѣтельствомъ успѣховъ въ этомъ отношеніи пастырской дѣятельности. Русская исторія создала православному духовенству величественный памятникъ и показала, что пастыри русскіе вполнѣ заслуживаютъ того высокаго и, можно сказать, несравненнаго довѣрія, какимъ пастырей облекло Правительство. И чѣмъ больше развивается русская государственная жизнь, чѣмъ больше русское Правительство отечески заботится объ улучшеніи быта народа и вообще условій его жизни, тѣмъ сложнѣй и сложнѣй въ этомъ отношеніи дѣлаются обязанности пастыря, тѣмъ больше на него надеждъ возлагаетъ Правительство. Оно и понятно. Въ селѣ пастырь является, по большей части, единственнымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ и человѣкомъ не просто интеллигентнымъ (къ такимъ простой русскій народъ относится недовѣрчиво), а отцомъ, „батюшкой“, къ которому народъ вѣками отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ научился относиться съ полнымъ довѣріемъ; пастырь является въ селѣ человѣкомъ, который призванъ на высшее служеніе на землѣ и учить народъ не „по духу міра сего, а по духу, яже отъ Бога“,—человѣкомъ, жизнь и служеніе котораго проходитъ предъ глазами народа, въ самой близкой и тѣсной связи съ жизнію его. Какъ просвѣщенный руководитель духовной жизни народа и какъ самый близкій къ народу человѣкъ, пастырь Церкви является ближайшимъ и наилучшимъ помощникомъ Правительства въ осуществленіи и проведеніи въ жизнь всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ ко благу народа. Пастыри Церкви вышѣ поставлены во главѣ школьнаго просвѣщенія народнаго; пастыри Церкви сообщаютъ свѣдѣнія о народныхъ нуждахъ, а въ години бѣдствій народныхъ являются передовыми дѣятелями по подачѣ народу помощи; пастыри Церкви предста-

вляють различныя статистическія данныя. И, повторяемъ, чѣмъ больше развивается и осложняется русская государственная жизнь въ смыслѣ развитія заботъ Правительства о народномъ благосостояніи, тѣмъ болѣе развивается и возвышается общественно-государственное значеніе православнаго русскаго духовенства.

Русскіе люди, для которыхъ дороги и близки интересы православной Церкви и русскаго государства, понимаютъ это высокое значеніе православнаго духовенства, съ должнымъ уваженіемъ относятся къ пастырямъ, какъ священнослужителямъ и какъ преданнымъ сынамъ своего Отечества, по мѣрѣ своихъ силъ служащимъ ко благу его и заботящимся о близкомъ ихъ сердцу народѣ. Тѣмъ съ болѣе глубокимъ прискорбіемъ приходится слышать рѣзкія, а подчасъ и грубыя нападки на православное духовенство въ такъ именуемомъ „свѣтскомъ и интеллигентномъ“ обществѣ, а еще прискорбнѣй читать всевозможныя обвиненія въ нашей періодической прессѣ, гордо заявляющей о своемъ глубокомъ пониманіи интересовъ русской жизни. Бдительно слѣдитъ она за жизнью духовенства; энергично хватается за малѣйшіе поводы къ обвиненію духовенства и необдуманно, а еще чаще ложно, обвиняетъ его въ различныхъ проступкахъ. Мы привыкли слышать обвиненія духовенства въ поборахъ и жадности, привыкли хладнокровно относиться къ выраженіямъ о „поповскихъ рукахъ“ и „поповскихъ глазахъ“, помирились съ тѣмъ, что почтенное имя „попъ“ стало для свѣтскаго общества ругательнымъ; примирились или стараемся примириться съ пренебрежительнымъ, а подчасъ и брезгливымъ отношеніемъ многихъ „свѣтскихъ и интеллигентныхъ“ людей къ бѣднымъ сельскимъ священникамъ. Насколько справедливы различныя обвиненія духовенства православнаго и насколько основательно неуважительное отношеніе къ священникамъ—скромнымъ ипогда до застѣнчивости, часто бѣднымъ, но неутомимымъ и терпѣливымъ труженикамъ на нивѣ Христовой,—это знаютъ всѣ тѣ, кто стоятъ ближе къ духовенству, кто болѣе или менѣе близко

входилъ въ его жизнь и его интересы. Духовенство желаетъ отъ русскаго православнаго общества справедливой и безпристрастной оцѣнки своей дѣятельности и справедливаго къ себѣ отношенія. Не говоря уже о томъ, что несправедливость не можетъ ободрять и подкрѣплять пастырей Церкви: эта несправедливость приноситъ положительное зло и духовенству и русскому народу. Не тяжесть положенія, не высота и отвѣтственность служенія заставляютъ уклоняться многихъ лучшихъ юношей и особенно съ высшимъ (академическимъ) образованіемъ отъ пастырскаго служенія, а прежде всего и болѣе всего это несправедливое отношеніе общества къ духовенству. Вотъ первое зло, причиняемое не всегда справедливымъ, не всегда безпристрастнымъ отношеніемъ общества и печати къ дѣятельности и служенію пастырей. Но этимъ зло не ограничивается. Взгляды „образованнаго“ общества, стоящаго во главѣ просвѣтительнаго движенія, и взгляды печати—выразительницы общественнаго мнѣнія, постепенно проникаютъ, къ глубокому прискорбію, чрезъ различныя посредствующія ступени въ низшіе слои общества и даютъ сѣмя различныхъ сектъ, характеризующихся отрицательнымъ отношеніемъ къ православному духовенству.

Отсюда и первое *pium desiderium* русскаго православнаго духовенства состоитъ въ томъ, чтобы русское образованное общество и „свѣтская“ печать оставили свой поверхностный и ложный взглядъ на духовенство, серьезнѣе всмотрѣлись въ его жизнь и разумнѣе отнеслись къ его дѣятельности и положенію.

Тогда, при содѣйствіи печати и общества, быть можетъ, наконецъ, разрѣшится и другой, уже цѣлыми вѣками назрѣвшій, вопросъ: о замѣнѣ нынѣ существующаго способа матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства другимъ, болѣе соответствующимъ его высокому призванію и значенію. Вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ впервые поднять этотъ вопросъ, но прошли почти безплодно въ смыслѣ его разрѣшенія,—и донинѣ православное русское духовенство находится

въ полной матеріальной зависимости отъ народа, и доньяѣ по копейкамъ принуждено собирать „мзду“ за свои труды и обезпечивать свою жизнь этимъ „унизительнымъ“, что бы ни говорили, способомъ. Напрасно указываютъ въ оправданіе этого способа матеріальнаго обезпеченія на духовную связь, поддерживаемую якобы матеріальной зависимостью священника отъ прихожанъ; напрасно указываютъ на докторовъ, повѣренныхъ, художниковъ и проч., получающихъ вознагражденіе за труды тоже въ формѣ „благодарностей“. Что общаго между духовною связью священника съ народомъ и матеріальною зависимостью священника отъ народа? Связь духовенства съ народомъ, основывающаяся на зависимости духовенства отъ народа, не только плоха: она *не желательна*. Чтобы священникъ могъ открыто и смѣло, не опасаясь уменьшенія своихъ доходовъ, возставать противъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ; чтобы являться и быть безкорыстнымъ тайносовершителемъ и требоисполнителемъ,—для этого священникъ *долженъ быть* независимымъ отъ своихъ прихожанъ, долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безмездно совершать таинства и исполнять церковныя требы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно обличать (часто грозно и безпощадно—этого требуетъ пастырскій долгъ) и ожидать „мзды“ отъ обличаемыхъ; быть учителемъ и зависѣть отъ учениковъ; быть отцомъ и зависѣть отъ дѣтей; быть тайносовершителемъ и брать копейки за совершеніе таинства; быть часто единственнымъ представителемъ просвѣщенія въ селѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ человѣкомъ, живущимъ собираніемъ хлѣба и денегъ у прихожанъ. Связь подобнымъ взаимоотношеніемъ священника и прихожанъ не создается, а, наоборотъ, часто нарушается и ослабляется столкновеніями между священникомъ и прихожанами на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Крестьянинъ привыкаетъ смотрѣть на посѣщенія священникомъ его дома, какъ на имѣющія только одну цѣль—„мзду“, а потому не радуется этимъ посѣщеніямъ, не желаетъ ихъ, а огорчается и иногда избѣгаетъ. Мы знаемъ случаи, когда

бѣдные крестьяне, ожидая посѣщенія причта съ св. водою, молитвою и проч., уходятъ изъ своихъ домовъ, чтобы не давать „мзды“; мы бывали свидѣтелями того, съ какимъ неприятнымъ изумленіемъ встрѣчали крестьяне внезапный визитъ своего пастыря. Бываютъ и, слава Богу, еще весьма часто случаи, когда священника встрѣчаютъ съ радостью, привѣтливо, но нужно желать, чтобы это было всегда; по крайней мѣрѣ желательно, чтобы добрыя отношенія между пастыремъ и пасомыми *никогда* не нарушались матеріальными расчетами. Повторяемъ, духовная связь священника съ прихожанами создается, развивается и утверждается на гораздо болѣе твердыхъ и свитыхъ основаніяхъ; зависимость духовенства отъ народа, не говоря уже о томъ, что не можетъ создать несуществующей связи, часто разрушаетъ и почти всегда ослабляетъ и извращаетъ уже созданную связь. Отношенія священника къ народу не то, что отношенія публики къ доктору, адвокату и проч.: эти послѣдніе вѣщны, временны и случайны: тутъ все дѣло основывается на взаимной нужности и взаимной жизненной полезности; всякій больной, всякій судящійся чувствуетъ нужду въ докторѣ и адвокатѣ, знаетъ, что и тотъ и другой дѣло для него сдѣлаютъ,—дѣло, или чувственно осязаемое, или ясно видимое, и потому онъ знаетъ, за что платитъ деньги. Не таковы отношенія священника къ прихожанамъ: здѣсь связь внутренняя, духовная, основывающаяся на заботахъ о спасеніи души, имѣющая въ виду, главнымъ образомъ, не интересы временной и земной жизни, а интересы жизни вѣчной, не-земной; а потому сознание пользы и пониманіе труда не столь ясно, а результаты труда священническаго не столь осязаемы. Конечно, святая вѣра и любовь, еще живущія въ нашемъ народѣ, все покрываютъ, всему даютъ должную цѣну, но настаетъ время, да уже и настало, когда не только нужно охранять эту вѣру отъ всякихъ соблазновъ, но нужно её развивать и укрѣплять.

Наконецъ, самая обстановка, при которой священникамъ приходится получать плату, часто бываетъ не только неудоб-

ной, неподходящей, но прямо таки невыносимо-тягостной. Молодые священники, еще не привыкнущіе къ своему положенію, знаютъ, съ какой мучительной душевной болью, особенно на первыхъ порахъ, иногда приходится брать за требы. Вотъ картинка съ натуры и далеко не единственная. Умеръ крестьянинъ—кормилецъ бѣдной семьи; семья (жена и нѣсколько человѣкъ дѣтишекъ) убита горемъ; безденежье полное—гроба купить не на что. Молодой священникъ идетъ совершать погребеніе; въ избѣ страшная духота и смрадъ; дѣти и жена покойнаго надрываются плачемъ... Сердце добраго священника разрывается на части, а тутъ предстоитъ брать „мзду“, такъ какъ діаконъ и псаломщикъ,—люди пожилые, виды видѣвшіе и „обтерпѣвшіеся“, не захотятъ отказать отъ должной мзды. Бываютъ случаи, когда бѣдняки на цѣлые годы откладываютъ свадьбу и живутъ безъ брака, потому что имъ нечѣмъ заплатить причту за вѣнчаніе. Конечно, это исключительные случаи; но и въ исключительныхъ, а и въ мало-мальски подобныхъ случаяхъ (а таковыхъ много) тяжело брать копейку за погребеніе, панихиду, вѣнчаніе и проч. Пока попривыкнетъ священникъ къ мрачнымъ картинамъ бѣдности и смерти, не одна струна въ сердцѣ иного порвется, не одну слезу прольетъ онъ надъ трудовой копейкой. Суть тутъ даже и не въ томъ, что приходится *собирать*, а въ томъ, что приходится брать и „съ живого и съ мертваго“. Привыкаютъ люди ко всему; привыкаютъ священники и къ этому, но привыкаютъ послѣ многихъ душевныхъ страданій и внутренней ломки. Да и привыкаютъ ли? Одинъ старецъ—почтенный протоіерей предъ своею смертью, стоя одною ногою въ гробу, такъ писалъ митрополиту Кіевскому Платону: „оканчивая болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнее служеніе мое Богу, Церкви, Царю и отечеству, чувствую душевную потребность побесѣдовать съ тобою, владыко святой, о предметѣ, который не можетъ не быть близокъ твоему доброму сердцу,—о положеніи русскаго православнаго бѣлаго духовенства. Какъ членъ св. Синода, ты имѣешь полную возмож-

ность сказать предъ нимъ свое слово; возвысь же за русское православное духовенство свой честный, правдивый и мощный голосъ, и твоя добродѣтельная, славная жизнь увѣнчается подвигомъ, за который благословлять тебя будутъ изъ рода въ родъ *не только молитвенники земли русской, но и вся русская земля, нуждающаяся въ подвигъ своихъ молитвенниковъ* („Странникъ“, 1891 г., май, стр. 128).

Въ этомъ предсмертномъ воплѣ старца-протоіерея слышится голосъ всего православнаго русскаго духовенства. Пожелаемъ же, чтобы наступившій ХХ-й вѣкъ оправдалъ скромныя надежды православнаго духовенства, пожелаемъ тѣмъ больше, что мы вѣримъ въ высокую миссію, которая предстоитъ русскому духовенству именно теперь, когда невѣріе пускаетъ и въ жизнь русскаго общества все болѣе и болѣе глубокіе корни, а погоня за благами внѣшней жизни все болѣе и болѣе порабощаетъ сердца, подавляетъ жизнь внутреннюю, жизнь духа!

А. Тр.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

Возложеніе на голову хиротонисуемаго омофора и руки епископа, по объясненію того же экзегета православнаго богослуженія, „съ одной стороны, знаменуетъ священноначальственный покровъ, подъ которымъ освященныя лица, какъ чада, отечески охраняются (рукою), которая даруетъ имъ чинъ и степень священства и которая отражаетъ отъ нихъ противныя силы: и, съ другой стороны, внушаетъ, что посвященные должны совершать всѣ дѣла священнослуженія какъ бы

¹⁾ См. № 48 за 1901 г.

подъ (десницею) Божіею, имѣя Его руководителемъ во всякомъ изъ ихъ дѣлъ“¹⁾).

Когда, затѣмъ, протодіаконъ возгласомъ: „Вонмемъ“ пригласить всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ къ особому вниманію, то архіерей, пишетъ тотъ же экзегетъ, громогласно произноситъ „священное наименованіе степені, на которую посвящаетъ, и имя самихъ посвящаемыхъ, выражая этимъ таинственнымъ дѣйствіемъ, что, какъ боголюбивый священносовершитель, онъ есть только провозвѣстникъ Божія произволенія, не самъ своею благодатію возводящій посвящаемыхъ на степени священства, но будучи подвизаемъ на всѣ священноначальственныя освященія отъ Бога“²⁾).

„Божественная благодать, возглашаетъ, по чину, архіерей, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая воспоминающи, проручествуетъ, имярекъ, благоговѣннѣйшаго иподіакона въ діакона“³⁾. Проручествуетъ (προϋχεριζεται) означаетъ, по Симеону Солунскому, то же, что „руководитъ, поставляетъ, творитъ совершеннымъ“ (προβιβλεται, κηδεύει, τελειοποιεῖ)³⁾. Слѣдовательно, па-

¹⁾ Тамъ же, стр. 167.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 377; Писан. отц. и учител. церкви, относящ. къ истока. богослуж., т. II, стр. 222. Симеонъ Солунскій подробно остававливается на каждомъ выраженіи этого возглашенія или священнаго наименованія и даетъ обстоятельныя объясненія, въ которыхъ нельзя не видѣть его полемиическихъ тенденцій. „Архіерей, пишетъ онъ, возглашаетъ: *Божественная благодать*, свидѣтельствуя, что это есть общій даръ Троицы и призывая оную; и присовокупляетъ: *всегда немощная врачующи*, выражая снмъ, что мы смиренны и весьма немощны, особенно для столь великихъ дѣлъ Божіихъ, и что врачуетъ насъ немощныхъ Троица, дарующая силу. *И оскудѣвающая воспоминающи*, говоритъ: ибо мы сами по себѣ ничего не имѣемъ и ничего не можемъ дѣлать; но сама благодать Божія, все укрѣпляющая и подающая все, что мы имѣемъ, и воспоминающая въ насъ то, чего недостаетъ, *проручествуетъ*, т. е. руководитъ, поставляетъ, творитъ совершеннымъ. *Вмѣстѣ съ снмъ словомъ и преподается благодатный даръ; ибо для всемогущей и самосовершающей силы нтъ нужды во времени. Такого-то:* и имя его произносить, дабы оно написалось горѣ и было извѣстно ангеламъ и человѣкамъ, такъ какъ поставляется Божій служитель. *Благоговѣннѣйшаго ипо-*

стоящимъ возглашеніемъ іерархъ церкви открыто исповѣдуетъ, что человѣкъ слабый и немощный для великихъ дѣлъ Божіихъ самъ по себѣ, при помощи благодати Божіей, все укрѣпляющей, все подающей, что ему необходимо, и восполняющей, чего ему недостаетъ, чрезъ святительское руковожденіе дѣлается способнымъ, поставляется на служеніе церкви въ томъ или иномъ чинѣ церковномъ со всѣми присвоенными ему правами и полномочіями. Чтѣбы эта всеильная благодать Духа Святаго почилла на рукополагаемомъ, іерархъ и приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ усугубить свои молитвы въ данное время, возглашая: „Помолимся убо о немъ, да приидеть на него благодать всесвятаго Духа“. Сослужащіе архіерею въ алтарѣ пресвитеры и діаконъ отвѣчаютъ на призывъ архіерея умиленнымъ „коснымъ“ пѣніемъ: „Господи помилуй“, а клиръ и народъ тоже повторяютъ: „Кирие елейсонъ“.

Протодіаконъ въ прошеніяхъ великой ектеніи молитъ Господа „о спасеніи нынѣ проручествуемаго діакона“, о томъ,

діакона въ діакона: чествуетъ и прежній даръ и имѣющаго оный, какъ служителя Божія, какъ имѣющаго благодать Божію и дѣйствующаго во Христѣ. Говоря: *въ діакона*, рукополагающій сообщаетъ и даръ, и *рукополагаемый при семъ словъ іерарха тотчасъ получаетъ діаконство*; ибо сіе слово дѣйственно силою всесвятаго и божественнаго Духа, потому что онъ говоритъ не самъ, какъ человѣкъ, но какъ іерархъ—съ благодатію, призываетъ благодать, и благодать дѣйствуетъ, такъ какъ Слово Божіе дѣйственно, и все совершаетъ единъ и тойжде Духъ. Такимъ образомъ, *тотчасъ тогда онъ изъ иподіакона дѣлается діаконъ*: впрочемъ, еще имѣеть нужду въ совершеніи и прочихъ архіерейскихъ молитвъ и всего, по уставу; ибо недостаточно провозгласить только, что иподіаконъ проручествуется въ діакона, или въ другой какой либо чинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно, чтобы онъ имѣлъ и главу на священномъ престолѣ, и приклонилъ колѣно, чтобы возложена была на него рука іерарха, *прочитаны быи установленныя молитвы* и прошенія, совершенно запечатлѣніе, произнесено: *ἁγιος*, и совершенно священное цѣлованіе: ибо *все это вмѣстѣ совершаетъ рукополагаемаго* и все должно быть подобно, какъ и въ прочихъ таинствахъ бываетъ, такъ, чтобы все установленное было исполнено и ничто не опущено, потому что каждое дѣйствіе имѣеть свою причину“. Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 376—377; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 222—223.

чтобы „человѣколюбець Богъ дароваль ему нескверно и непорочно діаконство“. Архіерей, троекратно благословивъ главу хиротонисуемаго и положивъ руку на голову его, молится, чтобы Господь Богъ, предвѣдніемъ своимъ посылающей дѣйствіе Святаго Духа на избранныхъ неизреченною силою своею служителей пречистыхъ таинствъ, сохранилъ пророчествуемаго во діакона во всякой чистотѣ, соблюдающимъ таинство вѣры въ чистой совѣсти, дароваль ему, какъ и архидіакону Стефану, первому изъ призванныхъ на таковое же служеніе, благодать и сподобилъ его благоугодно проходить дарованную ему степень. Слѣдовательно, въ первой молитвѣ и въ діаконской ектеньи основныя мысли тождественны.

Сакраментальный характеръ въ собственномъ смыслѣ этого слова имѣетъ молитва вторая, въ которой, указавъ на время учрежденія „закона діаконства“ при апостолахъ и на перваго діакона, Стефана первомученика, архіерей молитъ Спасителя нашего, чтобы Онъ рукополагаемаго „исполнилъ всякія вѣры и любви, и силы и святыни, *нашествіемъ Святаго и животворящаго Своего Духа*“, исповѣдуя также, какъ и въ первомъ возглашеніи, что „не въ наложеніи рукъ“ епископа, „но въ посѣщеніи богатыхъ щедротъ“ Божіихъ „дается благодать достойнымъ“, и умоляя „въ то же время Бога о томъ, чтобы, сохранивъ хиротонисуемаго безъ порока, на страшномъ судѣ Онъ удостоилъ его получить „мзду непрелганну (т. е. непреложную) обѣщаній“. При произнесеніи: „Ты бо еси Богъ нашъ“, архіерей снова троекратно благословляетъ голову хиротонисуемаго крестнымъ знаменіемъ.

Остановиваясь на томъ фактѣ въ чинѣ хиротоніи во діакона, что „іерархъ знаменуетъ рукополагаемаго трижды тройственною печатію“, а именно сейчасъ по преклоненіи головы и колѣна у престола, послѣ „призванія божественной благодати“ и по прочтеніи молитвъ въ концѣ, „когда уже совершить и поставитъ божественною силою воиолнѣ или діакона, или пресвитера, или епископа“, т. е. въ „началѣ дѣла, въ срединѣ и въ концѣ“, Симеонъ Солунскій въ объясненіе

его говорить, что это дѣлается, „потому что и начинанія, и преусибянія, и достиженія до конца причина единая и таже, которая есть и виновница всего,—Богъ-Троица. Кромѣ того, въ ознаменованіе, что сіи суть три ангельскіе чина—діакона, пресвитера и епископа—чрезъ троекратное по трижды запечатлѣніе крестомъ на самихъ рукополагаемыхъ изображается и является число девяти чиновъ ангельскихъ, которое тройственно отпечатлѣваетъ въ себѣ и возвѣщаетъ Троицу“¹⁾).

Отъ престола, по прочтеніи всѣхъ молитвъ, хиротонисаннаго, по нашему чину, „воздвигнуть“, слѣдовательно, діаконъ или иподіаконъ, а въ практикѣ современной греческой церкви поднимаетъ за волосы самъ архіерей, „выражая этимъ, по словамъ Симеона Солунскаго, что отъ низшаго и смиреннѣйшаго чина онъ возвелъ его на высшій, и лежавшаго добу и уничиженнаго возстановилъ и возвысилъ“²⁾).

По нашему чину, двѣ одежды возлагаются архіереемъ на посвящаемаго во діакона: *орарь и поручи*.

О происхожденіи ораря, какъ отличительнаго діаконскаго одѣянія, и о самомъ его названіи въ нзукѣ существуютъ весьма разнообразныя мнѣнія. Одни³⁾ производятъ это названіе отъ латинскаго слова: *os, oris*—уста и желаютъ видѣть прототипъ этого діаконскаго отличія въ томъ платкѣ, который привѣшивался діаконами для отиранія пота съ лица и устъ къ лѣвому плечу верхней одежды (туники) въ практикѣ древнехристіанской церкви. Названіе *орарями* подобныхъ платковъ въ памятникахъ древней христіанской письменности довольно употребительно⁴⁾.—Другіе это названіе производятъ отъ глагола: *orare*—просить, молиться, такъ какъ ораремъ діаконъ указы-

¹⁾ Mign. Patrol., t. 155 col. 380; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 226.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 381; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 227.

³⁾ Goar. *Εὐχολόγ.* pag. 96—97, not. 9; Du Cange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*, t. II, pars. II, col. 741.

⁴⁾ Христ. Чтен., 1898 г., т. CCVI, ч. I, стр. 158—160.

вають время молитвы вѣрующимъ, находящимся въ церкви. 1) — Третья 2) корень этого слова видятъ въ греческихъ словахъ: ὄρα—часть, время, или ὄρω—стерегу, наблюдаю, желая указать на назначеніе ораря при христіанскомъ богослуженіи, который служитъ въ рукахъ діакона показателемъ времени молитвъ для вѣрующихъ и пѣснопѣній для пѣвцовъ.—Симеонъ Солунскій, наконецъ, данное слово производитъ отъ глагола: ὄραϊζειν, что, быть можетъ, и дальше отъ истины, но весьма удобно для его цѣлей нравственно-назидательныхъ. „Орарь, пишетъ онъ, называется такъ потому, что онъ украшаетъ—ὄραϊζειν—его (діакона) благодатію и облакаетъ велелѣпіемъ славы Божіей: ибо имъ, какъ бы крылами, онъ закрывается, украшаясь вмѣстѣ съ тѣмъ благочестіемъ и добродѣтелию, особенно же, когда участвуетъ въ приобщеніи, подражая тѣмъ серафимамъ, которые, будучи шестокрылатыми, какъ сказано въ Писаніи, двумя крылами закрываютъ лица свои, двумя ногами, а двумя летаютъ, восклицая: „Святъ, святъ, святъ“. Впрочемъ, шестокрылія на орарѣ могутъ еще изображать Распятаго: ибо верхнія и нижнія крылья суть какъ бы прямое древо креста, а боковыя крылья—косвенное“ 3). „На рукоположеннаго, какъ получившаго ангельскій чинъ, по словамъ того же литургиста—экзегета, возлагается орарь, который означаетъ духовное существо ангеловъ и, повѣшенный на плечахъ, представляетъ какъ бы крылья; на немъ бываетъ написана и трисвятая пѣснь ангеловъ“ 4). Последнее подтверждается памятниками греческой 5) и нашей древне-русской церкви 6).

1) Goar. Εὐχολόγ. p. 97, not. 9.

2) Ibid. Толкованіе Вальсамона.

3) Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 381; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 228.

4) Ibid., col. 381; тамъ же, стр. 227.

5) Εὐχολόγ. Goar., pag. 126; Daniel. Codex liturgicus eccles. orientalis. Lips. 1853 an., t. II, p. 405.

6) Лебедевъ. Московскій каедральный архангельскій соборъ. М. 1880 г., стр. 317.

По нашимъ литургическимъ памятникамъ древнѣйшаго времени, извѣстно, что діаконъ, при возложеніи на себя ораря, должны были читать слова ангельской пѣсни: „Святъ, святъ, святъ“¹⁾).

Орарь возлагается на лѣвое плечо, по толкованію Симеона Солунскаго, „потому что діаконъ принадлежитъ еще къ меньшему и низшему чину и есть служитель одного только дѣла—служенія при священнодѣйствіи. Когда же будетъ поставленъ во пресвитера, тогда и на правое плечо получитъ его, какъ получившій (благодать) служить и совершать таинства“²⁾). Возложеніемъ ораря на лѣвое плечо указывается на бремя Христова ученія, которое долженъ носить посвящаемый, и на крестъ Христовъ, возлагаемый на его плечи. Это послѣднее значеніе дается орарю въ тѣхъ молитвословіяхъ, которыя, по нѣкоторымъ памятникамъ, читались архіереемъ, при его возложеніи: „Прими орарь съи и вѣждь себе, отселѣ дльжна быти брѣме Христова ученія носити испльненіемъ евангельскихъ заповѣдей, и крестъ Христовъ на рамо възети и по немъ ити нелѣбно, чинъ діаконскаго служенія испльняе“³⁾). Орарь, по объясненію другого экзегета, „спускается до ногъ и возлежитъ на лѣвомъ плечѣ, указывая на два Завѣта — переднюю частію на новый, а заднею — на ветхій; посему-то, если діаконъ во время причащенія не соединитъ ветхаго Завѣта съ новымъ, то не приобщается“⁴⁾). „Въ подражаніе херувимамъ, закрывающимъ лица свои, и онъ, онаясь, говоритъ Симеонъ Солунскій о діаконѣ, какъ бы покрывается имъ, когда приступаетъ къ причастію“⁵⁾).

¹⁾ А. Дмитриевскій. Богослуж. въ русской церкви въ XVI в., ч. I. Каз., 1884, стр. 76.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 381; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 228.

³⁾ Рки. нашей библ., XVI в., л. 48.

⁴⁾ Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богосл., т. I, стр. 273.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, стр. 19; Mign. Patrol. Curs. compl., t. 155, col. 712.

Для удобства дѣйствій при священнослуженіи, въ нашей практикѣ возлагаются на руки діакона ¹⁾ поручи (ἐπιμανίαιа), которыя, по толкованію Симеона Солунскаго, „изображаютъ и всезидительную силу Божию, и то, что Иисусъ своими руками совершилъ священнодѣйствіе собственнаго Тѣла и Крови“ ..., а равно „тѣ узы, въ которыхъ, по предательствѣ, Спаситель веденъ былъ къ Пилату“ ²⁾.

Желая показать хиротонисанному и всѣмъ предстоящимъ въ храмѣ въ видимомъ знакѣ на его ангельское служеніе у св. трапезы, архіерей вручаетъ ему рипиду, которая, по словамъ Симеона Солунскаго, „знаменуетъ крылья ангеловъ и самихъ херувимовъ и серафимовъ, потому что на ней и серафимы бывають изображены, во образъ тѣхъ, кои были во времена закона и осѣнили кивотъ и такъ называемое святое святыхъ. Ибо, если (ангелы) были тогда, когда была тѣнь, тѣмъ болѣе имъ слѣдуетъ быть здѣсь, при открытой истинѣ. И дѣйствительно, здѣсь присутствуетъ множество ангеловъ, какъ многіе изъ отцовъ нашихъ и видали ихъ, наполняющихъ храмъ (Божій)“ ³⁾. Въ греческой церкви, такъ какъ рипиды при архіерейскомъ богослуженіи нынѣ не употребляются, то вмѣсто рипиды вручается хиротонисуемому Служебникъ (правильнѣе Διακονικόν), какъ книга, которую онъ всегда долженъ имѣть, при служеніи въ храмѣ ⁴⁾.

¹⁾ Нужно замѣтить, что поручи, по греческимъ чинамъ, составляютъ богослужебную принадлежность и даже *отличіе* лишь протодіакона и архидіакона (см. ниже), но не даются простому діакону.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet, t. 155, col. 713; Писав. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолк. прав. богосл., т. III, стр. 21.

³⁾ Ibid., col. 384; тамъ же, т. II, стр. 229. Въ одномъ Служебникѣ XVI в., при врученіи рипиды діакону, архіерей произноситъ: „Приняи рипиду сію и отсель вѣждь себе порабощенна быти служенію божественнаго олгара, пресвятымъ Христовымъ Таинамъ, и іерею, служителю тѣхъ. Блюди убо да безпорочно сіе служеніе исплняеши вѣрою и любовію и страхомъ Божиимъ и всакомъ вѣнниманіемъ. Во име Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Ркп. вашей библ. л. 48 об.

⁴⁾ Διακονικόν'омъ называется книжка, въ которой излагаются однѣ діаконскія ектеніи безъ возгласовъ и молитвъ священника.

При вручені хиротонисуемому выше названныхъ одеждъ и рипиды или *Διακομιχού*, архіерей предварительно показываетъ ихъ народу черезъ царскія двери (такъ дѣлаютъ нынѣ на Востокѣ), чѣмъ какъ бы спрашиваетъ согласіе его, возглашая въ то же время: Ἄξιός, на которое ему тѣмъ же самымъ отвѣчаютъ троекратно священнослужители въ алтарѣ и народъ въ храмѣ. По словамъ Симеона Солунскаго, этимъ приглашеніемъ архіерей какъ бы молится, чтобы хиротонисуемый „былъ достоинъ и предъ всѣми свидѣтельствуется, что онъ дѣйствительно принялъ ихъ, какъ достойный. При этомъ принимающему надобно смиряться: ибо кто (вполнѣ) достоинъ сего? То же поютъ находящіеся внутри и внѣ алтаря, подражая архіерею“ ¹⁾).

При полученіи рипиды, новорукоположенный во діакона цѣлуетъ изображеніе херувима на самой рипидѣ, въ знакъ готовности и любви къ тому служенію, на которое поставленъ; цѣлуетъ также архіерейскую руку, его рукоположившую, и плечо или омофоръ архіерейскій, въ знакъ благодарности за полученіе отъ него благодати діаконства.

Предъ причащеніемъ святыхъ Таинъ новорукоположенный даетъ цѣлованіе мира всѣмъ діаконамъ, принимающимъ участіе въ богослуженіи, и самъ взаимно получаетъ отъ нихъ. Послѣдніе, по словамъ Симеона Солунскаго, „безъ сопротивленія, съ любовію, обратно цѣлуютъ его и являются любителями равночиннаго себѣ, возлюбленными и любящими его въ Духѣ (Святомъ)“ ²⁾).

Новорукоположенный приобщается „прежде прочихъ (т. е. діаконъ), получая въ семъ случаѣ, по объясненію того же толкователя, предпочтеніе, какъ недавно посвященный, ради обновленія въ немъ божественной благодати“ ³⁾).

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 389; Писан. отцевъ и учит. ц., т. II, стр. 236.

²⁾ Ibid., col. 384; тамъ же, стр. 230.

³⁾ Ibid.; тамъ же.

„По отнесеніи божественныхъ даровъ на предложеніе, когда слѣдуетъ быть окончательной молитвѣ, новорукоположенный діаконъ читаетъ прошенія, свидѣтельствуя тѣмъ и показывая народу, говоритъ Симеонъ Солунскій, что онъ поставленъ служителемъ Божиимъ и получилъ отъ Него благодать творить прошенія и призывать народъ къ молитвамъ и моленіямъ, и возносить ихъ къ Богу, въ чемъ и состоитъ должность очистительная и служебная. Такимъ образомъ, онъ и является содѣйствующимъ священнику въ священныхъ молитвахъ, взывая къ народу: „Господу помолимся“, когда священникъ начинаетъ читать молитву къ Богу“ 1).

IV. Чинъ, бываемый на произведеніе архидіакона и протодіакона.

§ 11. *Порядокъ возведенія въ это званіе въ нашей практикѣ. Происхожденіе чина и его особенности въ практикѣ греческой церкви. Вышнія отличія для лицъ, возводимыхъ въ это званіе, у насъ и на православномъ Востоку.*

Первый изъ діаконъ при кафедральномъ соборѣ получаетъ у насъ наименованіе „протодіакона“, а первый изъ іеродіаконъ въ лаврахъ или первоклассныхъ монастыряхъ, управляемыхъ по преимуществу митрополитами или епископами, называется „архидіакономъ“. Но то и другое наименованіе усвоится и діаконамъ и іеродіаконамъ церквей приходскихъ и обыкновенныхъ второклассныхъ монастырей, за выслугу лѣтъ и за выдающіяся личныя заслуги въ санѣ діакона. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ „произведеніе въ архидіакона или протодіакона“ совершается, по особому чину, архіереемъ на маломъ выходѣ за литургією.

Производимый въ архидіакона или протодіакона начинаетъ литургію обычнымъ образомъ и произноситъ великую

1) Ibid., col. 393; тамъ же, стр. 239—240.

ектенью. На маломъ выходѣ онъ же несетъ и св. Евангеліе на средину храма къ архіерейской каѳедрѣ, у которой передаетъ Евангеліе на руки младшаго діакона, становится передъ каѳедрою епископа между двухъ иподіаконовъ ¹⁾ и совершаетъ поклоненіе архіерею. Удалившись потомъ къ солеѣ и совершивши два поясныхъ поклона, а третій—земной, предъ св. вратами, возводимый въ архидіакона оборачивается къ архіерею, дѣлаетъ ему поясной поклонъ и направляется вмѣстѣ съ иподіаконами къ его каѳедрѣ. На пути онъ дѣлаетъ вторично поясной поклонъ архіерею, а, по приходѣ къ каѳедрѣ, кланяется земно и становится предъ архіереемъ, преклонивши голову. Архіерей, поднявшись съ сѣдалища, тоекратно осѣняетъ голову возводимаго крестнымъ знаменіемъ и, положивши руку на главу его, по возгласѣ второго діакона: „Господу помолимся“, читаетъ молитву: „Владыко Господи Боже нашъ, архидіаконство роду нашему неизреченнымъ твоимъ провидѣніемъ даровавый“. Въ этой молитвѣ архіерей молить Бога о томъ, чтобы „одѣявшись“ въ это званіе даровалъ власть „*повелѣвати и служити низшимъ подслужителямъ*“ божественнымъ твоимъ тайнамъ и чрезъ „одѣяніе благодатію сего архидіаконства“, удостоилъ его чести „въ началѣ стояти діаконъ люда твоего, и образъ добръ его быти сущимъ по семъ“, „и во старости маститѣй достигнути, и славити твое великолѣпное имя“. По прочтеніи этой молитвы, архіерей снова осѣняетъ главу архидіакона крестнымъ знаменіемъ и произноситъ формулу: „Благословенъ Господь: се бысть рабъ Божій, имярекъ, архидіаконъ (или протодіаконъ) во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Положивъ руку на главу возводимаго въ архидіакона, архіерей возглашаетъ: „Аксіосъ“. Клиръ поетъ трижды

¹⁾ Въ нашемъ Чиновникѣ предполагается случай возведенія въ протодіакона или архидіакона за личныя заслуги, а посему и излагается начало этого чина такимъ образомъ: „Имяй произвестися архидіаконъ *приводимъ бываетъ протодіакономъ* и діакономъ ко преосвященному архіерею среди церкви, идѣже архіерей стоитъ, во время входа съ евангеліемъ, и покланяется архіерею до пояса трици и преклоняетъ главу“.

тоже возглашеніе. Послѣ этого, поцѣловавъ руку архіерея, повопоставленный въ архидіакона беретъ отъ младшаго діакона Евангеліе, подноситъ его къ архіерею для цѣлованія и произноситъ по обычаю: „Премудрость прости“ и дѣйствуетъ дательце, по чину архіерейской литургіи.

Цѣльмаго подобнаго чина „на произведеніе архидіакона и протодіакона“ въ греческихъ богослужебныхъ памятникахъ мы не знаемъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что составитель нашего чина воспользовался многими подробностями греческаго чина (Τάξις, γινομένη εἰς τὸ γενέσθαι ἀρχιδιάκονου), напечатаннаго у Якова Гоара по рукописи Льва Алліція¹⁾. Начало нашего чина—обычное, тогда какъ въ греческомъ оригиналѣ оно совершенно иное. Здѣсь чинъ этотъ совершается въ алтарѣ близъ престола, при чемъ архіерей читаетъ возглашеніе: „Божественная благодать“, и возводимый послѣ этого преклоняетъ *оба колѣна* у подножія престола и остается въ такомъ положеніи во время чтенія молитвы. Необычность для нашей практики указанныхъ особенностей и побудила справщиковъ нашего Чиновника архіерейскаго священнослуженія ступить отъ указаннаго оригинала и изложить начало чина обычнымъ порядкомъ. Молитва и заключительная формула несомнѣнно заимствованы изъ греческаго чина, но съ пропускомъ въ послѣдней словъ: „ἀρχιδιάκων τῆς ἀγιωτάτης ἐκκλησίας τῆς ὀρθῆς, т. е. архидіаконъ *святѣйшія церкви имрекъ*“, которыя мы видимъ, однако же, въ полной сохранности въ „чинѣ на поставленіе чтеца и пѣвца“. Чтеніе заключительной формулы: „Благословенъ Господь: се бысть рабъ Божій, имрекъ, архидіаконъ“, по греческому чину, сопровождается возложеніемъ *поручей*, которыя у насъ нынѣ даются при хиротоніи каждому діакону. Цѣлованіемъ во Христъ, которое получаетъ отъ архіерея возводимый въ архидіакона или протодіакона, греческій чинъ оканчивается, умалчивая совершенно о воз-

¹⁾ Εὐαγγέλιον. Goar. pag. 235.

глашеніи при этомъ возведеніи архіереємъ и клиромъ: „Аксіось“.

Въ нашемъ чинѣ на „произведеніе въ архидіакона и протодіакона“ нѣтъ прямого и опредѣленнаго указанія относительно возложенія на возводимаго въ это званіе какихъ либо виѣшнихъ отличій, употребляемыхъ имъ при отиравленіи своихъ обязанностей, но косвенное указаніе на эти виѣшнія отличія можно находить, какъ въ молитвѣ (слова: *симъ одѣ-
ношымся...* и *Самъ одѣнъ* благодатію сего архидіаконства..) и въ возгласеніи: „Аксіось“ въ концѣ чина, которое во всѣхъ другихъ чинахъ хиротоній и хиротесій, за исключеніемъ возведеній въ званіе протоіерея, архимандрита и игумена, всегда сопровождается врученіемъ посвящаемому или виѣшнихъ богослужебныхъ отличій, или прерогативъ его полномочій и власти. Вотъ поэтому-то чины греческой церкви и усволяютъ архидіакону и протодіакону—право *ношенія поручей* ¹⁾. У насъ практика, выработавшаяся не безъ вліянія, конечно, современной богослужебной практики православнаго Востока ²⁾, допускаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возводимому въ это почетное званіе право ношенія *второго (малого) ораря*, который полагается на правомъ плечѣ, или, вѣрнѣе, этимъ малымъ ораремъ протодіаконъ или архидіаконъ при служеніяхъ препоясывается *черезъ правое плечо*.

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

¹⁾ Ibidem; А. Дмитріевскій. Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, т. II, *Ἐυχολόγια*, стр. 347.

²⁾ Относительно ношенія діаконами ораря въ настоящее время на Востокѣ намъ извѣстно слѣдующее. Тамъ употребляется орарь діако-
нскій длиною до 7 аршинъ, съ вышитыми на немъ словами: „*Ἄγιος. ἅγιος,
ἅγιος* или Свягъ, святъ, свить“. „Носится онь діаконами такимъ обра-
зомъ: діаконь, возложивъ орарь на лѣвое плечо, опускаетъ его на правую
сторону и, проведя подъ правую рукою, снова возлагаетъ на лѣвое плечо
и опускаетъ конецъ до земли, при чемъ наблюдаетъ, чтобы два крестика,
находящіеся на орарь, лежали на его плечѣ рядомъ“. Современное бого-
служеніе на православномъ Востокѣ. Кіевъ, 1891, в. I, стр. 138.

О просфорахъ на литургіи ¹⁾.

Въ русской церкви седмипросфоріе начинается употребляться съ XV в. ²⁾. Въ XVI вѣкѣ оно уже широко распространяется по Россіи, входитъ тогда же въ печатныя богослужебныя книги и удерживается въ нихъ до половины XVII вѣка. Употребленіе семи просфоръ на проскомидіи печатно указано въ первый разъ въ виленскомъ служебникѣ 1583 года; такое же количество просфоръ предписано: въ стрягинскомъ служебникѣ 1604 года, въ кіевскихъ служебникахъ 1620, 1629 и 1639 гг., въ служебникѣ львовскомъ 1637 года и во всѣхъ служебникахъ московской печати, изданныхъ съ благословенія первыхъ четырехъ патріарховъ всероссійскихъ, до патріарха Никона.

Сличеніе чиновъ возношенія просфоръ въ названныхъ богослужебныхъ книгахъ русской церкви съ XV вѣка до половины XVII в. обнаруживаетъ, что эти чины сходны между собою въ томъ отношеніи, что всѣ согласно признають необходимыми за проскомидіей семь просфоръ, но они не вполне соглашаются другъ съ другомъ въ *назначеніи* просфоръ и въ формулахъ поминовеній, такъ что въ этомъ отношеніи явно распадаются на двѣ группы, съ очень замѣтными особенностями каждая. Такъ, въ рукописныхъ служебникахъ XV вѣка и въ печатномъ виленскомъ служебникѣ 1583 года на *четвертой* просфорѣ поминаются: мѣстный епископъ и прочее духовенство (священническій и діаконскій чинъ); въ московскихъ печатныхъ служебникахъ поминовенію ихъ предшествуетъ поминовеніе патріарха; въ служебникахъ стрягинскомъ, кіевскихъ и львовскомъ ³⁾ на этой просфорѣ, кромѣ духовенства, поминаются: царь, игуменъ, монастырская бра-

¹⁾ См. № 43 за 1901 г.

²⁾ См. Одинцова—Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка. Сиб., 1881 г., стр. 205.

³⁾ Счетъ просфоръ въ этихъ служебникахъ ведется не отъ агничной просфоры, которая поэтому называется *первою* просфорой.

тія, и, вообще, на этой просфорѣ можетъ быть помянуто, по выраженію кievскихъ служебниковъ, „многое множество“ живыхъ православныхъ христіанъ. На *пятой* просфорѣ рукописные служебники XV вѣка, виленскій 1583 г. и служебники московскіе поминаютъ царя съ супругою и всѣмъ царствующимъ домомъ, князей, бояръ, воинство и всѣхъ православныхъ христіанъ; въ служебникахъ: стрятинскомъ, кievскихъ и львовскомъ на пятой просфорѣ поминаются только міряне, поименно, о здравіи. На *шестой* просфорѣ служебники XV вѣка и московскіе печатные—поминаютъ о здравіи игумена монастыря, если литургія совершается въ монастырскомъ храмѣ, а за игуменомъ—всѣхъ прочихъ православныхъ христіанъ; въ служебникахъ: виленскомъ, стрятинскомъ, кievскихъ и львовскомъ на шестой просфорѣ поминаются усопшіе. Наконецъ, на *седьмой* просфорѣ по служебникамъ перваго разряда поминаются всѣ усопшіе православные христіане, а по служебникамъ втораго разряда седьмая просфора возносится священникомъ—совершителемъ проскомидіи за самого себя.

Итакъ, въ русской церкви седмипросфоріе выразилось въ двухъ видахъ. Какого-же происхожденія оба эти вида? Сказалось ли на нихъ греческое вліяніе, или они—русскаго происхожденія?

Изъ разсмотрѣнныхъ выше образцовъ греческаго седмипросфорія ближе всѣхъ подходитъ къ русскому седмипросфорію тотъ, который практиковался на Аѳонѣ, въ лаврѣ пр. Аѳанасія аѳонскаго. Аѳонское седмипросфоріе, какъ ясно видно изъ него самого, могло имѣть въ церкви не одно только мѣстное значеніе, какое имѣло седмипросфоріе въ обителяхъ: Пандократорской, Ирнинской и, вѣроятно, въ Алексіевской, а—значеніе общее: оно могло практиковаться въ каждой церкви такъ же удобно, какъ и въ аѳонской лаврѣ. Сличая съ нимъ оба вида нашего русскаго седмипросфорія, мы обнаруживаемъ, что первый видъ русскаго седмипросфорія, какъ онъ выразился въ рукописныхъ служебникахъ XV

и XVI вв., а также въ служебникахъ московской печати. имѣть съ аѳонскимъ общаго одну только цифру *семь* въ количествѣ просфоръ, а въ назначеніи просфоръ и въ формулахъ поминовеній онъ значительно отъ него отстываетъ. Напротивъ, седмипросфоріе въ южно и западно-русскихъ печатныхъ служебникахъ¹⁾ сходно съ аѳонскимъ не по одной ви́шней сторонѣ—цифрѣ *семь* въ счетѣ просфоръ, но и по назначенію просфоръ и даже, отчасти, по формуламъ поминовеній. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, съ одной стороны, вліяніе аѳонской практики проскомидійныхъ просфоръ на практику южно-русскую и западно-русскую, а съ другой—даетъ право считать практику московскаго седмипросфорія перенесенною въ Москву не съ Аѳона, но перешедшею въ печатные служебники московскаго изданія изъ рукописныхъ служебниковъ XV—XVI вв., съ которыми московскіе печатные сходны и въ отношеніи количества просфоръ, и въ назначеніи ихъ, и въ формулахъ поминовенія.

Наши глаголемые старообрядцы до настоящаго времени стоятъ за ту форму седмипросфорія, которая показана въ старопечатныхъ служебникахъ московскаго изданія, въ которой, другими словами положены отдѣльныя просфоры за духовенство и за свѣтскую власть²⁾. Поэтому интересно про-

¹⁾ Кромя виленскаго служебника 1583 г., въ которомъ, какъ мы видѣли, поминовеніе духовенства и свѣтскихъ властей раздѣляется на двѣ просфоры. Въ этомъ отношеніи виленскій служебникъ подходит къ рукописнымъ служебникамъ XV и XVI вв., но въ остальномъ онъ не отстываетъ отъ аѳонскаго типа седмипросфорія.

²⁾ Раскольники придають седмипросфорію даже догматическое значеніе. Вотъ какъ разсуждаютъ они о седмипросфоріи вслѣдъ за своими древними учителями: „Седмь просвирь во образъ седми хлѣбовъ, яже пріяты отъ Авраама Мелхиседекъ царь Салимскій, и принесеь Богу хлѣбъ и вино, яко же и Христосъ седмь хлѣбовъ повелѣ ученикомъ народамъ предложити; тѣ же седмь просвирь во образъ седми вѣковъ и седми вселенскихъ соборовъ и седмичныхъ дней“. Матеріалы для исторіи раскола, т. IV, стр. 181—182. Разсужденія старообрядцевъ, произвольныя, какъ видно, сами по себѣ, всего лучше опровергаются справками съ древними памятниками богослуженія православной церкви, которые съ очевидностью показываютъ, что Церковь никогда не придавала догматическаго

слѣдить, какъ сложилась эта форма седмипросфорія, ведущая свое начало, какъ сказано, съ XV вѣка.

Разсматриваемая форма седмипросфорія имѣетъ ту крупную особенность, что распредѣляетъ поминовение живыхъ членовъ Церкви на три просфоры. Между тѣмъ, въ болѣе древнихъ чинахъ поминовеній живыхъ, до XV вѣка, такого обычая не наблюдается. Изъ служебника XIV вѣка № 400 Румянцевскаго музея и изъ служебниковъ XV вѣка, воспроизводящихъ практику XIV вѣка, за исключеніемъ такъ называемаго служебника м. Кипріяна (ркн. М. Синод. библ. № 601), видно, что въ томъ случаѣ, когда на проскомидіи поминались духовныя лица, свѣтскія власти и братія монастыря, для всѣхъ ихъ назначалась та же самая просфора, которая полагалась и вообще за живыхъ. Различія въ поминовеніи живыхъ не было и за всѣхъ ихъ возносились одна просфора. Такимъ образомъ, раздѣленіе поминовеній о живыхъ на три просфоры—явленіе не изначальное, но позднѣйшее. Когда же оно возникло? Отвѣтить на этотъ вопросъ помогаетъ намъ служебникъ м. Кипріяна, отличающійся отъ другихъ славяно-русскихъ служебниковъ своего времени тою интересною особенностью въ чинѣ возношенія просфоръ, что онъ *два* раза указываетъ священнику вынимать частицы за живыхъ. Правда, о просфорахъ служебникъ говоритъ не совсѣмъ ясно, такъ что одни изслѣдователи видятъ въ немъ пятипросфоріе ¹⁾, другіе—четырепросфоріе или шестипросфоріе ²⁾, но, прини-

значенія тому или другому, опредѣленному, числу просфоръ, но что, напротивъ, число просфоръ часто колебалось въ церковной практикѣ. Этого, безъ сомнѣнія, не было бы, если бы вопросъ о числѣ просфоръ имѣлъ въ глазахъ предстоятелей церкви существенное значеніе для нашего живота и благочестія.

¹⁾ См. Опис. слав. ркн. Моск. Синод. библ., отд. 3, ч. I, стр. 13.

²⁾ Чинъ литургій св. Іоанна Златоустаго по изложенію старопечатныхъ, новоправленнаго и древлеписанныхъ служебниковъ. Іеромонаха Филарета. Москва. 1876 г., стр. 39—40. Позволяемъ себѣ замѣтить, что о. іеромонахъ Филаретъ, впоследствии игумень, скончавшійся недавно (11-го іюля с. г.), принадлежалъ къ числу весьма примѣчательныхъ дѣятелей

мая во вниманіе, что поминовеніе живыхъ и умершихъ въ древности почти всегда совершалось на *особыхъ* просфорахъ мы понимаемъ выраженія служебника: *таже приемъ паки просфору* (послѣ четвертой просфоры) *малоетъ сице: о здравіи и спасеніи благочестивыхъ царей...* далѣе: *и паки приемъ просфору малоетъ сице: о памяти и оставленіи грѣховъ блаженныхъ создателей обители сия...* въ смыслѣ указаній на двѣ особыя просфоры. Если такъ, то тогда всѣхъ просфоръ по этому служебнику будетъ *шесть*. Къ пониманію текста служебника м. Кипріяна въ этомъ смыслѣ склоняетъ насъ и авторитетъ митр. Спб. Григорія, который въ своемъ сочиненіи „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“ высказалъ научно обоснованный взглядъ, что особая просфора за царя, царствующій домъ и пр. стала возноситься въ русской церкви со времени м. Кипріяна, который установилъ возносить ее въ благодарность вел. князю Василю Дмитріевичу за то, что тотъ „принялъ его въ Москву съ особеннымъ благорасположеніемъ и уваженіемъ, между тѣмъ, какъ прежде онъ не былъ тамъ принятъ и долженъ былъ удалиться въ Кіевъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, шестипросфоріе утвердилось въ русской церкви по волѣ м. Кипріяна, было внесено въ такъ называемый кипріяновскій служебникъ, а изъ него перешло и въ другіе служебники XV и XVI вв. ²⁾.

въ борьбѣ съ расколомъ и оставилъ въ наслѣдіе послѣ себя *капитальные* сочиненія, основательно изобличающія неправоту раскольниковъ.

¹⁾ См. моск. изд. 1883 г., стр. 202.

²⁾ Какъ широко было распространено шестипросфоріе въ русской церкви, это видно изъ большого числа памятниковъ его, сохранившихся до нашихъ дней. Н. Ѳ. Одинцовъ въ своемъ изслѣдованіи „Порядокъ обществ. и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.“ указываетъ *двадцать два* служебника XV в. съ ясно выраженнымъ шестипросфоріемъ изъ собранія рукописей Новгородской Софійской библ. (ставшей теперь достояніемъ Спб. дух. Академіи). Въ Соловецкой библ. (принадлежащей нынѣ Казанской дух. Академіи), сохраняются замѣча-

Когда полагалось на проскомидіи шесть просфоръ, то вмѣстѣ съ царемъ на одной просфорѣ поминались игумень монастыря и всѣ живые православные христіане. Но уже въ нѣкоторыхъ служебникахъ XV вѣка встрѣчается та особенность, что поминаеніе царя и свѣтскихъ властей иногда обособляется отъ поминаенія игумена съ братіей и живыхъ такимъ образомъ, что за царя, царствующій домъ, бояръ, воинство и прочихъ православныхъ христіанъ назначается одна просфора, а за игумена, монастырскую братію, живыхъ православныхъ христіанъ и за самого священнодѣйствующаго іерея идетъ въ этомъ случаѣ другая просфора. Всѣхъ просфоръ получалось *семь*. Какъ справедливо разсуждаетъ г. Одинцовъ, выдѣленіе особой просфоры на поминаеніе игумена съ братіей могло имѣть смыслъ и значеніе только въ монастырскихъ храмахъ¹⁾; такъ что, повидимому, эта просфора была совершенно излишнею въ соборныхъ храмахъ и приходскихъ церквахъ, гдѣ игумена не было и гдѣ, слѣдовательно, можно было довольствоваться шестью просфорами. Но на самомъ дѣлѣ эта просфора не была устранена изъ употребленія ни въ соборныхъ, ни въ приходскихъ церквахъ и не нарушала тѣмъ единства церковной практики. Новая просфора возносилась не за одного игумена съ братіей; она возносилась и вообще за живыхъ православныхъ христіанъ, которыхъ могли помянуть одинаково на проскомидіи и въ каѳедрально-соборныхъ церквахъ, и въ монастырскихъ, и въ приходскихъ,—слѣдовательно, она вездѣ могла быть умѣстна. Размѣщеніе текста поминаеній на задравныхъ просфорахъ оказалось, однако, не совсѣмъ удачнымъ;—помянуть живыхъ православныхъ хри-

тельные служебники XV в. подъ №№ 1032, 1024 и 1026 и XVI в. подъ №№ 1019 и 1020 также съ ясно выраженнымъ шестипросфоріемъ. Выдержки изъ названныхъ соловецкихъ служебниковъ сдѣланы въ статьѣ „О числѣ просфоръ на проскомидіи по древлеписменнымъ соловецкимъ служебникамъ“, напечатанной въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1856 г., стр. 148—149.

¹⁾ Одинцовъ—„Порядокъ общ. и части. Богослуженія“... стр. 206.

стіанъ (простыхъ) пришлось два раза: въ первый разъ на пятой просфорѣ, послѣ свѣтскихъ властей, а затѣмъ на шестой, вслѣдъ за игуменомъ и братіей монастыря. Это произошло оттого, что въ болѣе древнія времена простые міряне поминались послѣ духовенства и свѣтской власти на одной съ ними просфорѣ; теперь же, когда духовная власть была отдѣлена отъ свѣтской, а для мірянъ не было еще назначено особой просфоры, ихъ стали поминать, въ порядкѣ прежней постепенности, на той же просфорѣ, на какой поминали царя и прочихъ властей. А когда вошла въ практику просфора за игумена съ монастырской братіей, то поминовение простыхъ мірянъ было отнесено еще и къ этой просфорѣ въ виду того, что не во всякой церкви можно было поминать игумена и монастырскую братію, и, слѣдовательно, не во всякой церкви эта просфора могла найти себѣ употребленіе, согласно ея прямому ея назначенію. При этомъ почему то не было исключено поминовение православныхъ христіанъ и на царской просфорѣ,—его оставили на прежнемъ мѣстѣ; а отсюда произошло то, что живыхъ православныхъ христіанъ стали поминать дважды: по старому обычаю—на пятой просфорѣ и по новому—на шестой. Подобная же странность замѣчается въ южно и западно-русскихъ печатныхъ служебникахъ; въ нихъ живые міряне поминаются также два раза:—на третьей (или, по современному намъ счету на четвертой) просфорѣ, послѣ духовенства, свѣтской власти, игумена и монастырской братіи, и особо на четвертой-просфорѣ (или, по нашему, на пятой)..

Изъ сказаннаго видно, что московское седмипросфоріе не есть изначальное явленіе въ русской церковно-богослужебной практикѣ; оно возникло въ Россіи на почвѣ болѣе древняго пятипросфорія, чрезъ случайное осложненіе его двумя новыми просфорами за царя и за игумена¹⁾.

¹⁾ Съ учрежденіемъ въ Россіи патріаршества, поминовение патріарха было приурочено къ той просфорѣ, на которой поминалось вообще духовенство, т. е. къ четвертой.

Правда, аѳонское седмипросфоріе, а вмѣстѣ съ нимъ южно и западно-русское, не отдѣляетъ духовенства и свѣтской власти другъ отъ друга и назначаетъ на поминовеніе ихъ одну (четвертую) просфору; но за то обособляетъ поминовеніе этихъ лицъ отъ поминовенія простыхъ мірянъ и поминовенія священника—совершителя проскомидіи, прибавляя тѣмъ къ первоначальнымъ пяти просфорамъ двѣ новыхъ. Что на Аѳонѣ седмипросфоріе не было явленіемъ изначальнымъ и что оно, какъ и московское, выродилось изъ болѣе древняго пятипросфорія, практиковавшагося на Аѳонѣ ранѣе седмипросфорія, это всего лучше доказывается аѳонскими памятниками пятипросфорія XIII—XIV вв., о которыхъ рѣчь у насъ будетъ ниже.

Но мысли защитниковъ московскаго седмипросфорія, оно, послѣ внесенія его въ печатныя богослужебныя книги московскаго изданія, должно было окончательно утвердиться въ русской церкви и вытѣснить собою всякую другую практику просфоръ. Этому намѣренію приверженцевъ седмипросфорія должно было содѣйствовать церковное *правило* (213), появившееся въ славянскомъ номоканонѣ 1639 года и узаконяющее употреблять на проскомидіи семь просфоръ. Исторія этого правила номоканона интересна. Въ номоканонахъ раннѣйшаго изданія, переведенныхъ съ греческаго въ Кіевѣ въ 1620, 1624 и 1629 гг., правило о просфорахъ читается не такъ, какъ оно читается въ номоканонѣ 1639 года. Кіевскіе номоканоны предписываютъ не семь, а *пять* просфоръ. Такое же предписаніе о пяти просфорахъ значитъ и въ греческомъ оригиналѣ, съ котораго сдѣланы кіевскіе переводы. Такимъ образомъ, греческій подлинникъ и правильные переводы съ него не знаютъ правила о седмипросфоріи. Но издатели номоканона 1639 г. не постѣснялись пожертвовать подлиннымъ текстомъ правила и дать ему отъ себя такую редакцію, какой нѣтъ ни въ одномъ номоканонѣ—ни въ греческомъ, ни въ славянскомъ. До настоящаго времени сохранился экземпляръ кіевского изданія номоканона 1624 г., въ которомъ протопопъ Аввакумъ, извѣстный поборникъ раскола,

собственноручно сдѣлалъ желательное для раскола исправленіе въ текстѣ 213 правила этого номоканона. Онъ зачеркнулъ слово „пять“ (просфоръ) и поставилъ вмѣсто него сверху славянскую цифру *седьмь*, а на поляхъ, въ оправданіе такого измѣненія, приписалъ: „Здѣ седьмь въ Велицѣй Россіи Кипріанъ митрополитъ и Никонъ Радонежскій въ служебникахъ своихъ повелѣвають. А Киевопечерская церковь царя и патріарха не имѣюще въ та времена, соблазнишася. Се азъ протопопъ Аввакумъ подписалъ“. Полная несправедливость словъ протопопа Аввакума подробно разъяснена въ брошюрѣ о Филарета: „Старопечатный номоканонъ и его свидѣтельство о числѣ просфоръ на проскомидіи“ (Москва. 1876 г.), и намъ нѣтъ надобности повторять слова о. Филарета, этого ревностнаго и сильнаго поборника истины. Замѣтимъ только, что въ Кипріановскомъ служебникѣ (какъ можно было видѣть изъ предыдущаго), никакъ нельзя найти указанія на семь просфоръ, а въ служебникѣ преп. Никона чинъ проскомидіи совершенно отсутствуетъ ¹⁾...

Итакъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что правило о семи просфорахъ въ номоканонѣ 1639 года—дѣло рукъ московскихъ сторонниковъ седмипросфоріи. Благодаря огромному вліянію, какое имѣли горячіе поборники идеи русской, глубокой, какъ имъ казалось, старины на всѣ слои русскаго общества, въ силу котораго имъ всегда вѣрили на слово и слѣпо исполняли все, что они указывали дѣлать, для нихъ не составляло особаго труда возвестъ любезное имъ седмипросфоріе, какъ общеобязательную практику, на степень церковнаго закона. И вотъ въ 1639 г. статья номоканона о просфорахъ была передѣлана слѣдующимъ образомъ. Послѣ словъ ея о *третьей* просфорѣ къ тексту были прибавлены такіа слова:

¹⁾ См. Ученія Записки Императ. Москов. университета. Отд. юридическій. Вып. 14. М., 1897 г. „Номоканонъ при Большомъ Трѣбникѣ“ А. С. Павлова, стр. 407 и дал.

„четвертая“ (т. е. просфора) „за патріарха: пятая за царя и за царицу и за чадъ ихъ“; далѣе, слова подлиннаго текста: „четвертая“ (просфора) и „пятая“ были измѣнены на „шестая“ и „седьмая“, и все правило стало говорить уже не о пяти, а о семи просфорахъ. Несоотвѣтствіе новаго чтенія 213 правила греческому оригиналу и кievскимъ переводамъ его въ главахъ защитниковъ седмипросфорія не имѣло значенія. Они знали, что, издавъ въ номоканонѣ правило о просфорахъ въ желательномъ для нихъ видѣ, они пріобрѣтаютъ церковный законъ, на который имъ можно было сослаться, какъ на непререкаемый голосъ церкви и исполненія котораго можно было настойчиво требовать отъ всѣхъ пастырей русской церкви.

Искаженіе подлиннаго текста 213 правила, равно какъ и несоотвѣтствіе русской практики седмипросфорія общеупотребительной греческой—пятипросфорію, было открыто при патріархѣ Никонѣ, предпринявшемъ трудное дѣло книжнаго исправленія. Открытіе никоновскихъ справщиковъ не могло не повліять отрезвляющимъ образомъ на благонамѣренныхъ русскихъ людей въ ихъ излишнемъ увлеченіи церковной, какъ имъ думалось, „старинной“, но, къ сожалѣнію, не въ состояніи было поколебать слѣпой вѣры въ догматическое значеніе седмипросфорія его ярыхъ поборниковъ-старообрядцевъ. Поэтому, когда православная русская церковь повсюду ввела у себя въ употребленіе пять просфоръ на проскомидіи, старообрядцы не захотѣли разстаться съ своею, болѣе древнею, какъ казалось имъ, практикою и удержали седмипросфоріе за собой.

Вообще говоря, седмипросфоріе не могло остаться навсегда въ богослужебномъ употребленіи греко-россійской Церкви потому, что не представляло собою явленія, вызваннаго къ жизни важными и глубокими причинами. Вотъ почему оно и исчезаетъ сравнительно скоро изъ церковно-богослужебной практики. Сначала, къ XVII вѣку, седмипросфоріе выходитъ изъ употребленія въ греческой церкви, въ которой, впрочемъ,

оно никогда и не было широко распространено, а затѣмъ, при патріархѣ Никонѣ, устраняется изъ богослужебныхъ книгъ русской церкви, окончательно уступивъ свое мѣсто болѣе древнему пятипросфорію.

(Продолженіе будетъ).

Н. Пальмовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 ноября 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. І. Корольковъ.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, декабря 9-го.

Содержаніе: Свобода и принужденіе въ дѣлахъ вѣры. — Изъ замѣтокъ о храмѣ (продолженіе). — Обзорніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900-й годъ (окончаніе). — Воззваніе.

Свобода и принужденіе въ дѣлахъ вѣры.

„Наклонность низвергать твердыя и установленныя учрежденія и вмѣсто нихъ дѣлать нововведенія и перевороты составляетъ болѣе свойство подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ“. (Патріархъ Фотій).

Періодическая печать подняла вопросъ о свободѣ религіозной совѣсти и весьма усердно обсуждаетъ его. Но во множествѣ мнѣній, высказанныхъ лицами разныхъ направленій, едва ли можно найти что-либо новое, оригинальное. Все старо, какъ и самый вопросъ, поставленный 19 столѣтій тому назадъ и съ тѣхъ поръ не перестающій занимать величайшихъ мыслителей и законодателей христіанскаго міра. Впрочемъ, особенно сокрушаться объ этомъ не слѣдуетъ; въ старомъ всегда можно найти для себя и много новаго, если поглубже вдуматься въ него. Вотъ почему мы и рѣшили въ на-

стоящемъ очеркѣ познакомить читателей съ развитіемъ вопроса о свободѣ совѣсти и современнымъ положеніемъ его у насъ.

I.

Если о свободѣ религіозной совѣсти всегда высказывались и высказываются мнѣнія, не согласныя между собою и даже прямо противоположныя, то причины этого слѣдуетъ искать въ различіи основныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ вопросъ можетъ быть разсматриваемъ. Такихъ точекъ зрѣнія *три*. *Во-первыхъ*, можно спрашивать о томъ, свободенъ ли человѣкъ опредѣлять свою вѣру только внутреннимъ голосомъ своей совѣсти, своего религіознаго сознанія, или же кому-либо предоставлено право принуждать его вѣрить въ то, во что онъ не хочетъ вѣрить? Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о томъ, можетъ ли быть оправдываемо *насиліе*, совершаемое посредствомъ внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ надъ личными религіозными убѣжденіями человѣка? *Во-вторыхъ*, можно спрашивать о томъ, свободенъ ли, воленъ ли каждый человѣкъ исповѣдывать, т. е. проявлять во внѣшней жизни, свои религіозныя убѣжденія, каковы бы они ни были, или же въ этомъ отношеніи онъ ограничивается какою-либо внѣшнею, слѣдовательно—*принудительно* дѣйствующею силою? *Въ-третьихъ*, наконецъ, можно ставить такой вопросъ: какое-либо общество людей, соединенныхъ одною вѣрою (напр., Православная Церковь у насъ), можетъ ли претендовать на особенное, предпочтительно предъ другими религіозными обществами, покровительство государственныхъ законовъ, или же предъ послѣдними всѣ религіозныя ассоціаціи должны имѣть одинаковое значеніе?

Первый изъ этихъ трехъ вопросовъ есть вопросъ о *свободѣ вѣры*, второй—о *свободѣ исповѣданія*, а третій—о *свободѣ Церкви*.

Религіозная вѣра рождается изъ естественнаго стремленія человѣческаго духа къ Богу и неискоренимой потребно-

сти его въ богообщеніи. Она есть именно богообщеніе, основанное на увѣренности въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ и въ ожидаемомъ какъ бы въ настоящемъ. Эта увѣренность имѣетъ характеръ опредѣленныхъ убѣжденій, предписывающихъ нашему уму мыслить о Богѣ такимъ, а не инымъ образомъ, а волѣ—осуществлять въ практической дѣятельности такія, а не инія нравственныя начала. Въ такомъ смыслѣ понимаемая вѣра не доступна ни для чего внѣшняго по отношенію къ нашей душѣ; на нее могутъ оказывать воздѣйствіе или безотчетное довѣріе къ какому-либо внѣшнему авторитету, или разсудочныя доказательства, или непосредственныя свидѣтельства внутренняго, религіознаго опыта, или, наконецъ, божественная благодать св. Духа; принудительныя же начала ни мало не касаются ея, потому что дѣйствуютъ въ совершенно чуждой для нея области—въ области физической, тѣлесной, а не духовной. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ имѣетъ естественное, дарованное ему отъ Бога вмѣстѣ съ природою, право вѣровать только въ то, что онъ считаетъ истиннымъ, и отвергать то, что признаетъ за ложное; каждый человѣкъ абсолютно свободенъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Это воззрѣніе, не извѣстное языческому міру, принадлежитъ христіанству; оно открыто Евангеліемъ и введено въ культурную жизнь человѣчества Церковью свв. мучениковъ. Спаситель нашъ и Самъ насаждалъ царство Божіе на землѣ только словомъ и дѣлами своими, и свв. апостоламъ заповѣдалъ пользоваться для распространенія вѣры въ Него средствами духовно-нравственнаго свойства, а не внѣшне-принудительнаго. Когда ученики Его—Іаковъ и Іоаннъ—хотѣли низвести огонь на жителей одного самарянскаго селенія, отказавшихся принять Господа, Господь сказалъ имъ: „не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать“ (Лук. 9, 55, 56). Т. е., для возбужденія и утвержденія въ сердцахъ людей спасительной вѣры въ Сына Божія не должно подвергать ихъ физическимъ страданіямъ и смерти; для этого существуютъ инія сред-

ства—убѣжденная проповѣдь и дѣйствующая черезъ проповѣдниковъ сила Божія. Посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь евангелія въ предѣлахъ Іудеи, Спаситель такъ наставлялъ ихъ: „проповѣдуйте, что приблизилось царство небесное; больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте; даромъ получили, даромъ дайте... входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему... А если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходи изъ дома, или изъ города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“ (Мѡ. 10, 7—14). По воскресеніи же Своемъ Онъ заповѣдалъ ученикамъ весь міръ плѣнить въ послушаніе вѣры тѣми же средствами: „идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься,—спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать,—осужденъ будетъ“ (Мрк. 16, 15—16). Апостолы исполнили завѣтъ Божественнаго Учителя; они отвергли не только принужденіе въ дѣлѣ вѣры, но вообще всякія „скрытныя постыдныя дѣла“; они, не прибѣгая къ хитрости и не искажая слова Божія, а открывая истину, представляли себя совѣсти всякаго человѣка предъ Богомъ и такимъ образомъ утверждали вѣру не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей (ср. 2 Кор. 4, 2 и д.; 1 Кор. 2, 5).

Но если ученики Христовы въ своей миссіонерской дѣятельности всегда оставались вѣрны евангельскому духу терпимости къ иновѣрцамъ и всегда стояли за принципъ свободы вѣры („все, что не по вѣрѣ, грѣхъ“;—Рим. 14, 23), то противоположный принципъ насилія, принужденія не скоро уступилъ мѣсто новому началу. Только путемъ борьбы мучениковъ за вѣру Христову это начало одержало верхъ,—борьбы, которая велась оружіемъ духовнымъ, между прочимъ, апологіями правоты своего дѣла. Тертуллианъ такъ защищалъ свободу вѣры: „право естественное и общественное требуетъ, чтобы каждый поклонялся тому, кому хочетъ. Религія одного человѣка можетъ быть ни вредна, ни полезна для другого. Но не свойственно одной религіи дѣлать насиліе другой. Ре-

лігія должна быть принимаема по свободному убѣжденію, а не насильственно; жертвы Богу должны быть приносимы отъ свободнаго сердца“ (Къ Скапулѣ, гл. 1, 2). То же говорилъ и Лактанцій: „не должно тутъ употреблять силы, потому что въ религіи принужденіе не умѣстно. Надлежитъ дѣйствовать болѣе словами, нежели бичами, чтобы была свобода принять или не принять ее... Пусть намъ подражаютъ и объясняютъ все въ точности. Мы никого не обольщаемъ, какъ они насъ въ томъ обвиняютъ: мы только преподаемъ, доказываемъ, объясняемъ наше ученіе. Мы никого противъ воли не удерживаемъ: въ комъ нѣтъ вѣры и благочестія, тотъ Богу не нуженъ“ (О правдѣ, гл. 20).

Эта святая истина, за которую пролито столько христіанской крови, въ концѣ концовъ восторжествовала, и имп. Константинъ В. открыто возвѣстилъ ее всему міру въ знаменитомъ Миланскомъ эдиктѣ (312 г.). Здѣсь читаемъ: „дозволяемъ христіанамъ и всякаго другого рода людямъ послѣдовать той религіи, какую имѣтъ пожелають; дозволяемъ каждому исповѣдывать то богопочтеніе, къ какому кто имѣтъ склонность... Признаемъ за благо, дабы даруемая христіанамъ свобода простиралась и на всѣхъ другихъ нашихъ подданныхъ съ тѣмъ, чтобы ничье богопочтеніе отнюдь нарушаемо не было“ (Лактанцій, „О смерти гонителей“, гл. 48). Со времени обнародованія этого эдикта *свобода вѣры* сдѣлалась существеннымъ факторомъ культурной жизни и неизмѣнно остается имъ до настоящаго времени. Правда, она часто приносилась въ жертву принудительнымъ началамъ, къ которымъ уже Константинъ В. обращался въ борьбѣ съ язычествомъ. Но Церковь никогда не одобряла такого отношенія къ иновѣрію: ея миссіонеры распространяли вѣру Христову съ крестомъ въ рукахъ, а не съ мечомъ. И въ наши дни миссіонерская дѣятельность Церкви совершается средствами духовнаго характера; если на помощь миссіямъ приходятъ государства, то эта помощь выражается только въ матеріальной поддержкѣ ихъ внѣшней организаціи и въ защитѣ ихъ отъ

насилія иновѣрцевъ, но вовсе не въ принудительномъ воздѣйствіи на послѣднихъ, съ цѣлью привлеченія ихъ къ вѣрѣ.

Такимъ образомъ, свобода религіозной вѣры есть неотъемлемое свойство человѣческой природы, и всякій имѣетъ неотчуждаемое право принадлежать къ той вѣрѣ, которую онъ добровольно и разумно избралъ себѣ. Въ этомъ смыслѣ свобода вѣры утверждена въ мірѣ христіанствомъ и неизмѣнно исповѣдуется Христовою Церковью.

II.

Религіозныя убѣжденія отличаются отъ всякихъ другихъ убѣжденій тѣмъ, что они естественно стремятся къ обнаруженію себя во внѣ, къ проникновенію собою всей внѣшней жизни. Вѣрующій человѣкъ чувствуетъ потребность жить по своей вѣрѣ. Но какъ онъ можетъ удовлетворять этой потребности, живя въ обществѣ людей, принадлежащихъ къ другой вѣрѣ? Въ-правѣ ли онъ требовать себѣ неограниченной свободы исповѣданія, когда эта свобода естественно должна придти въ столкновеніе съ свободою другихъ и произвести вражду и смуту, разрушающую всякое человѣческое общежитіе? Изъясники, напр., вѣрятъ въ то, что божество требуетъ отъ нихъ человѣческихъ жертвъ,—и они съ благоговѣніемъ приносятъ въ жертву иногда иновѣрцевъ, живущихъ среди нихъ. Или еще примѣръ: штундисты отрицаютъ существующій строй государственной и церковной жизни и всячески стремятся къ ниспроверженію его. Должно ли быть неограниченнымъ право исповѣданія своей вѣры въ томъ и другомъ случаѣ—именно *исповѣданія*, т. е. проведенія въ жизнь?

Очевидно, что свобода религіозныхъ убѣжденій здѣсь выходитъ изъ сферы духовной и вступаетъ въ сферу внѣшнихъ человѣческихъ отношеній, гдѣ нормирующимъ началомъ является не личная свобода того или другого человѣка, а правда, справедливость. Всякое человѣческое общество, каковы бы ни были его цѣли, держится только до тѣхъ поръ, пока въ немъ признается и уважается объективная правда. Поэтому,

кто желаетъ принадлежать къ тому или другому обществу, долженъ подчинять свою свободу этой правдѣ.

Примѣнимъ сказанное, прежде всего, къ Православной Церкви, обвиняемой нѣкоторыми въ чрезмѣрномъ будто-бы стѣсненіи религіозной свободы вѣрующихъ своими догматическими и каноническими опредѣленіями. Христіанинъ, именующійся и желающій быть не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ православнымъ, имѣетъ ли право свободно относиться къ ученію и учрежденіямъ Православной Церкви, т. е. одно признавать, а другое отвергать по предписаніямъ лишь собственной совѣсти, безъ всякаго ограниченія со стороны авторитета Церкви?—Конечно, такого права онъ не имѣетъ, какъ сынъ Церкви, свободно вступившій въ ея лоно. Господь Иисусъ Христосъ благоволилъ, чтобы вѣрующіе въ Него составили Церковь, единое тѣло, и, такимъ образомъ, достигали спасенія не каждый порознь, но всѣ вмѣстѣ, соединенные единствомъ вѣры и любви. Онъ такъ молился предъ Своими страданіями Отцу Небесному: „Отче Святыи! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были *едино*, какъ и Мы... Освяти ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина... да будутъ всѣ *едино*: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ *едино*... Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во *едино*“ (Іоан. 17, 11, 17, 21, 23). Значитъ, вѣрующіе должны быть *едино* (составляя Церковь) чрезъ пребываніе въ Единомъ Богѣ; а какъ это пребываніе въ Богѣ возможно для нихъ только чрезъ освященіе себя Христовой истиной, то послушаніе истинѣ существенно необходимо для *каждаго* изъ нихъ. Христова истина содержится только въ Церкви и открывается міру только чрезъ свв. апостоловъ и ихъ преемниковъ. „Они сохранили слово Твое... ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ *имъ*. (Іоан. 17, 6, 8); поэтому, послѣдніе и облечены божественнымъ правомъ вязать и рѣшить совѣсть чадъ Церкви словомъ истины, какъ сказано имъ Спасителемъ: „что *вы* свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что раз-

рѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Мѡ. 18, 18). Св. апостолы и пользовались этимъ правомъ во всѣхъ случаяхъ, когда искаженія истины угрожали единству вѣры и любви. Св. ап. Павелъ писалъ коринтянамъ по поводу нѣкоторыхъ разногласій, возникшихъ среди нихъ: „чего вы хотите? съ жезломъ придти къ вамъ, или съ любовью и духомъ кротости“ (4, 21)? И галатамъ: „какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѡема“ (1, 9).

При всемъ этомъ апостольская Церковь не налагала запрещенія на всякое проявленіе свободы религіозной мысли: у вѣрующихъ не отнималось право имѣть свои сужденія по тѣмъ или другимъ вопросамъ вѣры, если эти сужденія согласны были съ истиной. Напр., св. ап. Павелъ высказываетъ нѣсколько своихъ мнѣній по вопросу о брачной и безбрачной жизни, которая и предлагаетъ вѣрующимъ, какъ частный совѣтъ, а не какъ повелѣніе Господне (1 Кор. 7, 6. 25). Онъ же пишетъ римлянамъ, чтобы въ дѣлѣ празднованія различныхъ дней и употребленія въ пищу мяса или овощей „всякій поступалъ по удостовѣренію своего ума“, лишь бы не спорили о мнѣніяхъ (Римл. 14, 1. 5). Но само собою понятно, что область, въ которой допустимы частныя мнѣнія, должна быть строго разграничена, иначе все содержаніе христіанской вѣры можетъ сдѣлаться предметомъ споровъ, такъ что истина Христова расплывется въ хаосъ мнѣній, другъ съ другомъ не согласныхъ, другъ друга исключającychъ;—а черезъ это погибнетъ единство вѣры и любви. И Церковь всегда указывала вѣрующимъ предѣлы, за которые ихъ пытливость не должна простираться. Въ апостольское время они должны были сообразоваться съ ученіемъ, переданнымъ апостолами предстоятелямъ церквей. „Держись,—говоритъ св. ап. Павелъ Тимоѡею,—образца здраваго ученія, которое ты слышалъ отъ меня, съ вѣрою и любовью во Христѣ Іисусѣ“ (2 Тим. 1, 13). Въ концѣ перваго вѣка, когда разные еретики стали извращать „образецъ здраваго ученія“ и сѣять смуты въ умахъ

и сердцахъ вѣрующихъ“, для предохраненія послѣднихъ отъ заблужденій были собраны въ одинъ составъ и приведены во всеобщую извѣстность *четыре* Евангелія и посланія апостольскія, которыя, вмѣстѣ съ преданіемъ, хранимымъ непосредственными учениками апостольскими, и должны были служить къ разграниченію истины отъ лжи.

Со второго вѣка Христова ученіе стали изучать люди философскаго образованія, и около нѣкоторыхъ предметовъ съ теченіемъ времени накопилось много отдѣльныхъ, между собою не согласныхъ, мнѣній. Когда нѣкоторымъ изъ этихъ мнѣній ихъ, такъ сказать, авторы стремились придать характеръ догматовъ вѣры, Церковь выступала на защиту истины, выразителемъ которой являлось вселенское сознаніе вѣрующихъ, воспитанное на апостольскомъ преданіи. Частнымъ мнѣніямъ людей, занимавшихся своего рода нѣкольнымъ изученіемъ христіанской вѣры, противопоставлялись образцы вѣры вселенской, т. е. символы, согласіе съ которыми считалось существеннымъ признакомъ православія. Для охраненія обязательной силы этихъ символовъ и для обезпеченія вѣрующимъ истиннаго пути ко спасенію, Церковь, кромѣ того, издавала разныя правила, отлучавшія отъ единства церковнаго еретиковъ и раскольниковъ и опредѣлявшія покаяніе желавшимъ возвратиться въ лоно Церкви.

Такимъ образомъ, Церковь, призванная служить *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), ограничивая свободу религіозныхъ убѣжденій, чрезъ это обезпечиваетъ всѣмъ вѣрное обладаніе спасительною истиною, пребываніе въ общеніи съ Богомъ и пользованіе всѣми богодарованными средствами для своего спасенія. Это ограниченіе свободы голосомъ истины и есть свобода въ собственномъ смыслѣ. Спаситель говоритъ: „познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными... Если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете“ (Іоанн. 8, 32. 36), т. е., свобода заключается не во внѣшнемъ правѣ свободно возвѣщать и содержать какія угодно

миѣнія, а въ обладаніи истинною, съ которой свобода связана, какъ лучъ солнечный съ своимъ источникомъ—солнцемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Гр.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ХРАМѢ ¹⁾.

2. Храмъ, какъ предметъ пастырскаго попеченія въ наше время.

Домъ Мой домомъ молитвы наречется.

Мѡ. 21, 13.

Возлюбихъ благолюбіе дому Твоего.

Псал. 25, 8.

Пойте Богу разумно. Пс. 46, 8.

Ищите прежде царствія Божія и правды его.

Мѡ. 6, 33.

еликимъ религіозно-нравственнымъ значеніемъ храма, ярко выступающимъ даже въ тѣхъ, сравнительно немногихъ, литературныхъ справкахъ, которыя сгруппированы въ предыдущемъ очеркѣ, налагается на пастырей обязанность самаго тщательнаго попеченія о храмѣ, какъ о домѣ молитвы и центрѣ церковно-приходской жизни. Формы такого попеченія до нѣкоторой степени разнообразятся въ зависимости отъ измѣняющихся условій пространства и времени. Наши дни съ особенною настойчивостью призываютъ православно-русскихъ пастырей къ попеченію о храмѣ. Дѣло въ томъ, что тревожною особенностью переживаемаго времени является отчужденіе отъ церкви нашего образованнаго общества (т. наз. интеллигенціи). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить тѣ оваціи, которыя выпали на долю графа Л. Толстого *въ виду синодальнаго засвидѣтельствованія его отпаденія отъ Церкви*, или сочувственное отношеніе значительной части нашей интеллигенціи къ сектантскимъ движеніямъ въ народѣ. А такъ

¹⁾ См. № 47 за 1901 годъ.

какъ исторически образовавшаяся пропасть между интеллигенціей и народомъ въ послѣднее время начинаетъ замѣтно сглаживаться, то настроеніе интеллигенціи передается и народу. Среди послѣдняго также замѣтно броженіе, направленное къ отчужденію отъ Церкви: сектантство начинаетъ пускать свои корни тамъ, гдѣ о немъ доселѣ не было слышно. Овцы начинаютъ разбѣгаться изъ ограда. Такое положеніе дѣла не можетъ не волновать тѣхъ пастырей, которые ясно сознаютъ и живо чувствуютъ свое пастырское призваніе—содѣйствовать вѣчному спасенію людей. Какъ же помочь горю? какъ удержать разбѣгающихся овецъ въ оградѣ Церкви? Нѣкоторые публицисты, а за ними—или въ согласіи съ ними—и пастыри, склонны возлагать въ этомъ дѣлѣ большія надежды на поддержку свѣтской власти; но эти надежды не имѣютъ подъ собою твердой почвы: дѣло въ томъ, что корни религіозной жизни лежатъ въ самой глубинѣ человѣческой души, тогда какъ свѣтская власть регулируетъ *внѣшнія* отношенія людей между собою. Конечно, пастыри Церкви въ правѣ желать (и даже требовать), чтобы свѣтская власть ограждала спокойствіе церковныхъ собраній, имущество Церкви, личную и имущественную безопасность пастырей и т. п.; но что касается удержанія тѣхъ или другихъ лицъ въ оградѣ Православной Церкви, то это составляетъ уже ближайшую задачу пастырской дѣятельности. Въ ряду тѣхъ мѣръ, какими располагаетъ пастырь для осуществленія этой задачи, имѣетъ важное значеніе попеченіе о томъ, чтобы храмъ былъ на дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей идеѣ: домомъ молитвы и христіанскаго освященія, очагомъ христіанскаго идеализма, опорой въ смущеніяхъ совѣсти и утѣшеніемъ въ скорби, такимъ мѣстомъ, въ предѣлахъ котораго душа хоть сколько-нибудь освобождается отъ бремени ежедневныхъ хлопотъ о кускѣ хлѣба, очищается отъ житейской грязи, ободряется и укрѣпляется,—такимъ центромъ, около котораго сосредоточиваются разнообразныя проявленія церковно-приходской жизни. И прежде всего—храмъ долженъ быть домомъ молитвы: онъ долженъ

располагать къ молитвѣ и своимъ внѣшнимъ видомъ, и своею внутреннею обстановкой. У насъ, на Руси, въ теченіе вѣковъ выработался типъ православно-русскаго храма, выдѣляющій его изъ ряда другихъ зданій и громко говорящій о его религіозномъ назначеніи: предо мною—холмъ, замѣтно господствующій надъ селомъ; тамъ, среди акацій, тополей и березъ, возвышается храмъ съ куполомъ, увѣнчаннымъ небольшою главою-маковкой, съ примыкающей къ нему колокольней: церковные кресты царятъ надъ окрестностью: когда подъѣзжаешь къ селу, прежде всего показывается шпиль церковной колокольни, увѣнчанный крестомъ, а когда уѣзжаешь изъ села—этотъ крестъ продолжаетъ блестѣть на солнцѣ еще долго послѣ того, какъ скроются изъ виду крыши послѣднихъ домовъ; у подножія церкви разбросаны могилы, осѣненные не урнами или геними, какъ это бываетъ въ городахъ, а крестами—символомъ воскресенія и вѣчной жизни. Православному человѣку иначе и не представляется его могила, какъ увѣнчанной крестомъ: „подъ крестомъ—моя могила, на крестѣ—моя любовь“—вотъ мечта поэта, выросшаго въ православно-русской народной обстановкѣ (Кольцова). Такимъ представляется тотъ типъ православно-русскаго храма, съ которымъ уже успѣлъ сродниться русскій народъ, и, думается, этотъ образъ соотвѣтствуетъ идеѣ храма: возвышенное и нѣсколько обособленное положеніе, своеобразная архитектура, главы, поднимающіяся „горѣ“,—все это говоритъ о томъ, что назначеніе храма—направлять наше сознаніе и нашу жизнь въ „гѣрній Іерусалимъ, царство небесное“. Вотъ почему вполне понятно то чувство неудовлетворенности, съ какимъ встрѣтили православно-русскіе сибирскіе поселенцы и переселенцы устройство у нихъ такъ наз. церквей—школь, мало чѣмъ отличающихся отъ обыкновенныхъ зданій по своему внѣшнему виду: ихъ религіозное чувство привыкло къ тому, чтобы храмъ и по внѣшнему виду выдѣлялся изъ ряда другихъ зданій; а такъ какъ это чувство является непосредственнымъ выраженіемъ высокаго взгляда на значеніе храма, то можно только радоваться тому, что

Комитетъ по постройкѣ церквей въ Сибири пошелъ навстрѣчу здоровому православно-русскому чувству: въ послѣднее время Комитетъ строить въ Сибири храмы обычнаго типа, какъ это можно видѣть изъ годичныхъ иллюстрированныхъ отчетовъ о дѣятельности Комитета. Къ тому же выводу пришло и военное вѣдомство, прислушивающееся, очевидно, къ духовнымъ запросамъ русскаго солдата. По сообщенію „Церковныхъ Вѣдомостей“ (1901 г., № 44, стр. 1620), комиссія по разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся религіозныхъ нуждъ войска, выработала особый типъ полковой церкви, которая представляла бы отдѣльную постройку, не примыкающую къ корпусамъ общежитія нижнихъ чиновъ: по справедливому предположенію комиссіи, такой типъ полковой церкви „будетъ имѣть особое значеніе для нашего православнаго солдата, привыкшаго съ дѣтства въ деревнѣ видѣть православную церковь выдѣляющейся своей архитектурой среди обычныхъ домовъ“. Приведенныя соображенія не лишены значенія для пастырей, озабоченныхъ постройкою или перестройкой своихъ приходскихъ церквей.

Что касается внутренней обстановки храма, то совокупностью всѣхъ своихъ элементовъ она—еще больше, чѣмъ внѣшній видъ храма—должна возводить сердца молящихся горѣ: „въ храмъ стоище славы Твоея, на небеси стояти мнимъ“,—вотъ выраженіе того настроенія, которое переживается молящимися въ христіанскомъ храмѣ. Опять-таки и этому требованію бѣльше соотвѣтствуетъ храмъ со сводами и куполомъ, украшенными священными изображеніями, нежели храмъ—зала, напоминающій собою мѣста свѣтскихъ общественныхъ собраній. Та черта, которую религіозное чувство хочетъ видѣть во внутренней обстановкѣ храма, на языкѣ церкви называется *благолѣпиемъ*. Въ понятіе благолѣпія, въ качествѣ составнаго элемента, входитъ и чувственная красота, которая „въ высшей степени приличествуетъ храму, какъ жилищу Того, Кто облакается славою и великолѣпиемъ“¹⁾. Дѣятель-

¹⁾ Изъ превосходной статьи С. В. Кохомскаго о „благолѣпій бого-

ность, направленная къ созиданію предметовъ, производящихъ на насъ эстетическое впечатлѣніе, называется искусствомъ. Значить, храмъ представляетъ собою такое мѣсто, гдѣ искусство во всѣхъ его видахъ—архитектура, ваяніе, живопись, музыка и поэзія—можетъ найти для себя самое широкое примѣненіе. Насъ стараются приучить къ той мысли, что театръ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ виды искусства въ его высшихъ обнаруженіяхъ; но хотя эта мысль была поддержана въ свое время такимъ поэтомъ—идеалистомъ, какъ Шиллеръ, однако она больше приличествуетъ классической древности, нежели христіанскому времени. Для христіанина высшимъ совмѣщеніемъ всѣхъ видовъ искусства является храмъ. Такъ и смотрѣлъ на дѣло такой авторитетъ въ вопросахъ искусства, какъ покойный († въ 1886 году) профессоръ Московскаго университета С. А. Усовъ, читавшій въ частной гимназій лекціи по теоріи и исторіи искусства. По его взгляду, храмъ можетъ служить объединеніемъ всѣхъ искусствъ, „если только отдѣльные искусства, пѣніе и чтеніе, живопись и архитектура, сами по себѣ не поражаютъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой художественности. Въ храмѣ мы можемъ ... совершенно уйти изъ своей обыденной жизни въ другой идеальнѣйшій міръ. Кто не испыталъ на себѣ того прилива религіознаго чувства, которое охватываетъ человѣка въ храмѣ, при стройномъ богослуженіи, при художественной архитектурной и живописной обстановкѣ, невольно заставляющей проникнуться чувствомъ какой-то непонятной таинственности и святости этого мѣста. Когда Владиміръ послалъ выбранныхъ людей для испытанія вѣрѣ, то они, возвратясь, съ восторгомъ передавали то впечатлѣніе, какое произвело на нихъ греческое богослуженіе. Если мы вспомнимъ, что ихъ привели въ храмъ св. Софіи, прекрасный и по своей архитектурѣ и по живописи, украшавшей его стѣны, во время стройнаго, торжественнаго патріаршаго богослуженія, то поймемъ ихъ слова,— что они чувствовали, будто на-

служенія при бѣдности обстановки“, напечатанной въ „Рук. для сельск. паст.“ за 1893 г. (№ 23).

ходятся на небѣ, а не на землѣ“¹⁾. Наша родина не бѣдна такими храмами, которые слѣдуетъ причислить къ самымъ высокимъ образцамъ искусства: таковы въ Петербургѣ Исаакиевскій и Казанскій соборы, а также храмъ въ честь Воскресенія Христова, строящійся на мѣстѣ мученической кончины Царя—Освободителя, въ Москвѣ—храмъ Христа Спасителя, въ Кіевѣ—Владимірскій соборъ и Андреевская церковь и т. д. Едва ли не каждый номеръ „Церковныхъ Вѣдомостей“ приноситъ извѣстіе о построеніи новаго благолѣпнаго храма въ томъ или другомъ пунктѣ нашей родной земли. Конечно, этимъ сообщеніямъ нельзя не радоваться. При всемъ томъ большинство православно-русскихъ храмовъ не отличается величіемъ архитектуры и богатствомъ внутренней обстановки. Не знаемъ, встрѣчаются ли теперь на Руси такіе убогіе храмы, какъ тотъ храмъ (теперь уже обновленный) въ селѣ Сѣнной Подольской епархіи, при входѣ въ который преосвященный Леонтій, бывшій въ шестидесятихъ годахъ подольскимъ архипастыремъ, воскликнулъ: „Боже мой! это ли церковь? эти ли селеніе славы Твоя?“²⁾; но что много еще на Руси бѣдныхъ храмовъ, въ этомъ мы успѣли убѣдиться своимъ собственнымъ—сравнительно узкимъ и непродолжительнымъ опытомъ. Можно ли говорить о благолѣпнн по отношенію къ такимъ храмамъ? Да,—отвѣтимъ,—можно. Дѣло въ томъ, что роскошь, обусловливаемая богатствомъ, не составляетъ существеннаго признака даже чувственной красоты: кромѣ роскошной красоты, есть изящная простота, доступная и для небогатаго храма, и нерѣдко храмъ, лишенный богатыхъ украшеній, но изящный въ своей простотѣ, производитъ неотразимое впечатлѣніе на молящихся. Простой, но изящный иконостасъ, симметрически разставленныя и развѣшанныя иконы, чистенькія пелены на аналояхъ, опрятные подсвѣчники, уставленные

¹⁾ „Воспоминанія о возрѣніяхъ С. А. Усова на искусство“ Н. А. Иванцова въ „Вопрос. филос. и психологій“, 1890 г., кн. 3, стр. 127.

²⁾ Михалевиць И. К.—„О прошломъ Подолія“. Каменецъ-Под. 1895. Стр. 23. Изображеніе этого храма—въ книгѣ Н. И. Петрова „Подолія“.

свѣчами, разноцвѣтныя лампадки, порою украшенія изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ,—все это доступно и для небогатой церкви. Но самое главное, что нужно имѣть въ виду при сужденіи о благолѣпіи храма, это—то, что, кромѣ благолѣпія красоты, есть еще,—по прекрасному выраженію С. В. Кожомскаго,—*„благолѣпіе святости“*. „Всякое искусство приноситъ лучшіе плоды тогда, когда служить религи“¹⁾. Почему же такъ? Да потому, что „въ этомъ случаѣ чувственная красота одухотворяется красотой духовной, что въ согласномъ соединеніи красокъ, звуковъ и архитектурныхъ мотивовъ сказывается человѣческому духу что-то неземное, бесконечно чистое и возвышенное,—словомъ, святое. Зримая или слышимая красота является тлѣнной оболочкой нетлѣннаго и вѣчнаго блага, иной неувидаемой красоты, и отъ этого кажется еще прекраснѣе, еще сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка. Эта неувидаемая красота святости, которая одна только и можетъ возвысить, оживить и одухотворить всякую чувственную красоту, и составляетъ важнѣйшую и неотъемлемую стихію истиннаго благолѣпія. Безъ нея красота чувственная обращается въ простую красивость, какъ пріятный узоръ, какъ изящный нарядъ. Напротивъ, благолѣпіе святости можетъ быть и безъ чувственной красоты. Оно можетъ соединяться съ внѣшнимъ униженіемъ и безчестіемъ, какъ это было съ Богочеловѣкомъ въ часы Его страданій“. А если—такъ, то „вопросъ о возможности благолѣннаго служенія Богу при самой скудной обстановкѣ рѣшается легко и притомъ—въ положительномъ смыслѣ. Тамъ, гдѣ богослуженіе не можетъ по бѣдности отличаться благолѣпіемъ красоты, оно можетъ отличаться благолѣпіемъ святости. Пусть христіане, согласно пророчеству Исаи, *придутъ носяще злато, и ливанъ принесутъ, и камень честенъ*, и такъ *вознесутся пріятная на жертвенникъ* Господа, и *домъ молитвы прославится* (60, 6—7); но гдѣ это невозможно, тамъ, при убожествѣ храма, при скудости и бѣд-

¹⁾ Ср. съ этимъ слова Гёте: „Искусство до тѣхъ поръ производительно, пока оно религіозно“.

ности священныхъ облаченій, при отсутствіи искусства, которое приносило бы плоды свои на жертвенникъ вѣры, пусть тѣмъ болѣе сіяетъ благолѣпіе святости, свойственной богослуженію по самому существу его. Вспомнимъ, что въ первые вѣка христіанства вѣрующіе собирались для богослуженія въ мрачныхъ пещерахъ, называемыхъ катакомбами, при свѣтѣ факеловъ, тускло свѣтившихъ въ сыромъ воздухѣ подземелья, и что въ то время богослуженіе отпиралось крайне просто, и это богослуженіе однимъ только благолѣпіемъ святости привлекало вѣрующихъ и умножало чадъ церкви“¹⁾). Вспомнимъ, при какой скудной обстановкѣ совершалъ богослуженіе преп. Сергій Радонежскій въ своей убогой деревянной церковкѣ: деревянные сосуды, крашенинныя ризы, лучина вмѣсто свѣчей... И однако, много лѣтъ спустя, когда Сергіева пустынь разрослась въ обширную и богатую лавру, митрополитъ Филаретъ, освящавшій новый храмъ въ этой лаврѣ, восклицалъ подвліяніемъ нахлынувшихъ въ его душу воспоминаній: „Прости мнѣ, великая лавра Сергіева: мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ Твоихъ дѣла святыхъ, обители святыни, свидѣтелей праотческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преп. Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъзираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божіею благодатію, которая обитала въ преп. Сергіи, въ¹¹ его пустынѣ, и еще оби-

¹⁾ См. цитир. статью С. В. Кохомскаго. Просишь у постоянныхъ читателей „Руководства для сельскихъ паст.“ извиненія за длинную выдержку изъ знакомой имъ статьи: я не считалъ нужнымъ передавать „своими словами“ то, что такъ удачно выражено раньше почтеннымъ сотрудникомъ журнала. Да послужить приведенная выдержка далью уваженія по отношенію къ покойному богослову, съ силою и убѣжденіемъ проводившему въ своихъ трудахъ цѣльное и строго опредѣленное міроозерцаніе.

таетъ въ немъ и его мощахъ, въ его лаврѣ: но, при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной“. Такія мысли и чувства переживалъ митрополитъ Филаретъ при освященіи храма въ память явленія Божіей Матери преп. Сергію, устроеннаго надъ мощами преп. Михея въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Нѣчто подобное пришлось испытать и пишущему эти строки, когда онъ въ первый разъ увидалъ самое драгоцѣнное сокровище въ драгоцѣнной лаврской ризницѣ—деревянные сосуды и крашеннныя ризы преп. Сергія. Если бы—послѣ признаній московскаго святителя—потребовалось свидѣтельство мірянина въ подтвержденіе того, что богослуженіе и при скудной обстановкѣ можетъ производить глубокое впечатлѣніе на молящихся, я бы сослался на стихотвореніе кн. *Вяземскаго*: „Сельская церковь“. Такъ какъ сочиненія этого поэта мало распространены въ обществѣ, то привожу указанное стихотвореніе почти цѣликомъ.

Люблю проселочной дорогой,
 Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой,
 Попасть на службу въ храмъ убогій,
 Почтенный сельской простотой.

Тотъ храмъ, построенный изъ бревень,
 Когда-то былъ села красой;
 Теперь онъ ветхъ, хотя не древень,
 И не отмѣченъ онъ молвой.

И колоколь его незвучно
 Разноситъ благовѣстный гласъ,

И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.

Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.

Но храмъ, и паперть, и ограду
Народъ усердно обступилъ,
И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй, но покорнѣй
Молитвы не услышать вамъ:
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей воскриляться къ небесамъ.

И старъ, и младъ, творя поклоны,
Спѣшать свѣчу свою зажечь;
И блещутъ мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣчъ.

Въ согласьи съ бѣдностью прихода
Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ—и бѣдная природа,
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ.

Но все *святыней* и смиреньемъ
Здѣсь успокаиваетъ умъ,
И сердце полно умиленьемъ
И свѣтлыхъ чувствъ, и чистыхъ думъ.

Поѣдешь дальше,—годы минуть,
А съ ними многое пройдетъ,
Слѣды минувшаго остынутъ,
И мало что изъ нихъ всплыветъ...

Но церковь съ низкой колокольной,
Смиранный, набожный народъ,
Одинъ другого богомольнѣй,
Въ глуши затерянный приходъ—

Во мнѣ не преданы забвенью.
Ихъ вижу, какъ въ былые дни,
И освѣжительною тѣнью
Ложатся на душу они.

При всемъ несовершенствѣ внѣшней формы, это стихотвореніе цѣнно для насъ, какъ живое выраженіе того впечатлѣнія, которое производитъ на душу молящагося „благолѣпіе святыни“. Пусть же не скорбитъ пастырѣ бѣднаго прихода о томъ, что его приходская церковь не сіяетъ золотомъ,—лишь бы она украшалась—„благолѣпіемъ святости“. Пусть онъ заботится о возможномъ возвышеніи этого благолѣпія—прихожане увидятъ эти заботы и—вмѣстѣ съ молитвами—принесутъ отъ трудовъ своихъ и на благоукрашеніе храма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Кудрявецъ.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ¹⁾.

Преосв. Виссаріонъ разсматриваетъ въ своемъ поученіи: „Къ земскимъ дѣтелямъ предъ выборами дворянства“ главнѣйшія современныя ложныя мнѣнія о просвѣщеніи и воспитаніи народа. Всѣ говорятъ: „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ не всегда такъ бываетъ. Иное ученье не только не даетъ истиннаго свѣта, но еще напускаетъ на

¹⁾ См. № 39 за 1901, годъ.

умы непроглядную тьму, наполняетъ ихъ превратными понятіями, идущими въ разрѣзъ съ ученіемъ вѣры и нравственности, съ порядками жизни гражданской. Было время, когда образованіе русскаго человѣка состояло главнымъ образомъ въ знакомствѣ съ церковною книжною, когда образованнымъ человѣкомъ почитали не того, кто обладалъ мірскою ученостію, но того, кто богатъ былъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ книгъ божественныхъ, т. е. изъ Слова Божія и святоотеческихъ писаній. Это были главные источники просвѣщенія. Знакомство съ ними дѣйствительно было свѣтомъ и послужило основаніемъ къ поговоркѣ: „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“. И она вполне оправдывалась въ то время, когда возникла. Что касается до послѣдующаго времени, особенно до времени, которое мы переживаемъ, то поговорка эта во многихъ случаяхъ оказывается несостоятельною, если взять во вниманіе, что въ наше время учить многому такому, что служить не къ просвѣщенію, а къ помраченію ума. Похвальна забота о всеобщемъ обученіи народа, но при этомъ необходимо, чтобы учителя были лица благонадежныя по образу мыслей и по нравственной жизни. А между тѣмъ, судя по духу времени, никакъ нельзя за это ручаться. Духъ нашего времени, господствующій въ большей части мыслящихъ людей, есть духъ отрицанія, и крайняго вольномыслія. Отсюда нѣтъ ничего удивительнаго, если духомъ вольномыслія и отрицанія проникнуты многіе изъ просвѣтителей народа, обучающіе въ школахъ и участвующіе въ народныхъ чтеніяхъ. Трудно услѣдить за ними, трудно усмотрѣть, какъ они отравляютъ народъ ядомъ своихъ нечистыхъ мудрствованій. Сами они ни во что не вѣруютъ, и въ народѣ посягаютъ сѣмена невѣрія. Они растлѣваютъ народъ не словами только, но и своимъ поведеніемъ. Они не скрываютъ своего неуваженія къ Церкви, не соблюдаютъ постовъ, не говѣютъ, въ храмы Божія не ходятъ и своимъ примѣромъ соблазняютъ особенно молодое поколѣніе, вѣряемое ихъ руководству. Строгій отвѣтъ дадутъ Богу наши печальники на-

роднаго просвѣщенія, если будутъ пользоваться услугами неблагонамѣренныхъ учителей, если дадутъ себя имъ въ обманъ. Похвальна забота о всенародномъ образованіи, но дѣло не въ образованіи, а въ образователяхъ. Прежде чѣмъ покрыть землю русскую непрерывною сѣтью народныхъ школъ, должно позаботиться о приготовленіи благонадежныхъ по образу мыслей и нравственной жизни учителей. А это дѣло—очень не легкое, въ виду зловреднаго вліянія на умы распространяющихся съ ужасающею силою злонамѣренныхъ ученій. Лучше имѣть немного школъ, снабженныхъ благонадежными учителями, чѣмъ много, но съ учителями сомнительныхъ качествъ. Радѣтели народнаго просвѣщенія всячески стараются развить въ народѣ охоту къ чтенію, и для этого навязываютъ ему даровыя или дешевыя книжки и устроятъ доступныя для всѣхъ читальни и бібліотеки. Къ сожалѣнію, не замѣтно разборчивости въ выборѣ книгъ; въ число ихъ попадаютъ книги противорелигіознаго содержанія или неправославныя и, такимъ образомъ, безъ нужды увеличиваютъ заботы пастырей Церкви, направленные къ противодѣйствию этому злу.—Нельзя не отдать справедливости ревнителямъ народнаго блага за то, что они заботятся не только о просвѣщеніи народа, но и поднятіи его нравственности. Главное зло, объ искорененіи котораго они стараются, есть пьянство, въ высшей степени пагубное для народа и въ нравственномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Зло это, говорятъ, происходитъ отъ недостатка благородныхъ развлеченій. Въ свободное отъ работъ праздничное время русскіе простолюдины, не зная, чѣмъ развлечь себя, предаются пьянству и разгулу. Нужно указать имъ какое-нибудь невинное развлеченіе для того, чтобы отвлечь отъ грубаго и безнравственнаго. Къ числу такихъ невинныхъ развлеченій, по мнѣнію ревнителей народной нравственности, принадлежатъ театральныя увеселенія, или спектакли. Полагаютъ, что удовольствіе, доставляемое театральными представленіями, не только невинно, но и нравственно-полезно. Многіе называютъ театръ общественнымъ училищемъ

нравственности и желаютъ, чтобы этихъ училищъ развелось какъ можно больше, и чтобы они сдѣлались доступными для простаго народа. Преосв. Виссаріонъ не отвергаетъ, что между произведеніями словеснаго искусства, разыгрываемыми на театральныхъ подмосткахъ, встрѣчаются такія, въ которыхъ, во имя добра и правды, осмѣиваются пороки и заблужденія. Но если нельзя отрицать возможности хоть какого-нибудь нравственно-благотворнаго вліянія театра на человѣка, то справедливость требуетъ сказать, что это вліяніе, какъ и всѣ вообще искусственныя, рассчитанныя на воображеніе и фантазію, средства возбужденія нравственнаго чувства, подъ конецъ значительно притупляютъ его и ослабляютъ его восприимчивость къ другимъ, болѣе чистымъ вліяніямъ. Кто привыкъ брать нравственные уроки изъ сценическихъ представленій, искусственно раздражающихъ воображеніе и чувство, тотъ, какъ показываетъ опытъ, тяготится ученіемъ нравственности, когда оно предлагается ему въ чтеніи Слова Божія, въ церковныхъ поученіяхъ. Но если не прочно и даже не безвредно дѣйствіе на любителей театра тѣхъ произведеній, въ основаніи которыхъ лежитъ нравственная мысль, то что сказать о тѣхъ изъ нихъ, которыя совсѣмъ не имѣютъ въ виду нравственной мысли, а одну лишь потѣху публики? Любимою темою такихъ произведеній (большею частію—водевилей) почти всегда бываетъ нарушеніе супружеской вѣрности и вообще нарушеніе *седьмой* заповѣди десятословія. Съ точки зрѣнія общественной, нравственной и религіозной это нарушеніе есть тяжкое преступленіе, заслуживающее строгой кары закона церковнаго и гражданскаго, и въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не смѣшно, судя по великимъ бѣдствіямъ семейнымъ и общественнымъ, происходящимъ отъ этого преступленія. Составители легкихъ сценическихъ произведеній, не обращая вниманія на тяжесть этого преступленія, смотрятъ на него, только какъ на предметъ шутки и смѣха, и какъ сами съ злою насмѣшкою относятся къ нему, такъ и въ зрительяхъ стараются возбудить это безнравственное чувство.

Между тѣмъ, въ числѣ зрителей такихъ безнравственныхъ представлений могутъ находиться люди, еще не испорченные нравственно, которые впервые познакомятся на сценѣ съ мерзостями порока. Особенно подвергается этой опасности впечатлительная молодежь: она легко попадаетъ въ сѣть, которая съ такимъ искусствомъ разставляется для нея на сценѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ разсуждаетъ: „не говори мнѣ, что представляемое въ театрѣ есть одно лицедѣйство. Ибо сіе лицедѣйство многихъ сдѣлало прелюбодѣями и многіе дома разстроило“. Сказанное Златоустомъ о современныхъ ему безнравственныхъ зрѣлищахъ можетъ быть примѣнено и ко многимъ изъ сценическихъ представлений, имѣющимъ успѣхъ въ наше время. И не дай Богъ, если нашъ народъ, не привыкшій къ театральнымъ представлѣніямъ, будетъ развлекаемъ подобными пьесами, съ цѣлью отучить его отъ пьянства. Это значило бы—отъ одного зла отвлечь народъ къ другому злу, не менѣе тяжкому и пагубному.

Поводомъ къ произнесенію „поученія въ назиданіе тѣхъ изъ прихожанъ, кои ропщутъ на введеніе чувашскаго языка въ богослуженіе“ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ с. Пролейкахъ, Самарской губ., съ благословенія преосв. Гурія, мѣстный приходскій священникъ началъ отправлять часть церковныхъ богослуженій на чувашскомъ языкѣ и произносить поученія не только по-русски, но и по-чувашски, такъ какъ большая половина прихожанъ—чуваша. Русское населеніе прихода отнеслось къ этому настолько не сочувственно, что нѣкоторые позволяли себѣ въ храмѣ, во время произнесенія священникомъ поученій на чувашскомъ языкѣ, умышленно кашлять, разговаривать, оглядываться другъ на друга и даже смѣяться. Указавши всю неблагопристойность такого поведенія, оскорбляющаго святость храма Божія, проповѣдникъ приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ вполне убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу того, что для чувашъ совершать церковное богослуженіе и произносить пастырскія поученія нужно непременно на ихъ родномъ языкѣ. И прежде всего,

въ день св. Пятидесятницы, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ ниспослалъ на своихъ учениковъ и апостоловъ Духа Святаго, то сообщилъ имъ даръ говорить разными языками и этимъ указалъ, что народы и племена земные должны просвѣщаться свѣтомъ Христова ученія на своихъ языкахъ. По полученіи даровъ Св. Духа апостолы разошлись по всѣмъ странамъ свѣта и проповѣдывали о Господѣ Спасителѣ нашемъ разнымъ народамъ на понятныхъ имъ языкахъ, такъ что *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и во концы вселенныя глаголы ихъ*. Св. ап. Павелъ, много потрудившійся надъ обращеніемъ язычниковъ въ вѣру Христову, пишетъ: „если я приѣду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу?... Такъ, если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите?“ (1 Кор. 14, 6, 9). Преемники свв. апостоловъ—православные святители и вѣропроповѣдники—провозглашали и утверждали христіанское ученіе также на языкѣ просвѣщаемыхъ. Св. Іоаннъ Златоустъ перевелъ священныя и богослужебныя книги на языкъ готѣвъ и въ одномъ константинопольскомъ храмѣ устроилъ богослуженіе на готѣскомъ языкѣ. Первоучители славянскіе—свв. братья Кириллъ и Меѳодій изобрѣли славянскую азбуку и перевели священныя и богослужебныя книги на славянскій языкъ, чѣмъ и обезпечили успѣхъ христіанскаго просвѣщенія славянскихъ племенъ, изъ которыхъ южныя: сербы, болгары и др. были обращены въ христіанство задолго до Кирилла и Меѳодія, но, не слыша ни ученія, ни богослуженія на родномъ, понятномъ языкѣ, пребывали въ языческихъ заблужденіяхъ. Въ концѣ XIV столѣтія первосвятитель Пермскій, св. Стефанъ, для христіанскаго просвѣщенія пермяковъ или зырянъ, сдѣлалъ переводъ церковныхъ и другихъ книгъ на зырянскій языкъ, установилъ богослуженіе на зырянскомъ языкѣ, строилъ школы и обучалъ въ нихъ зырянскихъ дѣтей Писанію на ихъ родномъ языкѣ, при чемъ лучшихъ изъ учениковъ ставилъ потомъ во священники. Лучшіе истинно-русскіе люди,

желая сдѣлать инородцевъ христіанами не по имени только, а и по понятіямъ, для христіанскаго перевоспитанія ихъ всегда избирали главнымъ орудіемъ родной ихъ языкъ. Таковы были, кромѣ святителя Пермскаго Стефана: святители Казанскіе Гурій и Варсонофій, просвѣтители инородцевъ Восточной Сибири—митроп. Иннокентій (Веніаминъ), архіеп. Казанскіе Антоній и Владиміръ, еп. Уфимскій Діонисій, недавно усопшій рабъ Божій Н. И. Ильминскій и мн. др.—Рядомъ съ доказательствами изъ исторіи проповѣдникъ приводитъ и доказательства „отъ разума“, и „отъ подобія“, и изъ современной жизни крещенныхъ чувашъ, которые и по сію пору живутъ по-язычески и, вслѣдствіе нерадѣнія объ ихъ христіанскомъ просвѣщеніи, могутъ лишиться на томъ свѣтѣ вѣчной блаженной жизни.

Пресв. Никодимъ говоритъ въ словѣ своемъ о значеніи *современныхъ* иноческихъ обителей въ нынѣшнее скудное вѣрою и благочестіемъ время. Древнее христіанское общество, столь богатое духовными дарованіями, дало эти дарованія св. обителямъ, чтобы онѣ своимъ дивнымъ нравственнымъ свѣтомъ озаряли ему тернистый путь къ царству небесному. Нынѣ не то стало общество, не тѣ стали, поэтому, и обители. Нынѣшнія обители—это скорѣе нравственныя лѣчебницы, въ которыя устремляются люди, изломанные житейскимъ горемъ, мірскою суетою и бурями грѣховныхъ страстей. Съ истерзанною грѣхомъ душой, скорбящіе, входятъ эти люди въ обители и, конечно, вносятъ туда ту внутреннюю тугу, ту тяжелую и страшную борьбу, которая есть неизбежное слѣдствіе жизненнаго перелома въ другую, болѣе трудную сторону. И нѣтъ ничего удивительнаго, если эти израненные жизнью люди, въ непривычной для нихъ борьбѣ, падутъ не одинъ разъ... Само собою понятно, что никто изъ людей міра, съ самоумнѣніемъ и гордымъ пренебреженіемъ, если онъ только не чуждъ разума Божія, не броситъ камнемъ и грязью въ этихъ борцовъ за ихъ временно неудавшіяся попытки къ своему нравственному перерожденію; никто не осмѣлится

сказать, что обители нынѣшняго времени—ненужныя учрежденія, хотя бы онѣ всегда были наполнены исключительно только падающими во грѣхъ, нравственно израненными людьми. Уже одно то, что эти люди, вмѣсто празднаго шатанія по распутіямъ и соблазнамъ міра, нѣсколько разъ ежедневно идутъ въ храмъ на молитву, свидѣтельствуешь о великомъ и незамѣнимомъ значеніи св. обителей въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія падшихъ людей. Уже одно умѣнье этихъ людей опускать взоръ свой долу предъ соблазнами міра и принимать скромный и кроткій внѣшній видъ свидѣтельствуешь, что св. обители умѣютъ воспитывать волю грѣшнаго чело-вѣка и направлять ее по пути спасенія. Можно, поэтому, смѣло утверждать, что въ нынѣшнее скудное благочестіемъ и нравственною твердостію время св. обители еще полезнѣе и благотворнѣе для общества, чѣмъ это было въ древней Церкви, когда жизнь членовъ ея протекала въ постоянномъ служеніи Господу духомъ и тѣломъ, и когда каждая семья представляла изъ себя тихую св. обитель, въ которой царили: теплая молитва, миръ, цѣломудріе, смиренно-мудріе, любовь, послушаніе уставамъ св. Церкви и другія христіанскія добродѣтели. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что и нынѣшнія иноческія обители, вмѣщая въ себѣ израненныхъ и уязвленныхъ грѣхомъ и страстями людей, въ то же время являютъ въ себѣ и людей высокаго нравственнаго подвига,—людей, парящихъ духомъ и тѣломъ къ небу; что и въ нынѣшнихъ обителяхъ пребываютъ и преобладаютъ тѣ же духовные идеалы, какъ и въ обителяхъ древней Церкви: та же непрестанная молитва, то же воздержаніе, тотъ же постъ, тѣ же правила послушанія, труда, терпѣнія, бдѣнія, лишеній и добровольной нищеты. Если люди стали теперь болѣе слабы въ осуществленіи этихъ правилъ, то не ослабѣла и не оскудѣла споспѣшествующая во спасеніе благодать Божія для вопіющихъ о ней день и ночь.—*Вся вторая* половина слова посвящена раскрытію того важнаго значенія, какое можетъ, будетъ и должна имѣть вновь учреждаемая

обитель для ближайшаго края и для всего обширнаго Прикамья, не имѣвшаго у себя мужскихъ иноческихъ обителей.

Преосв. Макарій въ своей рѣчи проводитъ весьма оригинальную мысль, что технологія—родная сестра теологіи. Отецъ техники и религіи,—говоритъ онъ,—одинъ и Тотъ же—Божественный Тектонъ, все устроившій такъ премудро; Онъ—Виновникъ всякаго вѣса, мѣры и числа; изъ сочетаній всего этого явился, по Егю мановенію, видимый нами прекрасный міръ. Этотъ Божественный Архитектонъ вложилъ и въ человѣческое тѣло, такъ прекрасно и цѣлесообразно устроенное, разумную душу съ ея разнообразными способностями, при посредствѣ которыхъ человѣкъ уразумѣваетъ законы сочетанія числа, вѣса и мѣры, чтобы изъ этого явилась соразмѣрность (симметрія), мать красоты. Такимъ образомъ, Божественный Виновникъ законовъ изящества есть Виновникъ и мудрости для сыновъ человѣческихъ; отъ Него исходитъ всякое искусство. Онъ вложилъ мудрость въ сердце Соломона, давши ему разумѣніе законовъ органической жизни отъ иссопа до кедра ливанскаго. Онъ вложилъ духъ премудрости въ сердце Веселіила, бывшаго строителемъ чуднаго храма Соломонова. Этотъ Божественный Виновникъ законовъ зодчества есть также и Виновникъ нравственнаго изящества; Творецъ и Архитектонъ міра физическаго съ его разнообразными формами, составляющими предметъ физико-технической науки, есть Строитель и духовно-нравственнаго міра съ его прекраснѣйшими законами любви и истины, изъ сочетаній которыхъ является нравственная красота. Какъ созерцаніе красотъ природы и произведеній изящныхъ искусствъ доставляетъ истинное наслажденіе для духа человѣческаго, такъ созерцаніе нравственной красоты составляетъ наивысшее блаженство для духовно-нравственныхъ существъ. Если же такъ, то никто, конечно, не станетъ утверждать, будто бы религіи нѣтъ дѣла до техники, и наоборотъ. Никто не дерзнетъ отрицать, что техника имѣетъ божественное происхожденіе; что наука объ изящныхъ искусствахъ имѣетъ право стоять на ряду съ наукою

о Богѣ; что техника и богословіе состоятъ въ близкомъ родствѣ. А потому, Технологическій Институтъ не можетъ быть чуждымъ для Церкви, равно какъ и онъ не можетъ утверждать, что не нуждается въ Церкви. А потому, далѣе, техника и богословіе, какъ науки физическаго и нравственнаго изящества, должны жить въ мирѣ и единомысліи, какъ родныя сестры, какъ дочери одного Отца. Изучающіе законы сочетанія мѣры, вѣса, числа и формъ, какъ законы техники, какъ принадлежность изящнаго водчества, не должны пренебрегать изученіемъ законовъ сочетанія истины и добра, какъ законовъ нравственнаго изящества, или духовной красоты,—и не только не должны пренебрегать изученіемъ законовъ нравственнаго изящества, но должны всячески проводить ихъ и въ жизнь. Если молодые люди посвящаютъ себя изученію техники ради пріобрѣтенія здѣсь, на землѣ, почета и довольства; то не безызвѣстно имъ, что исполненіе законовъ вѣры и нравственности, какъ законовъ нравственной красоты, даетъ исполнителю ихъ наилучшій почетъ, какой свойственъ добродѣтели: блаженное довольство, какое даетъ спокойная совѣсть; это здѣсь, на землѣ, а тамъ, на небѣ—прекрасный рай, царство Божіе, гдѣ обитаютъ вѣчно миръ и радость и любовь, гдѣ существуетъ вѣчная гармонія.

Прот. И. Лебедевъ указываетъ въ словѣхъ своемъ дочерямъ пастырей Церкви вызываемое потребностями настоящаго времени жизненное поприще. Годы дѣтства ихъ въ домѣ родителей и пребываніе затѣмъ, въ духовномъ училищѣ—все располагаетъ дочерей пастырей Церкви, и все указываетъ имъ, что поприще дѣятельности ихъ—вблизи храма, подлѣ пастыря Церкви, въ сферѣ его пастырской дѣятельности, среди простого народа. Между прочимъ, о. Лебедевъ указываетъ одно совершенно новое „жизненное поприще“ для дочерей и женъ священниковъ, отъ котораго ожидаетъ самыхъ благихъ плодовъ—поприще *православныхъ начетницъ*, въ противовѣстимѣющимъ громадное вліяніе среди народа начетчицамъ раскольническимъ. Въ этой новой роли проповѣдникъ видитъ

обширное поле для апостольской дѣятельности дочерей духовенства среди представительницъ женскаго населенія прихода. Онъ идетъ и еще далѣе. Дѣвицѣ,—говорить о. Лебедевъ,—естественно и знакомство вести съ дѣвицами же, и дочь священника, являясь на селѣ представительницею дѣвицъ, какъ таковая, не должна уединяться отъ крестьянскихъ дѣвушекъ, а должна входить съ ними въ общеніе, дѣлиться съ ними всѣмъ—и своими познаніями въ руководѣліи и хозяйствѣ, и своими просвѣщенными взглядами на міръ и людей, а главное—своею начитанностью въ божественныхъ книгахъ. Начиная съ осени до весны, въ разныхъ мѣстахъ Россіи по селамъ и деревнямъ устроятся по очереди въ домахъ крестьянъ собранія крестьянскихъ дѣвушекъ, такъ называемыя „посидѣлки“. „Какъ хорошо было бы эти собранія, не всегда имѣющія невинный характеръ, обратить въ училища пророческія, въ которыхъ время проводилось бы въ чтеніи Слова Божія, душеспасительныхъ и полезныхъ книгъ, *во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, начинающей Маріями*, т. е. дочери сельскаго пастыря! Теперь народъ ищетъ свѣта, уясненія разныхъ сторонъ *жизнѣ нынѣшняго и грядущаго*. Теперь ко всякому, кто можетъ просвѣтить его, онъ вопіетъ: *жаждущую мою душу благочестія напои водами!* Что же въ виду такого настойчиваго требованія свѣта со стороны народа должны дѣлать супруга и дочь пастыря Церкви?—Вооружиться всѣмъ запасомъ своего образованія, дополнить его церковною начитанностью и итти на призывъ жаждущей благочестія души народной“.—Картинка,—что говоритъ,—трогательная и умилительная, но возможная ли и осуществимая ли въ дѣйствительности?..

Въ заключеніе всего—два слова о языкѣ поученій къ простому народу. Съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря гению А. С. Пушкина, нашъ литературный языкъ широко раскрылъ свои братскія объятія языку народному, о какомъ-либо *искусственномъ* упрощеніи рѣчи въ поученіяхъ къ простонародью говорить совсѣмъ не умѣстно. *Чистый* литературный языкъ есть,

строго говоря, въ то же время и языкъ народный—конечно, безъ рѣжущихъ ухо, а иногда и оскорбляющихъ нравственное чувство вульгаризмовъ. Не проповѣдники должны *подражать* въ своихъ поученіяхъ языку простого народа, *поддѣлываться* подъ него, а языкъ простого народа нужно очищать, поднимать до степени высоты и благородства литературнаго языка. Въ виду этого, нѣсколько странно читать въ поученіи уменьшительныя народныя слова: „скотинушка“, „избенка“, „ребятки“ и т. п. Но еще страннѣе—и даже прямо неприятно—на каждомъ шагу встрѣчать въ поученіи такіе перлы мѣстной стилистики въ „бесѣдѣ къ простому народу“: „фанабериа“, „до горы себя не подносятъ“, „опослѣдніе люди“, „невартые люди“, „понижилъ себя“, „отъ щираго сердца“, „немудрующій“, „опановалъ“, „що то я, що то я!“, „пухнуть съ голоду“, „имѣють грѣши“, „бо якъ у голыша, то уже не душа“, „нерувни“, (богатые) „ходятъ, какъ тѣ журавли на болотѣ, гордо, чинно, важно“, „мужикъ богатый, что быкъ рогатый“, „дѣлаются завороты въ головѣ“, „первая особа“, „горделивал душка“, „тыкать въ глаза каждому своимъ начальствомъ“, „ты со мною потыкалась“, „перво-на-перво“, „теперь подо мною три попа“, „на распусту“, „молодыки“, „не дай, Боже, изъ Ивана пана“, „не мудруйте, не показывайте фанаберіи“, „дѣти за чубы батьковъ не трясите“ и в. мн. под. Такая литературная неряшливость, нечистоплотность положительно возбуждаетъ своего рода брезгливость.

ВОЗЗВАНІЕ.

Благочестивые Христіане и милостивые Благотворители!

Въ селѣ Дретенѣ, Старорусскаго уѣзда, Новгородской губерніи, стоитъ обширный трехпрестольный храмъ во имя св. пр. Іліи, свят. Николая и Тихвинской Божіей Матери (22 с. дл. и 8 с. ш.). Онъ построенъ между 20 и 40 гг. прошлаго столѣтія и отличался въ свое время полнымъ благолѣпіемъ. Послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе Дретенскаго прихода на *четыре* части, чрезъ устройство въ предѣлахъ его *трехъ* самостоятельныхъ церквей: Астроловской, Андроновской и Ивановской, весьма замѣтно отразилось на благолѣпіи этого храма, и онъ пришелъ теперь въ совершенный упадокъ: штукатурка на немъ вся обвалилась; иконостасъ, рамы и двери обветшали; замѣтенъ недостатокъ въ церковной ризницѣ и утвари, а въ церковной оградѣ нѣтъ даже дверей. Восполнить всѣ эти недостатки прихожане сами собою не могутъ, такъ какъ матеріальныя средства ихъ, съ значительнымъ уменьшеніемъ ихъ въ числѣ, весьма недостаточны. Остается одна надежда на Бога, Промыслителя благихъ намѣреній, и на Милостивыхъ Жертвователей и Благотворителей, которыми такъ обильна наша св. Русь. Обращаемся къ Вамъ, Христолюбцы, помогите намъ отъ избытка своего, кто чѣмъ можетъ, деньгами или вещами, ибо въ этомъ случаѣ всякое даяніе благо и честно предъ Богомъ. Рука дающаго не оскудѣетъ, и Христось Спаситель, принявшій отъ вдовицы двѣ ленты и вмѣнявшій Себѣ подаваемую ближнему чашу воды, не оставитъ и Васъ Своимъ милосердіемъ и наградитъ сторицею за доброе сочувствіе вопіющей нуждѣ нашего храма. Пожертвованія просимъ адресовать въ г. *Старую Руссу*, въ с. *Дретеню*, священнику Симеону *Райкову*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 декабри 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, декабря 16-го.

Содержаніе: Къ вопросу о миссіи среди интеллигенціи. — Свобода и при-
нужденіе въ дѣлахъ вѣры (окончаніе). — Изъ замѣтокъ о храмѣ
(продолженіе). — Объявленіе.

Къ вопросу о миссіи среди интеллигенціи.

Въ послѣдней книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорнія“ напечатанъ небольшой докладъ свящ. І. Фуделя, читанный на миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ сентябрѣ текущаго года въ г. Орлѣ. Докладъ этотъ касается важнаго вопроса о миссіи среди интеллигенціи. „Мы переживаемъ“, говоритъ авторъ доклада, „періодъ особенной напряженности противъ-церковныхъ и противъ-религіозныхъ стремленій крайнихъ элементовъ нашего общества, — стремленій, граничащихъ съ открытой борьбой. Но крайней мѣрѣ, никогда еще у насъ не выражалась такъ открыто, такъ цинично страшная хула на все то, что дорого и свято каждому христіанину безъ различія вѣроисповѣданій. И никогда еще въ обществѣ не наблюдалось такого холоднаго, циничнаго равнодушія, какъ теперь, къ тому, что, казалось-бы, должно вызвать крикъ общаго единодушнаго не-

годованіи“. Съ другой стороны, по мнѣнію автора, въ наше время можно замѣтить и то, что „многіе изъ увлеченныхъ общимъ потокомъ невѣрія и отрицанія начипають прислушиваться къ голосу вѣры“. Указанные два факта—особенное развитіе противощерковныхъ стремленій въ одной части общества и обнаружившійся интересъ къ богословскимъ вопросамъ въ другой—создаютъ, полагаетъ авторъ, благопріятную почву въ наше время для миссіи среди интеллигенціи. „Было-бы непростительно съ нашей стороны“, замѣчаетъ авторъ доклада, „и во всякомъ случаѣ грѣшно не воспользоваться этимъ благопріятнымъ для насъ моментомъ“.

Докладъ свящ. Фуделя былъ встрѣченъ членами съѣзда, какъ и слѣдовало ожидать, сочувственно. Нельзя, дѣйствительно, не согласиться, что миссія среди интеллигенціи одна изъ священнѣйшихъ обязанностей пастырей-богослововъ и одна изъ настоячивыхъ потребностей именно нашего времени. Мы хотѣли бы, въ виду этого, обратить вниманіе пастырей богослововъ на одно изъ тѣхъ средствъ миссіонерствованія, которое имѣется въ ихъ распоряженіи.

То печальное явленіе нашихъ дней, которое вызвало самый вопросъ о миссіи среди интеллигенціи, безъ сомнѣнія, въ цѣломъ есть явленіе сложное, и причины его многочисленны. Но намъ всегда казалось, что одною изъ главныхъ причинъ отчужденности свѣтскихъ людей отъ интересовъ Церкви и превратныхъ сужденій ихъ по вопросамъ христіанской вѣры и нравственности служить недостатокъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ знанія теоретической стороны христіанства, повиманія христіанскаго ученія. Дѣло объ отлученіи гр. Л. Толстого и не менѣе извѣстное дѣло Стаховича съ его докладомъ о свободѣ совѣсти, показали это съ очевидностью. Изъ толковъ, возбужденныхъ этими дѣлами въ свѣтскомъ обществѣ, обнаружилось, что для нашей интеллигенціи не ясны самыя простыя богословскія истины. Такъ, одни съ полною искренностью превозносили христіанство гр. Толстого, очевидно, не вѣдая, что гдѣ нѣтъ вѣры въ богочеловѣчество Хри-

ста, тамъ не можетъ быть и рѣчи о христіанствѣ. Другіе возмущались предписаніемъ о лишеніи гр. Толстого, въ случаѣ его нераскаянности, христіанскаго погребенія,—опять, безъ сомнѣнія, не понимая, что христіанскіе обряды имѣютъ смыслъ только при условіи вѣры. Всѣ, наконецъ, защитники гр. Толстого провозглашаютъ его провозвѣстникомъ новаго великаго ученія, не подозрѣвая, что въ теченіе длинной исторіи христіанства это ученіе много разъ высказывалось, опровергалось, забывалось и возникало вновь. Въ виду этого полемистамъ противъ Толстого и апологетамъ синодальнаго постановленія о немъ пришлось разъяснить интеллигентному обществу сама, такъ сказать, азбучныя богословскія истины.

До какой степени можетъ простираться неосвѣдомленность нашихъ свѣтскихъ людей въ области православно-христіанскаго ученія,—объ этомъ хорошо свидѣлствуетъ фактъ, который не такъ давно случилось намъ вычитать въ одномъ изъ отчетовъ С.-Петербургскаго Общества для распространенія Свящ. Писанія. Къ книгоношѣ общества подходит интеллигентный человѣкъ (кажется, офицеръ), беретъ одну изъ книгъ, читаетъ ее нѣкоторое время и затѣмъ со словами: „а, это очень интересная книга“ рѣшается ее купить. *Интересная книга*—было евангеліе! Очевидно, человѣкъ не только въ первый разъ читалъ евангеліе, но даже и видѣлъ его. И можно ручаться, что людей, никогда не читавшихъ, если не Евангелія, то Библии,—у насъ найдется не мало. О знакомствѣ-же съ святоотеческими твореніями даже нечего и говорить.

Разумѣется, хвалить за такое невѣдѣніе не приходится. Религіозное ученіе не есть кака-либо специальная теорія, интересная только для священниковъ и богослововъ по профессіи, какъ это иногда думаютъ свѣтскіе люди. Извѣстный уровень богословскихъ знаній необходимъ для всякаго образованнаго человѣка, потому что безъ этихъ знаній настоящая религіозность невозможна,—и долъъ каждого, въ какомъ-бы онъ званіи ни пребывалъ, пріобрѣсти эти знанія...

Однако-же однимъ порицаніемъ въ данномъ случаѣ ограничиться нельзя. Духъ христіанской любви, ревнующей о спасеніи братій, долженъ побуждать пастырей употреблять всѣ средства для борьбы съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ,—и въ этомъ, по нашему мнѣнію, первая задача миссіи среди интеллигенціи.

При видѣ того невѣжества, которое обнаруживаетъ свѣтское общество въ вопросахъ христіанскаго вѣроученія, невольно возникаетъ вопросъ: въ одномъ-ли только нежеланіи знать заключается причина этого невѣжества? Все ли сдѣлали съ своей стороны мы, пастыри и богословы, для того, чтобы возбудить въ свѣтскихъ людяхъ интересъ къ богословскимъ вопросамъ, чтобы облегчить имъ пріобрѣтеніе богословскихъ познаній и выработку православно-христіанскаго міросозерцанія, чтобы сдѣлать ихъ, по слову апостола, „безотвѣтными“ въ своемъ невѣжествѣ? Повидимому, не все, и есть обстоятельства, возлагающія часть вины свѣтскаго общества и на руководителей его въ дѣлѣ вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, гимназическіе уроки Закона Божія, являющіеся, конечно, главнымъ источникомъ богословскаго образованія для свѣтскаго человѣка, съ теченіемъ времени забываются, и никакое идеальное преподаваніе, сколько-бы мы ни говорили объ этомъ, не можетъ запечатлѣть ихъ на всю жизнь. Другіе-же источники, имѣющіеся въ рукахъ свѣтскаго человѣка, очень немногочисленны. Церковная проповѣдь у насъ, какъ извѣстно, имѣетъ своей задачей *не столько учить теоретическимъ истинамъ, сколько возбуждать къ нравственной дѣятельности*. Въ послѣдніе годы въ разныхъ городахъ (напр., въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани) заведены публичныя лекціи для интеллигенціи. Но это новое дѣло, въ будущемъ могущее, безъ сомнѣнія, приносить большую пользу, доселѣ еще не поставлено на твердую почву; да и какъ-бы хорошо ни поставитъ это дѣло, все-таки лекціи всегда будутъ доступны только для немногихъ жителей городовъ, и сфера вліянія ихъ, поэтому, всегда будетъ ограничена. Остается

еще одно средство проведенія въ свѣтское общество богословскихъ познаній—литература. Безъ сомнѣнія, въ силу условій теперешней жизни и привычекъ нынѣшняго человѣка, литература можетъ быть самымъ могущественнымъ средствомъ вліянія на общество. Къ сожалѣнію, мы еще мало пользуемся этимъ средствомъ. Лучшіе богословскіе журналы наши предназначаются прежде всего, конечно, для богослововъ и потому обыкновенно посвящаются спеціальнымъ вопросамъ, съ которыми не-богословъ имѣеть право не быть знакомымъ. Такого же характера и большинство нашихъ ученыхъ богословскихъ сочиненій: имѣющія значеніе и цѣну въ системѣ разработки богословской науки, эти сочиненія, за весьма рѣдкими исключениями, непригодны и даже недоступны желающему просвѣтиться интеллигенту. Кромѣ этого, существуетъ у насъ,—и въ послѣднее время даже чрезвычайно быстро возрастаетъ въ количествѣ—назидательная литература, въ видѣ житій святыхъ, благочестивыхъ размышленій и рассказовъ. Но эта литература предназначается, главнымъ образомъ, для народа и рассчитана собственно на людей, образованіе которыхъ идетъ немного дальше простой грамотности: человѣка интеллигентнаго, въ принятомъ смыслѣ этого слова, она не можетъ удовлетворить, потому что—ниже общаго уровня его развитія. Въ концѣ концовъ получается то, что, когда обращается къ вамъ свѣтскій человѣкъ съ просьбой указать для него подходящее руководство по теоретическимъ вопросамъ христіанской вѣры и жизни, вы оказываетесь въ большомъ затрудненіи: одно сочиненіе слишкомъ спеціально, другое велико по объему, третье испещрено латинскими и греческими цитатами. А если-бы свѣтскій человѣкъ, за неимѣніемъ подходящаго руководителя, самъ захотѣлъ заняться самообразованиемъ въ богословскомъ направленіи, то онъ оказался-бы въ безвыходномъ положеніи: никакихъ программъ для такого самообразованія, никакихъ толковыхъ указателей у насъ доселѣ не имѣется. Добавьте къ этому дороговизну богословскихъ книгъ, отсутствіе точныхъ и скорыхъ свѣдѣній о выходѣ ихъ, и вы согласитесь, что при-

чиной невѣжества свѣтскихъ людей въ богословскихъ вопросахъ служить не одно ихъ нежеланіе знакомиться съ этими вопросами... Печально, напр., что свѣтскіе люди, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно незнакомы съ твореніями св. отцовъ и учителей Церкви, — даже не предполагаютъ тѣхъ истинныхъ сокровищъ мысли, которыя можно въ нихъ отыскать. Но, съ другой стороны: легко-ли познакомиться свѣтскому человѣку съ этими твореніями! Въ обычныхъ публичныхъ библіотекахъ ихъ нѣтъ; нѣкоторые изъ этихъ твореній давно стали библіографическою рѣдкостью, всѣ они, при этомъ, стоятъ такъ дорого, что являются доступными только для немногихъ.

Въ виду сказаннаго, нельзя не пожелать, чтобы въ дѣлѣ миссіи среди интеллигенціи было обращено особенное вниманіе на созданіе соотвѣтствующей цѣлямъ миссіи литературы. Для образованнаго человѣка хорошая книга — лучшій руководитель. Ученическіе уроки можно забыть, публичныя лекціи не всякій имѣетъ возможность посѣщать, и усвоятся онѣ только людьми съ большими способностями: хорошая книга доступна всѣмъ и можетъ руководить въ теченіе цѣлой жизни.

Что касается пракческаго осуществленія идеи созданія миссіонерской литературы для интеллигентнаго общества, то достойный подражанія примѣръ въ этомъ случаѣ можно взять съ тѣхъ миссіонеровъ, которые насаждали или насаждаютъ у насъ дарвинизмъ, марксизмъ, ницшеанство и другія модныя ученія. Эти миссіонеры, нужно отдать имъ честь, дѣйствуютъ и настойчиво, и систематически, пользуясь всѣми формами литературы. Къ услугамъ того, кто желаетъ, напр., познакомиться съ дарвинизмомъ или марксизмомъ у насъ все готово. Вамъ, прежде всего, предлагаютъ въ нѣсколькихъ переводахъ подлинныя сочиненія Дарвина и Маркса. Если вы не имѣете времени проштудировать эти большія сочиненія или затрудняетесь сдѣлать это по степени своего развитія, къ вашимъ услугамъ разнаго рода „изложенія“, „сокращенія“, „извлеченія“ — и переводныя, и оригинальныя, приспособленныя ко

всякому возрасту и ко всякому уровню развитія. Все это обыкновенно предлагается въ хорошихъ изданіяхъ и за возможно дешевую цѣну, доступную и для людей мало состоятельныхъ. За всѣми этими изданіями вы можете постоянно слѣдить, такъ-какъ они не только всюду публикуются, но и усердно рекламируются...

И вообще въ послѣдніе годы дѣло распространенія у насъ путемъ литературы знаній, входящихъ въ область свѣтскихъ наукъ, стоитъ весьма хорошо. Существуютъ и программы для самообразования, и хорошіе каталоги, и всевозможныя пособия, составленныя специалистами. Для примѣра пособій такого рода можно указать на изданія Павленковымъ біографіи замѣчательныхъ людей. За ничтожную плату въ 25 коп. вы получаете весьма умѣло составленную, прекрасно изданную, интересную книгу, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ такъ-назв. интеллигентнаго человѣка. Благодаря такимъ качествамъ, книги Павленкова расходятся, конечно, въ массѣ экземпляровъ и разносятъ во всѣ концы земли русской тѣ знанія, о которыхъ ревнуютъ составители книгъ и издатель ихъ. Можетъ быть, эти именно хорошія и дешевыя книги не мало содѣйствовали образованію въ обществѣ того духа отчужденія отъ Церкви и религіи, по поводу котораго такъ много говорятъ въ наши дни... А между тѣмъ, пастыри богословы съ своей стороны почти ничего не противопоставили одностороннему вліянію этихъ книгъ. И вотъ случилось то, что біографію протопопа Аввакума, изданную Павленковымъ, знаютъ и читали тысячи людей, а біографіи святыхъ отцевъ извѣстны только единицамъ... Предъ нами лежитъ въ изданіи того же Павленкова книга о Ренанѣ. За ничтожную плату (въ 25 к.) въ ней предлагается панегирикъ Ренану, причемъ этотъ панегирикъ продается въ каждомъ книжномъ магазинѣ, написанъ мастерски, напечатанъ на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ. А если-бы кто пожелалъ познакомиться съ тѣмъ же Ренаномъ въ иномъ, православно-христіанскомъ освѣщеніи, то онъ вынужденъ былъ-бы обращаться или къ старымъ

журналамъ или къ обширнымъ диссертаціямъ еп. Михаила и аббата Геттэ. Добываніе же этихъ старыхъ книгъ и диссертацій, сдѣлавшихся библіографическою рѣдкостью, представляеть столько затрудненій, что только немногіе могутъ ихъ преодолѣть и, такимъ образомъ, большинство остается съ тѣми представленіями о Ренанѣ, какія даетъ имъ г. Подлевскій въ изданіи Павленкова ¹⁾.

Повторяемъ, литература есть самое могущественное средство проведенія въ общество истинныхъ христіанскихъ понятій. Защитники церковнаго ученія и миссіонеры должны воспользоваться этимъ средствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По всѣмъ отраслямъ богословія нужно дать свѣтскому обществу хорошія по внутреннимъ качествамъ и доступныя всѣмъ по цѣнѣ руководства. Эти руководства, съ одной стороны, должны быть чужды излишней спеціализаціи, но, съ другой,—не должны спускаться, какъ это не рѣдко бываетъ, до типа почти дѣтскихъ книгъ. Пыльшій человѣкъ привыкъ жпть разумомъ и въ него пока вѣрится больше всего. Хорошо-ли это или худо, вопросъ особый, но съ этимъ обстоятельствомъ необходимо считаться. Поэтому и миссіонерская литература, о которой мы говоримъ, не должна быть однимъ только излияніемъ теплыхъ чувствъ и наборомъ благочестивыхъ фразъ: она должна доказывать, убѣждать, дѣйствовать прежде всего на разумъ.

Въ созданіи такой литературы, далѣе, необходима систематичность. Доселѣ бывало такъ, что тотъ или иной вопросъ,

¹⁾ Кстати о томъ же Ренанѣ, сочиненія котораго имѣютъ вскорѣ выйти на русскомъ языкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. *М. Муретовъ* началъ было печатать въ Богословскомъ Вѣстникѣ монографію о Ренанѣ, которая, конечно, была бы мастерская, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера этого почтеннаго ученаго. Но, къ сожалѣнію, нашелся критикъ, который, или изъ личныхъ счетовъ, или изъ ложной ревности о православіи, набросилъ тѣнь на статьи Муретова и остановилъ ихъ, лишивъ общество хорошей книги... Хотя бы на области богословской литературы эти личные счета не отражались!...

относящійся къ области христіанскаго вѣроученія, выяснился свѣтскому обществу со стороны богослововъ обыкновенно по какому-либо внѣшнему поводу. Воззрѣнія гр. Толстого, напр., побудили къ раскрытію истинно-христіанскаго ученія о клятвѣ, о бракѣ, о войнѣ и т. д. Прочиталъ г. Стаховичъ докладъ на Орловскомъ сѣздѣ, и вотъ занялись вопросомъ о свободѣ совѣсти. А между тѣмъ, вопросы о клятвѣ, о бракѣ, свободѣ совѣсти и другіе подобныя имъ—вопросы старые, вѣковые, вопросы существенно важные въ христіанскомъ ученіи, и, по всѣмъ правамъ, они должны-бы быть разъяснены богословами свѣтскому обществу ранѣе, чѣмъ ихъ затронули гр. Толстой или г. Стаховичъ. Тогда, нужно думать, и Толстовскія разсужденія по этимъ вопросамъ не произвели-бы на общество своею мнимой новизной того ошеломляющаго впечатлѣнія, какое всѣ мы наблюдали.

Наконецъ, миссіонерская литература не должна ограничиваться одними только спеціально богословскими вопросами. Такъ-какъ она должна содѣйствовать выработкѣ въ обществѣ христіанскаго міровоззрѣнія, то долгъ ея освѣщать всѣ явленія жизни и мысли, занимающія современнаго человѣка.

Нельзя отрицать, что дѣло созданія миссіонерской литературы, соотвѣтствующей потребностямъ нашего времени, есть дѣло трудное, требующее отъ пастырей и богослововъ знанія, умѣнья, единодушія, одушевленія и самоотверженія. Трудно это дѣло и потому еще, что для него нужны деньги. Къ сожалѣнію, щедрыхъ жертвователей, подобныхъ Солдатенкову и Павленкову, богословская литература доселѣ еще не нашла. Можетъ быть, это зависѣло и отъ того, что самая идея о литературѣ, какъ могущественнѣйшемъ средствѣ служенія Богу и ближнему, у насъ еще не достаточно сознана. Несомнѣнно, однако-же, что этотъ способъ служенія есть такое-же истинно христіанское дѣло, какъ устройство разнаго рода благотворительныхъ учрежденій, и всякій жертвователь на это служеніе приносилъ-бы *службу Богу*... Во всякомъ случаѣ дѣло, о которомъ мы говоримъ, такъ важно для блага Церкви, что

нужно стремиться преодолѣть затрудненія, стоящія на пути къ его осуществленію.

В. Рыбинскій.

Свобода и принужденіе въ дѣлахъ вѣры ¹⁾).

III.

Что можно возразить противъ такого „стѣсненія“ свободы совѣсти, противъ такого „догматизма“ Церкви? Отказаться отъ духовнаго руководительства вѣрующихъ съ тѣмъ, чтобы предоставить имъ полную религіозную свободу—не значитъ ли для Церкви разрушать самое себя? А возставать противъ авторитета церковнаго въ пользу неограниченнаго права свободно, по суду только совѣсти своей, вѣровать въ то или другое, не значитъ ли для вѣрующихъ обречь себя на всѣ пагубныя послѣдствія, къ которымъ приводитъ протестантскій индивидуализмъ? Послѣдствія же эти столь гибельны для вѣры, для Церкви и государства, что невольно заставляютъ всякаго сильно призадуматься. Свобода вѣры сама по себѣ, безъ того истиннаго содержанія, въ которомъ она должна вращаться, есть пустая форма, которую свободолюбивые протестанты наполняютъ всякимъ вздоромъ; и трудно предвидѣть, къ чему она можетъ привести въ недалекомъ будущемъ, слѣдуя логическому процессу развитія. „Что, если вѣрующій субъектъ, основываясь на формальномъ правѣ личной свободы совѣсти и признанномъ (якобы) несовершенствѣ доселѣшняго христіанства, составитъ себѣ міровоззрѣніе, которое будетъ идти въ разрѣзъ съ существующими государственными постановленіями, какъ общеобязательными правилами,—не будетъ ли (считаться) абсолютизмомъ со стороны государства требованіе отъ вѣрующаго субъекта покорности своимъ постано-

¹⁾ См. № 50 за 1901 г.

вленіямъ? И не въ правѣ ли вѣрующій субъектъ требовать отмены государственныхъ учрежденій и даже содѣйствовать насильственному ихъ ниспроверженію, какъ обветшалыхъ и противорѣчащихъ личному праву свободы совѣсти, какъ низшихъ и несправедливыхъ по отношенію къ новому, высшему и, слѣдовательно, болѣе справедливому религіозному сознанію вѣрующаго субъекта? Не поведетъ ли это къ разрушенію не только Церкви, но и государства и всякаго общественнаго порядка“? (Кургановъ, „Отношенія между церковною и гражд. властію въ визант. имп.“, 397). Любителямъ такой формальной свободы, не знающей удержу въ самочинномъ измышленіи новыхъ и новыхъ порядковъ жизни, напомнимъ одно стихотвореніе А. Н. Майкова:

Для нихъ свобода—что видѣнье...
 Илываетъ въ туманѣ золотомъ—
 Они бѣгутъ за нимъ и въ немъ
 Народамъ чають все спасенье...
 Но что она, и въ чемъ она,
 Что скрыто золотымъ покровомъ,—
 Ошеломленные лишь словомъ,
 Имъ дѣла нѣтъ! ихъ мчитъ волна,
 У нихъ ни зрѣнья нѣтъ, ни слуха,
 И тщетно Распятый стоитъ
 У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
 „Свобода—только въ царствѣ духа“!

Если право Церкви ограничивать свободу совѣсти вѣрующихъ и обязанность послѣднихъ подчиняться авторитету первой—несомнѣнны, то само собою понятно, каковы должны быть отношенія Церкви къ тѣмъ, кто открыто не признаетъ ея авторитета и на мѣсто ея разума поставляетъ свои мнѣнія,—къ тѣмъ, кто, въ противность вѣковому устройству Церкви, старается утвердить свой кругъ идей и вѣрованій, т. е. къ еретикамъ и раскольникамъ. Послѣднихъ Церковь

не можетъ терпѣть въ своей оградѣ, но всячески должна заботиться о просвѣщеніи ихъ свѣтомъ истины. Эту задачу она во всѣ времена и старалась исполнить, но принудительныхъ средствъ для этого никогда не употребляла. „Мы никого противъ воли не удерживаемъ: въ комъ нѣтъ вѣры и благочестія, тотъ Богу не нуженъ“ (Лактанцій)—вотъ церковное воззрѣніе на этотъ предметъ. Противъ нарушителей церковнаго единства свв. отцы и учителя Церкви дѣйствовали лишь словомъ, логическою силою доказательствъ, нравственною силою преданія, духовною силою очищеннаго вѣрою общаго сознанія, высшею силою благодатнаго просвѣщенія. Величайшіе изъ подвижниковъ православія, неутомимые и неодолимые ратоборцы противъ аріанъ, св. Аѳанасій Алекс., св. Григорій Назіанзскій и св. Василій В. громали ихъ единственнымъ оружіемъ, которымъ дѣйствовали съ чрезвычайнымъ искусствомъ,—своими сочиненіями (ср. Христ. Чт. 1864, 3, 271). Когда эти чисто духовныя средства оказывались недѣйствительными, Церковь предавала еретиковъ и раскольниковъ отлученію. Но кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что это послѣднее есть ея неотъемлемое право, нисколько не нарушающее свободы совѣсти? Что можетъ значить анаѳема для человѣка, добровольно отдѣлившася отъ Церкви? Актъ отлученія имѣетъ чисто нравственное значеніе и признается необходимымъ болѣе для вѣрующихъ чадъ Церкви, чѣмъ для еретиковъ и раскольниковъ. Если послѣднихъ отлученіе объявляетъ виѣ ограды церковной въ той мысли, что можетъ быть это объявленіе поколеблетъ ихъ упрямство и обратитъ къ истинѣ, то первыхъ оно предостерегаетъ отъ гибельныхъ для души послѣдствій невѣрія и заблужденія.

Сдѣлаемъ краткіе выводы.—Никто не можетъ пользоваться неограниченною свободою исповѣданія религіозныхъ убѣжденій. Въ общежитіи свобода однихъ, естественно, приходитъ въ столкновеніе съ свободою другихъ и должна быть ограничена съ точки зрѣнія объективной правды, регулирующей жизнь всякаго общественнаго союза. Въ приложеніи къ

обществу вѣрующихъ, образующихъ Церковь Христову, эту правду составляетъ абсолютная истина Христова ученія. Последняя и ограничиваетъ свободу совѣсти всѣхъ, кто желаетъ и ищетъ единенія съ Церковію. А кто пренебрегаетъ этимъ единеніемъ во имя неограниченной свободы личности, тотъ уже въ Церкви и не долженъ приносить ей свое лицемѣрное поклоненіе.

IV.

Но свобода совѣсти въ общественномъ сознаніи чаще всего соединяется съ представленіемъ о правѣ всѣхъ религіозныхъ ассоціацій пользоваться одинаковою свободою исповѣданія своей вѣры и равнымъ покровительствомъ государственныхъ законовъ. Во имя свободы совѣсти обыкновенно настаиваютъ на томъ, что „въ дѣлахъ вѣры юридической законъ не имѣетъ голоса и не призванъ вмѣшиваться въ нихъ. Поэтому, и такъ называемое совращеніе можетъ считаться преступленіемъ только тамъ, гдѣ свобода совѣсти не признается. По существу своему, совращеніе есть возбужденіе религіознаго чувства, слѣдовательно—привлеченіе душъ къ Богу, а потому оно должно считаться благомъ, а не зломъ. Существованіе въ государствѣ господствующей Церкви и связанное съ этимъ ограниченіе въ правахъ другихъ религіозныхъ обществъ есть прямое нарушеніе свободы вѣры. У насъ последнее сказывается въ гоненіяхъ на раскольниковъ, въ воспрещеніи переходить изъ православной вѣры въ другую, въ притѣсненіи униатовъ, въ ограниченіи правъ евреевъ“.

Эти разсужденія построены на *двухъ* положеніяхъ. *Одно:* личная свобода совѣсти—единственный законодатель въ дѣлахъ вѣры; *другое:* государство призвано служить только внѣшнимъ, земнымъ интересамъ людей.—*Первое* положеніе, какъ мы видѣли, справедливо только до тѣхъ поръ, пока свобода понимается какъ формальное начало духовной жизни чело-вѣка, но совершенно ложно, когда это начало становится

лицомъ къ лицу съ виѣшнею дѣйствительностью, съ объективной правдой. Что же касается *второго*, то оно слишкомъ бьетъ въ глаза своею односторонностью и есть плодъ, очевидно, предвзятыхъ историко-философскихъ теорій.

Государство есть учрежденіе, призванное служить не только матеріальнымъ, земнымъ интересамъ общества, но и духовнымъ, небеснымъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены религіозныя вѣрованія народа, потому что вѣра есть самое средоточіе духовной жизни народа и только на почвѣ вѣры происходитъ то внутреннее, живое единеніе правительства съ подданными, которое необходимо требуется для того, чтобы дѣйствія перваго принимались вторыми съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ законѣрности и цѣлесообразности. Когда государственная власть начинаетъ намѣренно закрывать глаза на вѣроисповѣданіе народа и игнорировать его въ своихъ заботахъ о матеріальномъ благополучіи государственнаго организма, тогда послѣдній подвергается неизлѣчимой болѣзни саморазложенія. Это бесспорно подтверждается исторіей древнихъ и новыхъ народовъ. Вотъ что говорить по этому вопросу одинъ изъ самыхъ компетентныхъ представителей науки государственнаго права: „государство тѣмъ сильнѣе и тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ явственнѣе въ немъ обозначается представительство духовное. Только подъ этимъ условіемъ поддерживается и укрѣпляется въ средѣ народной и въ гражданской жизни чувство законности, уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти. Ни начало цѣлости государственной или государственнаго блага, государственной пользы, ни даже нравственное начало—самі по себѣ недостаточны къ утвержденію прочной связи между народомъ и государственною властью; и нравственное начало непрочно, неустойчиво, лишено основнаго корня, когда отрѣшается отъ религіозной санкціи. Этой центральной, собирающей силы, безъ сомнѣнія, лишено будетъ такое государство, которое, во имя безпристрастнаго отношенія ко всѣмъ вѣрованіямъ, само отрекается отъ всякаго вѣрованія—какого

бы то ни было“ (К. П. Побѣдоносцевъ, Московскій сборникъ, 15; ср. *Revue internat. de Theol.* № 25, 33).

Съ другой стороны, и задачи Церкви Христовой не могутъ и не должны быть ограничиваемы только областью духа, насколько онъ проявляется именно въ вѣрѣ, въ религиі. Господь нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ: „Царство Небесное подобно закваскѣ, которую женщина взявши положила въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло все“ (Матѣ. 13, 33). Т. е. Церковь имѣетъ великое предназначеніе—постепенно преобразовать весь міръ по своимъ божественнымъ началамъ, почему всегда заповѣдывала вѣрующимъ—„отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины“ (Еф. 4, 22—24),—облечься не только въ жизни частной, но и общественной, государственной. На это преобразование жизни человѣческой по духу Христовой праведности и истины, какъ на величайшую задачу Церкви, указываетъ и слѣдующее слово Спасителя: „не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ; ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку—домашніе его“ (Матѣ. 10, 34—36).

Если же и государство не можетъ быть индифферентнымъ къ вѣрованіямъ народа, и Церковь призвана къ распространенію спасительныхъ началъ христіанской вѣры на всѣ сферы человѣческой дѣятельности, то естественно, что оба эти учрежденія должны вступить между собою въ близкія отношенія,—но какія именно? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые ставятся и разрѣшаются одной только исторіей, въ зависимости отъ множества весьма разнообразныхъ обстоятельствъ исторической жизни той или другой среды, того или другого народа,—слѣдовательно, для уясненія его и намъ слѣдуетъ обратиться къ исторіи византійской и русской, такъ какъ мы имѣемъ въ виду собственно отно-

шенія между *православнымъ* государствомъ и *православною* Церковью.

Занимающій насъ вопросъ впервые возникъ при Константинѣ В., когда послѣдній объявилъ себя на сторонѣ христіанства. Тогда же намѣчено было основное направленіе, въ которомъ онъ окончательно разрѣшенъ былъ послѣдующими византійскими императорами. Константинъ В., сдѣлавшись единодержавнымъ правителемъ имперіи, сразу же сталъ принимать весьма близкое участіе въ дѣлахъ христіанской вѣры. Онъ высоко цѣнилъ свободу вѣрованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ себя обязаннымъ содѣйствовать преимущественному распространенію и процвѣтанію христіанской Церкви въ имперіи. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на „служителя Божія“, получившаго власть отъ Творца для того, чтобы „воспитываемый подъ его вліяніемъ родъ человѣческой призвать на служеніе *священнѣйшему* закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить *блаженнѣйшую* вѣру“ (Евсевій, Жизнь К. В. II, 28, стрн. 129). За осуществленіе этой великой задачи онъ принялся съ большою энергіею. Прежде всего, онъ позаботился поставить законодательнымъ путемъ христіанскую Церковь выше всѣхъ языческихъ религіозныхъ обществъ и постепенно окружилъ ее множествомъ такихъ правъ и преимуществъ, что сообщилъ ей характеръ Церкви господствующей въ государствѣ. Затѣмъ, Константинъ В. считалъ своею священною обязанностью содѣйствовать внѣшними средствами правильному развитію внутренней жизни Церкви. Съ этой точки зрѣнія возникавшіе расколы и ереси онъ рассматривалъ, какъ посягательство на истину Христову и нарушеніе единства церковнаго, а потому до конца своей жизни не переставалъ принимать разныя мѣры къ умиротворенію недовольныхъ и враждебно настроенныхъ элементовъ Церкви, стараясь дать въ жизни торжество *православію*, т. е. католической вѣрѣ и католической Церкви. Однажды, бесѣдуя съ епископами, онъ назвалъ и себя епископомъ, но прибавилъ къ этому: „только вы епископы внутреннихъ дѣлъ Церкви,

а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ дѣль виѣшнихъ. Это значить, что епископы имѣютъ наблюденіе и призваны руководить всеѣмъ тѣмъ, что относится непосредственно къ вѣрѣ (вѣроученіе, таинства, обряды, управленіе церковное), а императоръ заботится о виѣшнемъ приложеніи вѣры въ жизни.

Такой же системы въ отношеніи государства къ Церкви держались и преемники Константина В., съ тѣмъ только различіемъ, что система эта въ послѣдствіи получила большую опредѣленность и законодательную санкцію. Византійское законодательство опредѣляетъ отношеніе государства къ Церкви слѣдующими положеніями: 1) духовная и свѣтская власти занимаютъ равноправное положеніе въ государствѣ, которое хочетъ быть православно-христіанскимъ; 2) онѣ дѣйствуютъ по взаимному *согласію*, и 3) власть государственная признаетъ за догматическими и каноническими опредѣленіями Церкви значеніе государственныхъ законовъ. Первое изъ этихъ положеній основывается на ученіи св. Писанія о томъ, что „нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему, противящійся власти, противится Божію установленію“ (Рим. 13, 1—2; ср. 1 Пет. 2, 13—17), и что Господь поставилъ въ Церкви пастырей и учителей „къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всеѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія“ (Еф. 4, 11—13). Второе вытекаетъ изъ перваго, а третье должно быть разсматриваемо, какъ естественное выраженіе тѣхъ воззрѣній на истину Христову, которыми жилъ византійскій народъ во всей массѣ до самаго паденія Константинополя, и которыя Никифоръ Григора,—можетъ быть черезчуръ рѣзко, но въ существѣ справедливо,—опредѣлилъ слѣдующими словами: „скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ народъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ“ (Григора, I, стр. 512). Если это воззрѣніе проникало собою весь строй жизни народной, то кто можетъ упрекнуть византійское законодательство

въ томъ, что оно принимало подъ свою охрану завѣтнѣйшее достояніе народа—вѣру?

Но внѣшняя форма, въ которую вылился этотъ неоспоримый принципъ государственной охраны православія, не можетъ быть названа совершенной съ точки зрѣнія объективной правды. Уравненіе въ значеніи догматическихъ и каноническихъ опредѣленій Церкви съ государственными законами естественно вводитъ начало принужденія, насилія въ отношенія государства къ еретикамъ и раскольникамъ. Ограниченіе послѣднихъ въ гражданскихъ правахъ вполнѣ согласно съ обязанностью государства охранять вѣру народную отъ посягательствъ на нее: законы православнаго государства, т. е. государства, котораго основное ядро составляетъ православный народъ, не могутъ, безъ внутренняго противорѣчія, однаково трактовать и православіе и отрицаніе его—инославіе. Но иное дѣло—ограниченіе въ правахъ, и иное—преслѣдованіе законодательными мѣрами за исповѣданіе иной вѣры: насильственное подавленіе иновѣрія противорѣчитъ евангельскому пониманію свободы совѣсти. Между тѣмъ византійскіе императоры, начиная уже съ Константина В., часто прибѣгали къ этой мѣрѣ, желая содѣйствовать умиротворенію Церкви. Правда, на это умиротвореніе они смотрѣли болѣе съ точки зрѣнія политической, чѣмъ религіозно-церковной; они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, цѣлость и спокойствіе государства. Въ императорской грамотѣ на имя Кирилла А. о созваніи Ефесскаго собора говорится между прочимъ: „преимущественно предъ прочимъ мы заботимся о томъ, чтобы состояніе Церкви оставалось достойнымъ Бога и приличнымъ нашимъ временамъ, чтобы отъ единомыслія всѣхъ происходило спокойствіе, отъ мира въ церковныхъ дѣлахъ—невозмутимая тишина“ (Христ. Чт. 77, I, 815). Но все таки цѣль не оправдываетъ средствъ, и нѣкоторые отцы Церкви сильно возстаютъ противъ употребленія принужденія въ дѣлахъ, подлежащихъ лишь суду совѣсти. Вотъ, напр., что пишетъ св. Иларій Пуатьесскій имп. Констанцію (аріанину): „Вы назна-

чены для того, чтобы всё пользовались сладкою свободою. Миръ Церкви не можетъ быть водворенъ, разодранность ея не можетъ быть исцѣлена иначе, какъ если всё, освободясь отъ всякаго рабства, получать возможность жить по своему убѣжденію. Если и ради истинной вѣры будетъ примѣняться власть ваша, неужели не воспротивятся вамъ епископы и не скажутъ: Богъ—Творецъ міра; Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи. Онъ не ищетъ вынужденнаго исповѣданія“ (Тамъ же, II, 548).

Впрочемъ, въ разсматриваемомъ вопросѣ необходимо выдѣлить ту сторону дѣла, которая можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія несовершенства внѣшнихъ формъ общественной жизни. Если всё виды лжи и заблужденій должны уступить мѣсто религіозной истинѣ, а государство призвано внѣшними средствами устранять препятствія, лежащія на пути къ достиженію этой цѣли,—то можно ли упускать изъ виду, что истина Христова часто не доходитъ до сердца заблуждающихся или не производитъ въ нихъ надлежащаго дѣйствія вслѣдствіе такихъ житейскихъ обстоятельствъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ внутренними убѣжденіями, и устраненіе которыхъ путемъ внѣшняго принужденія по тому самому не должно считаться нарушеніемъ свободы вѣры? Это возрѣніе несомнѣнно руководило тѣми отцами и учителями Церкви, которые склонялись въ сторону принудительныхъ мѣръ. Бл. Августинъ по поводу раскола донатистовъ пишетъ: „Мы сами знаемъ, какъ много такихъ, которые, будучи уже убѣждены въ очевидной истинѣ и желая быть православными, но *опасаясь оскорбленій отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ*, со дня на день откладывали исполненіе своего намѣренія. Не мало и такихъ, которыхъ связывали *тяжелыя узы застарѣлаго обычая*... А какъ много такихъ, которые расколъ донатистовъ считали истинною Церковью только потому, что *безопасность сдѣлала ихъ безпечными* и нерадивыми къ уразумѣнію истины. Сколь многимъ заграждали путь въ Церковь *рчи клеветниковъ*. Сколь многіе... оставались въ расколѣ донати-

стовъ потому, что *родились въ немъ*, и никто не побуждалъ ихъ оставить оный и перейти въ православную Церковь. Для всѣхъ этихъ людей *страхъ закона былъ полезенъ*... Если бы дѣйствовали на нихъ однимъ страхомъ и въ то же время не учили, то это было бы несправедливымъ угнетеніемъ". (Тамъ же II, 541).

Такимъ образомъ, Византія выработала слѣдующую систему отношеній государства къ Церкви ¹⁾. Государство и Церковь должны находиться въ полномъ согласіи между собою ради блага народа—духовнаго и матеріальнаго. Православіе—господствующая вѣра въ имперіи, а расколы и ереси—болѣзненное и противозаконное явленіе. Поэтому православная Церковь пользуется полнотою правъ и преимуществъ, остальные же религіозныя общества закономъ ограничены въ этомъ отношеніи. Государство содѣйствуетъ распространенію первой на счетъ вторыхъ, но лишь такими мѣрами, которыя согласны съ духомъ Церкви, насильно не удерживающей въ своемъ лонѣ.

V.

Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою древняя Русь позаимствовала отъ Византіи и выработанную тамъ систему взаимныхъ отношеній между государствомъ и Церковью, если не въ видѣ опредѣленныхъ церковныхъ и императорскихъ узаконеній, то въ видѣ основаннаго на нихъ обычая, въ видѣ установившейся практики. Съ самаго начала своего возникновенія Русская Церковь вступила въ прочный союзъ съ Русскимъ государствомъ, основанный на тѣхъ началахъ, что и въ Византіи. Князья весьма ревностно содѣйствовали религіозно-правственнымъ задачамъ Церкви, путемъ обезпеченія ей матеріальнаго содержанія и виѣшней неприкосновенности, а также предоставленія ей различныхъ правъ и преимуществъ

¹⁾ Вопроса объ отношеніи Церкви къ государству мы не коснулись потому, что онъ не имѣетъ значенія для уясненія предмета нашей статьи.

(особенно въ области суда); церковная же власть съ своей стороны неутомимо работала въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на все стороны гражданской и государственной жизни русскаго народа. Благодаря такому союзу, заключенному при самомъ началѣ русскаго государства, православная вѣра легко преобразовала послѣднее по своему духу и сообщила ему характеръ истинно-христіанскій. Она освѣтила сознаніе народа божественными идеалами христіанства, которые неразрывно слились съ особенностями народнаго духа, осмысливши ихъ, возвысивши и облагородивши; русскіе люди, по выраженію Достоевскаго, приняли въ свою суть Христа и Его законъ, почему и стали называть себя „христіанами“ (крестьянами), а свою землю—„святою православною Русью“. Все это помогло народу перенести все невзгоды политической и гражданской жизни, сохранить свою самобытность въ борьбѣ съ разными врагами и собраться во едино, т. е. образовать государство обширное и могущественное, а кромѣ этого ввело въ сознаніе государственной власти опредѣленный кругъ православно-христіанскихъ убѣжденій и понятій, отлившихся въ извѣстныя формы государственныхъ учреждений. Вотъ почему „исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни“ (К. А. Аксаковъ).

Мы напомнимъ эти достаточно извѣстные историческіе факты для того, чтобы спросить: справедливо ли требовать уравниенія въ свободѣ исповѣданія и въ правахъ православія и инославія? Православіе—это та великая сила русскаго народа, которая создала русское государство одна, помимо и даже въ противность желаніямъ разныхъ видовъ инославія и иновѣрія: какимъ же образомъ теперь это государство можетъ ставить истину православія и ложь инославія въ непримиримую вражду между собою и топтать первую въ грязь всякихъ заблужденій, страстей и золь, къ какимъ только способна нравственно-испорченная совѣсть людская, неограниченная и ложно

направленная свобода (Ср. „За правду и истину“, 13)? Въ правѣ ли русское законодательство оставить вѣковой принципъ „охраненія православія“ и вступить на путь религиознаго индифферентизма, въ угоду моднымъ теоріямъ о свободѣ совѣсти? Уполномочить ли его на это исконный хозяинъ земли русской—православный русскій народъ?—Нѣтъ, преимущества Православной Церкви, за которыя стоитъ тысячелѣтняя русская исторія, неотъемлемы отъ нея, а эти преимущества естественно отражаются въ законодательствѣ умаленіемъ въ правахъ иныхъ вѣроисповѣданій.

Но говорятъ: „пусть преимущества господствующаго вѣроисповѣданія останутся за православіемъ,—почему же закономъ не ограждается свобода вѣры разномыслящихъ, и въ правѣ ли государство помогать Православной Церкви въ ея борьбѣ съ разными сектантами примѣненіемъ къ нимъ внѣшнихъ, принудительныхъ мѣръ“?—Въ отвѣтъ на первую половину вопроса нужно сказать, что законы никого не преслѣдуютъ за мнѣнія о вѣрѣ, но преслѣдуютъ за исповѣданіе противогосударственныхъ началъ, искусно прикрываемыхъ словомъ „вѣра“ и направленныхъ къ ниспроверженію всего строя русской жизни,—что далеко не одно и то же, и что вполне согласно съ достоинствомъ государства. Что же касается второй половины, то здѣсь смѣшивается существо дѣла съ формами его обнаруженія, примѣненія къ дѣйствительности. Дѣйствованіе на иновѣрцевъ путемъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ съ цѣлью обращенія ихъ въ православіе правительству гражданскому предписываетъ начало справедливости: когда есть основанія думать, что иновѣрцы коснѣютъ въ своемъ невѣжествѣ не по религиознымъ убѣжденіямъ, а по расчетамъ постороннимъ (напр., вслѣдствіе тяготящаго на нихъ нравственнаго и матеріальнаго гнета „коноводовъ“ иновѣрія), тогда не въ правѣ ли правительство уничтожить дѣйствіе этихъ расчетовъ мѣрами стѣсненія? Но это—принципіальная точка зрѣнія, которая въ дѣйствительности иногда принимаетъ весьма нежелательныя формы вслѣдствіе чрезмѣрнаго усердія

исполнителей воли законодателя. Устраненіе злоупотребленій принципомъ несомнѣнно принесетъ пользу и миссіонерскому дѣлу Православной Церкви, но можно ли серьезно рекомендовать для этого такую мѣру, какъ узаконеніе неограниченной свободы совѣсти для всѣхъ подданныхъ государства и права оказательства иновѣрія, права совращенія православныхъ? Если не должны быть терпимы у насъ „мучительства и гоненія, какъ противныя духу Христовой Церкви“, то не должна имѣть мѣста и „избыточествующая терпимость“, потому что „добро можетъ оказать терпимость злу, но зло не окажетъ терпимость добру; слѣдственно оказывать чрезмѣрную терпимость злу значитъ подать ему орудіе противъ добра“ (мнѣніе митр. Филарета).

Слѣдовательно, необходимо подумать объ иныхъ мѣрахъ къ уничтоженію того, что даетъ „свободомыслящимъ“ людямъ основаніе обвинять правительство и Православную Церковь въ преслѣдованіи иновѣрцевъ за вѣру,—о такихъ мѣрахъ, которыя бы не шли въ разрѣзъ съ основными началами русской народной жизни, но обеспечивали бы имъ свободное развитіе и твердо охраняли бы выработанную предшествующей исторіей систему отношеній православнаго государства къ Православной Церкви. „Наклонность низвергать твердыя и установленныя учрежденія и вмѣсто нихъ дѣлать нововведенія и перевороты составляетъ болѣе свойство подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ“.

Н. Ір.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ХРАМѢ ¹⁾.

Храмъ, какъ предметъ пастырскаго попеченія въ наше время.

Необходимымъ условіемъ церковнаго благолѣпія служитъ *истовое совершеніе богослуженія*. Много говорилось и писалось о красотѣ и назидательности нашего православнаго бо-

¹⁾ См. № 50 за 1901 г.

гослуженія. Достоевскій и Иванъ Аксаковъ (тотъ самый, которому принадлежитъ извѣстное стихотвореніе „Всенощная въ деревнѣ“) въ высокой оцѣнкѣ этой стороны нашего богослуженія дошли даже до того, что отрицали необходимость церковной проповѣди: въ древней-де Руси почти не было проповѣди, но это не помѣшало русскому народу сдѣлаться народомъ—христоносцемъ,—церковное богослуженіе раскрывало предъ народнымъ сознаниемъ образъ и ученіе Христа. Не повторяя рѣчей о красотѣ и назидательности нашего богослуженія, мы, къ сожалѣнію, должны отмѣтить тотъ грустный фактъ, что оно далеко не вездѣ совершается чинно и назидательно. Лица самыхъ разнообразныхъ направленій, и между ними—искренне любящія православно-русскую Церковь, сходятся въ засвидѣтельствованіи этого факта. Извѣстный земскій дѣятель Пензенской губерніи, князь Дм. Друцкой-Соколинскій, въ 1897 году отмѣтилъ на страницахъ „Вѣстника Европы“ (см. август. кн.) тотъ фактъ, что-де богослуженіе по селамъ совершается такъ, что „рѣдко и весьма рѣдко“ бываетъ понятно присутствующимъ. Признавая, что кн. Друцкой въ своей статьѣ слишкомъ сгустилъ краски и допустилъ слишкомъ широкія обобщенія¹⁾, не смѣю отрицать наличности самаго факта—съ одной стороны—въ виду авторитетнаго свидѣтельства такого благожелательнаго въ отношеніи православно-русскаго духовенства лица, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, съ другой—въ виду показаній собственнаго опыта. К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (стр. 223 по 2-му изд.) „о множествѣ затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика“. Лѣтъ десять тому назадъ пишущему эти строки пришлось присутствовать на ранней литургіи въ соборномъ храмѣ одного изъ уѣздныхъ городовъ сред-

¹⁾ Оцѣнку возрѣвній кн. Друцкого на народную школу и сельское духовенство см. въ нашей статьѣ „Къ вопросу о характерѣ народной школы“, помѣщенной въ „Трудахъ Кіевск. дух. Академіи“ за 1898 г.

ней Россіи, куда много стекается народу изъ окрестныхъ селеній на поклоненіе чтимой иконѣ. Служба шла подь аккомпаниментъ плотничьихъ ударовъ, раздававшихся въ центральной части храма (тамъ шелъ ремонтъ), при чемъ служившій дьяконъ не считалъ нужнымъ произносить прошеній великой ектеніи, за исключеніемъ послѣднихъ словъ: „Господу помолимся“; служилъ молодой священникъ... Хорошо знаю почтеннаго священника, очень набожнаго, который успѣваетъ прочитывать тропари великаго канона во время пѣнія припѣва: „Помилуй мя, Боже, помилуй мя!“ Минувшимъ лѣтомъ въ домѣ одного сельскаго священника, за чашкой чаю, послѣ обѣдни, шла рѣчь о чтеніи въ церкви мѣстнаго псаломщика (изъ окончившихъ семинарскій курсъ). Собесѣдники, за исключеніемъ присутствовавшаго среди нихъ виновника бесѣды, возмущались небрежностью его чтенія... въ храмѣ Божіемъ. Юноша сначала оправдывался, ссылаясь на привычку, на недостатокъ времени, но въ концѣ концовъ—къ его чести—сознался въ своемъ грѣхѣ. Тогда же было признано, что это грѣхъ не исключительный: въ старину бормотали дьячки; оказывается, что и при замѣнѣ послѣднихъ образованными псаломщиками бормотаніе исчезаетъ не сразу... На мой взглядъ, это—факты въ высшей степени печальные: къ чему богатая обстановка въ храмѣ, когда не разберешь, что тамъ читается! И пусть эти факты отмѣчались неоднократно—о нихъ надо не только горевать, но и напоминать, кому слѣдуетъ, до тѣхъ поръ, пока они не отойдутъ въ область печальнаго на этотъ разъ преданія. Ложась тяжкимъ позоромъ на наше духовенство, небрежное совершеніе богослуженія отстраняетъ отъ церкви не мало людей съ легко смущающейся совѣстью. Какъ же не скорбѣть объ этомъ фактѣ? какъ не плакаться на него? какъ не призывать къ борьбѣ съ нимъ?.. И гдѣ причины такого печальнаго, хотя—слава Богу!—и не повсемѣстнаго, явленія? Въ томъ ли, что не мало молодыхъ людей вступаетъ въ составъ клира „не по призванію“, а подь давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или же—въ от-

существованія навыка давать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаешь? Вѣдь, кажется, довольно поставить въ своемъ сознаниіи вопросъ: для кого и для чего я читаю въ церкви извѣстный псаломъ?—чтобы прочесть его внятно и назидательно... Или привычка убиваетъ живость непосредственнаго чувства? Но нѣтъ,—мы знаемъ престарѣлыхъ пастырей, которые служатъ со всею живостью непосредственнаго религіознаго чувства... Не знаю, дойдутъ ли мои слова до сердца слуха кого-либо изъ нашихъ пастырей; но если бы дошли, пусть пастырь приметъ ихъ не какъ суровый голосъ тяжкаго упрека, а искренній голосъ усердной мольбы—совершать богослуженія со страхомъ Божиимъ и вниманіемъ къ молящимся, правится ли извѣстное послѣдованіе по потребностямъ цѣлаго прихода или по нуждѣ и желанію отдѣльныхъ лицъ. Вотъ, напр., старуха мать, проводившая своего сына въ солдаты, или молодая женщина, лишившаяся своего малютки-сына, приходятъ въ церковь со своею скорбію. У церкви для обѣихъ готово утѣшеніе въ ея дивныхъ послѣдованіяхъ. Какъ умилительна та молитва, которую Церковь влагаетъ въ уста почившаго младенца: „Боже, Боже, призвавъ мя, утѣшеніе нынѣ буди дому моему, плачь бо велій случился имъ: на мя бо взираху вси, единопородна мя сіи имуще. Но Ты рождейся отъ Матере Дѣвы, Матере моя утробы прохлади, и ороси сердце отца“! Задача церковнаго причта—передать это утѣшеніе тѣмъ, для кого оно предвазначено, и благо тому причту, который является добрымъ посредникомъ въ этомъ добромъ дѣлѣ—помощи изнемогшему духомъ! Тогда и храмъ на дѣлѣ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей идеѣ,—неоскуднымъ источникомъ назиданія и утѣшенія; тогда и связи между храмомъ и его прихожанами будутъ настолько крѣпкими, что не легко будетъ разорвать ихъ. Но что, если утѣшеніе, предлагаемое церковію, не доходитъ не только до сердца, но и до слуха молящихся вслѣдствіе небрежнаго отправленія богослуженія?!...

Нѣкоторые причты, спѣшно отправляя богослуженіе, смылаются на то, что только при этомъ условіи можно выпол-

нить требованія церковнаго устава въ *приходскихъ* церквахъ, гдѣ—при отправленіи богослуженія—волей-неволей приходится сообразоваться не только съ требованіями устава, но и съ мѣстными бытовыми условіями: спѣшное отправленіе богослуженія—компромиссъ между тѣми и другими. Достигается онъ такимъ, напр., путемъ: въ то время, какъ пѣвчіе (или пѣвцы, если нѣтъ пѣвчихъ) поютъ ирмосы канона, чтець вычитываетъ его тропари,—выходить: и скоро, и по уставу. Нужно ли говорить, что это—компромиссъ, недостойный не только просвѣщеннаго, но и просто вдумчиваго пастыря? Однако, въ его основѣ лежитъ такой фактъ, съ которымъ необходимо считаться: это—несомнѣнное несоотвѣтствіе между требованіями церковнаго устава и современными условіями церковной жизни. Оно и понятно: составители церковнаго устава имѣли въ виду практику *монастырскихъ* церквей, гдѣ совершается богослуженіе для лицъ, всецѣло посвятившихъ себя подвигамъ молитвы, поста, отреченія отъ земныхъ хлопотъ и т. п. Естественно, что такой уставъ оказывается не вполне соотвѣтствующимъ условіямъ приходской жизни. У насъ практика давно уже выработала нѣкоторые способы благоприличнаго сокращенія церковныхъ службъ. Извѣстно, что не только въ приходскихъ, но и архіерейскихъ церквахъ богослуженіе совершается съ нѣкоторыми сокращеніями. Въ виду только-что приведенныхъ соображеній едва ли есть основанія протестовать противъ такой практики: вѣдь лучше прочесть одинъ псаломъ вмѣсто двухъ, но только ясно, раздѣльно, вразумительно. Необходимо только имѣть въ виду, чтобы дѣлаемые сокращенія не нарушали духа и стройности нашего православнаго богослуженія. Наши архипастыри идутъ навстрѣчу назрѣвшей потребности, преподавая духовенству указанія, какъ слѣдуетъ относиться къ требованіямъ церковнаго устава при совершеніи богослуженія въ *приходскихъ* церквахъ. Такъ, въ „Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1891 г. (№ 14) было напечатано „Архипастырское наставленіе духовенству Подольской епархіи предъ наступленіемъ праздника Пасхи“, соста-

вленное такимъ знатокомъ православнаго богослуженія и ревнителемъ церковнаго благолѣпія, какимъ является преосв. Дмитрій (Самбикинъ), архієпископъ тверской, раньше занимавшій подольскую кафедру. Въ наставленіи архипастыря данъ авторитетный образецъ того, какъ можно сокращать богослуженіе, не нарушая *по существу* требованій церковнаго устава.

Виднымъ элементомъ православнаго богослуженія служить *пѣніе*. Отъ качествъ церковнаго пѣнія въ значительной степени зависитъ благолѣпіе богослуженія. Извѣстно, что въ первенствующей Церкви пѣли всѣ молящіеся,—они въ собственномъ смыслѣ „единими усты“ славилн Бога. Къ сожалѣнію, у насъ, на Руси, обычай всенароднаго пѣнія не получилъ распространенія: въ большинствѣ нашихъ церквей поютъ псаломщики, по праздникамъ вспомоцествуемые усердными, но не всегда искусными любителями изъ прихожанъ; во многихъ церквяхъ существуютъ пѣвческіе хоры, количество которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ; кое-гдѣ практикуется и всенародное пѣніе. Конечно, и такъ называемое „дьячковское“ пѣніе можетъ производить впечатлѣніе на молящихся,—особенно, если къ пѣнію привлекаются и любители изъ прихожанъ. С. В. Кохомскій вспоминаетъ „пѣніе одного стараго псаломщика, голосъ котораго „дрожалъ“, но который „пѣлъ, отчетливо произносн каждое слово“, при чемъ „полуслѣпой взглядъ его благоговѣнно устремленъ былъ къ иконѣ, какъ бы къ живому лику Господа,—и пѣніе его было лучше и благолѣпнѣе, чѣмъ пѣніе иного благоустроеннаго хора, у котораго не разберешь, что онъ поетъ“¹⁾. А въ продуманной и прочувствованной книгѣ также уже покойнаго Алексѣя Ивановича Струникова, свѣтскаго по происхожденію, богослова по образованію, убѣжденнѣйшаго сына православной Церкви,—въ его книгѣ о „вѣрѣ, какъ увѣренности“, встрѣчается такая картинка, которая—помнится—впервые развернулась предъ нами сознаниемъ въ юношескіе годы и съ тѣхъ поръ владѣть имъ неотразимо. „Представьте: вы долго боролись съ неволь-

¹⁾ Цит. статья, стр. 126.

но закравшимися въ душу сомнѣніями, которыя хотя еще не успѣли овладѣть вами совершенно, тѣмъ не менѣе вызвали въ душѣ тревожную борьбу. И вотъ вы, измученные долгой борьбой, съ горечью махнувъ на все рукой, вздумали развлечься прогулкой, воспользовавшись теплымъ лѣтнимъ вечеромъ. Идѣ безъ определенной цѣли, минуя равнодушно раскинувшуюся зелень огородовъ и блестящія окна домовъ, вы вдругъ поражаетесь прекрасной картиной виднѣющейся неподалеку, какъ бы утонувшей среди зелени, кустовъ и изгороди окружающихъ садовъ, небольшой церкви. Повинуясь непосредственному впечатлѣнію, вы подходите къ ней ближе и, видя отворенныя двери, входите внутрь. И вотъ предъ вами новая картина: растворяются царскія двери, старый причетникъ слабымъ, дребежжающимъ голосомъ начинаетъ стариннымъ напѣвомъ: „Въ чермнѣмъ мори“. Серебристый, звонкій альтъ стоящаго рядомъ его сыншики-ученика вторить ему. Изъ алтаря выходитъ священникъ и, ставъ предъ растворенными воротами, начинаетъ подпѣвать басомъ. Полныя ноты его сильнаго голоса переливаются съ какимъ-то величіемъ: дребежжащій голосъ дьячка получаетъ какую-то особенную, трогательную прелесть, неволью задѣвая сердце: вся эта длинная, полная горечи, лишній, незаслуженнаго презрѣнія жизнь старца, все то, что могъ почувствовать лишь нашъ пренебрегаемый всѣми русскій дьячекъ, какъ бы само собою выливается въ этой его старческой пѣснѣ предъ Господомъ. И рядомъ тутъ же, какъ будто для контраста, его подростокъ-сынчекъ съ видимымъ удовольствіемъ и огонькомъ во взорѣ ловко выдѣлываетъ чудные переходы, и звонкій альтикъ, отдаваясь подъ сводами, сливаясь въ дивной гармоніи съ басомъ священника, то замирая, то оживляясь, несется по церкви. Мѣрно и въ тактъ, дымясь, покачивается кадило въ рукѣ священника, и тихо колеблются складки фелони... Ко всему этому заходящее солнце заглянуло въ стекла входной двери, и красноватые вечерніе лучи заиграли на закатѣ иконостаса,—въ общемъ получилась какая-то дивная, глубоко-поражающая картина. Контрастъ съ

тѣмъ, что занимало васъ доселѣ, неизмѣнно усиливаетъ впечатлѣніе, — вы виѣ себя отъ восторга; руки сами собою складываются для изображенія крестнаго знаменія; какая-то радостно-сладкая, умиленная и виѣстѣ полная глубокаго упрека себѣ, невольнаго стыда и раскаянія слеза блеститъ въ вашихъ рѣсницахъ и катится изъ глазъ“... Да, картина—дивная, умиленная, и въ этой картинѣ дребежжащій голосъ стараго дьячка не только не звучитъ диссонансомъ, но даже усиливаетъ гармонію цѣлаго: такова сила искренняго чувства. Мы сами знали дьячка старой школы, который такъ читалъ то зачало изъ „апостола“, гдѣ повѣствуется о мученической кончинѣ архидіакона Стефана, что невольная слеза прошибала слушателей. Безъ конца можно было слушать и догматики (знаменнаго распѣва) въ исполненіи этого дьячка.—Указанные факты приводятъ къ тому заключенію, что искреннее религиозное чувство имѣетъ великое, даже первостепенное, значеніе въ церковномъ пѣніи; но этимъ вовсе не исключается значеніе музыкальной техники: извѣстно, что самое искреннее чувство можетъ припимать неудачное, странное, а порою и уродливое виѣшнее выраженіе, тогда какъ при соединеніи съ болѣе или менѣе совершенной техникой искреннее чувство усиливается въ степени своего воздѣйствія на окружающую среду. Конечно, и „пехитрые переливы простой мелодіи“, исполняемой на простой деревянной дудкѣ (свирѣли), какъ и пѣніе старика-дьячка, могутъ производить сильное впечатлѣніе даже на музыкально развитога человека (чит., напр., въ этюдѣ Короленка „Слѣпой музыкантъ“ гѣ главы, гдѣ говорится объ игрѣ конюха Іохима); но на ряду съ этимъ мы знаемъ и то, какое потрясающее впечатлѣніе производила на слушателей пьеса Листа „Лѣсной царь“ (на мотивъ изъ Гёте) въ исполненіи такого виртуоза-піаниста, какимъ былъ покойный Антонъ Рубинштейнъ. Искренность, задушевность въ музыкѣ великое дѣло сама по себѣ, а если она соединяется еще съ

¹⁾ „Вѣра, какъ увѣренность, по ученію православія“ Струнникова, ч. 2, стр 172—173.

совершенствомъ техники, тогда ея дѣйствіе на душу еще болѣе усиливается. Это положеніе примѣнимо и къ церковному пѣнію: мы не можемъ не желать, чтобы задушевность въ немъ не была въ разладѣ съ техникой. Кромѣ этихъ двухъ элементовъ въ церковномъ пѣніи имѣеть весьма важное значеніе его разумность, осмысленность, соотвѣтствіе музыки со смысломъ текста: „пойте Богу *разумно*“—это наставленіе дано еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Къ сожалѣнію, въ наше просвѣщенное время оно нерѣдко нарушается: смыслъ текста приносится въ жертву требованіямъ музыкальной мелодіи (неужели они такъ непреоборимы?). Даже интеллигентные пѣвчіе подъ давленіемъ придворнаго обихода поютъ одну изъ заукойныхъ стихиръ съ такими паузами: „Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни / и дверь райскую да обрящу и азъ путь покаяніемъ“,—выходитъ безсмысленница, потому что смыслъ этого мѣста такой: ликъ святыхъ обрѣлъ своими подвигами источникъ жизни и райскую дверь,—да обрящу и я, подобно святымъ, своимъ покаяніемъ путь ко спасенію. Когда слушаешь неосмысленное (чтобы не сказать больше) исполненіе какого-либо пѣснопѣнія хоромъ, состоящимъ изъ интеллигентныхъ пѣвчихъ, невольно недоумѣваешь; неужели ихъ интеллектуальное чувство настолько слабо, что оно не въ силахъ вступить въ борьбу съ давленіемъ бахметевского обихода? Замѣчу, что здѣсь приведенъ одинъ примѣръ изъ многихъ.—Итакъ, задушевность и осмысленность въ соединеніи съ возможнымъ совершенствомъ музыкальной техники—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается благолѣпное церковное пѣніе. Какое могучее впечатлѣніе оно можетъ производить при указанныхъ условіяхъ, это видно изъ сообщенія В. Г. Петрушевскаго: „О личности и церковно-музыкальномъ творчествѣ А. Л. Веделя“, знаменитаго въ свое время, не совѣмъ забытаго и теперь, композитора кievской школы, питомца кievской духовной академіи и регента кievо-академическаго хора (во второй половинѣ 18-го вѣка)¹⁾. „Характеристическими особенностями музыки Веделя,—

¹⁾ Сообщеніе сдѣлано въ собраніи Кievскаго Археологич. Общества и напечатано въ „Трудахъ Кievск. дух. Акад.“ за 1901 г. (№ 7).

читаемъ въ указанномъ сообщеніи:—являются ея религіозное воодушевленіе, особенная прочувствованность и задушевность, ея глубокой лиризмъ, а по мѣстамъ даже нервность. Эта искренность и непосредственность чувства, отражающаяся въ музыкѣ Ведела, всегда подкупала слушателей въ ея пользу. Если строгіе теоретики и не удовлетворяются ею, то на массу, особенно на людей молящихся, она всегда производила впечатлѣніе. И это совершенно понятно. Огонь зажигается только отъ огня, и искреннее живое чувство всегда находитъ откликъ въ душахъ другихъ людей. Современники Ведела единогласно свидѣтельствуютъ, что невозможно было слушать безъ слезъ его произведенія, особенно въ его собственномъ исполненіи“ (Веделъ обладалъ чуднымъ теноромъ). Въ музыкальномъ творествѣ и пѣніи Ведела незначительная высота музыкальной техники соединялась съ осмысленностью, а главное—съ глубиною и искренностью религіознаго чувства, и этимъ обуславливаются—при несомнѣнныхъ технических недостаткахъ—внутренняя цѣнность произведеній Ведела и сила производимаго ими впечатлѣнія,—тѣ черты, которыя заставляютъ В. Г. Петрушевскаго желать изданія въ печати хотя бы лучшихъ и избранныхъ произведеній Ведела.

Такъ намѣчается предъ нами идеаль церковнаго пѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается фактъ несоотвѣтствія между этимъ идеаломъ и дѣйствительнымъ состояніемъ церковнаго пѣнія. Вотъ почему выдвигаемый жизнью вопросъ о подготовкѣ для нашихъ приходскихъ церквей такихъ псаломщиковъ, которые могли бы быть во всѣхъ отношеніяхъ чтецами и пѣвцами, долженъ быть признанъ вопросомъ большой важности, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и трудности, потому что дѣло идетъ не о развитіи только музыкальной техники, не объ изученіи только церковнаго устава или письмоводства, но—вмѣстѣ съ этимъ—о воспитаніи религіознаго чувства, а также о развитіи богословскаго смысла. Дѣло это настолько важно, что требуетъ самаго серьезнаго къ себѣ отношенія, а вопросъ объ его постановкѣ настолько сложенъ, что не можетъ быть раз-

смотрѣнь въ настоящихъ замѣткахъ: для этого нужна специальная статья, основанная не только на теоретическихъ соображеніяхъ, но и на знакомствѣ съ фактической постановкою дѣла, какъ бы она ни была несовершенна. Пока же это дѣло не организовано, какъ слѣдуетъ, приходится возлагать въ этомъ отношеніи надежды на наши духовно-учебныя заведенія, не только мужскія, но и женскія: желательно, чтобы они были разсадниками хорошаго церковнаго чтенія и пѣнія.

Однако, какъ бы хорошо ни былъ подготовленъ псаломщикъ извѣстной церкви къ прохожденію своихъ обязанностей, какъ бы ни былъ онъ усерденъ въ ихъ отправленіи, его единичныхъ силъ недостаточно для обезпеченія благолѣпія въ церковномъ пѣніи даннаго прихода, и это—прежде всего—потому, что „каждый человекъ смертенъ“, какъ это часто повторяется въ учебникахъ логики: если благолѣпіе пѣнія держалось на одномъ псаломщикѣ, то оно неминуемо должно пасть съ его смертію или—чтобы не говорить объ этомъ грозномъ явленіи—съ его переходомъ въ другой приходъ. Да и силы одного человека настолько ограничены, что нельзя возлагать на его плечи непомерной тяжести. Къ этому нужно прибавить, что сила впечатлѣнія, производимаго церковнымъ пѣніемъ, зависитъ отъ употребленія не мелодій только, но и „гармоническихъ и полифоническихъ формъ музыкальнаго выраженія идей и душевныхъ настроеній“: какъ ни хорошо пѣніе псаломщика, оно по силѣ впечатлѣнія не можетъ сравниться съ пѣніемъ хорошаго хора. Вотъ почему заботы всѣхъ, любящихъ благолѣпіе дома Божія, и прежде всего—священника, естественно направляются къ созданію при церквахъ пѣвческихъ хоровъ. При городскихъ церквахъ такіе хоры существуютъ сравнительно съ давнихъ временъ; но, къ сожалѣнію, исторія выдвигаетъ не мало темныхъ сторонъ въ ихъ организациіи и дѣятельности. Дѣло въ томъ, что пѣвчіе въ эти хоры набираются „съ бору да съ сосенки“, лишь бы они обладали голосомъ,—о нравственныхъ качествахъ обыкновенно не спрашивается. Равнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣ-

латься регентомъ церковнаго хора, достаточно обладать кое-какими свѣдѣніями въ церковно-пѣвческой техникѣ: о музыкальномъ вкусѣ, не говоря уже о пониманіи духа церковной музыки, о религіозномъ чувствѣ или богословскомъ смыслѣ,—говорить не приходится. При такомъ составѣ церковнаго хора легко ли ему приблизиться въ своемъ пѣніи къ намѣченному выше идеалу? Гдѣ тутъ условія для разумнаго и прочувствованнаго исполненія церковныхъ пѣснопѣній? Въ большинствѣ случаевъ (имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, небольшіе провинціальныя хоры) заботы регента сводятся къ тому, чтобы въ теченіе года поставить возможно больше „партесныхъ“ пьесъ, которыя могли бы служить „гвоздемъ“ того или другого праздничнаго богослуженія. На исполненіи подобныхъ пьесъ и сосредоточивается обыкновенно вниманіе хора во главѣ съ его руководителемъ; что же касается исполненія обычныхъ пѣснопѣній (особенно „Господи, помилуй!“), то оно зачастую поражаетъ своею небрежностью: пусть припомнитъ читатель, часто ли ему приходилось слышать „Видѣхомъ свѣтъ истинный“ или „Да исполнятся уста наша“ въ *истовомъ* хоровомъ исполненіи.

А такія пѣснопѣнія, которыя сообщаютъ свой особый колоритъ богослуженію того или другого праздника,—эти художественныя узоры на канвѣ повседнежнаго богослуженія (стихиры, прокимны, ирмосы канона),—оставляются обыкновенно совсѣмъ въ тѣни: стихиры читаются, а не поются, прокимны поются не на гласъ, а речитативомъ, изъ ирмосовъ канона избираются для исполненія ирмосы катавасіи, и въ результатѣ—богослуженіе извѣстнаго праздника теряетъ свой колоритъ. Такое именно впечатлѣніе испыталъ пишущій эти строки, прослушавъ всенощное бдѣніе подъ праздникъ Срѣтенія Господня въ видной церкви одного не незначительнаго города. Сколько повзні въ богослуженіи этого праздника, напр., въ стихирахъ на „Господи воззвахъ“ (Богоносе Симеоне! кого нося на руку радуешься? кому зовеша и вопіеша?“ и т. д.) или въ припѣвахъ къ тропарямъ 9-ой пѣсни канона („Богоносе

Симеоне! приди-подыми Христа“, „Не старецъ Мене держить, но Азь держу его, той бо отъ Мене отпущенія просить“ и т. д.)? И все это было выброшено за бортъ! За то въ вычурныхъ пьесахъ недостатка не было... Прибавьте къ этому, что для пѣвчихъ зачастую ничего, кромѣ регентской руки, не существуетъ: стоятъ они задомъ къ алтарю, креститься—не крестятся, во время клиросаго чтенія переговариваются, а иной разъ и пересмѣиваются,—и вы согласитесь, что не такому бы „лику“ надо предводительствовать православными христіанами въ пѣсенномъ прославленіи Господа. Однако и этимъ темныя стороны въ организаціи многихъ изъ современныхъ хоровъ не исчерпываются: чтобы испить чашу душевной горечи до конца, надо вмѣстѣ съ пѣвчими выйти изъ храма,—окажется, что изъ дома Божія путь ихъ лежитъ въ... трактиръ или харчевню. Конечно, между пѣвчими изъ трактирныхъ завсегдатаевъ попадаются подчасъ и такіе, которые возвышаются порою до настоящаго вдохновенія въ исполненіи церковныхъ пѣснопѣній, но этимъ не ослабляется значеніе того положенія, что трактиръ представляетъ плохую школу нравственнаго воспитанія для церковныхъ пѣвчихъ, особенно—изъ малолѣтокъ. Не тамъ бы имъ нужно искать вдохновенія!..

Слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время начинаютъ обращать серьезное вниманіе на темныя стороны въ организаціи нашихъ пѣвческихъ хоровъ. Слышно, что синодальный хоръ (въ Москвѣ) служитъ для пѣвчихъ—малолѣтокъ доброю школою нравственнаго воспитанія, а въ пермской епархіи преподана церковнымъ хорамъ инструкція, утвержденная преосвящ. Петромъ 30 іюня 1901 г. По правиламъ этой инструкціи, церковный хоръ прежде всего долженъ помнить, что онъ служитъ великому и святому дѣлу, а потому какъ въ отношеніи внѣшняго благоповеденія во храмѣ, такъ и въ отношеніи исполненія церковныхъ пѣснопѣній долженъ быть усерднымъ, внимательнымъ и благоговѣйнымъ (§ 1); хоръ во время богослуженія способствуетъ назиданію, просвѣщенію и спасенію стоящихъ въ храмѣ, а потому долженъ имѣть выразительно

и настолько ясно, чтобы каждый молящийся могъ слышать и понимать смыслъ исполняемыхъ церковныхъ пѣснопѣній (§ 8); всѣ пѣснопѣнія церковныя должны быть уяснены по своему смыслу пѣвцами, ибо при этомъ только условіи они могутъ исполняться разумно и съ должнымъ благоговѣніемъ (§ 16)¹⁾.
 Хорошая инструкція! Можно думать, что она не останется безъ дѣйствія, хотя, конечно, въ ней нельзя видѣть радикальнаго средства противъ тѣхъ недуговъ, которыми страдаютъ наши церковныя хоры. Намъ кажется, церковный хоръ тогда будетъ стоять на должной высотѣ не только или даже не столько въ техническомъ, сколько въ религіозно-правственномъ отноше-
 ніи, когда онъ не возникнетъ при церкви механически—путемъ найма, а образуется *органически*—путемъ свободнаго объединенія на церковномъ клиросѣ такихъ прихожанъ (дѣтей и взрослыхъ обоюбого пола), которые—при наличности извѣстныхъ голосовыхъ средствъ—обладаютъ и усердіемъ къ храму, и любовію къ церковному пѣнію. Создать такую организацію—это задача приходскаго пастыря, подчасъ болѣе трудная, нежели даже скопить деньги на наемъ готоваго хора. Особенно это нужно сказать о городскихъ приходсахъ. Въ сельскихъ приходсахъ, гдѣ составъ прихожанъ отличается болѣе устойчивостью, осуществить эту задачу легче, хотя и тамъ дѣло не обходится безъ тормазовъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести прежде всего отвлеченіе прихожанъ отъ храма въ лѣтніе мѣсяцы полевыми работами. Даже и правильно организованный хоръ сельской церкви до нѣкоторой степени разстраивается въ это время,—особенно, если не получаетъ подкрѣпленія со стороны учащейся молодежи, возвращающейся въ родныя гнѣзда на каникулы, главнымъ образомъ—духовнаго происхожденія, хотя приходилось встрѣчать сельскіе хоры, подкрѣпляемые въ каникулярное время гимназистами и институтками. Разумѣется, составить церковный хоръ изъ прихожанъ возможно только для того пастыря, который—по выраженію „Книги о должностяхъ пресвитеровъ“—„за всякимъ

¹⁾ Прибавл. къ „Церк. Вѣд.“ за 1901 г., № 40, стр. 1462.

своимъ прихожаниномъ смотритъ, всякое состояніе надзираетъ и знаетъ совершенно“. Надежнымъ пособіемъ для него въ этомъ дѣлѣ является школа,—подъ условіемъ, конечно, если священникъ имѣетъ къ ней самое близкое отношеніе: она будетъ поставлять основной кадръ пѣвчихъ для церковнаго хора¹⁾. И мы знаемъ, что многіе пастыри уже стоятъ на этомъ пути въ дѣлѣ организаціи церковныхъ хоровъ; но знаемъ и такихъ пастырей, которые, подавляемые или соблазняемые начальственными предписаніями относительно организаціи хоровъ, приправленными обѣщаніемъ наградъ, а то и угрозами, прибѣгаютъ за помощью къ церковному копелю: они привлекаютъ прихожанъ—пѣвчихъ на клиросъ денежными поощреніями. Пожалуй, такимъ путемъ цѣль достигается скорѣе и легче, но за то въ пѣвческую среду вносится тотъ элементъ наемничества и денежныхъ расчетовъ, который такъ часто портитъ городскіе хоры: начинаются денежныя сдѣлки, капризы солистовъ изъ-за размѣра денежной платы, соединенные съ угрозами оставить хоръ; хоръ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на извѣстнаго рода *силу*, связанную съ храмомъ и приходомъ не нравственною, а юридическою связью; участіе въ хорѣ начинаетъ цѣниться съ точки зрѣнія доставляемаго имъ заработка, а не со стороны внутренняго удовлетворенія, доставляемаго тому или другому лицу самымъ дѣломъ; наконецъ, входятъ въ обычай и засѣданія пѣвчихъ послѣ церковной службы въ деревенскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ.

Чтобы показать, что мысли о свободномъ объединеніи прихожанъ—дѣтей и взрослыхъ—въ церковномъ хорѣ не совсѣмъ далеки отъ реальной дѣйствительности, позволю себѣ привести отрывокъ изъ воспоминаній г. Горбова о школахъ, руководимыхъ извѣстнымъ дѣятелемъ по народному образо-

¹⁾ „Въ нашихъ сельскихъ церквахъ и чтець, и оба клира соединены въ лицѣ одного, по большей части безголосаго, дьячка. Но гдѣ же *людіе*, столь нужные намъ при этой бѣдности? Пока, — отвѣчаетъ С. А. Рачинскій, — въ распоряженіи нашемъ только людишки — очень малые, очень глупенькіе—ученики нашихъ бѣдныхъ сельскихъ школъ. Но—терпѣвіе! Людишки эти станутъ людьми“. („Сельская школа“. Изд. 2, стр. 214).

ванію, С. А. Рачинскимъ (воспоминанія помѣщены „вмѣсто предисловія“ ко *второму* изданію статей Рачинскаго о сельской школѣ). „Это было,—вспоминаетъ г. Горбовъ,—прекраснымъ лѣтнимъ утромъ. Я пріѣхалъ „въ гости“ въ (Глуховскую) школу, ибо каникулы проводилъ частью въ Татевѣ, частью у родныхъ, а въ Глуховѣ почти не бывалъ. Пѣвчіе, находившіе возможность пѣть въ церкви и въ трудное для крестьянъ лѣтнее время, спозаранку собрались и готовились къ обѣднѣ. Въ школу случайно зашелъ сосѣдній помѣщикъ, человекъ старый, выросшій въ иное время и нисколько не сочувствовавшій вознѣ съ деревенскими ребятишками. И мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ классѣ, залитомъ солнцемъ; въ открытыя окна доносилась вся музыка лѣтняго утра, вся прелесть утренней прохлады. Не диво было, что я залюбовался на сгѣвавшихся ребятъ: вѣдь каждый изъ нихъ мнѣ былъ знакомъ, каждый милъ и дорогъ. Но вотъ смотрю я на моего гостя: онъ плачетъ.—Что съ вами? вы нездоровы?—Нѣтъ... хорошо вотъ... И что же это?... Вѣдь это тѣ же... деревенскіе мальчишки... Кто бы думалъ“? Эта картинка даетъ нѣкоторое представленіе о томъ *духѣ*, которымъ проникнуть былъ глуховскій церковно-школьный хоръ, составленный изъ мѣстныхъ крестьянъ. Конечно, не легко рядовому сельскому пастырю достигнуть тѣхъ результатовъ въ постановкѣ церковнаго пѣнія и организаціи хора, какихъ достигъ Рачинскій при его любви къ школьному дѣлу, исключительной ему преданности, обширныхъ матеріальныхъ средствахъ и т. п. Последній и самъ признаетъ это, не скрывая тѣхъ трудностей, съ которыми связана надлежащая организація хорового церковнаго пѣнія (см. объ этомъ въ его статьѣ „Народное искусство и сельская школа“, а также въ первомъ и третьемъ отрывкахъ „Изъ записокъ сельскаго учителя“); но да не ослабятъ эти трудности энергіи добрыхъ пастырей, а прихожане, любящіе благолѣпіе дома Божія, да придутъ имъ на помощь!.. Независимо отъ усердія пастырей и прихожанъ, необходимы, конечно, и мѣры *общаго* характера, направленные къ подъему

у насъ, на Руси, хороваго церковнаго пѣнія, въ родѣ школь для приготовленія регентовъ для церковныхъ хоровъ, курсовъ для обученія пѣнію учителей народныхъ школь и т. д.; но сужденіе объ этихъ мѣрахъ выходитъ за предѣлы нашей компетентности, а равно и за границы, поставляемыя ближайшей задачей предлагаемаго очерка, трактующаго о *храмѣ*, какъ предметѣ *пастырскаго* попеченія. Къ сказанному объ организаціи пѣнія въ нашихъ церквахъ прибавимъ только, что въ высшей степени желательно, чтобы своды нашихъ храмовъ почаще оглашались всенароднымъ пѣніемъ. Правда, оно никогда не можетъ подняться до той ступени техническаго совершенства, на какой стоятъ даже скромные сельскіе хоры, но за то оно могуче дѣйствуетъ на душу своею дружною силой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Кудрявцевъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1902 году.

Въ 1902 подписномъ году и 43 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло — служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ уяснено отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы послынные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно

обработанные рассказы из жизни духовенства или из религиозной жизни общества.

В ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, разсылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни, въѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступающемъ 1902 подлинномъ году Редакція „Рук. д. с. наст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хороваго исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благотворительныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ. Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 10 декабря 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, декабря 23-го.

Содержаніе: Праздникъ Рождества Христова въ вертепѣ вифлеемскомъ.—
Изъ замѣтокъ о храмѣ (окончаніе). — Закопъ Божій въ школѣ.—
О соблюденіи общепринятыхъ приличій священникомъ.

Праздникъ Рождества Христова въ вертепѣ вифлеемскомъ.

Величайшій праздникъ Церкви православной—Рождество Христово — съ древнѣйшихъ временъ и доселѣ предваряется и сопровождается продолжительными приготовленіями вѣрующихъ, въ высшей степени трогательными и торжественно-умилительными пѣснопѣніями и церковными служеніями, особенно въ канунъ и въ самый день этого праздника. Но духовныя торжества въ этотъ день на самомъ мѣстѣ Рождества Христова, въ вертепѣ вифлеемскомъ, къ которому обращена мысль вѣрующаго человека со всѣхъ концовъ вселенной, принимаютъ особенно грандіозные размѣры, и на всѣхъ, кому выпало счастье хотя бы разъ въ жизни провести эту спасительную ночь близъ яслей Христовыхъ, производятъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе. Такое утѣшеніе и счастье выпало на нашу долю, въ бытность нашу на Востокѣ. Съ

читателями настоящихъ строкъ мы и рѣшаемся подѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія сохранились въ нашей памяти и въ нашемъ сердцѣ о ночи на Рождество Христово въ вертепѣ вифлеемскомъ.

Въ канунъ Рождества Христова, 24 декабря, іерусалимскій патріархъ рано утромъ съ многочисленною свитою, состоящею изъ архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ, діаконовъ и кавасовъ (тѣлохранителей патріаршихъ), выѣхалъ ¹⁾ на великолѣпномъ конѣ изъ Іерусалима въ Вифлеемъ. Вся свита патріарха въ извѣстномъ, заранѣе установленномъ, порядкѣ, предшествуемая патріаршимъ драгоманомъ съ жезломъ патріарха, ѣхала передъ патріархомъ также на коняхъ верхами. Толпы богомольцевъ различныхъ національностей, разодѣтыхъ въ праздничные цвѣтные костюмы, переполняли дорогу по направленію изъ Іерусалима къ Вифлеему, сиѣша на предстоящія торжества, къ богослуженію. При проѣздѣ торжественной патріаршей кавалькады, богомольцы уступали дорогу и, обнажая головы, кланялись почтительно главѣ іерусалимской церкви, непрестанно благословлявшему народъ.

¹⁾ Обычай выѣзжать патріарху іерусалимской церкви со своими клириками для торжественнаго богослуженія въ день Рождества Христова въ Вифлеемъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. О немъ ясно говоритъ св. Софроній, патріархъ іерусалимскій (634—644) въ одномъ изъ тронарей, такъ называемыхъ, у насъ царскихъ часовъ, совершаемыхъ въ канунъ этого праздника. „Приидите вѣрніи, поетъ на шестомъ часѣ Св. Церковь словами названнаго пѣснотворца, *возведемся божествомъ, и видимъ схождение божественное свыше, въ Вифлеемъ къ намъ явленію: и умою очистившеся житіе принесемъ добродѣтели, вмѣсто мвра *предъупотвляюще вѣрно рождественныя входы* отъ душевныхъ сокровищъ зовуще: въ вышнихъ слава Богу, сущему въ Троицѣ, Его же въ челоуѣцѣхъ благоволеніе явися, Адама избавляя первородныя влѣтвы, яко челоуѣколюбецъ“ (Мин. Декабрь. М. 1894 г., л. 199). Икосъ настоящаго праздника говоритъ о томъ, что вертепъ вифлеемскій былъ предъ глазами совершителей службы въ честь даннаго праздника: „Едемъ Вифлеемъ отверзе, *приидите видимъ, придите примемъ сушая райская внутрь вертепа. Сею ради къ нему идемъ, гдѣ родися отроча младо предвѣчный Богъ*“ (л. 216).*

Свита патріарха, по мѣрѣ удаленія отъ Іерусалима, постепенно росла въ своей численности. Шейхи, старѣйшины мѣстныхъ арабскихъ общинъ, разодртые въ сѣрме бурнусы и цвѣтныя чалмы, на своихъ рѣзвыхъ скакунахъ выѣзжали на встрѣчу патріарха и присоединялись къ его свитѣ. У монастыря св. пророка Іліи, находящагося на полпути между Іерусалимомъ и Виѣлеемомъ, патріархъ сошелъ съ коня и былъ привѣтствованъ игуменомъ этой обители и представительными виѣлеемскими шейхами, которые ввели его и свиту въ нарочито для сего устроенныя и убранныя по праздничному палатки и предложили всѣмъ краткій отдыхъ и восточное угощеніе—стаканъ воды съ вареньемъ, ликеръ и кофе. Послѣ небольшого отдыха въ палаткахъ, патріархъ и его свита снова сѣли на своихъ коней и продолжали путь далѣе, къ Виѣлеему. Число шейховъ теперь еще замѣтнѣе увеличилось въ свитѣ патріарха. Шейхи, желая показать свои удалы и молодечество и доставить пріятное зрѣлище дорогимъ гостямъ, перѣдко отдѣлялись отъ кавалькады, пускались во весь карьеръ, обгоняя другъ друга, стрѣляли изъ ружей и вообще продѣлывали всякаго рода скаковыя и молодеческія упражненія, называемыя на мѣстномъ языкѣ „фантазіями“.

При вѣздѣ патріарха въ Виѣлеемъ его радостно привѣтствуютъ толпы богомольцевъ и зрителей изъ мѣстныхъ обывателей. Всѣ крыши чистенькихъ бѣленькихъ домиковъ Виѣлеема переполнены зрительницами—женщинами, окутанными въ бѣлую чадру, и ихъ многочисленными дѣтьми, высыпавшими изъ любопытства сюда, чтобы видѣть торжественный вѣздъ въ городъ патріарха и его свиты. Предъ самой Виѣлеемской базиликой, на той площадкѣ, покрытой плитами и остатками колоннъ, гдѣ въ древнее время находился дворъ ея, растилается коверъ, и сюда для встрѣчи патріарха выходитъ виѣлеемское духовенство съ игуменомъ во главѣ (роль его исполняетъ одинъ изъ архіереевъ патріаршаго синода) въ священномъ облаченіи, имѣя въ рукахъ икону Рождества Христова, евангелія и другія святыни. Духовенство располагается ряда-

ми по правую и лѣвую сторонамъ разостланнаго ковра. Патріархъ, сойдя съ коня, становится на коверъ, надѣваетъ мантию и беретъ въ руки жезлъ, а затѣмъ, поцѣловавши игумена, начинаетъ шествовать черезъ низкія двери западнаго входа во внутрь самой базилики. Духовенство рядами идетъ впереди, а два діакона, съ кадилами, предшествуютъ патріарху и его свитѣ, при чемъ пѣвцы поютъ тропарь праздника: „Рождество твое, Христе Боже нашъ“. Патріархъ черезъ базилику проходитъ не останавливаясь, и направляется прямо во свитую пещеру Рождества Христова черезъ южную дверь. Спустившись въ пещеру, патріархъ беретъ въ руки кадило и девять разъ кадитъ мѣсто Рождества Христова, потомъ покланяется передъ нимъ и, ставъ въ сторону, ожидаетъ, пока не совершатъ поклоненія всѣ архіереи. Затѣмъ, обратившись назадъ къ св. яслямъ, кадитъ девять разъ и ихъ, покланяется имъ и также ожидаетъ, когда совершатъ поклоненіе здѣсь сопровождающіе его архіереи. По выходѣ изъ св. пещеры Рождества Христова черезъ сѣверную дверь, патріархъ направляется къ трону, стоящему посреди храма, противъ царскихъ дверей, благословляетъ народъ на четыре стороны, при пѣніи „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“ и вступаетъ въ тронъ для слушанія литургіи съ вечернею ¹⁾).

Принято, чтобы русскій генеральный консулъ, какъ представитель Россіи, защитницы интересовъ православія на Востокъ, непременно присутствовалъ въ этотъ праздникъ на всѣхъ службахъ въ Виѳлеемѣ со всею своею свитою, и тѣмъ еще болѣе придавъ настоящему торжеству блеска и пышности. Консулъ со своею свитою отправляется въ Виѳлеемъ въ открытыхъ коляскахъ, сопровождаемыхъ многочисленнымъ штатомъ кавасовъ. И кавасы и арабы ѣдутъ верхами на коняхъ. На пути, близъ названнаго нами монастыря св. пророка Іліи, консула и его свиту встрѣчаютъ знатные шейхи и вводятъ ихъ для отдыха, въ приготовленные для сего палатки, а по-

¹⁾ За вечернею, по принятому на Востокѣ обычаю, совершается патріархомъ благословеніе хлѣбовъ.

томъ сопровождають его съ „фантазіями“ до самаго Виолема. По приѣздѣ въ городъ, консуль и его свита входятъ въ базилику и занимають мѣста близъ патриаршаго трона, присутствуя при совершеніи вечерняго богослуженія.

Изъ храма, по окончаніи богослуженія, патриархъ со свитою и русскій консуль съ сопровождающими его чинами консульства поднимаются вверхъ въ монастырскія гостинницы и занимають приготовленные для нихъ помѣщенія. При заходѣ солнца, всѣ почетные гости садятся за постную трапезу, а затѣмъ расходятся на краткій отдыхъ до начала звона къ ночному богослуженію, начинающемуся около девяти съ половиной часовъ вечера.

Чтобы ясно представляли наши читатели порядокъ рождественскаго богослуженія, совершаемаго въ вертепѣ виолеемскомъ, намъ необходимо дать краткое описаніе базилики и пещеры, въ которыхъ находятся достопокланяемые мѣста—Рождества Христова и святыхъ яслей, „въ нихже возлеже не вмѣстимый Христосъ Богъ нашъ“.

Относительно времени происхожденія виолеемской базилики ученые и доселѣ не пришли къ опредѣленному, точно формулированному, мнѣнію: одни, основываясь на свидѣтельствѣ историка Евсевія, говорящаго о сооруженіяхъ на мѣстѣ виолеемской пещеры храма св. Еленою, считаютъ ее за постройку IV вѣка ¹⁾, времени царствованія императора Кон-

¹⁾ Знатная паломница конца IV вѣка Сильвія Аквитанская дѣлаетъ краткія замѣчанія о виолеемской базиликѣ и ея убранствѣ, но и изъ этихъ замѣчаній ясно видно, что убранство это отличалось роскошью. „Тамъ, по словамъ паломницы, не увидишь ничего, кромѣ золота, драгоценныхъ камней, шелка: если посмотришь на ткани, то онѣ чистаго шелка, шитыя золотомъ, если посмотришь на завѣсы, онѣ также чистаго шелка, шитыя золотомъ. Сосуды же всѣ выносятся въ этотъ день золотые, украшенные каменьями. И кто можетъ оцѣнить или описать число и вѣсь свѣщниковъ, лампадъ большихъ и малыхъ и разнообразныхъ сосудовъ? Не говорю уже объ украшеніи самой постройки, которую Константинъ, въ присутствіи матери своей, украсилъ насколько дозволяли

стантина, а другіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ архитектурныя ея особенности, относятъ времена ея происхожденія къ VI вѣку императора Юстиніана. Последнее мнѣніе особенно въ наше время начинаетъ брать перевѣсъ надъ первымъ (Изв. русск. археол. инстит. въ Конст. 1900 г. в. VI стр. 236). По дѣло въ томъ, что базилика вилеємская имѣла несомнѣнно длинную и многострадальную исторію и успѣла за долгое время своего существованія пережить много перемѣнъ и наслоеній со стороны различныхъ историческихъ теченій. Въ настоящемъ своемъ видѣ, что для нашей цѣли важнѣе всего, базилика эта пятинефная или пятикорабельная, расчлененная четырьмя рядами коринѣскихъ колоннъ. Транзентъ (поперечная зала) одинаковой высоты и ширины съ среднимъ продольнымъ кораблемъ и имѣетъ закругленные концы, выступающіе наружу, въ видѣ абсидовъ (полукружій). Абсидъ алтарный устроенъ такимъ образомъ, что сначала сдѣланъ глубокій, но симметричный прямоугольный выступъ, въ ширину трехъ среднихъ кораблей, взятыхъ вмѣстѣ, а потомъ къ задней стѣнѣ этого выступа придѣланъ новый, полукруглый выступъ, прямо противъ средняго корабля, въ ширину его. Такимъ образомъ, широкій средній корабль, если брать въ расчетъ пространство съ транзентомъ, есть самый длинный, два ближайшіе къ нему боковые корабли—короче, крайніе же, два дальнѣйшіе боковые корабли, еще короче. Верхнія стѣны средняго и поперечнаго кораблей прорѣзаны окнами, которыя доставляютъ сверху обильный свѣтъ. Кровля базилики двускатная, съ фронтонами на переднемъ и заднемъ фасадахъ, и поддерживается балками изъ кипариса и кедра съ вершинъ Ливана, видимыми изнутри базилики. Потолокъ въ базиликѣ отсутствуетъ.

средства его царства, золотомъ, мусіей и драгоценными мраморами—какъ большую церковь, такъ Воскресеніе, и Крестъ, и *прочія святія мѣста въ Иерусалимѣ*“ (Прав. палест. сборн., т. VII, в. II, стр. 145). „Въ Вилеємѣ же эта обстановка соблюдается ежедневно въ теченіи восьми дней“ (тамъ же, стр. 146).

Въ настоящее время транзептъ съ абсидомъ, входящійся надъ пещерою Рождества Христова и имѣющіе нѣсколько приподнятый надъ общимъ основаніемъ деревянный полъ, отдѣлены отъ остального пространства базилики невысокою деревянною перегородкою, въ которой продѣланы три входныя двери: изъ средняго и крайнихъ боковыхъ нефовъ. Транзептъ и абсидъ и составляютъ въ настоящее время храмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а нефы или корабли базилики, отдѣленные перегородкою, въ обычное время исполняютъ роль двора, мѣсто отдыха горожанъ, скрывающихся сюда, подъ своды этого древняго храма, отъ жгучихъ лучей солнца, чтобы отдохнуть и поболтать съ пріятелями, а иногда даже служить казармою для солдатъ и т. п. Только въ праздникъ Рождества Христова, когда стеченіе богомольцевъ въ Виолеемъ бываетъ громадно, и когда внутренняя литанія совершается по всему храму, эти нефы виолеемской базилики исполняютъ свое прямое назначеніе—служить мѣстомъ молитвы христіанъ. Даже въ канунъ Рождества Христова, когда совершалась въ присутствіи патріарха литургія съ вечернею, мы видѣли здѣсь цѣлую толпу ребятишекъ мѣстныхъ обывателей, игравшихъ въ мячъ и бѣгавшихъ взапуски съ крикомъ и визгомъ, смѣшивавшимся съ пѣніемъ церковныхъ пѣсней.

У самой перегородки, отдѣляющей транзептъ отъ нефовъ, съ лѣвой стороны, устроенъ высокій амвонъ для чтенія Евангелія и произнесенія проповѣдей, съ витою къ нему лѣстницею. Съ правой стороны за треномъ архіерея находится вертепъ Рождества Христова, имѣющій входы съ сѣвера и юга, со спусками внизъ по мраморнымъ лѣстницамъ. Длина вертепа около 37 футовъ, ширина около 8 футовъ, а высота 7 футовъ, слѣдовательно, размѣры этого достопокланяемаго мѣста весьма значительны. Стѣны вертепа задрапированы гобеленами ярко-багроваго цвѣта, а полъ устланъ плитами изъ бѣлаго мрамора.

При спускѣ въ пещеру по южной лѣстницѣ, на востокъ находится мѣсто Рождества Христова, покрытое мраморомъ

и обложенное серебромъ въ видѣ звѣзды имѣющей на себѣ латинскую надпись: „Nis de Virgine Maria Iesus Christus natus est“. Надъ этимъ мѣстомъ устроенъ мраморный навѣсъ, верхняя доска котораго служить престоломъ для православныхъ и армянъ, а внутри его неугасимо горять многочисленныя лампы—плодъ усердія разныхъ христіанскихъ народовъ изъ почтенія къ данному мѣсту. Въ южной части пещеры стоятъ ясли Спасителя, представляющія мраморный полированный ящикъ небольшихъ размѣровъ. Здѣсь также горять лампы. Близъ яслей устроенъ католиками престолъ „трехъ королей“, т. е. волхвовъ, которые приходили поклониться новорожденному Спасителю (Матѳ. II, 11). Съ законтѣлаго потолка вертепа спускается множество лампадъ, возжигаемыхъ, при богослуженіяхъ въ торжественные случаи.

Заслуживаетъ упоминанія, при описаніи виолеемской базилики, пристройка съ правой стороны алтарнаго абсида, служившая въ древнее время сосудохранилищею, а нынѣ превращенная въ крещальню¹⁾. Въ древнее время для крещенія

¹⁾ На Востокѣ съ глубокой христіанской древности и до нашихъ дней держится обычай откладывать крещеніе дѣтей до кануновъ великихъ праздниковъ. Въ Виолеемѣ, въ частности, мѣстные христіане-арабы приурочиваютъ крещеніе своихъ новорожденныхъ дѣтей къ кануну Рождества Христова по соображеніямъ чисто практическаго свойства. Къ этому дню собиравтся массы богомольцевъ въ Виолеемъ съ разныхъ концовъ свѣта, а, слѣдовательно, для туземцевъ-отцевъ представляется полная возможность дѣлать выборъ кумовьевъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ къ празднику „бакшингъ“. Виолеемскіе арабы обращаются съ просьбою воспринять отъ купели ихъ дѣтей къ первому попавшемуся на глаза паломнику, лишь бы онъ выдѣлялся изъ общей массы толпы своимъ костюмомъ, который не безъ основанія считается ими за признакъ ихъ матеріальной состоятельности. И, нужно сказать правду, рѣдко кто изъ нашихъ паломниковъ или паломницъ считаетъ себя въ правѣ отказать отъ этого богоугоднаго дѣла. Всякій почти съ готовностію становится у купели, въ которой мѣстные священники за одинъ разъ крестятъ по нѣскольку дѣтей. нашихъ паломниковъ самыми убѣдительными доводами на это доброе дѣло располагаютъ батюшки-арабы, въ тайнѣ питающія надежду получить за свой трудъ не *три лева* (24 копѣйки), какъ платятъ имъ туземцы, а по крайней мѣрѣ *бумажку* (12 или 13 левовъ), а иногда

оглашенныхъ при базиликѣ не было отдѣльныхъ помѣщеній, и крещеніе совершалось въ мраморной крестильницѣ, довольно обширныхъ размѣровъ, въ видѣ чана, стоящаго нынѣ въ одномъ изъ нефовъ базилики въ полномъ забвеніи.

Стѣны базилики когда-то блистали превосходными мозаическими изображеніями христіанскихъ праздниковъ и отдѣльныхъ святыхъ, но большинство этихъ изображеній нынѣ испорчено и осыпалось. Болѣе или менѣе удовлетворительно сохранились въ транзептѣ мозаики: Божія Матерь съ ангелами, Іоаннъ Предтеча, І. Златоустъ, входъ Господень въ Іерусалимъ и осязаніе св. апостола Ѳомы. Въ нефахъ уцѣлѣли шесть ангеловъ. Еще менѣе сохранилось памятниковъ фресковой живописи, которою были украшены колонны и стѣны нефовъ базилики. Съ трудомъ великимъ можно узнать на колоннахъ нѣсколько полуистертыхъ ликовъ преподобныхъ отцевъ.

Въ девять съ половиною часовъ вечера съ высокой новой колокольной вилеескаго храма, устроенной на средства русскихъ паломниковъ, раздался звонъ ко всеобщему бдѣнію. Звонъ одиночнаго колокола скоро смѣнился трезвономъ „во вся тяжкая“, возвѣстившимъ богомольцамъ, что къ богослуженію шествовалъ самъ патріархъ св. Града съ своимъ синодомъ. Патріархъ, вступивъ въ крещальню, облачился здѣсь

и того болѣе. Арабъ-отецъ не остается въ накладѣ, такъ какъ ему отъ щедрыхъ паломниковъ-кумовьевъ остаются ризки, крестъ и нѣсколько рублей „на зубокъ“ крестнику. Довольны батюшки, благодарны отцы крещаемыхъ дѣтей, не скорбятъ и наши странники, совершивъ „Божье дѣло“... Говорятъ, что нѣкоторые изъ туземцевъ, зная щедрость нашихъ „матушекъ“ (такъ они называютъ нашихъ поклонницъ), нарочито крестятъ своихъ дѣтей по нѣскольку разъ, чтобы только получить соблазнительный „бакшишъ“, къ которому крайне равнодушенъ палестинскій арабъ. Во всякомъ случаѣ, кто бывалъ въ Палестинѣ и въ Вилеесѣ, тотъ хорошо знаетъ, какъ докучливо пристають къ нашимъ паломникамъ „вилеескіе пастыри“ нашего времени съ предложеніями—окрестить дѣтей брата, сестры и вообще родственниковъ, въ надеждѣ, конечно, на щедрый „бакшишъ“...

въ мантию и вышелъ въ базилику, занявъ свое мѣсто въ тронѣ среди храма. Богомольцы переполнили не только транзитъ храма, но и всѣ нефы базилики, въ другое время обыкновенно пустующіе, а нѣкоторые принуждены были даже стоять на дворѣ. Вся базилика блистала огнями, горѣвшими въ многочисленныхъ лампадахъ, люстрахъ и разноцвѣтныхъ стаканчикахъ, развѣшенныхъ на веревкахъ по разнымъ ея направленіямъ.

Начало всенощнаго бдѣнія, которое называется на языкѣ мѣстнаго клира „утренею“, до каѳизмъ совершается по обычному порядку. При пѣніи поліелея, называемаго въ нотныхъ книгахъ греческой церкви начальными словами стиха изъ псалма: „Раби господа“, священники и діаконы облачаются въ священныя одежды, а затѣмъ патріархъ сходитъ съ трона, идетъ въ алтарь и надѣваетъ на себя полное архіерейское облаченіе. То же самое дѣлають и прочіе архіерен, участвующіе въ совершеніи этого богослуженія. При окончаніи поліелея, всѣ священники и діаконы выходятъ изъ алтаря и становятся въ два ряда отъ царскихъ дверей вплоть до южнаго входа въ пещеру Рождества Христова. Затѣмъ, когда окончено пѣніе поліелея, патріархъ выходитъ медленно изъ алтаря, въ сопровожденіи архіереевъ, и поетъ „косно и сладкогласно“ сѣдалень по поліелеѣ, который по своему содержанію вполне соответствуетъ празднику, мѣсту и данному моменту въ чинѣ утренняго богослуженія:

*„Прійдите, видимъ върніи, идъ родися Христосъ, послѣдуемъ прочее, а може идетъ звѣзда съ волхвы—восточными цари: его же ангели поють непрестанно тамо: пастыріе свиряють пѣснь достойную, слава въ вышнихъ глаголюще *днесъ въ вертепъ рождшемуся отъ Дѣвы и Богородицы въ Вивлемѣ іудействѣ*“.* Этотъ сѣдалень поется три раза.

Когда патріархъ со всѣмъ духовенствомъ спустится въ пещеру Рождества Христова, то кадитъ сначала по девяти разъ мѣсто Рождества Христова и божественныя ясли, а затѣмъ и весь вертепъ, имѣя двухъ діаконовъ со свѣчами впе-

реди и двухъ позади себя. Въ это время поются на гласъ 5 величанія на подобіе: „Жизнь во гробѣ полагается“, состоящая изъ слѣдующихъ стиховъ:

„Величаемъ Тя, Живодавче Христе, и чтемъ святое рождество Твое, имъ же спаслъ еси насъ отъ тлѣнія“.

„Величаемъ Тя, Иисусе Царю, въ яслѣхъ безсловесныхъ возлеглъ еси, безсловесіе человѣческое испражня“.

„Величаемъ Тя, Иисусе Боже, отъ Дѣвы, яко смертный плоть воспріимъ еси, въ вертепѣ рожденный творецъ“.

Послѣ этихъ величаній, поются антифоны четвертаго гласа, возглашается праздничный прокимень и читается патріархомъ Евангеліе о рождествѣ Спасителя (Матѣ. зач. 2), послѣ котораго патріархъ благословляетъ народъ трикиріемъ: затѣмъ читается 50 псаломъ, поются стихи, положенные по чину, стихира евангельская и произносится діакономъ молитва: „Спаси Боже“, и другимъ діакономъ сугубая ектеня за всѣхъ православныхъ христіанъ, патріарха, Императора, Императрицу и Наслѣдника Россіи, короля, королевы, наследника и его супруги греческихъ, короля, королевы и наследника румынскихъ, короля, королевы и наследника сербскихъ, князя, княгини и наследника черногорскихъ, за архіереевъ и духовенство, за всѣхъ православныхъ христіанъ и поклонниковъ, епитроповъ и жертвователей святой богоявленной пещеры Рождества Христова. Заключивъ эту ектеню возгласомъ: „Услыши ны, Боже“, патріархъ, при пѣніи полной кавасіи и особыхъ величаній черезъ сѣверный входъ выходитъ изъ вертепа со всѣмъ духовенствомъ и совершаетъ внутреннюю литанію.

¹⁾ Величанія эти нашимъ богослужебнымъ книгамъ не извѣстны:

1) Совершаетъ нынѣ вся земля и небо праздникъ; съ нами радуются ангелы и небеса.

2) Изволивый Создатель, дабы спасти Адама, рождается въ Виеземѣ отъ Дѣвы чистыя.

3) Родъ весь человѣческій, возвеселитесь съ нами рождеству Божию въ яслѣхъ, яко чловѣка.

4) Днесъ вся земля свеселитесь вѣрно, иже сый жизни Податель младенцемъ зрится нынѣ.

Впереди процессіи идутъ мальчики въ бѣлыхъ стихаряхъ съ крестомъ, рипидами и свѣчами по бокамъ его, за ними слѣдуютъ въ два ряда священники, архимандриты и архіереи, далѣе—діаконы съ кадильницами, непрерывно совершая каждое нѣе передъ патріархомъ. Шествіе замыкаютъ въ блестящихъ мундирахъ, окруженные кавасами, чины русскаго консульства съ почетными гостями. Литанія изъ пещеры направляется черезъ сѣверныя двери по сѣверному боковому нефу базилики, поворачиваетъ на западъ и идетъ черезъ южный боковой нефъ и южныя двери въ самый храмъ, а оттуда черезъ сѣверныя двери снова въ сѣверный нефъ базилики. Такимъ образомъ литанія трижды проходитъ по базиликѣ, переполненной множествомъ богомольцевъ, которыхъ патріархъ благословляетъ направо и налево. Послѣ третьяго обхожденія, литанія вступаетъ въ средній широкій нефъ и останавливается на большомъ коврѣ, разостланномъ по срединѣ его. Патріархъ, вступивъ на этотъ коверъ, произноситъ сугубую ектеню за всѣхъ православныхъ христіанъ, за царствующіе дома православныхъ государствъ, за клиръ своей церкви, за поклонниковъ, покровителей и жертвователей святыхъ мѣстъ и въ частности пещеры Рождества Христова и, послѣ заключительнаго возгласа, со всѣми участниками въ совершеніи литіи вступаетъ

5) Въ яслѣхъ Іисуса, жизни сладость, како, яко младенцу въ нихъ поклонитися, избавителю.

6) Лишца таинственная, яже угль Христа воспримшая во чревтѣ, Ты еси Маріамъ.

7) Снизшедшему на землю Господу всяческаго поклонишася Ему ангелы и земнородніи.

8) Просвѣти мою душу, Свѣтъ мысленный, да вижу ясно Господа во плоти.

9) Дѣво Отроковице чистая, Питательница Создателя, нынѣ, яко младенца на земли, Господа млекою питаеши.

10) Ему же небесніи служители страхомъ служатъ, на земли нынѣ земнородніи покланяются благочестиво.

11) Яже естествомъ единница, въ лицахъ же Тронца сохрани рабъ своихъ, вѣрующихъ въ Тя.

12) Богородица, надежда всѣхъ христіанъ, покрый, огради, соблюди надѣющихся на Тя.

черезъ среднія двери, которыя называются царскими, въ самый храмъ и направляется внутрь алтаря. Здѣсь всѣ снимаютъ съ себя священныя облаченія. Патріархъ и нѣкоторые архіереи черезъ крещальню удаляются изъ храма для временнаго отдыха. Въ отсутствіи патріарха мѣсто его въ тронѣ занимаетъ одинъ изъ старѣйшихъ архіереевъ. Оба лика начинаютъ пѣніе канона праздника.

Епископъ-игумень, въ управленіи котораго находится виоелемская церковь, взявъ антимиць и священныя сосуды, спускается въ вертепъ и здѣсь на престолѣ надъ мѣстомъ Рождества Христова совершаетъ литургію, которую поютъ по-славянски наши русскія богомолки, въ громадномъ количествѣ собирающіяся на праздникъ въ вертепъ виоелемскій, и, не смотря на торжественность и величественность богослуженія, совершаемаго обыкновенно на непонятныхъ имъ языкахъ—греческомъ и арабскомъ, остающіяся все время холодными безучастными зрительницами однихъ лишь пышныхъ торжественныхъ церемоній и литаній. На литургіи въ вертепѣ возгласы, ектеньи въ большей своей части, апостоль и евангеліе слышатъ наши богомольцы уже на славянскомъ языкѣ, такъ какъ для этого нарочито въ служеніи здѣсь принимаютъ участіе священнослужители, владѣющіе этимъ языкомъ.

При окончаніи канона, патріархъ снова появляется въ храмѣ и, занявъ мѣсто въ тронѣ и благословивъ народъ, при пѣніи клира: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα,“ начинаетъ пѣть всѣ девять пѣсней катавасіи, а потомъ принимаетъ участіе и въ пѣніи стихирь хвалитныхъ. Послѣднюю стихирю на „И нынѣ“: „Днесь Христось въ Виоелемѣ рождается отъ Дѣвы“ поетъ сладкогласный пѣвецъ, который для сего выходитъ за солюю передъ царскія двери. Стихира эта поется трижды: первый и послѣдній разы по-гречески, а второй по-арабски.

Послѣ великаго славословія, которое поется по клиросамъ, патріархъ выходитъ на средину храма къ заранѣе приготовленной для него каѳедрѣ и здѣсь облачается. Всѣ священники на возгласъ протодіакона: „Іереи изыдите“ выходятъ

изъ алтаря въ полномъ облаченіи, имѣя въ рукахъ на блюдахъ одну изъ принадлежностей патріаршаго облаченія и подаютъ ихъ поочереди патріарху, а діаконы помогаютъ ему при облаченіяхъ. Пѣвцы въ это время поютъ праздничныя стихиры. По облаченіи патріарха и произнесеніи протодіакономъ: „Тако да просвѣтитя свѣтъ твой предъ человеки“, патріархъ благословляетъ народъ дикиріемъ и трикиріемъ и молится предъ началомъ литургіи, которая совершается обычнымъ, принятымъ для архіерейскаго священнослуженія, порядкомъ. За литургіею, совершаемою патріархомъ, все поется на языкахъ греческомъ и арабскомъ, а на славянскомъ языкѣ произносятся только нѣкоторыя ектеньи и возгласы и читаются апостоль и евангеліе. Литургія оканчивается около четырехъ часовъ утра.

Изъ храма патріархъ съ архіереями, высшимъ духовенствомъ, чинами русскаго консульства и почетными гостями, направляется въ трапезу для „розговинъ“, а затѣмъ всѣ расходятся по своимъ комнатамъ на отдыхъ. На улицахъ догораютъ пылавшіе въ теченіи ночи костры, шумъ и суета постепенно затихаютъ, такъ какъ пришлые богомольцы начинаютъ мало по малу покидать тѣсныя и совершенно не приспособленныя для подобныхъ многочисленныхъ стеченій богомольцевъ монастырскіе гостиничныя пріюты, обыкновенно переполненные знатными посѣтителями. Богомольцы-простоцы должны въ этотъ день ютиться или въ базиликѣ, или въ открытыхъ монастырскихъ портикахъ, „за не бѣ имъ мѣста, выражаясь языкомъ евангелиста Луки, *въ обители*“ (II, 7). И такое ихъ безпріютное положеніе въ этотъ свѣтлый праздникъ тѣмъ болѣе тяжелое, что ночь вилеємская наканунѣ Рождества Христова по состоянію погоды далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о восточной теплой ночи, представленіямъ, павѣяннымъ намъ, главнымъ образомъ, повѣствованіемъ св. Луки евангелиста: „И пастыріе бяху въ той же странѣ, бдяще и стрегуще стражу ношную о стадѣ своемъ“ (II, 8). Въ описываемую нами рождественскую ночь дулъ холодный

пронзительный вѣтеръ и шелъ съ рѣдкими перерывами обильный дождь (стояла настоящая восточная зима), и теплая поддевка и барашковый полушубокъ были истиннымъ благодѣніемъ для богомольца въ эту ночь... Неудивительно поэтому, что многіе богомольцы, которые уже не первый разъ являлись на богомолье въ Виѳлеемъ, не смотря на усталость отъ продолжительныхъ службъ, безъ отдыха спѣшили партіями въ Іерусалимъ въ теплыя русскія подворья „еще сущей тьмѣ“. Другіе, кое-какъ переждавъ мракъ ночи, съ разсвѣтомъ торопливо оставляли Виѳлеемъ и спѣшили посѣтить или „млечную пещеру“ или „долину пастырей“, съ которыми такъ или иначе связываются воспоминаемыя св. Церковью событія настоящаго праздника.

„Млечная пещера“ находится на востокъ отъ Виѳлеемской базилики, въ 150 шагахъ разстоянія. Пещера эта мѣловая и раздѣлена на двѣ части: въ первомъ отдѣленіи устроенъ католическій престолъ, а въ другомъ—въ безпорядкѣ валяются мѣловые осколки, которыми запасаются въ достаточномъ количествѣ наши благочестивыя богомолки и которые извѣстны въ народѣ подъ именемъ „млека Богородицы“. Растворенныя въ водѣ частицы этого „млека“ имѣютъ будто бы цѣлебную силу и помогаютъ женщинамъ „при грудницахъ“. Названіе свое эта пещера получила несомнѣнно за свой бѣлый цвѣтъ, подобный млеку, но фантазія благочестивыхъ пилигримовъ связала съ этою пещерою легенду, которая гласитъ, что въ этой пещерѣ нѣкоторое время скрывалась съ Богомладенцемъ Иисусомъ Матерь Божія. Питая млекою Спасителя отъ своихъ дѣвственныхъ персей, Пресвятая дѣва брызнула печально каплею своего млека на стѣнку этой пещеры, которая съ того времени и приняла яко-бы свой настоящій „млечный“ видъ.

„Долина пастырей“, извѣстная у паломниковъ подъ трогательнымъ названіемъ „пастушковъ“, находится отъ Виѳлеема на разстояніи получаса хода, къ востоку отъ города. Въ этой долині, по преданію, оставались на ночлегъ съ своими стадами виѳлеемскіе пастыри, чудеснымъ образомъ черезъ

ангеловъ получившіе радостную вѣсть о рожденіи Спасителя міра (Лук. II, 8—20). На этомъ мѣстѣ когда-то стоялъ обширный христіанскій надземный храмъ, слѣды котораго, въ видѣ остатковъ колоннъ, капителей, мѣста для престола и засоренной глубокой цистерны, на лицо и по настоящее время, но имѣющійся здѣсь православный храмъ нынѣ представляетъ изъ себя темную мрачную пещеру съ убогими принадлежностями христіанскаго храма и еще болѣе жалкимъ его внутреннимъ убранствомъ. Только сохранившіеся на полу остатки древней мозаики свидѣтельствуютъ о томъ, что это достопоклоняемое мѣсто нѣкогда видѣло лучшія времена и обращало на себя большее вниманіе и клира іерусалимской церкви, и православныхъ паломниковъ всего христіанскаго міра... Въ западной части этого пещернаго храма указываютъ и мѣсто явленія ангеловъ вилеємскимъ пастырямъ съ извѣстіемъ о рожденіи Спасителя. Это послѣднее обстоятельство въ связи съ формою храма, въ видѣ пещеры, несомнѣнно указываетъ намъ на то, что вилеємскіе пастыри въ ночь рождества Спасителя, оставаясь внѣ града „бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ“, находились, однако же, не въ полѣ открытомъ, а ютились и, быть можетъ, даже со своимъ стадомъ въ этой пещерѣ. Къ тому ихъ побуждало зимнее время ¹⁾—по восточному, холодное, вѣтренное и сырое...

Утромъ въ самый праздникъ Рождества Христова вилеємскій храмъ до вечера безмолвствуетъ: служеній въ храмѣ православномъ не совершается никакихъ. Но за то роскошный католическій костелъ, стоящій о бокъ съ вилеємскою базиликою, переполненъ молящимися и тамъ совершается торжественная месса подъ мощные звуки дивнаго органа... Православный патріархъ, вилеємскій владыка-игуменъ и русскій консулъ заняты пріемами визитеровъ. Мѣстные почетные старшины, называемые „шейхами“, являются теперь съ поздра-

¹⁾ „Быша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ и зима бѣ“ (Іоанн. X, 22), а праздникъ обновленія приходился въ девятый мѣсяць іудейскаго года, когда мы празднуемъ и день Рождества Христова.

вленіями, въ надеждѣ отъ своихъ почетныхъ гостей получить щедрый „бакшишъ“ за свои вчерашніи „фантазіи“.

Послѣ обѣда всѣ почетные гости и патріархъ со своею свитою отправляются назадъ въ Іерусалимъ въ томъ же порядкѣ, какъ они ѣхали и на праздникъ. Не видно теперь на пути только палатокъ для встрѣчъ, „шейховъ“ на своихъ лихихъ скакунахъ и нѣтъ того оживленія, какое по всему пути царило наканунѣ. Для временнаго отдыха и чины русскаго консульства, и патріархъ со своею свитою заѣзжаютъ на нѣкоторое время въ монастырь св. пророка Іліи, торопясь къ вечеру понасть въ Іерусалимъ.

А. Дмитріевскій.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ХРАМѢ ¹⁾.

Храмъ, какъ предметъ пастырскаго попеченія въ наше время.

Остается сказать нѣсколько словъ о *проповѣди*, какъ элементъ православнаго богослуженія: но какъ ни велико значеніе проповѣди, въ настоящей разъ рѣчь о ней будетъ коротка, потому что значеніе, а равно и характеръ проповѣди, опредѣляется не столько мѣстомъ ея въ составъ православнаго богослуженія, сколько ея положеніемъ въ системѣ пастырски-воспитательныхъ воздѣйствій на пасомыхъ. Если пастырь будетъ смотрѣть на проповѣдь лишь какъ на элементъ (дополненіе или даже украшеніе) богослуженія, то ему грозитъ опасность замкнуть свое слово въ предѣлы храма, тогда какъ оно должно слышаться и за его предѣлами „благовременнѣ и безвременнѣ“ (не только при совершеніи богослуженія, но и внѣ его), а при составленіи проповѣди—сосредоточить свое вниманіе на логической или риторической ея обработкѣ, тогда какъ главное вниманіе пастыря при проповѣдываніи слова Божія должно быть обращено на приспособленіе проповѣди

¹⁾ См. № 51 за 1901 г.

къ запросамъ и уровню религіозно-нравственнаго развитія слушателей, хотя бы при этомъ пришлось пожертвовать логическою стройностью или художественною красотою. Проповѣдничество—это учительская функція пастырской дѣятельности, проповѣдникъ—тотъ же учитель, а потому къ проповѣдничеству въ значительной степени примѣнимы тѣ требованія, которыя предъявляются къ преподаванію. Наша средняя школа хорошо знаетъ два типа хорошихъ учителей (разумѣется, съ переходными оттѣнками между этими типами): есть учителя широко образованные, знающіе свой предметъ, обладающіе даромъ хорошаго изложенія, которые преподають учащимся урокъ въ видѣ получасовой лекціи, логически расчлененной и закругленной, стилистически отдѣланной, воодушевленно произнесенной; давши такой урокъ-лекцію, обладающую несомнѣнными внутренними достоинствами, преподаватель считаетъ свою задачу почти оконченной: ему остается только провѣрить, насколько учащіеся усвоили урокъ-лекцію или соотвѣтствующее мѣсто въ учебникѣ, самое же усвоеніе учебнаго матеріала предоставляется самимъ учащимся. Ученики цѣнятъ такихъ учителей и прилагають много старанія къ усвоенію ихъ уроковъ. Но есть и другой типъ учителей: давая урокъ, учитель ни на минуту не сводитъ своихъ глазъ съ учащихся,—онъ слѣдитъ за работою ихъ мысли, и если замѣчаетъ, что его мысль не встрѣчаетъ полнаго пониманія, передаетъ ее другими словами, иллюстрируетъ примѣрами или сравненіями, успокаиваясь только тогда, когда мысль будетъ понята учащимися. Такой учитель не похожъ на публичнаго оратора,—скорѣе онъ напоминаетъ внимательнаго и терпѣливаго капельмейстера, который добивается усвоенія каждымъ музыкантомъ выпавшей на его долю партіи. Конечно, въ преподаваніи втораго учителя меньше внѣшней стройности и блеска, нежели въ урокъ-лекціи перваго, но, кажется, онъ вѣрнѣе идетъ къ цѣли преподаванія. На нашъ взглядъ пастыръ-проповѣдникъ долженъ приближаться по характеру своей проповѣднической дѣятельности къ учителю втораго типа: не

къ тому, чтобы украсить богослуженіе своею проповѣдью, надо ему стремиться, а къ тому, чтобы пасомыхъ на самомъ дѣлѣ чему-нибудь научить, что-нибудь имъ разъяснить, пробудить въ нихъ доброе чувство, обыкновенно связанное съ добрымъ порывомъ, поддержать и укрѣпить уже возникшій порывъ и т. п.; но *такая* проповѣдь не можетъ ограничиваться стѣнами храма и временемъ богослуженія: она будетъ сопровождать добраго пастыря во всѣхъ его сношеніяхъ съ прихожанами. Поэтому и рѣчь о ней должна быть въ трактатѣ о воспитательной дѣятельности пастыря; въ настоящемъ же очеркѣ позволимъ себѣ сдѣлать два-три замѣчанія собственно о церковной (храмовой) проповѣди. Первое замѣчаніе— о времени произнесенія проповѣди. Нѣтъ основаній ограничивать это время лишь однимъ моментомъ на литургіи (послѣ двукратнаго пѣнія „Буди имя Господне“): если проповѣдь имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе апостола или евангелія, то не было бы не благовременнымъ предложить такое объясненіе, по примѣру древне-христіанскихъ проповѣдниковъ, непосредственно послѣ апостольскаго или евангельскаго чтенія, если только проповѣдь—не длинна (на нашъ взглядъ литургійная проповѣдь никогда не должна быть длиною). Равнымъ образомъ, при совершеніи всенощнаго бдѣнія бываютъ такіе моменты, которые вызываютъ пастыря на проповѣдь. Канунъ (или—въ селѣ—утро) вербнаго воскресенія; идетъ всенощная; прочитано евангеліе о торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ; вербы готовы для освященія; скоро запоютъ одно изъ самыхъ торжественно-вдохновенныхъ созданій св. Космы Маюмскаго—праздничный канонъ съ дивною заключительною пѣснью: „Богъ Господь, и явился намъ,—составите праздникъ и, веселящися, приндите—возвеличимъ Христа, съ ваіями и вѣтвymi, пѣсни зовуще: осанна! благословенъ грядый“!.. Какъ было бы хорошо, если бы священникъ, воспользовавшись этимъ моментомъ, въ простыхъ, но одушевленныхъ словахъ перенесъ вниманіе молящихся о времени земной жизни Христа Спасителя,—напомнилъ бы имъ, что Онъ и теперь присутствуетъ

среди молящихся, и ждеть, чтобы они въ Его лицѣ прославили своего Господа и Учителя, „есть бо“,—сказаль бы, что не всѣ современники Христа привѣтствовали Его по глубокой вѣрѣ въ Него: не даромъ Христось плакаль, вѣзжая въ Іерусалимъ,—предостерегъ бы предстоящихъ отъ такого поверхностнаго прославленія Христа, и т. д. Думается, такая проповѣдь была бы какъ нельзя болѣе кстати: тогда бы съ ббльшимъ смысломъ и чувствомъ моляціеся держали въ рукахъ свои вербы, повторяя вслѣдъ за церковію слова торжественнаго привѣта: „осанна! благословенъ Грядый во имя Господне!“ тогда, можетъ быть, не было бы довольно обычныхъ беспорядковъ при полученіи вербы, такъ нарушающихъ благолѣпіе святости, приличествующей дому Божию... Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обычай произносить поученія на вечернемъ богослуженіи не чуждъ практикѣ православно-русскаго пастырства; такъ, принято говорить поученія на вечернѣ въ великій пятокъ и въ первый день Пасхи, хотя эти проповѣди и не всегда соотвѣтствуютъ характеру избраннаго момента: ожидается краткая, но прочувствованная проповѣдь, а предлагается сухой да къ тому же еще обширный трактатъ изъ догматическаго или нравственнаго богословія.

Чтобы проповѣдь не нарушала благолѣпія православнаго богослуженія, слѣдуетъ обращать самое строгое вниманіе на ея *содержаніе*: она должна быть проведеніемъ въ сознаніе и жизнь вѣрующихъ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется царство Божіе,—по слову Спасителя: „Ищите прежде царствія Божія и правды его“ (Мѡ. 6, 33). Раскрывая въ своихъ проповѣдяхъ жизненное значеніе этихъ вѣковѣчныхъ началъ, православный пастырь долженъ—по мѣрѣ возможности—стоять выше тѣхъ земныхъ подраздѣленій, которыя замѣчаются въ его прихожанахъ въ зависимости отъ ихъ принадлежности къ тому или другому общественному сословію, классу, политической партіи или философскому направленію, лишь бы они исповѣдывали въ мысли и жизни православную вѣру. Еще дальше долженъ стоять православный пастырь отъ компро-

миссовъ между правдой Божіей и правдой человѣческой. Въ нашей личной и общественной жизни столько лжи и компромиссовъ, что каждый жаждетъ услышать въ церкви проповѣдь неподдѣльной и неподкупной *правды*, принесенной на землю Христомъ. Эта жажда такъ сильно сказывается въ „Рождественской сказкѣ“ Щедрина, выдержка изъ которой приведена въ предыдущемъ очеркѣ. Это—вполнѣ понятная и законная жажда. О, если бы она находила себѣ удовлетвореніе въ проповѣди православно-русскаго пастыря! Пусть онъ чутко прислушивается къ духу времени, чтобы оцѣнить его съ точки зрѣнія вѣковѣчной Христовой истины, но пусть не сообразуется съ этимъ духомъ: Христосъ—вотъ тотъ образъ, который долженъ руководить совѣстью и мыслию пастыря. Особенно это нужно помнить въ наше время, когда нерѣдко самую православную вѣру оцѣниваютъ не со стороны ея *абсолютной* истинности, а со стороны государственнаго или историческаго ея значенія для русскаго народа. По авторитетному слову одного изъ православно-русскихъ архипастырей, „незамѣтно для себя мы и вѣрой нашей стали дорожить лишь потому, что на ней покоится наша государственная мощь, благоустройство нашей общественной жизни, наше существованіе, какъ самостоятельнаго народа“; „разумѣвъ истинную вѣру, мы не оцѣнили ее, какъ должно, но, осуетившись, вздумали воспользоваться ею для своихъ земныхъ надобностей. Потому и оскудѣли нравственно“¹⁾. Къ сожалѣнію, такая *условная* оцѣнка православной вѣры проникаетъ и на церковный амвонъ: читая иную проповѣдь, произнесенную съ церковнаго амвона, порою недоумѣваешь, что это такое—церковное поученіе или публицистическая статья. Не такъ смотрѣли на дѣло наши благочестивые предки. „Вѣра Христова была для нихъ тѣмъ „добрымъ бисеромъ“, на который они готовы были промѣнять всю свою земную славу и благополучіе, самое свое

¹⁾ Изъ рѣчи преосв. Сергія, епископа Либургскаго: „Зачѣмъ св. Руси дана вѣра православная?“ („Церк. Вѣстникъ“ за 1901 г., № 44).

государственное существованіе. Если нѣтъ вѣры православной, или если грозитъ опасность ея чистотѣ, тогда не нужно и земныхъ благъ, тогда пусть и сама Русь погибнетъ, лишь бы не перестала она быть православной, лишь бы не потускнѣла и не погасъ въ ней свѣтъ истины, которымъ дано ей свѣтить“. Такъ и должно быть по смыслу Христовой притчи о сокровищѣ, скрытомъ въ полѣ. Когда человѣкъ узнаетъ объ этомъ сокровищѣ, онъ идетъ и все, что имѣетъ, продаетъ, чтобы купить то поле и приобрести сокровище. Царствіе Божіе и вѣчное спасеніе души дороже всего для человѣка, ради него онъ готовъ пожертвовать имѣніемъ своимъ, родной семьей и отечествомъ. Все это онъ отдаетъ, чтобы приобрести первое. Поэтому, если мы знаемъ, что Христово ученіе въ его неподдѣльной чистотѣ хранится въ Церкви православной, если—слѣдовательно—въ ней источникъ истинной жизни и вѣчнаго спасенія, то мы должны съ своей стороны сдѣлать все, чтобы только къ этой Церкви принадлежать, и—въ случаѣ надобности—должны всѣмъ своимъ пожертвовать, чтобы только этой принадлежности какъ-нибудь не потерять. Наше личное земное счастье, забота о родныхъ, польза общественная или государственная,—все это занимаетъ мѣсто послѣ вѣры и не оправдываетъ небреженія ею. Все это мы должны продать, чтобы купить поле съ сокрытымъ въ немъ сокровищемъ¹⁾. Если эти возвышенныя мысли будутъ руководящимъ началомъ въ проповѣднической дѣятельности православно русскаго пастыря, пусть его проповѣдь раздается въ стѣнахъ православнаго храма, гдѣ хранится и возвѣщается правда Божія,—такая проповѣдь не внесетъ диссонанса и въ православное богослуженіе, вводящее вѣрующихъ въ предѣлы царства Божія. Къ такой проповѣди съ одинаковымъ вниманіемъ будутъ прислушиваться люди самыхъ разнообразныхъ направленій и состояній, дорожащіе православною вѣрой, какъ „добрымъ бисе-

¹⁾ Оттуда же. Ср. съ этимъ мысли С. В. Кохомскаго, высказанныя въ статьѣ „Отношеніе проповѣди къ богослуженію“. („Рук. для сельск. наст.“, 1898 г., № 18).

ромъ". Не то это значить, чтобы пастырь въ своей проповѣди не касался явленій современной жизни,—не будь этого, его проповѣдь много бы потеряла въ своемъ жизненномъ значеніи,—а то, чтобы онъ оцѣнивалъ эти явленія съ христіанской точки зрѣнія, всегда себѣ равной, потому что Христось—вчера, и сегодня и во-вѣки тотъ же (Евр. 13, 8).

На этомъ мы и закончимъ свои бѣглыя замѣтки о благолѣпії дома Божія и совершающагося въ немъ богослуженія. Боимся, какъ бы мы не встрѣтили со стороны пастырей упрека въ томъ, что мы, міряне, возлагаемъ на ихъ плечи „бремена тяжкія и неудобноносимыя“, а сами мало помогаемъ своимъ пастырямъ въ ихъ заботахъ о благолѣпії храма. Принимая до нѣкоторой степени на себя тяжесть этого упрека, собственно во второй его половинѣ, скажемъ, однако, что мы далеки отъ мысли возлагать всю отвѣтственность за благолѣпіе храмовъ Божіихъ на однихъ священниковъ: это—наше общее дѣло, и пастырь въ своихъ заботахъ о немъ долженъ встрѣчать содѣйствіе и въ центрѣ—со стороны церковнаго (а отчасти и гражданскаго) правительства, и на периферіи—со стороны членовъ приходской общины, группирующихся около храма,—только тогда будутъ ему по силамъ заботы о благолѣпії дома Божія. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы и поговоримъ о храмѣ, какъ средоточіи церковно-приходской жизни въ ея различныхъ обнаруженіяхъ, а пока сдѣлаемъ два частныхъ замѣчанія по предмету настоящаго очерка, не уложившіяся въ предыдущія страницы.

Недавно въ одномъ частномъ собраніи, гдѣ присутствовали и священники, зашла рѣчь о томъ, какіе иконостасы слѣдуетъ устраивать въ церквахъ—высокіе или низкіе. Какъ было указано однимъ изъ собесѣдниковъ, археологическая наука пришла къ тому выводу, что въ древности вмѣсто высокаго иконостаса существовала низкая алтарная преграда, отдѣлявшая алтарь отъ средней части храма. Тогда центромъ вниманія для молящихся былъ престоль съ хранящимися на немъ Св. Дарами, видный для всѣхъ присутствовавшихъ въ

храмъ изъ-за низкой преграды. Подъ вліяніемъ археологическихъ разысканій въ новыхъ храмахъ стали устроить низкіе (одноярусные) иконостасы, а съ высокихъ иконостасовъ въ древнихъ храмахъ приняты позднѣйшія настройки, такъ что въ результатъ получились низкіе иконостасы. Въ концѣ концовъ собесѣдники пришли къ тому выводу, что идея престола, сосредоточивающаго на себѣ взоры молящихся, не выдерживается и при одноярусномъ иконостасѣ, потому что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, престоль созерцается только черезъ царскія врата. А если такъ, то при выборѣ между высокимъ и низкимъ иконостасомъ слѣдуетъ руководиться архитектурой храма и его внутреннимъ убранствомъ: если устройствомъ высокаго иконостаса будетъ нарушена цѣльность художественнаго впечатлѣнія, производимаго архитектурой храма (напр., соотвѣтствіе между арками восточной и западной), тогда не слѣдуетъ устроить высокаго иконостаса,—особенно, если изъ-за низкаго (однояруснаго) иконостаса будетъ видно алтарное изображеніе (Спасителя, Богоматери...), которое бы при указанныхъ условіяхъ и могло служить для молящихся центромъ ихъ зрительнаго вниманія. При другихъ условіяхъ устройство высокаго иконостаса не встрѣчаетъ препятствій ни съ идейной, ни съ художественной точки зрѣнія. Не знаю, встрѣтитъ ли это заключеніе санкцію со стороны археологовъ: къ сожалѣнію, ихъ не случилось въ собраніи.

Тогда же одинъ изъ присутствовавшихъ ревнителей церковнаго благолѣнія высказалъ свое сожалѣніе по поводу почти повсемѣстной замѣны въ церквахъ традиціонныхъ кошелекочъ и кружекъ (для сбора добротныхъ даяній) новомодными открытыми тарелками. Конечно, въ основѣ такой замѣны лежитъ тонкій психологическій расчетъ: въ кружку можно опустить какую-угодно монету,—никто не увидитъ, а на тарелку нѣтъ-нѣтъ да и положить кто-нибудь вмѣсто мѣдной копѣйки серебряную монету: сильно людское тщеславіе!.. А все-таки скромный кошелекъ больше соотвѣтствуетъ духу христіанской благотворительности, которая по своей идеѣ должна быть

чужда показного характера: „когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая, чтобы милостыня твоя была *въ тайнѣ*“ (Мѡ. 6, 3—4). Не легко намъ, по человѣческой слабости, выполнять эту заповѣдь. Кошельки, бывало, помогали намъ въ этомъ дѣлѣ, а тарелки шевелятъ чувство тщеславія. Что дѣлать?! въ старину все дѣлалось какъ-то тише, скромнѣе. Теперь—не то.. За то какъ отрадно и въ наши дни видѣть въ иныхъ монастырскихъ храмахъ скромнаго монаха, собирающаго въ традиціонный закрытый кошелекъ тайную милостыню!

И. Кудрявецъ.

ЗАКОНЪ БОЖІЙ ВЪ ШКОЛѢ.

Въ помѣщенной недавно на страницахъ сего журнала статьѣ „Законъ Божій въ школѣ“, въ предварительныхъ замѣчаніяхъ общаго характера я высказалъ мысль, правильную, по моему мнѣнію, по существу, по оказавшуюся односторонней благодаря слишкомъ категоричной формѣ ея выраженія. Я писалъ тамъ: если выходцы школы являются въ жизни позоромъ ея, то ненормальная постановка учебно-воспитательнаго дѣла виною тому. Съ этими словами я соединялъ мысль, признаюсь, недостаточно полно и ясно выраженную мною, — я разумѣлъ: *если при всѣхъ другихъ благоприятныхъ условіяхъ развитія* ученика, школа даётъ ему хорошее воспитаніе, — изъ него выйдетъ добрый христіанинъ, полезный слуга общества...

Какъ я и предчувствовалъ, неправильно выраженная мысль смутила нѣкоторыхъ читателей моей статьи. Одинъ изъ нихъ подѣлился со мною своими недоумѣніями. Письмо его, приводимое мною ниже въ выдержкахъ, служитъ прекраснымъ коррективомъ высказанныхъ въ моей статьѣ положеній. „Я далекъ отъ того взгляда, пишетъ мнѣ уважаемый отецъ Николай, который высказалъ о. Л. П., чтобы преподаваніе За-

кона Божія свести къ систематическому изложенію сухихъ формулъ христіанскаго вѣроученія, мертвыхъ разсказовъ священныхъ исторій и исторіи христіанской Церкви... Живою разсказъ, уясненіе внутренняго смысла, объединяющаго отдѣльные факты историческихъ событій, попутное формулированіе христіанскаго вѣроученія, вытекающаго изъ разсматриваемаго событія и иллюстрація фактовъ современной жизни— вотъ нашъ методъ преподаванія Закона Божія. Мы пользуемся всѣмъ, чѣмъ можно затронуть душу ребенка, чтобы сѣмя Слова Божія, брошенное въ душу его, не заглохло, а принесло плодъ. Въ результатѣ видимъ толковые отвѣты питомцевъ—и только: не рѣшаюсь утверждать, чтобы выходцы школы и въ дальнѣйшей своей жизни сообразовались съ усвоенными ими правилами христіанской жизни,—по крайней мѣрѣ, далеко не о всѣхъ ихъ могу сказать это. Замѣчаю въ большинствѣ случаевъ такое явленіе: въ школѣ „по-Божьему“, а дома „по-своему“. Гдѣ причина тому?—Вашъ отвѣтъ: ненормальная постановка дѣла въ школѣ. Можетъ быть, вы и правы. Но мнѣ въ то-же время кажется правильнымъ и справедливымъ другое. Несогласный съ методомъ преподаванія З. Б. о. Л. П., я соглашаюсь съ его словами: „учить Закону Божию можно, но учить благочестію нельзя“. „Если въ душѣ человѣка нѣтъ искры благочестія,—никакія рѣчи не создадутъ послѣдняго“. Приводимые о. Л. П. примѣры неувѣровавшихъ книжниковъ и фарисеевъ и Иуды Искариотскаго невольно приводятъ мнѣ на память слова св. Апостола Павла, нѣкогда сказанныя имъ христіанамъ, которыхъ онъ воспитывалъ: „боюсь за васъ, что если напрасно трудился среди васъ“. Значить, и великій учитель языковъ, рѣчи котораго безъ сомнѣнія, были согрѣты огнемъ божественной любви, жизнь котораго была высочайшимъ образцомъ христіанина—имѣлъ опасеніе за неуспѣхъ своего дѣла. Почему-же? Вотъ мнѣ и кажется, что каждый изъ васъ, давая сильное разрѣшеніе вопроса, чего-то не договариваетъ. Дѣйствительно, Законъ Божій не есть ариметика или географія—здѣсь по-

мимо плодотворнаго умѣнья преподавать нужно еще считаться съ условіями, благоприятствующими или тормозящими развитіе благочестія въ учащемся. Развѣ помимо законоучителя на учащагося не имѣютъ вліянія семья и окружающая среда? По моему мнѣнію, вліяніе семьи имѣетъ даже больше значенія на развитіе благочестія въ учащемся, чѣмъ самый опытный законоучитель. Каковъ строй семейной жизни, таково настроеніе членовъ ея. Кто-бы ни былъ законоучитель, каковою бы способъ онъ ни примѣнялъ, все же онъ есть лицо, поставленное въ начальственное отношеніе къ ребенку, и на него въ силу необходимости учащійся смотритъ, какъ на лицо, которому онъ обязанъ сдѣлать то-то и то-то... Вотъ и происходитъ, что иногда „молитвы учатъ только для батюшки“... По-часту въ родныхъ семьяхъ учащіеся видятъ и слышатъ совершенно обратное, чѣмъ толкуетъ имъ батюшка на урокахъ. Невольно получается раздѣленіе: въ школѣ учатъ такъ, дома дѣлается обратное, и за это не получается даже замѣчанія, а иногда наоборотъ—слышится одобреніе. Возьмите семью почти каждаго интеллигента. Каковы тамъ порядки въ отношеніи христіанскаго благоповеденія“?!...

Считаю нужнымъ особенно увѣрить уважаемаго корреспондента отца Николая, что я придаю весьма большое значеніе стороннимъ по отношенію къ дѣятельности священника—законоучителя школы вліяніямъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. И повторяю: если я категорически выразился о рѣшающемъ судьбу питомца вліяніи школы, то разумѣлъ въ окружающихъ условіяхъ жизни не тормазъ, а подспорье послѣдней. Два года тому назадъ я счелъ нужнымъ печатно присоединить свой голосъ къ тѣмъ педагогамъ, которые обращали вниманіе на привходящіе со стороны въ школу деморализующіе дѣтей взгляды и настроенія¹⁾... Теперь я имѣю еще болѣе фактическихъ основаній признавать ихъ и считать, къ сожалѣнію, вліятельнымъ тормазомъ религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества. Какъ не

¹⁾ „Вѣра и Церковь“ 1900, V.

обращать вниманія на вліяніе семьи и среды, когда имѣют частые случаи выслушивать отъ своихъ учениковъ взгляды и возраженія, явно навѣянные имъ отъинудѣ?! Какъ не обращать вниманія на вліяніе семьи и среды, когда знаешь, что твой ученикъ послѣ уроковъ Закона Божія отпрапляется въ такія условія жизни, въ которыхъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ чуть не поруганіе преподаваемыхъ ему на школьной скамьѣ правилъ—и поруганіе въ такой формѣ, которая должна особенно рѣзко поражать впечатлительную душу дитяти?! А вотъ лично намъ извѣстный фактъ. Батюшка окончилъ урокъ Закона Божія, на которомъ онъ рассказывалъ исторію сотворенія міра. Послѣ него приходитъ въ классъ учительница изъ „передовыхъ“.—Вамъ батюшка говорилъ о сотвореніи міра“?—спрашиваетъ у дѣтей. Да—отвѣчаютъ они.— Не вѣрьте этимъ устарѣлымъ розказнямъ—увѣщеваетъ ученая учительница. И преподается затѣмъ своя космогонія, основанная—де на послѣднихъ выводахъ естественной науки... Не достало бы мнѣ времени говорить объ извѣстныхъ мнѣ фактахъ внѣ-школьнаго развращающаго вліянія нашихъ дѣтей, которое поставляетъ столь высокую препону благотворному вліянію педагоговъ...

Но имѣя въ виду вышензложенное, не забываю и другой стороны дѣла.

Нельзя отрицать вліянія—допустимъ хотя временнаго—на дитя и благопріятныхъ условій его развитія, всего того, что „затрогиваетъ его душу, чтобы сѣмя Слова Божія, брошенное въ его душу, не заглохло, а принесло плодъ“—выражусь словами цитированнаго выше письма. Хорошій ученикъ школы, пишетъ о. Николай, зачастую порываетъ по выходѣ изъ нея связь со всѣмъ, усвоеннымъ имъ. Ну, а что было-бы изъ этого питомца, если бы онъ въ своемъ ростѣ былъ предоставленъ вліянію *исключительно* отрицательныхъ факторовъ жизни?!... Изолировать результаты перекрестныхъ вліяній невозможно. Невозможно, поэтому, утверждать, что въ томъ или

другомъ случаѣ работа школы по своимъ результатамъ свелась къ нулю.

Вотъ и поправка и нѣкоторое оправданіе высказанной мною мысли.

Со взглядомъ о. Л. П., къ которому присоединяется и о. Николай, относительно своего рода непреоборимости природы человѣка согласиться не могу. „Если въ душѣ человѣка нѣтъ искры благочестія,—никакія рѣчи не создадутъ послѣдней“. Не пустыя другія слова, каковыя и протявоставаю приведеннымъ: „душа человѣка по природѣ христіанка“. Развѣ можетъ быть дитя, въ душѣ котораго „не было-бы искры благочестія“? Прирожденное религіозное чувство, этотъ свѣточъ души, можетъ потускнѣть отъ лежащаго на немъ пепла., но тогда-то и потребна забота о сохраненіи и освѣженіи его. Я убѣжденъ, что священнику-законоучителю приходится не создавать въ ребенкѣ вѣру въ Бога, а, выражаясь принятымъ языкомъ, культивировать ее ¹⁾.

Закончу свою замѣтку словами, не вызываемыми *непосредственно* письмомъ отца Николая.

Доустимъ, что современная намъ жизнь стираетъ всѣ слѣды школьнаго вліянія въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Что-же? Опустимъ ли мы руки предъ такимъ обстоятельствомъ, уничтожающимъ, повидимому, наши труды? Нѣтъ. Если бы даже мы убѣдились въ регрессъ человѣчества въ отношеніи вѣры и нравственности, съ насъ не слагается святая обязанность „воспитывать, по выраженію о. Николая, рожденныхъ нами въ купели чадъ Православной Церкви“. Трудное это дѣло. Но вѣра въ силу и обязательность добра независимо отъ фактической его власти надъ жизнью человѣчества—и только она одна—вдохновитъ насъ на эту святую работу.

Священникъ *Константинъ Алексѣевъ*.

¹⁾ „Вѣра и Церковь“ 1901, V.

О соблюденіи общепринятыхъ приличій священникомъ.

Въ каждомъ народѣ существуетъ, такъ сказать, особый кодексъ приличій, и соблюденіе этихъ приличій у каждаго народа издавна считалось признакомъ не только вѣжливости, но и большей или меньшей степени высоты нравственнаго состоянія человѣка. На это указываетъ уже свѣд. писаніе Ветх. Завета. Исторія Авраама и другихъ патриарховъ, исторія Давида и Соломона указываютъ намъ на существованіе церемоніаловъ, уже довольно сложныхъ, при обѣдахъ, пріемахъ гостей и т. п. Иисусъ Христосъ укоряетъ Симона фарисея за то, что онъ, позвавъ Его къ себѣ въ домъ, воды не далъ на ноги Его, лобзанія не далъ Ему, масломъ главы Его не помазалъ, т. е. укоряетъ за нарушеніе тѣхъ обычаевъ, кои соблюдались у евреевъ при встрѣчѣ гостей.

Христіанская Церковь освятила новыя, высшія сравнительно съ дохристіанскими, правила приличій, сущность которыхъ состоитъ въ почтительности другъ къ другу, братской благожелательности, короче—въ христіанской любви къ ближнему.

Что значатъ правила приличій необходимо для священника,—неволью сознаетъ каждый священникъ: въ домахъ высшаго круга онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ именно тогда, когда замѣчаетъ, что онъ не знакомъ съ принятыми приличіями. Многіе священники не находятъ для себя пріятности бывать въ домахъ высшаго круга именно только по незнанію того, какъ тамъ вести себя. Но священникъ, обязанный, по заповѣди апостольской, быть *всѣмъ вся*, долженъ быть всегда готовымъ проводить минуты и часы въ семьяхъ не только бѣднаго незнатнаго люда, но и знатныхъ вельможъ. Миссіонеръ, отправляющійся въ совершенно невѣдомую ему страну, тщательно изучаетъ нравы и обычаи этой страны именно для того, чтобы не явиться тамъ человѣкомъ совершенно чуждымъ; подобнымъ образомъ долженъ вести себя и священникъ, поступающій на приходъ: онъ долженъ изучить правила приличій, принятыя въ той средѣ, на которую вліять опредѣлено ему Богомъ.

Но есть священники, которые, наоборотъ, слишкомъ большое значеніе придаютъ манерамъ свѣтскихъ людей и правиламъ ихъ приличій: они рабски слѣдуютъ этимъ примѣрамъ, вслѣдствіе чего унижаютъ священнической савъ болѣе, чѣмъ священники, совершенно уклоняющіеся отъ общепринятыхъ правилъ приличій. Такіе священники забываютъ, что свѣтскій человѣкъ и священникъ—понятія весьма различныя. Грустно-смѣшнымъ отзывается, когда священникъ не желаетъ въ обществѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ проявить присущую ему церковность.

Но какимъ образомъ усвоить себѣ формы приличій, достойныя священническаго сана, достойныя быть выраженіемъ евангельской любви къ ближнему и почтительности къ нему?

Если кто изъ своего родительскаго дома и изъ школы не вынесъ съ собою благовоспитанныхъ приличій, пусть старается проводить время въ благовоспитанныхъ кружкахъ людей, пусть внимательно къ нимъ присматривается, пусть наблюдаетъ, какъ поступають старшіе, но, главное, пусть пребываетъ осмотрительнымъ, скромнымъ, осторожнымъ въ словахъ и готовымъ къ услугамъ безъ униженія священническаго сана.

Само собою разумѣется, что не всѣ обычаи имѣють для священника обязательное значеніе; существуетъ много такихъ обычаевъ, исполненіе которыхъ священникомъ сопровождалось бы униженіемъ его сана и даже насмѣшками. Поэтому священникъ долженъ знать не только правила общественныхъ приличій, но и то, какія изъ этихъ правилъ для него обязательны и какихъ онъ, священникъ, исполнять не долженъ.

Священникъ долженъ въ своей жизни воплощать собою естественныя добродѣтели: доброту, благосклонность, примодушіе, честность, признательность, трудолюбіе—вообще свойственныя каждому человѣку, а не только христіанину. Было бы величайшей ошибкой со стороны священника, если бы онъ, взирая на себя всегда какъ на служителя алтари Господня, въ то же время игнорировалъ при своемъ обращеніи съ людьми тѣ естественныя добродѣтели, которыя должны быть свойственны каждому человѣку. Нѣтъ, въ словѣ Божіемъ есть указаніе, что всѣ естественныя добродѣтели, которыя даже и міръ считаетъ обязательными для себя, должны быть выполняемы священникомъ, и что поэтому священникъ не долженъ удалиться отъ міра и того, что въ немъ есть добраго. Священникъ долженъ быть не только человѣкомъ и священникомъ, но и гражданиномъ. Св. апостоль Павелъ (Дѣян. 16, 38) не считалъ лишнимъ называть себя гражданиномъ, указывая на это свое званіе римскимъ властямъ. Подобно апостолу Павлу, и мы—священники не должны забывать, что и мы имѣемъ права и обязанности гражданъ. Господь далъ намъ болѣе, чѣмъ другимъ лицамъ—власть учить и надѣлалъ насъ, священниковъ, особою благодатію. Состоя гражданами своего отечества, мы не имѣемъ права скрывать дарованный намъ духовный свѣтъ подъ спудомъ, а должны вносить этотъ свѣтъ во всѣ благодѣтельныя для нашего отечества общественныя учрежденія, быть въ весьма близкомъ и дѣятельномъ общеніи съ ними и заботиться объ ихъ процвѣтаніи. Было бы ошибкою думать, что единственная задача священника—имѣть всегда въ виду только міръ горній и въ то же время игнорировать міръ видимый съ его людскими учрежденіями. Съ другой стороны, было бы также ошибкою думать, что наоборотъ, главнал задача священника состоитъ въ томъ, чтобы приспособиться къ порядку существующихъ общественныхъ учрежденій, мало заботясь о мірѣ свышнемъ. Нѣтъ, міръ внѣшній и міръ внутренній составляютъ единство въ Божіемъ домостроительствѣ. Призваніе священника состоитъ въ томъ, чтобы, при посредствѣ міра видимаго, руководить другихъ къ достиженію благъ міра горняго.

Всѣ эти высказанныя сужденія даютъ основаніе утверждать, что законы гражданскаго общежитія требуютъ любви, согласія, долготерпѣ-

нія, кротости, доброты, гуманнаго обращенія и уваженія къ личности. Поэтому-то и способы, или манеры, служащія выраженіемъ этихъ прекрасныхъ человѣческихъ качествъ, никогда не должны быть называемы пустяками; хорошія манеры это плодъ благородной души и честно христіанскаго ума. Надо замѣтить, что правила приличій развились именно у христіанскихъ народовъ. Китайцы съ своими 30,000 церемоній остаются тѣми же варварами, какими они были 2000 лѣтъ тому назадъ, и будутъ такими, пока не примутъ христіанства и пока христіанство не научитъ ихъ священнымъ чувствамъ любви и уваженія къ ближнимъ и манерамъ для выраженія этихъ чувствъ.

Можетъ быть, кто замѣтитъ: „это—не важная матерія; то и другое, вѣдь, мелочь“. Но дѣло въ томъ, что въ нашей священнической жизни и на мелочи надо обращать особое вниманіе. Кто-то и гдѣ-то сказалъ: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“; мы же думаемъ, что отъ мелочи до дѣла важнаго разстояніе и того меньше. Да и существуетъ-ли какое либо разстояніе между ними? Въ жизни христіанъ нѣтъ мелочи, или, правильнѣе, и мелочи имѣютъ важное значеніе.

Можетъ быть, и эти мелочи важны для священника. По крайней мѣрѣ лѣтъ 40—50 тому назадъ свѣтское общество требовало отъ русскаго священника и свѣтскости, и отсутствіе ея у него было одною изъ важныхъ причинъ, что свѣтское общество стояло почти внѣ вліянія русскаго духовенства. Какъ извѣстно, Пушкинъ сожалѣлъ, что русское духовенство не принадлежитъ къ высшему обществу. Извѣстны также случаи, что свѣтское общество охотнѣе слушало религіозныя бредни какого-нибудь заѣзжаго англійскаго лорда, чѣмъ православныхъ священниковъ. Во всякомъ случаѣ священникъ не долженъ пренебрегать общеприцѣтными приличіями, если они не противны его званію.

Священникъ.

(Изъ Под. Епарх. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 декабря 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Карольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.